Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

КНИГА ШЕСТАЯ
НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1924

Редакция
номера закончена
10-го ноября

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

1. А. В. Луначарский. БРЮСОВ И РЕВОЛЮЦИЯ 1
2. В. Фриче. АНАТОЛЬ ФРАНС 14
3. Гр. Баммель. ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНИЗМЕ 26
4. В. Невский. ИЗ ПЕРЕПИСКИ 900-х ГОДОВ 38
5. Н. Пиксанов. ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДОСТОЕВСКОГО 55
6. П. Виноградская. СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ 73
7. П. Эттингер. ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ «РЕВИЗОР» НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ 99

8—13. ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ и ЛИТЕРАТУРЫ.

1-я Всеобщая выставка германского искусства в Москве.

8. Я. Тугендхольд. ВЫСТАВКА ГЕРМАНСКОГО ИСКУССТВА В МОСКВЕ 105
9. Н. Тарабукин. ПО ПОВОДУ ВЫСТАВКИ НЕМЕЦКОГО ИСКУССТВА 111
10. Федоров-Давыдов. О НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРНЫХ ЧЕРТАХ НЕМЕЦКОЙ ВЫСТАВКИ 116

Заметки о журналах.

11. А. Лежнев. НА ПРАВОМ ФЛАНГЕ 123
12. Л. Войтолозский. О ЖУРНАЛЕ «ЗВЕЗДА» 131
13. П. Лепешинский. О ЖУРНАЛЕ «КРАСНАЯ МОЛОДЕЖЬ» . . . 133

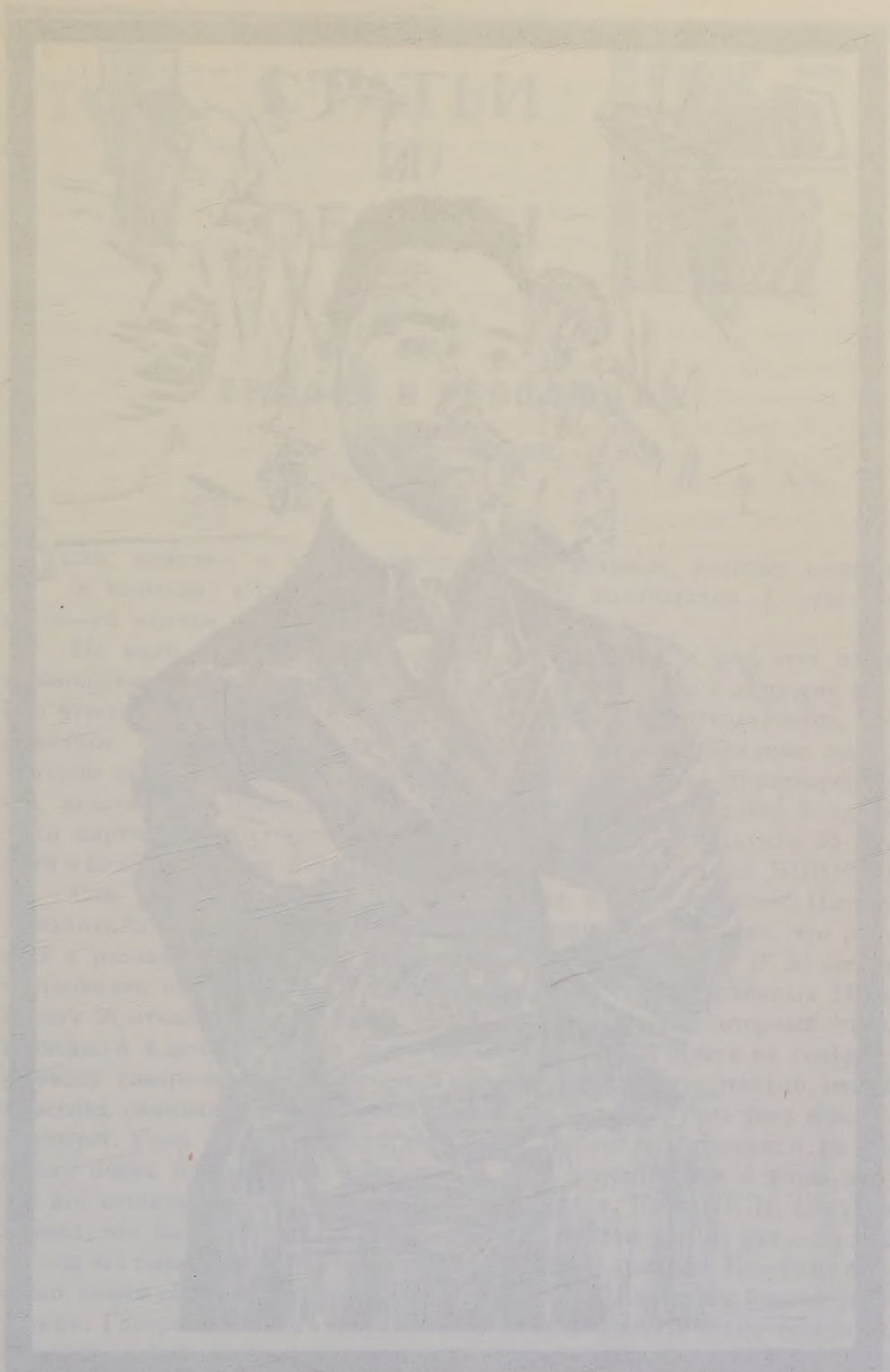
ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

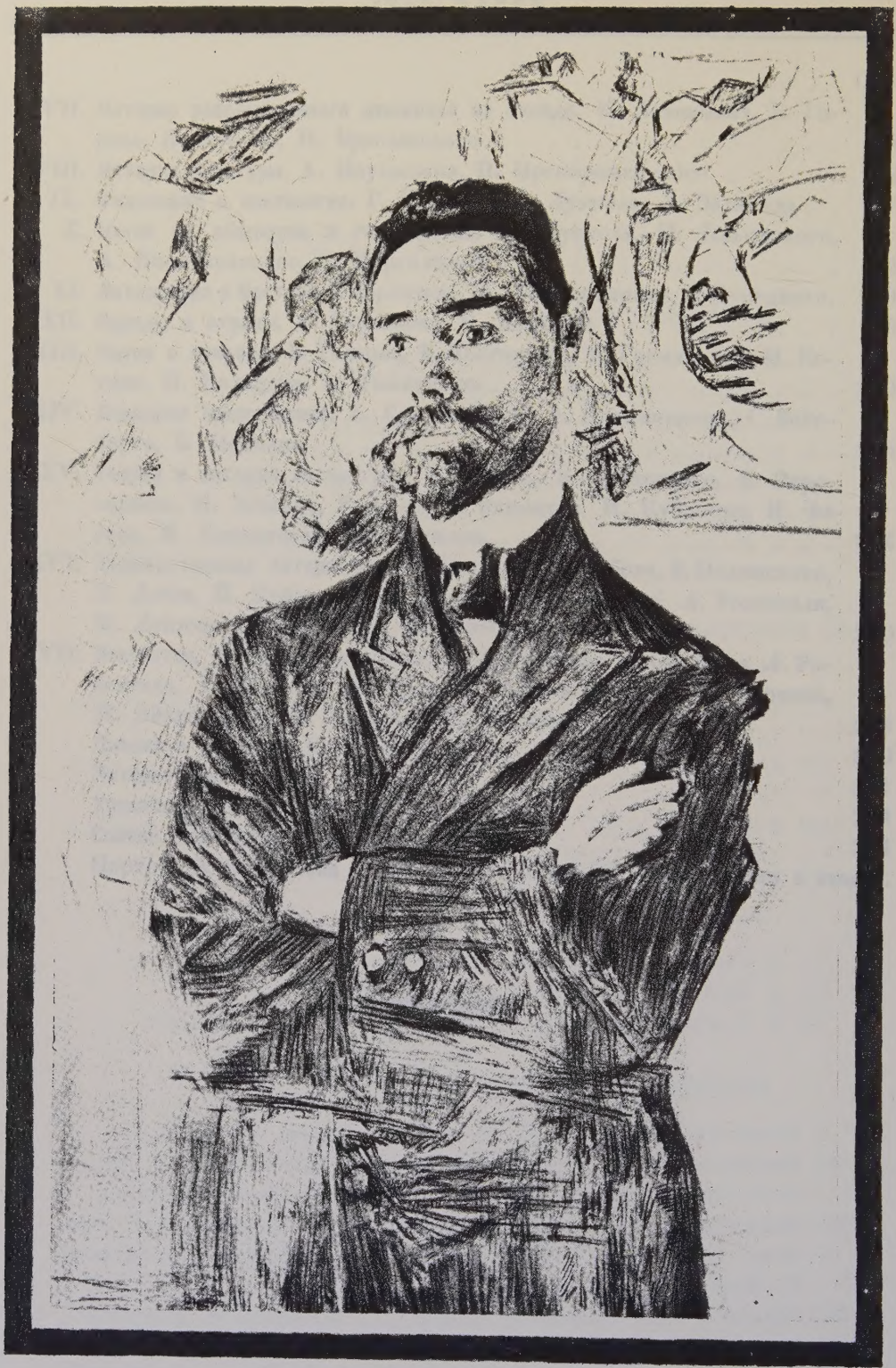
I. Социализм и коммунизм. И. Луппола, Б. Горева, С. Кривцова. . . 136
II. Империализм и международная политика. М. Брагинского, В. Виленского-Сибирякова, В. Кряжина, Ф. Кона, П. Китайгородского. . 141
III. Экономические науки и народное хозяйство. Д. Кашинцева, С. Членова, А. Кона, А. Хавина, Ю. Спасского, Ю. Вильдо, А. Бессера, Н. Мещерякова 146
IV. Рабочее и профессиональное движение. С. Кривцова, В. Яроцкого. . 156
V. Русская история. М. Клевенского, И. Макарова 159
VI. История революционного движения в России. М. Зеликмана, Г. Лелевича, С. Пионтковского, Д. Фурманова 162

Стр.

VII. История революционного движения на Западе. М. Зеликмана, Б. Горева, Н. Лукина, И. Браславского 168
VIII. История культуры. А. Неусыхина, П. Преображенского 172
IX. Философия и психология. Г. Баммеля, И. Луппола, А. Залкинда . . 177
X. Науки об обществе и государстве. И. Луппола, И. Ильинского, А. Пионтковского, С. Марголиной 182
XI. Литература о Востоке. В. Кряжина, М. Константинова, Б. Пурецкого. 189
XII. Народы и страны. А. Стрелкова, Н. Лебедева 196
XIII. Науки о природе. В. Талиева, В. Костицына, М. Гремяцкого, И. Когана, Н. Кольцова, А. Тимирязева 200
XIV. Народное просвещение. А. Селихановича, А. Иоаннисиани, Г. Вейсберга, Б. Неймана 206
XV. Теория и история литературы. В. Фриче, Б. Казанского, В. Переверзева, Н. Кашина, Р. Шор, Г. Винокура, И. Кубикова, Н. Фатова, М. Клевенского, В. Кряжина 214
XVI. Художественная литература. А. Лежнева, Д. Горбова, В. Полянского, К. Локса, И. Кубикова, П. Маркова, И. Гливенко, Л. Розенталя, М. Лейтейзена, Е. Браудо, Л. Войтоловского 230
XVII. Искусства. Федорова-Давыдова, Н. Щербакова, А. Сидорова, Л. Розенталя, Г. Жидкова, Е. Браудо, С. Бугославского, П. Маркова, М. Эйхенгольца, Н. Тихонова, А. Ольгина 246
Письмо в редакцию П. Гурвица 260
Литературная хроника 261
Указатель статей и рецензий за 1924 год 274
Список книг, полученных для отзыва 294

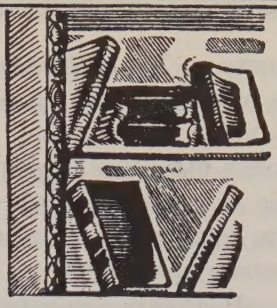
Портрет В. Я. Брюсова на вкладном листе и 24 иллюстрации в тексте.





Неоконченный портрет В. Я. БРЮСОВА худ. М. Врубеля.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



БРЮСОВ И РЕВОЛЮЦИЯ.

А. Луначарский.

I.

Были, конечно, и такие озлобленные и ехидные, которые шипели и шептали: «Что же, Брюсов старается подладиться. С волками жить—по волчьи выть».

Не мало было и таких, которые недоумевали: и как этот эстет и символист Брюсов вдруг замешался в большевики. Не к лицу ему это. Это что-то совсем странное и для нас, выдержанных интеллигентов, непонятное. С другой стороны, и в нашем лагере были неглупые люди, которые вдруг вспоминали, что Брюсов написал какое-то стихотворение: «О, закрой свои бледные ноги». Как же это, такой человек и вдруг член партии, и вдруг чествование Советской властью по случаю 50-летнего юбилея, и вдруг благодарственный адрес, поднесенный ВЦИК'ом!

Сам же Брюсов несколько недоумевал в свою очередь. Почему удивляются? Сам считал совершенно естественным и простым, что пришел к революции, полагая, что иначе и быть не могло. В 50-летнее чествование его, когда на заседании Академии Художественных Наук к нему обратились с рядом речей, он дал на них очень характерный ответ, вышедший в печати только после его смерти. В этом ответе он говорил: «Почему товарищи обо мне говорили сегодня почти исключительно, как об классике символизма. Этот самый символизм благополучно умер и не существует. Умер от естественной дряхлости. Правда, Луначарский, за что я ему очень признателен, упомянул о моей деятельности в наши дни. Но это осталось оторванным от других докладов. Когда П. Н. Сакулин сказал, что Валерий Брюсов сделался затем бардом революции,—на мой взгляд это выходило тоже оторванным от всего его доклада. Как-то не ясно было, каким образом этот классик символизма мог сделаться бардом революции. Говорилось много о туманности символизма. Не знаю, товарищи, конечно, я был среди символистов, был символистом, но никогда ничего туманного в этой символической поэзии не видел, не знал и не хотел знать. Профессор Сакулин сказал, что когда я сделался этим бардом революции, то, может быть, это был логический путь». Эти слова я под-

черкиваю. Далее Брюсов рассказал, что вся его семья были типичнейшие шестидесятники; что первое его впечатление было портреты Чернышевского и Писарева; что первое имя великого человека, которое он выучил, было имя Дарвина; что наибольшее влияние на него из всех поэтов имел в его отрочестве Некрасов. Брюсов подчеркивает, что Сакулин прав, назвав его самым реалистическим из символистов и даже утилитаристом среди них.

«Я помню,—говорит Брюсов,—отлично помню наши бурные споры с Вячеславом Ивановым, который жестоко упрекал меня за этот реализм в символизме, за этот позитивизм в идеализме. «Сквозь символизм я прошел с тем миросозерцанием, которое с детства залегло в глубь моего существа». И далее: «Есть у одного молодого символиста книга «Возвращение в дом отчий». Мне казалось, что теперь, в последний период моей жизни, я вернулся в дом отчий, так мне все это было просто и понятно».

Прибавим к этому несколько биографических фактов, чтобы ярче оттенить эту сторону, внешне биографическую сторону, совершенно оправдывающую путь Брюсова к революции. Дед Брюсова был крепостным крестьянином Костромской губернии и еще его отец родился тоже крепостным. Дед по матери, Багулин, был лебедянский мещанин—немножко поэт. Отец Брюсова в 60-х годах, будучи просто грамотным человеком, превратился в вольнослушателя Петровской Академии, сделался революционером, в 70-х годах подружился с шлиссельбуржцем Морозовым. Таким образом о Брюсове нельзя даже сказать, что он был поздним представителем разночинческой интеллигенции. Этого мало. Среди разночинцев его семья была сравнительно редким исключением. Отец сам был в детстве крепостным. Семья принадлежала таким образом к выходцам из народа, из самых низших его слоев. Мы можем с ясностью представить себе этого родившегося крепостным Якова Брюсова, который жадно глотает естественные науки, прежде и выше всего ставит дарвинизм и через Писарева и Чернышевского приобщается к революционному авангарду народа, участвуя в революционных подпольных кружках. Очевидно, этот самодельный интеллигент сумел пропитать соответственной атмосферой свой дом, и маленький Валерий впитывал в себя эту атмосферу, нисколько против нее не борясь и как нечто родное.

Вот почему Валерий Брюсов вернулся в отчий дом, когда разразилась пролетарская революция. Если бы эта народническая революция логически продолжалась, Брюсов наверное был бы одним из ее деятелей, но революция эта была разбита вдребезги. Наступили сумрачные восьмидесятые годы, и затем интеллигенция вступила на новые пути. Мы все знаем общий характер этих путей, мы знаем, что руководящим отрядом интеллигенции с этих пор становится интеллигенция заграничная, богато оплачиваемая за службу у капитала, отчасти у государства: мы знаем, что интеллигенция эта, в особенности ее художественные выразители, не сделалась после этого пошлым бардом капитала. Нет, она чувствовала себя «свободным певцом красоты» формы, порою выспренных исканий. Она большей частью со страстью и преданностью отно-

силась к своему служению искусству и даже подчас была не прочь поговорить о том, что новое время освободило их, интеллигентов, от «плена» социальным идеям и социальным чувствам.

Вот в это-то течение и попал Валерий Брюсов. оно его понесло, оно и начало пропитывать постепенно его, не будучи, однако, в состоянии уничтожить в нем его крепкое мужицкое ядро и его первоначальный писаревский реализм.

Юношей, он продолжает, как и отец его, интересоваться естественными науками, много занимается астрономией и на всю жизнь сохраняет пристрастие к математике, в университете занимается историей и философией, но совсем не так, как занимались позднее молодые господчики, которые в истории и философии хотели найти достаточно софизмов и тумана, чтобы отмахнуться ими от социальной неправды. По-мужицки трудолюбивый, Брюсов, по энгельсовскому выражению durchacht, как вол, вспахивает эту самую историю философии, получает большую объективную эрудицию, как основу для дальнейших выводов.

Надо отметить, что в 1905 году Брюсов, политически колеблющийся, неопределенный до этого, в силу действующих в нем в противовес друг другу личных и общественных сил, сразу определяется, как очень острый поэт революции. Со спадающей волной он опять уходит в себя, но еще в конце 1917 г. он совершенно просто и естественно предлагает советскому правительству свое сотрудничество. Его исключают за это из членов Литературного Общества и т. д. Но он спокоен, он вступает в работу Наркомпроса, которую несет с величайшей тщательностью; слагает несколько великолепных стихотворений, отражающих собою нашу эпоху; создает Высший Литературно-Художественный Институт, которому старается придать устремленность к сознательному и высокому мастерству, с одной стороны, и к самой передовой коммунистической социальности, с другой. Более энергичный, чем когда-либо, Валерий Яковлевич в свой 50-летний юбилей превозглашает себя частью, гордой частью революции и к нашей всеобщей и глубокой печали умирает среди множества интересных работ в расцвете сил.

Только мелкой хулиганской наглостью можно объяснить то, что кое-кто из левых и молодых, часто, несмотря на свою новизну и молодость, абсолютно импотентных человечков, бормотал что-то такое об устарелости и одряхлении Брюсова. Я надеюсь, что в самом скором времени мы сможем издать то, над чем в самые последние месяцы работал Брюсов, то, что сохранилось ненапечатанным в его портфеле, как плод его творчества за время революции, и тогда все подобные, рано торжествующие, охальники должны будут прикусить свой длинный язык.

II.

Валерий Яковлевич Брюсов —как поэт,—очень интересен для нас с чисто социологической точки зрения, т.-е. с точки зрения социального анализа явлений искусства; дела для нас, марксистов, нового, но захватывающе интересного.

Конечно, я в этой статье не претендую дать не только исчерпывающий анализ поэзии Брюсова, как социального явления, но даже достаточно густо и достаточно правильно поставить для этого вехи. Я только хочу сделать первый подход к этому глубоко интересному явлению. Увы!—не нам, писателям, обязанным нести сложные государственные и партийные обязанности, брать на себя такие большие задачи,—это выполнят более молодые и более свободные. Но некоторые абрисы социального анализа поэзии Брюсова я все-таки попытаюсь здесь дать.

Я сказал в предыдущей главе, что у Брюсова его «личное» вступало в конфликт с современной ему средой. В такой форме это в сущности не верно. Что такое—то личное у Брюсова, что я имею в данном случае ввиду. Это прежде всего печать не менее социальная, это вот та писаревщина, которой он надышался в рабочей комнате своего отца.

Ведь в 90-е годы вся интеллигенция менялась, неся с собою, однако, славное прошлое, или хоть его отголоски. У одних они были слабее, у других—сильнее. Одни от них отрекались чуть не с проклятием, другие таили их в глубине души, третьи старались защитить свои народнические наклонности и инстинкты. Мне много раз приходилось говорить, что, в сущности говоря, победа пролетариата создала условия во многом все же совершенно иные, чем условия 60-х и 70-х годов, но во многом родственные и, в общем и целом, несравненно более близкие к этой эпохе по характеру задач, которые перед нами стоят, и по аудитории, которую сейчас наша идеология должна и хочет обслуживать, именно этим народническим десятилетием, чем последующим.

Брюсов вошел бы в жизнь, как некрасовец, но жизнь разрубила эти нити, однако, некрасовская закваска продолжала оказывать некоторое, быть может, больше подсознательное, чем сознательное давление.

Здесь «личное Брюсова» является таким образом отзвуком жизни того социального пласта, из которого он вышел.

Но пойдем дальше. Не подлежит никакому сомнению, что Брюсов сильно отличался от всей работавшей рядом с ним интеллигенции. Замкнутое упорство, необычайное уважение к труду, стремление практически и с полной ясностью осознать свое «ремесло» поэта и осветить анализом свои собственные творческие пути,—это очень характерно в Брюсове. Никакое эстетство, никакое шикарничание, в которое Брюсова порой втягивал молодой задор первых символистов, никакая маска загадочности и мистической глубины, которую он натягивал порою на себя, подпадая время-от-времени под воздействие декадентской ветви французского символизма, не могут скрыть от нас этих его черт.

Эти его черты так же присущи ему, как его скуластое лицо, как его упрямый лоб, как его своеобразный голос и как упорная, настойчивая манера чтения своих стихов.

Во всем этом Брюсов—крестьянин. Представьте себе на минуту этого самого Валерия Брюсова таким, каков он есть, таким даже, каким он изображен на портрете Врубеля, и наденьте на него сапоги, кресть-

янский зипун и соответственную шапку. Разве же это не умный мужик? Разве во всей его повадке не было чрезвычайно много простонародного?

Это было и в физике, и в психике Брюсова в одинаковой мере. И вот в этой крестьянской по своим основным абрисам душе совершенно иначе преломлялись все впечатления быта, чем в изнеженных душах барских дитяток или доподлинной российской столичной богемы.

Огромное значение для определения поэта и его деятельности имеет степень силы в нем типичных психологических черт мастера, как такового, т.-е. рабочего, труженика слова.

Есть поэты непосредственного вдохновения, которым все легко и даже легкомысленно дается, Моцарты, как толковал Моцарта Пушкин, который, кстати сказать, совсем не был таким «Моцартом»; есть поэты вообще небрежные к форме, которым попросту скучна ремесленная сторона их работы, которые бросают порой целые фонтаны искр и этим ограничиваются. Есть поэты, которые не любят ясности, чеканности, шлифованности, которым нравится известная неясность контуров, которые воспринимают в мире и поэтому отдают миру в большей степени краски, чем рисунки. Самое мастерство их принимает характер какого-то приблизительного искания «des nuances, toujours des nuances», как пел Верлен.

Я склонен думать, что каждая поэтическая индивидуальность биологически имеет в этом отношении тот или другой уклон. Ведь не можем же мы отрицать что музыкальные способности или способности к изобразительному искусству в сыром виде даются от природы. Но далее человек вступает в социальную среду, и вот эта социальная среда может ломать и коверкать его задатки, или, наоборот, может быть благоприятной для их развития. Поэт вдохновения, нутра, в эпоху, богатую новыми идеями и чувствами, может воспарить очень высоко, даже при слабом мастерстве. Я не думаю, например, что лучшие перлы библейских пророчеств были плодом искусства утонченного и сознательного, а если бы даже кто-нибудь доказал, что это так, то под ними-то уже несомненно лежит другой пласт,—пласт народнического проповедничества от имени божьего гласа, который повелевающе владеет поэтом и за который пророки принимали не что иное, как свое вдохновение, т.-е. внезапный прорыв в область своего сознания социального содержания через подсознательное.

Но на известной стадии развития такой голос перестает быть ценным. Родник новых сил, так сказать, запас вещей, еще не названных, иссякает. Данный класс и его культура начинают остывать. Дело сводится теперь к тому, чтобы дать возможно более законченные художественные формы уже приобретенному содержанию. В такую эпоху поэт непосредственного вдохновения, не обладающий сознательным мастерством, естественно, не может найти себе большого места. Он в большинстве случаев не называется поэтом. Но за это дело берутся люди, быть может, несомненно меньшего вдохновения, т.-е. значительно менее богатые подсознательным творчеством, зато мастера внешней формы.

Я не хочу, конечно, сказать, что такие эпохи всюду и постоянно существуют, как раздельные. Я их разделяю ради ясности анализа.

С другой стороны, в эпоху второго вышеуказанного типа, когда приходится формулировать первые накопленные пришедшим к цивилизации обществом, или пробившимся до нее классом, социально-психологические богатства, когда приходят зрелые мастера для того, чтобы дать этому опыту максимально выразительную форму, наиболее покровительствуемым средою типом художника является такой, который чуток к этому ценнейшему общественному содержанию, который продолжает разработку его по существу и, в то же время, владеет и возможностью и охотой искать и находить для его содержания подходящую форму. Тут невольно вспоминается тоска Пушкина по русской прозе и его замечательные заветы: «Проза это прежде всего мысли и мысли, самое простое и точное их выражение». В сущности же говоря, и поэзия, в которой Пушкин чувствовал еще и другую, почти не могущую быть учтенной сознанием силу,—силу музыки, в такую эпоху отнюдь не чуждается ни мысли, ни ясности, ни точности. В такое время поэт неясной мечты, расплывчатых контуров, поэт нюансов, также неподходящ, как холодный ювелир, интересующийся лишь формой и совершенно равнодушный к содержанию.

Для таких поэтов приходит подходящая эпоха вместе с усталостью данного общественного уклада, данного класса, с потерею им творчества в смысле выработки нового содержания. Тут, опять-таки, в зависимости от некоторых уклонов социальной психики, на сцену являются либо туманные символисты, либо пустые парнасцы (опять-таки оговорюсь—Леконт де-Лиль отнюдь не был пустым парнасцем).

Так вот Валерий Брюсов был в высокой мере мастером, т.-е. человеком, до крайности интересующимся самым процессом своего труда и совершенством, ладностью, складностью, адэкватностью плану продуктов этого труда.

Символизм был во многом формалистичным. Символизм прекрасно сознавал, что то содержание, которое он вливает в свои символы, в сущности говоря, мало ценно. Ведь этот символизм в Европе и в России был либо микроскопичен и черпал свое содержание из шорохов души, из мелочей внесознательного, либо до крайности телескопичен, направлен к отдаленнейшим звездным туманностям, т.-е. расплывался в догадках и проповедях мистического характера. При условии такой бессодержательности и такой неопределенности своего объекта, символизм не мог не стараться выиграть на музыкальной оригинальности своего стиха. Конечно, и Брюсов отдал дань всему этому, и он впадал иногда в психосимволическое гробокопание и в символико-философские полеты в пустое пространство, и он поэтому имел лишний стимул искать какого-нибудь своеобразного великолепного звучания или небывалого образа сочетания в своих стихотворениях.

И, однако же, между формализмом Брюсова и формализмом оригинальничающих формалистов была пропасть, та самая пропасть, которая отделяет, например, формализм Танеева от формализма школы Дебюсси. Если, скажем, дебюссисты оглядываются на формы классические,

то для того, чтобы сделать не так, они хотят прежде всего в своих формальных исканиях дать меру своей абсолютной необычайности. Поэтому время всякого рода декаданса является временем оригинальничания. Гете же, который осудил такое оригинальничание, или Танеев, о котором я только что упомянул, тоже «формалисты». Они необыкновенно тщательны, как настоящие преданные мастера, работающие с благородным пòтом на челе, отдаются исканиям формального совершенства, но им всегда кажется, что эти совершенные формы близки к классическому стержню всечеловеческого искусства. Они невольно по самой своей честности, как мастера, приходят к тому выводу, что, так сказать, перекликаются с другими, столь же объективными и высокими мастерами через народы и века. Разве может не пожать плечами объективный мастер Гете на упрек в том, что он подражает грекам? Разве может не ответить тем же жестом наш великий Танеев на упрек в том, что он ученик нидерландцев или Баха? Вот так же точно и Брюсов. Для него искания формы были, так сказать, объективными исканиями, имеющими почти силу кристаллизации, стремлением данного содержания вылиться в кристалл наиболее соответственной формы. В сущности говоря, это искание не сложности, а простоты, но не простоты элементарного куба, а особой, каждой раз совсем иной простоты, экономно и вместе с тем полнее всего выражающей данное содержание. Брюсов учился у греков и римлян, учился чрезвычайно многому у Пушкина, испытывал на себе и другие влияния, например, очень большее влияние Верхарна, что я еще отмечу, и все это не потому, чтобы сам был слаб, как мастер, а потому именно, что был силен. Если хотите, в стихотворениях Брюсова больше оригинальности, чем в поэзии Бальмонта, но она гораздо классичнее, даже академичнее. В нем нет пустого щегольства своей личностью; в нем есть что-то от каменщика, который строит здание человеческой цивилизации, а не от фокусника, который на площади хочет поразить зевак, в нем есть что-то от рабочего, который дело делает, а не от нервической личности, которая почти кричит, а не поет для того, во-первых, чтобы выпеть свои внутренние боли, а, во-вторых, еще и пококетничать с соседями.

Насколько же время способствовало во всяком случае этим тенденциям Брюсова?

Если бы время сложилось для Брюсова совершенно благоприятно, то он был бы некрасовцем, но, конечно, не в том смысле, чтобы он старался овладеть тем самым содержанием, которым был богат Некрасов. Нет, это благоприятно сложившееся для Брюсова время могло бы быть только временем дальнейшей революции и, стало быть, он должен был стать, во-первых, более четким кристаллизатором революционного содержания, чем Некрасов и, во-вторых, более, чем Некрасов, отметить перемещение оси социальности из деревни в город и от интеллигента-разночинца к пролетарию.

Такие элементы разбросаны в разных местах у Брюсова. Именно они толкали Брюсова на его превосходные урбанистические мотивы,

именно они дали ему возможность создать «Каменщика», некоторые великолепные частушки, именно они дали ему возможность в 1905 году написать одно из лучших революционных стихотворений, которые мы только имеем; именно они заставили его проникнуться симпатией, влюбленностью даже, к символисту, перешедшему в лагерь социализма, к Верхарну; именно они в высшей степени мощно и торжественно звучали в последних стихотворениях Брюсова. Но в общем и целом эта задача Брюсова выполнена не была, именно потому, что общий поток—тогдашнее доминирующее настроение интеллигенции—нес его в другую сторону.

Он навязывал ему то неясное, от чего он теперь так открещивается. Вячеслав Иванов нападал на него, оказывается, за реализм и позитивизм, за чрезмерную ясность его поэзии. Да мало того—целый звучный хор голосов до самой могилы провожал Брюсова сожалениями по поводу головного характера его поэзии. Но Брюсов именно не мог и большей частью не хотел забыть про свою голову и погрузиться в символический туман. Ясность была ему органически мила не только потому, что в нем дремал писаревец, но и потому, что сюда влекло его жившее в нем чистое мастерство,

С другой стороны, век готов был погладить по головке Брюсова и за чистое мастерство. Чистое мастерство парнасского типа тоже было приемлемо и для буржуази, и для буржуазной интеллигенции 90-х и 900-х годов. С ласковой улыбкой говорили: «Ну, какой же Брюсов символист? он парнасец». Говорили совершенно так же, как какой-нибудь гурман мог бы сказать: «Нет, разве можно эту рыбу подавать под белым соусом, ее едят в мадере». Потому что, в сущности, и символизм и парнас в этом понимании были только разными блюдами для эстетского гурманства.

И Брюсов иногда, как чистый мастер, как ювелир, как бронзовщик или мраморщик, мог увлечься тем или другим формальным фокусом, но он этим увлекался редко, и это, в конце концов, не испортило его поэтического лика, как не испортили его и символические тени.

Но что же было делать, если содержание, которое подсовывал век, т.-е. подсознательные шорохи души и надсознательные взлеты в бесконечное, было внутренне противно позитивисту-мужику и мастеру Брюсову? Если, с другой стороны, форма, к которой поощрял его век, т.-е. виртуозничание и оригинальничание, шла в разрез с его натурой? Куда же можно было преклонить свою голову? Надо ли было явиться совершенно несвоевременным человеком, быть отброшенным, забитым, забытым? Этого не случилось. Наоборот, большой ум, упорство и блестящий талант Брюсова смогли поднести «обществу» достаточное количество ценностей, которое и оно, это общество, признало. Однако признание досталось Брюсову не дешевой ценой.

«Общество» признало Брюсова не за то, что в нем было сильного. Обществу казалось пикантным более натасканное, чем искреннее в лирике Брюсова, разные дразнящие, эротические мотивы, гиперболический индивидуализм, в который иногда рядился Брюсов; наконец, мастерство, которое подчас казалось им излюбленным виртуозничанием.

Брюсов был настолько искалечен своим временем, манившим его венком славы, насколько это время, само довольно тщедушное, могло искалечить его крепкий мужицкий организм.

Но как же сопротивлялся Брюсов духу своего времени? Некоторые скажут, что он, между прочим, сопротивлялся ему своим пессимизмом, другие добавят, — он сопротивлялся бегством от него в область чистого искусства, третьи скажут, что он от времени до времени обдавал презрением своих современников.

Вот уж нет. Если бы Брюсов делал так, то он должен был бы, в конце концов, воскликнуть: «Камо уйду от лица твоего, общество?». Ибо пессимизм был в то время модой, поветрием. Чистое искусство—это та вода, в которой плавали почти все рыбы того времени. Индивидуалистическое презрение к толпе заставляло эту самую толпу аплодировать, ибо каждый в ней сам охотно признавал себя личностью, стоящей гораздо выше соседей.

Брюсов избежал полного искалечения своего общества, во-первых, теми своими эскападами, которые, от времени до времени, когда открывалась дверь, он делал по направлению к революции.

Это было очень важно. Песни 1905 года, верхарнианство и обращение в 1917 году, конечно, совсем не пустяки. Но это все же были эпизоды, большие важные эпизоды.

Общим же и постоянным бегством Брюсова от своего общества была его эпика.

Эпика?

Уже не разумею ли я под этим его романы

Только отчасти.

Но ведь Брюсов не написал ни одной большой эпической вещи в стихах? Конечно, зато он написал многое множество маленьких эпических вещей, и в этих-то эпических вещах—его сила, его слава, его непреходящее значение. Раз время, в котором он жил, не давало для него того материала, которого жаждала его душа, т.-е. материала широкого, общественного, героического, монументального, то что же мог делать этот общественно-героический и монументальный мастер, как не создавать себе искусственно такого материала, отыскивая его в веках прошлого и в грядущих веках.

Конечно, это не то. Конечно, прошлое и грядущее не так потрясают наши сердца, как настоящее, но в том-то и сказалась сила дарования Брюсова, что он сумел в этом относительно неблагодарном материале высекать гигантские контуры своих героических поэм. Из ранних годов Брюсова до самых последних идут поэтому в огромном большинстве случаев удачные попытки создать громадные доминирующие над веками фигуры. Галлерея Брюсовской скульптуры великолепна.

Не в задаче моей нынешней статьи останавливаться на отдельных произведениях Брюсова: я, повторяю, ставлю только некоторые вехи. Но припомните хотя такое совершенно объективно классическое, как будто историко-гурманское на взгляд современников Брюсова стихотво-

рение, как «Александр Великий». Какой мрачной торжественностью переполнено это вдохновенное и монументальное стихотворение, относящееся, между прочим, к 1911 году:

Пламя факелов крутится,
Длится пляска саламандр,
Распростерт на ложе царском—
Скиптр на сердце—Александр.

Пользуясь мифом, Брюсов переносит душу Александра за Стикс на суд Миноса, Радаманта и Эака. В сущности, это суд потомства, суд истории. Страстные и величественные обвинения раздаются по адресу тени. С другой стороны, в защиту Александра поднимаются те силы, которые указывают на пути мировой истории, оправдывающие тенденции его царствования.

С одной стороны:

Крушил Афины, рушил Фивы,
В рабов он греков обратил.
Вершил свой подвиг горделивый,
Эллады силы сокрушил.

С другой стороны:

Так назначил рок,
Чтоб во едином были слиты
Твой мир, Эллада, твой Восток.

И в конце:

Поник Минос челом венчанным
Нем Радамант, молчит Эак,
И Александр со взором странным
Глядит на залетейский мрак.

Между тем история идет своим путем у самого гроба великого завоевателя:

Дымно факелы крутятся,
Длится пляска саламандр
Споров буйных диадохов
Не расслышит Александр.

Я очень предлагаю читателям этой статьи прочитать как можно более эпических стихотворений Брюсова и непременно то, о котором я здесь говорю. В его величавой музыке, его величавых образах заключается и величавая мысль.

Потомство будет спорить и за, и против. А кто прав и кто виноват с точки зрения всемирной истории? Вот почему перед нами на века со взором странным стоит Александр, не слушающий своих судей, ибо он есть факт, ибо он есть сила, факт ослепительный, сила мировая, а потом судите и рядите. Как ни величавы эти безликие, которые подымутся за и против Александра, он, в сущности, не внемлет им. Его дело в его собственных глазах, обещавшее как будто сбъединение всего мира в единую цивилизацию, распадается тут же у его гроба. Мы знаем множество

таких фактов, когда усилие известных групп или классов находит свою кульминацию в определенный момент и как бы воплощается в определенную великую фигуру, но этой фигурой и исчерпывается, так что смерть вождя сопровождается быстрым распадом дела. Разве наши враги не воображали, что нечто подобное переживет наша партия? Они не учли только, что, как ни велик был наш вождь, он не был все же объединителем внутренне противоречивых сил, а выразителем мощи класса, исторически призванного к диктатуре, почему враги наши и были разочарованы. Но разве те великаны, которые выражали собою взлеты, устремления к великим единствам исторически, гибнут от спора своих диадохов? Александр в гробу, среди пляски саламандр, так же точно нем, величав и вечен, как в веках перед судом объективных общественных сил и толкований?

Я взял только один пример,—их множество... Брюсова, как крупного поэта, не уложишь, конечно, ни в какие программные рамки. Толкование исторических событий и лиц, как и пророчества, отгадывание относительно будущего часто нас совсем не удовлетворят, поскольку они совпадают с нашими собственными суждениями, но от поэта мы не должны требовать полного совпадения с нашими собственными мыслями и чувствами. Поэт оплодотворяет нашу жизнь и тогда, когда берет нас за руку и ведет нас по нашему пути, и тогда, когда вступает с нами в борьбу. Надо только, чтобы он был силен и многозначителен. И именно таким является Брюсов в своих лучших эпических произведениях, через которые он убежал от своего мелкого времени, в которых он сбросил целиком модный костюм, над которыми он работал упорно, в поте лица, сознавая, что трудится над великим материалом для кого-то великого, а этим великим было угадываемое им грядущее, теперь уже отчасти пришедшее, человечество.

И когда он вернулся в отчий дом, т.-е. когда, вернее, почти незримо для него кативший свои волны обходный поток рабочего движения залил собою всю поверхность общественной жизни, он мог спокойно сказать, что если не в первые дни, то в последующие имеющий притти великий читатель его поймет, оценит и отбросит все те обвинения в холодности, он услышит в бронзовой груди стихов Брюсова глубокое биение живого сердца.

Уже в самое мастерство свое Брюсов внес такую страсть, равной которой мы не находим у других поэтов, тоже любивших обрисовывать свои восторги и свое благоговение перед собственным трудом, олицетворяемым в музе. Я считаю необходимым привести здесь это всегда потрясающее меня стихотворение.

Я изменял и многому и многим,
Я покидал в час битвы знамена,
Но день за днем твоим веленьям строгим
Душа была верна.

Заслышав зов, ласкательный и властный,
Я труд бросал, вставал с одра, больной,
Я отрывал уста от ласки страстной,
Чтоб снова быть с тобой.

В тиши полей, под нежный шопот нивы,
Овеян тенью тучек золотых,
Я каждый трепет, каждый вздох счастливый
Вместить стремился в стих.

Во тьме желаний, в муке сладострастья,
Вверяя жизнь безумью и судьбе,
Я помнил, помнил, что вдыхаю счастье,
Чтоб рассказать тебе.

Когда стояла смерть в одежде черной
У ложа той, с кем слиты все мечты,
Сквозь скорбь и ужас я ловил упорно
Все миги, все черты.

Измучен долгим искусом страданий,
Лаская пальцами тугой курок,
Я счастлив был, что из своих признаний
Тебе сплету венок.

Не знаю, жить мне много или мало,
Иду я к свету иль во мрак ночной,—
Душа тебе быть верной не устала,
Тебе, тебе одной.

А возьмите превосходное сбращение Брюсова к интеллигентам, которое я тоже хочу здесь напомнить.

Еще недавно, всего охотней
Вы к новым сказкам клонили лица:
Уэллс, Джек Лондон, Леру и сотни
Других плели вам небылицы.

И вы дрожали, и вы внимали,
С испугом радостным как дети,
Когда пред вами вскрывались дали
Земле назначенных столетий.

Вам были любы—трагизм и гибель,
Иль ужас нового потопа,
И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль
Погибнет старая Европа.

И вот свершилось. Рок принял грезы,
Вновь показал свою превратность·
Из круга жизни, из мира прозы
Мы взброшены в невероятность.

Нам слышны громы: то—вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый.

В обломках троны; над жалкой грудой
Народы видят надпись «бренность».
И в новых ликах, живой причудой,
Пред нами реет современность.

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено в дыму и в гуле...
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули.

Что ж не спешите в вихре событий
Упиться бурей, грозно-странной,
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?

Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам,
Мечта была мила, как дальность,
И только в книгах, да в лад с поэтом
Любили вы оригинальность?

Я считаю это стихотворение глубоко значительным, ибо в нем сказывается внутреннее «скифство» Брюсова. Да, этот поэт жаждал героического всю жизнь и большую часть своих лучших строф посвятил воспеванию героического, а если он не смог героически принять участие в нашем героическом, то он во всяком случае пришел к нам и как гражданин, и как поэт. Протянув к нам обе свои творческие руки, сказал нам: «Берите меня, как работника, как каменщика, который трудолюбиво, заботливо положит несколько кирпичей в ваше здание». И он сделал так. И в одном из самых последних своих стихотворений, том самом, которое он содрогавшимся от волнения голосом читал на своем юбилее и которым вызвал взрыв восторга у публики, он резюмировал эту свою упоенность тем, что стал современником героического.

По снегу тень—зубцы и башни;
Кремль скрыл меня, орел крылом.
Но город - миф—мой мир домашний,
Мой кров, когда вне—бурелом.

С асфальтов Шпре, с понтийских топей,
С камней, где доккер к Темзе пал,
Из чащ чудес—земных утопий,—
Где глух Гоанго, нем Непал,

С лент мертвых рек Месопотамии,
Где солнце жжет людей, дремля,—
Бессчетность глаз горит мечтами
К нам, к стенам Красного Кремля.

Там—ждут, те—в гневе, трепет—с теми;
Гул над землей метет молва,
И—зов над стоном, светоч в темень,—
С земли до звезд встает Москва.

А я, гость дней, я, постоялец
С путей веков, здесь дома я.
Полвека дум нас в цепь спаяли,
И искра есть в лучах—моя.

Здесь полнит память все шаги мне,
Здесь, в чуде я—абориген,
И я храним, звук в чьем-то гимне,
Москва, в дыму твоих легенд.

А. ФРАНС.

В. Фриче.

Умерший 13 октября в восьмидесятилетнем возрасте, А. Франс был как писатель, типичнейшим интеллигентом.

Его писательский кругозор был ограничен пределами интеллигенции, как социальной группы. Целых больших пластов французской жизни он не видел. На его писательской палитре не было красок для изображения мира буржуазно-финансовых дельцов, промышленников, купцов, как не было на ней красок, чтобы живописать быт рабочих и крестьян.

Биржа, банки, фабрика, деревня,—все это лежало вне его поля зрения. Даже светский салон он плохо знал («Красная лилия»). Действующими лицами в его произведениях являются в подавляющем большинстве интеллигенты — иногда одетые в римскую тогу («На белом камне»), иногда в костюм аббата ancien régime («Аббат Куаньяр»), но обычно это интеллигенты XIX в.—учителя, врачи, ученые и т. д. Даже в его романе из Великой революции в центре событий поставлен интеллигент, якобинец-художник.

И не только изображенный писателем в его произведениях мир есть прежде всего мир интеллигенции, самая компановка его романов отчетливо указывает на то, что их творцом был интеллигент — человек мысли, знаний, рассуждений. Некоторые книги А. Франса состоят даже исключительно из отвлеченных рассуждений на темы философские, религиозные, политические, социальные. Таковы, например, «Мнения Жерома Куаньяра», где от беллетристического произведения не осталось ничего. Другие его романы представляют рассуждения, перебиваемые рассказом, при чем самый рассказ состоит опять-таки преимущественно из рассуждений («На белом камне»). Даже там, где на-лицо известная фабула, последняя часто заслоняется рассуждениями («Съестная лавка королевы Гусиные лапки», «Восстание ангелов» и др.). Подавляющее большинство изображенных писателем людей—люди идеи и идеи в большей степени, чем жизнь, владели его пером.

Типичный интеллигент, А. Франс был большой любитель книг. Редкий писатель описывал с таким увлечением, как он, старые книгохра-

нилища, наполненные драгоценными томами — достаточно вспомнить описание библиотеки д'Астарака в «Съестной лавке королевы Гусиные лапки» или библиотеки семейства Эспарвье в «Восстании ангелов». Черпая из книг больше, чем из жизни, А. Франс и компановал свои романы преимущественно из книжного материала: к любому его произведению можно подыскать сразу несколько книжных источников. Любитель книг, А. Франс был человек большой эрудиции. Редкий писатель насыщал в такой степени, как он, свою беллетристику ученостью, и не всякий читатель легко и с удовольствием воспримет льющийся у него через край поток имен, ссылок и цитат.

А. Франс. — Рис. О. Леру.

Человек идей, книги, рассуждений и отвлеченности, А. Франс, как и многие другие писатели интеллигенции, не отличался способностью к широкому объективному воспроизведению жизни и бывал поэтому вынужден часто изображать самого себя. Почти нет ни одного его романа, где бы он не выступал сам под разными именами и в разных костюмах, как аббат Куаньяр в «Съестной лавке» или провинциальный учитель Бержерэ в «Современной истории», как ученый Ланжелье в «На белом камне» или как продавец марионеток Бротто Дезилетт в «Боги жаждут». И редкий из писателей так часто, особенно на склоне лет, когда возраст еще более ослабил ослабленную и без того интеллектуальностью изобразительную способность — возвращался к воспроизведению своего детства и отрочества, как он, автор «Книги моего друга», «Петруши» и «Жизни в цвету».

Французская буржуазная интеллигенция, типичным выразителем которой был А. Франс, вступившая в жизнь в 80-х и 90-х годах, очень мало походила на своего предка—интеллигенцию романтического периода, интеллигенцию июльских и февральских дней. Герои А. Франса, потомки этой «революционной» интеллигенции, порою вспоминают не без скорби о своих «героических» предках.

«Эти люди,—говорит г-н Бержерэ о своем отце,—стояли на высотах и жили в бурях. Мысли их были возвышеннее и великодушнее наших. Наш отец верил в восход социальной справедливости и вечного мира. Он провозглашал торжество республики и образование Соединенных Штатов Европы. Его разочарование было бы жестоким, если бы он воскрес среди нас».

Последыши поколения борцов 30-го и 48-го годов вступили в жизнь в тот момент, когда французская буржуазия потопила в потоках крови восстание Коммуны и заложила основание для Третьей республики. Пролетарское восстание 71-го года не нашло в них никакого сочувствия. А. Франс изобразил Парижскую Коммуну в последних главах романа «Жан Сервьен». Если наполеоновская империя освещена здесь в отрицательных тонах, то страницы, посвященные Коммуне, ни в какой степени не напоминают заключительные главы «Мятежника» коммунара Валлеса. Коммуна представлена в романе А. Франса, с одной стороны, авантюристом итальянцем Тудеско, с другой — неудачником Сервьеном. Не показаны ни правительство Коммуны, ни рабочие кварталы, ни баррикады. Сервьен все более разочаровывается в «бешеном безумии» Коммуны. Его арестовывают, как подозрительного, и сажают в тюрьму. Наступают последние дни рабочего правительства. Когда к Парижу подошла «армия закона», Жану удается бежать. Приняв его за версальца-буржуа, его застреливает коммунарка, совершая над его трупом варварскую пляску.

На развалинах Коммуны воздвигла свой трон буржуазия. Перед ее интеллигенцией, потомками поколения 30-х и 40-х годов, поскольку они были писателями, стояла определенная историческая задача — выработать идеологию нового класса-властителя и претворить эту идеологию в художественные образы. Эта новая идеология, соответственно торжеству буржуазии, установившей свою власть, покоилась на двух основных принципах — на наслаждении и на красоте; гедонизм и эстетизм должны были заменить старые моральные и гражданские ценности прошлого, когда буржуазия еще только продвигалась к власти. Аморальный эстетизм—так вкратце можно формулировать то новое мировоззрение, которое творила интеллигенция победившей буржуазии для этого класса, поглощенного, как класс, разумеется, совершенно иными интересами — торгово-промышленными. Это мировоззрение, претворенное в художественные образы, повторяется во всех странах, где буржуазия прочно стала у власти: в Англии оно представлено Уайльдом, в Италии—Аннунцио, в Германии—Генрихом Манном, во Франции оно нашло свое классическое выражение в творениях А. Франса.

Красота и наслаждение—таковы те две идеи, которые неустанно проповедывал до конца своей жизни французский писатель после того, как в романе о Жане Сервьене изобразил восстание пролетариата, как «бешеное безумие».

Была в истории человечества эпоха, когда гедонистический эстетизм был господствующим мировоззрением,—эпоха эллинской культуры,—и к ней неизменно обращены были взоры А. Франса.

«Красоту и мудрость эллины вознесли на такую высоту, которой ни до, ни после них не достигал ни один народ. Как могло совершиться это единственное в своем роде чудо на земле? Почему именно священная почва Ионии и Аттики произвела этот несравненный цветок? Потому, что эллины не знали ни догматов, ни откровения. Свой собственный гений они сделали своим божеством и, поднимая свои взоры к небесам, они там видели свое собственное отображение. Они воспринимали явления мира по своему образу и подобию и придавали своим храмам несравненную пропорциональность,—все в них было грацией и гармонией» («Восстание ангелов»).

Второй раз это царство красоты и наслаждения стало действительностью в эпоху Возрождения.

«После веков варварства античная красота снова на мгновенье предстала взорам человека. Звезда христианского бога, бледнея, клонилась к закату. Возвращаясь из долголетней ссылки, воцарялись боги на земле, где снова находили свои храмы и алтари. Повергнув к их стопам перстень, тройную корону и ключи Петра, приносил им жертвы Лев X. Снова Полигимния плела золотую нить своих размышлений — в садах плясали нимфы и грации вместе с сатирами. Земля вновь обрела утерянную радость» (там же).

В третий раз жизнь засияла красотой и счастьем в дни старого режима.

«Не отрицая бога, умы подчинялись его двум смертельным врагам: Науке и Разуму. Женщины изобрели светскую causerie, интимное письмо и вежливость. Нравы приняли мягкость и благородство, неведомые в предъидущие века. Один из лучших умов этого разумного века писал однажды: «Величайшее преступление — лишить себя наслаждения» (там же).

Гедонистическое и эстетическое миропонимание эллинизма, возрождения и ансьен-режима имело и имеет двух опаснейших врагов—морализм, облеченный в форму или религиозной или политической доктрины. Светлое царство эллинских богов было разрушено воцарением еврейской и христианской религий. Мир Возрождения погиб под ударами реформации и контр-реформации. Отсюда величайшее возмущение А. Франса религией откровения, враждебной культу красоты и наслаждения. С глубочайшим презрением говорят о еврействе и христианстве все те его герои, которым принадлежат его симпатии—римский проконсул Галлион и греческий философ Аполодор («На белом камне»), равно, как старый садовник силен Нектер («Восстание ангелов»). От юношеского произведения Франса, от его «Коринфской свадьбы», до его исповеди старика, до «Восстания ангелов»—слышится этот настойчивый протест против

безрадостной, лишенной пластичности, отвлеченно-морализующей религии откровения во имя превращения земли в Дионисов сад, где нимфы плетут хороводы с сатирами, около белых изящных зданий, в которых все—грация, мера и гармония.

Если царство наслаждения и красоты эллинов и возрожденцев было разрушено священниками Яхве и монахами Христоса, то ансьен-режим с его галантными похождениями, когда отказаться от наслаждения считалось величайшим преступлением, эта эпоха, встающая так ярко из страниц авантюрного романа о «Съестной лавке королевы Гусиные лапки», был уничтожен монахами другого порядка, революционерами XVIII века, якобинцами. Ученики Жан-Жака Руссо, помешанного на добродетели, якобинцы были такими же аскетами-моралистами, как монахи и священники церкви.

«Они,—говорит старый силен Нектер,—были в большинстве менее страшны, чем цари и судьи, поставленные Яхве в земных царствах, тем не менее они казались более жестокими, потому что судили во имя Человечности... Они были добродетельны и признавали известные узко ограниченные нравственные обязательства... Бог, с которым так плохо обращались в предыдущие десятилетия, не очень пострадал от этих новых людей. Он нашел среди них покровителей и был боготворим ими под именем верховного существа».

Ту же оценку якобинцев повторяет А. Франс от своего имени в предисловии к «Мнениям г-на Жерома Куаньяра», где называет Робеспьера «оптимистом, верившим в добродетель» и где видит «безумие революции» в том, что она хотела создать на земле царство моральных и гражданских ценностей. «Робеспьер верил в добродетель и создал террор».

Эти отвлеченные рассуждения о якобинцах, во имя личной и гражданской нравственности пожертвовавших наслаждением и красотой, были А. Франсом позже претворены в художественные образы в его историческом романе «Боги жаждут», где на примере художника-якобинца Гамелена он хотел показать, как одержимость нравственными и гражданскими идеалами превращает человека в палача, извращая все его естественные чувства.

Хотя современное человечество и изменило языческим богам Красоты и Наслаждения, А. Франс верил до конца в новый Ренессанс. Как исповедь самого писателя, звучат слова старого силена Нектера:

«Я жду того отдаленного дня, когда придет на землю великий Дионис, сопровождаемый фавнами и вакханками. Он вернет земле радость и красоту. Он принесет с собой новый золотой век».

И старый силен пойдет вслед за колесницей Диониса. «Но кто знает,—врывается в этот гимн будущему нотка скепсиса,—встретим ли мы тогда людей на земле? Может быть, их истощенная раса выполнит к тому времени свое назначение... Может быть, власть захватят крылатые существа. Тогда задача добрых демонов (языческих богов) будет заключаться в том, чтобы научить царство пернатых *искусству* и *наслаждению*».

Не может наслаждаться жизнью и красотой тот, чья душа встревожена страхами—страхом смерти, страхом загробного бытия. Не может наслаждаться жизнью и красотой тот, чье сердце не полно наивной, чуждой сомнений, любви к миру, к людям, к животным.

Двух благодетелей имело человечество—один освободил его от религиозных страхов, другой научил его смиренномудрому восторгу.

Имя одному—Эпикур, имя другому—св. Франциск. «Эпикур освободил души от пустых страхов и научил человека согласовать идею счастья с его слабыми силами и бедственной натурой»,—говорит А. Франс в предисловии к «Мнениям Жерома Куаньяра». «Добрый св. Франциск вел людей к счастью дорогой внутреннего созерцания и хотел, чтобы, по его примеру, души радостно цвели в бездне зачарованного одиночества».

Каждому из этих двух «благодетелей человечества», научивших его искусству наслаждения, А. Франс посвятил по одному произведению — греческому философу книгу «Сады Эпикура», средневековому апостолу новеллы о его ученике Фра Джиованни («Колодезь св. Клары»). Высшим типом человека с точки зрения этой гедонистической философии было бы соединение в одном лице греческого философа, уничтожившего своим учением загробные страхи, и средневекового апостола с его открытой для мира и людей душой ребенка.

В итоге такого соединения родился тот образ, который А. Франс отделал с особенной нежностью и вниманием, его любимец — аббат Жером Куаньяр.

«Он был чудесным смешением Эпикура и св. Франциска», так характеризует А. Франс своего любимца (в предисловии к «Мнениям...»). И в дальнейшем характеристика аббата вполне приложима к самому писателю.

«В нем не было духа системы... Он сомневался в истинах, которые носил в себе... Он сводил мир к разумной силе, которую называл богом. На основе ортодоксии его душа цвела цветами эпикуреизма и смиренномудрия. Он гнал от себя ночные фантомы, пустые страхи, всю ту готическую чертовщину, которая превращает жизнь обывателя в ежедневный гнусный шабаш. Из всех умов XVIII века Куаньяр—тот, принципы которого наиболее противоположны принципам Революции. Он не подписал бы ни одной строчки декларации прав человека и гражданина, потому что она проводит такую резкую грань между человеком и обезьяной. Он не делал большого различия между самодержавным и конституционным правлением и, если бы дожил до наших дней, он сохранил бы значительную дозу того благородного недовольства, которым полно было его сердце. Он никогда не был революционером, он никого не возбуждал к мятежу. Вместо того, чтобы сокрушить насильственным ударом существующие учреждения, он хотел бы, чтобы эти учреждения использовались и шлифовались в процессе жизни!».

Эта отвлеченная характеристика аббата Куаньяра, служащая введением к его «Мнениям», которые были мнениями самого А. Франса, облеклась в кровь и плоть в романе «Съестная лавка королевы Гусиные

А. Франс. — Рис. О. Леру.

ланка». Любитель покушать и выпить, с одинаковым упоением погружающийся в книги и приключения, деист, склонный пошутить над своей верой, эрудит, сыплющий цитатами и ссылками, анекдотами и рассказами, остроумец, чьи слова порой искрятся солнечным смехом,— аббат Куаньяр представляет в самом деле как бы некое сочетание Эпикура и Фра Джиованни, фигуру, о которой его ученик Турнеброш не без согласия и сочувствия самого автора сказал:

— Я полагаю, что это был самый изящный ум из всех когда-либо процветавших на земле.

В конце 90-х годов произошло во Франции событие, произведшее основательную встряску в рядах и в умах французской интеллигенции — процесс Дрейфуса. Творец фигуры аббата Куаньяра вышел из своего созерцательного покоя на шумную площадь общественной борьбы. А. Франс стал в ряды «ревизионистов». С этого момента и он сам и его творчество значительно меняются. Не проходит ни одного большого митинга в Париже, на котором не выступал бы А. Франс. В своих речах (он, впрочем, не был оратором и не говорил, а читал по записке) он громит все те социальные силы, которые создали дело Дрейфуса, — милитаристов и антисемитов, сторонников церкви и монархии. Он вооружается и против крупной буржуазии, против финансового капитала, против колониальной политики. Он сближается с социалистической партией, призывая рабочих противопоставить черному Интернационалу «насилия и рабства» красный Интернационал« свободы, мира и гармонического труда». Свои митинговые речи он издает в ряде выпусков, под заглавием «На пути к лучшим временам» и пишет для Социалистической Библиотеки свои—в двух томиках—«Социальные взгляды».

Изменилась несколько теперь и физиономия его творчества. По-прежнему его писательский горизонт ограничен пределами той социальной группы, которую он представлял в литературе. По-прежнему мысленно и творчески он вращается исключительно в мире интеллигенции. Он—теперь социалист—по-прежнему не в силах остановить свое внимание на рабочих кварталах и нет у него и теперь на палитре красок, чтобы обрисовать быт и характеры рабочей среды. Все же диапазон его творчества несколько расширился, и в его романах теперь есть место и политической сатире, и социалистической утопии.

Однако новообращенный общественник и социалист и теперь продолжает хранить в своей душе наследие, полученное от аббата Куаньяра, «сомневавшегося в тех истинах, которые он носил в себе», и занял по отношению к тому политическому лагерю, в котором состоял, и по отношению к тем идеям, которые теперь защищал, позицию сомневающегося, а не верующего.

В романе «Остров пингвинов» А. Франс развертывает сатирическую летопись всей французской истории от седой древности до новейших времен, и в этих остроумных анналах значительное место занимает и дело Дрейфуса,—то дело, которое заставило эпикурейца и эстета А. Франса вспомнить о своих предках 30-х и 40-х годов, веривших в «восход социальной справедливости».

Взволновавшее страну мрачное дело представлено А. Франсом как сплошная буффонада приемами и стилем старика Раблэ, как дело, разгоревшееся вследствие того, что еврей Пиро был обвинен в продаже иностранной державе известного количества пудов сена, которое на самом деле и не было вовсе доставлено военному ведомству пингвинов. Если вполне понятно, что деятели черного лагеря изображены «ревизионистом» А. Франсом в чертах карикатурных, то той же участи не избежали и те самые ревизионисты, в рядах которых сражался автор. Золя, бросивший в лицо реакционерам свое великолепное письмо «J'accuse», вырисован таким же смешным, как генералы Гонз и Мерсье—маленький близорукий человек ходит по улицам столицы пингвинов, приклеивая к стенам домов огромные афиши о невиновности еврея Пиро, из окон кухарка обливает его помоями, кучер ударом кнута сносит ему шляпу, парень из мясной сбрасывает его с лестницы и т. д. И такой же сатирический налет лежит на тех страницах, где изображена социалистическая партия в дни дрейфусовского дела, когда одни (Жорес) стояли за вмешательство, другие (Гэд)—за воздержание.

Психологически А. Франс оставался по существу вне борющихся сторон и партий, потому что роль общественника и борца была аббату Жерому Куаньяру и не по силам, и не по душе. И тот же аббат Жером Куаньяр разрушил веру А. Франса в социализм.

За два года до «Острова пингвинов» написал А. Франс книгу «На белом камне». Последние главы рисуют под влиянием В. Морриса картину социалистического общества. Между тем как у Морриса коммунистический строй родится из гражданской войны, у А. Франса все обхо-

дится мирным путем: «коллективисты постепенно завоевывали общество», и вот «наступил день, когда побежденные капиталисты уступили им власть». Если коллективизм восторжествовал над анархией производства, то не под натиском пролетариата, которого почти не видно, а благодаря развитию «науки и индустрии». Интеллигента А. Франса интересует, разумеется, прежде всего вопрос о состоянии культуры в социалистическом строе. Он узнает не без горечи, что история, которую он так любил (ведь он и сам был историком, автором труда о Жанне д'Арк), уступила место статистике, «регистрации производства и потребления». Он узнает, что искусство, правда, существует, но поэты не печатаются, а фонографируются, театр представляет соединение кино и фоно, а поэзия стала «заумной»: «наши поэты говорят только деликатные вещи, не имеющие смысла, и каждый имеет свой язык, свою грамматику, свои ритмы» и т. д. Сохранилась в социалистическом обществе и религия. Смущает его и то, что женщины похожи на мужчин, и не знаешь, как к ним подступиться. Интеллигенции, впрочем, не приходится бояться этого строя, ибо она занимает в нем привилегированное место.

«Наши большие интеллектуалы, хирурги, химики, докторессы и т. д., умеют извлекать выгоду из своих работ и открытий. Они требуют себе аэропланов в 60 лошадиных сил, дворцов, садов и парков и ведут жизнь более роскошную и богатую, нежели буржуазия минувшего периода». Тем не менее, они все недовольны существующим строем, они все «анархисты». В «регламентации труда и продуктов» они видят главную причину зол, тяготеющих над обществом, и убеждены, что «человечество будет счастливо только в том самопроизвольном гармоническом состоянии, которое родится, когда будет уничтожена цивилизация».

Уже здесь в эту картину социалистического будущего врываются пессимистические нотки. Не только на вопрос рассказчика, счастливы ли люди этого общества, слышится ответ уклончивый, но и собеседники, обсуждающие социалистический сон рассказчика, приходят к выводу, что человечество вообще мало меняется.

«Будет то, что было».

Два года спустя аббат Куаньяр покончил с верой дрейфусара А. Франса в социализм.

Летопись о прошлом и настоящем народа и государства пингвинов завершается просветом в будущее. Зияет противоречие между этой картиной, нарисованной художником, и речами митингового оратора «На пути к лучшим временам».

Франция стала миром огромных городов, всемогущих трестов, миллиардерских олигархий. Пролетариат плохо организован и политически слаб. Носителем революционного протеста является служилая интеллигенция в лице техника из электро-треста Жоржа Клэра, изобретателя необычайной силы бомб. Взлетает на воздух один квартал за другим, и на месте капиталистического города-гиганта вырастает не социалистический строй, а—безлюдный пустырь. Сюда приходят со своими стадами пастухи, и снова история страны пробегает тот же путь, который

однажды уже прошла. За пастушеским бытом следует земледельческий, появляются местечки, они превращаются в города, города сливаются в город-гигант всемогущих трестов и т. д.

«Будет, что было».

История не движется вперед и выше, она есть—вечный круговорот.

Такова философия истории аббата Куаньяра, сменившего рясу ансьен-режима на костюм дрейфусара-социалиста.

В бурные дни дела Дрейфуса А. Франс превратился в провинциального учителя Бержерэ, которого политическая борьба вырывает из его кабинета ученого идиллика и который едет в Париж бороться за правое дело, как его отец некогда в 30-е и 40-е годы сражался за «восход социальной справедливости». Так возникла трилогия А. Франса «Современная история»—картина нравов Третьей республики, как эпопея Золя о Ругонах представляла картину нравов Второй империи.

Связанные с делом Дрейфуса переживания постепенно сглаживались, и новый образ стал вырисовываться в уме писателя,—образ старого силена Нектера, ожидающего возвращения на землю Диониса в свите вакханок и сатиров. Как Эпикур, как Фра Джиованни, как аббат Куаньяр, старый садовник Нектер представлял собою кристаллизацию интеллигентской идеологии. Никакая внешняя революция—ни политическая, ни социальная—значения не имеет. Освободить мир от зла может только революция духовная, а этим злом является религиозно-авторитарное мышление, враждебное эллинскому культу радости и красоты.

Так сложилась исповедь старика А. Франса «Восстание ангелов».

Низвергнутые в ад соратники сатаны, поднявшие некогда бунт против Ялдабаофа, поселились на земле. Это они вдохновляли человечество в его борьбе против религиозных догматов и церковной организации. В XIX столетии, заразившись в больших городах революционным духом, мятежные ангелы стали в ряды социалистического движения, подготовляя в то же время переворот на небесах. Если они усвоят себе завоевание людей в области техники и химии, им легко будет разгромить отсталую в военно-техническом отношении небесную рать архангела Михаила. Они находят банкира, готового финансировать их предприятие, однако с условием, если они ограничатся небесной революцией. Все сделано. И вот они отправляются к берегам Ганга, где в одиночестве размышляет сатана, в саду, где царят «разум и наслаждение».

Пусть сатана возглавит мятеж. Ночью сатана видит во сне, как мятежная рать разметает ангельские колонны Михаила, как Ялдабаоф с семьей вынужден тайком бежать, как он, сатана, вступает победителем в небесный град, и вот он—бог, единый в трех лицах, вокруг него иерархия ангельских чинов, херувимы славят его в гимнах и т. д.

И сатана размышляет:

«Побежденный бог становится сатаной, сатана победивший становится богом. Да минет меня эта ужасная доля! В настоящее время

благодаря нам старый бог потерял власть на земле, и все, что мыслит на земле, презирает его или не знает его. Но какой смысл в том, что люди не будут больше подчиняться Ялдабаофу, если дух его в них еще жив, если по его образу и подобию они ревнивы, жестоки, жадны, враги искусства и красоты. Какой смысл в том, что они отвергли демиурга, раз они не слушаются дружественных демонов, научающих их истине,—Диониса, Аполлона и Муз».

И, обращаясь к садовнику-силену, сатана воскликнул: «Нектер, ты сражался со мной еще до рождения мира. Мы были тогда побеждены, ибо не понимали, что победа возможна только в духе и что в нас самих и только в нас самих надо сокрушить и уничтожить Ялдабаофа».

И только тогда мир снова зацветет, как в дни эллинской культуры, красотой и наслаждением.

Типический представитель той промежуточной интеллигенции Франции, которая органически не сливалась ни с крупной буржуазией империалистической, ни с пролетариатом революционным, творец аббата Куаньяра и садовника Нектера связал свое имя теснейшим образом с русскою рабочей революцией.

В 1905 г. А. Франс выступает на целом ряде митингов, созванных по поводу русских событий Биржей Труда, обществом друзей России и т. п. В его речах, произнесенных перед рабочими и интеллигенцией, дышало вместе с ненавистью к царизму восхищение русским пролетариатом.

Под свежим впечатлением «кровавого воскресения», рисуя перед слушателями расстрел царем гапоновской процессии, А. Франс восклицал:

«Из крови, окрасившей Неву, встанут миллионы мстителей. Царь убил царя, и революция, которую он вызвал, сокрушит царизм. Николая больше не существует, и память о нем вовеки будет предана проклятию мира».

Неустанно указывал он, что русский царизм теснейшим образом связан с германским милитаризмом и французским национализмом, что франко-русский союз был не чем иным, как «вторжением царизма во Францию». «Все наши монархисты, клерикалы, националисты, стоявшие горой за этот союз, знали очень хорошо, что они тем самым упрочивают во Франции контр-революцию».

Против этого напора русского царизма, германского милитаризма и французского национализма есть только одно средство — социальная революция, первые раскаты которой раздались в Москве в декабре 1905 г.

На митинге, созванном в Париже в связи с усмирением московского вооруженного восстания, А. Франс замечал:

«Общественные дела нашей страны — легкая комедия в сравнении с мрачною русскою трагедией. На берегах Невы, Вислы и Волги решается ныне судьба новой Европы и грядущего человечества. Наши отцы 1789 г. учили Европу делать буржуазную революцию, ныне русские рабочие учат нас делать революцию социальную».

Отголоски нашей первой революции слышатся и в некоторых беллетристических произведениях А. Франса,—напр., в том месте книги «На белом камне», где говорится о переходном времени от капиталистической анархии к социалистическому строю.

С таким же сочувствием приветствовал пятнадцать лет спустя А. Франс Октябрьскую революцию в России.

«Я уже стар,—говорил он в 1921 г., когда во Франции победоносно царили те самые националисты, союз которых с русским царизмом вдохновлял его в 1905 г. к таким гневным речам.—Я стою в стороне от событий, но из моего уединения я слежу внимательно за событиями во всех странах и должен сказать,—будущее рисуется мне очень мрачным... Мировые социалистические партии совершенно не подготовлены к схватке с мировым капитализмом. Для этой неравной борьбы требуется новое оружие. Прежняя тактика рабочих и социалистических партий с ее бесплодными парламентскими приемами устарела».

И, обращая свои взоры к той стране, которая завершила в 1917 г. то, что было начато в 1905 г., А. Франс восклицал:

«Есть все-таки надежда на улучшение положения вещей. Снова огонь горит в людских сердцах. Взгляните на Восток! Казалось, на революцию, и в особенности на революцию победоносную, в России нельзя было рассчитывать. Но Россия—страна, где сбывается и невозможное. Большевики это «невозможное» теперь свершают до конца».

ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНИЗМЕ.

(Обзор второй.)

Гр. Баммель.

Georg Lukácz: Lenin. Studie über den Zusammenhang seiner Gedanken. Der Malik-Verlag. Wien 1924. S. 77.
(*Георг Лукач:* Ленин. Исследование о системе его мыслей. Вена 1924 г.)
А. Деборин: Ленин как мыслитель. Издательство «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва 1924 г. Стр. 87.

I.

Я выписываю эти два названия и на этот раз ограничусь ими: отвлекаться значило бы затушевывать границы, разделяющие различные подходы к вопросу, да и полезно вдуматься в противоположность в ее чистом виде, в противоположность, которая создается различным восприятием логики в пределах одного и того же вопроса. Оба — философы. И это делает их брошюры — легкие-легкие, листов в пять — тяжелее иных толстых томов о Ленине. Оба прошли сквозь огонь и воду и медные трубы теории. Оба — теоретики, стражающие каждый по-своему целую полосу в истории марксистской теории, точнее, философии, и одна и та же проблема в центре внимания у обоих — проблема марксистской диалектики.

Но, странное дело, они во всем различны. На мышление Лукача наложили своеобразную печать его эстетические занятия. Лукач еще недавно показал себя выдающимся эстетическим теоретиком Запада. Не наложило ли на его мышление искусство печать вечного тяготения к форме и ко всему формальному, увлечения системой, связью, соотношением и равновесием частей логической системы. Преобладание логической точки зрения во всем его мировоззрении есть, в сущности, преобладание этих понятий — абстрактных и деспотических. Для Лукача каждое понятие или практический шаг есть часть целого и такого целого, которое дано раньше своих частей. Для Деборина, наоборот, отношение к целому или системе приходит потом, когда единичное превращается или осуществляется в совокупном целом таких же единичных фактов. Деборин напирает на метод и при том метод отыскания и обоснования

систематических связей. Поэтому Лукач напирает на систему и пишет «Систему марксистской диалектики». Деборин пишет «Историю диалектики» и выводит содержание диалектики из ее истории. Поэтому, увлекаясь системой, Лукач насилует метод марксизма и, в конце концов, систематизм и логицизм его мышления приходят к своей противоположности — утверждению метода как такового, самодовлеющего и независимого от практики. Деборин, подчеркивая содержание и результаты марксистского метода, лишает метод самодовлеющего значения и защищает содержание от насилующего его Лукача. Поэтому у Лукача все выходит блестящим по форме, а содержание растягивается на прокрустовом ложе формы. У Деборина форма не связана, не порождает из себя содержание, и вообще метод имеет значение лишь постольку, поскольку имеет применение в практической жизни. Берите в руки его книгу — она рассыпется; конечно, это проклятая наша издательская безграмотность, наше техническое варварство, — но во всем этом есть что-то и от внутреннего, напр., хотя бы то, что он забыл озаглавить две последние главы (и вообще тут что-то перепутано). Но зато, когда Лукач бросает все содержание марксизма на прокрустово ложе своего восприятия логики, то для того, чтобы его понять, надо быть Лукачем. Для понимания же Деборина не обязательно быть Дебориным. Чтобы понять Лукача, надо надеть на себя логические шоры и смотреть все время в одну точку, где калейдоскопически чередуются, как в спектре, «отдельные моменты диалектического процесса», и, отдаваясь вместе с Лукачем музыкальной игре противоречий и зрелищу абстрактных раздетых понятий, засыпать, подобно индусским философам, не читавшим Гегеля, в созерцании своего собственного пупа. И, несмотря на то, что мысль Деборина часто «растекается по древу» и «лебедем во облацех», он весь понятен, он ближе нашему уму — и потому, что «марксистская диалектика» — не зашнурованная, как у Лукача, а подлинная живая — не выводится у него путем логического развития общего характера практических фактов политики или мировоззрений ленинизма, а трактуется постольку, поскольку сам предмет диалектичен, и потому, что его философские корни иные, «плебейские», как выразился бы Кант, *материалистические*. Для Лукача «диалектика есть теория истории» (S. 65, это — неверно, поскольку история берется у него в обычном смысле общественной науки), а так как Ленин это — сама история, то, естественно, Лукач бьет на логическое воображение и создает «глубокое» впечатление. Но если бы его остановили и указали на основы марксистской материалистической *теории познания*, то его материализм устыдился бы самого себя. Деборин исходит из Ленина как марксиста, Лукач — из гегельянизированного Маркса. Поэтому Деборин написал книжку о *философии* Ленина как марксиста, но ближе подошел к задачам, к самой сути *революционного мышления*. Книжка Лукача посвящена политическому учению Ленина как *революционного мыслителя*, но отходит назад от задач, от самой сути *философии марксизма*.

II.

Книжка Георга Лукача имеет своей задачей выяснить «*связь* между теорией и практикой Ленина». Автор исходит из того, что как раз эта связь не выяснена «с достаточной ясностью даже для многих коммунистов», в то время как все существо ленинизма заключается, по его мнению, в единстве практики и теории. А так как это единство, интересующее тов. Лукача, есть диалектическая связь теории, ставшей практикой, и практики, перешедшей в теорию, то и все внимание автора направлено на уяснение ленинской диалектики. Если подходить к книге тов. Лукача с этой точки зрения, то книгу надо определенно признать одной из лучших работ по марксистской диалектике в сочинениях Ленина. Для человека, у которого изощренная способность логической абстракции непрестанно ищет, где бы отметить «противоречие» и «самодвижение», жизненное дело Ленина представляет необъятное поле для «наблюдений». И в этом смысле тов. Лукач справился со своей задачей блестяще. Ни одна проблема ленинизма не ускользнула от ножа его диалектического анализа. Партия, война, буржуазная революция, государство, пролетарская революция, строительство социализма после захвата власти — все эти стороны ленинского учения у Лукача взяты в своей обнаженной диалектической сущности, и само изложение развивает вопрос за вопросом так, как если бы материалистическая диалектика сама раскрывалась перед читателем, принимая в себя все новые и новые моменты текучего движения жизни и практически вырастающего из нее мышления. Иногда кажется, что вот-вот здесь нащупана Ильичевская логика, там схвачено историческое мышление в его конкретном жизненном содержании. В особенности удачны в этом отношении как по форме, так и по существу две последние главы.

Но в логическом подходе к жизненному делу Ленина есть не только сила, но и слабость нашего автора. Тов. Лукач верно схватывает общее, верно схватывает все те моменты, в которых выражается переход, движение от теории к практике,— словом, верно схватывает теоретическое содержание данного практического шага Ленина, но он бессилен более или менее точно сформулировать (или, может быть, уяснить себе) конкретное содержание или целевое, тактическое значение данного практического факта прежде, чем «теоретизировать» по поводу него. В целом это — великолепный этюд по марксистской диалектике, но когда пытаешься прорваться сквозь абстрактно-логическую оболочку, облегающую все суждения тов. Лукача, и нащупать за нею «хоть что-нибудь» из мира настоящей ленинской *тактики*, да с настоящей сталинской прозрачностью, то чувствуешь, что все дело в этой оболочке, в методе и методе, и — в «словах, словах, словах».

«Вся человеческая практика,— говорит Ленин,— должна войти в полное «определение» предмета и как критик истины, и как практический определитель *связи предмета с тем, что нужно человеку*». Эта связь

предмета «*с тем, что нужно человеку*» есть, в сущности говоря, все то преобразование гегельянства, которое составляет сущность марксистского понимания истории. Если брать предмет в «самодвижении», но не сделать этого одного шага к тому, что «нужно человеку», то вы рассуждаете, как гегельянец, но не как марксист. Но так именно рассуждает тов. Лукач.

Абстрактный формалистический характер его мышления и вообще всего его подхода к вопросам ленинизма отражается роковым образом на целом ряде единичных положений автора. Иногда эти единичные положения — мелочи, не имеющие принципиального значения, но в той связи, в какой они преподносятся,— а они преподносятся в связи с общей политической революционной теорией,— приобретают сугубо важное значение. Возьмем хотя бы то «теоретическое» положение, которым открывается книга: «Исторический материализм есть теория пролетарской революции. Он является ею потому, что его сущность образует умственное постижение того общественного бытия, которое производит пролетариат, которое определяет собою все бытие пролетариата» (S. 9). В такой категорической форме, это и верно и неверно. Исторический материализм можно назвать, если хотите, предпосылкой теории пролетарской революции (теории, понимаемой в широком смысле), но он никогда не был теорией пролетарской революции. Метод исторического материализма позволяет проникать в истинную природу всех существовавших революций, метод исторического материализма позволяет определять движущие силы революционного процесса и развивать объективные условия этого процесса, если даже речь идет о буржуазной, а не о пролетарской революции, но учение о движущих силах революции и о роли партии не есть теория исторического материализма. Следовательно, перед нами — слишком общее, слишком абстрактное понимание пролетарской революции, с одной стороны, и с другой — слишком узкое и, если хотите, слишком «книжное» понимание исторического материализма. Для Лукача предпосылкой исторического материализма является «мировая актуальность пролетарской революции» (S. 11). Но значит ли это, что теория исторического материализма сводится к теории пролетарской революции. Было бы правильнее сказать наоборот: теория исторического материализма составляет лишь одну из теоретических предпосылок теории пролетарской революции. Ленинская теория империализма составляет существенную часть теории пролетарской революции, но можно ли сказать, что она сводится к ней? Конечно, нет.

Но пойдем дальше. Как определяет тов. Л. основную идею ленинизма как практического единства теории и практики революции? Что такое «актуальность революции», которая, по его мнению, является «предпосылкой теории исторического материализма»? «Актуальность пролетарской революции» — любимая идея Лукача. Это понятие витает над всей книгой; каждая проблема из жизненного дела Ленина освещается в непосредственной связи с этим понятием. И это, разумеется, так и должно бы быть. Ленинизм и есть марксизм эпохи крушения капитализма и

пролетарской революции. Пролетарская революция есть факт, и этот факт делает нашу эпоху революционной, т.-е. эпохой, когда «революция актуальна»,—чтобы выразиться словами тов. Лукача. Ленинская теория империализма и есть, строго говоря, доказательство этой «актуальности революции». Но как от «актуальности революции» переходить к объяснению и пониманию реальной революционной борьбы? «Актуальность революции» — общее положение, которое можно притянуть за волосы к чему-угодно и из которого путем логического развития можно вывести что угодно. Тов. Лукач совершенно прав, когда говорит, что она определяет собою «den Grundton einer ganzen Epoche». Вот именно! Спрашивается: каким образом «основная нота» эпохи, ее общий характер, может стать «мерилом для решения каждого конкретного вопроса текущего дня». «Только это отношение единичных действий к этому центру (auf dieses Zentrum), который может быть найден точным анализом общественно-исторического целого (des gesellschaftlich-geschichtlichen Ganzen), делает единичные действия революционными или контр-революционными». Это очень туманно,—но продолжим цитату: «Дальнейшее развитие, проделанное марксизмом, благодаря Ленину, состоит только в том—только! [1])—в том, что он более внутренним, более явственным и более богатым последствиями образом связал единичные действия с общей судьбой, с революционной судьбой всего рабочего класса (in innigeren, sichtbareren und folgenschwereren Verknüpfung der einzelnen Handlungen mit dem Gesammtschicksal, mit dem revolutionären Schicksal der ganzen Arbeiterklasse). Это звучит радикально и торжественно, но прежде всего — туманно. И тов. Л. поправляется так: значение Ленина заключается в том,—говорит он,—что один только он «сделал первый шаг на пути к конкретизированию ставшего практическим марксизма», т.-е. к конкретизированию общей идеи об «актуальности революции» в нашу эпоху. Объясняет ли все рассуждение тов. Лукача, как эта общая идея может в известные моменты помочь нам ориентироваться в революционной ситуации? Нет, не объясняет. Не объясняет и тогда, когда Лукач конкретизирует свою мысль таким образом: «Пролетарскую революцию в порядок дня (Tagesfrage) поставило развитие капитализма». Можно подумать, что достаточно дальше развивать эту мысль, конкретизировать ее дальше, и мы нащупаем, в конце концов, ту «связь между теорией и практикой Ленина», уяснению которой посвящена вся книга тов. Л. Однако это было бы в корне ошибочным предположением, потому что речь идет не о формулировках, а об исходных пунктах: исходить ли из Grundton'a der ganzen Epoche и в нем искать объяснения идущей на наших глазах революционной борьбе, или из анализа движущих сил этой борьбы выводить общий характер эпохи. Ведь экономический принцип (=«развитие капитализма») в этой связи рассуждений Лукача сам по себе не в состоянии объяснить, как применять общую идею об «актуальности революции» к тому или иному вопросу. И вот что писал Ленин об экономической основе революции в России:

[1]) Подчеркнуто тов. Лукачем.

«Это положение марксизма совершенно непреоборимо. Его никогда нельзя забывать, но его надо уметь применять. Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократии правого крыла с Плехановым во главе их, т.-е. *стремленье искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции* есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом. Про таких людей, которые выводят, напр., руководящую роль «буржуазии» в революции или необходимость поддержки либералов социалистами из общей истины о характере этой революции, Маркс повторил бы, вероятно, приведенную им однажды цитату из Гейне: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох» [1]). Mutatis mutandis все это прямо относится к способу рассуждения тов. Лукача. Ибо для него все жизненные проблемы революции решаются так или иначе, смотря по тому, связываем ли мы их с «актуальностью»... революции, или нет: автор ищет ответов на конкретные вопросы путем логического развития общей истины *о революционном характере нашей эпохи*. Что «актуальность революции» для революционной политики ленинизма ничего не объясняет — это можно доказать множеством примеров из книги тов. Лукача, но мы остановимся только на некоторых.

«Так как основной характер времени (Grundcharakter der Zeit) революционен, то каждую минуту может наступить остро-революционная (akut-revolutionär) ситуация» (S. 29). Но какими признаками отличается просто «революционная» ситуация от «остро-революционной» ситуации, тов. Лукач не выяснил или — точнее говоря — он не выяснил, что вообще дает нам право говорить об «остроте» революционной ситуации. И это — в порядке вещей, потому что к этому вопросу надо подходить не из «общих истин», но с другого методологического конца: — надо подходить из конкретного анализа положения и интересов различных классов, который определяет точное значение этой общей истины об актуальности революции в наше время в ее применении к тому или иному вопросу. «Из *актуальности* пролетарской *революции* следует, что буржуазия перестала быть революционным классом» (S. 19—20). Или далее: «В то же время *актуальность революции* означает, что брожение общества, распадение всего старого здания ни в коем случае не ограничивается одним пролетариатом, но захватывает все классы общества» (S. 27). Или еще: «Спор о характере и основной линии развития первой русской революции может быть решен только в том случае, если разрешен вопрос об основном характере нашей эпохи» (S. 35). «Погружение старого Интернационала в болото оппортунизма явилось следствием такой эпохи, революционный характер которой не был заметен на поверхности вещей» и т. д. (S. 51). «Актуальность революции выражается в актуальности

[1]) Ленин. Собр. соч. III, 10.

проблемы государства для пролетариата» (S. 61). «Актуальность революции означает то, что социализм поставлен на очередь дня рабочего движения» (S. 62). Приведенных цитат, мне думается, достаточно, чтобы составить впечатление об общем характере книжки тов. Лукача. Если бы таким абстрагирующим, логизирующим образом мы судили о событиях нашей эпохи,—напр., о саксонском опыте, о Гамбурге и т. д., то относительная истинность этой общей идеи актуальности революции в нашу эпоху превратилась бы в свою противоположность, приобрела бы объективно вредное значение. Тов. Лукач говорит истины, но именно потому, что эти истины справедливы для всякой эпохи, в них нет гарантий того, что на данной конкретной ступени развития классовой борьбы они выражают то, что «нужно пролетариату».

Еще несколько слов о частностях. Например, надо отметить «своеобразное» понимание автором позиции Розы Люксембург. Он полагает, что последняя дала блестящее экономическое обоснование переходу капитализма в империализм, как в последнюю фазу своего развития, но это обоснование, мол, было «теорией современного империализма *вообще*» (S. 38, курсив Лукача), «теорией *целой* эпохи», но общая теоретическая правильность понимания ею целой эпохи не конкретизировалась у нее до отчетливого знания конкретных движущих сил. Ленинская же теория империализма, по мнению тов. Лукача, была менее всего «теорией его экономически необходимого возникновения и его экономических границ — подобно теории Розы Люксембург,— но была теорией конкретных классовых сил, действующих в империализме» (S. 39). У Люксембург была «правильная историческая перспектива, правильная и величественная характеристика целой эпохи, но, именно, эпохи в целом. И Ленину оставалось сделать только один шаг из теории в область практики. И этот шаг все-таки — этого не надо забывать—ознаменовал собою теоретический прогресс. Ибо это был шаг из области абстрактного в область конкретного» (S. 42). Выходит так, что ленинская теория империализма есть конкретизация люксембургской теории накопления капитала. Ошибочность этого заключения настолько очевидна, что доказывать противное — значило бы ломиться в открытые двери [1]).

Неприемлемо и отношение тов. Лукача к Ленину как к теоретику пролетарского государства. Он готов признать, что и в этой области дело Ленина — дело величайшей теоретической важности, но, говорит он, это «не было ни восстановлением теоретического учения Маркса о государстве, ни систематизацией его принципов, но это было — как и все остальное — дальнейшим перенесением учения в область конкретного, конкретизированием до актуально-практического». Здесь та же ошибка, что и в предыдущем случае. «Теоретик» с головы до ног, тов. Лукач доходит до того, что в угоду своим диалектическим шорам умаляет самостоятель-

[1]) Отсылаю читателя к статьям *Н. И. Бухарина*: «Империализм и накопление капитала»,—«Под Знам. Марксизма», №№ 4—5, 6—7, и к статье *Ш. Дволайцкого*, «Вестник Коммун. Академии» № 5, 1923.

ное научно-теоретическое значение Ленина и в этой области. Ясно, что без самостоятельного научного обоснования теории пролетарского государства, сколько ни «конкретизируйте» до «актуально-практического», все равно ничего не выйдет.

Дело объясняется очень просто: тов. Лукач замечает в нашем грешном мире только то, что изменяется по законам диалектики, и познает он этот мир только в понятиях тезы, антитезы и синтеза. Это очень хорошо, это, по крайней мере, радикально, потому что, как известно, диалектика составляет не одну из сторон, а именно всю революционную душу марксизма. Но какова сущность этого радикализма? Одно замечание, брошенное вскользь тов. Лукачем на стр. 65 его книги, бросает свет на этот вопрос. Он говорит там, что «диалектика ведь есть теория истории». Вот тут и «корень всего», по выражению Козьмы Пруткова. Тов. Лукач отрицает применение диалектики к природе: диалектика, это — монополия общественно-исторического процесса, а так как все жизненное дело Ленина, как известно, было насквозь пронизано ясным пониманием и применением материалистической диалектики, то может показаться, что вся политика ленинизма льет воду на мельницу тов. Лукача. Но на самом деле его радикализм, все его понимание ленинизма предлагает ревизию марксизма в одном и существенном пункте—в *теории познания*. Если диалектика возможна только в общественно-историческом процессе, то, очевидно, это мы вносим ее туда, мы изменяем ее «диалектически». В самом деле, если бы тов. Лукач стоял на точке зрения материалистической теории познания, он должен был бы признать, что мы не можем мыслить диалектически, раз природа, отображаемая в наших мыслях, внутренне чужда и враждебна всякой диалектике. Следовательно, природа сама по себе, а мы сами по себе. Ясно, что тов. Лукач стоит на точке зрения дуализма, что всюду, где он говорит о «материалистической» диалектике, надо иметь в виду его идеалистическую гносеологию. Поэтому с виду он будто враждебен «созерцательному» материализму, с виду он активен, но именно с виду: по существу же идеалистическая гносеологическая основа его радикализма совершенно очевидна.

III.

Брошюра тов. Деборина, в своей основной и преобладающей части, представляет собою систематическое изложение книги Ленина: «Эмпириокритицизм и материализм». Основы материалистической теории познания, объективность истины, определение материи, пространство и время, мышление и бытие, критика физического идеализма, марксизм и этика,— все эти вопросы исследуются в книжке в живой, хотя и трудноватой для малоподготовленного читателя форме. Книжка принесет огромную пользу всем изучающим философские основы ленинизма. Главнейшие идеи «Эмпириокритицизма и материализма» тов. Д. приводит в связь с воззрениями Маркса и Энгельса, и вся его работа как бы является наглядным доказательством той мысли, что и в области

философии Ленин восстановил, солидаризуясь с Плехановым, а в некоторых пунктах и исправляя его, подлинное учение марксизма о философии, диалектический материализм.

Прежде чем говорить о значении книги в целом, мне бы хотелось остановиться на двух деталях. Трудно вяжутся у меня с духом ленинизма следующие слова: «Общество может при известных условиях стать предметом эксперимента. Природа противостоит нам, как нечто чуждое. Эксперименты там возможны лишь в ограниченных пределах... Ленин — великий социальный экспериментатор» (стр. 12). Это и звучит, да и по существу не так,— тем более, что на это указывает и все изложение тов. Деборина. И следующее место: «Когда Ленин писал свою книгу о материализме и эмпириокритицизме, он не мог предвидеть, что теория относительности, действительно, станет на такую точку зрения, по которой «после» и «раньше» могут меняться местами. Вовсе не обязательно, оказывается, чтобы я *раньше* родился, *потом* постепенно состарился и умер. С точки зрения теории относительности, я могу начать свою жизнь с конца и постепенно дойти до рождения. Однако, из теории относительности Эйнштейна *такие мистические выводы делаются*... Вопреки этой точке зрения, материализм будет отстаивать объективную, закономерную и необходимую связь между явлениями, между предшествующей причиной и следующим за ними действием. И материализм будет прав, потому что он стоит на почве конкретной и реальной действительности, а теория относительности имеет дело с чистейшими абстракциями, с математическими функциями» (стр. 44). Вот тут и не ясно: нужно ли отвергать теорию относительности только на том основании, что *из нее делаются мистические выводы?* Не уяснило ли бы весь этот вопрос различение философского понятия материи от научного понятия материи, пространства и времени?

Но все это такие детали, которые представляют собою скорее трудность и в общей связи книги чисто случайны. Огромное значение брошюры тов. Д. состоит в том, что ею положено начало теоретическому исследованию *философского метода* ленинизма. Недаром тов. Д. посвятил специальную главу «Марксизму и современной действительности», в которой в очень метких чертах он дает характеристику современных направлений в буржуазной философии на Западе; эта глава чрезвычайно своевременна, так как направлена прямо против философских кулис тов. Лукача и многих иных слишком много «философствующих» представителей западного марксизма. Овладеть философским методом Ленина значит тщательно изучить его философскую книгу «Материализм и эмпириокритицизм».

IV.

Современному русскому читателю, на первый взгляд, трудно подойти вплотную к этой книге, перегруженной полемикой и ссылками на иностранную литературу. Направленная против атаки ревизионистов, она

иному может показаться по замыслу своему чисто «академическим» полемическим сочинением. На самом деле, более глубокое знакомство с книгой и историческими условиями ее происхождения показывает, что в кропотливо, тщательно подобранных цитатах из Маркса, Энгельса, Фейербаха, в ее пламенной критике и в то же время, если хотите, архиакадемической «ученой» манере обосновывать свои рассуждения,—ни на минуту не перестает чувствоваться зоркий глаз строителя партии революционного марксизма. Письма Ленина этого года к М. Горькому показывают, с какой глубочайшей остротой воспринимал он философские разногласия среди большевиков. «Газету я забрасываю из-за своего философского запоя,—пишет он,—сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра — другого и — матерными» (от 16/III, 1908). «Дайте мне полаяться по-философски»,—пишет он другой раз (от IV, 1908). Особенно примечательна его философская солидаризация с Плехановым, что очень существенно, принимая во внимание существовавшие тогда фракционные отношения. В статьях этого же года он неоднократно высказывался категорически, что большевики никогда не станут делать поблажек «критике» марксизма, что большевики отстаивают «не букву своей, непременно своей фракционной теории, а общий дух и смысл революционной социал-демократической тактики» (XI, 328). И, конечно, недаром на статью «Марксизм и ревизионизм» Ленин смотрел, как на «формальное объявление войны», не терпящее никакой дипломатии (Лен. Сб. I, 101); недаром в письме к Я. Свердлову («Пролет. Рев.», V, 1922) он писал: «Вы видели газету до XII, 1908. С тех пор много воды утекло. С так называемыми «левыми» у нас — полный раскол, закрепленный весною 1909 г. Если вам случится увидеть мою книжку по философии (книгу эту я вам послал тотчас по выходе, т.-е. в начале лета 1909) и газету за 1908, то навряд ли вы скажете, что мы делаем уступки левоглупистам».

Обо всем этом надо было напомнить только потому, что подобные «биографические», политические корни ленинских произведений, написанных более 10 лет тому назад, уточняют их смысл и значение для нас, для современников иной политической эпохи, иной международной обстановки в идеологическом смысле слова. И уж совсем бесспорно то, что и такая книга, как «Материализм и эмпириокритицизм», написанная 16 лет тому назад, должна быть изучена не с точки зрения количества цитат или тяжести научного аппарата, а с оглядкой на современные формы, на формы развертывающейся на наших глазах классовой борьбы. Что говорили ревизионисты в 1908 году? «Материализм оказывается опровергнутым нашими смелыми воинами, — писал о них тогда Ленин, — которые гордо ссылаются на *современную теорию познания*», *на «новейшую философию» (или «новейший позитивизм»), на «философию современного естествознания»* или даже *«философию естествознания* XX века».

Разве подобные голоса не раздаются и теперь среди марксистов? Кто не чувствует именно теперь, в наши дни непрестанного напора на марксистское государство всех разновидностей международного идеализма?

И не ясно ли, что чем больше будет расти международное значение Октябрьской революции, тем сильнее и, так сказать, непосредственнее будут напирать на нас враждебные нам идеологии? Представьте, в какой сложной идеологической обстановке приходится бороться братским коммунистическим партиям, и вам станет ясно, почему те или иные социал-демократические пережитки в их рядах неразрывно связаны с определенными уклонами в области теории и, в значительной степени, в области философии. Что такое лозунг «большевизации партии», как не лозунг претворения в организационные формы марксистской теории? Реакцией на это идеологически очищающее влияние Октябрьской революции и является то напирание на нас враждебных нам идеологий, которое на наших глазах испытывает теперь русский марксизм.

Отсюда ясно, что научному исследованию философского метода Ленина должны быть поставлены две основные задачи: теоретически охватить и сформулировать ее *метод* таким образом, чтобы, пользуясь им, мы смогли выдержать «борьбу против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания», и, во-вторых, теоретически сформулировать все положительное *содержание* исследуемых в ней проблем таким образом, чтобы братские борющиеся партии на Западе, ввиду идеологической сложности окружающей их обстановки, не относились бессознательно к господствующему буржуазному миросозерцанию, но, разоблачая реакционность ее на солидном философском обосновании, не только оставались бы сами идейно монолитными, вылитыми как бы из одного куска стали, но и идеологически подготавливали бы массы для ведения решающей борьбы. Две задачи и—две стороны одной и той же проблемы: в марксистском государстве метод ленинизма составляет содержание марксистской теории, созидающей государство, в условиях же борьбы на Западе марксистским методом тактики и борьбы является содержание ленинизма. Две задачи и две стороны одной и той же проблемы: там — борьба за натиск, за овладение идеологическим влиянием, здесь — борьба против натиска враждебной идеологии. Две задачи и две стороны одной и той же проблемы: там—борьба за господство, у нас—разоблачение реакционных сторон напирающих на нас философских школ.

«Надо помнить, — писал Ленин *два года тому назад*, — что из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьица». Поэтому он советовал следить за всеми вопросами, которые выдвигает новейшая революция в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды, и усваивать все то положительное, что скрывается не в «выводах» прихвостней интеллигентской моды, но в самих открытиях естествознания и что лишний раз подтверждает диалектический материализм. Это тем более необходимо, что «естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае».

И в наши дни у нас, в марксистском государстве, делаются попытки «обновить» марксизм на основе этих неизбежных философских выводов из крутой ломки современного естествознания. Математическая философия, фрейдизм, эйнштейнианство, павловизм, — все это медленно, но упорно пробивает себе дорогу в марксистские умы.

Во всех этих теориях, несомненно, есть зерна положительного знания, которые войдут в науку, в плоть и кровь научного миропонимания и принесут ценные плоды. Но за эти теории хватаются интеллигентские поклонники модной философии и, прикрываясь терминологией науки — мантией научности, «новейшей науки»,—подкапываются под теоретическую монолитность марксизма и подготавливают восстановление буржуазного миросозерцания. Конечно, разоблачать истинный смысл реакционной моды возможно не теоретическим «всенаплюйством», не замалчиванием вопросов, которые выдвигает новейшая революция в естествознании в широком смысле слова. Напротив, марксизм должен дать всем этим теориям «солидное философское обоснование», чтобы на них не «сбивались» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды. Не теоретическое «всенаплюйство» и органическое недоверие ко всему «новому», но ясное признание того, что о том, что представляют собою эти самые теории на данной ступени исторического развития науки, нельзя судить по тому, что думают о них отдельные выразители их. Было бы непростительной наивностью с павловизмом смешивать то, что пишет об И. Павлове небезызвестный Енчмен. Было бы столь же наивно думать, что фрейдизм и есть то, что пишет о Фрейде некий пастор Пфистер, издавший недавно книжку, «в которой доказывает связь между скупостью, запорами, половым воздержанием и капитализмом» [1]). И уже для всех очевидно, что теория относительности Эйнштейна, это—одно дело, и совсем другое дело то, что думает об этой теории А. А. Флоренский, обосновавший посредством Эйнштейна систему Птоломея. Что касается математики... то идеалистические извращения в угоду реакционной моде возможны и здесь, но и здесь, как и в предыдущих случаях, вместе с водою—схоластикою математической логики—нельзя выплескивать и ребенка — диалектическую природу математического мышления.

Но, соглашаясь со всеми этими доводами, мы ни на одну минуту не должны забывать той самой беспощадной прямолинейности нашего мировоззрения, которая — среди современников — столь характерна для работ т. Деборина. Усвоив эту прямолинейность, эту партийность марксистского материализма, мы сможем отсекать реакционные тенденции «новейшей» философии и в завоеваниях «новейшей» науки открывать зерна положительного знания.

25 октября 1924 г.

---

[1]) Цит. по статье *Капелюша* «Марксизм и египетский сонник», — «Печ. и Рев.» № 5 за 1924 год.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ 900-х г.г.

В. И. Невский.

(Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Материалы по истории русского революционного движения, т. I. С предисловием, комментариями и двумя портретами. Русский революционный архив. Берлин 1923 г.)

I.

В истории революционного движения выдвигаются личности, жизнь и деятельность которых настолько срастаются с самим движением, что, изучая последнее, не пройдешь мимо этих деятелей, не отбросив их произведений, как бы порой ни были далеки от истины идеи и взгляды, развиваемые в этих произведениях. Документом истории становится всякий документ, принадлежащий перу таких деятелей.

К числу такого рода документов относятся письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова.

Конечно, в своих письмах оба выдающиеся деятели русского рабочего движения остаются людьми, принадлежащими к оппортунистическому течению этого движения; конечно, их письма являются субъективнейшими из исторических документов; конечно, в этой переписке очень много мелкого, преходящего, такого, на чем ненадолго задержит свое внимание не только читатель, но и ученый, историк; все это так, и за всем тем переписка, изданная в Берлине, имеет огромное значение для истории русского рабочего движения, представляет драгоценный материал, в котором «отразился век и современный человек».

Самой интересной частью переписки является часть, охватывающая период «Искры», т.-е. период от 1901 г. до 1903 г. В двадцативосьми письмах Мартова к Аксельроду и этого последнего то Мартову, то всей мюнхенской части редакции «Искры», перед нами раскрывается внутренняя, лабораторная работа той удивительно талантливой, необыкновенно энергичной и как бы самой историей подготовленной к своей задаче группы, которая и была организатором всего российского движения первой половины 900-х годов.

Хотя переписка непосредственно касается Мартова и Аксельрода, но, как это понятно само собой, с первого же письма вы встречаете имена

Плеханова и Ленина и сразу же погружаетесь в ту лихорадочную работу, какая кипела тогда за границей. Так, в первом же письме рисуется та далеко не благоприятная обстановка, в которой начиналась работа «Искры»: переправа газеты через границу была не налажена, и Мартов как раз сообщает о провале транспорта газеты в 3 тыс. экземпляров первого номера в начале 1901 года; мало того, даже идейная, руководящая, теоретическая работа самой редакции встречала неожиданные препятствия: оказывается, редакторы «Искры» и «Зари» находились даже в демократической Европе под цензурой своих немецких товарищей. Дело в том, что «Заря» печаталась легально в Штутгарте в типографии известного соц.-демокр. I. H. W. Dietz'a, в Германии же (в Лейпциге) нелегально печаталась и «Искра», боясь разоблачения германской полиции о связи «Зари» с «Искрой». Dietz и наводил цензуру на статьи искровцев, печатавшиеся в «Заре». Дело дошло до того, что в титульном листе журнала, где было сказано, что «Заря» «издается при ближайшем участии Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода и нескольких русских с.-д.», слова «нескольких русских с.-д.» были вычеркнуты. Статья Аксельрода, которая должна была пойти в качестве руководящей в первом номере «Искры», не была пропущена строгой соц.-демократической цензурой из боязни, что германская полиция, обративши на нее внимание, установит и связь между нелегальной «Искрой» и легальной «Зарей», печатавшейся открыто в той же типографии, в какой тайно печаталась газета.

По этому поводу В. И. Ленин писал Аксельроду 20 марта 1901 г.: «С «Зарей» неприятность. Этот капризный барин Дитц решительно отверг вашу статейку, убоявшись ссылок на «Искру», усмотрев запах групп и сославшись на то, что и Бебель, и Зингер (пайщики его, G. m. b. H.)[1]) побаиваются и т. п. Пришлось, к величайшему нашему сожалению, отказаться от вашей статьи, поместив вместо нее пару слов «К читателям». Ужасно неприятна эта новая цензура! И обложка пострадала: вычеркнули даже «нескольких русских с.-д.». Когда-то мы избавимся от «опеки» этих Dreckgenoss'ов».

Но опека этих Dreckgenoss'ов, пожалуй, являлась не самым острым тернием работы: в самом руководящем ядре, как теперь видно из писем, таились те тернии, которые причинили не одну рану и Ленину, и Мартову, и остальным участникам руководящего ядра. И в работе искровцев действовали все те же причины, какие и прежде в конце 80-х и в 90-е годы неоднократно вызывали оппозицию группе «Осв. Труда».

Мы говорим о конфликте, возникшем между Плехановым и Лениным по поводу проекта программы партии. Будущий историк группы «Осв. Труда» когда-нибудь подробно рассмотрит вопрос, какую роль играла личность Плеханова во всех этих столкновениях, недоразумениях и конфликтах, возникавших в группе, но сейчас уже видно, как много приносила неприятностей, излишней нервности и столкновений атмосфера

[1]) Книгоиздательство Герм. раб. соц.-дем. партии.

поклонения Плеханову, его авторитету и непогрешимости. Ленину, как и многим другим соц.-демократам, раньше него приезжавшим в Швейцарию, пришлось очень скоро узнать все невыгоды этой болезненной нетерпимости Плеханова: из опубликованных Л. Б. Каменевым материалов мы знаем о том, «как чуть не потухла «Искра» и как гасителем «Искры» чуть не оказался Плеханов, а из других материалов и писем Мартова и Аксельрода мы узнаем, что и при выработке проекта программы партии Плеханов чуть не довел дело до разрыва» (см. письма под номерами 18—21, стр. 58—68).

Первоначально проект программы партии был написан Плехановым в конце 1901 г. Этот проект рассматривался в январе 1902 г. на собрании редакции (за исключением А. Н. Потресова) и группы «О. Т.» в Мюнхене. Ленин, Мартов и отчасти Аксельрод нашли проект Плеханова неудовлетворительным, что и было ими высказано при обсуждении проекта в целом. (Недостатки проекта, по мнению критиков, заключались в абстрактности изложения и большом внимании, уделявшемся Плехановым борьбе с взглядами Э. Бернштейна.) Когда дело дошло до обсуждения проекта по пунктам, Плеханов отказался участвовать в обсуждении и взял проект обратно.

После отъезда Плеханова Ленин написал свой проект программы. Плеханов подверг этот проект резкой критике и заявил Аксельроду, что даже если остальные члены группы и редакции признают проект Ленина приемлемым, то он будет по-прежнему, с его точки зрения, неудовлетворительным.

При этом Плеханов прямо заявлял, что лучше воспрепятствовать принятию ленинского проекта, так как в таком случае произойдет раскол. Одновременно с этим заявлением Плеханов предложил свой проект уже в измененном виде, а Ленин написал замечания на этот проект Плеханова. Ввиду такого положения дел В. И. Засулич предложила во избежание раскола создать комиссию, которая в составе Мартова, Засулич и Дана (а в случае отъезда этого последнего — Л. Г. Дейча) рассмотрит спорные вопросы и выработает среднюю линию, приемлемую для всех. Комиссия должна была руководствоваться такими положениями: «...авторы проектов делают друг другу следующие уступки:

«1. Характеристика капиталистического развития дается такая, которая охватывает Россию, но вместе с тем оттеняется различие в степени развития.

2. Фрейевская [1]) формулировка «вытеснение» мелкого производства изменяется в направлении Жоржева проекта, т.-е. не все переходят в пролетариат, а частью продолжают существовать, лишь теряя значение. Зато изложение проекта должно быть короче и должны быть упомянуты социальные последствия капитализма: бедность, гнет эксплоатации, нищета, унижение и проч.

[1]) Фрей — псевдоним Ленина.

3. К пункту о классовой борьбе и социальной революции (против проекта Фрея) добавляется, что с.-д. борется против угнетения и эксплоатации не только наемных рабочих, но и всех трудящихся и угнетенных, и освободит все трудящиеся массы, но (в противность проекту Жоржа) самый пункт о классовой борьбе и социальной революции формулируется строго в духе *пролетарской классовой борьбы*, и добавляется диктатура пролетариата.

Составив свой проект, комиссия сообщает его всем членам редакторской группы и выслушивает их замечания.

Приняв во внимание все эти замечания и объяснения, комиссия составляет окончательный проект, который все члены редакции обязуются считать своим и защищать перед всеми» (стр. 59).

В дальнейшем обмене мнений выяснилось, что измененный проект Плеханова поддерживали и Аксельрод и Засулич; Плеханов же предлагал перенести обсуждение проектов на заседания «Лиги», против чего воспротивились все, а Ленин выдвинул предложение вынести спор на страницы печати.

Усилиями товарищей в апреле 1902 г. в Цюрихе было организовано второе заседание, где Аксельрод, Мартов, Плеханов, Засулич и Ленин, после продолжительных дебатов, приняли за основу измененный проект Плеханова, после чего и получился тот текст, который мы знаем по 21-му номеру «Искры».

Ленину предоставлено было право выступить с поправками в печати. И хотя Ленин этим правом не воспользовался, конфликт вспыхнул с новой силой, когда В. И. написал статью «Аграрная программа русской соц.-дем.» (напечатана в № 4 «Зари»). Статья была прочитана на совещании в Цюрихе. Она подверглась критике Аксельрода и особенно Плеханова. Решено, однако, было статью напечатать после исправлений согласно с замечаниями, сделанными на совещании. Ленин так и поступил, и, с согласия и одобрения Мартова, статья была снова послана Плеханову. Последний, однако, не удовлетворился исправлениями и настаивал на новом голосовании членами редакции сомнительных мест, при чем замечания Плеханова носили такой обидный характер, что снова стояла угроза о прекращении совместной работы.

Конфликт с трудом был улажен остальными членами группы и редакции.

О силе и характере возникшего конфликта можно судить по письму от 15 мая 1902 г. Мартова, который писал Аксельроду:

> Обстоятельства, которыми сопровождается обсуждение аграрной статьи Ленина, заставляют меня писать это письмо и таким образом сделать попытку повлиять на дальнейший ход развития «внутренних отношений» в нашей коллегии, которые в настоящий момент дают основания к самым неприятным опасениям...
>
> ...Дело вот в чем. В Цюрихе сообща разбирали статью Вл. Ил. (Ленина) и выработали формулировку тех поправок и изменений, которые мы все считали необходимым условием для того, чтобы статья могла пойти, как редак-

ционная. Вл. Иль(ич), соответственно сделанным мною на полях с общего согласия замечаниям, изменил статью.

При просмотре ее в новом виде я счел *себя лично* удовлетворенным сделанными реформами, но, не полагаясь на свое личное впечатление, как человека, который *всех меньше* был недоволен большинством соответствующих мест в первоначальном тексте, я не высказался окончательно, предложил послать статью Г. В. (Плеханову) и Вам с тем, чтобы выразили свое отношение и, буде то или другое изменение покажется недостаточным, чтобы предлагалась *всей коллегии* голосовать определенно-формулированная новая редакция критикуемого места (процедура та же, что проделана с программой). Только таким образом можно было надеяться на то, что редакционное обсуждение не будет означать бесконечной волокиты. Так и было сделано.

Полученные теперь замечания Георгия Валентиновича придали всему вопросу о редакционном обсуждении статьи Ленина совершенно новый вид. Вы видели и читали эти замечания и, надеюсь, не будете протестовать против моих слов, если я скажу, что характер их необыкновенный в практике нашего коллегиального обсуждения статей, принадлежащих членам коллегии. По моему мнению, замечания написаны не только в высшей степени резко, но местами как бы умышленно резко, без всякого соображения с тем, что та или другая фраза должна звучать просто *оскорбительно*. Читая замечания, выносишь впечатление, что они написаны не для мотивировки того или другого предложения редакционных изменений, а для «поучения» автора. Не буду говорить о том, что многие замечания по их смыслу могут относиться только к *первоначальному* тексту статьи и являются анахронизмом по отношению к тексту измененному (имею право высказать это предположение, ибо в этих случаях Г. В. дважды прибавил: «согласен с замечанием Берга», тогда как писанные моей рукой на полях замечания, на которые он ссылается, суть не мои замечания на измененный текст, а мною записанная в Цюрихе формулировка наших общих указаний автору, которые он, по мере разумения, принял во внимание)... Не буду останавливаться на вопросе, возможно ли ставить себе целью добиться от автора статьи, являющейся комментарием к принятой редакцией программе, чтобы он не только устранил все те отдельные положения, ясно выражающие его индивидуальные взгляды на вопрос, которых не разделяет большинство (что мы потребовали от автора), но и чтобы он те взгляды, с которыми все согласны, выражал и защищал совершенно так, как их защищал бы каждый из нас на месте его? А между тем к этому сводится, в сущности, «мораль» большинства замечаний Г. В. Остановлюсь только на одном вопросе: что предлагает нам вотировать Г. В.? В одном месте предложение поручить автору «радикально переделать» одну страницу; в другом месте—сделать стилистическую поправку. Прошу Вас и В. Ив. (Засулич) подумать: уместно ли предлагать нам обращаться с товарищем по редакции, как с учеником, которому поручают переделать написанное сочинение и представить новый текст для новой, столь же усердной критики? Уместно ли предлагать нам вотировать определенные стилистические улучшения в статье соредактора? Отчего бы тогда спор между критиком и автором по вопросу о том, какова орфография какого-нибудь слова в его статье, не предложить вотировать нам, т.-е. *навязать* свое толкование орфографии? В высшей степени печально, что после $1^1/_2$-годовой совместной работы, в течение которой ни разу ни один автор из коллегии не подвергался и в отдаленной степени подобному третированию, ему подвергался теперь со стороны Г. В. автор статьи, при чтении которой Г. В. перед всеми нами очень одобрительно отозвался о важнейшей ее части. Неужели мы можем согласиться установить отныне такого рода редакционное обсуждение статей соредакторов, при котором каждая фраза и каждое слово будут подвергаться такой специфической фильтровке, каждое, даже стилистическое улучшение, относительно которого критик не

сможет столковаться с автором, будет вотироваться коллегией, чтобы быть навязанным автору... quand même (стр. 63, 64 и 65)

Из только что приведенного отрывка Мартовского письма, кажется, достаточно ясно обрисовался тот метод критики Плеханова, который выносили только самые терпеливые люди.

Нужно было так высоко ставить общие задачи русского рабочего движения и так равнодушно относиться к своим личным интересам, как это умел делать Ленин, чтобы во имя более высших целей движения согласиться переносить «критику» Плеханова.

В этом конфликте между Плехановым и Лениным Мартову принадлежит большая заслуга: он энергично протестовал против методов Плехановской критики. Вообще очень чуткий и деликатный, Мартов не терпел такого варварского надругательства над человеческой личностью и потому со всей энергией протестовал против Плеханова.

«Как бы ни был я солидарен, — писал Мартов в том же письме Аксельроду, — с отдельными предложениями поправок, сделанными Г. В. или даже Вами, я не могу теперь вотировать их, когда всей этой процедуре Г. В-чем не только придан заранее характер насилия над автором, но и принятие этих замечаний к сведению могло бы означать солидарность с тем пренебрежительно-отрицательным отношением к весьма хорошей и нужной нам статье, какое сквозит во всех почти замечаниях Г. В.».

Вообще все письма периода «Искры» рисуют очень хорошо ту специфическую атмосферу группы «Осв. Труда», которая теперь характеризуется и другими документами в том же свете, и где Плеханов не довольствовался вполне оправдываемым авторитетом и любовью, но и являлся подчас божком-тираном одной семьи, как когда-то охарактеризовал группу «Осв. Тр.» Тихомиров.

И Аксельрод, и, в особенности, В. И. Засулич в конечном счете думали «по-Плеханову», а Ленин уже тогда был не орленком, а настоящим орлом, самостоятельно расправлявшим крылья и не нуждавшимся в указаниях, как управляться с этими крыльями.

Кроме выяснения этой стороны работы руководящего ядра «Искры», письма рисуют и вообще заграничную обстановку работы, отношение к «Искре» разных других групп — Рязановско-Стекловской «Борьбы», рабочедельцев, соц.-демократической молодежи — и ход работы в России, и влияние «Искры» на российские кружки и группки, и оценку текущих политических событий, даваемую «Искрой», и многое другое.

Только теперь, с опубликованием этой переписки, историк имеет возможность оценить, напр., притязания группы «Борьба» на участие в работе «Искры». Мы далеки от того, чтобы сводить на-нет значение группы «Борьба», как это делают некоторые. Рязановская критика программы с.-д. партии и группы «Осв. Тр.» имела свое значение, как бы в свое время ни упражнялся в остроумии по этому поводу Плеханов. Это, конечно, так, но несомненно, что ядро «Искры» — Плеханов, Ленин, Мартов и Аксельрод, как теоретики, не могли итти ни в какое сравнение

с некоторыми членами группы «Борьба». И этим, конечно, объясняется то резко отрицательное отношение, напр., к статьям Невзорова (Склова), какое видно из писем Мартова Аксельроду. В этом резко-отрицательном отношении сходились все; вопрос, разделявший членов редакции, сводился только к тому, печатать ли статью Невзорова с примечанием от редакции, как думал Аксельрод, или, не печатая, подвергнуть ее критике тогда, когда она увидит свет не на страницах «Искры».

Впрочем, вопрос о взаимоотношениях с другими соц.-демократическими организациями для редакции «Искры» являлся одним из важнейших вопросов, так как группа «Освобождение Труда» находилась далеко не в благоприятных условиях с этой стороны.

Как видно из писем Аксельрода, он неоднократно поднимал этот вопрос и прекрасно понимал, что без хорошей сорганизованной и сочувствующей «Искре» периферии—и за границей существовать нельзя. Ему приходилось практически заниматься организацией периферии еще в 80-е и 90-е годы, и он понимал, как тяжело работать в атмосфере враждебности или хотя бы только равнодушия.

«При том значении,—пишет Аксельрод 21 июня 1901 г. мюнхенской части редакции,—которое—к несчастью!—приобрела разношерстная масса заграничных россиян для нашего движения, образование здесь вокруг «Искры-Зари» плотной, вполне солидарной с ними организации является необходимым отправным пунктом, первым необходимым шагом на пути осуществления организационного плана, намечаемого в передовице «Искры». Так представляется дело мне из прекрасного далека. Может быть, я ошибаюсь. Но я настолько проникнут сознанием Вашего исторического права на руководство нашим движением и громадности услуги, которую Вы можете ему оказать, что считаю себя обязанным хотя в немногих словах высказать свои опасения и свое мнение» (стр. 37).

В этом же письме, взвешивая положение, в котором находилась редакция «Искры», имевшая против себя хорошо сплоченные организации «Бунда» и «Рабочего Дела», Аксельрод говорит: «... прежде всего надобно было бы сорганизовать вокруг «Искры» элементы вполне солидарные с нею и искренне сочувствующие ей. Фраза Петрова: «Только финансы—швах» является для меня новым доказательством безусловной необходимости теперь же приняться за сплочение фактически расположенных к новой группе лиц. Теперь—полная бесформенность, а специально «С.-Д.» поневоле попал в положение, парализующее его фактические и потенциальные силы. Сопоставлять «Искру» и Вашу компанию с «Р. Д.» я считаю святотатством. Но у Вас—литературные силы, Вы—писательская группа, не имеющая за собой прочной организации, а там—...дельцы, юркие гешефтмахеры, организованные в Бунд и потихоньку обделывающие...».

Несмотря, однако, на такое отсутствие периферии у «Искры» за границей, руководители газеты совсем не думали уступать под натиском «Рабочего Дела» и «Борьбы», предлагавшей свое содействие для объединения «Искры» и уже существующих соц.-демократических организаций.

В письмах Аксельрода 12 и 17 (от 12 июля и 31 августа 1901 г.) читатель найдет весьма интересные суждения о статье Невзорова, критиковавшей передовицу Ленина в № 4 «Искры» («С чего начать»), найдет в этих же письмах читатель и довольно резкие характеристики действующих лиц, быть может, с нашей нынешней точки зрения и несправедливые, и не совсем точные, но вполне понятные в той обстановке борьбы, когда в хаосе кустарничества приходилось строить партию: если уж искровцы подчас не щадили своих, более близких «Искре» людей, то что же было раздумывать о тех людях, теоретическую высоту которых Аксельрод охарактеризовал прямо убийственными чертами. «За внешней оболочкой бойкого изложения,— говорит Аксельрод о статье Невзорова,— скрывается вавилонское столпотворение противоречий, банальностей, путаных мыслей, нахватанных, непереваренных и механически склеенных» (стр. 41).

Вся переписка Мартова и Аксельрода показывает, что руководители «Искры» очень ревниво оберегали и отстаивали свои теоретические позиции, не отказываясь в то же время от переговоров об объединении, по крайней мере в первое время, и с «рабочедельцами», и с «Борьбой», и с «Бундом». Только по мере того как в ходе переговоров все лучше и лучше выяснялись позиции организаций, стремившихся сойтись с «Искрой» и подчинить ее себе, мечты некоторых членов редакции о совместной работе становились все безнадежней.

Что вопрос здесь шел именно о сохранении революционных теоретических позиций, от чего, конечно, зависел и успех чисто практический, это общеизвестно, и этому руководители «Искры» придавали огромное значение: Аксельрод, напр., так и формулирует вопрос, когда в письме к мюнхенской части редакции «Искры» расценивает взгляды, развиваемые рабочедельцами, как такое течение, которое «логически ведет к ликвидации социал-демократии и к превращению ее в демократическое движение под громким флагом «интернационального социализма» (стр. 41).

Работая с трениями даже в своей собственной коллегии, встречая критику со стороны и «Раб. Дела», и «Бунда», и «Борьбы», не располагая хорошими денежными средствами, руководители «Искры», кроме чисто публицистической литературной работы, успевали привлекать людей и для чисто практической организационной стороны дела: налаживания транспорта, установления связей с Россией, привлечения более видных русских деятелей.

Все это находит свое отражение в опубликованной переписке. Как трудна была эта организационная сторона дела, видно, например, из письма Мартова от 16 июля 1901 г., где он пишет: «С лондонцами, которые уехали, пробыв здесь пять дней, мы подробно потолковали, да еще и раньше с Новоселовым я вместе жил ½ года на юге и достиг достаточной «гармонии во взглядах». Они едут в Россию, и если только не влетят скоро, несомненно, окажут большие услуги делу. Вместе с ним у нас теперь на службе будет уже 9 «нелегальных», чего, конечно, нет ни у одной организации, действующей в России. К осени это число может

увеличиться до 12—15» (стр. 46). Здесь идет речь о недавно умершем В. П. Ногине, старейшем искровце, приехавшем в Мюнхен из Лондона.

Девять нелегальных работников—вот с какой армией приходилось приступать «Искре» к созданию той организации, из которой выросла одна из величайших партий в мире!

Письма и комментарии к ним дают богатейший материал для изучения истории русской социал-демократии; они проливают яркий свет на очень многие моменты нашей истории, доселе недостаточно освещенные или мало известные; они рисуют и самих деятелей руководящего ядра «Искры», и их взгляды, и мнения по важнейшим вопросам движения и дают характеристики действовавших тогда в России групп и людей.

В частности, большой интерес представляет письмо Аксельрода (за № 15 от 19/VII—1901 г.) по поводу статьи Ленина о предисловии П. Струве к записке С. Витте «Самодержавие и Земство» («Гонители земства и Аннибалы либерализма»). Было бы бесполезно излагать содержание этого письма, ибо пришлось бы переписывать его целиком, но небесполезно отметить здесь одно обстоятельство — именно признание Аксельрода, что по важнейшему вопросу тактики соц.-демократии — по вопросу об отношении к либералам — у руководителей «Искры» не было единого мнения. «Недостаточная выясненность,— пишет Аксельрод по поводу статьи Ленина о Струве,— нашего коллективного отношения к вопросам и явлениям, которых касается статья, делает крайне затруднительным письменный обмен мыслей по поводу этой рукописи» (стр. 48).

II.

Просматривая переписку Мартова и Аксельрода за период «Искры» до второго съезда, чувствуешь, что «издержки производства» играют известную роль в работе руководителей «Искры», но все же не они являются центром внимания искровцев, положительная творческая работа заполняет всю деятельность искровцев и даже сама полемика является созидающим фактором. Но вот мы переходим грань, отделяющую период старой «Искры» от «Искры» новой, «Искры» меньшевиков, и сразу же чувствуется, как издержки производства заполняют все больше и больше содержание переписки.

В самом деле, вот письмо Мартова от 31 августа 1903 года, стало быть, письмо, вышедшее из-под пера, можно сказать, почти в момент боя. Все письмо целиком посвящено борьбе с Лениным и большевиками. Мы видим, что Мартов играл, пожалуй, первую роль в той борьбе, какая разыгралась вокруг ЦК, ЦО и Совета партии. По крайней мере Мартов диктует платформу и дальнейший план борьбы.

> Имей в виду,— пишет от Аксельроду,— что никакой русский ЦК à la longue не согласится на роль прихвостня, можно быть уверенным, что большинство в Совете скоро уйдет из рук Ленина. Надо только не допустить, чтобы делегирование в Совет считалось бессрочным, как, повидимому, хочет толковать Ленин. Мы можем дать обязательство не отзывать его ранее, ска-

жем, 6 месяцев — c'est tout. 2. Мы должны требовать приема Троцкого. Это очень трудный пункт. Имея в виду, что мы всегда можем в будущем требовать снова и снова кооптации, мы можем — в самом крайнем случае — и тут уступить, если только положение Троцкого будет обеспечено, например, тем, что при редакции будет образована специальная группа для редактирования популярно-брошюрочной литературы из меня, Троцкого и, скажем, Веры Ивановны. Во всяком случае, уступать по этому пункту надо только при полной невозможности добиться приема Троцкого теперь же. 3. С Курцем мы будем одновременно вести переговоры о приеме в ЦК двух из числа наших кандидатов, которых мы сможем представить в числе 4-х, примерно, человек.

Для современного читателя неясно, в чем тут дело, но если вспомнить, что на втором съезде в результате борьбы конструирование центральных органов произошло не так, как это было желательно меньшевикам, то многое станет ясным. Мартов и его сторонники настаивали на старом составе редакции (шесть человек: Аксельрод, Засулич, Ленин, Мартов, Плеханов и Потресов), съезд же выбрал редакцию в составе трех человек: Плеханов, Мартов и Ленин. ЦК, выбранный съездом, состоял из Глебова-Носкова, Ленгника-Курца и Кржижановского-Клэра, — лиц, из которых меньшевики надеялись склонить на свою сторону только Носкова, занимавшего примиренческую позицию. Состав Совета съездом был намечен так, что два его члена являлись представителями ЦК, два другие — ЦО и один выбирался съездом (Плеханов). Таким образом самим съездом было создано положение, при котором воля съездовского большинства явно господствовала и в центральных учреждениях.

Вместо подчинения меньшинства большинству съезда, меньшинство начало борьбу за места в центральных учреждениях партии. Было бы смешно сейчас выступать с обвинениями против той или другой части второго съезда, точно так же было бы бесполезно сейчас излагать в настоящей статье историю борьбы на этом съезде,—мы приведенной выдержкой из письма Мартова хотели только показать, что и меньшевики, с Мартовым во главе, сидели далеко не мирно настроенными после поражения на съезде. Лозунг: «мы всегда можем в будущем требовать снова и снова кооптации» был брошен Мартовым, хотя, правда, и после предложения Плеханова и Ленина организовать редакцию в старом составе при условии, что одно из мест от редакции ЦО в Совете будет предоставлено большевику.

Кооптационные дрязги, борьба за места, планы наступления на своих недавних друзей—наполняют отныне письма Мартова и Аксельрода. Оба они не скупятся на самые беспощадные характеристики своих недавних единомышленников («Литвинов же явно пробирается в ЦК, и его надо *гнать в шею*»,—пишет, напр., Мартов), оба они, совершенно не стесняясь называть вещи своими именами, принимаются организовывать фракцию в дотоле единой партии, оба они пытаются перенести раскол и в Россию и через местные комитеты оказать давление на большевиков. И Аксельрод, и Мартов говорят об этом совершенно откровенно. Так, напр., в письме от 24 ноября 1903 г. Аксельрод, между прочим, пишет Мартову:

«Восстановляется редакция, хотя бы на условиях, предложенных Лениным, в Лондоне. Помня то, что вы и В. Ив. (Засулич) говорили мне в пользу соглашения на основе такого условия, я думаю, что вопрос о введении новых членов в ЦК можно — *в эту минуту* — оставить в стороне, так как, будучи кооптированы, мы можем, в качестве *большинства* редакции, начать систематическое давление на ЦК (а не на Ленина, как теперь, чем поднимаем только его авторитет).

3. Нам поручают издание брошюр и т. д. В таком случае мы формального юридического влияния лишены. Поэтому требование кооптации ЦК новых членов должно быть условием sine qua non для соглашения. В противном случае получится впечатление, что для нас все дело сводилось к тому, чтобы пристроить себя лично.

Затем всякие условия и соглашения с начальством должны быть (для нас) санкционированы, по крайней мере, теми членами оппозиции, которые находятся в Женеве. При том, не в одиночку, а *собранием* (стр. 93).

Так учил учитель-Аксельрод, а вот как говорили его ученики, собравшиеся в Женеве на совещание и выработавшие план наступления оппозиции на большевиков (на этом собрании в числе прочих были: Мартов, Засулич, Потресов, Троцкий, Дейч, И. Г. Смидович-Леман, В. Н. Крохмаль):

«...В виду того, что одной из причин, сбусловивших торжество дезорганизаторских тенденций на съезде, является слабость местных комитетов и малая сознательность их членов, мы должны взять на себя организаторскую работу на местах и через посредство местных организаций воздействовать на центральные учреждения партии в целях их пресбразования» (стр. 95).

По словам комментатора писем, это предложение было сформулировано Мартовым, но, как понимает читатель, предложение это есть не что иное, как начало самой настоящей фракционной организации и на местах.

Впрочем, в Женеве меньшевиками был организован меньшевистский центр, который поставил вопрос о борьбе внутри партии за господство серьезно и думал даже об организации своего оппозиционного органа под названием «Крамола» (на существование особой литературной группы меньшинства ЦК дал согласие). «Если верить перебежчикам,—пишет по этому поводу Мартов (а таковые уже имеются),—Ленин намерен отдать нам редакцию, остаться сотрудником и, войдя в ЦК, оттуда воевать с нами. Мы, пока что, продолжаем готовить «Крамолу» (моя статья уже набирается), чтобы, если Ленин не уступит и редакцию, тотчас же выступить (стр. 97).

Мы привели эти выдержки совсем не для того, чтобы сказать: «Смотрите, какие злые люди меньшевики, и какие пай-мальчики большевики!» Раскол на втором съезде, как это ясно каждому, произошел совсем не по злой воле большевиков и меньшевиков: причины более серьезные вызвали этот раскол.

Что, действительно, разногласия между большевиками и меньшевиками гораздо глубже и серьезнее, чем это казалось на втором съезде, это, как известно, стало ясно очень скоро, и уже в конце 1904 г. это было

показано Лениным в статье: «Земская кампания и план «Искры». Еще яснее выступают эти серьезные принципиальные разногласия в эпоху революции, что видно, напр., в письмах Мартова и Аксельрода, где они говорят о выборах в гос. думу (письма Мартова от сентября и октября 1905 г.). Особенно интересно письмо Мартова Аксельроду от октября 1905 г. (за № 47 — стр. 124, № 5 — стр. 128). Здесь, в этом письме уже целиком выявлена тактика меньшевиков, которую они будут проводить в течение долгих лет.

Богатейший материал представляют и письма, охватывающие периоды, следующие за январскими днями 1905 г.: период 1905—1907 г.г., период реакции и война. Но и в этих письмах мы можем наблюдать, как раскол, «издержки производства» истории, в силу логического хода вещей, стоили очень дорого и большевикам, и меньшевикам.

В письме, напр., уже из России, из Петербурга, Мартов (конец октября 1905 г.), рассказывая о боевом настроении общества и особенно пролетариата в связи с организацией Совета Рабочих Депутатов, между прочим, говорит: «Престиж с.-д. стоит *невероятно высоко*. Нечто подобное трудно было себе представить. Демократия заискивает; в последние дни началось «массовое» обратное превращение освобожденцев в «марксистов» (при том обыкновенно в меньшевиков). Влияние (идейное) так колоссально велико, что «захват власти» при бурном обороте дальнейших событий начинает иногда казаться почти неизбежным (это не значит, что такой захват представляет нечто заманчивое; я-то боюсь, что это будет поворотным пунктом революции и не хуже, чем была якобинская диктатура)».

Это констатирование Мартовым перехода бывших освобожденцев в меньшевики очень характерно и является примером того, как, независимо от воли вождей, история по-своему, в силу внутреннего хода вещей, окупает свои издержки производства: чем дальше шло развитие революции, тем яснее и яснее становилась буржуазная сущность меньшевизма. В высокой степени интересны письма Мартова, в которых он рассказывает о настроении рабочих в связи с выборами в I и во II гос. думы (письма от 17 февраля 1906 г. и от 10 января и 17 февраля 1907 г., первое—из Петербурга, второе и третье—из Териок). В письме о выборах во II гос. думу (от 17 февраля 1907 г.) очень интересны объяснения причины отлива рабочих от соц.-демократии. Как известно, при выборах по рабочей курии в Петербурге рабочие крупнейших заводов выбрали уполномоченных соц.-революционеров: соц.-революционеры получили более трети всех рабочих голосов, при чем кандидаты соц.-рев. целиком прошли на таких заводах, как Семянниковский, Обуховский, Патронный, Металлический, а на Балтийском и Франко-Русском, где были особенно сильны соц.-демократы, соц.-революционеры собрали половину всех голосов.

Каковы причины этого поражения? — спрашивает Мартов и отвечает так:—Публика, удрученная фактом, теряется в объяснениях. Рабочие говорят, что вина всему — «фракционная борьба», отталкивающая рабочих. Я отвер-

гаю это объяснение таким сопоставлением: на Патронном заводе работают исключительно большевики, на Выборгском Металлическом заводе и других 2-х, где победили тоже эс-эры, работают исключительно меньшевики, следовательно, тут и там масса непосредственно не ощущала тяжести фракционной борьбы. С другой стороны, на Петербургской стороне на ряде заводов на выборах конкурировали большевики и меньшевики, выступая отдельно со своими кандидатами; и тут после жарких дебатов о «вооруженном восстании» и «кадетах», масса выбирала все же с.-д. (преимущественно, большевиков, ибо район этот искони большевистский). Скорее верно, что фракционная борьба должна была lahmlegen... (парализовать) всю работу организации, заменив ее «дискуссиями» и «выборами по платформам», а это могло деморализовать широкие слои рабочих. Во всяком случае, ясно, что предвыборная агитация велась из рук вон плохо, без всякого толку. Перед выборами не было даже распространено листка с призывом голосовать за с.-д. Наши влиятельные рабочие, вроде Василия Гавриловича [1]), целиком положились на то, что масса «шла» за ними при всех предыдущих «выступлениях», резолюциях и проч. Они только забыли, что «тайное голосование» есть та форма, когда член «сплошной» массы возвращает себе свою индивидуальность и выходит из-под повиновения «вождям». Вопрос лишь в том, какие импульсы толкали ее к этому неповиновению. Повидимому, эти импульсы были двоякого рода: 1) сочувствие некоторым сторонам эс-эровской платформы — террору и «земле и воле». Поскольку играл роль этот фактор, значительная доля вины падает на «большевизм» с его пропагандой «боевых методов». Но я думаю, что важнее второй импульс, чисто отрицательный: недовольство соц.-дем. организацией. Чем оно вызвано? Указывают на вялую работу за последние $1^1/_2$ года, отрыжку недовольства последней забастовки. Все это едва ли сыграло главную роль. Но один повод недовольства, встречающийся в нескольких местах, мне кажется, дает ключ к пониманию. В ряде заводов выбор эс-эров был прямым вотом недоверия против «заводских комиссий», выбранных во время думы и состоявших почти сплошь из с.-д. Масса протестовала против «управления» этих комиссий, и на этой именно струнке играли ораторы-демагоги, эс-эры (эта же причина провала кандидатуры Василия Гавриловича). Очевидно,—и это для меня самый важный итог выборов,—что наши рабочие в этих «беспартийных и демократически выбранных комиссиях» управляют заводскими делами так деспотически, так «партийно» в смысле организационных традиций нашей партии, что вызывают глухое недовольство темной массы, которая не умеет его проявить в европейских формах — требованием отчетности и ответственности, но мстит при удобном случае. Если это явление повсеместное и встречающееся так же и там, где нет таких комиссий, но просто спевшаяся кучка с.-д. «верховодит» заводом,— тогда провал с.-д. объясняется совершенно так же, как и все наши злоключения: внешние условия, мешающие правильному функционированию «рабочей демократии»; очень низкий уровень массы и весьма невысокий политический уровень с.-д. рабочего авангарда, неспособного при этих неблагоприятных условиях вести все же с.-д. линию, избегая легкого соблазна «управлять» массами так, как ими управляли парижские якобинцы» (стр. 157).

Это характерное для меньшевика рассуждение о рабочей демократии в своем объяснении провала на выборах с.-д. интересно именно в том отношении, что, пытаясь доказать, будто фракционная борьба не являлась причиной провала, Мартов как раз и доказывает именно влияние фракционной борьбы на печальный исход выборов. Именно поглощение всех сил фракционной борьбой, — дискуссиями, докладами,

[1]) Чиркин, ныне коммунист.

прениями и т. п. — заставило наши соц.-дем. организации выпустить из своих рук руководство непартийной массой. Что это действительно так, видно из того, что как только окончились выборы и прекратились дискуссии, с.-д., бросившиеся снова в массу, очень легко снова отвоевали рабочие массы у эс-эров: последние не закрепили своих позиций среди рабочих.

Издержки производства снова были настолько велики в период выборов во II гос. думу, что с.-д. на время потеряли рабочую массу на заводах.

Означает ли все сказанное, однако, что так как-де издержки производства, т.-е. отрицательное действие фракционной борьбы очень велико, то не следует выявлять разногласия, а, наоборот, затушовывать их. Конечно, нет. Да и смешно было бы ставить рогатки проявлению разногласий: ведь разногласия, это—отражение в области идей того хода вещей, изменить ход которых человечество бессильно дотоле, доколе пролетариат не переделает всего мира этих вещей.

Наоборот, совершенно правильно поступали спорящие, все резче и все острее ставя проблемы, разделявшие их, ибо тем скорее определялись оба эти течения, как партии двух совершенно различных классовых группировок — пролетарской и мелко-буржуазной. Ведь чем дальше развивались события, тем эта пропасть между двумя частями некогда единой партии увеличивалась, и тем яснее становилось всем, что им между собой не столковаться.

Отдельные представители двух группировок в те или другие моменты нашей истории могли сближаться или расходиться со своими бывшими противниками и друзьями (как, напр., Плеханов и Мартов во время реакции и войны), но в общем и целом пропасть между двумя течениями с.-д. все ширилась и углублялась. Это особенно наглядно и обнаружилось во время войны.

III.

Период реакции (1907—1910 г.г.) и период подъема (1911—1914 г.г.) охвачен письмами Мартова и Аксельрода очень полно и хорошо. Мы не будем следовать за Мартовым в его печальных обзорах тех падений, того развала, тех измен и преступлений, которыми характеризуется период реакции. Слишком безотрадная картина вырисовывается на этом фоне реакции. Интереснее другой вопрос: как ко всему этому развалу партии, и прежде всего меньшевистской части ее, относился сам Мартов? Отдавал ли он себе отчет, в какое болото влекут соц.-демократию ликвидаторы, боролся ли он с ними?

Письма свидетельствуют, что Мартов и понимал весь ужас положения, и боролся с ним, но, поражая одной рукой явных оппортунистов, он другую протягивал тем же ликвидаторам, помогая им в борьбе с большевиками.

Что может быть убийственнее и беспощаднее. например, следующего приговора, вынесенного меньшевикам не кем-нибудь, а самим Мартовым.

«...Стремясь перестать быть сектой-фракцией, меньшевики распались на *кружки*, крайне трудно поддающиеся идейному и деловому объединению. Начиная от некоторых «партийцев», настроенных антиликвидаторски, но не склонных поддерживать всей плехановской гнусности, и кончая киевскими и харьковскими легалистами, еще не вышедшими из кокона, в котором питерцы пребывали года три назад, меньшевизм представляется в виде ряда групп, группок и единиц, течений и настроений; объединению и организации мешает не существо взглядов и стремлений, а отвычка к коллективному действию и коллективному мышлению...» (стр. 223).

Нужно принять во внимание, что эта убийственная характеристика писалась 23 апреля 1912 г., т.-е. в тот момент, когда рабочее движение высоко вздымало свои революционные волны и когда большевики уже почти повсюду имели прочные нелегальные организации.

Еще убийственнее приговор пишет своей фракции Мартов 27 июля 1912 г. «... И все же «Звезда» держится и не только темными деньгами, а наша газета гибнет, не встречая активной поддержки, ни моральной, ни материальной, за пределами нескольких кружков. Сопоставление денег, собранных (для передачи в думскую фракцию в пользу голодающих и ленцев) через нашу газету и через «Звезду» наводит на убийственные размышления. Через «Звезду» собраны суммы в десять раз бо́льшие. Значит читатель «Звезды» не только ее «почитывает» или употребляет на цыгарки, но и помогает ей сборами на фабриках и т. д.; наш читатель, наверное, вычитывает из газеты то, что ему нужно для его индивидуальной деятельности в рабочей среде, и о газете не думает; в лучшем случае говорит о необходимости истинно-пролетарской газеты и рабочего издательства». Лучшего оправдания тактики большевиков и более тяжелого осуждения краха меньшевиков, пожалуй, трудно и подыскать.

Через какие-нибудь пять-шесть месяцев после письма, из которого только что приведена выдержка, Мартов из Лондона (в январе 1913 г.) сообщает о крахе, постигшем меньшевистскую газету «Луч» и опять все по той же причине — отсутствие популярности среди масс.

Мы сказали выше, что Мартов, борясь одной рукой с ликвидаторами, другой помогал тем же ликвидаторам. Доказательств в письмах этому множество. Но, быть может, лучшим штрихом в этом отношении является взгляд, который развивал Мартов перед Вандервельде, говоря о том, как нужно понимать сущность послереволюционной эпохи в России.

«Главное же,—пишет Мартов 2 июня 1914 г.,—на чем я старался фиксировать его внимание, это то, что, как он мог сам убедиться, мы и правдисты работаем не в подземельях и не в масках, а почти в европейской во многих отношениях обстановке, и что, как я ему формулировал, *внешние* условия движения принципиально немного отличаются от каких-нибудь венгерских, с чем он согласился; что поэтому нельзя европейцам давать оглушать себя фразами о том, что совершенно иные условия у нас оправдывают планы строительства на «старой основе» (стр. 291).

Эта «почти европейская обстановка» и этот протест против «старой основы», т.-е. против нелегальной революционной партии, и сближал Мартова с ликвидаторами.

А между тем сам Мартов порой чувствовал, в какую бездну оппортунизма уходит все глубже и глубже европейская соц.-демократия. Доказательством тому служит и поведение Мартова во время войны, и его переписка.

«Доходящие сюда номера «Vorwärts»,—пишет Мартов 19 авг. 1914 г.,—и бернской «Tagewacht» укрепляют в убеждении, что немцы на этот раз вполне и основательно посрамили знамя марксизма и скандально ликвидировали свою гегемонию в международном социализме. Я достаточно переболел уже этот первый итог войны, чтобы решиться сказать, что мы должны теперь sans scrupules (без стеснения) самым решительным образом обрушиться на эту измену, не боясь углубить пропасть, которую война ipso facto (самым фактом своего существования) уже вырыла между нами. Наш русский меньшевизм здесь нам пригодится...»

Увы! Как мы знаем, и русский меньшевизм при всеобщей катастрофе II Интернационала упал вместе с ним в бездну оппортунизма и измены делу пролетариата: слишком велики были издержки производства истории, чтобы он, этот русский меньшевизм, имел какую-либо цену в глазах пролетариата.

IV.

Переписку Мартова и Аксельрода необходимо изучать всякому, кто интересуется не только историей русского рабочего движения, но и развитием русской общественной мысли вообще.

Издание выполнено безукоризненно: подробные, содержащие множество ценнейших сведений, комментарии делают его прямо необходимым в библиотеке каждого исследователя-историка.

Погрешности и ошибки весьма незначительны, а пропуски вполне естественны, если принять во внимание, что издание выпущено за границей, где не всегда доступны выходящие в Советской России новые работы по истории партии и рабочего движения. Вполне понятна поэтому такая, напр., неточность, как, на стр. 78, где комментатор заставил преждевременно умереть И. Х. Лалаянца: он жив и находится в Москве; точно так же имя жены Лалаянца не Наталья, как ошибочно указано, а Прасковья. Неверно также и то, что, как говорит комментатор на стр. 23, воронежская соц.-демокр. организация («экономистов») удержала до II съезда название «Союза». В Воронеже существовала организация экономистов (Ю. Махновец, раб. Гусев и др.), но она никогда не носила название Союза, а называлась Комитетом до II съезда, после которого она вскоре прекратила свое существование. Другая же искровская организация («Касса борьбы») возникла в 1902 г. и вскоре после второго съезда стала большевистским Комитетом, от которого и был на третьем съезде в качестве делегата П. П. Румянцев.

Подобных мелочей и упущений можно указать несколько, но они в общем не портят прекрасного впечатления, остающегося ото всей книги.

Правда; не всегда можно согласиться с мыслью комментатора, с его меньшевистским освещением фактов, но это уж вопрос другой: ведь читатель, который будет особенно пользоваться изданием, сумеет разобраться в том, где правда.

В общем, на-ряду с другим подобным же изданием «Русского революционного архива» в Берлине («Из архива П. Б. Аксельрода»), переписка Мартова и Аксельрода—интереснейшая из книг по истории русского рабочего движения и нашей партии.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДОСТОЕВСКОГО.

(Обзор новейших публикаций).

Н. Пиксанов.

Переписка, этот драгоценный источник для познания поэтов, их личности и творчества, для Достоевского пока невелика. В известной книге, составленной Н. Н. Страховым и О. Ф. Миллером: «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского» (СПБ. 1883), напечатано всего полтораста его писем. С тех пор и до середины 1923 года, т.-е. в течение сорока лет, опубликовано было еще 230 писем (их регистрация дана в полезной книжке Л. П. Гроссмана: «Семинарий по Достоевскому». М. и П. 1923). Всего, стало быть, около 380 писем, в круглой цифре—четыреста. Это—больше, чем мы имеем для Лермонтова (около сорока писем), для Грибоедова (около 120), но меньше, чем для Пушкина (около 750), и неизмеримо меньше, чем для Льва Толстого или для Тургенева (его напечатанных писем я насчитываю около 4.500).

Однако собрание эпистолярных материалов по Достоевскому постоянно пополнялось. Особенно это заметно в последние годы, когда вновь оживились научная деятельность и печатание книг. Для примера достаточно указать, что в журнале «Былое» за 1919 — 1920 г.г. (№№ 14—15) Б. Л. Модзалевский напечатал сразу 35 писем Достоевского в редакцию журнала «Русский Вестник» (Н. А. Любимову и М. Н. Каткову) за 1866—1881 г.г., и здесь мы получили богатейший материал по творческой истории романов: «Бесы» и «Братья Карамазовы». Позднее были напечатаны серии писем к А. Н. Майкову, Я. П. Полонскому, И. А. Гончарову, К. П. Победоносцеву, к жене и многим другим лицам.

Особенно обогатилось собрание переписки Достоевского с тех пор, как после смерти его жены Анны Григорьевны (1919) в распоряжении Центрархива и Исторического Музея в Москве оказались огромные коллекции неизданных писем Достоевского (и писем к нему).

Во всех этих письмах Достоевского—только что напечатанных, подготовленных к печати или еще неизданных—заключено огромное богатство новых данных к познанию как самого великого писателя, так и всей его эпохи. Трудно сейчас и учесть, насколько переродится наше

понимание Достоевского и его эпохи в результате исчерпывающего издания и изучения вновь открываемых писем. Но и того, что уже стало нам доступно за эти пять лет, так много, что становится нелегко просто собрать вместе и пересмотреть опубликованное.

Я хочу предложить читателю маленькую антологию из писем Достоевского, добытых за самые последние два-три года. Моим извлечениям трудно придать стройную систему, так как письма относятся к разным эпохам, к разным лицам, к разным обстоятельствам. Но мы не будем останавливаться на эпизодах второстепенных и мелких. Возьмем только самое яркое, крупное, то, что рисует нам Достоевского как человека и поэта, в его глубочайших личных переживаниях, в смелых творческих замыслах и в крупнейших событиях жизни. Выдержки из писем расположу в летописном порядке, по годам написания.

Самым ранним из писем Достоевского, какое только стало доступно нам за последнее время, является письмо к Е. П. Майковой, от 14 мая 1848 г. Оно рисует нам то душевное состояние, какое Достоевский переживал в первые годы своей литературной деятельности. Его первое крупное произведение, роман «Бедные люди» (1846), имело необычайный успех. Молодого писателя расхвалил сам Белинский, руководитель литературно-общественного мнения. И Достоевский, опьяненный успехом и всегда склонный к крайностям, сильно возмечтал о себе и сделался заносчив. Самомнение молодого автора стало раздражать и отталкивать от него даже его недавних поклонников. Дальнейшие произведения Достоевского: «Двойник», «Неточка Незванова», «Хозяйка», уже не вызывали такого же энтузиазма, как «Бедные люди», даже порождали недоумения и споры. Достоевский оскорблялся, раздражался, вступал в споры, и дело доходило до ссор. Прежний его панегирист, Белинский, охладел к нему, и вскоре Достоевский почувствовал себя одиноким, изолированным в петербургской литературной среде. Как тяжело он переживал эту беду, нам теперь ясно из вновь найденного письма, трепещущего всей свежестью и остротою переживания. Письмо адресовано Евгении Петровне Майковой, жене известного художника Н. А. Майкова и матери трех славных сыновей: критика Валериана, поэта Аполлона и академика Леонида Майковых. Она и сама была писательницей. В ее гостиной в те годы собирались по воскресеньям многие литераторы—Гончаров, Дружинин, Дудышкин и др. Постоянно бывал и Достоевский. И вот в салоне Е. П. Майковой произошел какой-то спор, точное содержание коего нам неизвестно; Достоевский быстро дошел до крайнего волнения и, потеряв всякое самообладание, бежал от Майковых. На другой день он пишет:

Милостивая Государыня Евгения Петровна.

Спешу извиниться перед вами, я чувствую, что оставил вас вчера так сгоряча, что вышло неприлично, даже не откланявшись вам и только после вашего оклика вспомнив об этом. Я боюсь, чтоб вы не подумали, что я был крут и (соглашаюсь) — груб, с каким-нибудь странным намерением. Но я бежал по инстинкту, предчувствуя слабость натуры моей, которая не может не прорваться в крайних случаях и прорваться именно крайностями, *гипер-*

болически. Вы поймите меня: мне уже по слабонервной натуре моей трудно выдерживать и отвечать на двусмысленные вопросы, мне задаваемые, не беситься, именно за то, что эти вопросы двусмысленные, беситься всего более за себя, за то, что сам не сумел так сделать, чтоб эти вопросы были прямые и не такие нетерпеливые, и, наконец, в то же время трудно (сознаюсь в этом) сохранить хладнокровие, видя перед собой большинство, которое, как вспоминаю я, действовало против меня с таким же точно нетерпением, с каким и я действовал против него.

Само собою разумеется, вышла суматоха, с обеих сторон полетели гиперболы, сознательные и наивные, и я инстинктивно обратился в бегство, боясь, чтобы эти гиперболы не приняли еще больших размеров...

Но посудите о всей слабости натуры такого человека, как я!—я взял перо, чтоб извиниться просто и со всем смирением, а между тем начал писать свое оправдание по форме!.. Но действительно чувствую, что я был крут, тяжел и досаден *Вам*, прибегаю ко всей вашей терпимости и прошу извинения. Я уверен, что вы поймете всю назойливость мою с моими извинениями: я слишком дорожу вашим добрым мнением, потому так и опасаюсь потерять его. Может быть, это письмо и лишнее, может быть, я преувеличиваю по моей привычке, может быть, вы с первой минуты извинили и не обвинили меня, но этот излишний страх, эта робость за себя перед вами покажут вам, если позволите мне сказать, всю степень того сыновнего уважения, которое всегда чувствовал к вам.

Вам совершенно преданный *Ф. Достоевский*.

(«Достоевский». Однодневная газета. Петроград 1921).

Письмо живо рисует нам возбужденное, *гиперболическое*, настроение Достоевского в 1848 году. Но вскоре ему пришлось пережить настроения, еще более острые, поистине трагические. Наступил 1849 год, год ареста, суда и ссылки в Сибирь по делу Петрашевского. В ряду всех волнений, тогда испытанных Достоевским, самым ужасным было то, которое только выпадает на долю человека: волнение приговоренного к смертной казни. Впоследствии Достоевский сам неоднократно вспоминал эти ужасные переживания и даже изобразил их в романе «Идиот». Но теперь мы получаем в руки документ огромной важности. Это—письмо к брату, Михаилу Михайловичу Достоевскому, от 22 декабря 1849 г., из Петропавловской крепости, в самый день казни, после того как Достоевский пережил все подсмертные ужасы на эшафоте и тут же узнал о помиловании и ссылке. Вот это письмо целиком:

Михайле Михайловичу Достоевскому.

На Невском проспекте, против Грязной, в доме Неслинда.

22 декабря. Петропавловская крепость.

Брат, любезный друг мой! Все решено! Я приговорен к 4-летним работам крепости (кажется, Оренбургской) и потом в рядовые. Сегодня, 22 декабря, нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головами шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым. Вызывали по трое, след., я был во второй очереди, и жить мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих, последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый! Я успел тоже обнять

Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними. Наконец, ударили отбой, привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что Его Императорское Величество дарует нам жизнь. Затем последовали настоящие приговоры. Один *Пальм* прощен, его тем же чином в армию.

Сейчас мне сказали, любезный брат, что нам сегодня или завтра отправляться в поход. Я просил видеться с тобой. Но мне сказали, что это невозможно; могу только я тебе написать это письмо, по которому поторопись и ты дать мне поскорее отзыв. Я боюсь, что тебе был как-нибудь известен наш приговор (к смерти). Из окон кареты, когда везли на Семеновский плац, я видел бездну народа; может быть, весть прошла уже и до тебя, и ты страдал за меня. Теперь тебе будет легче за меня. Брат! Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди и быть *человеком* между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях не уныть и не пасть—вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да, правда! Та голова, которая создавала, жила высшею жизнью искусства, которая сознала и свыклась с высшими потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Осталась память и образы, созданные и еще не воплощенные мной. Они изъязвят меня, правда! Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая так же может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это, все-таки, жизнь. On voit le soleil! Ну, прощай, брат! Обо мне не тужи! Теперь о распоряжениях материальных: книги (Библия осталась у меня) и несколько листков моей рукописи, чернового плана драмы и романа (и оконченная повесть *Детская сказка*) у меня отобраны и достанутся, по всей вероятности, тебе. Мое пальто и старое платье тоже оставляю, если пришлешь взять их. Теперь, брат, предстоит мне, может быть, далекий путь по этапу. Нужны деньги. Брат милый, как получишь это письмо, и если будет возможность достать сколько-нибудь денег, то пришли тотчас же. Деньги мне теперь нужнее воздуха (по особенному обстоятельству). Пришли тоже несколько строк от себя. Потом, если получатся московские деньги,—похлопочи обо мне и не оставь меня. Ну, вот и все! Есть долги, но что с ними делать?!

Целуй жену свою и детей. Напоминай им обо мне; сделай так, чтобы они меня не забывали. Может быть, когда-нибудь увидимся мы?! Брат, береги себя и семью, живи тихо и предвиденно. Думай о будущем детей твоих... Живи положительно. Никогда еще таких обильных и здоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как теперь. Но вынесет ли тело: не знаю. Я отправляюсь нездоровый, у меня золотуха. Но авось либо! Брат, я уже переиспытал столько в жизни, что теперь меня мало что устрашит. Будь, что будет! При первой возможности уведомлю тебя о себе. Скажи Майковым мой прощальный и последний привет. Скажи, что я их всех благодарю за их постоянное участие к моей судьбе. Скажи несколько слов, как можно более теплых, что тебе самому сердце скажет, за меня Евгении Петровне. Я ей желаю много счастия и с благодарным уважением всегда буду помнить о ней. Пожми руку Николаю Аполлоновичу и Аполлону Майкову, а затем и всем. Отыщи Яновского. Пожми ему руку, поблагодари его. Наконец, всем, кто обо мне не забыл. А кто забыл, напомни. Поцелуй брата *Колю*. Напиши брату *Андрею* и уведомь его обо мне. Напиши дяде и тетке. Это я прошу тебя от себя, и кланяйся им за меня. Напиши сестрам: им желаю счастья!

А может быть, и увидимся, брат. Береги себя, доживи ради бога до свидания со мной. Авось, когда-нибудь обнимем друг друга и вспомним наше молодое, наше прежнее, золотое время, нашу молодость и надежды наши, которые я в это мгновение вырываю из сердца моего с кровью и хороню их.

Неужели никогда я не возьму пера в руки? Я думаю, через 4 года будет возможность. Я перешлю тебе все, что напишу, если что-нибудь напишу. Боже мой! Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет,

угаснет в моей голове или отравой в крови разольется! Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках!

Пиши ко мне чаще, пиши подробнее, больше, обстоятельнее. Распространяйся в каждом письме о семейных подробностях, о мелочах, не забудь этого. Это дает мне надежду (и) жизнь. Если б ты знал, как оживляли меня здесь в каземате твои письма. Эти два месяца с половиной (последние), когда было запрещено переписываться, были для меня очень тяжелы. Я был нездоров. То, что ты мне не присылал по временам денег, измучило меня за тебя: знать, ты сам был в большой нужде! Еще раз поцелуй детей; их милые личики не выходят из моей головы. Ах, кабы они были счастливы! Будь счастлив и ты, брат, будь счастлив!

Но не тужи, ради бога, не тужи обо мне! Знай, что не уныл, помни, что надежда меня не покинула. Через четыре года будет облегчение судьбы. Я буду рядовой,—это уже не арестант, и имей в виду, что когда-нибудь я тебя обниму. Ведь был же я сегодня у смерти три четверти часа, прожил с этой мыслию, был у последнего мгновения и теперь еще раз живу!

Если кто обо мне дурно помнит, если с кем я поссорился, если в комнибудь произвел неприятное впечатление—скажи им, чтоб забыли об этом, если тебе удастся их встретить. Нет желчи и злобы в душе моей, хотелось бы как-нибудь и обнять хоть кого-нибудь из прежних в это мгновение. Эта отрада, я испытал ее сегодня, прощаясь с моими милыми перед смертью. Я думал в ту минуту, что весть о казни убьет тебя. Но теперь будь покоен, я еще живу и буду жить в будущем мыслию, что когда-нибудь обниму тебя. У меня только это теперь на уме.

Что-то ты делаешь? Что-то ты думал сегодня? Знаешь ли ты об нас? Как сегодня было холодно!

Ах, кабы мое письмо поскорей дошло до тебя. Иначе я месяца четыре буду без вести об тебе. Я видел пакеты, в которых ты присылал в последние два месяца деньги; адрес был написан твоей рукой, и я радовался, что ты был здоров.

Как оглянусь на прошлое, да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неуменье жить; как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа,—так кровью обливается сердце мое. Жизнь—дар, жизнь—счастье, каждая минута могла быть веком счастья. Si jeunesse savait! Теперь, переменяя жизнь, перерождаюсь в новую форму. Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте. Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, все утешение мое!

Казематная жизнь уже достаточно убила во мне плотских потребностей, не совсем чистых; я мало берег себя прежде. Теперь уже лишения мне нипочем, и потому не пугайся, что меня убьет какая-нибудь материальная тягость. Этого быть не может! Ах! Кабы здоровье!

Прощай, прощай, брат! Когда-то я тебе еще напишу! Получишь от меня сколько возможно подробнейший отчет о моем путешествии. Кабы только сохранить здоровье, а там и все хорошо!

Ну, прощай, прощай, брат! Крепко обнимаю тебя, крепко целую. Помни меня без боли в сердце. Не печалься, пожалуйста, не печалься обо мне! В следующем же письме напишу тебе, каково мне жить. Помни же, что я говорил тебе: рассчитай свою жизнь, не трать ее, устрой свою судьбу, думай о детях. Ох, когда бы, когда бы тебя увидать! Прощай! Теперь отрываюсь от всего, что было мило; больно покидать его! Больно переломить себя надвое, перервать сердце пополам. Прощай! Прощай! Но я увижу тебя, я уверен, я надеюсь, не изменись, люби меня, не охлаждай свою память, и мысль о любви твоей будет мне лучшею частию жизни. Прощай, еще раз прощай! Все прощайте!

22 декабря 49-го года. Твой брат *Федор Достоевский.*

У меня взяли при аресте несколько книг. Из них только две были запрещенные. Не достанешь ли ты для себя остальных? Но вот просьба: из этих книг одна была: *Сочинение Валериана Майкова:* его критики—экземпляр Евгении Петровны. Она дала мне его как свою драгоценность. При аресте я просил жандармского офицера отдать ей эту книгу и дал ему адрес. Не знаю, возвратил ли он ей. Справься об этом! Я не хочу отнять у нее это воспоминание. Прощай, прощай еще раз. Твой *Ф. Достоевский.*

Не знаю, пойду ли я по этапу, или поеду? Кажется, поеду. Авось либо! Еще раз пожми руку Эмилии Федоровне, целуй деток. Поклонись Краевскому: может быть...

Напиши мне подробнее о твоем аресте, заключении и выходе на свободу.

(«Красный Архив», книга вторая, 1923).

Таково это поразительное письмо человека, бывшего «у смерти три четверти часа»,—«у последнего мгновения». Сколько нужно было силы духа, душевной мощи, чтобы, возвратившись в крепость с эшафота, написать это огромное, превосходное по ясности мысли и слога, письмо! И какая жажда жизни, творчества, какая любовь к брату, к друзьям! Это был момент огромного подъема, как бы религиозный экстаз, перерождение, некий катарсис.

Достоевский не знал еще в тот день, что вместо ссылки в Оренбургскую крепость ему придется пойти на каторгу в Сибирь и испытать еще дантовские ужасы Мертвого Дома. Но надежда не обманула великого человека. Он был возвращен поэтическому творчеству и смог, правда, после долгих-долгих ссылочных лет, обнять брата. После каторги, после Семипалатинска, потом Твери Достоевский получает в ноябре 1859 года разрешение жить в Петербурге. Вскоре он уже занимает видное положение в литературных кругах столицы и с 1861 года начинает вместе с братом Михаилом издание журнала «Время». Встреча с любимым братом, возвращение в столичную культуру, литературная известность, радости творчества (в те годы печатались «Записки из Мертвого Дома» и роман «Униженные и оскорбленные») вознаградили за страшные лишения Сибири и могли бы другому дать полное удовлетворение. Но запросы Достоевского были огромны, жажда жизни—ненасытна. Федор Михайлович начинает мечтать о Западной Европе, о заграничной поездке. Эта жажда прикоснуться к источникам европейской культуры ярко сказалась в одном из вновь найденных писем Достоевского к его другу, поэту Я. П. Полонскому. Полонский жил тогда в Италии, и вот что пишет ему Достоевский в письме из Петербурга от 31 июля 1861 года:

Ну, как-то вы поживаете, главное здоровы ли? Что делаете? Пишете ли? Читаю все ваши письма, но вы уж мало в них пишете о себе. Да кстати: когда вы приедете и все ли время пробудете только в одной Австрии? Италия под боком,—как, кажется, не соблазниться и не съездить? Счастливый вы человек! Сколько раз мечтал я с самого детства побывать в Италии. Еще с романов Ратклиф, которые я читал еще восьми лет, разные Альфонсы, Катарины и Лючии въелись в мою голову. А дон-Педрами и доньями-Кларами еще и до сих пор брежу. Потом пришел Шекспир—Верона, Ромео и Джульетта—чорт знает какое было обаяние. В Италию, в Италию! а вместо Италии (не-

сколько слов тщательно зачеркнуто) попал в Семипалатинск, а прежде того в Мертвый Дом. Неужели ж теперь не удастся поездить по Европе? Когда еще осталось и сил, и жару, и поэзии? Неужели придется ехать лет через десять согревать старые кости от ревматизма и жарить лысую и плешивую голову на полуденном солнце? Неужели так и умереть, не видав ничего!

(Центрархив. Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М. 1923).

И вновь мечта исполнилась. Вскоре, в следующем 1862 году, Достоевский едет за границу, в Париж, в Лондон, в Женеву, а в 1863 году он побывал и в Риме, позднее—в Германии и Дании, годы 1867—1871 он проводит безвыездно за границей—в Дрездене, в Швейцарии, в Италии. Жадная, пытливая душа поэта-мыслителя впитала в себя много высоких впечатлений от Запада, особенно в области искусства (в частности и особенности—живописи), и это обогатило творчество Достоевского.

Ко времени редактирования журнала «Время», потом «Эпохи» (отчасти и к более поздним годам) относится переписка Достоевского с Тургеневым. Замечательно, что мы можем теперь сомкнуть вместе ее части, из которых одна, именно письма Достоевского к Тургеневу, найдена была проф. А. Мазоном в Париже, а другая, именно—письма Тургенева, стала доступна мне в Москве, в собраниях Центрархива.

Известно, какая вражда вспыхнула между Достоевским и Тургеневым. Здесь были не только житейские мотивы, но и факторы психологические и глубокие идеологические антагонизмы. Поэтому вновь открытая переписка знаменитых русских романистов (в нее входят 16 писем Тургенева и 10—Достоевского) всячески интересна. Однако я возьму из нее только один эпизод, впрочем, крупный—письмо Достоевского к Тургеневу по поводу фантастического рассказа последнего «Призраки». Это письмо характеризует его автора и как редактора, и как литературного критика.

Петербург, 23 декабря 63.

Любезнейший и многоуважаемый Иван Сергеевич, П. А. Анненков говорил брату, что вы будто не хотите печатать *Призраки*, потому что в этом рассказе много фантастического. Это нас ужасно смущает. Прежде всего скажу откровенно, мы, т.-е. я и брат, на вашу повесть рассчитываем. Нам она очень поможет в первой книге *вновь начинающегося* нашего журнала, след., обязанного вновь пробивать себе дорогу. Предупреждаю вас об этом нарочно для того, чтоб в дальнейших резонах этого письма вы не подозревали, что я говорю из одних собственных выгод. Прибавлю еще одно обстоятельство, в верности которого даю вам честное слово: нам гораздо нужнее ваша повесть, чем щегольство вашим именем на обертке журнала.

Теперь скажу вам два слова о вашей повести, по моему впечатлению. Почему вы думаете, Иван Сергеевич (если только вы так думаете), что ваши *Призраки* теперь не ко времени и что их не поймут? Напротив; бездарность, 6 лет сряду подражавшая мастерам, до такой пошлости довела положительное, что произведению чисто поэтическому (наиболее поэтическому) даже были бы рады. Встретят многие с некоторым недоумением, но с недоумением приятным. Так будет со всеми понимающими кое-что, и из старого и из нового поколения. Что же касается из ничего не понимающих, то ведь неужели—смотреть на них? Вы не поверите, как они сами-то смотрят на литературу. Ограниченная утилитарность—вот все, чего они требуют. Напишите им самое поэтическое произведение;

они его отложут (sic) и возьмут то, где описано, что кого-нибудь секут. *Поэтическая правда* считается дичью. Надо только одно копированное с действительного факта. Проза у нас страшная. *Квакерство!* После этого и на них смотреть нечего. Здоровая часть общества, которая просыпается, жаждет смелой выходки от искусства. А ваши *Призраки* довольно смелая выходка, и превосходный будет пример (для всех нас), если вы, первый, осмелитесь на такую выходку. Форма *Призраков* всех изумит. А реальная их сторона даст выход всякому изумлению (кроме изумления дураков и тех, которые кроме своего квакерства *не желают* ничего понимать). Я, впрочем, знаю пример одной утилитарности (нигилизма), которая хоть и осталась вашей повестью недовольна, но сказала, что оторваться нельзя, что впечатление сильное производит. Ведь у нас чрезвычайно много напускных нигилистов. Но тут главное понять эту реальную сторону. По-моему, в *Призраках* слишком много реального. Это реальное—есть *тоска развитого сознающего существа, живущего в наше время*, уловленная тоска. Этой тоской наполнены все *Призраки*. Это «струна звенит в тумане» и хорошо делает, что звенит. *Призраки* похожи на музыку. А кстати: как смотрите вы на музыку? Как на наслаждение или как на необходимость положительную? По-моему, это тот же язык, но высказывающий то, что сознание *еще* не одолело (не рассудочность, а все сознание), а след(овательно) приносящий *положительную* пользу. Наши утилитаристы этого не поймут, но те из них, которые любят музыку, ее не *бросили*, а занимаются у нас ею по-прежнему.

Форма ваших *Призраков* превосходна. Ведь если в чем-нибудь тут сомневаться, так это, конечно, в форме. Итак, все дело будет состоять в вопросе: имеет ли право фантастическое существовать в искусстве? Ну, кто же отвечает на подобные вопросы! Если что в *Призраках* и можно бы покритиковать, так это то, что они *не совсем вполне* фантастичны. Еще бы больше надо. Тогда бы *смелости* больше было. У вас являющееся существо объяснено как упырь. По-моему бы, не надо этого объяснения. Анненков не согласился со мной и представил доводы, что здесь намекается на потерю крови, т.-е. положительных сил, и т. д. А я тоже с ним не согласен. Мне довольно, что я уже слишком основательно понял тоску и прекрасную форму, в которую она вылилась, т.-е. брожением по всей действительности *без всякого облегчения*. И *тон* хорош, тон какой-то нежной грусти, без особой злости. Картины же, как утес и проч. намеки на стихийную, еще не разрешенную мысль (ту самую мысль, которая есть во всей природе), которая неизвестно разрешит ли когда людские вопросы, но теперь от нее только сердце тоскует и пугается еще более, хоть и оторваться от нее не хочется. Нет-с, такая мысль именно ко времени, и этакие фантастические вещи *весьма положительны*...

(«Revue des études slaves», 1921, I, Paris).

Письмо, к сожалению, обрывается на полуфразе, и последний листок его утерян. Впрочем, и того, что сохранилось, достаточно, чтобы почувствовать разницу между корреспондентами. Тургенев вечно колебался, прислушивался к чужим мнениям, опасался—угодит ли молодежи, готов был уничтожить рукопись «Призраков», куда, однако, вложил много дорогих ему мыслей. Достоевский смел, воинственен, рад бросить вызов противникам, он независим—и в вопросах художественной формы и в эпоху господства реализма выступает защитником фантастики. Как сотоварищ по перу и редактор, он старается сказать Тургеневу все приятное, что только можно. Но в письме есть недомолвки и оговорки, и совершенно ясно, что колебания Тургенева в «Призраках» между чистой фантастикой и ее реалистическими истолкованиями претят Достоевскому. Впо-

следствии в романе «Бесы» (1871) он высмеял Тургенева в образе писателя Кармазинова и зло пародировал «Призраки».

Вскоре Достоевский сам выступил с произведением, где резко выдвигал задачу изобразить «необыкновенную шаткость понятий, подвигающих на ужасные дела» студенческую молодежь. Разумею «Преступление и Наказание». Идеологические замыслы этого романа и его художественная разработка должны составить яркую страницу в истории творчества Достоевского. Она раскроется перед нами, когда будут напечатаны черновые автографы «Преступления и Наказания», хранящиеся в Центрархиве и подготовляемые к печати И. И. Гливенко. Пока же мы получили очень интересное письмо Достоевского к редактору «Русского Вестника» М. Н. Каткову, 1865 года (И. И. Гливенко предположительно относит письмо ко второй половине сентября 1865 г.). Беру из письма (точнее, отпуска письма, сохранившегося в архиве Достоевского) все, относящееся к роману.

М. Г., М. Н.

Могу ли я надеяться поместить в вашем журнале Р. В. мою повесть? Я пишу ее здесь, в Висбадене, уже 2 месяца и теперь заканчиваю. В ней будет от пяти до шести печатных листов. Работы остается еще недели на две, даже, может быть, и более. Во всяком случае, могу сказать наверно, что через месяц и никак не позже она могла бы быть доставлена в редакцию Р. В-ка.

Идея повести не может, сколько я могу предполагать ни в чем противоречить вашему журналу; даже напротив. Это—психологический отчет одного преступления. Действие современное, в нынешнем году. Молодой человек, исключенный из студентов университета, мещанин по происхождению, и живущий в крайней бедности, по легкомыслию и шаткости в понятиях, поддавшись некоторым странным, «недоконченным» идеям, которые носятся в воздухе, решился разом выйти из скверного своего положения. Он решился убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты. Старуха глупа, глуха, больна, жадна, берет жидовские проценты, зла и заедает чужой век, мучая у себя в работницах свою младшую сестру. «Она никуда не годна», «для чего она живет?», «полезна ли она хоть кому-нибудь?» и т. д. — Эти вопросы сбивают с толку молодого человека. Он решает убить ее, обобрать, с тем чтоб сделать счастливою свою мать, живущую в уезде, избавить сестру, живущую в компаньонках у одних помещиков, от сластолюбивых притязаний главы этого помещичьего семейства—притязаний, грозящих ей гибелью, докончить курс, ехать за границу и потом всю жизнь быть честным, твердым, неуклонным в исполнении «гуманного долга к человечеству», чем уже, конечно, «загладится преступление», если только можно назвать преступлением этот поступок над старухой глухой, глупой, злой и больной, которая сама не знает, для чего живет на свете, и которая через месяц, может, сама собою померла бы.

Несмотря на то, что подобные преступления ужасно трудно совершаются, т.-е. почти всегда до грубости выставляют наружу концы, улики и проч. и страшно много оставляют на долю случая, который всегда почти выдает винов[ника], ему совершенно случайным образом удается совершить свое предприятие и скоро и удачно.

Почти месяц он проводит после того до окончательной катастрофы. Никаких на него подозрений нет и не может быть. Тут-то и развертывается весь психологический процесс преступления. Неразрешимые вопросы вос-

стают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божия правда, земной закон берет свое, и он кончает тем, что *принужден* сам на себя донести. Принужден, чтоб хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям, чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его. Закон правды и человеческая природа взяли свое (неразобрано убежд... Преступн...) сам решает принять муки, чтоб искупить свое дело. Впрочем трудно мне разъяснить вполне мою мысль.

В повести моей есть, кроме того, намек на ту мысль, что налагаемое юридическ(ое) наказание за преступление гораздо меньше устрашает преступника, чем думают законодатели, отчасти потому, что *он и сам его нравственно требует*.

Это видел я даже на самых неразвитых людях, на самой грубой случайности. Выразить мне это хотелось именно на развитом, на нового поколения человеке, чтоб была ярче и осязательнее видна мысль. Несколько случаев, бывших в самое последнее время, убедили, что *сюжет* мой вовсе не эксцентричен. Именно, что убийца развитой и даже хорош(их) накл(онностей) м(олодой человек). Мне рассказывали прошлого года в Москве (верно) об одном студенте, выключенном из университета, после Московской студен(ческой) истории—что он решился разбить почту и убить почтальона. Есть еще много следов в наших газетах о необыкновенной шаткости понятий, подвигающих на ужасные дела. (Тот семинарист, который убил девушку по уговору с ней в сарае и которую взяли через час за завтрак... и проч.) Одним словом, я убежден, что сюжет мой отчасти оправдывает современность.

Само собою разумеется, что я пропустил в этом теперешнем изложении идеи моей повести—весь сюжет. За занимательность ручаюсь, о художественном исполнении—не беру на себя судить. Мне слишком много случалось писать очень, очень дурных вещей, торопясь, к сроку и проч. Впрочем эту вещь я писал не торопливо и с жаром. Постараюсь, хотя бы для *себя только*, кончить ее как можно лучше.

(Красный Архив», том четвертый, 1923, стр. 368—369).

В этой ранней схеме романа, еще пока незавершонного, обращает на себя внимание социальное приурочение Раскольникова: «мещанин по происхождению». Этот любопытный замысел, однако, скоро был оставлен Достоевским и, по удостоверению И. И. Гливенко, уже в черновых набросках романа читается фраза матери Раскольникова: «Раскольниковы *хорошей* фамилии, хотя твой отец и учитель был, а Раскольниковы *двести лет известны*». Мотивировка преступления Раскольникова дана в письме в ином уклоне, чем она выступила в печатном тексте романа. Раскольников, по письму, решает убить старуху «с тем, чтоб сделать счастливою свою мать, живущую в уезде, избавить сестру, живущую в компаньонках у одних помещиков от сластолюбивых притязаний главы этого помещичьего семейства—притязаний, грозящих ей гибелью, докончить курс, ехать за границу и потом всю жизнь быть честным, твердым, неуклонным в исполнении гуманного долга к человечеству». Но уже в черновых автографах романа выступает другой мотив действий Раскольникова: «мысль непомерной гордости, высокомерия и презрения к этому обществу»; «деспотизм—его черта», добавляет тут же о Раскольникове Достоевский, «он хочет властвовать и не знает никаких средств. Поскорей взять во власть и разбогатеть. Идея убийства и пришла ему в голову готовая».

Из других писем Достоевского, хронологически следующих за приведенным и недавно опубликованных, приведу отрывки из замечательного письма, только что изданного Н. Л. Бродским (сборник «Недра», книга вторая, изд. «Новая Москва», М. 1923). Письмо написано 23 апреля (5 мая) 1867 г. из Дрездена. Имени адресата на письме нет, и можно колебаться, к кому именно приурочить письмо. Н. Л. Бродский относит его, с известными основаниями, к А. П. Сусловой, с которой Достоевский пережил роман незадолго до смерти его первой жены. Об Аполлинарии («Полине») Сусловой говорит, с явным недоброжелательством, в своей известной книге дочь поэта, Л. Ф. Достоевская (Достоевский в изображении его дочери *Л. Достоевской*, П. 1922, гл. VI: «Любовная история»).

Письмо это—одно из самых значительных в серии интимных писем Достоевского. Оно связывает вместе три любви Достоевского, трех женщин, сопутствовавших ему разновременно в жизни: первую жену, Суслову (если только именно Суслова адресат письма) и вторую жену. Глубокий тон письма свидетельствует, что с женщиной, к которой Достоевский обращается, он пережил сильное чувство. И после этого как сух и холоден тон, каким он говорит о своем сближении и браке с А. Г. Сниткиной!

Дрезден, 23 апреля (5 мая) (1867).

Письмо твое, милый друг мой, передали мне у Базунова очень поздно, перед самым выездом моим заграницу, а так как я спешил ужасно, то и не успел отвечать тебе. Выехал из Петербурга в страстную пятницу (кажется, 14-го апреля), ехал до Дрездена довольно долго, с остановками, и потому только теперь улучил время поговорить с тобой.

Стало быть, милая, ты ничего не знаешь обо мне, по крайней мере ничего не знала, отправляя письмо свое? Я женился в феврале нынешнего года. По контракту я обязан был Стеловскому доставить к 1-му ноября прошедшего года *новый роман* не менее 10 печатных листов обыкновенной печати, иначе подвергался страшной неустойке. Между тем я писал роман в «Русском Вестнике», написал 24 листа, и еще оставалось написать 12. А тут эти десять листов Стеловскому. Было 4-ое октября, а я еще не успел начать. Милюков посоветовал мне взять стенографа, чтоб диктовать роман, что ускорило бы вчетверо дело. Ольхин, профессор стенографии, прислал мне лучшую свою ученицу, с которой я и уговорился. С 4-го же октября и начали. Стенографка моя, Анна Григорьевна Сниткина, была молодая и довольно пригожая девушка, 20 лет, хорошего семейства, превосходно кончившая курс гимназический, с чрезвычайно добрым и ясным характером. Работа у нас пошла превосходно. 28-го ноября роман «Игрок» (теперь уже напечатан) был кончен в 24 дня. При конце романа я заметил, что стенографка моя меня искренно любит, хотя никогда не говорила мне об этом ни слова, а мне она все больше и больше нравилась. Так как со смерти брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я и предложил ей за меня выйти. Она согласилась, и вот мы обвенчаны. Разница в летах ужасная (20 и 44), но я все более и более убеждаюсь, что она будет счастлива. Сердце у ней есть, и любить она умеет. Теперь вообще о моем положении. Тебе известно отчасти, что после смерти брата моего я потерял окончательно мое здоровье, возясь с журналом, но, истощившись в борьбе с равнодушием публики и т. д. и т. д., бросил его...

Дальше Достоевский сообщает, в тоне интимной откровенности, о своих материальных затруднениях и долгах и бегстве от них за границу.

И далее: «со смертью брата, который был для меня *все*, мне стало очень тошно жить. Я думал еще найти сердце, которое бы отозвалось мне, но — не нашел. Тогда я бросился в работу и начал писать роман» («Преступление и Наказание»; печаталось в «Русском Вестнике» 1866). А потом нашлось и сердце, которое отозвалось,—сердце Анны Григорьевны Сниткиной. В 1867 году Достоевский женился и уехал с женой за границу, вновь скрываясь от кредиторов. «Денег у меня теперь раньше нового года не будет, да и то, если кончу новую работу, за которой сижу. А как я кончу, когда они (кредиторы) не дают мне покою; вот почему я и уехал (с женой) за границу. Сверх того, за границей жду облегчения падучей, в Петербурге же, в последнее время, почти даже стало невозможно работать. По ночам уже нельзя сидеть, тотчас припадок. И потому хочу здесь поправить здоровье и кончить работу. Денег я взял у Каткова вперед».

И вот теперь он сидит в Дрездене и пишет «милому другу» письмо:

> В последние дни мои в Петербурге я встретился с *Брылкиной (Глобиной)* и был у нее. Мы много говорили о тебе. Она тебя любит. Она сказала мне, что ей было очень грустно, что я счастлив с другою. Я буду с ней переписываться. Мне она нравится.
>
> Твое письмо оставило во мне грустное впечатление. Ты пишешь, что тебе очень грустно. Я не знаю твоей жизни за последний год и что было в твоем сердце, но судя по всему, что о тебе знаю, тебе трудно быть счастливой. О, милая, я не к дешевому *необходимому* счастью приглашаю тебя. Я уважаю тебя (и всегда уважал) за твою требовательность, но ведь я знаю, что сердце твое *не может* не требовать жизни, а сама ты людей считаешь или бесконечно сияющими, или тотчас же подлецами и пошляками. Я сужу по фактам. Вывод составь сама.
>
> До свидания, друг вечный! Я боюсь, что письмо это не застанет тебя в Москве. Знай во всяком случае, что с восьмого (8) мая нашего стиля я еще в Дрездене (это minimum, может быть, пробуду и долее), а потому, если захочешь отвечать мне, то отвечай тотчас по получении этого письма. Allemagne (Saxe) Dresden, Dostoiewsky, poste restante. Дальнейшие же адресы буду сообщать. Прощай, друг мой, жму и целую твою руку.
>
> Твой *Ф. Достоевский.*

(Сбор. «Недра», книга вторая. Изд. «Новая Москва». 1923. Стр. 271—273).

Замечательна щедрость настроения и слов, обращаемых к «другу вечному». Так говорить можно только о том, чье сердце и душу, и жизнь хорошо знаешь и кого продолжаешь любить и ценить. Достоевский заботливо сообщает корреспондентке свой дрезденский адрес и спешит предупредить: «дальнейшие же адресы буду сообщать».

А как сухо отзывается здесь Достоевский о своей жене: «я заметил, что стенографистка моя меня искренно любит», «так как со смерти брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я и предложил ей за меня выйти». Пусть доля этой сухости выражений предумышлена, — чтобы не волновать друга, требовательное сердце которого было так знакомо Достоевскому. Но контраст сухих слов о жене и глубокого тона речей, обращенных к «другу вечному»—от этого не смягчается.

Знала ли сама Анна Григорьевна об этом письме, столь для нее отяготительном?—Едва ли. В тот же самый день, когда муж писал это письмо, Анна Григорьевна записала в своем дневнике: «Сегодня опять пасмурная погода, но дождя, вероятно, не будет. Федя сегодня страшно сердит, не знаю на кого и на что. Я тоже раздражаюсь. Утром у меня болела голова так сильно, что я ничего не могла делать. Федя писал письмо». И только. А дальше—безмятежные записи об обеде, о кофе, о дешевизне папирос в Дрездене... (Дневник *А. Г. Достоевской*. Изд. «Новая Москва». М. 1923, стр. 22).

Выше упомянута серия писем Достоевского в редакцию «Русского Вестника», где находим важные сведения по истории созидания романов «Бесы» и «Братья Карамазовы». Порывистый и откровенный поэт охотно делился с друзьями в письмах своими творческими замыслами. В его превосходных письмах к Аполлону Майкову, разобранных Б. Л. Модзалевским в Пушкинском Доме при Академии Наук (теперь напечатаны в сборн. «Достоевский», под ред. *А. С. Долинина*. П. 1922), мы находим вереницу признаний о другом романе, писавшемся в 1867—1868 г.г.,— «Идиоте». 31 декабря (12 января нов. ст.) 1867 года, из Женевы, Достоевский пишет Майкову:

> А со мной было вот что: *работал* и *мучился*. Вы знаете, что такое значит *сочинять?* Нет, слава Богу, вы этого не знаете! Вы на заказ и на аршины кажется не писывали и не испытывали адского *мучения*. Забрав столько денег в «Русском Вестнике» (ужас!) 4500 р., я ведь с начала года вполне надеялся, что поэзия не оставит меня, что поэтическая мысль мелькнет и развернется художественно к концу того года и что я успею удовлетворить всех. Это тем более казалось мне вероятнее, что и всегда в голове и в душе у меня мелькает и дает себя чувствовать много зачатий художественных мыслей. Но ведь только мелькает, а нужно полное воплощение, которое всегда происходит нечаянно и вдруг, но рассчитывать нельзя, когда именно оно произойдет; и затем уже, получив в сердце полный образ, можно приступить к художественному выполнению. Тут уже можно даже и рассчитывать без ошибки. Ну-с: все лето и всю осень я компановал разные мысли (бывали иные призатейливые), но некоторая опытность давала мне всегда предчувствовать или фальшь, или трудность, или маловыжитость иной идеи. Наконец, я остановился на одной и начал работать, написал много, но 4 декабря иностранного стиля бросил все к чорту. Уверяю вас, что роман мог бы быть посредствен; но опротивело мне до невероятности именно тем, что посредствен, а не *положительно хорош*. Мне этого не надо было. Ну, что же мне было делать? Ведь 4-е декабря!..

Итак, требовательный художник остался недоволен начатой работой, он уничтожил рукопись. Между тем, постоянно нуждаясь, он перебрал авансами много денег из редакции «Русского Вестника» и заверил редактора, что в декабре пришлет ему рукопись нового романа. В письме к Майкову Достоевский продолжает:

> ...Затем (так как вся моя будущность тут сидела) я стал мучаться выдумыванием *нового романа*. Старый не хотел продолжать ни за что. Не мог. Я думал от 4-го до 18-го декабря нового стиля включительно. Средним числом, я думаю, выходило планов по шести (не менее) ежедневно. Голова моя обратилась в мельницу. Как я не помешался—не понимаю. Наконец, 18 декабря

я сел писать новый роман, 5-го января (нового стиля) я отослал в редакцию 5 глав первой части (листов около пяти) с удостоверением, что 10-го янв. (нового стиля) вышлю остальные *две главы* первой части. Вчера, 11-го числа, я выслал эти 2 главы и, таким образом, отослал *всю первую часть*,—листов 6 или $6^1/_2$ печатных.

Первую посылку они должны были получить 30 декабря (нашего стиля), а вторую получат 4-го января;—следственно, если захотят, то первую часть еще могут напечатать в январе. Вторую часть (из которой, конечно, не написано ни строчки)—я дал честное слово прислать в Редакцию к 1-му февраля (нашего стиля) неуклонно и аккуратно.

Поймите же, друг мой, мог ли я думать о письмах к кому-нибудь и о чем бы я стал писать, спрашивается? А потому *поймите*, как гуманный человек, и извините, как друг, мое вынужденное молчание. Да и время это было очень тяжелое.

Теперь об романе, чтоб кончить эту материю. В сущности я совершенно не знаю сам, что я такое послал. Но, сколько могу иметь мнения—вещь не очень-то казистая и отнюдь не эффектная. Давно уже мучила меня одна мысль, но я боялся из нее сделать роман, потому что мысль слишком трудная, и я к ней не приготовлен, хотя мысль вполне соблазнительная и я люблю ее. Идея эта—*изобразить вполне прекрасного человека*. Труднее этого, по-моему, быть ничего не может, в наше время особенно. Вы, конечно, вполне с этим согласитесь. Идея эта и прежде мелькала в некотором художественном образе, но ведь только в *некотором*, а надобен полный. Только отчаянное положение мое принудило меня взять эту невыношенную мысль. Рискнул, как на рулетке: «может быть, под пером разовьется!». Это непростительно.

В общем план создался. Мелькают в дальнейшем детали, которые очень соблазняют меня и во мне жар поддерживают. Но целое? но герой? Потому что целое у меня выходит в виде *героя*. Так поставилось. Я обязан поставить образ. Разовьется ли он под пером? И вообразите, какие сами собой вышли ужасы: оказалось, что, кроме героя, есть и героиня, а стало быть, *два героя*!! И, кроме этих героев, есть еще два характера—совершенно главных, то-есть *почти героев*. (Побочных характеров, в которых я обязан большим отчетом—бесчисленное множество, да и роман в 8 частях.) Из четырех героев—два обозначены *в душе у меня* крепко, один еще совершенно не обозначился, а четвертый, т.-е. главный, т.-е. первый герой—чрезвычайно слаб. Может быть, в сердце у меня и не слабо сидит—но ужасно труден. Во всяком случае времени надо бы вдвое более (minimum), чтобы написать.

Первая часть, по-моему, слаба. Но мне кажется, еще есть одно спасение: то, что еще ничего *не скомпрометировано* и может быть развито в дальнейших частях удовлетворительно (о, если бы!). Первая часть есть, в сущности, одно только введение. Одно надо: чтоб она возбудила хоть некоторое любопытство к дальнейшему. Но об этом я положительно не могу судить. У меня единственный читатель—Анна Григорьевна, ей даже очень нравится, но ведь она *в моем деле* не судья.

Во *второй* части должно быть все окончательно поставлено (но далеко еще не будет разъяснено). Там будет одна сцена (*из капитальных*), но ведь еще как выйдет? Хотя *записалось* начерно и хорошо.

Вообще все в будущем, но от вас жду строгого отзыва. 2-я часть решит все: она самая трудная; но вы мне напишите и о первой (хотя я искренно знаю, что она не хороша, но все-таки напишите). Кроме того, *умоляю Вас*, уведомьте меня, только что выйдет Русский Вестник,—напечатан ли мой роман? Все еще боюсь ужасно, что опоздал. А явиться в январе для меня капитально необходимо. Уведомьте же, ради бога, тотчас, чтобы мне знать, хоть двумя строчками.

Каткову, при отсылке 1-ой части, я написал о романе почти точно то же, что и вам. Роман называется: «*Идиот*». А впрочем никто себе не судья, особен-

но сгоряча. Может быть, и первая часть недурна. Если я не развил главного характера, то ведь так по законам всей планировки выходит. Вот почему и жду вашего суждения с таким алчным нетерпением. Но довольно об романе. Вся эта работа с 18-го декабря до того меня разгорячила, что я ни думать, ни говорить не могу ни о чем другом...

Прошло немного больше полутора месяцев, и Достоевский пишет вновь Майкову:

Добрый, единственный и бесценный друг—(все эти эпитеты к Вам применимы и со счастьем их применяю). Не сердитесь на мое бессовестное молчание. Судите меня с тем же умом и с тем же сердцем, как прежде. Молчание мое хоть и *бессовестно*, но почти ведь буквально невозможно мне было отвечать,—хоть и порывался несколько раз. Завяз с головой и со всеми способностями во 2-ой моей части, приготовляя ее к сроку. Окончательно испортить не хотелось,—слишком много от успеха зависит. Теперь же даже и не успеха надо, а только чтоб не случилось окончательного падения: в дальнейших частях еще можно будет поправиться, потому что роман выходит длинный. Отослал, наконец, и 2-ю часть (опоздал сильно, но кажется поспеет).—Что вам сказать? Сам ничего не могу про себя самого выразить. До того даже, что всякий взгляд потерял. Нравится мне финал 2-й части, но ведь это только мне; что скажут читатели? Остальное все, как и в первой части, Т.-е. кажется довольно вяло. Мне бы хоть бы только без большой скуки прочел читатель,—более ни на какой успех я не претендую.

Голубчик, Вы мне обещали тотчас же по прочтении 1-й части отписать сюда Ваше мнение о ней. И вот каждый день шляюсь на почту и нет письма, а, вероятно, уж Вы Русский Вестник имеете. Заключение вывожу ясное: что роман слаб, а так как вам говорить мне такую правду в глаза, по деликатности, и совестно и жалко, то вы и медлите. А я именно в *такой* правде нуждаюсь! Жажду какого-нибудь отзыва. Без этого просто мучение...

Наконец, от Майкова пришло письмо—с известием, что роман имеет успех. Как было дорого Достоевскому это известие, мы поймем, прочтя отрывок из письма к Майкову из Женевы от 2 (14) марта 1868 года.

...Голубчик. Вы один мое и Провидение и истинный друг! Ваше вчерашнее письмо воскресило меня. Никогда тяжелее и труднее не было ничего в моей жизни. 22 февраля (нашего стиля) жена (после ужасных 30-часовых страданий) родила мне *дочь* и до сих пор больна, и тут знаете, как нервы расстроены, надо удалять всякое неприятное известие, она же так меня любит. Соня, дочь, здоровый, крупный, красивый, милый, великолепный ребенок: я положительно половину дня целую ее и не могу отойти. Это хорошо; но вот что дурно: денег 30 франков, все до последней тряпки, моей и жены, заложено. Долги настоятельные, необходимые, *немедленные*. Вся надежда на Каткова и беспрерывная мысль, а что если не пришлют? Измучившее нас обоих известие о Паше; страшная и беспрерывная боязнь моя, мешающая мне ночью спать, что если Аня захворает? (Сегодня 10-й день), а у меня не на что ни доктора позвать, ни лекарства купить. *Еще не начатая* 3-я часть романа, которую я обязался честным словом доставить к 1-му апреля *нашего стиля* в Редакцию. Вчера ночью *радикально* измененный (в 3-й уже раз) весь план 3-й и 4-й части (а стало быть, еще три дня, по крайней мере, надо употребить на обдумывание нового расположения); усилившееся расстройство нервов и число и сила припадков,—одним словом, вот мое положение.

При этом, при всем, до самого Вашего письма, полное отчаяние за неуспех и скверность романа и, следств., не упоминая об авторской тоске, убежде-

ние—во всех лопнувших надеждах, потому что на романе все надежды. Каково же должно было обрадовать ваше письмо, ну, не вправе ли я вас назвать Провидением! Ведь вы мне все равно, что покойный брат Миша, в теперешних моих обстоятельствах!

Итак, вы меня радуете известием об успехе. Я совершенно ободряюсь, теперь третью часть я к 1-му апреля кончу и сдам. Ведь написал же $11^1/_2$ листов ровнешенько в два месяца! Умоляю вас, голубчик, когда прочтете финал 2-й части (т.-е. в февральской книжке),—напишите мне сейчас же. Поверьте, что ваши слова для меня ключ живой воды. Этот финал я писал в вдохновении, и он мне стоил двух припадков сряду. Но я мог преувеличить и потерять меру и потому жду беспристрастной критики. О, голубчик, не осуждайте меня за это беспокойство, как за тоску самолюбия. Самолюбие конечно есть, разве можно быть без него?—Но тут главные мотивы мои, ей богу, другие. Слишком много с этим романом сопряжено во всех отношениях... Что же касается до Идиота, то так боюсь, так боюсь,—что и представить не можете. Какой-то даже неестественный страх; никогда так не бывало... Какие я вам тоскливые и ничтожные письма пишу! Обнимаю вас крепко... Аня заплакала даже, прочтя в вашем письме об успехе Идиота. Она говорит, что гордится мною.

Недели через три, в приписке в письме к тому же другу, поэту Майкову, от 20 марта (2 апреля) 1868 Достоевский сообщает:

Ради Бога, пишите мне все, что услышите (если только услышите) об Идиоте. Мне это надо, надо, непременно надо! Ради Бога! Финал 2-й части, об котором я вам писал—то самое, что напечатано в конце первой части. А я-то на это надеялся! В совершенную верность характера Настасьи Филипповны я, впрочем, и до сих пор верю. Кстати: многие вещицы в конце 1-й части—взяты с натуры, а некоторые характеры—просто портреты, Н. П., генерал Иволгин, Коля. Но ваше суждение, может быть, и очень верно.

Письма к Майкову ярко живописуют всю бедность, нищету, в какой жили Достоевские за границей в 1867—1868 г.г., и те тревоги и душевные напряжения, чтобы не сказать—потрясения, среди коих приходилось творить поэту.

Но родник вдохновения был неиссякаем. И в письмах к Майкову Достоевский не только рассказывает о своем романе, но и предлагает программы-темы для самого Майкова. В Пушкинском Доме сохранилось огромное, замечательное письмо Федора Михайловича к Майкову от 15 (27) мая 1869 года из Флоренции, в котором он излагает целую сюиту «былин, баллад, песней, маленьких поэм, романсов—как хотите назовите»—из русской истории, вызывая Майкова на разработку этих тем. Между прочим, в одной из проектируемых баллад Достоевский склонял Майкова «перейти к изображению конца пятнадцатого и начала XVI столетия в Европе, Италии, папства, искусства храмов, Рафаэля, поклонения Аполлону Бельведерскому, первых слухов о Реформе, о Лютере, об Америке, о золоте, об Испании и Англии,—целая горячая картина в параллель со всеми предыдущими русскими картинами,—но с намеками о будущности этой картины, о будущей науке, об атеизме, *о правах человечества*, сознанных по Западному, а не по нашему, что и послужило источником всего, что есть и что будет...». Ясно, что никто другой как сам Достоевский мог бы если не в стихах, так в прозе осуществить эту сюиту баллад-поэм, но замысел так и угас в письме к другу.

Свою антологию мне хочется закончить письмом Достоевского о его знаменитой пушкинской речи в Москве в 1880 году. Об этой речи много писали. Имеется несколько воспоминаний о ней в журналах, напечатано несколько современных ей писем очевидцев, вслед за произнесением ее загорелась горячая полемика в журналистике, и сам Достоевский принял в ней участие. Все эти документы изображают нам речь о Пушкине, как исключительное событие, со всевозможными подробностями. Но есть один документ, затмевающий своею ценностью все остальные. Это—письмо Достоевского к жене, из Москвы, от 8 июня 1880 года, т.-е. в тот же день, непосредственно по возвращении с торжества. В письме находим несколько подробностей, важных и характеристических, доселе не бывших известными. Затем оно рисует мастерскую обобщенную картину знаменитого заседания Общества Любителей Российской Словесности. А самое главное—письмо передает нам с заразительной силой тот душевный взлет, с каким Достоевский говорил свою речь-проповедь и переживал овации.

Москва, 8 июня. 80. 8 часов пополудни.

Дорогая моя Аня, я сегодня послал тебе вчерашнее письмо, от 7-го, но теперь не могу не послать тебе и этих немногих строк, хоть ужасно измучен нравственно и физически, так что это письмо ты получишь, может быть, вместе с первым. Утром сегодня было чтение моей речи в «Любителях». Зала была набита битком. Нет, Аня, нет, никогда ты не можешь представить себе и вообразить того эффекта, какой произвела она! Что петербургские успехи мои! Ничто, *нуль*, сравнительно с этим! Когда *я вышел*, зала загремела рукоплесканиями, и мне долго, очень долго не давали читать. Я раскланивался, делал жесты, прося дать мне читать—ничто не помогало: восторг, энтузиазм (все от Карамазовых!). Наконец, я начал читать: прерывали решительно на каждой странице, а иногда и на каждой фразе, громом рукоплесканий. Я читал громко, с огнем. Все, что я написал о Татьяне, было принято с энтузиазмом. (Это великая победа *нашей* идеи над 25-летием заблуждений!) Когда же я провозгласил в конце *о всемирном единении* людей, то зала была как в истерике, когда я закончил,—я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и *клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить*. Порядок заседания нарушился: все ринулось ко мне на эстраду: гранд-дамы, студенты, Государственные Секретари, студенты—все это обнимало, целовало меня. Все члены нашего общества, бывшие на эстраде, обнимали меня и целовали, все, буквально все плакали от восторга. Вызовы продолжались полчаса, махали платками, вдруг, например, останавливают меня два незнакомые старика: «Мы были врагами друг друга 20 лет, не говорили друг с другом, а теперь мы обнялись и помирились. Это вы нас помирили. Вы наш святой, вы наш пророк!». «Пророк, пророк!» кричали в толпе. Тургенев, про которого я ввернул доброе слово в моей речи, бросился меня обнимать со слезами. Анненков подбежал жать мою руку и целовать меня в плечо. «Вы гений, вы более, чем гений!» говорили они мне оба. Аксаков (Иван) вбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя—есть *не просто речь, а историческое событие!* Туча облегала горизонт, и вот слово Достоевского, как появившееся солнце, все рассеяло, все осветило. С этой поры наступает братство и не будет недоумений. Да, да! закричали все и вновь обнимались, вновь слезы. Заседание закрылось. Я бросился спастись за кулисы, но туда вломились из залы все, а главное, женщины. Целовали мне руки, мучили меня. Прибежали студенты.

Один из них, в слезах, упал передо мной в истерике на пол и лишился чувств. Полная, полнейшая победа! Юрьев (председатель) зазвонил в колокольчик и объявил, что Общество Любителей Российской Словесности единогласно избирает меня своим *почетным* членом. Опять вопли и крики. После часу почти перерыва стали продолжать заседание. Все, было, не хотели читать. Аксаков вошел и объявил, что своей речи читать не будет, потому что все сказано и все разрешило великое слово нашего гения—Достоевского. Однако мы все его заставили читать. Чтение стало продолжаться, а между тем составили заговор. Я ослабел и хотел было уехать, но меня удержали силой. В этот час времени успели купить богатейший, в 2 аршина в диаметре, лавровый венок, и в конце заседания множество дам (более ста) ворвались на эстраду и увенчали меня при всей зале венком: «За русскую женщину, о которой вы столько сказали хорошего»! Все плакали, опять энтузиазм. Городской голова Третьяков благодарил меня от имени города Москвы.—Согласись, Аня, что для этого можно было остаться: это залог будущего, залоги *всего*, если я даже умру. Всех вас благословляю. Голова не в порядке, руки, ноги дрожат. До свидания, до близкого. Твой весь, наивесь *Достоевский*.

(«Красный Архив», том первый, 1922, стр. 399—400).

Мы перечли письма Достоевского с 1848 года по 1880,—от молодости до предсмертных дней. Какой трудный, исключительно трудный, поистине тернистый путь! Нищета, страшная болезнь, изнуряющий спешный труд, но на-ряду с этим—яркое, неугасимое горение сердца, мощное творчество идей и образов. Письмо из тюрьмы в день казни и письмо в день величайшего торжества—таковы грани, какими замыкается вновь найденная переписка Достоевского. Таковы же и те пределы, в коих заключена и вся жизнь поэта-мыслителя: предсмертные ужасы и победы духа. Кто хочет познать Достоевского-писателя во всей полноте, тот должен знать и письма поэта, где так щедро раскрываются и его душа, и его творческие замыслы.

СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ.

П. Виноградская.

«Старый и новый быт». Сборник под редакцией проф. Тана-Богораза, стр. 141. Госиздат. Ленинград 1924 г.

Мы мало еще знаем нашу современную деревню. Мы констатировали это неоднократно на наших партийных съездах и в нашей печати, но если наши экономические мероприятия и наша налоговая политика заставляют нас учитывать хотя бы в общих чертах все те процессы, которые происходят в деревне в области социально-экономической, если нам кое-что об этом говорят наши статистические исследования, то вне поля нашего зрения остаются деревенский быт и все те глубокие изменения, которые внесла в него революция. Мы узнаем об этом новом быте новой деревни маленькими кусочками из случайных корреспонденций в газетах, из рассказов и описаний нашей партийной публики, заглядывающей в те или иные деревенские уголки и, наконец, из нашей новой бытописательской беллетристики. Но последний источник является не особенно надежным вследствие глубокой субъективности описаний, односторонности наблюдений, а главным образом, вследствие того, что наши новые писатели, как правило, еще не охватили, не перечувствовали, не переработали внутренне всю нашу революцию, как единый целостный процесс всемирно-исторического значения.

Что же касается той публики, которая живет подолгу в деревне и не является в ней гостем, будь то сельская интеллигенция или наши коммунисты, то они по естественным психологическим мотивам не сообщают нам о том, что̀ для нас больше всего интересно: они замечают прежде всего недостатки и уродства, созданные годами разрухи, и считают их само собой разумеющимися, а чаще и не замечают тех новых процессов и явлений, которые складываются незаметно и постепенно, которые хотя и уживаются и переплетаются со старым, но которые на известной стадии их развития означают уже переход количества в качество.

Изучение этих процессов есть одна из настоятельных задач. В этом отношении представляет большой интерес предлагаемый вниманию читателя сборник «Старый и новый быт».

В этой книге собраны очерки—зарисовки с натуры, сделанные студентами Ленинградского Географического института и университета, участвовавшими в этнографических экскурсиях по губерниям: Новгородской, Череповецкой, Ленинградской и Мурманской. Но что делает этот сборник особенно интересным? Во-первых, то, что тут собраны материалы из самых заброшенных, медвежьих углов Северо-Западной области России. Перед нами предстает здесь глухая, одинокая, далекая от железной дороги деревня, куда только изредка забредет житель города. Во-вторых, особенную прелесть придает сборнику то, что очерки написаны бесхитростно, искренне, в них правдиво, без всяких прикрас изображено все виденное и слышанное.

Как и надо было ожидать, крестьяне недоверчиво и удивленно поглядывали сначала на этих странных людей, которые «приехали за стариной, записывать сказки и песни». Когда одна из групп экскурсантов, у которой не было фотографического аппарата с собой, решила делать карандашные зарисовки зданий, старинных часовен, то крестьяне стали волноваться, что мол «ходят иностранные шпионы, планчики зарисовывают»—и студентам пришлось оставить зарисовки (стр. 92). Многие из крестьян злились и ворчали на студентов за то, что те приехали в страдную пору: «Вы зимой бы приезжали, а теперь какие же песни и какие сказки!». Многие из них подозревали, что все сведется в конце концов к сбору какого-нибудь налога. Но убедившись вскоре, что «песенники» никакой корыстной цели не преследуют, они изменили свое отношение и стали соображать, что бы сообщить им более полезное: «Надо же людям чем-нибудь кормиться!»—заключали крестьяне (стр. 91).

Сами этнографы, состоящие сплошь из молодежи, выходцев из среды крестьян и рабочих, с котомкой за плечами, делающие по 300 верст пешком, уже одним своим видом располагали к себе деревню и быстро заручались ее доверием. Не говоря уже о крестьянской молодежи, которая охотно беседовала и делилась впечатлениями с ленинградскими студентами, и которая с глазами, полными печали и зависти, провожала возвращавшихся к учебе собратьев-счастливцев, не только молодежь, но и старики и даже женщины тепло и трогательно прощались с ними.

Очерки хотя и писались этнографами, но они представляют интерес как для научного исследователя, так и для советского общественника и партийного работника. Этнография идет теперь не старыми истоптанными путями, а в ногу с эпохой. И проф. Тан-Богораз прав, когда он говорит: «Для новой этнографии, например, русская революция, русская коммунистическая партия, будучи актуальными творцами нового быта, являются такими же объектами этнографического исследования, как и другие бытовые факторы» (предисловие).

Поэтому мы в сборнике находим описания самых разнообразных сторон быта. Тут и вопросы религии, взаимоотношений полов и поколений, классовое расслоение деревни, культурно-просветительная жизнь, песни, частушки и т. д.

Материалы, собранные студентами и касающиеся экономической жизни деревни, должны по плану редакции составить второй сборник, а обозрение материала строго этнографического — третий сборник (стр. 25).

Прежде чем перейти к более подробному изложению предлагаемой вниманию читателя книги, мы хотели бы сказать несколько слов о том, как вообще следует оценивать нам быт переходного периода. Тем самым мы должны будем выступить против той его оценки, которая дана проф. Тан-Богоразом в его предисловии к разбираемой книге.

Быт—это,—если можно так выразиться,—отстой жизни. Для того, чтобы новый быт сложился, нужно не только наличие материальных предпосылок, устойчивость в материально-производственных отношениях, но *и некоторое время сверх того, когда эта устойчивость будет достигнута*. Быт с этой точки есть надстройка, самая близкая по расстоянию к производственному базису общества или класса, но самая отдаленная в *смысле времени*, т.-е. хронологически. Поэтому после того как революция взбаламутит общественное море, после того как произойдет новая расстановка в процессе производства и распределения—быт на этой новой основе сложится лишь в самом последнем счете.

Возьмем теперь нашу деревню после революции, гражданской войны и периода военного коммунизма, а тем более деревню отдаленного Севера, слабо связанную с промышленными центрами. Может ли в такой деревне сложиться новый быт за такой короткий срок? Разумеется, не может.

В лучшем случае мы будем иметь здесь отмирание наиболее возмутительных остатков быта, связанного с господством помещиков и царизма, ту или иную брешь в царстве поповщины и отдельные нестройные, пестрые, слабые, маленькие кусочки и ростки нового быта на новой основе. А если мы вспомним, что исследования эти производились в 1923 году, т.-е. тогда, когда деревня (а особенно северная деревня) не оправилась еще, как следует, от периода разверстки и голодных лет, то тем менее мы можем ожидать сплошь радостных картин от этих этнографических снимков с натуры.

И ниже мы увидим, как бесконечно много темных пятен на фоне современного деревенского быта, как пестра картина, как трудно отличить здесь, что к чему и что от чего. Точно на художественной выставке живописи всех без исключения направлений.

Несколько иначе оценивает наш деревенский быт проф. Тан-Богораз в своем предисловии. Мы не знаем советского стажа проф. Тана, но судя по тому восторгу, с которым он приветствует все, вплоть до последней кучи грязи, сфотографированной студентами в советской деревне, можно заключить: его стаж—невелик. Иначе он успел бы уже усвоить, что наша партия и Советская власть всегда были против прикрашивания язв жизни и ребяческого (если не сказать резче) преувеличения наших завоеваний. Революция требует, чтоб ее ценили, чтоб ее понимали, чтоб ей служили, но она не хочет и не нуждается в косметике. Замазывая,

подкрашивая и замалчивая темные стороны нашего быта, мы приносим революции не пользу, а вред.

Только мужественное описание всего кошмарного, что осталось от наследия прошлого, поможет нам скорей преодолеть это старое и прошлое. Быт, как и революция, делается живыми людьми. Люди сами—творцы своей истории. Пробудить волю к созданию нового быта, пробудить жажду к новой жизни и ненависть к уродливому прошлому есть одна из задач, которую должна выполнить бытописательская литература как исследовательская, научная, так и беллетристическая, а также и связанная с ними публицистика.

Проф. же Тан в своем введении вместо попытки объективного и научного анализа той груды фактов, которую собрали студенты-исследователи, дает лишь апологию того, что есть, с подслащенной публицистикой и розовой водичкой.

Перейдем теперь к рассмотрению очерков по существу, к рассмотрению отдельных вопросов и проблем, которые затронуты в них по-разному и в различной связи.

I. Религия, верования, предрассудки.

Современная деревня, как об этом повествуют все авторы, а особенно Н. Морев в очерке «Старое и новое», является ареной борьбы двух миров. Один—наследие предков, ставящий человека в зависимость от небесных и окружающих таинственных сил, другой—принесенное из города отрицание всего прошлого—продукт революции.

Что касается характера сохранившейся религии, то оказывается, что не одна православная вера, а целых три столкнулись в русской деревне.

Первая вера — православие.

Вторая—шаманская, знахарская, черная вера—колдовство.

Наконец,—евангельская. Евангелисты-баптисты проникают теперь в самые глухие места.

О православной церкви и ее верующих в современной деревне Морев пишет:

> Наверное, все, кто бывал в деревне в довоенное время, помнят, какая давка и теснота была в маленьких деревенских церквах в престольные и заветные праздники. Войдя в Успенье (заветный праздник дер. Прангатово) в церковь, я увидел следующую картину: левая половина церкви заполнена женщинами от восьмидесятилетних старух до маленьких девочек, в пестрых ситцевых платках и сарафанах; направо—пусто, около десятка стариков сиротливо жмутся к стенкам, как бы стыдясь своей малочисленности. Где же те толпы мужиков с хмурыми сосредоточенными лицами, быстро крестившихся и отвешивавших поклоны?
>
> Их нет. Они забыли обычай предков и остаются дома.
>
> Около церкви за оградой я заметил кучку людей, так, человек пятнадцать. Они курили «самосадку» и беседовали об урожае, севе, сенокосе и прочих хозяйственных делах. Это их «бабы прогнали» в церковь, но что там им делать? Здесь гораздо интереснее, и они войдут в церковь только перед самым концом службы (стр. 48).

Между духовенством и народом образовалась трещина:

«народ этот в бога не верит». Подойти к народу деревенские попы не умеют и не хотят. Они внимательно следят за борьбой и расколом в церкви, но не хотят сделать что-либо, что было бы в ущерб их соответственным интересам (стр. 99).

Вот характерные типы из среды духовенства: «агитпоп», священник в маленьком приволжском городишке, и даже протоиерей. Два факультета окончил, ума палата, толкует декреты, выправляет статьи для печати, представляет данные для публичных выступлений и лекций, как живой энциклопедический словарь. А с другой стороны, прихожане не нахвалятся им. Душевный человек. И от архиерея недавно получил камилавку. А в Москву по делам ездит без всякой камилавки, а просто в штатском, и косу подвертывает—под шляпой, как делают китайцы (стр. 16).

Вот менее сложный тип: священник, бывший монах, дает поручение экскурсантам в город купить Иегера «Всемирную историю», Фламмариона, ряд акафистов и др.

Вот тип другой: экскурсанты, в поисках за продуктами, наткнулись на оригинальную лавку: церковный староста переводил на деньги положенные на церковное блюдо яички. «Придешь к концу обедни, староста отсчитает 3—4 десятка накопленных яиц (можно набрать и больше); цены очень дешевые—«божьи», глядишь, и сыт 3—4 дня, а то не знаешь, куда и сунуться за едой» (стр. 93, 94).

Один из авторов, Стебницкий, указывает на то, что многие монахи упраздненных монастырей идут в священство. «Они и не прочь перейти и на мирской путь, и приняться за мирскую работу, рубку дров и пр., но когда стоит вопрос, снять ли рясу или итти в священство, они все же выбирают последнее».

Проф. Богораз рассказывает, что он встретил под Анапой быв. протоиерея, который был пастухом при общественном стаде, и не роптал на бога за то, что пастьбу людей пришлось променять на пастьбу скота.

Изживание веры и религиозных предрассудков в деревне, нововведения в области техники происходят, главным образом, благодаря бунту молодого поколения. Много также сделали в этом отношении демобилизованные солдаты, матросы и красноармейцы, прошедшие через империалистическую войну и гражданский фронт. А затем, конечно, коммунисты. Все они атакуют религию.

Вот, например, бывший матрос, в споре о религии делает вызов в конце своей речи: «Вот, говорят, есть бог, а я говорю—его нет. Ежели он есть, то пусть разразит меня на этом самом месте. Пусть у меня отсохнут руки и ноги. Видите? ничего не сделалось. Все это ерунда, и бог и святые». Нечего уж говорить о молодежи, которая на просьбу тетки итти в церковь, зевая, говорит: «А чаво там делать?».

Нередко молодежь заражает своим вольнодумством отцов и матерей. Вот старуха Прохоровна, чрезвычайно религиозная крестьянка, посещала монастыри и подолгу жила в них, а теперь, как говорят про нее старики, под влиянием сыновей «свихнулась с ума на старости лет

и стала безбожницей». Экскурсанты были сами свидетелями, как она после обеда, по привычке перекрестившись, тут же спохватывалась: «А ведь бога-то нет». Вот другая старуха, которой овладевает сомненье: то она срывает иконы со стен, то снова их развешивает.

От самых незатейливых баб, пришедших помолиться на праздник, можно услышать такой приблизительно разговор: «Авдотья, ты шла, не видела,—поп-то едет, аль нет?»—«А чего ему делается, нет, не видела».— «Да ты бы хворостину по дворе сломила, да его к нам пригнала, небось, самогонки захотел по дороге—три деревни ведь проезжают мимо».— «Да уж ау! кабы знала, так сломила бы частоколину, живо бы у меня здесь был» (стр. 107).

На религиозной почве происходят постоянные трения между старым и молодым поколением. Так, в очерке Стебницкого мы находим повествование о том, как молодежь мечтает разрыть древний могильник, чтобы воочию убедиться в правдивости легенд, связанных с этими древними покойниками. Спор разыгрывается на самой могиле, где они уже много раскопали, а старшее поколение, в лице самого председателя сельсовета, велит прекратить это запрещенное дело. А молодежь дружно возражает.

— Да чего ты орать тут пришел? Понимаешь ты, что ль, что тут кость мертвая, чего она чувствует? У тебя, дурака, что ли, нам было спрашивать?

— Вишь пришел, накричал, чего он тут понимает, — мертвец сгнил в могиле, чего ему сделается; вот сам так сгниешь, чего чувствовать будешь!

Один человеческий череп удалось унести на следующее утро. Он был запрятан под елью, и мы его достали оттуда потом, когда разговоры и споры утихли и забылись.

До ушей стариков вплоть до рассвета доносится пение молодых комсомольцев под нестройные звуки гармоники.

Никаких святых не стало
Бог уехал в Петроград,
Богородица осталась
На молоденьких ребят.

Все святые загуляли,
Видно, бога дома нет,
Самогонки напился,
Загарницу удался.

Это богова гармошка,
Иисусова игра.
Пресвятая богородица
И та гулять пошла.

Ах, мой бог, ах, мой бог,
Чего ботаешь (делаешь),
С богородицей лежишь,
Не работаешь?

Но все-таки, несмотря на эти пробивающиеся новые ростки, религия еще сильна. В то же время выбралось на свет колдовство. Раньше колдовство загонялось в подполье преследованиями попа и исправника.

Теперь оно стало легальным и выработало новые приемы. Колдовство приняло к себе на службу грамоту; теперь заговоры заносятся на бумажку, точно рецепты. Колдовство берется за все дела. Возрождение этого пережитка язычества проходит под знаком революции и даже Советской власти (Богораз, стр. 16). Приехали этнографы; умирающая колдунья считает их единственно законными наследниками ее ведовщины и посылает внучку к ним с наказом: «Худо мне, умереть не могу, никто моей силы не принимает. Слыхала я, что ходят такие люди, собирают ведовщину, так пускай бы пришли и забрали и моих дьяволов».

Вот комсомолец, который является в то же время единственным хранителем «слов» колдуна-деда. Тут мы видим причудливое сочетание старого и нового в молодом деревенском парне, который, с одной стороны, мечтает ехать учиться в совпартшколу, либо сельско-хозяйственное училище, состоит членом комсомола, а с другой стороны, умеет «присушивать» сильными словами, которые особенно опасны для девиц. Чисто экономические причины заставили молодого и предприимчивого работника семьи заняться в годы голода и разрухи выгонкой самогона для поддержки семьи, а отсюда он сделал еще один шаг: вспомнил о профессии деда и обратился к колдовству.

Точно так же совершенно новым явлением на далеком севере являются теперь кражи, особенно сильно развившиеся за последнее время; раньше здесь о них не слыхали. При глубокой патриархальности деревни этих губерний кражи были здесь редки; дом хотя запирался, но ключ оставался тут же, никто его не трогал. За помощью пострадавшие охотно обращаются к колдуну, который сам находится в связи с шайкой воров, и который, конечно, в состоянии указать, где отыскать похищенное. На этой почве создается своеобразная самопомощь. У колдуна часто на приеме бывают большие очереди, до 100 клиентов в день (стр. 103). За колдуном часто приезжают из других деревень и возят его за 60 и 70 верст. Очень много есть и женщин-колдуний, которые пользуются доверием.

В очерке Е. Арловой выведена Анна Кобелева, в свое время самая красивая девушка в селе. «29 женихов сватало, ни за кого не шла, потому что никто меня победить не мог, а он, русский матрос, победил». Но скоро у него оказалась другая жена. Кобелеву он бил до полусмерти и даже когда беременной была. Дело дошло до суда, его судили. Осталась одна с детьми. Анне самой захотелось поступить в школу для взрослых, теперь она всем в районе письма пишет. «Пишу я не попросту, сначала разузнаю о всей жизни подробно и пишу сама, не слушаю, как, они говорят, над моими письмами всегда плачут».

В деревне еще применяется колдовство особенно в делах любви.

Знахарка берет чаще всего соль, наговаривает на нее и заставляет девушку положить ее парню в пищу—не в холодную, чтобы его сердце не «захолодело», и не в горячую, чтобы вместе с паром не улетели слова, а в теплую, тогда слова окажут самое благоприятное действие. Некоторые девицы, однако, обходятся без помощи колдуний и сами совершают магические действия: возьмут несколько капель своей «месячной» крови и положат в пищу присушаемому. Это средство считается очень действительным. На счастливую

соперницу насылается, при помощи знахарки, «сухота», через наговор на соль или на теплую пищу.

Есл официальная религия—православие—уже сильно подорвана и подгнила, все же в деревне сохранилось еще много суеверий, преданий и примет.

II. Брак, любовь и взаимоотношение полов.

Если религия, хотя и потрепанная, еще держится в народе, то старый брак довольно быстро изживается. Здесь, еще до революции, империалистическая война внесла свое разрушительное действие. А еще больше усугубили этот процесс революция и гражданский фронт. Парни теперь женятся, не спрашивая родителей, а девушки часто выходят замуж «самоходкой», т.-е. совсем без ведома родных. Например, Борисова пишет о том, кто ввел упрощенную форму такого брака в селе Пондале (1918 г.). Был там крестьянин Поихонов, служивший милиционером, он же знатливец и колдун. Он сам женился таким образом, несмотря на осуждение всей деревни. Но после этот обычай привился, и в этой деревне насчитывается уже много случаев, когда невеста уходит в дом к жениху, живет с ним продолжительное время и лишь после оформляют брак, чаще в церкви, но практикуется также и советский брак. Девицы распевают.

Теперь новые права,
Не надо и венчаться,—
В комитете за столом
Только расписаться.

Часто не только молодое поколение, но и старики практикуют гражданский брак из чисто экономических соображений. Советский брак сокращает прежние чудовищные расходы, связанные с свадьбой.

Особенно молодежь ухватилась за новый тип брака, предоставляющий большую самостоятельность в деле выбора спутника или спутницы жизни. Насколько такой брак «самоходкой» или «самокруткой» стал часто практиковаться, видно из этого, что за короткое пребывание экскурсантов в одной деревне, Марковской волости, как пишет Н. Морев (стр. 51), было заключено 4 гражданских свадьбы. А кругом только и слышны частушки:

Не скажу я никому,
Куда сей вечер пойду.
Кладу ноги на дорогу,
Самоходкой стегану.

В деревне Кайна служащий в Исполкоме писарь Трофимов увел свою жену таким образом:

Однажды, поздно вечером, он пришел в избу своей избранницы, с которой у него все уже было условлено. Она, вернувшись только что с гулянки, ужинала, родные же ее все спали. Колька подошел к ней, взял ее за руку и сказал: «Пойдем!». Она встала и пошла ночевать к нему в дом—напротив ее избы. Все это было делом нескольких секунд, так что отец Николая не успел выкурить цыгарки, как его сын вернулся домой со своей невестой. На другой день молодая жена уже работала на ниве семьи

своего мужа. Через несколько дней они «записались» в совете, а венчанье в церкви отложили на святки».

Вот другой случай, когда девушка из соседней деревни приезжает верхом на лошади, останавливается у мельника в доме, и целый вечер гуляет с его сыном. А на завтра уж во всей деревне известно о приехавшей «самоходке» к мельникову сыну. Заминка вышла только лишь из-за того, что лошадь не полагается давать в приданое, и свекровь угнала невесту за приданым к родителям.

Молодежь борется за такой брак. Если бывает, что родители не соглашаются, то «самокрутка» уходит и без их «согласу», и на завтра уж работает в поле своего мужа, при чем потихоньку еще забирает у родителей часть своего имущества.

Самоходкой иду,
Тяте сделаю беду,—
Тяте сделаю беду
Корову, овцу уведу.

Замужние крестьянки, жалуясь на свою тяжелую семейную жизнь, говорили экскурсантам: «Было бы теперешнее время, обязательно самоходкой бы ушла. А тогда боялась сраму на себя взять—судили бы люди целый год».

Раньше свобода деревенской девушки была страшно ограничена во всем, девушки боялись на виду у всех гулять по вечерам, встречаться со своим «парщиком», ибо «не равно заметят люди, сейчас оговорят». Девушка, которую парень разлюбил, пользовалась дурной славой. В те годы они пели:

Милый, Вася, воля ваша—ты ходи, хоть не ходи,
Меня молоденькую девушку, до славы не веди.

Поскольку брак раньше решался по воле родителей и в основу клались хозяйственные расчеты, а не влечение сердца, были часты случаи выдачи замуж молодых девушек за стариков.

Побои жены в деревне были очень частым явлением, а уйти от мужа было невозможно. Теперь же, благодаря возможности развестись, женщины-крестьянки бунтуют. Разводятся очень многие, тем более, что разведенной полагается выделить надел. И бабы теперь поют:

От сегоднешнего года
Испужался муж развода,
Он теперь ласкается,
Колотить закается.

Однако нельзя сказать, чтобы были изжиты все предрассудки во взглядах на женщину. «В основе их,—говорит Борисова,—лежит неравенство и предвзятый взгляд на бабу, как на рабочую скотину, или, во всяком случае, как на получеловека». И это несмотря на то, что существует уже в волости женотдел, который называется «бабком»—или «кульком», от Акулины, заведующей местным женотделом.

Придирчивое отношение и самодурство в отношении женщины, а иногда и побои встречаются еще на каждом шагу. Так, например, у

супругов, живущих уже в полном мире и согласии, венчавшихся не в церкви, а «записавшихся в комитете» муж все же отказывает в лошади, когда необходимо срочно везти жену на операцию:

> Некогда теперь, поспевать жниво, ставить надоть еще сенокос,— а главное, жалко молодого жеребца, с которого шкуру содрать надоть, если проехать туда и обратно такую длинную дорогу... (стр 74).
>
> Даже самые культурные *чухари*, как, например, секретарь волисполкома, который, по его словам, лет десять тому назад кончил четыре класса гимназии в Сибири, а после революции прошел командные курсы в Ленинграде,—и другие такие же новые люди,—не составляют исключения... (стр. 70). Не научились они еще по-товарищески относиться к своей жене.

Поэтому Богораз уже слишком все видит через розовые очки, или, если сам так не видит, то усиленно старается для других прикрасить действительность, когда пишет (стр. 19):

«Семейная жизнь нововеров скрепляется, как видно, внутренним духовным цементом», или, когда, касаясь семейной жизни коммунистов, он готов единичный случай, приводимый в очерке «Снисходителен к жене», возвести в правило. На практике мы пока видим обратное.

В действительности же даже у коммунистов деревенских не все обстоит благополучно в этой области. Конечно, бывает, хотя и очень редко, так, что муж-коммунист старается поднять до себя жену беспартийную. Пытается влиять на нее, что иногда удается вплоть до снятия икон. Но при первой же неудаче или болезни жена снова берется развешивать иконы. Недоразумений много на этой почве. Недаром в частушке новой поется:

> У меня милый коммунист,
> Я-то беспартейная,
> Навязалася любовь,
> Така канительная... (стр. 124).

Часто девушки сознают свою отсталость:

> У милого моего
> Матка коммунистка.
> Меня замуж не берет,
> Говорит, что низка.., (там же).

Но характерно, что девушки теперь охотно влюбляются в коммунистов и выходят за них замуж, в то время как раньше, в связи с общим враждебным настроением деревни к коммунистам, и девицы на них косо поглядывали. Так, раньше пели:

> Не любите, девки, матушки,
> Со коммунины ребят.
> Если право переменится,
> Коммунцам жизнь решат... (стр. 123).

А теперь они поют:

> С неба звездочка упала,
> Покатилася на низ.
> У меня—красноармеец,
> У подружки—коммунист.

Нам на что косы толстые,
Голубые бантики?
Нас без бантиков полюбят
Коммунисты-франтики... (стр. 124).

III. Молодежь.

Но если перемена в семейном быте стариков происходит медленно, то, наоборот, молодежь так далеко прыгнула вперед, так порвала все пути, сковывавшие любовь, что в подрастающем поколении, несомненно, прививаются уж совсем иные формы брака. И в этом отношении молодежь голодных губерний, где только теперь начинают приходить в себя от военного коммунизма, где пшено еще очень лакомое блюдо и до материального достатка еще очень далеко, нисколько не уступает молодежи центральной России и Украины. Если хлеба и мало, то танцулек, песен и веселья у них нисколько не меньше.

И здесь в северных деревнях они веселятся до упаду. Тут уж и старики ничего сделать не могут и вынуждены мириться. Молодежь поет:

Табаку вы не курите,
Не пейте больше самогон.
Больше девочек любите,
Это новый есть закон... (стр. 122).

Недаром молодежь отставших в экономическом отношении национальных окраин, с завистью смотрит на молодежь России. Вот поистине замечательные слова молодого черкеса из комсомола: «Наша старик глюпий, работать не желай, иди на мечеть богу молись. Наша старик все стара режим поминай, слушай мулла, коран читай, не кушай русской борщ. Надо живи по-новому, как русский, старик не слушай, мулла не слушай, книга умей читай, работай много, по-русски с девчатки гуляй» (Богораз, введение, стр. 9).

А вот картины из быта, где старое входит в новое «без пересадки». Главное место на летних гуляньях занимают танцы.

Они происходят под открытом небом, разумеется, в праздники, в дер. Пондале—чаще всего у моста через реку, в других деревнях—на площади перед зданием школы или исполкома. Проходят они очень оживленно. Парни с девушками отделывают «кадрель», «ланцу» (лансье) и «полуланчика» под веселое наигрывание гармошки. Лица разгораются, глаза блестят, смех и шутки летят во все стороны. Пахнет потом и мускусом, дешевыми духами и очень дорогой самогонкой. Парни во время передышек обнимают и тискают девушек. Посмотришь в сторону — увидишь не одну обнявшуюся парочку, услышишь поцелуи. Танцуют девушки одни «кружком», не потому, что не хватает парней, «а это уже завсегда так танцовали». После танцев молодежь «артелями» или парами отправляется гулять по деревне. Группы составляются только из одних парней или из одних девок. Каждая группа поет частушки—иногда по-чухарски, но больше по-русски... (стр. 62).

И поют они при этом:

Завлекательные глазки,
Завлекательный он сам,
Завлекательнова дролечку узнаешь по глазам.

Поцелуй-ка, ягодинка, без отхода сорок раз —
Я потом тебе споверю, что слюбляешься сейчас.

Голубая лента с бантой,
Синяя распущена—
На меня и на жадобиньку [1])
Тоска напущена... (стр. 60).

Оссбенную роль при этом играет гармошка или тальяночка, о которой мечтает каждый парень:

Растальан-тальанок много,
Растальянчышек один.
На беседе ребят много,
По уму—только один.

Каинские девушки—
Чистые неемоцьки (?),
Ни едина не сполюбит
Парня без тальяноцьки.

Я робиночки ломала
Вечером позднешенько,
Без тальяночки пришел,
Надоел тошнешенько.

Я у Вани в колидоре
Сосчитала лесеньки.
Я по Ваниной тальянке
Все бы пела песеньки... (стр. 119).

Эти гулянки, беседы и любовь ни к чему не обязывают ни ту, ни другую сторону. И смотрят на это проще, чем раньше:

Слава богу, не женился,
По беседам похожу—
У милаши фартук новый,
На коленях посижу! (стр. 64).

Я из Пондалы приехал,
На кобыле без дуги...
Я с тобой сидел,
Но замуж ты и думать не моги! (стр. 62).

Но на-ряду с такой свободой в отношениях и независимостью встречаются и случаи принудительной верности в любви.

«Занимальщик» или «парщик», ревнующий свою «милаху» к другим и вынужденный, например, выехать из деревни на некоторое время, объявляет

[1]) Дроля, жадобинька — милый, любимый.

милаху «заказанной», запретной для других. С такой заказанной девицей никто не имеет права гулять или плясать под страхом ножевой расправы. И острая частушка уже подметила и спела:

Сидит кошка на окошке,
Лапка перевязана.
Нет миленка на беседе,
Я сижу заказана... (стр. 20).

Отметим тут же, что деревенские девушки становятся большими модницами и стараются подражать городским барышням как в моде, так и способе выражаться.

Например, какая-нибудь девица своему парню, вместо прежнего лаконического «врешь», теперь скажет: «И вы очень даже неправильно говорите, и это даже совершенно, можно сказать, некрасиво так выражаться», или так к себе приглашает: «Я очень извиняюсь, пожалуйста, к нам приходите. Мы будем очень даже тронуты, так сказать» (см. стр. 113).

Вместо слова «ухаживать» употребляют выражения: «заниматьца», «караводитьца», «гулять», а лицо, с которым «занимаются», зовут «занимальщиком», «парщиком», «дролей», «ягодинкой», «жадобинькой», «любой», «сударушкой», всеми производными от милой-ая, «замилякой», а по-чухарски также «олух», что именно и значит любимый-ая—в применении к обоим полам... (стр. 60).

Между прочим, теперь в деревне не говорят «пляшут», а именно танцуют. Слово «плясать» не применяется к танцам молодежи (стр. 118).

Как известно, еще до войны деревня стала рядиться. Война и разруха, вызванная революцией, лишили деревню самых необходимых предметов потребления, и мода пошла на убыль, но вот теперь с возрождением хозяйства мода снова сильно занимает деревенских девиц:

Платья из домотканины начали заменяться другими, сшитыми из материй фабричного производства; место традиционных русских лаптей и смазных сапог занимают лакированные сапоги и калоши, и даже не редкость было увидеть зонтик, перчатки и браслеты на руках деревенских модниц (стр. 120).

Это, конечно, нашло свое отражение в частушке:

Не жалей, папаша, денег,
Двадцати пяти рублей,
Купи зонтик и калоши,
Как у добрых у людей.

Мы с тобой, подружка, модные,
Бруслетки на руках,
У нас дролечки фартовые,
Калоши на ногах.

В связи с калошами любопытно привести следующий случай, который описывают Морев и Н. Ш.:

В минувшем 1923 году на дровяных заготовках Петролеса (в Белозерском уезде, Череповецкой губернии) заработок выдавался натурой.

Рассчитывавшиеся за работу девушки из соседних деревень попросили выдать им вместо предлагаемого пшена по паре калош. Нужно заметить, что своего хлеба у населения данной местности не хватает, а пшено, впервые появившиеся на севере после годов разрухи, являлось для крестьян лакомством. И все же девицы предпочли модные калоши лакомому пшену.

Революция развязала силы молодежи. При отсутствии культурного центра в деревне, при невозможности бросить хозяйство и ехать учиться в губернский город, эти силы и энергия находят выход только в гульбе, а часто и в пьянстве.

Но стоит только в деревне завестись организации комсомола, избе-читальне, деревенскому театру, как вся молодежь преображается, перестает озорничать и проводить ночи на бессмысленных танцульках, хорсводах и гуляньях, оканчивающихся часто буянством и дракой.

Вот картина в избе-читальне:

Вокруг стола, освещенного лампой, около дивана, у противоположной стены, группа молодежи столпилась у развернутой, сегодня полученной с опозданием на несколько дней газеты, и кто-то читал о землетрясении в Японии. Чтение все время прерывалось замечаниями, возгласами. Спорили, решали, где находится Япония, какой в ней главный город, спрашивали друг у друга значение непонятных слов, и ответы большею частью давались. И хоть не сразу, но правильно...

В промежутках между романсами в открытые окна врывались лихие звуки гармошки, сопровождаемые частушками: там шел другой праздник— обычный, как и в других деревнях. Изба-читальня, должно быть, не успела еще его упразднить и, то-и-дело, то оттуда приходили, то из избы-читальни уходили туда... (стр. 110).

Особенно много может сделать в деле организации просвещения молодежи деревенский театр. Вот что пишет Стебницкий:

Постановка спектаклей, как более разумное развлечение, начинает заменять собою забытые хороводы и игру на гармошке с пением нелепых и неприличных частушек. Вот деревенский театр. В маленькой передней избы-читальни висели два театральных костюма, больше всего похожие на одежду стрельцов. Это бутафория местного театрального кружка. Чуть ли не каждый праздник, когда работы не очень много, ставят какую-нибудь пьеску, обычно злободневную. Эта пьеса — большею частью произведение местного жителя, но чья именно—неизвестно. Должно быть, потому, что она все еще, как песня и сказка, является результатом коллективного творчества. Темой берут что-нибудь из восстания дезертиров, или вроде того, что сын-коммунист, посадив впросак несколько раз под-ряд своего батьку-старорежимника, который и глуповат и неграмотен и которому в диковинку всякая городская, привозимая сыном вещь, убеждает отца: «А что, батька, ведь-по нашему-то дело лучше пойдет». Батьке остается поскрести в затылке и согласиться с сыном. Такого рода комические пьески любят больше всего. Ставят и печатные вещи, как, например, что-нибудь из сборника для любительских спектаклей, и опять-таки большею частью комическое.

Не только в более свободное от работ время, но даже и в рабочую пору стараются не пропустить праздника, особенно «заветного», без спектакля. За день, за два до праздника более энергичный из парней, когда уже темно, все вернулись с работ и успели поужинать, идет по деревне собирать товарищей на совет о том, что̀ поставить. Решат, и с вечера, тут же, прини-

маются переписывать роли. Утром, вставши, до начала работ (а они летом начинаются часа в 4) доканчивают и на работу идут—зубрят.

— Молотишь, косишь, а сам нет-нет да отбежишь в тетрадь заглянуть,— рассказывал один из таких любителей театрального дела. Таким образом в два дня пьеса кое-как разучена. Самими же артистами намазаны декорации, и в праздник под вечер старые и малые собираются в волостном смотреть, как молодежь их потешать будет.

Само собой разумеется, что зимой, когда почти нечего делать, такие забавы устраиваются чаще. Школьники тоже ни за что не хотят отставать от своих старших братьев и сестер и устраивают вечера. Матери и отцы особенно любят смотреть на театральные подвиги своих младших детей... (стр. 115).

Комсомольская организация является одним из главных укротителей молодых буянов и озорников. Упоминавшийся выше внук колдуна, занимающийся сам тоже колдовством, «присушивающий девиц», по вступлении в комсомол немедленно решил бросить колдовство и ехать учиться. Экскурсант, вернувшийся с масленичной поездки, описывает новооснованное общество деревенской молодежи «Заря». Четвертый параграф устава гласит: «Некорректными словами запрещается выражаться».

Особенно много делает комсомол в деле поворота молодежи к учебе. Правда, жажда к учебе намечается и у старшего поколения, особенно к сельско-хозяйственным наукам, ибо практика и жизнь их убеждают, что дедовские способы обработки земли устарели (многие из них побывали в плену в Германии и других странах). Но что касается молодежи, то стоит лишь вместо частушек, пьянства и жестоких драк устроить с ними чтение газет, игру в шашки, мирные беседы о прочтенном и услышанном, как начинается повальная тяга к учебе; юные и молодые, рвущие со старым, они гораздо скорее поддаются обработке и влиянию, чем старое поколение. Экскурсантов они не переставали интервьюировать. Стебницкий пишет:

Я им рассказывал долго, а потом замолчал и сам слушал, как они сообщали друг другу, кто куда уехал учиться, кто куда поступил: большинство в Питер—в сельско-хозяйственный институт, на рабфак, некоторые в университет Зиновьева.

«А вы что, тоже поступить куда-нибудь собираетесь?» — спросил я одного из них, помоложе. «Вот дайте только с делами справиться, поеду в Петроград, на рабфак поступать думаю». Проведали они про рабфаки, и теперь то-и-дело то в той, то в другой деревне встретишь какого-нибудь рабфаковца, и уж добрая половина всех молодых «парней» туда собирается, «как только поправится с делами».

Помню как-то на празднике в одной деревне—утром на другой день зовут меня мои новые друзья-мальчишки, которые вчера мне сообщали частушки, загадки и песенки:—«Эй, брат, иди, тебя там двое новицкие спрашивают». Что же им, думаю, от меня надо? Иду. У избы стоят два молодца, один с усиками, бравый такой, другой совсем молодой, лет девятнадцати. «А мы вот к вам с просьбою—нонче думаем в Питере на рабфак поступать, так вот не можете ли нам сказать что-нибудь, а то мы совсем ничего не знаем, как это там».—Я рассказал им про питерские рабфаки, как там занимаются, что проходят, какие считаются лучшими, дал им письмо с просьбою их устроить; благодарили и остались очень довольными.—«А вы что ж так поздно со-

брались? в этом году, говорят, поступить трудно».—«Да ведь знаете наше крестьянское дело; вот мы уже третий год собираемся, вот хозяйство не отпускает, вот нонче уж обязательно к 1 сентября поедем».— Но они не приехали, по крайней мере, с письмом никто не явился: опять, видно, не пустило хозяйство. И таких много: осенью не пустит хозяйство, *опоздают и просидят так всю зиму*, а ведь как учиться стремятся!

Но и комсомол, и изба-читальня, и театр, это—еще редкие оазисы, как ни прикрашивает действительность в своем введении Богораз. В большинстве деревень, как описывают бесхитростно молодые, чуждые всеоправдывающего оптимизма Богораза, этнографы-экскурсанты, царят еще кулачные бои, стенка на стенку. Один из них пишет: «Вспоминалась деревня Красилово в день Маккавея—наше этнографическое крещение. Как сейчас вижу: мы сидим на бревнах, что сложены возле колокола (который висит на столбе посреди каждой деревни Валдайского уезда), и мимо нас с гармошкой проходят группы парней. В руках у всех дубинка или железная палка—будут драться. Серьезно, с вызывающими лицами орут частушку:

С неба звездочка упала,
И другая упадет.
Красиловским попало
И новицким попадет... (стр. 111).

Новицкие парни—враги красиловских. Когда начинают драться, вся деревня сбегается посмотреть. Одни разнимают дерущихся, другие бросаются защищать своих, остальные с интересом наблюдают. Обыкновенно дерутся до полусмерти и редкий праздник бывает без увечья.

В большинстве деревень царит беспрерывное пьянство, гонка самогона и тисканье девиц на гулянках или в амбарах в дождливую погоду. Вот как описывает этнограф-экскурсант другой праздник:

В деревне Загуляево мы с несколькими парнями и девушками забрались на сеновал (обычное во время дождя место сборищ) записывать частушки и песни; вскоре мы одиноко сидели, глядя, как наши компаньоны вперемежку валялись на постилках и сене, перешептывались и пересмеивались, забыв о нашем существовании. Ясно, что нам оставалось спуститься вниз и отправиться восвояси... (стр. 112).

IV. Деревенские коммунисты.

Деревня в общем предоставлена сама себе, город мало чем помогает, а собственных сил нет. Встречаются отдельные коммунисты, которых можно по пальцам пересчитать, имеются демобилизованные матросы и красноармейцы, отдельные типы крестьян, поднявшиеся над уровнем деревни, но все они тонут в общей тьме массы и море пьянства. Оторванные от города, не получая газет, они все живут содержанием прежней агитационной листовки, воспоминанием давно минувших дней. И тут проф. Богораз сильно разукрашивает действительность, когда он пишет:

Четко выделяются в разных рассказах фигуры коммунистов и сочувствующих, «стоящих на линии коммунизма». Они прежде были в деревне одиноки, а теперь обросли ячейками, и не только комячейками, а другими бытовыми семейными ячейками... (введение, стр. 19).

Фигуры коммунистов и общественников, которых вывели экскурсанты в своих очерках, говорят совершенно о другом.

Стебницкий пишет:

Бывшие коммунисты, а ныне сочувствующие, случается, поют в воскресенье на клиросе.

У такой же публики, рассказывает он, приходилось видеть:

На одной и той же стенке царь Николай и царица Александра с семейством, а над ними высоко приколота к стенке цветная листовка, словно в воздухе парит: вожди Октябрьской революции. Два геологических слоя, верхний и нижний.

А то так бывает, нас спрашивают: «Вы к кому же?»—«Да вот нам дали адрес Михаил Иваныча. Знаете его?»—Ха, Мишка Ивашкин, ну—как не знать, этот у нас в 1921 году коммунистом был. Крепкого нраву, всю деревню во как держал, никто и пикнуть не смел!»

Вот этот-то Ивашкин на вопрос курсантов о ночевке отвечает: «Чевош, ночуйте, ночлег в кармане не носят»,—совсем по-кулацки. Именно у этого бывшего коммуниста Ивашкина, грозы и пугала всей деревни, висит на стене большой потрет Николая, по поводу чего он с усмешкой заметил студентам: «А это царек Николашка! Матка это у нас повесила» (стр. 107).

Вот, например, Бернардова рассказывает:

Идейный коммунизм оттянут к городу, и в результате этого — при чистке партии—на 36 коммунистов волости на-лицо остается один, да и этот не на высоте положения. У него мелочная лавка. Население ждет проходящего, случайного гостя, чтобы навести справку о существующем законе, выяснить степень злоупотреблений «власть имущих». Мы слышали о ряде неправильно оттянутых пустошей (основано на взятках землемеру) и о ряде злоупотреблений при лесных порубках. На наш вопрос, почему не жалуются, говорят: «Что жаловаться—не нажалуешься, только обидно, что от леса скоро ничего не останется. Нам бы только добиться одного, чтобы комиссию послали, только бы сличили: сколько сдано на выруб и сколько на самом деле вырублено. Тогда все ясно будет и жаловаться нечего: на бумаге стоит одно, а в лесу другое». Мы видели и героя этих нареканий, — он произвел на нас неприятное впечатление... (стр. 101 и 102).

В другом месте, в очерке Богдановой, читаем о том, как председатель волисполкома вместе с секретарем сами секут деревенскую дурку, которая кричит: «Все от вас, все от коммунистов, бога не признают, церковь устроить не могут, попа выжили, в деревню ведьму пустили».

Конечно, попадаются отдельные коммунисты, энергичные и идейные, но их очень мало. Вот один из них:

Бывший механик на военном корабле, работавший и в городе руками и словом в недавние тяжкие годы, он получил острое нервное расстройство и поехал в деревню к своему хозяйству. Он любил город, но любил и землю, и, как человек энергичный, он сразу стал налаживать хозяйство по-новому. Отец его применял удобрение торфом, он ввел у себя удобрение суперфосфатом, и ему удалось получить великолепные результаты. Крестьяне по его примеру пробовали удобрить, но берут так мало суперфосфата, что он и не действует, и потом говорят, что у них ничего не выходит. «А вот у него так выходит. Известно, коммунист». Да и нет суперфосфата, привезут его в филиал всего 30 фунтов, как раз на одного хватит, да и то мало.

Андрей очень недоволен, что крестьяне не хотят по его примеру перейти на многополье. Земля плохая, надо перейти на скотоводство, а уж если не хотят, так сеяли бы клевер, хоть сена бы хватало, можно было бы держать лошадь. А то лошадь осоки не ест, приходится прикупать сена, не всякий это может. А лошадь необходима—земля все равно не прокормит. Приходится ходить зимою на работы, к Северолесу и на железную дорогу. Крестьянин с лошадью зарабатывает вдвое больше безлошадного, на лесных работах. Северолесом Андрей недоволен, как-то всегда при расчете нехватка продуктов, то сахара нет, то и чаю нет. Но когда сам Андрей приходит за получкой, он получает свою выдачу. Кто вместе с ним придет, тоже получит, а пришедшим через полчаса обязательно что-нибудь не додадут. Андрея контора, пожалуй, боится. Он и в газете пропишет, как бывало не раз.

Три раза крестьяне делили сенокос, и все не выходило. А как пришел Андрей на третье собрание, стукнул кулаком по столу, сказал свое мнение, так по-его и сделали. Но многие на него косятся, особенно старики: коммунист. Он, впрочем, не очень и смущается. «Косятся? Пускай!»

Андрею хотелось бы в город, но он крестьянин в душе и его держит земля. Он знает притом, что в городе опять заболеет, но иногда у него мелькает и такая мысль: «Все равно—в город». Дома его держит еще и жена — она бывала в море, управляет парусом не хуже любого матроса, но она крестьянка, и ей не улыбается мысль бросить только что налаженное хозяйство. Она предлагает ему ехать, но сама она хочет остаться. Но Андрей очень любит свою «жену Ольгу». Собственная Ольга—нечто отличное от других баб, хотя и придерживается старины и ходит в церковь. Но ведь на то она баба, чтобы чем-нибудь тешиться. И он утешает себя мыслью, что «его Ольга» современем от этого отстанет. Он ей не запрещает ходить в церковь, но постоянно доказывает ненужность обрядов и самообман молитвы. Суперфосфат сильнее молитвы, и Ольга с ним согласна, но в церковь ходит. Эта самая Ольга недавно сосватала девушку из дальней деревни за наволоцкого парня Василия Литвинова. Венчаться должны были в Наволоке. Невеста с божаткой (крестная мать) и шафером ехали на венчанье. По дороге у тарантаса сломалась ось, как бывает на Онеге. Шафер приехал в другой телеге к сватье Ольге, прося помочь. Не долго думая, Ольга одела на упирающегося Андрея красную рубаху, заставила запрячь лошадь и ехать выручать невесту. Андрей поворчал и поехал. Он застал тарантас на дороге в грязи, ворча, переменил ось и отправил невесту в Наволок. Сам тоже добрался домой и волей-неволей пошел к церкви. Раз показался, надо притти, а то обидятся. Зачем людей обижать? Мы его застали в церкви, где он бродил кругом и ворчал, и смеялся, и беседовал с мужиками о сенокосе. Увидев нас, он рассказал, как было дело, и только пожал плечами: что, мол, будешь делать... (стр. 86 и 87).

А вот другой тип: хозяин, у которого остановились студенты, высокий, худой, бледный, болезненный и молчаливый Александр, заведующий кассой взаимопомощи, своеобразная личность.

Он стал коммунистом на военной службе. На фронте в окопах он расстроил себе здоровье и теперь, вернувшись, наконец, домой, он не может работать. Когда жена и сестра уходят в лес по ягоды или в поле на сенокос, он чувствует себя одиноким и несчастным.

Целый день он бродит по избе или лежит на сеновале. Если ему становится получше, он принимается за налаживание полозьев, за точку кос, ходит удить рыбу. Если он чувствует себя совсем бодро, то идет с женой на сенокос и доволен, что снова работает, что он, наконец, дома у себя на земле, а не в городе, не на фронте. Землю он любит, как любит ее каждый крестьянин, искони работающий на земле. Город его интересует, но в город его не тянет. Праздники и воскресенья он соблюдает по-своему. Оденется во все чистое,

сядет за стол и читает «Новый Энциклопедический Словарь», оставленный чиновником-поляком, уехавшим в Варшаву, и проводит за чтением несколько часов. Жену он тоже заставляет читать и жену словарь интересует, но она малограмотна и только смотрит картинки да читает по складам подписи. Женат он гражданским браком. Жене в церковь ходить не позволяет и не хочет крестить ребенка, который у них скоро будет. Но дома иконы есть, мать их снимать не позволяет, ему же они не мешают, он знает твердо, что бога нет, но иногда, когда заночует корова в лесу, или не дает сколько надо молока, ему вспоминаются деревенские поверья, и душа его смущается. Вдруг вспомнит, что мать, придя с работы, пошла к корове не умывшись и не благословясь. И непременно ее упрекнет: «Порядка не держишь». И тотчас же смутится пуще прежнего:

— Тьфу, пропасть! Да разве в этом порядок? И чего это я?

Особняком стоят отдельные деревенские типы. Вот, например, экскурсантка Орлова встречает по пути самоеда, побывавшего в солдатах, научившегося грамоте, затвердившего различные лозунги, шествующего около месяца к себе домой. А везет он с собой «новинку» в кармане: последнюю листовку о русском воздушном флоте.

А рядом другая фигура, мечтатель-поэт Тихон Иванович Югалов, из деревни Башилово, Валдайского уезда, оборванный, грязный, всклокоченный, имеющий вид зверя. Грамоте научился взрослым у своей жены. Охотно цитирует Некрасова:

Придет ли времечко,
Когда народ не Блюхера и не милорда глупого,—
Белинского и Гоголя с базара понесет?

Он знает хорошо Лермонтова и очень любит «евонное производство». Он постоянно носится с социальными проектами, над которыми крестьяне смеялись. Теперь, когда в деревню стали проникать коммунистические идеи, крестьяне ему говорят: «А ведь ты раньше об этом думал и предлагал нам устроить такой дом-коммуну» (См. предисловие проф. Тана).

Вот Лушкевич, Владимир Александрович, родом украинец, приехал на север, желая уйти от шума городской жизни. Сначала жил полгода в Мурманске, а в марте 1923 года был назначен в Ловозеро.

— Тут-то меня и засосало, — говорит он, — совсем пропал мальчик, могила, да и только. — И правда, не легко ему было. Имея любвеобильное сердце, он влюбился сразу в трех барышень, а свободного, не занятого места оставалось еще много. По широте размаха своей натуры он не рассчитал и назначил двум своим «невестам» свадьбу в один день, 8 сентября. Лушкевич был человек вообще начитанный и хорошо знакомый со священным писанием. Он часто заводил споры на религиозные темы со священником, но при этом никто не выходил победителем, каждый оставался при своем. Однако под влиянием Лушкевича одна из его невест, дочь священника, совсем перестала ходить в церковь, хотя прежде посещала ее ревностно и аккуратно.

Второй товарищ, с которым жили студенты, Иван Александрович Исаев, лет 40.

В дореволюционное время у него на Кавказе была значительная площадь земли, занятая виноградниками. Когда стали отбирать имения, он сам отдал виноградники, рассудив, что так или иначе их все равно взяли бы.

Он добровольцем ушел в армию и был на уральском фронте, в Туркестане и Хиве, где выручил, от наезда казаков, отряд Лушкевича. Там-то они и и узнали друг друга, и потому-то Исаев и очутился в Ловозере. Он был награжден за храбрость золотой шашкой. Раз 6 ранен и контужен. Инвалид 1-го разряда, потерял все здоровье. Одного легкого у него нет совсем, другое почти наполовину сгнило. У него эпилепсия, припадки каждую неделю и чаще. Он бьется об землю и кричит: «Товарищи, вперед, смелее!»... (стр. 33 и 34).

Исаев сам подчас не верил, что он в Ловозере, вместо сезона винограда «на сезоне морошки», возмущался своим собственным поступком и всей душой рвался обратно в Ленинград. Бывало, нарисует пароход, похожий на рисунок семилетнего ребенка, назовет его громким именем «*Ленин*», «*Троцкий*» и пр., на трубе не забудет поставить РСФСР и припишет сбоку: «Пароход отходит в Петроград такого-то числа, в таком-то часу»... (стр. 36).

V. Классовое расслоение деревни.

а) Кулачество [1]).

И в этих северных деревнях, где экономические процессы развертываются медленнее, чем в центральной, украинской и сибирской деревне, и где хозяйственное возрождение только начинается, расслоение деревни все же определенно идет вперед. Тут уже тоже на-лицо имеется кулачество: много крестьян занимается гонкой молока под масло. За масло все они получают и сахар, и мыло, которого у них нет. Масло вывозят они пудами. «А там, где нет масла, сидят уныло, потому что хлеб дешев, на него ничего не купишь, и рады прохожему человеку, который чайком попоит» (стр. 92). Сильно способствуют нарождению кулачества отсутствие государственной торговли и плохо налаженная кооперация. И кулаки сосредоточивают торговлю в своих руках. Бернардова пишет: «Кооперативам не верят, они успеха не имеют, раньше за них хватались, но обожглись: «Народа честного нет, а кто честный—не хочет заниматься». Например, крестьяне объясняют так: «Мы как-то завели свой кооператив,—вдруг, пожар, товары сгорели. А как объявили свободную торговлю, наши «кооператисты» лавки открыли и нашей мануфактурой торгуют. А как их уличишь?».

Ничего удивительного нет, что у предприимчивых крестьян из кулаков торговля идет бойко. В то время как в кооперативе пустота и какой-то завалявшийся товар, в частной лавке товара хоть отбавляй, покупателей много, двери настежь и торговля идет в две руки. Да и прибыль, говорит Бернардова, идет в две руки—цены огромные.

Студент Морев пишет:

Торговля идет у них и по домам, хотя вывесок нет. Вывески нет, но все знают, что там-то все можно достать. Большею частью это почему-то опреде-

[1]) Необходимо заметить, что материалы по этому вопросу крайне скудны в очерках, очевидно, вопрос о расслоении в деревне будет освещен в следующем сборнике, касающемся экономики деревни.

ленные деревни, где и масло, и яйца, и крупа, хотя масла сами не делают и кур нет,—просто спекулируют. Из местных продуктов идет таким образом большая торговля рыбой (при нас снитками). Мы ночевали у одного из таких торговцев: хозяин едет—большею частью ночью, из экономии времени—верст за 50 к монастырю на озере (где рыболовная артель арендует ловлю) или в уездный город, и через день в углу двора двери амбара открыты, у входа толпится народ, рядом подводы или одноколки, а в амбаре раздается пискливый голос продавца, иногда спор и увещевания покупателя, а через несколько часов запасы распроданы, и грузная фигура хозяина, с красными от соли руками, появляется в дверях. Лицо довольное, иногда озабоченное (когда есть остатки), а покупатели разъезжаются домой довольные, что далеко не пришлось ехать, и «к празднику рыбка будет». Хозяин торговал рыбой и раньше, имел два дома (теперь один отобран под школу), торговлей занимался дома, потом заболел (ноги отнялись), теперь ему на смену работает сын, 14 лет, которого он иначе не называет, как «Николай Степанович». Характерно, что это был один из немногих домов, где нам сосчитали каждый кусок и где мы должны были расплатиться даже за постой... (стр. 94).

Характерно, что классовое расслоение деревни, и классовая ненависть дают себя чувствовать и в частушках. Если раньше каждая деревенская девушка мечтала выйти замуж за богатого крестьянина, и в частушке пелось:

Купи, тятенька, калоши,
Номера девятово,
Выберу беседника,
Из домика богатово...,

то теперь и в социальных понятиях крестьянства произошел тоже громадный сдвиг. В частушках поется:

Что на новом комоде,
Стоит лампа с колпаком.
Ни за что гулять не буду
С деревенским кулаком.

Или:

Подоила я беляночку,
Напилася молоком,
Не пойду я на гуляночку
С деревенским кулаком.

Попадаются и бродячие спекулянты, которые ходят по деревням. «Сядут где-нибудь на перекресток—и разложат свои товары: мыло, которое не мылится, ржавые иглы, сережки из фольги... При нас произошла мена серег из фольги на 10 фунтов хлеба (Бернардова, стр. 193).

Есть в деревне и кассы взаимопомощи, но прививаются они медленно. Одну из таких касс описывает Богданова в своем очерке. Заведует кассой один из коммунистов. В кассу записывались сначала неохотно.

«Все, кто внесет пай—получат хлебную ссуду, если хлеба не уродит», говорит мужику член правления кассы, наш хозяин Алексей.—«Небось, как надо будет, так не дадите»,—возражает мужик и уходит без всякого взноса. Летом приходит к Алексею.—«Дай хлеба, у меня дети без хлеба сидят, пай внесу».—И дали ему хлеба... (стр. 83 и 84).

б) Помещики в деревне.

Что касается помещиков, то многие из них остались на местах, и живут без особых притеснений. Живут они своим замкнутым миром, не общаясь с крестьянами. Получили они наделы, но многим из них это в прок не идет. В большинстве они беспомощны, не могут никак привыкнуть к труду и расстаться с барскими паразитическими привычками. В итоге у многих из них разваливаются дом, хозяйство, живут в грязи, дети без всякого призора. На ноги становятся только те из помещичьих семей, где имеются подрастающий сын или дочь, которые не успели привыкнуть к паразитической жизни, развратиться, так как они застали уже период рубки «вишневых садов». Об этих помещиках рассказывал экскурсантам крестьянин, который живет на купленной у помещиков земле:

Живут, как свиньи, пол грязный, никогда не моется. Ничего не умеют, голодают. Ободранные. Только студент у них работает, когда летом приезжает, а остальные ничего сделать не могут, не умеют, да еще вот работает зять. А отец, инженер, сам пашет, а сам голову платочком повяжет. Спрашиваешь: «Что же это вы голову подвязали?»—«А мне говорит, жарко. Это я от солнца»... А барышня коров доит, все убирает.

Бывший матрос, рассказывал об их неприспособленности:

Все развалилось. Я говорю: дайте, я вам починю—разберу этот амбар, ведь он вам все равно не нужен, крыльцо исправлю, все налажу, а остальной лес сам возьму. Жалко им, не хотят, опасаются, не доверяют.

Студенты сами следующее рассказывают об одной такой семье:

Вышла молодая, изящная женщина с грязным ребенком на руках. Здесь же был ее второй взрослый мальчик,—видимо, ждала еще и третьего. Нам обрадовались, свежим людям рады. Извинялись за беспорядок. Вид был действительно ужасный: разбросанная посуда, непроглядно грязный самовар, стол без скатерти, какой-то ужасный кофе, который нас заставляли выпить, а главное—грязь неимоверная, на полу прямо кочки. Вернулась мать студента (проводила сына на пароход), заводила к соседям. В руках у нее была французская книга... Было как-то странно видеть, что эти люди среди этой грязи находят еще время читать французские романы! Пока молодежь сено набивала в амбар, который все равно протекал, и сено в нем прогнивало, подошел хозяин: бывший военный, он решил в советское время поступить в Технологический, но со 2-го курса вышел, потому что жить в Ленинграде было не на что, и в воспоминание осталась за ним кличка «инженер». Оптимист, видно непоколебимый, ни при каких условиях не унывает. Большая лысинка, хороший цвет лица, блестящие, живые глаза,—духом не падает. Голодают все, видно, отчаянно. Сделался он учителем, каждый день 20 верст ходил в школу через озеро туда и назад в мороз, в коротенькой курточке, с обмотками на ногах, но здоровье, видно, бычье—выдержал... (стр. 94, 95 и 96).

Вот другая семья:

Большой барский дом, хорошо налаженный, все крепко, на месте. В столовой чистота, стол покрыт белой скатертью, чисто одетая хозяйка с высокой прической, степенный генерал в ослепительно-белом кителе, сестра хозяйки в свободном, но хорошо прилаженном платье. Мы остолбенели, нам показалось, что мы вошли в ленинградскую гостиную. Появился самовар,

все блестело, чай хоть из моркови и ржаной пирог, но с яблоками с тонкой-тонкой корочкой,—маленькие салфеточки, тарелки, ножики. Было два мира—вчерашний и сегодняшний. Мы недоумевали, как могли так приладиться люди и поддерживать себя на высоте? Оказалось, что вся семья содержится сыном: 17-летний мальчик, великан, сильный, рослый, сам пашет уже 4 года, и за его спиной идет все хозяйство. Отец и мать, старая тетка и воспитательница, живут на эту работу и ведут домашнее хозяйство. Теперь он поступил в сельско-хозяйственный институт получил от волсовета удостоверение, что хозяйствовал уже несколько лет, и полон веры в будущее. Очень любит сельское хозяйство и думает вести его сам. Мы потом его видели,—громадный юноша, смотрит значительно старше своих лет.

Тут произошел маленький курьез: наш спутник, проходя накануне, увидел старичка, который пас коров, подошел к нему и предложил покурить: «Покурим, что ли! чьих коров вы пасете?». Он никак не мог подумать, что это — генерал и что он пасет своих коров. Потом нам рассказывали, что генерал передавал это приключение в комических тонах... (стр. 94).

Вот как описывает Могилянская помещичьи усадьбы и тех «бывших людей», которых ей пришлось видеть в этих усадьбах. Дом помещиков Малявских. Ни в одной курной избе, говорит Могилянская, не найти такой грязи и развала. Хозяйка с гордостью и как бы с угрозой кричит: «У нас тут грязно, но я никогда не убирала, всегда прислуги были, и теперь не убираю, и не умею, и не буду убирать, и не буду и не буду!» Семья большая, отец бывший офицер царской армии, и монархист. С деревней ничего общего не имеет. Сама Малявская считает: «Тут народ противный, я не люблю с ним дела иметь; кроме Аксиньи, которая яйца приносила, я никого и не знаю?». Малявская полна воспоминаний о своих прежних туалетах и балах, и о тех различных сортах роз, которыми был разукрашен парк, поросший теперь сорной травой, где один лишь фонарный столб с покосившимся и разбитым фонарем говорит о былом величии. Сама Малявская ходит растрепанная, неопрятная, в рваной истоптанной сбуви, вместо кофточки торчат лоскутья и остатки кружев. Но зато в ушах брильянтовые серьги и на огрубевших уже пальцах золотые кольца. Она боится настоящего труда и работы, даже коров она панически боится и не заходит в сарай, и муж вынужден доить коров. Но зато она вечно жалуется на усталость от беготни из кухни в столовую и от мытья посуды. Характерно, что стол у них белой скатертью накрытый, хорошо сервирован, от этого уж они никак не могут отказаться. Сам Малявский, который на всю Россию и весь мир смотрит безнадежно, беспрестанно повторяет: «Вот до чего мы дожили». Держит он свое имение сравнительно в порядке и с работой справляется своими силами, главным образом, благодаря непрестанным трудам 15-летней дочери Маши.

Рядом другое имение «Ясное». Барский дом сгорел. От всего имения остался один фруктовый сад. Помещик Токарев, бывш. гвардейский офицер. В 1919 году он сделался священником. Теперь ему эта роль надоела, и он держал экзамен на учителя. Но он умудрился написать сочинение и анкету по старой орфографии. Жена у него простая крестьянка. У них семеро человек детей, при чем имена их: Фаина, Лаокония и т. п. Лишь

последнюю мать успела окрестить Зоей. «А то,—говорит она,— муж опять такое имя выдумает, что и не выговорить». Старшая дочь, 15 лет, не обучалась еще грамоте. Все они похожи на обезьян, так как ходят почти совершенно голые, с торчащими во все стороны волосами, они бегают по саду совершенно без одежды, или в таких рваных тряпках, «что эти тряпки ничего не закрывают, а только мешают», чаще всего они сидят на деревьях и грызут яблоки, которые служат «подножным кормом для ребят» в течение летних месяцев. В доме грязь, беспорядок невообразимый. Мебели нет никакой. Постелью служит груда тряпья в углу. Обедать не могут вместе за одним столом, потому что не имеют посуды. Так как помещик сам — единственный работник в доме, то он не может один справиться с обработкой своего пятидушного надела и сдает его крестьянам.

А вот бывшая усадьба Ливинской. Население «барского дома» состоит из двух половин. В «комнатах» живет «барыня» Ливинская с сыном, а в кухне живет Авдотья с детьми, которую насильно вселил комитет. Господа неоднократно пытались освободиться от такого уплотнения и выселить Авдотью. Между тем Авдотья работает весь день на этих господ, а ее младшая дочь Вера, как оказывается, прижита с взрослым сыном этой помещицы, Сергеем Васильевичем. При чем девочка эта простудилась в холодной кухне и опасно заболела, спала она в грязных тряпках с клопами в сломанной люльке, а Сергей Васильевич спит у себя в теплой комнате на пружинном матрасе, и вместо того, чтобы перевести ее в теплую комнату, он давал Авдотье тащить ее к знахарке. Иногда Авдотья посылает Верку, когда она очень надоедает ей на кухне, к отцу за конфеткой, но Сергей Васильевич, увидев грязную Веру, отсылает ее обратно со словами: «Иди к маме и скажи, чтоб она тебя вымыла, иди, иди!». Сама Ливинская живет воспоминаниями о прошлом, о широкой жизни в Петрограде, о пережитых романах, и все ее воспоминания и разговоры вертятся вокруг ее собственной особы. Она ничего не делает, возится только с котятами. По старой привычке ложится спать в 2 и 3 часа ночи, и даже зимой, когда у них нет керосина, она высиживает это время при лучине. Встает она поздно, пьет черный кофе и занимается стряпней обеда, который поспевает поздно к вечеру. Все хозяйство лежит на Сергее Васильевиче. Но ведет он это хозяйство из рук вон плохо. Им удалось взять усадьбу и сад в аренду на 10 лет при условии, что если хозяйство и здания будут в порядке, то срок аренды будет продлен. Революция во всем этом уезде прошла мирно, дом и вся обстановка и даже рояль остались в целости. Но Сергей Васильевич, с детства привыкший к лени и барской изнеженности, избалованный с самого детства своей мамашей, ненавидит труд. Всякая работа для него—скучная необходимость, но зато безделье—его идеал. Он работает ровно столько, сколько необходимо, чтобы не умереть с голода. В результате все приходит в полную ветхость, сад в страшном запустении, малина заросла крапивой и репейником, но ему лень их выполоть. Дровяного запаса у них нет никакого. И в критические минуты, когда Авдотья является напомнить об истекшем запасе, Сергей Васильевич идет крадучись в лес в сумерки «сам у себя

дрова воровать», как он выражается, вырубит и притащит домой осинку. Так они и живут «от осинки до осинки».

Что касается зданий в бывшей усадьбе, то он не все их взял в аренду. От сарая и бывшей людской он сам отказался, и они перешли к земельному отделу. Но «людская» крыта железом, которое дорого ценится. И Сергей Васильевич, который не хочет палец о палец ударить в своем хозяйстве, который дает всему развалиться, решается в зимнюю ночь сбодрать железную крышу и продать ее на базаре. Такова уж психология барина-паразита: отказаться от построек, потому что они требуют работы, но зато растаскивать лес и отодрать крышу, красть железо приятнее, потому что это дает быструю и легкую наживу. Да и он сам этого не скрывает. Вот как он изложил экскурсантке Могилянской свою жизненную философию.

— Цель моей жизни сейчас,—говорит он,—как можно меньше отступать от сложившихся привычек; вот привык я ложиться в 2 часа и буду все делать, чтобы не отступать от этого. Я бы сейчас с наслаждением так сделал: бросил бы всякую работу, жил бы в свое удовольствие, а чтобы с голода не пропасть, обдирал бы сам себя помаленьку. Вот сначала содрал бы линолеум с полов и продал бы. Потом печи бы разобрал и тоже продал. Затем рамы оконные и т. п., а когда уже дойду до точки, что называется, уже нечего больше обдирать будет, тогда и жить незачем. Пущу себе пулю в лоб, и конец.

О духовенстве мы уже вскользь говорили выше.

в) Учительство.

Что касается учительства-шкрабов, то они почти отсутствуют. И их роль в деревне пока сводится к нулю. Об этом свидетельствуют почти все этнографы в своих очерках, «а между тем, все хотят учиться, и мальчики и девочки, а школ все убавляется». Напрасно проф. Богораз и тут хочет прикрасить действительность, когда он приводит извиняющие обстоятельства вроде того, что студенты были летом, когда школы закрыты.

Студенты приводят массу материала и фактов, которые определенно говорят, с одной стороны, о знакомстве студентов с этим делом, а, с другой стороны, рисуют печальную картину постановки школьного дела в деревне. Несомненно, тут вина не одних учителей, а скорее общих объективных условий. Но факты остаются фактами. И факты вещь упрямая. Для подтверждения и наглядности приведем хоть наиболее характерные из них описания.

Нам приходилось видеть целые «выводки»: то или дети, или братья священников, или дети бывших учителей, или вдовы священников и т. п. Большинство их приписано к местному крестьянству, и когда дело идет о формальном признаке—становятся первыми кандидатами, вытесняя остальных. Получается целый ряд аномалий: имея земельные наделы, обзаведясь семьей, они совершенно забрасывают свои прямые обязанности, и школьное образование рушится в корне. Мы слышали ряд нареканий и жалоб: ребята приходят часов в 6—7, дежурные начинают растоплять печку, часам к 12-ти приходит учитель, посидит минут 15, задаст что-нибудь и распускает ребят по домам. Дома его ждут работа, семейные дела, и в итоге ребята кончают школу,

почти не умея написать грамотно двух строк. Мы видели каракули кончивших школу первой ступени. Сидит-то учительство действительно «выводками»: имея в деревне родительский дом, они не хотят далеко от него отходить и берут себе школы по соседству,—получается целая округа, связанная родственными связями: здесь сестра, там муж сестры, дальше невестка... И муж с женой учительствуют, сидя в соседних деревнях. Конечно, такое соседство не может не сказаться на занятиях, так как 5—7-верстное расстояние очень соблазняет. Нам приходилось видеть ряд учительниц—без всяких интересов к происходящим теперь большим событиям, с гитарой в руках, сердцещипательными романсами и большим интересом к новым песням и ко всякому молодому человеку (хотя бы ему было 15 лет). Днем они на покосе или за шитьем. То полнейшее неуважение, которое их окружало, показывало, что население прекрасно разбирается в их свойствах и ищет своих средств, часто оригинальных, чтобы выйти из этого положения: в одной деревне—мы узнали—крестьяне решили отказаться от школы, закрыть ее. Нас это удивило, так как кругом мы слышали нарекания, что школ мало и ребят учить негде. Оказалось, это был только маневр, чтобы избавиться от учительницы: закроют школу, дадут новую учительницу. (Старая учительница—родственница председателя волисполкома, почему и потребовалось такое сложное обходное движение.)

VI. Отношение к Советской власти.

Несмотря на то, что все эти северные деревни, подвергшиеся обследованию, являются глубоко отсталыми в хозяйственном отношении, несмотря на то, что период хозяйственного возрождения страны до них почти не докатился, и, естественно, не сказался сколько-нибудь заметно, и что исследуемый этап отделен лишь тоненькой стенкой от голодных годов и тяжестей военного коммунизма, несмотря на то, что город мало приходит на помощь деревне в деле поднятия культурной жизни,—тем не менее мы видим среди крестьянства определенный перелом в отношении к Советской власти и ее органам, в особенности к Красной армии. *Если раньше в деревне пели:*

Ну, и плохи же, товарищ,
Ваши новые права.
Видно, ж... их придумала,
Никак не голова.

Или:

Комиссары черти,
Нет на вас и смерти,
Вы бы околели,
Мы бы не жалели.

То теперь они поют:

Собирайтеся, ребята,
Кто к военной службе гож,
Зададим буржуям перцу,
Пропадут ведь ни за грош.

Собирайтеся, ребята,
Защищать РСФСР,
Крестьянскому правительству
Укрепим позицию.

Л. Пазетти.— Иллюстрация к «Ревизору».

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ „РЕВИЗОР“ В НЕМЕЦКОМ ПЕРЕВОДЕ.

П. Эттингер.

В каждой литературе имеются шедевры, которые по своей значительности и яркому отражению специфически национального гения занимают такое исключительное положение в сознании данного народа, что иллюстрационное их воплощение становится задачей чрезвычайно ответственной, и даже конгениальный художник может приступать к ее осуществлению лишь с величайшей осторожностью. Этим объясняется странный на первый взгляд факт, что как раз такого рода излюбленные литературные сочинения долгое время не появляются в иллюстрированных изданиях.

В России подсбное явление наблюдается, напр., по отношению к «Евгению Онегину» и «Ревизору». Так, среди множества более или менее роскошных, а подчас очень удачных иллюстрированных изданий шедевров русской литературы, созданных с начала текущего столетия,

Л. Пазетти.— Иллюстрация к «Ревизору».

когда русская графика ознаменовалась новым блестящим расцветом, поэма Пушкина—слащавые рисунки Самокиш-Судковской в издании Голике и Вильборг в счет не идут!—и бессмертная комедия Гоголя пока отсутствуют. Серьезные издатели и художники, повидимому, одинаково отдавали себе отчет в том широком диапазоне требований, который будет применяться как раз к данным сочинениям, и предпочитали до поры до времени браться за вещи менее рискованные в смысле успеха.

Иностранцы в подобных случаях находятся в более выгодном положении: их не давит сознание об исключительно ответственной задаче, а потому они подходят к ней более просто и непосредственно. И вот, в сонме произведений русской литературы, иллюстрированных западными художниками, обращает на себя внимание и гоголевский «Ревизор» в иллюстрационной интерпретации *Лео Пазетти*. Издание, в очень хорошем немецком переводе Эриха Мюллер, выпущено тем же мюнхенским издательством Бухенау и Рейхерт, которому мы обязаны прекрасным иллюстрированным переводом «Игрока» Достоевского, знакомого читателям «Печати и Революции» по моему прошлогоднему очерку. «Ревизор» является вторым выпуском серии иллюстрированных книг под названием «Фантазусдрукке», предпринятой указанной фирмой после войны и в которой из русских сочинений, кроме «Игрока», уже прежде появилась пушкинская «Пиковая дама» с иллюстрациями Курта Верт.

Иллюстратор «Ревизора» Лео Пазетти не совсем чужд России. Он уроженец Ленинграда—и в Германии создал себе имя, главным образом, в качестве художника театра, особенно своими постановками для мюнхенских театров. Среди них значительным успехом пользовались, между прочим, декорации и костюмы для балета «Шехеразада» с музыкой Римского-Корсакова. Что касается книжной иллюстрации, то «Ревизор», если не ошибаюсь, является первым серьезным опытом Пазетти в данной области.

Мне неизвестно, долго ли художник живал в России, но уже при беглом перелистывании мюнхенского издания становится ясным, что «Ревизор» ему знаком по русской сцене. Об этом свидетельствуют типы Городничего и Хлестакова, отдельные эпизодические фигуры и групповые сцены, в которых, вне всякого сомнения, чувствуются отголоски той традиции, которая уже давно и твердо установлена русским театром для сценического воплощения персонажей гоголевской комедии. Указываю на это, конечно, не в укор рисовальщику; наоборот, эта связь с русской традицией и жизнью придает его композициям значительную долю couleur locale, недостаток которой так часто расхолаживает даже в лучших иностранных иллюстрациях к русским авторам.

В своих иллюстрациях Пазетти сосредоточивается почти исключительно на действующих лицах «Ревизора» и их группировках, и должно сразу сказать, что первые схвачены метко, характерно и в таком виде с необходимыми вариациями проведены сквозь всю книгу. Фоном, обстановкой художник совершенно пренебрегает и лишь изредка им слегка намечена какая-нибудь деталь или часть мебели. Отсутствием комнатной

Л. Пазетти.— Иллюстрация к «Ревизору».

архитектуры с ее неминуемо уходящей вглубь перспективой умело и удачно достигнута плоскостная цельность черного печатного поля и иллюстраций, размещенных то среди текста, то на отдельных страницах. Насколько важна эта цельность, красноречиво показывает грешащая против нее длинная перспектива улицы в начале третьего акта—замечу кстати, улицы совсем не русского провинциального города—с высовывающимися через окно городничихой с дочкой. Хотя рисунок сам по себе очень выразительный, он, несомненно, разрывает совокупность обеих печатных страниц, то, что немцы называют Satzspiegel, образуя в ней как бы дыру. К счастью, это—в данном отношении единственный промах в книге. Напр., конец четвертого акта с виньеткой уезжающего Хлестакова, где опять изображена уходящая дорога, может служить образцом полного органического слияния страниц текста с иллюстрациями.

Л. Пазетти.— Иллюстрация к «Ревизору».

Современная немецкая художественная критика беспрерывно подчеркивает, что импрессионизм давно уже отжил свой век и весь в прошлом. Относительно новейшей книжной иллюстрации Германии, в отличие от нашей русской, это навряд ли так, и в ней, на мой взгляд, до сих пор импрессионистические течения еще довольно сильны и далеко не изжиты. Импрессионистическим мне представляется и подход Лео Пазетти к «Ревизору», но, правда, тут имеешь дело с импрессионистом, впитавшим в себя изрядную дозу и экспрессионизма. Разве не чисто импрессионистическая манера у Пазетти давать лишь общее впечатление массовых сцен в главных, быстро набрасываемых контурах, без всяких подробностей и мелких деталей и вкраплять в текст забавные мелкие фигурки, еле намеченные мягким карандашным штрихом? А равным образом от импрессионизма идет умение несколькими бойкими линиями темпераментно выражать движения героев пьесы и калейдоскопически меняющиеся их позы. Жеманность поворотов и жестов Анны Андреевны и Марии Антоновны, сцены ухаживания Хлестакова, или, напр., момент блаженного упоения городничего в объятиях жены и дочки в начале последнего акта переданы в таком духе очень изящно и выразительно, с большой легкостью и недюжинным рисовальным мастерством. Этой трепетности и мимолетности рисунка, столь типичных для импрессионистического искусства вообще, в значительной мере способствовали и свойства литографской техники, которой исполнены иллюстрации Пазетти, с ее мягкой бархатистостью и воздушностью.

Л. Пазетти.— Иллюстрация к «Ревизору».

Но рядом с этим, очевидно, не без влияния на художника остался и новейший немецкий экспрессионизм с его стремлением к упрощению, синтетичности рисунка и интенсивному выявлению сути каждого мотива, хотя бы путем известной утрировки его характерных черт. Благодаря таким приемам художнику удалось придать отдельным фигурам особенно яркую экспрессию и даже известную монументальность, звонко контрастирующую с вышеприведенными местами пьесы, трактованными более игриво в духе легкого жанра. В первую голову это касается самого городничего, и, напр., появление его с Добчинским у Хлестакова или жест гнева на самого себя в пятом акте не оставляют желать лучшего в смысле выразительности и полного соответствия с замыслом автора «Ревизора». Экспрессионистические акценты и обобщения сказываются и в большинстве групповых сцен, и ими Пазетти, несомненно, усилил впечатление той своеобразной фантастики, которая присуща даже самым реальным образам Гоголя и скрыта в кульминационных моментах «Ревизора».

Л. Пазетти.— Иллюстрация к «Ревизору».

В целом «Ревизор» издательства «Бухенау и Рейхерт» — ценное дополнение к довольно уже значительному циклу иллюстрированных сочинений Гоголя, появившихся за последнее десятилетие на западном книжном рынке и помеченных именами таких более или менее видных современных графиков, как Вальтер Клем, Карл Рессинг, София Левицкая, в Париже — Марк Шагал. Здесь в настоящее время исполняются офортные иллюстрации к «Мертвым Душам» для роскошного издания Волляра — покойный Карл Тильман, Масютин, Диц Эдцард и некоторых других. Отныне Лео Пазетти в этом синклите займет не последнее место. Для полноты отчета следует еще прибавить, что мюнхенский «Ревизор» издан и отпечатан с той тщательностью и строгим вкусом, которые уже приходилось отметить при «Игроке» Достоевского того же издательства и которыми отличается вся серия его «Фантазусдрукке».

Л. Пазетти.— Иллюстрация к «Ревизору» («Сорок тысяч курьеров»).

ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

I. О 1-й ВСЕОБЩЕЙ ВЫСТАВКЕ ГЕРМАНСКОГО ИСКУССТВА: 1. Выставка германского искусства в Москве.—Я. Тугендхольда; 2. По поводу выставки немецкого искусства.—Н. Тарабукина; 3. О некоторых характерных чертах немецкой выставки.—Федорова-Давыдова. II. ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ: 1. На правом фланге (о журналах «Россия» и «Русский Современник»).—А. Лежнева; 2. О журнале «Звезда».—Л. Войтоловского; 3. О журнале «Красная Молодежь».—П. Лепешинского.

I. О 1-й ВСЕОБЩЕЙ ВЫСТАВКЕ ГЕРМАНСКОГО ИСКУССТВА [1]).

1. Выставка германского искусства в Москве.

Я. Тугендхольд.

В печати уже отмечалось большое общественное политическое значение того факта, что эта первая после многих лет нашего отрыва от Запада иностранная художественная выставка организована Межрабпомом. Действительно, факт можно сказать «символический»: в то время как обычно национальные художественные выступления являются делом рук правительств и их посольств, выставка германского искусства в Москве является демонстрацией международной солидарности пролетариата, плодом его инициативы и скромных материальных сил.

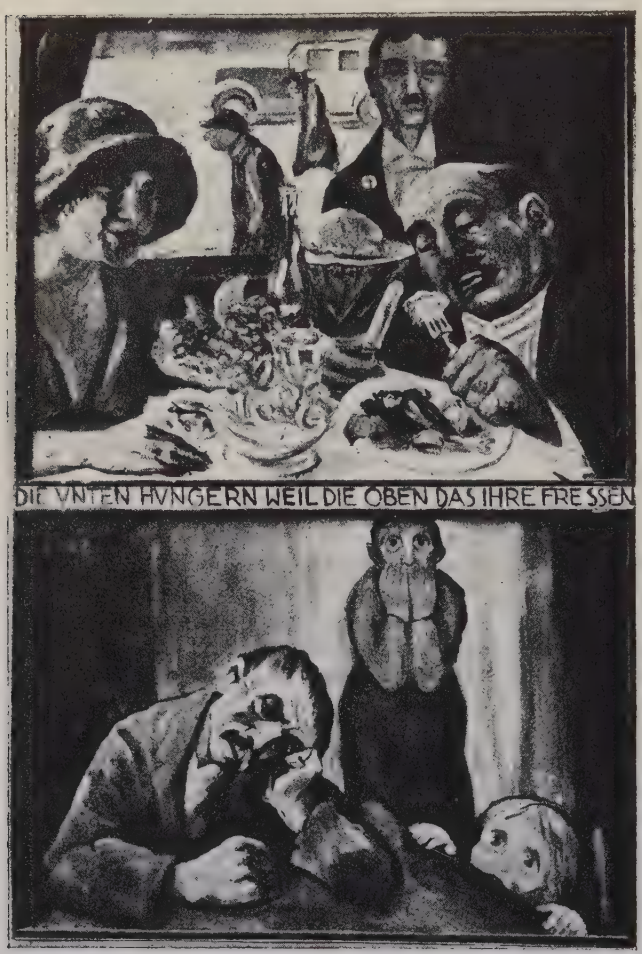
Однако, этот же факт, сам по себе весьма знаменательный, не мог, конечно, не отразиться на физиономии выставки. Межрабпому не удалось получить для экспонирования в СССР многих художественных ценностей и притом весьма существенных для характеристики общей картины германского искусства. Эти пробелы выставки лежат всецело на ответственности официальной Германии, не пожелавшей придать этой выставке действительно национальный характер. Если к этому обстоятельству прибавить и то, что комитет «Кюнстлерхильфе», организовавший выставку, как орган революционный, идейно заинтересован был прежде всего в том, чтобы выявить и сконцентрировать прежде

[1]) Ввиду большого интереса не только художественного, но и общественного, какой вызвала «Всеобщая выставка современного германского искусства», — мы посвящаем ей три статьи, друг друга дополняющие. Статья Я. Тугендхольда, анализируя, главным образом, формально-художественную сторону экспонатов выставки, устанавливает связи германского искусства с французским и русским и дает общую художественную оценку современного германского искусства. Положительное качество этой выставки, подчеркиваемое со стороны содержания Н. Тарабукиным, ее «действенность»—нисколько не противоречит отрицательной характеристике, которую дает существу этой «действенности» Федоров-Давыдов.

Ред.

всего наиболее молодые и общественно-заостренные течения германского искусства, хотя бы и за счет его полноты,—станет очевидным, что об исчерпывающей *всеобщности* выставки говорить не приходится.

Указанные предпосылки необходимо иметь в виду при оценке германской художественной выставки и общих суждениях, которые мы пожелали бы сделать на основании ее о современном состоянии германского искусства *вообще*. А между тем, оторванные в течение стольких лет от Запада, мы, естественно, с большим трепетом ожидали от первой заграничной художественной демонстрации в Москве каких-то новых слов, новых перспектив. В особенности этот интерес наш касался искусства германского, почти никогда в Москве не показанного, в наших музеях представленного хуже, чем какое-либо другое искусство. Правда, было время (уж не говоря об эпохе Овербека,—Александра Иванова), когда русская живопись перекликалась с германской(таково, напр., влияние дюссельдорфских жанристов на некоторых наших передвижников), когда русские художники обучались в Германии (как многие представители «Мира Искусства»), более того,—когда репродукции с германских символистов, Беклина и Штука, были чрезвычайно у нас популярны (кто не помнит засилья «Острова мертвых» и «Греха» в гостиных каждого врача и присяжного поверенного и даже над кроватью каждой курсистки?). Но этим, в сущности, и исчерпывалось наше знание германского искусства, неизмеримо уступавшее нашей осведомленности о художественном Париже.



И о г а н с е н. — «Внизу голодают, потому что наверху обжираются» (масло).

А между тем, как раз за это десятилетие Германия жила напряженной художественной жизнью. В ее искусствоведении произошла переоценка ряда художественных имен, выдвинутых из пыли забвения на первый план (Ганс фон Марэ, Матиас Грюневальд). В ее искусстве произошли решительный сдвиг от прежнего символизма, резкое помрачение прежних кумиров (лозунг: «долой Беклина!») и неожиданное нарождение новых течений, новых имен. Более того: за эти годы Германия в художественной области переживала период подлинной бури и натиска, по своей интенсивности, несомненно, оставляющий за собой то топтание на месте, которое настало в «пост-кубистической», после-пикассовской Фран-

ции. Я разумею немецкий «экспрессионизм», который хотя и возник еще в 1907 году, но заставил говорить о себе гораздо позднее, и который породил громадную литературу. Будучи знакомы с проявлениями экспрессионизма лишь в сфере беллетристики и драматургии, мы с тем бóльшим интересом ожидали увидеть его в произведениях живописи и скульптуры.

Иогансен. — Демонстрация (рисунок).

Но—увы!—как раз в этом отношении германская выставка должна была нас значительно разочаровать. По указанным уже общественно-политическим причинам, она зияет многими существенными пробелами и прежде всего в области живописи и скульптуры. Уже не говоря о том, что организаторам ее не удалось показать нам находящихся в музеях и частных руках произведений Марэ, им пришлось и по части экспрессионизма ограничиться тем, что имелось на руках у художников. В результате совсем не представлен талантливейший из «экспрессионистов» и один из его зачинателей в Баварии, погибший во время империалистической войны—Франц Марк, а также Маке и Моргнер. Очень плохо представлен Оскар Кокошка (только рисунками), Пауль Клее, Эмиль Нольде, Кампендонк, совсем отсутствуют Сеевальд, Кирхнер и, наконец, слабо показан и Макс Пехштейн, едва ли не наиболее яркий из современных живописцев Германии. В области более правых течений не представлен совсем Макс Либерман, один из первых импрессионистов и «рабочелюбцев», бытовые произведения которого было бы чрезвычайно полезно сравнить с современным германским жанром. Наконец, в числе экспонатов по скульптуре совсем отсутствуют Халлер, Хетчер, Лембрук и, главное, Барлах, пластика которого по своей «экспрессионистской» патетике представляет большой интерес. Чтобы покончить с пробелами выставки, укажу и на то, что совсем не представлены искания новой Германии в области художественной вещи, а между тем усилия веймарского «Дома Строительства» создать художественную промышленность на основе простоты и целесообразности — явление весьма ценное, созвучное с нами и для нас поучительное, в целях сопоставления наших и германских стремлений. Таким образом, того, кто ждал от германской выставки объективной картины и какого-нибудь «нового слова», должно было постичь разочарование. Более того: поскольку можно судить по выставке о современном германском искусстве, оно вообще *до последней степени эклектично*. Без труда в нем можно отыскать следы самых разнообразных влияний, воспринятых самым откровенно-добросовестным образом.

Но в известном смысле этот эклектизм и *есть новая и характерная для германского искусства черта*, свидетельствующая о происшедшей в нем ликвидации его еще недавнего спокойно-самоуверенного, замкнуто-самодовлеющего характера. Германское искусство всегда питалось собственными соками. Окрепшая в победе над Францией Германская империя слишком высоко ценила себя, чтобы брать что-либо со стороны. Такова была ее типично «бисмарковская» монументальная скульптура, отразившая

культ физической силы гогенцоллернской Германии. Такова была и живопись — Беклин, Штук, Тома, Клингер,— культивировавшая античную мифологию, которая считалась чем-то столь чисто германским, как склонность Ницше к древней филологии. Вообще говоря, германское искусство и по самой природе своей всегда резко отличалось от искусства романского и, в частности, французского. В то время как искусство Франции характеризовалось чувством меры, ясной пластической гармонией, культом формы, равновесием рисунка и цвета,—в германском искусстве на первом плане было всегда содержание, отвлеченное или натуралистическое. В искусстве Франции эмоция преобладала над сознанием; в германском искусстве интеллект, раздумие доминировали над непосредственным чувством. Французское искусство — искусство синтеза; германское — анализа. Отсюда именно гипертрофия в нем линии над цветом; отсюда именно скорее графический и «раскрашенный», нежели живописный характер германской живописи (Дюрер — Кранах — Лайбль). И отсюда, наконец, *те страстные, мучительные и почти трагические попытки*, которые делались и делаются германскими художниками с конца XIX века для того, чтобы преодолеть этот роковой заколдованный круг германского искусства, для того, чтобы приобщиться мировой живописной культуре и завоевать, наконец, эту недающуюся «*живописность*» (malerische).

Пехштейн. — Рыбаки (масло).

Напомню деятелей этой первой кампании: критика Мейер-Греффе, горячо пропагандировавшего новое французское искусство, Чуди, который, вопреки оппозиции самого кайзера, провел его в музеи, Либермана и Уде, этих первых немецких импрессионистов, и их последователей Коринта и Слефохта («Сецессион»).

Однако, этот германский импрессионизм, запоздавший по сравнению с Парижем лет на двадцать, в весьма слабой степени оплодотворил живопись Германии красочностью, и живопись представителей Сецессиона и «Союза Берлинских художников», представленная на выставке, в общем недалеко ушла от наших передвижников (напр., Балушек).

Второй и столь же запоздавшей волной французского влияния был «экспрессионизм», явившийся реакцией против импрессионизма и провозгласивший лозунг наибольшей *выразительности* внутреннего образа художника. Ни для кого не тайна, что экспрессионизм явился немецкой данью ван-Гогу, Гогену, Матиссу, Руссо. Достаточно взглянуть на экспонаты выставки, чтобы увидеть, что О. Кокошка увлечен ван-Гогом, что Макс Пехштейн, наиболее яркий и декоративный из экспрессионистов, пленен Гогеном и Матиссом, что Э. Нольде в своем женском портрете — не без влияния Матисса и ван-Донжена и т. д. Разумеется, пока что немецкие эпигоны все же ниже своих учителей по живописной культуре: их краски еще сыры и рыхлы. Как ни эклектична, однако, эта современная живопись Германии, как ни много в ней гипертрофии всевозможных и самых рафинированных влияний,— все же в ее

актив должно быть записано одно обстоятельство. А именно то, что она сдвинулась с мертвой точки, разомкнула узкий национальный круг, вобрала в себя то, что ей недоставало — *красочность Франции*. Это—первый шаг, но шаг уже сделанный и очевидный для всякого, кто видел довоенную живопись Германии и может сравнить ее с живописью Германии наших дней.

Вместе с тем было бы, разумеется, несправедливо отрицать в экспрессионистской живописи наличие специфически *немецкого своеобразия*. Оно заключается в той экстатичности, в той повышенной страстности и напряженно-мучительной остроте, которыми веет на нас от этих холстов. Чрезвычайно важно, что хотя начало экспрессионизма и положено было в 1907 году (выставка «Мост» в Дрездене), но развитие и расцвет его относятся к годам непосредственно предвоенным и военным. Экспрессионизм явился психологической реакцией интеллигенции против милитаристической атмосферы Германии, против того духа дисциплины, который составлял сущность имперской культуры. Вот почему неистовый индивидуализм ван-Гога, призыв к «естественному состоянию» Гогена и его же, равно как и Матиссовский, экзотизм упали в Германии на благодарную почву — они были восторженно восприняты, как протест против научного позитивизма и материализма, как утверждение субъективного «я», как утверждение свободы личности от гнета эмпирической действительности. Германский художник-интеллигент, возненавидев эту действительность, искал спасения от нее в уходе от жизни, в изоляции от реальности, в стремлении к трансцендентности, к метафизике. Peinture métaphisique— именно так и называют современные французы германскую живопись.

Весьма характерно, что сами немцы, взяв у французских мастеров новую красочность, совершенно правильно рассматривают экспрессионизм, как своего рода «освобождение духовной энергии от требований греко-римско-романо-французского мира» — как возврат к готике, к отечественному и как бы вновь открытому Маттиасу Грюневальду. И действительно, есть какой-то «мистический» натурализм, какая-то смесь порыва с надрывом, трагического с гротескным в живописи современных экспрессионистов. Разумеется, — не всех; в этом отношении надо отличать два крыла экспрессионизма — северное, более «земное», идущее из Дрездена и давшее имена М. Пехштейна, Кирхнера, Ротлуфера, Нольде, и южное, идущее от Кандинского и П. Клее (об-во «Голубой всадник»),— крыло, которое парит над грешной землей, уходя в сферу чистой абстракции, чистой «духовной музыки».

О. Дикс. — Газовая война (сфорт).

Чем трагичнее, однако, слагалась атмосфера Германии, тем более звучали анархические ноты в ее живописи, тем более запечатлевался в ней хаос взвол-

О. Дикс.— Война (офорт).

нованной, смятенной и запуганной событиями души художника-интеллигента. В этом смысле весьма показательно современное увлечение немецкими живописцами живописью Шагала, доходящее до одержимости. Таковы, напр., работы Кампедонка. Они свидетельствуют о том, что наш русский художник, гениальное порождение ужасов «гетто», попал в «самую точку» настроений германской интеллигенции, охваченной жаждой «иррационального». Не менее характерна в том же плане и увлеченность немцев выразительностью «детского творчества». Не ясно ли теперь и то, почему именно неистовый ван-Гог с его трагическим безумием мог стать властителем дум современной германской молодежи.

Совершенно естественно также и то, что современная германская живопись оказалась в плену у эротики, этой родной сестры мистики. Было бы слишком поверхностно видеть в этом изобилии сексуальных мотивов, столь бросающемся в глаза на выставке, одну лишь морализующую тенденцию — «изобличить» буржуазный разврат; подобное обличительство — не меньший соблазн, чем то одностороннее внимание, какое уделил хотя бы наш «Театр революции» фокстроту, как «отрицательной черте» буржуазии в постановке «Озеро Люль». Вернее было бы сказать, что давний умственно-чувственный эротизм германского искусства (вспомним, хотя бы женщин Кранаха) ненормально обострился в атмосфере послевоенной Германии, достигнув в произведениях Георга Гросса, Гофмана, Янсена и особенно в скульптуре Беллинга своей кульминационной точки. Эротика—родная сестра «мистики», а обе вместе—дочери общественной реакции, «огарочной» психики. Достаточно привести хотя бы одни названия произведений Е. Гофмана: «Сладкий ужас», «Сердцебиение» и т. д.

Было бы неправильно видеть в этом эротическом уклоне современного германского искусства одно лишь запоздалое подражание французам, некогда культивировавшим всевозможные образы «Нана»: Манэ, Ропсу, Тулуз-Лотреку, Дега. Французы, какими бы оскорбителями общественной нравственности они ни казались буржуазным посетителям выставок, всегда идеализировали или во всяком случае «синтетизировали» наготу проститутки. Современные немцы изображают ее поистине с каким-то средневековым детальным натурализмом и, вместе с тем,—с цинизмом послевоенной эпохи, с цинизмом капиталистического вырождения. Таковы произведения Отто Дикса или Грибеля.

Поскольку мы коснулись самой идеологии германского экспрессионизма, как искусства растерявшейся интеллигенции, нельзя не указать и на те своеобразные ноты протеста против машинизма современности, которые проскользнули на выставке. Мировая бойня, бывшая войной по преимуществу механической, не могла не вызвать этих своеобразных нот как в литературе, так и в живописи. Вспомним «Газ» Кайзера, призывающего пролетариат на лоно природы;

вспомним пьесу К. Чапека (чеха), предвидящую механических людей. Правда, в странах романских, в странах-победительницах машина до сих пор продолжает чуть ли не обожествляться в искусстве (напр., в живописи француза Леже). Но в Германии должна была настать реакция. И на-ряду с мастерски обработанными скульптурами Р. Беллинга, который вслед за Архипенко и Липшицем рассматривает человеческое тело, как комбинацию пластически-четких объемов, напоминающих машину, мы видим живопись Г. Герле, проникнутую ужасом перед этим торжеством механизированной культуры. Человек Герле — инвалид, составленный из протезов, рабочий будущего,— живой автомат и отличающийся от другого рабочего лишь своим номером. Этот мистический ужас перед машиной приводит Герле даже к изображению СССР в виде механизированного человека с серпом и молотом вместо сердца.

Тут же на выставке есть портрет Стиннеса. Этот портрет исполнен путем фотомонтажа: голова сделана из фотографических снимков, изображающих предметы тяжелой индустрии. Когда видишь эту квинт-эссенцию машинизма— понимаешь тот страх перед механизацией, которым насыщена живопись «экспрессионистов» и который они (не разбираясь) переносят, быть может, и на коммунизм, как на угрозу своему интеллигентскому «я»...

Представленные на выставке рисунки, литографии и гравюры «веристов» и «Красной группы» вводят нас в искусство той части германской интеллигенции, которая по сравнению с экспрессионизмом находится в «старшем классе» общественного жизнеощущения и развития. Это — художники, понявшие, что единственный выход из тупика индивидуальной анархии—не в мистике, а, наоборот, в союзе с пролетариатом. Их цель ясна — жанр, художественные экскурсы в область быта, в область общественной жизни. И будем справедливы: где найдем мы рисовальщиков столь едкой иронии,—как Георг Гросс, такой патетической силы,— как Кэте Кольвиц (на этот раз в ее компактно-монументальных образах есть какое-то застывшее действительно трагическое величие)? Или—кто создал еще столь жуткий по своему эпосу памятник мировой бойни, как Отто Дикс с его пятьюдесятью офортами «Война»?—Никто. Только эти художники, да разве еще бельгиец Мазереель и являются *новыми явлениями нашей послевоенной эпохи* (по силе таланта наши Моор, Дени и др. им, несомненно, уступают).

Г. Гросс, Отто Дикс, Цилле, Шлихтер — дети *сегодняшнего* германского дня. Живая, трепещущая слезами и кровью ненависть к этому черному дню, которая водит острием их карандаша, не всегда, конечно, укладывается в пластически-четкие формы искусства.

Ходовецкий и Менцель творили в иной обстановке—не только внешней, но и внутренней. Для Георга Гросса важно не «как», а «что»—общественная цель. Не будем же слишком требовательны к этой плеяде художников, которых историческая судьба заставляет в XX веке переживать то, что мы пережили в пору передвижничества.

2. По поводу выставки немецкого искусства.

Николай Тарабукин.

Было бы совершенной нелепостью по поводу немецкой живописной выставки в Москве начать «формалистски» каркать:

— Как, как, как!..

— Как сделано?!..

Вопрос и восклицание это из «вопроса» «формального» ныне, в свете наших дней, переплавляются в вопросы социальные. Техника резьбы по дереву Миллера вызывает у критика сравнение не с «нашими» Фаворскими или Кравченко; техника «кладки» мазков у Дикса толкает обозревателя не на сопоставление с «фактурами» Кончаловского или Машкова.

Техника *зрительной ориентировки в современности* у Гросса, Дикса, Мюллера и др. «гостей» невольно заставляет *противопоставить* ее общественной ориентации «наших» соотечественников... Couleur'ы и valeur'ы, линия и объем, композиция и плотность поверхности,—все эти технические приемы и приемчики отступают на немецкой выставке на второй план; и гравюрные эстампы и красочные экспонаты начинают говорить со зрителем приемами «развертывания сюжета» на темы политики и общественности...

Входя на выставку, *зритель*,—а не «критическая» проныра, сладострастно нюхающая, «чем пахнет» каждое полотно, и не искусствоведнический препаратор, ищущий повода вскрыть «потроха» разного рода «фактур»,—зритель попадает под гипноз прежде всего *сюжета*...

Это первое впечатление остается и последним... Зритель вместо того, чтобы *только* видеть, еще и слышит со всех концов несущийся гул мыслей, потрясенных чувств, вздыбленных сознаний.

Немецкий художник так, как представлен он на московской выставке,—философ или политик, фельетонист или сатирик, публицист и общественник... Не будем взвешивать «удельный вес» его «философских» концепций или политических фельетонов... Предоставляем также ходячим «книжным шкафам» определить, сколь правильно или искажено, в сторону преувеличения или преуменьшения, это зеркало немецкого искусства, выставленное в залах Исторического музея. Зрители, а не «очкастые» змеи «учености» (если только таковые существуют по отношению к живописи),—на эту выставку смотрят, как на *общественное явление*, а не как на музейно-исторический факт...

Вот почему и оценка выставки всем содержимым ее диктуется в иных уклонах. Не в исследовательских, не в эстетических чисто позициях смысл развернутого в Москве фронта германского искусства, а в общественных тенденциях участников выставки и в тех социальных «рефлексах», которые должны возникнуть на русской почве, как результат воздействия этой выставки...

Важно установить основной путь немецкой живописи по тем данным, которые имеются у нас сейчас, как выставочный материал. Путь этот—путь *активной общественности*...

Немецкий художник хочет быть активным... Он не пассивный созерцатель пейзажей, фруктов, глиняных кувшинов, подобно «нашим» «бубнововаletчикам». Он не иллюстратор событий, не хроникер, хотя бы и с «краской гвоздикой» в петлице, подобно русским «ахрровцам»... Он не только репортерский «отклик» на «злобы дня», подобно очень многим русским графикам-карикатуристам из современных журналов. Немецкий художник, поскольку выставка дает нам право на такое обобщение,—активный участник общественной жизни.

Вот основной тезис в суждениях непосредственного зрителя, столкнувшегося с фактом немецкой выставки.

И этому тезису в основном ядре современного русского искусства невольно усматриваешь антитезис отрицания всякой заинтересованности тем, что выходит за границы узко-формальных профессиональных художественных задач. *Русский художник — принципиальный антиобщественник.* Русский художник, в лице наиболее существенной и качественно и количественно ветви «Бубнового Валета» [1]) сознательно устранил из способов своей ориетнтировки не только общественно-политическую или общественно-философскую мысль, но он принципиально ограничил содержание своего искусства проблемами художественно-формального порядка.

В истоках прошлого русской художественной культуры не было начал этой «дурной наследственности». Она возникла на русской почве путем заимствований и влияний из Франции. Жесточайшую вивисекцию над *живо-писью* произвел великий (если малое может стать хотя бы относительно таковым?!)

---

[1]) Название это употребляю не как историко-хронологическое в связи с возникновением выставок «Бубнового Валета», а как «стилистическое», не вмещающееся в какую-либо одну официально-известную художественную группу.

и страшный оператор, имя которому Сезанн. Это он отрубил сознающую голову художнику, это он изъял из его человеческой и общественной природы все «внутреннее», оставив один зрительный рефлекс и один «натюрмортный» диапазон ориентировки. Это он *живо*писца сделал *мертво*-писцем...

Гипертрофия этого натюрмортного искусства лет 30—40 спустя приобрела гримасу «беспредметничества». Те же натюрмортные тленные начала породили «конструктивизм», превративший сознающего и чувствующего художника в мастера «без головы и сердца», с одними руками ремесленника, — мастера, променявшего силу воздействия живой сущности искусства на проекты складного «ларька» для розничных продавцев «Моссельпрома».

Социальные причины этого натюрмортизма, владеющего большею частью европейского искусства, и при том не только искусства живописи и скульптуры, но и поэзии, литературы, музыки, театра, танца и проч., — здесь нет возможности хотя бы кратко обозреть. Не склонен я разуверять, что немецкое искусство также заражено тленным ядом натюрморта даже в тех вещах, которые насыщены мыслью и сюжетны по преимуществу, не говоря о явных натюрмортных тенденциях, вплоть до, уже выветрившегося в России, беспредметничества.

М. Целлер. — Пьют (масло).

Я имел в виду установить позицию большинства представленных на немецкой выставке экспонатов, как позицию активно-общественную, и противопоставить ее явно иной позиции большинства русских живописцев, остающихся еще в натюрмортных тисках, в атмосфере трупных запахов.

Если же мне «укажут пальцем на красный флажок «АХРР'а» и на их полотна, сдобренные в изобилии суриком, то, во-первых, кто не знает недорогую цену сурика, а, во-вторых, «АХРР» в своих мнимо-революционных сюжетах отнюдь не является активно-действующей общественной силой, а пассивно отображающим репортажем хроники революционных событий; если она выходит иногда из границ простого репортерства с кистью в руке, сводится к давно изжитому в русской общественности течению плаксивого народничества, охающего над горькой участью задавленного трудом крестьянина и рабочего.

Всю лавину возражений, которая может обрушиться на выставленный здесь тезис, касающийся основной характеристики выставки немецких художников, я предвижу, поэтому необходимо оговорить несколько самых существенных пунктов, относящихся не к существу вопроса, а к его окраске, оценке и объему...

Я отлично сознаю, что анархическая идеология и чисто индивидуалистический протест, коим проникнут ряд произведений немецких художников,—чужды и не по пути современной русской общественности. Задача статьи и ограниченность места не позволяют вскрыть социальную подоплеку этой анархически-протестующей идеологии немецкого

О. Шлеммер. — Пастор (масло).

художника, заходящего в своем протесте так далеко, что теряется всякая почва, и протест превращается в голый нигилизм, протест ради самого протеста, разрушение ради самого разрушения, издевка в силу полной беспринципности, без обоснования, без желания этого обоснования [1]).

Не будем говорить и о формальных источниках современного немецкого искусства. Оно во многом противоположно и французскому и русскому. О влияниях России можно говорить только в отношении тех вещей, которые как раз не характерны для немцев, а лишь обнаруживают общий натюрмортный уклон европейского искусства. Ближе влияния самого немецкого искусства и соседних Нидерландов, начиная, быть может, еще с Босха и кончая Келлерманом...

Как явление общественное, факт немецкой выставки в свете русского революционного сознания во многих отношениях должен встретить явно отрицательную оценку...

Идеологически-общественное значение так подобранной выставки имело бы, вероятно, бóльший эффект в самой Германии, а не у нас. Но и для России важен факт наличия в Германии жестокой борьбы, в которой немецкий художник принимает *действенное участие*, а не только *отражает* ее, подобно русскому «АХРР'у». Хотя, как материал для характеристики современного Запада и как живо-

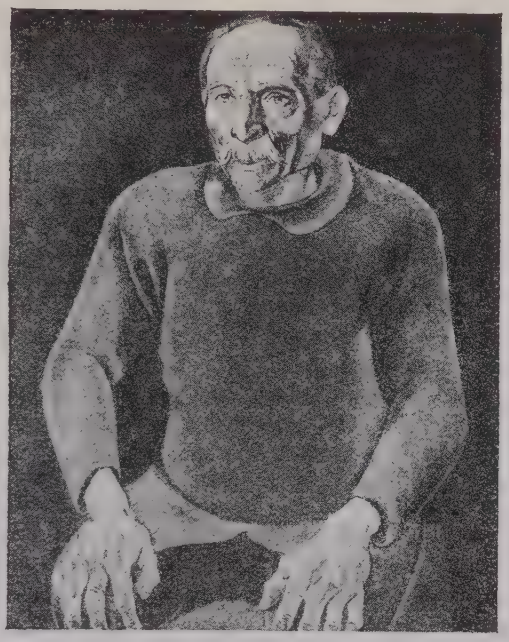
графические эстампы которых были проданы десятками тысяч экземпляров. Здесь явный «эпатаж» буржуа, издевка художника над ненавистным ему «потребителем» художественной продукции. Но кто же над кем больше надругался: художник над буржуа, берущий с последнего деньги за черный кружочек на листе бумаги, названный «пупком», или буржуа над художником, вывешивающий этот «п пок» у себя в гостиной и гогоча показывающий «гостям» этот «шедевр классического искусства современности»?..

[1]) См. хотя бы серию «пупков» с «бантиками» и без таковых, ксило-

писное дополнение к ставшей многочисленной литературе о вырождающейся Европе, начиная от философско-исторических концепций Шпенглера до литературных фельетонов Эренбурга,—немецкая выставка представляет богатый кладезь...

Еще раз повторяю: мне важно было отметить принципиально-художественную позицию немецкого искусства, и я ограничен местом, чтоб подвергнуть ее оценке и подробной характеристике.

Кроме уже выдвинутых двух основных моментов позиции немецких художников: их общественности, которая весьма злободневна, и их активной роли в этой позиции, я противопоставляю еще два факта, присущих немецкой живописи, отсутствию их в живописи русской. Это—*динамика формы* и *экспрессия выражения* в произведениях немецких художников.



В. Рудольф. — Старик (масло).

Не только ксилографии, офорты, графика, но и живопись большинства работ задуманы в формах *динамически развернутого сюжета*. Начиная от принципов композиции, кончая линией и психологической характеристикой персонажей, выполненных подчас с изумительной экспрессией и остротой,—экспонаты вызывают в некоторых, особенно жутких моментах [1]), чувство глубочайшего потрясения.

Если некоторые критики подчеркнули отсутствие «экспрессионизма», как *направления* на выставке, то они едва ли будут настаивать на отсутствии экспрессии, как способа *выражения* и средства воздействия через эмоцию и мысль на зрителя.

Русское искусство и в этом отношении отличается обратными свойствами. Оно крайне статично, одервенело в формально-композиционных элементах в полотнах натюрмортистов и пресно, лишено динамики, остроты, остроумия в сюжетах у «ахрровцев»...

Что же касается вырывавшегося не раз и у многих «возмущения» порнографическим налетом и смакованием сексуальности в картинах немцев, то особенно негодующим не мешало бы бегло обозреть грандиозную эпопею искусства «всех времен и народов» и вспомнить краткую и выразительную характеристику его, данную в злой, но справедливой во многом статье [1]) Л. Толстого: в огромной своей части искусство было и остается «размазыванием половых мерзостей». Дикс это делает со всей остротой современного горожанина столицы империалистического государства и, разумеется, не мог бы воспользоваться добродушными приемами Бокаччио.

Так как я не ставил себе формальных задач, то поэтому имею основание обойти молчанием чисто-технические особенности немецкого искусства. Упрек, который раздавался по адресу выставки этого искусства, что «живопись» в смысле колористичности и «валерности» Веронезе или Рембрандта у немцев «и не ночевала»,—упрек справедливый. Да, немецкий художник не живописец, а гра-

[1]) Напр., листы Дикса, посвященные войне...

[1]) «Что такое искусство».

фик, даже и в тех работах, которые он делает краской. Но он таковым был и в далеком прошлом... В противовес Тициану у немцев был Л. Кранах. Но преобладание графики, в узком смысле этого понятия, на немецкой выставке— чрезвычайно существенный симптом, всецело обусловленный как раз теми задачами общественного порядка и активной позицией, которые я отметил, как основные. Графика, будучи ли выраженной в гравюре или переданная фотомеханически и связанная с журналом и книгой,— по форме своей более пригодна выполнять общественную роль и быть активной, вследствие большей портативности и эластичности массового распространения, нежели уникум станковой картины. Таким образом роль, которую хочет играть немецкое искусство, естественно, влечет его к графике. Это обстоятельство также не сознано русскими художниками, хотя бы теми, которые не являются принципиальными натюрмортистами. Характерно, что и чистая графика немцев противоположна русской графике. Первая сюжетна. Вторая натюрмортна. Первая рассчитана на психологический рефлекс. Вторая — на «украшение» книги. Первая — картина. Вторая — по преимуществу орнамент.

Итак, отметив основную позицию немецкого художника, мы видим, что зритель, выходя с выставки, начинает говорить о тех «чувствах» и мыслях, которые возникли у него под влиянием просмотренных сюжетов картин. Он взволнован, хотя бы отрицательным воздействием «идей», воплощенных в изобразительных формах немецкими художниками. Пусть по существу воздействие отрицательно. Оно положительно в принципе, ибо именно *воздействия* мы ждем от современного искусства.

Послушайте речи во время «разъезда» с русского «вернисажа». Экспонаты русских выставок натюрмортистов сами собой ограничивают все суждения формальными вопросами, «как сделан» пейзаж с мостом или печка с натурщицей... На немецкой выставке «циркулирует кровь» у зрителя, т.-е. у того широкого слоя, на который и рассчитывает искусство.

Обзор закончен. Он значительно иной, чем обзоры русских выставок, в хвосте которых рецензенты, после разговорчиков о «фактурах», принуждены бывают для «красноты» своей позиции привести какой-либо лозунг, напр., из обзора международного положения или из очередных задач ВСНХ. Иным обзор оказался в силу иного материала, иной цели, на которую рассчитан материал, нежели «содержимое» русских художественных выставок... «Шум», поднятый немецкой выставкой, показывает, что только та *принципиальная* позиция, которая была отмечена, как позиция активной общественности, и может вызвать соответствующий рефлекс в обществе. Натюрмортное искусство, в лучшем случае, даст повод для создания лишней «лаборатории» в одном из натюрмортных же художественно-«научных» учреждений...

3. О некоторых характерных чертах немецкой выставки.

Федоров-Давыдов.

Не обвинять или оправдывать, не извинять и даже не объяснять кажется нам нужным то, что представлено нам на немецкой выставке. Все почти согласны в том утверждении, что значение ее не столько художественное, сколько социальное, хотя бы уже в том отношении, что все наиболее значительное и интересное из имеющегося на выставке создано художниками, в той или иной мере революционно настроенными. Частью это коммунисты, частью—примыкающие, но почти все так или иначе настроенные ярко-отрицательно к буржуазному развалу Германии. Их симпатии к революционной России, их связь с Межрабпомом,— все это как будто заставляет нас признать их своими единомышленниками, своими товарищами. Сюжетность их картин (за исключением, ко-

нечно, экспрессионистско-супрематических упражнений), острота пронизывающей эти картины социальной сатиры для так жаждущих революционной тематики русских художников и публики—как будто бы пример и образец для подражания. И вот в этом плане, в плане вопросов: действительно ли фактически выражаемое немецкими художниками так или иначе адэкватно их сознательным революционным намерениям, действительно ли *это*—искусство революционного пролетариата, действительно ли *этому* должна учиться русская художественная молодежь,—в плане всего этого мы и должны оценить для самих себя немецкую выставку. В аспекте скорее нашей, нежели германской современности важна для нас эта выставка, так как, несомненно, она важна нам практически, воспитательно, куда больше, нежели историко-художественно. В этом последнем отношении ее достаточно учли авторы других статей, а в отношении как бы иллюстрации современного состояния Германии она может дать нам лишь еще одно—правда, потрясающее, с силой, доступной лишь искусству — доказательство кошмарного развала социальной жизни и почти безумной издерганности общественной психики. И это не только и даже не столько потому, что немецкие художники хорошо выявили это в своих картинах, сколько благодаря нами чувствуемой стороне бессознательного в их творчестве, самими ими, быть может, неосознаваемой подлинной их идеологии и психической настроенности. О развале общественной психики, о ее явно-патологическом состоянии мы умозаключаем больше не от картины, не от ее явного, а от ее тайного, потому что в искусстве «нет тайного, которое не стало бы явным»; умозаключаем от автора, от его скрытых между строк, но осознаваемых нами и едва не раньше долженствующей быть усвоенной, выражаемой в них мысли, подлинных переживаниях и настроенностях. И невольно, уходя с этой выставки, потрясенный, думаешь: как жесток должен быть гнет и изнутри, и извне, как издергана должна быть общественная психика, как ужасны социальные условия, если даже художники-коммунисты «Красной» и «Ноябрьской» групп—

Ж. Гросс. — Рисунок.

пролетарии по своей классовой сущности—оказываются для нас в своем творчестве лишь сплошными нигилистами, чье всеобщее отрицание пронизано кошмарами, мистикой безнадежного ужаса и садической извращенностью, почти манией до-нельзя замученного, загнанного в тупик интеллигента, не ощущающего уже больше никакой почвы под своими дрожащими ногами.

Конечно, все это — не для нас. И сколь бы мы ни верили в искренность намере-

ний немецких художников, сколь они не потрясали бы нас,—их агитация слишком резко расходится с тою, какую мы можем требовать в нашей современности и даже в современности интернациональной.

Наше утверждение требует аргументации. Попытаемся ее дать. Передовые немецкие художники, революционно настроенные, которые составляют более двух третей выставки и которые одни лишь и интересуют нас здесь, считают своей задачей разрушение буржуазного строя средствами, доступными искусству. Задача—бесспорно революционная, но... но лишь тогда, когда разрушение производится во имя чего-то, когда отрицание, уничтожающая критика имеют своим мерилом какой-то положительный идеал. Лишь наличие этого идеала и твердая вера в него создают ясность задач, упорство в борьбе, твердость воли и умение не падать духом при неудачах. А кто смог бы усмотреть этот идеал, это положительное у немецких художников, если не считать единичных и притом почти всегда слабых и малоубедительных картин? Что может противопоставить какой-нибудь Дикс разврату буржуазии и массовой проституции, что, кроме беспредметного ужаса и растерянного хватания за голову, можно извлечь из листов Гросса при всей остроте и звучании его линии? На выставке много антимилитаристических вещей, но что найдем мы в них, кроме изображения ужасов войны? Где в них здоровый и мощный отпор вновь надвигающемуся жестокому призраку бойни, где в них хоть намек на лозунг «война войне»? С расширенными от ужаса глазами зрит этот призрак немецкий художник и может лишь конвульсивно содрогаться, не имея сил отвести взгляда от гипнотизирующего видения. Даже Кэтэ Кольвиц, которую во всех прочих отношениях надо выделить из среды ее товарищей, изображает лишь отчаяние, лишь сбившихся в кучу плачущих и дрожащих женщин.

Ж. Гросс. — Рисунок.

Ужас, кошмар, бредовая греза — вот что глядит на вас из всех углов. Может быть, такова действительно германская современность, но таковой ли должна она быть в революционной агитации искусства? Не ужас беспредметный, не растворение себя в кошмаре, а твердую волю, железный протест, бодрость духа должен иметь тот, кто хочет чистить Авгиевы конюшни современности. Итолько этой бодростью и несокрушимостью пронизанная агитация нужна нам, только ею и полезно было бы заразиться

русским художникам. А иначе, почему и Шпенглера не считать революционером? Растерянность перед ужасами жизни, анархическое к ней отношение всегда порождает мистику. И ее духом насквозь проникнута вся выставка, и гротескность ее экспрессионистических трактовок гипертрофирует житейское до таинственно инфернального «Молодой любви» Е. Гофмана, «Салона» Дикса, «Композиции» Беренс-Ганглера, «Детей фабричного города» Фелькера и т. д., и т. д.

Особенно интересно отражение мистики в архитектурных проектах, старательно пытающихся представиться конструктивными порождениями американского железо-бетона. Но фантастическая система перекрытия сводов в «Массовом театре» М. Берга, его почти барочная игра со светотенью, волнующаяся и тревожная неустойчивость сдвинутых в сторону верхних этажей в целом ряде торговых домов,—все это ставит нас перед фактом возникновения давно невиданной уже архитектуры «выражения»,— мистического и волнующегося стремления.

Если мы обратимся к сюжетам представленных на выставке картин, результаты получаются еще более убедительными. В конце концов, весь социальный протест немецких художников обращен почти целиком против проституции. Без преувеличения можно сказать, что почти половина всех экспонатов — изображение голых проституток во всех видах, позах, положениях и антуражах. Проституция из нужды, проституция унизительная, проституция торжествующая, сзади, спереди, сбоку, сверху, среди взрослых, подростков, чуть ли не грудных детей! Несомненно, проституция — одно из вопиющих зол Германии, но единственное ли, и самое ли главное?

Неужели на нее должен быть направлен весь яд социальной сатиры, не проникающей таким образом дальше внешней поверхности и нисколько не задевающей глубоко внизу лежащих корней?! И, глядя на все эти потрясающие холсты, листы и скульптуры, зритель невольно думает не столько о буржуазии и ее разврате, сколько о том, почему на *это* устремляет главное свое внимание немецкий художник, почему его кошмары носят так ярко выраженный эротический характер? От этих изображений становится жутко, но, быть может, потому, что в экспрессионистическом карикатуризме, в гротескной уродливости голых тел, в их изломах, в каком-то судорожном вывертывании тела, во всем тщательном, по-немецки старательном выписывании мерзейших подробностей, чувствуешь момент определенного садического сладострастия. Стремясь сознательно разрушать разврат, протестовать против него, немецкий художник бессознательно сам упивается всеми этими мерзостями, черпая острое, бо-

Г. Ц п л л е. — Сцены из жизни уличных детей Берлина (офорт).

лезненно напряженное удовольствие в изображениях эротической патологии. Нормальный человек нормально и возбуждается, болезненная психика черпает свое возбуждение в самых гноящихся и зловонных, невыносимо-уродливых вещах. Кто из нас посмел бы сказать это, если бы эротическо-кошмарные вещи были бы *одним из сюжетов* выставки, но, являясь ее бесспорным лейтмотивом, они приобретают слишком специфический смысл. Некоторые станут утверждать, что это не так страшно, что, дескать, еще Толстой называл все искусство «размазыванием половых мерзостей». Но ведь то пуризм Толстого, и не с его критерием мы, видавшие и Манэ, и Домье, и Тулуз-Лотрека, обращаемся теперь к немецким художникам. Нет, лишь желание подойти как можно осторожнее к их творчеству, лишь учет их сознательных и в этой сознательной, к сожалению, задавленной бессознательным стороне столь близких нашим стремлений не позволяет нам с ханжеской добродетельностью назвать это порнографией.

Г. Цилле. — Сцены из жизни уличных детей Берлина (офорт).

Ведь на самом деле, если как-то еще можно согласиться с сюжетами Дикса, то что же сказать про акварель Гросса, «Сантиментального матроса» Шольца, про его сцены из жизни уличных детей, про его детей на берегу моря? Надо иметь специфическую настроенность, чтобы свой протест против ужасающего положения пролетарских детей дать именно в таком аспекте. Кому нужны эти рисунки, — старому сладострастнику, импотенту, не для него ли развратное изображение голой девочки, откровенно бесстыдной и циничной в своей развращенной наивности? Нольде в своем «Портрете» сладострастен и развратен в самой технике, в мазке, в общей живописной трактовке, не говоря уже об этом накрашенном и бесформенном, как смятый цветок, зацелованном рте девушки. В вещах, по сюжету не эротических, эротический момент все же так или иначе присутствует. Диксу в изображении искалеченного ветерана, торгующего на панели папиросами, почему-то обязательно нужно дать женский зад, далеко высовающуюся из-под юбки ногу, распластывающуюся в быстрой походке фигуру. «Берлинский дом» Корна, представленный в разрезе, в сопоставлении жизни обитателей различных этажей, мерилом для сравнения берет едва ли не различия антуражей половых актов. И так везде и всюду, и примеров как первого, так и второго рода болезненной эротики можно было бы приводить без конца, если бы это только не грозило опасностью перепечатывания двух третей каталога. Вот слу-

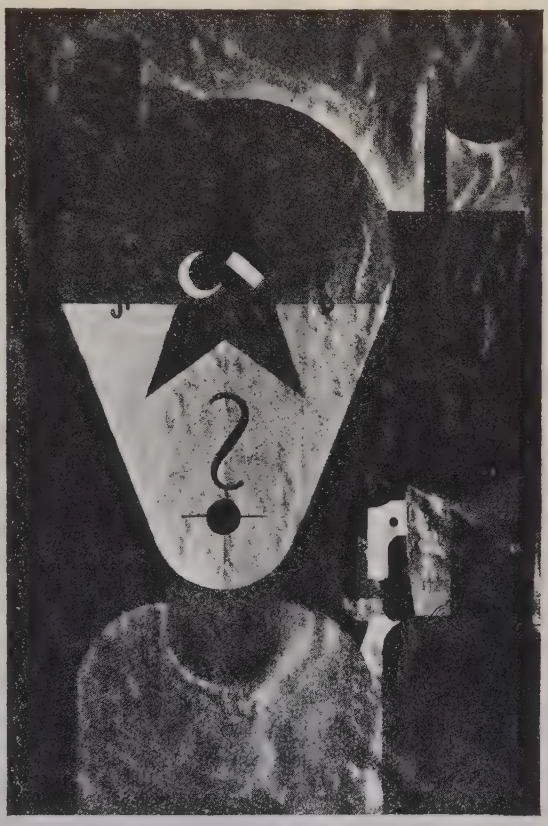
чайный пример, где характерны хотя бы уже самые названия экспонатов:

Е. Гофман: № 93—«Приятно».
№ 94—«Сладкий ужас».
№ 95—«Сердцебиение».
№ 96—«Готово».
№ 97—«Две женщины»...

«Сидящая кокотка», «Женщина в сорочке», «Сидящая девушка», «Сидящая натурщица», «Эротика», «Женщина и мужчина», «Трепет девушки», «Монах и девушка», — вот названия, которыми пестрит каталог. Ограничимся поэтому лишь еще одним указанием, что момент садического сладострастия проявляется и в других сюжетах, как, например, в антимилитаристических, трактуемых обычно изображениями изуродованных и разлагающихся трупов. Листы Дикса невольно заставляют вспоминать военные ужасы Гойи, этого жестокого, мистического и гротескного испанца. Шольц рисует сатиру на «Благочестивую семью» буржуа. И ему мало изобразить вырождающиеся типы, уродливые, жирные и бородавчатые, ультрамещанскую обстановку, всю явную ложь буржуазной добродетели. Нет, ему обязательно нужно еще вставить сюда отвратительную и ничем, кроме смакования мерзостей, не оправданную подробность: рахитичный сынок вставил соломенку в зад живой лягушки и надувает ее ртом. Сопоставляя с этим прекрасный в своей лаконичности плакат О. Шлеммера «Пастор», чувствуешь, что в нем и больше социальной правды, и возможности вызвать не беспредметное отвращение, а сознательно направленный протест.

Как же подходят эти потрясенные и задавленные умы, эта болезненно-извращенная психика к сюжетам положительным: к рабочему классу, к революции? Здесь достаточно показательны картины Герле «Фабричные рабочие» и «Европейцы», где люди изображены в виде безличных манекенов, испещренных цифрами и знаками вопроса на лицах, на фоне схематизированных фабричных зданий. Или такая гротескная навороченность всякой механизации, как в картине Геш: «Он и его среда». Они явно обнаруживают то отрицательное отношение к технике и «цивилизации», которое так сильно в современной Германии и которое так диаметрально противоположно нашему к этому отношению.

Для них пролетарский коллективизм это—обезличение жизни, механизация это—смерть всякой духовности. Для них машинная культура—гибель человека от машины (Биркле: «Человек-машина», «Распятый на машине»). Не помню уже чей «Обед рабочей семьи» и близкий к нему «Обед на фабричном дворе» Фолькера изображают этих последних такими тупоумными, безличными уродами, что лишь чрезмерно наивного человека можно уверить, что это — протест против пауперизации и обнищания пролетариата. В трудные дни испытания для



Г. Герле. — Европеец (масло).

пролетариата не больше ли нуждается он в некоторой героической идеализации себя художниками и не будет ли потребителем этой картины буржуа, который увидит в ней доказательство, что рабочий — низшая раса.

Изображений революции, кажется, лишь одно, здесь воспроизводимое, да и то такое опять мистическое, мрачно-трагическое и скверно написанное, что о нем и говорить не стоит.

Можно было бы написать еще много горьких истин о немецком революционном искусстве, но писать это не слишком приятно. В нашей оценке больше боли за немецкого революционного художника, под давлением социального кошмара утерявшего твердость духа и ясность психики, нежели стремления обвинять его за то, что он криком кричит «от муки нестерпимой».

Нам остается лишь кратко остановиться на том, что, будучи в той или иной мере революционно, выпадает из охарактеризованного нами общего тона выставки. О Кэте Кольвиц мы упоминали. Останавливаться на ней более подробно не стоит, так как выставленные ею прекрасные листы давно уже были нам знакомы. Все же остальное — почти сплошь наш «АХРР», со всеми его малыми достоинствами и большими недостатками. Нагель совсем слаб и даже кое-кто из АХРР'а заткнет его за пояс, так же как и старого нашего знакомца Балушека. Выделить можно разве только определенно сильную «Демонстрацию» Иогансона и его листы, сделанные в манере Стейнлейна, некоторые вещи Янсена, с какой-то чувствуемой в них стихийностью. Прочие же — так себе: ни рыба, ни мясо.

К. Феликсмюллер. — Революция (масло).

Для полноты упомянем еще двух художников, стоящих как-то особняком на выставке и никем не отмеченных. Первый—В. Лахнит, неизвестно почему принадлежащий к «Красной группе», ретроспективист, пытающийся дать современный городи пейзаж с железнодорожным мостом в трактовке раннего голландского примитива, с его наивной миниатюрной плоской выписанностью и соответствующей красочной гаммой и внутренним «настроением». Одинокий здесь на выставке, он, по всей вероятности, не одинок у себя дома в среде наивных и добросердечных филистеров. Другой, П. Бекштигель, как-то отрадно вырывается из всей выставки своей чрезвычайно интенсивной радостной гаммой желтых тонов. Его крестьянские фигуры, конечно, только предлог для буйного веселья бесшабашной игры целыми кусками краски в огромных мазках шпахтелем, но как отрадно среди всей гнетущей атмосферы выставки, с ее ужасными замогильными

тонами, с ее кошмарными сюжетами, вдруг увидеть эту яркость, эту радость жизни, эту «малявинщину». Желтая краска горит, бросает рефлексы на стены, от нее словно желто-красное солнце в мрачном зале Исторического Музея. И благодарен художнику, и готов даже переоценить его не бог весть какое мастерство. Но в этом уже виноваты его соседи по выставке.

II. ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ.

1. На правом фланге.

(О журналах «Россия» и «Русский Современник»).

А. Лежнев.

I.

По существу они близки друг другу, если не как родные, то, по меньшей мере, как двоюродные братья. Но их разделяют различия в манерах, в тоне, во внешности. В «России» любят поговорить, показать себя, порисоваться, блеснуть красноречием: слов там много и слова легкие. В «Русском Современнике» знают цену молчанию, умеют молчать, высказываются скупо и осторожно, но зато, когда высказываются, то в каждом слове — сосредоточенный, концентрированный яд. Для «России» характерен фельетон, для «Современника»—архив. Архивариус и фельетонист, вот две типичные фигуры, вот два предела, между которыми совершается вся амплитуда колебаний правого фланга журналистики и литературы.

Действительно, облик «России»—это подвижная—до юркости—фигура маленького фельетониста, которому основательность, знание, талант, а до известной степени и убеждения—заменяет необыкновенная бойкость и развязность. Он то-и-дело похлопывает науку по плечу (свой человек), о литературе говорит в снисходительно-покровительственном тоне (куда ей без меня, запуталась бедняжка), гладит ее по головке и предостерегающе подымает указательный палец. А что касается политики или народного хозяйства, то тут он—можно сказать—совсем специалист, тут его красноречие разливается особенно широко и полноводно, и его многозначительный вид свидетельствует о том, что он далеко не высказал всего того, что мог бы высказать—и только деликатность не позволяет ему раскрыть совсем свои карты, вмешаться и указать путь к спасению.

Характерен для журнала не художественно-литературный отдел. Такие романы, рассказы и стихи, как в «России»—если не все, то большая часть—могли бы появиться и в любом другом журнале или альманахе. Если мы хотим увидеть подлинное лицо «России», если хотим узнать не то, что у нее общего с другими журналами, а то, что ее отличает от них, мы должны будем обратиться к ее публицистическим и критическим статьям и—в первую очередь—к статьям ее редатора, И. Г. Лежнева.

Заглавье нашего обзора—«На *правом* фланге» — в сущности, несправедливо. За исключением Замятина, нет во всей СССР человека более «левого», более крайнего в своих философских взглядах, чем редактор «России». Ни одна из принятых в науке «старых схем» его не удовлетворяет. Ньютон и Дарвин сброшены с пьедесталов. Кумирам вчерашнего дня объявлена беспощадная война. Не бойтесь суровости иконоборцев: еще 5 строк печатного текста—и вы увидите священные пляски перед бюстами Эйнштейна и... Шпенглера. Бойтесь их резвости. Вся тяжелая артиллерия аргументов от Эйнштейна, весь радикализм пересмотра основ науки нужны им только для того, чтобы доказать необходимость ревизии *одной* «схемы»,

самой неудобной из старых «схем», той самой, которую принято ревизовать, как устаревшую, чуть ли не с самого дня ее возникновения, и которая упрямо не поддается попыткам омоложения. Сколько Штейнахов перебывало у постели мнимого старика. Сколько штопальщиков старалось заштопать «пробелы» теории. И катедер-социалисты с клубками розового гаруса, приятного для глаза, и бернштейнианцы, пытавшиеся подвести под красный уток желтую основу, и идеалисты всех сортов, накладывавшие на несуществующие прорехи заплаты небесно-голубого цвета. «Схема» оставалась все та же, но качество критики все ухудшалось, пока она, наконец, не сделалась—на страницах «России»—достоянием фельетонистов. Эти уже совсем не разборчивы. Они подбирают свое добро всюду, где его находят—и каждый ручей льет воду на их мельницу. С И. Лежневым, аргументирующим Лениным против Маркса, пытающимся дополнить (или заменить) последнего Шпенглером и построить концентрическую и «катастрофическую» теорию исторического развития,—спорить и неинтересно и бесполезно: уже очень невысоко качество его критики (парадругая передержек, выдергивание отдельных слов и выражений, при чем им придается другой смысл, чем в них вкладывал автор, многозначительные намеки, оглушение читателя громкими именами и т. д.). Это, собственно, не критика, а критический фокс-трот—и доказательства здесь большей частью заменяются танцевальными па. Гораздо интереснее другой вопрос: к чему этот «пересмотр», эти пышные новые теории? Для кого и для чего они нужны? Ответ мы найдем у того же Лежнева: не надо нам «международных положений», давайте—о соли, о керосине, о ситце. Великолепная «радикальная» теория оказывается лишь оболочкой для сугубо-трезвенной и жалкой практики, красным жетоном с портретом Ленина на пиджаке крепкого «советского» хозяйчика, «катастрофическая» ее музыка—несложной музыкой мелко-собственнического эгоизма.

Такой же радикализм внешности при жалкой скудости содержания мы находим и в литературно-критических статьях журнала. У И. Лежнева, конечно, снова шум, треск, гром, молния. Эйнштейн, Шпенглер и все слова, которые произносятся в соответствующих случаях. Литературу надо освободить от трехмерного Эвклидова корсета. Долой последовательность во времени и линейное развитие действия. Дух нашей эпохи требует смещения плоскостей, проектирования на мчащиеся поверхности и т. д., и т. д.—а потому: да здравствует Андрей Белый и Замятин!—Ах, вот она, значит, где оказывается—литература завтрашнего дня!

Совершенно невозможную точку зрения защищает Стрелец в своем диалоге «Радуги Земли». Поэтическое произведение нельзя «объяснить» общественно-историческими и физиологическими условиями (раса, среда и т. д.). Всегда останется некоторый неразложимый остаток, а он-то и составляет самое важное. «Душу» политического произведения образует его мысль, но мысль эта не имеет ничего общего с тем, что мы обычно понимаем под термином: мысль. Она—*невыразима словом*, ее нельзя перевести в понятия, ее можно только ощутить, прочувствовать.

Стать на такую точку зрения—значит отказаться от самой возможности научного подхода к явлениям искусства. Если то, что всего важнее в искусстве, недоступно для анализа, если оно, к тому же, невыразимо словом, то единственно-мыслимым подходом является подход интуитивный, прозрение. Теория Стрельца нашла, к сожалению, отклик и сочувствие среди поэтов, даже у коекого из пролетарских поэтов. Собственно говоря, то, что поэты ей сочувствуют, неудивительно: она ставит их в исключительное положение чуть ли не жрецов и делает неуязвимыми для критики. Не трудно, конечно, видеть, насколько эта теория неприемлема, особенно для марксиста. Сознание определяется бытием; сознание поэта нисколько не меньше, чем сознание обыкновенного смертного. А это значит, что оно может быть *целиком* «выведено» из бытия. Если мы это сейчас не в состоянии сделать, то не потому, что это невозможно по существу, а потому, что нам не позволяет

нынешнее состояние науки. Для Стрельца же логическим выводом из его теории является отказ от слова (поэзия не выразима словом) и переход к междометьям, к выразительному языку наших четвероруких предков. Действительно, все в истории разыгрывается дважды: первый раз—как трагедия, второй раз,—как фарс, и призывам Руссо через полтораста лет вторят томные чревовещания Стрельца.

Выше мы уже указывали на то, что литературно-художественный отдел «России» не характерен для нее. Надо добавить к тому же, что он довольнотаки слаб. Самая крупная вещь журнала, роман Эренбурга «Любовь Жанны Ней», представляет собой неудачный сплав Хулио Хуренито, Диккенса, французского бульварного романа и Вербицкой. В нем есть все, что требуется от «увлекательного» романа: страстная любовь с приключениями, любовник, убивающий отца, трогательная доброта и наивность, слепой, пожилой развратник, гнусно пользующийся этой добротой и беззащитностью, парижские трущобы, адски задуманное преступление, судебная ошибка, казнь, позднее раскаяние убийцы и много другого в том же роде. Живое содержание, кусок современности, взятый автором, никак неподдается обработке по рецепту бульварно-авантюрного романа; в результате кричащее несоответствие, безвкусица, пошлость.

Другая крупная вещь, незаконченный еще роман О. Форш «Одеты камнем», интересен, но все-таки интерес, вызываемый им, скорее интерес к истории, к прошлому (в романе рассказывается о Михаиле Бейдемане и его трагической судьбе), интерес к теме, чем к выполнению. Рамки картины, нарисованной автором, довольно широки, но сама картина стилизована и краски ее блеклые, как бы выцветшие от времени. К тому же роман очень растянут.

«Арбат» А. Белого, представляющий фрагмент из его «Эпопеи», ничего нового для характеристики писателя не дает. Прежний, невероятно-усложненный, искусственный стиль, до крайности затрудняющий понимание написанного, прежняя символика, двойственность образов, одной стороной обращенных к земле, а другой порывающихся в «вечность». Прочтешь—обыкновенные стариковские воспоминания, в которых автор дорожит и любуется каждой мелочью ушедшего быта, каждым домом, знакомым с детства; приглядишься—как будто не то: каждая мелочь вырастает до размеров символа, каждый дом открывает окно в «инобытие».

Остальная проза журнала незначительна. «Помещики» Миртова написаны под Пильняка, — с многозначительно-мистическими намеками в таком стиле:

> Товарищ Петр идет...
> (не тот ли—один из двенадцати, Петр-камень?, переживший двадцать девять жизней,—являвшийся попеременно, в порядке постепенном, восходя по ступеням—
> то на земле Ханаанской, то ближе—на берегах Сены» и т. д.).

Прекрасный язык ремизовского сказа—«Ушен»—не искупает случайности содержания. Наконец Гриновская фантастика («Крысолов») неоригинальна (все тот же Эдгар По), несовременна, перегружена мелочным психологизмом, наивна. К этому надо прибавить старательное глубокомыслие автора, сугубую серьезность, с которою он копается в сущих пустяках, детальность и растянутость рассказа и умилительную бесхитростность символики (спекулянты—крысы).

Стихи в журнале еще слабее прозы, но зато их подбор не так случаен. Разнобой имеется и здесь, но сквозь него все-таки можно различить несколько основных тонов, несколько преобладающих тем.—Они—не в темных строках Пастернака и Петровского, почти не поддающихся расшифровке, и не у Тихонова и Адалис. Вещи Тихонова и Адалис не более, как упражнения в мастерстве, к овладению новой формой. Они, быть может, очень важны для развития обоих поэтов, но совершенно неинтересны читателю. Тихонов сейчас болен длительной, затяжной болезнью, чрезвычайно распространенной в настоящее время, болезнью роста, переходного периода—пастернаковщиной. Он старается усвоить мастерство Пастернака, чтоб, усво-

ив его, предолев, двигаться дальше. Но болеть следует дома или в больнице, а лабораторные опыты оставлять в своем письменном столе; ни болезнь, ни учеба не выносятся в публику.

В стихах Шенгели, Выгодского и Мандельштама запоздалые отголоски тех настроений и вкусов, которые господствовали в русской поэзии лет 10—15 назад. У Выгодского стилизованная — в духе Кузьмина — простота и наивность:

Как хорошо,
Что у меня на коленях лежит
котенок.

Как хорошо,
Что есть на свете кошки, собаки
и мухи,
Есть огромные, неповоротливые
гиппопотамы,
И есть маленькие, проворные сороконожки.

Мандельштам, в плену у классицизма, слышит и на вокзале пенье Аонид, и вагоны у него, конечно, отправляются не в какой-нибудь прозаический Харьков или Ярославль, но уносятся прямо в «Элизиум туманный». И, наконец, в шенгелиевском «Бетховене» та любовь к вещам (особенно если эти вещи старинные), та холодная красочность, та четкость миниатюриста, которые теперь режут глаз, как ненужный анахронизм. Все это—и то, что у Мандельштама, и то, что у Выгодского, и то, что у Шенгели, корректно, иногда удачно, но мертво, безнадежно-мертво.

В том же прошлом, только взятом в другом разрезе, и Всеволод Рождественский. Здесь — цыганщина, троечный романтизм, туфелька в снегу, сани, колокольчики, погоня.

Ночью ты огнем целуешь в губы,
Черной песней кружишь до пьяна.
Утром голос, колдовской и любый,
Вьется в колокольчиках напрасных.
А в зрачках, и мутных и прекрасных,
Вся моя цыганская страна.

Торжественная лира Сологуба взялась вторить бойкой скороговорке И. Лежнева, но в результате получился небольшой мистический конфуз. Оказывается, что хотя теория относительности Эйнштейна хороша, но еще лучше—эпилептический припадок.

Завеса вновь приподнята
Орлиным замыслом Эйнштейна,
Но все еще крепка плита
Четырехмерного бассейна.

И существует единственное средство приподнять завесу еще выше, чем это сделал Эйнштейн. Это средство—тот недуг, которым болен Магомет:

И только пламенный недуг,
Остановив мгновенье, сбросит
С тяжелой рельсы душу вдруг,
И в ширину времен уносит.

Кликушечий голос Сологуба — не единственный в хоре «российских» поэтов. Мистической истерике Сологуба отвечает патриотическая истерика Макс. Волошина. Есть у нас такие специалисты по патриотическим истерикам, сделавшие из «любви к родине» профессию. Секрет их производства несложен: «стиль рюсс» да немножко достоевщины, да немножко от Блока, да демонстрация собственного душевного благородства. В таких стихотворениях есть всегда специфический привкус, специфическая окраска. У М. Волошина она особенно сильна. Современная Россия, возникшая в революции, представляется ему гулящей, беспутной, и он не жалеет красок для изображения ее «непотребства»:

В деревнях погорелых и страшных,
Где толчется шатущий народ,
Шлендит пьяная в лохмах кумашных
Да бесстыжие песни орет.

Сквернословит, скликает напасти,
Пляшет голая—кто ей заказ?
Кажет людям срамные части,
Непотребство творит на показ.

А проспавшись, бьется в подклетьях
Да ревет, завернувшись в платок,
О каких-то расстрелянных детях,
О младенцах, засоленных впрок...

и т. д. и т. д.

II.

В отличие от «России» «Русский Современник» совсем воздерживается от политики: он не занимается вопросом, о чем звенел полтинник и что лучше—между-

народное положение или керосин. Свои мнения относительно всего этого он оставляет при себе. Он скромно ограничивается литературой и искусством.

Если в бойкой и суетливой «России» гипертрофия фельетона, то в желчно-корректном, обращенном в прошлое «Русском Современнике» — гипертрофия архива. Это решительно центральный отдел журнала, самый интересный отдел. Журналу на мертвого писателя повезло, несомненно, больше, чем на живого. Если не количественно, то качественно архив перевешивает отдел текущей, современной литературы. Но соседство мертвецов не безопасно. Явственный запах тления носится над «Русским Современником», над его стихами и прозой.

Уже в «России» мы чувствовали этот запах. «Современнейшим» теориям Лежнева глухо ответили мистические возгласы и вздохи по прошлому. Эйнштейн дополнился Магометом, зазвенели троечные колокольчики, и послышалась нечленораздельная речь Стрельца.

В «Русском Современнике» эти ноты—мистицизма, страха перед настоящим и тоски по прошлому—звучат гораздо отчетливей. Первый же номер журнала открывается характерными по своим настроениям стихами Сологуба. Настоящее мрачно и безнадежно:

Вся безнадежность так ясна!
Так вся безвыходность знакома!

Как неудачный игрок, поэт все поставил на карту и все проиграл:

Я сам закон игры уставил
И проиграл.

Но платить нечем. Игра подходит к концу—перед глазами — неумолимый «последний банкомет»:

И знай, что шулер беспощаден,
И что громаден будет счет,
И что огонь из черных впадин
Его глазниц смертельно жжет.

Жизнь непонятна — злое чудовище, фантастическое «трепало»:

Злое трепало,
Что ни попало,
Все перетрет.
Старец, мальчонка,
Баба, девчонка,
Девка, жених,
Юный и старый
Толстый, поджарый—
За зубы пих.

Утешение — в потусторонности, за «пределом».

Но кто достигнет этого предела,
Здесь ничего не сохранив,
Увидит, что заря зардела,
Что день минувший вечно жив.

Этот мотив о вечно-живом для сердца минувшем дне с еще большей силой повторяется Ахматовой в стихотворении о жене Лота, «отдавшей жизнь за единственный взгляд на родной Содом, на уходящее милое прошлое».

В милое прошлое уходит и Клюев («Песни на крови»):

Зачураться бы от наслышки
Про железный неугомон.

От железного настоящего—«к псалтирю царя Алексия» или в лес, подальше от людей:

Поселиться в лесной избушке
С кудесником петухом,
Чтоб не знать, как боровы-пушки
Изрыгают чугунный гром.

Клюев боится современности, потому что думает, что она несет с собой гибель поэзии, сказочного Китеж-града:

Черный уголь, кудесный радий,
Пар-возница, гулеха-сталь
Едут к нам, чтобы в Китеж-граде
Оборвать изюм и миндаль,
Чтобы радужного Рублева
Усадить за хитрый букварь...

София Парнок ожидает Страшного Суда, а пока—в ожидании—кокетничает с господом богом: то она ему обещает, что до того разлюбит плоть, что откажется от «последней услады»: от искусства, то заявляет с шаловливой улыбкой:

Какое счастье
Душу загубить свою —
Променять вино причастья
На кастальскую струю!

Кокетничает с богом и работающий под Гейне Вейдле. Он это делает со стилизованным жеманством:

Господи, так ему и надо, но я не такой, как он,
Я очень чист и пристоен, я очень ловок и умен,
Я делаю все, что нужно, я пишу прекрасные стихи,
На меня взирают дамы и прощают мои грехи.
И я знаю, господи, что я хуже, чем тот человек за столом,
Но до смерти еще далеко, и я подумаю потом.

Если на Ахматову, Сологуба и Клюева современность оказывает лишь отталкивающее действие, если Парнок и Вейдле она загнала в мистическую подворотню, то для некоторых поэтов из «Русского Современника» она, очевидно, совсем не существует. В какой стране и в какое время живет, например, Вл. Пяст—остается загадкой:

Потом, со скорлупы давая стечь топазу
Яичного желтка, его глотком ловлю
Гортани высохшей, при чем благословлю
То, что за гранью чувств—и что доступно глазу:

Приветствую тебя, мой Август, мой король,
Ты—лета моего вершина, цель и боль,
Твой верноподданный, как был я, так и буду.

Почти столь же современен Ник. Чуковский. Впрочем, у него фетовские мотивы слегка освежены влиянием Пастернака.

Поэтов в «Русском Современнике» много, и толпа их чрезвычайно разношерстна. Но характерны для журнала не Пастернак, Тихонов, Асеев и Есенин, а именно те поэты, что были разобраны нами выше, потому что Пастернака, Тихонова или Есенина мы встретим в любом журнале, а Ахматова, Парнок, Вейдле и Пяст составляют почти исключительную особенность «Современника». Поэтому на стихах первых мы остановимся менее подробно, хотя по своему художественному достоинству они часто стоят значительно выше. Сосредоточенно и по новому выразительны, оригинальны и поэтичны—в настоящем и лучшем смысле этого слова—стихотворения Пастернака, помещенные во второй книге журнала, особенно «Отплытье» и «Петухи» [1]). У Есенина—элегические настроения и прозрачный, приближающийся к Пушкинскому стих, отличающий последнюю фазу его творчества. Но поэт начинает уже повторять себя, что естественно при небольшом диапазоне переживаний, образующих содержание его лирики последнего времени. Впрочем, стихи, помещенные в «Красной Нови» («Русь Советская» и др.), показывают, что поэт как будто выходит на новую дорогу; из узкого круга лирики интимной—ближе к общественности.

Проза журнала—если брать темы произведений—как будто не так оторваны от современности, как стихи. В большинстве рассказов и повестей говорится о наших днях, о революции. Но если мы перейдем к тому, как эти темы обработаны, то увидим, что современность здесь очень и очень условна. Революция или подана под архаическим соусом мужицкого бунта (Пильняк), или окрашена унылой экклезиастической мудростью (Замятин), или представлена, как геологическая катастрофа, обрывающая тихое житье анекдотических, но милых Гогулевцев (Леонов), или служит материалом для сногсшибательного приключенского ералаша, в котором все ее содержание выветривается, как дым, и автор не сводит концов с концами (А. Толстой). Единственно, пожалуй, только в рассказе Бабеля «Два Ивана»

[1]) Со стихами Пастернака случилось небольшое недоразумение. Рецензент «Правды» тов. Розенталь принял октябрь, о котором говорится у поэта в стихотворении «Осень»:

Ты разогнал моих товарок,
Октябрь, ты страху задал им...—

за Октябрь с большой буквы, Октябрь—революцию — и вывел соответствующее заключение — о контр-революционности поэта. Между тем у Пастернака говорится об обыкновенном календарном, отнюдь не символическом октябре, об осени.

дан кусок живой, подлинной революции. Эта вещь да еще «На Таити» Эльзы Триоле являются—с художественной стороны—лучшими из помещенных в журнале произведений.

В очерках Триоле мелочи—обстановки, утвари, одежды, подробности хозяйства, неудобства дороги—выдвигаются на первый план, приближаются к глазам и принимают поэтому преувеличенно - большие размеры. «Подушки пахнут непонятным, редкие, как канва, простыни сползают с тюфяка, коленкоровое одеяло без пододеяльника непривычно ничего не весит на теле. Комары, забравшись под полы, злобно жужжат: з-з-з-з-з». Или: «На столе хлеб, масло и неизвестные мне фрукты. Андрей пьет скверный кофе, сияет и верит в будущее. Я сажусь рядом с ним и думаю о том, что на меня из открытого чемодана из-под белья выползли три огромных, черных, мясистых таракана». Такие отрывки характерны.

Эта черта, несомненно, женская. Но она же придает особую, ощутимую, трезвую реальность тому, что описывает Э. Триоле. Перед нами встают тропики не как декоративная, оперная страна, не так, как их бы увидел турист, а так, как их видит туземец, человек, для которого все это привычно, тропики с их будничной обычной стороны. Правда, и здесь есть недостаток: у Триоле хороший глаз, но наблюдатель она несколько поверхностный; мы узнаем, как туземцы любят, пьют водку, ходят в кинематограф, но ничего почти не узнаем о социальных отношениях на острове. Впрочем, с каждого писателя следует требовать то, что он в состоянии дать. То же, что дала Триоле, она дала в яркой, остроумной, живой, оригинальной форме.

«Записки Ковякина» Леонова принадлежат к числу наиболее удачных произведений этого молодого автора. Но основного своего недостатка: подражательности, стилизации—Леонову не удалось избежать и здесь. Леонов всегда стилизует: то под Достоевского, то под Лескова, а в «Записках Ковякина» под Замятина. Правда, кем-то в «Русском Современнике» было правильно замечено, что так писать под Достоевского, как пишет Леонов, может только очень талантливый писатель. Но пора бы уже Леонову писать под Леонова.

Сонная и нелепая жизнь маленького городка с его «идиотизмом», мало чем уступающим знаменитому идиотизму деревенской жизни, показана в «Записках Ковякина» остроумно, хотя и без злости, в мягких тонах. Эта мягкость, даже лиричность (в конце) идет в ущерб достоинству вещи, читателю ее трудно оправдать. Она вносит ту струю несовременности, которая чувствуется в талантливом сказе Леонова.

О большой, еще не законченной вещи А. Толстого «Ибикус» трудно пока высказаться с полной определенностью. Это как будто опыт создания приключенской повести. Пока что приключения развиваются достаточно сумбурно и нелепо. Нелеп и невероятен тот способ, каким герой богатеет, нелепы его похождения в Москве. Единственно, что пока хорошо в повести, это—изображение Одессы при белых.

Рассказ Б. Пастернака «Воздушные пути» сильно напоминает другое его прозаическое произведение «Детство Люверс». Здесь та же детальность письма и выдвигание мелочей, что и там, но там это оправдано темой, здесь же этого оправдания нет. В рассказе—засилие пейзажа, статичность и, как следствие,—скука.

«Ледоход» Б. Пильняка, в котором рассказывается о Махно, о Марусе, об анархисте Волине,—довольно поверхностен. Рассуждения «страшного» анархиста смехотворны:

«Я—теоретик анархизма,—говорит он Махно,—но у меня нет материалов под руками, нет человеческого материала, на котором я мог бы проверить и установить законы моей теории... Весь мир раскалывается в грандиозных революциях, весь мир—вулканом, и надо перепроверить все законы мира и людей. Я отменяю законы собственности, власти, любви»...

Словом, демон, Мефистофель, бенгальские огни, оперные громы... Волин звезд с неба не хватал, анархисты много путали и путают, но все-таки незачем их представлять такими идиотами.

Автор раскрывает в рассказе секрет своего производства, показывает, какие

действительные впечатления и факты легли в основу его художественного замысла, как эти впечатления комбинировались. Это любопытно, но ценности вещи не увеличивает. Остается несколько неловкое впечатление, как если бы нечаянно зашли в чужую неубранную комнату, и неодетый хозяин ее стал бы торопливо натягивать одеяло.

«Два рассказа» того же автора написаны на обычные его темы: о деревне, волках, стихии и «машинной революции». Второй рассказ—об охоте за волками «отряда по истреблению хищников», о бродячей, полу-звериной жизни охотников—написан очень не плохо, убедительно, с большой свежестью и силой.

«Рассказ о самом главном» Замятина должен собственно служить иллюстрацией к теориям автора о новой литературной форме (пересекающиеся плоскости, проектирование на мчащиеся кривые поверхности и т. д.). На деле вся эта новизна свелась к тому, что вместо одной сюжетной линии у Замятина развиваются одновременно три, все время перебивающие друг друга. Этот прием далеко не нов. Мы его встречали, например, у Э. Т. А. Гофмана («Кот Мурлыка»). Все остальное в рассказе Замятина тоже сомнительной свежести. Эпизод с гибнущей звездой и ее последними обитателями напоминает «Аэлиту» А. Толстого. Восстание в деревне и мелодраматическая история о встретившихся друзьях-врагах и о девушке, отдавшейся приговоренному к расстрелу в последнюю его ночь, написаны, в общем, так же, как это принято у Пильняка, Вс. Иванова, Малышкина, Лидина. Зачем автору понадобилась параллель между революцией на земле и гибнущей звездой? Для того ли, чтобы подчеркнуть ничтожество всякой борьбы перед лицом конечной гибели. Или для того, чтобы показать, что жизнь неистребима, что вечен ее круговорот, ее чередование со смертью, что она каждый раз вновь возникает из обломков. И в том и в другом случае перед нами не более, как старые - старые, пахнущие тлением, общие места.

«Бочка» Каверина — пустяк, хотя и остроумно написанный. «Анекдот» М. Горького, сделанный в его старой манере, не принадлежит к числу его удавшихся вещей. Лучше—очерки «Из воспоминаний», особенно «Законник» и «Испытатели».

Для статейного отдела «Русского Современника» характерно полное воздержание от политики и всего, имеющего к ней отношение. Только в третьем номере редакция не выдержала и произвела маленькую вылазку статьей Виктора Финка о быте, в которой автор старательно расписывает дикость русского крестьянина. Вообще же этот отдел дан в вечное владение сторонникам формального метода. Уже в первой книге журнала почтенный епископ формальной церкви, Б. Эйхенбаум, выступил с длинной проповедью о вреде марксистского метода в применении к вопросам искусства. Духовные лица обыкновенно мало смыслят в мирских делах, и Эйхенбаум выказал трогательное незнание марксизма,—такое полное, что оно почти обезоружило его противников. Пишущему эти строки пришлось уже выступать в печати с разбором утверждений Эйхенбаума, повторяться было бы излишним, тем более, что со взглядами Эйхенбаума читатели «Печати и Революции» знакомы по его статье, помещенной в пятой книге журнала. А превосходная оценка их дана в той же книге, в статьях Луначарского, Когана и др. Замечу только, что хотя Эйхенбаум выступает как будто не против марксизма вообще, а только против марксистской школы в литературной критике, но последовательное развитие его тезисов приводит к отрицанию основ марксизма, к идеализму.

---

2. О журнале „Звезда".

Литературно-общественный и научно-популярный журнал. №№ 1—4. Государств. Изд. Ленинград 1924. Стр. 311+316+314+334.

Л. Войтоловский.

Все четыре книги журнала лишены устоя, центрального фокуса, и каждая из книжек в отдельности лишена внутренней связи. Если бы метранпаж по ошибке любую статью или рассказ в любой из 4 книжек заменил бы таким же количеством других страниц, то этого бы никто, кроме пострадавшего автора, не заметил. При пестрой физиономии каждой книжки в отдельности все вместе носят то фамильное сходство, что беллетристика их, за малыми исключениями, сплошь кажется переводной. Не говоря об Алексее Толстом, который дал в первой книге «Звезды» рассказ из парижской жизни, а во второй книге—пьесу на тему, заимствованную у чешского писателя, который, в свою очередь, заимствовал ее у англичанина, в свою очередь, унаследовавшего ее от француза, не говоря также о рассказах, переведенных с польского и французского, необходимо сказать:—даже те вещи, которые созданы русскими авторами о русских людях и русской жизни, написаны на таком странном языке, что невольно хочется думать о тайной восприимчивости к иностранщине, повлиявшей на характер этих рассказов. В «Парижских олеографиях» А. Толстого («Звезда» № 1) царит тот легкий бульварный тон, для которого на всех языках и у всех писателей существует один и тот же язык и одни и те же приемы: ловкие прохвосты, бедняки, уличные девчонки, титулованные и нетитулованные старички, кабачки, паштеты, Нинеты и в заключение таинственное убийство и безумно влюбленная проститутка. А. Толстой так и понял свою задачу. Недаром и рассказ его назван олеографией, которая на деле еще оказалась олеографией весьма дешевого сорта:

«— К столу! — наконец, крикнул Шарль и шибко потер ладонь о ладонь. Паштет оказался выше похвал. Утолив первый голод, Шарль пересел ближе к Нинет и левой рукой обхватил ее пониже талии... Он поднял стакан вина и выпил за женщин.

Нинет лениво жевала. Ее губы разгорелись от вина, лицо стало белее и тоньше, глаза перестали моргать. Она глядела на стену. Шарль был уверен, что она уже чувствует к нему прилив страсти. Он похлопал ее по спине и покусал за плечо» и т. д. (стр. 9).

А пятью страницами ниже:

«— Мишель, я сообщу тебе очень важную новость: Антуан Риво взял из банка 65 тысяч франков...

— Тише говори!..

Мишель быстро оглянул почти пустое бистро и нагнулся ко рту Нинет. Она с жадностью вдохнула запах его волос, облизнула губы.

— Как только я узнала про это, побежала тебе сказать...» (стр. 13).

Пьеса «Бунт машин», напечатанная во 2 кн. «Звезда», не взирая на фабричные пейзажи, резвые революционные выкрики и решительные намерения автора (буржуазные фабриканты, чтобы раз навсегда избавиться от забастовок и восстаний, придумали изготовлять рабочих машинным способом; но и это их не спасает: искусственные люди тоже подняли бунт и начали выкрикивать те же революционные лозунги), не взирая на столь эффектные аксессуары, тоже оказалась весьма банально-ремесленным изделием парижско-пражской марки. Большая повесть Н. Никитина «Полет», напечатанная в двух первых книжках, пересыпана множеством злободневно-бытовых деталей — вплоть до табачных карточек, командировок, предписаний и длиннейших выписок из протоколов заседаний. Но это не мешает «Полету» Никитина оставаться вполне бескрылой попыткой уподобиться Гофману. Те же Перегринусы Тисы, живущие в состоянии сновидения, те же Георги Пепуши, которые собственно представляют со-

бою чертополох, цветший некогда в Фамагусте, и влюбленный в Дертье Эльфердинг, которая собственно есть принцесса Гамаге, дочь короля Секакиса. По-гофмански пытается Никитин перепутать индейский миф с повседневностью, таинственные намеки—с протоколами советских заседаний, но из этой сухой фантасмагории ничего не получается, кроме плачевного конфуза. Заслуживает внимания во второй книжке «Звезды» отрывок из дневника А. Блока, относящийся к началу 1918 года. Это в сущности та же гофманская обработка действительности; короткие истерические фразы, умышленно спутанные, противоречивые и тенденциозно-романтические — то напоминающие собою прыжки и гримасы Дертье Эльфердинг (которая, говорят, должна была служить олицетворением демагогии), то впадающие в торжественно-революционно-патетический тон. Редакционное примечание, сопровождающее эти отрывки, придает чрезвычайно существенное значение тем ядовитым фразам, которые Блок бросает по адресу Мережковского и Гиппиус. Но в том же презрительно-гримасничающем духе, с теми же выкриками «грязь», «не бывать», «противно» он говорит и о Китае, и о мольеровской орфографии, и о художнике Бенуа, и о Лебедеве-Полянском, и о букве ять, и о Красной гвардии, и о Луначарском, и о барышне за стеной. Что означает, напр., такая загадочная фраза: «Марксисты — самые умные критики, и большевики правы, *опасаясь „Двенадцати“* (стр. 97). Или вот эта: «Больше уже никакой «реальной политики». Остается лететь» (стр. 95). С какой-то зловещей быстротой Блок выбрасывает странные фразы и корчит фатальнейшие рожи. Разобраться в этой романтической мути без вспомогательного шифра никак невозможно, а делать многозначительные выводы на основании нескольких фраз о «толстопузых мещанах» довольно рискованно. Во всяком случае ценность приведенных отрывков скорее библиографическая, нежели биографическая.

Оставаясь по-прежнему лишенным центрального фокуса, третий № «Звезды» как будто старается занять более устойчивую позицию, о чем свидетельствует статья И. Майского в критическом отделе «О культуре, литературе и коммунистической партии», подкрепленная тут же статьей Г. Лелевича «Наши литературные разногласия». Не вдаваясь покамест в оценку этих статей по существу, следует заметить, что самая постановка намеченных ими вопросов в дискуссионном порядке должна, без сомнения, вызвать широкий отклик в литературных кругах, что и доказывают помещенные в 4-й кн. журнала полемические статьи Георгия Якубовского и Семена Родова.—Подбор литературно-художественного материала в двух последних книжках (№№ 3 и 4) тоже заставляет думать о некоторой внутренней связи между этим отделом и отделом общественно-публицистическим. Таковы напр., рассказы Аросева и Семенова. Хотя 4-я книга «Звезды» делает снова уклон в сторону Серапионов и сочетания тихоходного хлебопашества с танцующей романтической подвижностью Гофмана. Впрочем, книга вся посвящена десятилетию империалистической войны, и подбор материала в этой (4-й) книжке объясняется ее определенной задачей. Лучший рассказ в этой книге принадлежит В. Лидину «Жизнь зацветает»— грустный и мягко трогательный, освещенный талантом большого психологического мастерства. Во всех 4-х книгах наиболее содержательным отделом является общественно-публицистический, где помещены интересные статьи Л. Крицмана—«Три года новой экономической политики» (№ 3), И. Гредескула—«Условные рефлексы и революция» (№ 3), обозрения И. Майского, очерки Серати, Зиновьева, Ленина, Державина и друг. Богат и довольно разнообразен стихотворный отдел.

3. О журнале „Красная Молодежь".

Ежемесячник центрального и московского Бюро пролетарского студенчества. № 1 (май 1924 г.) и № 2 (сентябрь 1924 г.). Стр. 191+204.

П. Лепешинский.

Новый студенческий коммунистический журнал пока что не оправдывает еще своего названия «ежемесячника»: № 2 журнала вышел через 4 месяца после выхода № 1. Но по своей содержательности, серьезности, авторитетности литературных имен, снабдивших журнал своими статьями (т.т. В. Молотов, Н. Крупская, Г. Чичерин, И. Сталин, Е. Ярославский и т. д.) он представляет незаурядное явление. Очевидно, он задуман, как солидное орудие коммунистического влияния на умы пролетарского студенчества, и если только дружно подхватившая это предприятие группа старых партийцев не предоставит его в дальнейшем самому себе, не откажет ему и впредь в своем действенном сочувствии, то «Красная Молодежь» — не в пример, быть может, прочим мертворожденным попыткам нашего студенчества создать свой собственный орган,— и в самом деле выполнит свою задачу принести длительную, не случайную «помощь идейному оформлению и практической подготовке пролетарского студенчества».

Особенную ценность для студенческой молодежи имеют статьи, посвященные рассмотрению жгучих вопросов современной вузовской жизни: какие требования предъявляет партия к студенчеству (ст. тов. Крупской «Партия и студенчество», ст. тов. Ярославского «Партия и вузы»), какие принципы лежали в основе деятельности проверочных комиссий (ст. тов. Ярославского «К проверке коммунистического состава вузов»), какая связь существует между вопросами специфически вузовских интересов и общественными нуждами нашей страны (ст. тов. Молотова «За работу!»), на какого спеца нужно делать ставку (ст. проф. Образцова «Какой тип инженера нам нужен») и т. д., и т. д.; все эти «проклятые» вопросы давно уже волнуют нашу студенческую молодежь, которая хотела бы получить на них «прямые ответы». Не всегда, однако, читатель журнала получит искомый ответ с таким исчерпывающим вопрос содержанием, чтобы в его читательской душе не оставалось чувства неудовлетворенности. Очень часто тот или иной автор ограничивается лишь тем, что пытается правильно поставить вопрос или правдиво отобразить в своей статье картину вузовской болезни, но действительных средств против констатированного им зла не указывает. Вот, напр., тов. Ярославский ставит вопрос (один из самых больных вузовских вопросов) о регулировании нагрузки учебной и партийной работой (см. статью в № 2 журнала—«Партия и вузы»). Проблема—трудно разрешимая. Приналяжет студент - партиец на партийную работу,—по учебной работе не все будет обстоять благополучно; мертвой хваткой примется за учебу— в отношении к партийной работе останется не безупречным, от масс оторвется, в политграмоте отстанет. Одним словом— нос вытащил, хвост увяз, хвост вытащил, нос увяз. И тов. Ярославский не берется единолично за решение этой трудной проблемы, не выбрасывает наскоро состряпанного прожекта, а совершенно справедливо возлагает в данном случае надежду на работу коллективной мысли всего Бюро вузовских и комвузовских ячеек совместно с райкомами. —Или вот еще серьезный вопрос — о распылении сил молодого ленинца, втягиваемого в работу всякого рода добровольных обществ (Доброхима, Доброфлота, Доброзема и пр., и пр.). Стоять в стороне от этих форм общественной самодеятельности нельзя. Но и тут не исключена опасность перегрузки сил студента. Поэтому тов. Ярославский дает добрый совет: «дать каждому товарищу развернуться там, где он более всего способен развернуться, где он лучше всего может найти себя». Правда, это только

пока правильная постановка вопроса, исчерпывающее разрешение которого даст сама жизнь, но и поставить, как следует, вопрос, это значит уже сделать шаг вперед в подыскании нужных ответов на него.

Что особенно ценно для представителей молодежи в поучительных статьях их старших товарищей — так это доброе, полное ласковой внимательности, отношение современных «отцов» к «детям». Вузовец уже привык к тому, что его походя ругают и пинают ногой: «у-у... прирожденный оппозиционер... интеллигентщина... мелко-буржуазная накипь... и зачем только ты существуешь на божьем свете»... И нередко, напр., ему приходилось глотать подступающие к горлу слезы, когда несколько упрощенно понявшая свои задачи та или иная проверочная комиссия произносила над ним свой суровый приговор: недостоин мол как «чуждый элемент» (выходец из непролетарской среды). Поэтому с каким сугубым удовольствием он прочтет ободряющие слова Н. К. Крупской в ее статье «Партия и студенчество»: «Вообще сортировка по «происхождению» — пережиток средневековой сословности и в корне противоречит классовому принципу. Пролетарское происхождение есть лишь известная предпосылка, благоприятный шанс, что из человека выйдет сознательный пролетарий, которому легче понять, усвоить идеологию пролетариата. Но эта предпосылка и не необходима, и недостаточна. А это означает, что ты, сын учителя или служащего, вовсе не пария в нашей семье и не зачумленный, но тебе придется поработать над собою больше, чем «потомственному пролетарию», чтобы изжить ряд всосанных тобою с молоком матери мелко-буржуазных навыков—et tout cela (вот и все!). Нужно только «страстно, так же страстно, как это делал Ленин, искать ростков новых форм труда и выращивать из них могучее древо коммунизма». И приободренный читатель «Красной Молодежи»— стоящий на распутьи вузовец — навсегда запомнит эти золотые слова. Точно так же подымут в нем дух и статьи тов. Ярославского, Молотова и других подлинных друзей студенчества, не чертыхающихся, не машающих безнадежно рукой даже на ту часть учащейся молодежи, которая еще не успела твердо стать на пролетарскую точку зрения, а вдумчиво рассматривающих больные вузовские проблемы нашего времени и с деловым подходом к этим проблемы пытающихся поддержать идущее на смену старикам молодое поколение будущих строителей коммунистической жизни.

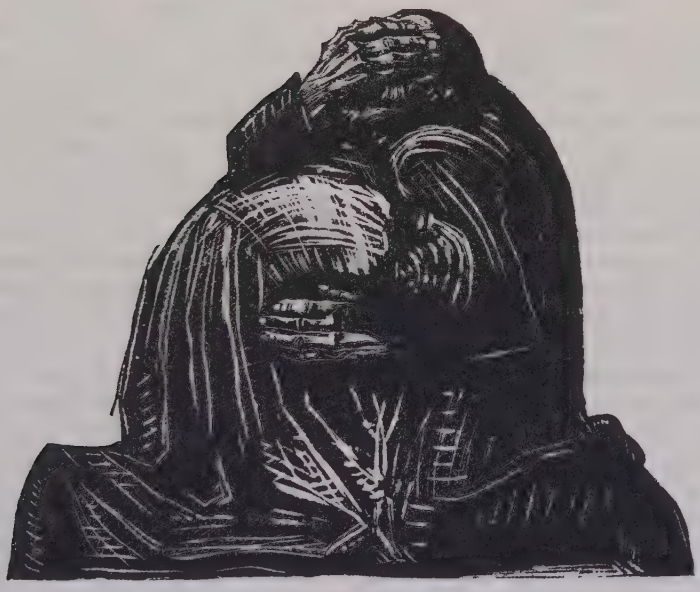
Кроме статей, имеющих специфически вузовский интерес, читатель «Красной Молодежи» найдет на страницах журнала ряд хороших очерков в отделе «Политика и экономика», освещающих вопросы нашей общественности. Особенно обращает на себя внимание прекрасная статья тов. Сталина (в № 2 журнала) — «К международному положению». Она хороша не только тем, что познакомит читателя с основными моментами, характеризующими нынешнее международное положение, но и тем, что явится для юного вузовца поучительным образцовым примером краткого, экономного в словах, а в то же время яркого и сильного по содержанию анализа сложной современной картины переплетающихся мотивов классовой борьбы в международном масштабе. Сравнительно недурно представлен в журнале и отдел «Наука и Техника». Во всяком случае, такая статья, как очерк современного состояния электрификации в СССР проф. Осадчего, может стать одним из центров внимания не только для вузовца, но и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами нашего хозяйственного строительства.

Литературно-художественный отдел не богат ярко-выдающимися шедеврами. За исключением очень симпатичного рассказа в № 1 А. Серафимовича «Галченок» и колоритного этюда автора «Язычников»— П. Низового (в № 2 журнала —«В горных долинах»)— все остальное представляет обычный серенький, более или менее благонамеренный, беллетристический привесок к журналу с ярко-выраженной публицистической физиономией.

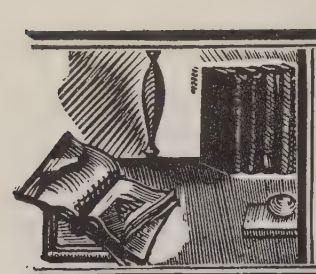
Очень хорошее впечатление производит «задворок» журнала — «Студенческая жизнь». Здесь раздается щебет молодых голосов: тут и картинки с на-

туры, рисующие студенческий быт (В. Ш-рин «Чистят», А. Рогачевская «За стенами рабфака» и т. д.), и пробы пера студкоров, и торопливый, темпераментный подход все к тем же «проклятым» вопросам вузовского перепутья (напр., заметка В. Львова «Коммунисты и беспартийные в вузах»)... Читатель как бы попадает в студенческий клуб, где мелькают в волнах табачного дыма юные лица, где безумолчно «думает вслух» многоголосая студенческая богема... Без этого отдела журнал был бы во многих отношениях и интересным, и поучительным, но жизни — молодой, задорной жизни — вот этого самого «зеленого шума» — в нем бы положительно не хватало.

Остается пожелать всяческого успеха и дальнейшего прогресса в начатом деле. Пролетарское красное студенчество стоит того, чтобы иметь свой собственный прочный, солидно поставленный орган для выражения своих нужд, своих дум, своих чаяний, своих духовных интересов.



К. Кольвиц. — Гравюра на дереве.
(К статьям о германской выставке).



ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

1. Н. БУХАРИН. Атака. *И. Луппола.* — 2. К. ПАЖИТНОВ. Развитие социалистических идей в России. *Б. Горева.* — 3. А. ВЫШИНСКИЙ. Очерки по истории коммунизма. *Б. Горева.* — 4. ЭТЬЕН КАБЕ. Путешествие в Икарию. *С. Кривцова.*

Н. БУХАРИН. Атака. Сборник теоретических статей. Гос. Изд. Москва 1924. Стр. 303.

В сборнике «Атака» Н. Бухарин собрал свои теоретические статьи, главным образом, полемические по содержанию и стилю, написанные в период 1913—1914 и 1918—1924 г.г. Составилась книга, внушительная по количеству и разнообразию затрагиваемых вопросов, интересная по содержанию и талантливая по выполнению. К статьям теоретико-экономического характера относятся ранние небольшие работы автора, направленные против Бем-Баверка — «Теория субъективной ценности», Туган-Барановского—«Теоретическое примиренчество» и «Политическая экономия без ценности», Оппенгеймера — «Теория либерального социализма» и, наконец, против Струве—«Фокус-покусы г-на Струве». В этих статьях, относящихся к периоду особо острой критики экономической теории марксизма (1913—1914), автор удачно отражает нападение и сам переходит в наступление, в «атаку» на противников. В наши же дни они несколько утратили свой злободневный характер, хотя и сохранили значение образцов марксистской антикритики по соответствующим вопросам.

Более актуальное значение имеют статьи Н. Бухарина, написанные после Октябрьской революции. Из них следует совместно отметить «Теорию пролетарской диктатуры» и «Буржуазную революцию и революцию пролетарскую». Обе эти статьи трактуют, собственно, одну проблему: переход от капиталистического общества, от буржуазного государства к новому общественному строю—общество переходного периода и его политическая надстройка, пролетарское государство; одна сторона этого явления, именно политическая государственно-правовая оболочка переходного общества составляет ближайшую тему первой из указанных статей; вторая—посвящена другой стороне того же явления: культуре, взятой в широком смысле слова. Нужно помнить, что в момент напечатания первой статьи в сборнике «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», в 1919 г., по вопросам теории диктатуры пролетариата у нас не было буквально ничего, кроме творений Ленина. Указанная статья давала, да и продолжает давать, чрезвычайно много к уразумению сущности и природы пролетарского государства, в некоторых пунктах развивая учение Ленина о государстве и революции. Вторая статья, начало специальной работы о культуре переходного периода, посвящена выявлению своеобразия вызревания социалистического общества в недрах капитализма по сравнению с вызреванием капиталистического общества из недр феодализма.

Особо актуальный интерес для наших дней, интерес на «идеологическом» фронте представляют две большие

статьи: о «теории» Э. Енчмена и об экскурсах знаменитого физиолога Павлова в область социальных вопросов. О пресловутой всесокрушительной, но, как и следовало ожидать, ничего не сокрушающей «теории» Енчмена писалось уже много, пожалуй, гораздо больше, чем она того заслуживает. Эта «теория», панацея от всех социальных зол, представляет необычайно притязательную, облеченную в форму полумистического, полушарлатанского «мессианства», попытку применить плохо продуманные и вовсе не переваренные достижения биологии и физиологии к общественным явлениям, к их уразумению и, конечно, к практическому действию на основе этого уразумения. Хуже всего в этой печальной комедии то, что Енчмен выдает свои откровения за «прямое и неизбежное развитие подлинного, ортодоксального марксизма». Задача Бухарина вскрыть псевдонаучность автора «теории новой биологии», разоблачить его идеалистическую и в лучшем случае эклектическую сущность, показать все убожество его абсолютно ни на чем не основанной притязательности. Эту, мы бы сказали, неблагодарную задачу Бухарин разрешает исчерпывающе и в должной мере язвительно.

В краткой рецензии заслуживает быть отмеченной и статья «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем». Написана она по поводу вступительной лекции крупнейшего физиолога Павлова, прочтенной им по возвращении из заграничной командировки. С Павловым случилось то, что не раз уже случалось с виднейшими учеными естествоиспытателями, когда они пытаются высказывать свое мнение по вопросам, относящимся к области обществоведения. Необычайная наивность, беспомощность в самых простых вопросах, рутинность и созерцание революционной действительности сквозь очки якобы вечной и единственно возможной «культуры» и «цивилизации», при ближайшем исследовании оказывающейся буржуазной культурой,—все это характеризует нашего знаменитого физиолога. Он побывал за границей и нигде «не видел» революции, «ужасы» гражданских войн его смущают, наше культурное строительство, идущее под знаком революционного марксизма, его не удовлетворяет, он боится научных «догм» и «схем» и т. д., и т. п. Здесь нет возможности следить за ходом мысли Бухарина; следует сказать только, что он покойно, вразумительно, иногда иронически, шаг за шагом разъясняет сомнения ученого естествоиспытателя, отводит его упреки, а подчас и бьет его его же оружием. Тон и самый стиль этой статьи, конечно, отличается от тона и стиля критики Енчмена. Иной объект, по справедливости, требует к себе иного отношения.

К числу не «атакующих», а обороняющихся статей принадлежат беглые заметки «К постановке проблем теории исторического материализма», вызванные критикой большой работы автора аналогичного названия. В противоположность всем прочим статьям заметки эти вопроса не исчерпывают, впрочем они, повидимому, и не ставят себе этой задачи. Автор мыслит диалектический процесс в категориях механики и считает, что достижения современной теории атомов уничтожают *противопоставление* механического и органического. Аргументируется это тем, что «*изолированный* и бескачественный атом скончался». Механика и «органика», с точки зрения диалектики, никогда метафизически не *противопоставлялись*, но это не мешало, с той же точки зрения, видеть между ними различия. И так как *единая* действительность представляет нам в *различных* областях,—скажем, в мире неорганическом, органическом и социальном,—различные связи и отношения, то и к изучению соответствующих областей этой единой действительности нужно подходить с различными, соответствующими категориями. В настоящей, также беглой, заметке приходится сказать, что по данному вопросу теоретическая дискуссия может продолжаться.

Содержание сборника не исчерпывается указанными статьями, но и их, как будто, достаточно, чтобы сказать, что бухаринская «Атака» будет читаться с большим интересом и пользой.

И. Луппол.

К. А. ПАЖИТНОВ. Развитие социалистических идей в России. Том I (От Пестеля до группы «Освобождение Труда»). Издание второе, дополненное. Изд-во «Былое». Ленинград. Стр. 320.

Писать историю социализма в России есть дело в высшей степени сложное и ответственное, ибо эта история есть продукт взаимодействия трех факторов: развития социализма и классовой борьбы в *Европе*, эволюции общественных отношений в самой России и, наконец, эволюции нашей радикально-демократической интеллигенции, которая до конца XIX в. была главной носительницей идей социализма в России. Без анализа всех трех факторов нельзя ни понять, ни сколько-нибудь удовлетворительно объяснить прихотливое подчас «развитие социалистических идей в России». С этой точки зрения лежащая перед нами книга Пажитнова историей в настоящем смысле слова названа быть не может. Она, правда, добросовестно, на основании большого литературного материала, излагает взгляды разных русских социалистов и социалистических направлений. Но она почти и не пытается дать объяснение развитию этих взглядов, найти закономерность в их эволюции.

Судя по тому, как автор излагает взгляды народников, особенно Михайловского, и взгляды Плеханова, представленные его первыми марксистскими работами, идейные симпатии его всецело на стороне марксистов. Но марксистского *метода исследования* в его работе почти не видно.

Не лишена книга К. А. Пажитнова и других недостатков. Первое издание ее должно было появиться еще в 1912 г., но было арестовано и, за исключением случайно уцелевшей сотни экземпляров, уничтожено. И вот теперь автор просто перепечатывает старое издание, лишь кой-где подновив его примечаниями и ссылками на новую литературу и добавив две новых главы—1-ю и 8-ю. Об этих главах мы еще скажем несколько слов. А пока заметим лишь, что открытие революционных архивов и целый ряд новых исследований настолько изменили многие традиционные и установившиеся взгляды на развитие социалистических идей в России, что книга, написанная в 1912 г., должна была подвергнуться для нового издания коренной переработке, а не только некоторому подновлению.

Кроме того, оговариваясь в предисловии, что он дает лишь историю идей, а не историю движений и не анализируя экономических и классовых корней этой истории, автор все же не должен был ограничиться социалистическими идеями русской интеллигенции: ему следовало бы заглянуть и в *народные* истоки нашего утопического социализма—именно, в коммунистические идеи некоторых наших сект, которые, как известно, не остались без влияния на часть нашего народничества. Зато, в числе русских социалистов, в особой, первой главе книги, анализируется подробно *декабрист Пестель*. Это новшество автора не имеет под собой никаких серьезных оснований. С таким же правом,—как это делает П. Н. Сакулин в своей книге «Русская литература и социализм»,—к числу первых русских социалистов может быть отнесен и *Радищев*. Оба они питались французской социальной литературой конца XVIII в., и то, что Пажитнов во взглядах Пестеля считает социализмом, напр., что «истинная цель государственного устройства должна непременно быть — возможно большее благоденствие многочисленнейшего числа людей в государстве» или требование неотчуждаемого земельного общественного фонда—можно найти в той или иной форме и у якобинцев, и даже у их идейных предшественников.

С другой стороны, посвящая в новом издании целую главу «разработке идеи о рабочих ассоциациях в произведениях Чернышевского» и совершенно забытым ныне книгам *А. Корсака* «О формах промышленности и о значении домашнего производства в Зап. Европе и России» и *Флеровского* «Положение рабочего класса в России»,—автор ни единым словом не упоминает о *Шелгунове*, на статьях которого («Положение рабочего класса в Англии и Франции») воспитывались многие рабочие 70-х и 80-х г.г., а также на популярной в свое время книге *Михайлова-Шелле-*

лери «Рабочие ассоциации во Франции».

Мало того, написанную Шелгуновым, как это уже давно установлено, прокламацию «К. молодому поколению» автор все еще приписывает поэту-революционеру М. И. Михайлову, а журнал «Великорусс» совершенно напрасно причисляет к социалистич. изданиям [1]).

Наконец, в книге, посвященной развитию социалистических идей в России, должны были найти место и своеобразные анархо-коммунистические взгляды Толстого, тем более, что они нашли отклик в довольно значительных слоях сектантского крестьянства.

Но все указанные нами недостатки не уменьшают и больших достоинств книги Пажитнова: обилия материала, приводимого по первоисточникам, и, в общем, правильной оценки прошлого социалистического движения. Заслугой автора является и то, что в главе об эпигонах нашего народничества и о марксизме он приводит эволюцию взглядов самих Маркса и Энгельса на социальный вопрос в России.

Вообще, при полном почти отсутствии у нас сводных работ по истории социализма в России (отчасти лишь этот пробел заполняется лекциями М. Н. Покровского «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.») книга Пажитнова, несомненно, принесет свою долю пользы.

Б. Горев.

А. ВЫШИНСКИЙ. Очерки по истории коммунизма. Курс лекций. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 288.

Книжка А. Вышинского составилась из лекций, читанных автором в Институте Народного Хозяйства им. Маркса, и представляет, повидимому, лишь первую часть задуманного им труда, так как доводит изложение лишь *до* появления марксизма и оканчивается Вейтлингом. Но и будучи изложением лишь до-марксовского социализма, при чем античному и средневековому коммунизму, а также коммунистам XVI—XVIII в.в. посвящено целых 148 страниц, книжка А. Вышинского во второй своей половине далеко не полна. В ней рассматриваются лишь взгляды Бабефа, трех «великих утопистов» и Вейтлинга, и нет ничего ни о Бланки (о котором почему-то автор обещает говорить в связи с марксизмом), ни о Кабэ, ни о Луи Блане, не говоря уже о Прудоне. Правда, книга называется «Очерки по истории *коммунизма*», и автор мог сознательно ограничивать свое изложение лишь развитием *коммунистических* идей, в отличие от идей расплывчатого социализма. Но в том-то и дело, что и этот принцип не выдержан, как не выдержан и критерий хронологический. Пропущенный Кабэ — несомненный коммунист, тогда как сен-симонисты и Фурье — определенные противники коммунизма. Далее, если Бланки, действительно, развернулся во весь рост уже в эпоху марксизма, начиная с 1848 г., то «Путешествие в Икарию» появилось *до* главной работы Вейтлинга и, конечно, имело на него влияние.

Зато, если, в смысле полноты и последовательности основного критерия, «Очерки» оставляют желать многого, то те характеристики, которые в книге имеются, представляют большую ценность, так как составлены в значительной мере по первоисточникам, цитируют местами довольно свежий материал и написаны живо, иногда даже увлекательно.

Впрочем, кой-где у нашего автора встречаются довольно странные ляпсусы. Так, чересчур, вопреки обычной марксистской традиции, идеализируя коммунизм Платона, он на стр. 51 приписывает его «другу», «знаменитому Аристофану», следующую изумительную вещь: оказывается, он «тоже ратовал за равноправие женщин в своих комедиях, показывая, как Праксагора со своими подругами, захватив в свое женское управление государство и установив здесь социалистические порядки— общность имущества, жен и детей, до-

[1]) Встречаются в книге Пажитнова и другие ошибки, вернее, описки. Так, на стр. 216 мы читаем, что П. Н. Ткачев был арестован «в связи с *каракозовским* делом», вместо «нечаевским».

стигает полного счастья». Итак, злая сатира Аристофана на народный коммунизм превращается под пером нашего автора чуть ли не в коммунистический манифест древности!

Далее, на стр. 30 мы узнаем, что Маркс и Энгельс выступили в 1873 г. против Прудона в журнале «Neue Zeit», который, как известно, был основан лишь в 80-х г.г., после смерти Маркса.

Наконец, в ряде переводов с приводимого самим автором в скобках иностранного текста он обнаруживает лишь весьма приблизительное знакомство с иностранными языками, и это вызывает невольно некоторые сомнения относительно точности перевода всей массы цитат, приводимых в книге. Так, на стр. 78 название секты беггардов производится автором *«от слова бег—нищий»*. Слово «бег» (to beg) значит по-английски *просить*, а нищий по-английски —«беггар» (beggar).

На следующей странице название секты *лоллардов* автор производит от слова «lollen» (петь, бормотать). Но в английском языке этот глагол выговаривается не с немецким окончанием «lollen», а «to loll».

На стр. 130 известная латинская поговорка—«sapienti sat» переводится автором — «разумный, однако, знает», тогда как на самом деле эта поговорка значит: «для мудреца достаточно». А на стр. 134 заглавие сочинения Мабли «Doutes proposés aux philosophes - économistes», т.-е. «сомнения, *предложенные* философам-экономистам», автор переводит—«недоумения *по поводу* философов-экономистов».

Но все это сравнительно мелочи, легко исправимые в следующих изданиях. Если бы книгу дополнить недостающими характеристиками и тщательно проверить перевод цитат, она представляла бы ценный и отнюдь не лишний вклад в нашу и без того не бедную библиотеку по истории социализма, так как дает много еще неиспользованного материала, освещенного точкой зрения современного революционного марксизма, т.-е. коммунизма.

Б. Горев.

КАБЭ ЭТЬЕН. Путешествие в Икарию. Сокращенный пер. с франц. М. П. Богословской под ред. и с пред. Б. И. Горева. «Новая Москва». М. 1924 г. 176 стр.

Утопический роман Кабэ в свое время пользовался громадным успехом не только у себя на родине, но и у нас в России. Чем это объяснить? Думается, тем обстоятельством, что по самому своему построению он исходил из знакомых французам 40-х г.г. общественных форм и показывал, казалось, с достаточной убедительностью возможность легкого и безболезненного введения коммунистического строя. Не даром у одного из героев—француза Евгения—при рассказе о том, как в Икарии произошла великая коммунистическая революция, и какую роль, совершенно исключительную, в ней играл Икар—вырывается совершенно естественный при такой постановке вопроса возглас: «О, почему Франции после июльской революции судьба не послала Икара!» (стр. 59). Особенно могло привлекать то обстоятельство, что кровавая революция продолжалась всего несколько дней, а затем наступил мирный переходный период, в котором благодетельный Икар все решительно предвидел и все предусмотрел. Затем самые новые формы по существу своему ничем не отличаются от старых — по-прежнему ячейкой общественной является добродетельная патриархальная семья, по-прежнему французы (ведь о них, естественно, и идет речь) полны такой галантности по отношению прекрасных дам и девиц: «О них (женщинах) все их помыслы, все их заботы: в них видят они свое счастье. Как стараются они заслужить их расположение, сделать их счастливыми... Как они украшают их, чтобы еще с бóльшим увлечением поклоняться им» (стр. 69). И это преклонение продолжается и после смерти—в Икарии обязательно вскрытие трупов, но «женское тело не оскорбляет взгляд мужчин»—они вскрываются женщинами-врачами (стр. 104).

Кабэ придает громадное значение машинному производству, и в этом, как отмечает в предисловии т. Горев, его отличие от многих его современников, но

отсталость Франции сказывается в том, что реально в Икарии мы не слышим их шума и не видим машинных рабочих—по существу описаны исключительно ремесленные работы. Но, разумеется, заслугой Кабэ всегда останется то, что он в привычных людям его времени формах показал реальность коммунистического строительства, при чем во многих местах предвидел и нашу практику. Чтобы не загромождать, приведу всего два примера. Икарийцы «стоят за свободу печати в насильственной монархии, но не в республике Икарии» (108), почему имеется только одна Национальная газета и по одной в каждой области и в каждой коммуне. Икарийцы стремятся к единству. И, наконец, для воспитания масс икарийцы устраивают публичные суды над мертвыми, как героями свободы, так и ее злейшими врагами. Вспомним то значение, которое мы придаем инсценированным судам в нашей клубной практике.

Книга издана хорошо и найдет необходимое место в литературе при изучении истории социализма.

Ст. Кривцов.

ИМПЕРИАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА.

1. В. ЯКОВЛЕВА. Империалистическая война и большевики. *М. Брагинского.* — 2. Ген. Н. ГОЛОВИН и адм. А. БУБНОВ. Тихоокеанская проблема в XX столетии. *В. Виленского* (*Сибирякова*). — 3. ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ. Европейский хаос. *В. Кряжина.* — 4. Юз. КРАСНЫЙ. Польский фашизм. *Ф. Кона.*—5. EDWARD MEAD. Turkey, the great Powers, and the Bagdad Railway. *П. Китайгородского.*

В. ЯКОВЛЕВА. Империалистическая война и большевики. Очерки и материалы. «Основа». Иван.-Вознесенск 1924. Стр. 104.

Тов. *Яковлева* поставила себе специальную, но в высокой степени важную задачу—ознакомить молодых членов партии с теми характерными литературными выступлениями вождей большевизма и теми историческими документами, на основании которых они могли бы составить себе более или менее полное представление об отношении большевиков к империалистической войне. Книга т. Яковлевой и является сборником этих документов. Желая сделать свою книгу по возможности более доступной по цене широкому кругу читателей, т. Яковлева в интересах экономии вынуждена была, как она сама признает это, «скупо отбирать материал». Однако ей все же удалось включить в свой сборник ряд весьма важных материалов в виде отрывков и целых статей, принадлежащих перу т. Ленина, а также ряд документов, имевших крупное историческое значение для характеристики эпохи войны и для выяснения занятой большевиками позиции по отношению к империалистической войне.

Мы не думаем, однако, чтобы при всей важности материалов, содержащихся в сборнике, последний мог удовлетворить той потребности, для которой он предназначен составительницей. Ибо, поскольку сборник рассчитан на «молодых членов партии», документы, предлагаемые их вниманию вне связи с той сложной внутренне-политической и международной обстановкой, среди которой эти документы составлялись и отражением которой они в значительной мере являются, едва ли могут быть сознательно усвоены и надлежащим образом оценены читателями, мало знакомыми с общей историей партии. Дополнительные примечания, данные автором к отдельным главам сборника, носящие главным образом библиографический характер, делу не помогут. Впрочем, это обстоятельство имела в виду и сама т. Яковлева. Как мы узнаем из заявления «От издательства», составительница рецензируемого нами сборника готовит детальный исторический очерк

эпохи империалистической войны. Поэтому остается только пожелать скорейшего появления этой части работы, в соединении с которой документы, помещенные в сборнике т. Яковлевой, станут и в руках молодых членов партии ценным материалом при изучении эпохи, к которой они относятся.

М. Брагинский.

Ген. Н. ГОЛОВИН и адм. А. БУБНОВ. Тихоокеанская проблема в XX столетии. Изд. «Пламя». Прага 1924 г. 292 стр. С несколькими схемами.

Эта книжка года два тому назад впервые появилась на английском языке и теперь издана в Праге на русском языке как переводная работа. Центральной мыслью Н. Головина является проблема перенаселения Японских островов. Это—стержень, вокруг которого, по мнению автора, строится вся тихоокеанская проблема XX столетия.

По мнению Головина, путь дальнейшей японской экспансии лежит на юг, на тихоокеанские острова; ибо север, в частности русский Дальний Восток, непригоден для японской колонизации по климатическим условиям, а Корея слишком перенаселена, чтобы Япония могла туда перебросить избытки своего населения. Что касается Китая, то он может интересовать Японию с точки зрения китайского железа и как рынок. Но Китай—это песня будущего Японии. За Китай Япония борется.

Поскольку же Япония готовит себе стратегические базы для борьбы за Китай, а равно, поскольку она стремится к расселению на тихоокеанских островах излишков своего населения, постольку она встречает могучего соперника в лице Соединенных Штатов. Анализируя возможность японо-американского столкновения, Головин говорит: «Соединенные Штаты могут в XX веке избегнуть войны с Японией—если они очистят Филиппины и откажутся от своих интересов в Восточной Азии».

Возможно это? Он отвечает—нет.

По мнению Головина, Америка должна будет вступить в бой с Японией. Политика ограничения морских вооружений не дает решения вопроса по существу. Она только отсрочивает японо-американское столкновение. Япония, в силу слабости своей техники и особенно недостатка собственного железа и стали, не в состоянии состязаться с Америкой в вооружениях мирного времени. Единственное средство в руках Японии, это—«предупредительная война» во имя обеспечения господства Японии над всем Китаем и стремления обеспечить путь для японского расселения в южном направлении.

Анализируя стратегическую обстановку будущей японо-американской войны, Головин приходит к выводу, что Япония должна готовиться к очень продолжительной войне.

Прекрасный анализ вероятного столкновения Америки с Японией в Тихом океане дает адм. Бубнов, который в четырех главах (VII, VIII, IX и X) рассматривает морские вооруженные силы Америки и Японии, а равно стратегическую обстановку морской войны в Тихом океане.

Борьба в Тихом океане это—стратегия больших расстояний, которые ставят серьезные препятствия Америке и облегчают задачу защиты Японских островов японскому флоту. В общем, выводы автора более благоприятны для Японии, чем для Америки. Нам думается, что автор, оперируя современными данными в своем анализе будущей японо-американской морской войны, не учитывает некоторых поправок на гигантский рост американской техники, которые способны опрокинуть все схемы и расчеты сегодняшнего дня.

Очень верно Головин охарактеризовал Вашингтонскую конференцию, назвав ее политическим фейерверком, который был зажжен для успокоения общественного мнения. Но сгорели огненные солнца, погасли ракеты и бенгальские огни—и ночь тихоокеанской проблемы по-прежнему оказалась темной. Это верно.

Зато Головин беспомощен в определении роли России в тихоокеанской проблеме. Он говорит: для стратегического равновесия в Тихом океане нужна основная предпосылка—возрождение России.

Вряд ли это может быть ответом на вопрос. Если бы даже СССР обладал сейчас тем флотом в Тихом океане, каким он владел до русско-японской войны, если бы он располагал тем количеством войск, которые держала на Дальнем Востоке царская Россия, то и это, конечно, далеко не решало существа тихоокеанской проблемы.

Тихоокеанская проблема должна найти свое решение не в том или ином вооруженном конфликте, а в организованном выступлении трудящихся Восточной Азии, с одной стороны, и трудящихся Америки,—с другой, на борьбу с капитализмом. Но, конечно, этого ни ген. Головин, ни его коллега адм. Бубнов не могли и не могут сказать. Это слабая сторона книги, которая написана очень интересно.

В. Виленский (Сибиряков).

ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ. Европейский хаос. Изд. «Петроград» 1924 г. Стр. 152. Ц. 80 коп.

Книжка бывш. английского премьера представляет сборник статей и речей, написанных и произнесенных в течение 1923 года. Сколько-нибудь крупного историко-политического значения книга не имеет. Все без исключения материалы, вошедшие в нее, отмечены печатью злободневности, неизбежной для политической речи или газетной передовицы, благодаря чему сейчас они в значительной степени устарели. В особенности это относится к статьям, посвященным германо-французской проблеме, а таковые составляют $^{9}/_{10}$ всей книги.

Основная тенденция всех писаний и речей Ллойд-Джорджа чрезвычайно проста. По его утверждению, в 1922 г. к Европе начали возвращаться «мир и здоровье»; произошло это благодаря созыву международных конференций (кстати, непочтительно называемых консерваторами «увеселительными поездками»), на которых враждебные державы «преломили хлеб и пили вино за одной и той же праздничной трапезой». Но вот наступает 1923 г., и эта идиллия сразу рушится и исчезает. Европа снова находится в «хаосе», Версальский мир снова становится «сумасшедшим миром», вновь играет «тарантелла в крови у народов». Отчего же все это произошло? Конечно, сильно «подгадили» здесь французы, положили грех на душу и итальянцы, но основная причина не в этом. Главная беда, которая стряслась над Европой, заключалась в том, что принужден был уйти в отставку официальный всеевропейский миротворец, бескорыстный маклер и одновременно «взаимный» друг Франции и Германии—Давид Ллойд-Джордж.

Читатель Советской России, впрочем, прекрасно знает, что именно Ллойд-Джордж являлся одним из главных авторов Версальского и всех других мирных договоров; именно он науськивал греков на турок и белогвардейцев на Россию; он же явился одним из создателей репарационной комиссии, «работа» которой логически привела к оккупации Рура и последовавшему действительно европейскому хаосу. При таких условиях лицемерные вопли экс-премьера об империализме Пуанкаре, о продажности Муссолини, «оценившего свое согласие (на оккупацию Рура) в тоннах угля», и т. п., производят буквально омерзительное впечатление. Чего стоит, напр., заключительная фраза предисловия: «мир может быть восстановлен лишь при полном соблюдении требований как формальной справедливости, так и человечности. Я хотел бы, чтобы эти страницы послужили на пользу и той и другой».

Единственная ценность книжки Ллойд-Джорджа заключается в констатировании им европейского развала и угрозы новой войны, которую он хочет предупредить вмешательством христианских церквей (?!).

Книжка снабжена весьма недоброкачественным предисловием к русскому изданию, принадлежащим Жданову. Вместо характеристики политической карьеры Ллойд-Джорджа и выявления его политической физиономии, автор предисловия разражается трескучими риторическими фразами «о языках подземного (?) огня», которые должны испепелить Европу, о хитрости Ллойд-Джорджа и т. п. В чрезвычайно неловкое положение попадает Жданов, когда он пытается изобличить экс-премьера в наивности и близорукости

его объяснений причин европейского кризиса, при чем доказывается это каким-то малопонятным сопоставлением (почти на двух страницах) Ллойд-Джорджа с воображаемым «рабфаковцем». Автор предисловия может успокоиться за лидера английских империалистов: он — далеко не наивен и великолепно разбирается в происходящих политических событиях. Его наигранное простодушие и наивность—это лишь маска, при помощи которой он старается прикрыть все свои старые политические грехи и, с другой стороны, сыграть на психологии своих будущих избирателей из среды буржуазии и мещанства, которые политически действительно чудовищно безграмотны и именно поэтому идут на поводу у таких ловкачей как Ллойд-Джордж и прочие вожди,—одинаково либералов и консерваторов.

В. Кряжин.

ЮЗ. КРАСНЫЙ. Польский фашизм. Изд. «Красная Новь». Москва. Главполитпросвет. 1924 г.

Небольшая—всего 52 страницы—брошюра т. Красного о польском фашизме подробно и точно знакомит читателя с условиями возрождения польского государства в результате трех революций—в России, Германии и Австро-Венгрии, совершенно правильно подчеркивая, что

«в конечном счете не планы и замыслы Франции и Антанты решали о границах и международной роли Речи Посполитой, а ход социальной революции в России, ее борьба с интернациональным капиталом, ее тактические отступления».

Но в момент восстановления Польши «красный призрак реял над Европой», и напуганная этим призраком польская шляхта и буржуазия вошла в сделку с мелко-буржуазными партиями, возглавляемыми Дашинским (П. П. С.), Тугутом (крестьянская партия «Вызволение») и Пилсудским (вождем легионеров, б. пепеэсовцем). Оставаясь на вид в стороне, шляхта и буржуазия, использовывая распыленность пролетариата, главное ядро которого было разбросано по всему белому свету, и несознательность крестьянских масс, расправлялась с своим классовым врагом через посредство этих мелко-буржуазных элементов.

Уже тогда все элементы фашизма были на-лицо. Если не ошибаемся, т. Сталин в одном из своих докладов указал на то, что фашизм нельзя рассматривать исключительно как боевую организацию буржуазии,—это боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии.

Муссолини не мыслим без Турати, польский фашизм не мыслим без активной поддержки Дашинских, Пилсудских и их почтенных коллег, служащих ныне верой и правдой в дефензиве (охранке). События последнего времени: избиение в сейме депутата т. Круликовского, убийство т. Бялого, подвиги пепеэсовских боевиков, черносотенные призывы П. П. С. к избиениям коммунистов, являются весьма красочным доказательством правильности взгляда т. Сталина.

Среди польских фашистов можно отметить самые разнообразные оттенки и разветвления; они могут, как это и происходит в Польше, вести борьбу и друг с другом, но как только вопрос касается рабочего класса и его борьбы, все оттенки сливаются воедино и выступают единым фронтом. Тов. Красный приводит целый ряд фактов, свидетельствующих о таком объединении всех контр-революционных элементов от национал-демократов до пепеэсовцев включительно: «Помощь П. П. С., оказанная буржуазно-правительственной реакции, дала властям возможность разбить силы коммунистов во время последних выборов (декабрь 1922 г.), при чем наши товарищи потеряли в течение избирательной кампании до 700 человек арестованными. Скрытые фашистские методы сопровождались явными выступлениями: во время избирательной кампании действовали боевки и буржуазных партий, и П. П. С., которые в помощь войску и полиции разгоняли митинги, громили помещения, бюро и т. д. революционных рабочих, а также воевали между собою».

В этих случаях автор, включая и П. П. С. в число фашистских организа-

ций, подходит совершенно правильно к вопросу. Но трудно согласиться с автором, когда он начало польского фашизма относит к 1906—1907 г.г. Правда, национал-демократы уже тогда ставили вопрос прямо: «Здесь или те, или другие должны победить. В Лодзи идет борьба национального инстинкта с революционной анархией, и эта борьба, отсрочиваемая до сих пор, должна быть доведена до конца», но тогда буржуазия вынуждена была создавать специально свою «рабочую» организацию для борьбы с революционным пролетариатом, в то время как фашизм, как бы социал-демократия ни открещивалась на словах от этого, опирается на сознательную активную поддержку с ее стороны. В этом существенная разница между тогдашним, по своему характеру скорее черносотенным, движением национал-демократов и фашизмом. Отмечая этот анахронизм в труде т. Красного, мы отнюдь не думаем умалить значение его исследования. Дело не в том или другом термине. А его этюд, четко и ясно обрисовывающий все разветвления польской контр-революции, дает яркую картину того лагеря, с которым приходится бороться пролетариату Польши на жизнь и на смерть. Помещики, капиталисты, военные, духовенство, учащаяся молодежь, женщины—все мобилизовано.

Автор приводит целый перечень фашистских организаций, детально обрисовывая каждую из них. В этом перечне мы находим 8 руководящих организаций, 26 военных и полувоенных и 19 пропагандистских, «культурных» и женских. Некоторые из этих организаций, как, напр. ,«польская организация обороны края», в своем регламенте подчеркивают, что «в случае необходимости деятельность организации может быть переброшена *даже за пределы границ Польской Речи Посполитой*» и далее в число задач намечает «организацию разведки»... В этом отношении польские фашисты уже явно выступают в качестве жандармов западно-европейских империалистов...

Мы ограничиваемся этими несколькими замечаниями и указаниями. Всестороннее исследование польского фашизма, сделанное т. Красным, должно быть прочитано каждым, интересующимся борьбой польского пролетариата и тем, как организуется контр-революция в Польше, готовясь к борьбе не только с польским рабочим классом, но и с очагом пролетарской революции — Союзом Советских Социалистических Республик. Книжка т. Красного дает полную картину этих подготовительных шагов польских панов и их пепеэсовских прислужников.

Феликс Кон.

«Turkey, the Great Powers, and the Bagdad Railway». Edward Mead Earle. New-York 1923. The Macmillian company 364 стр.

Турция, великие державы и Багдадская железная дорога. ЭДУАРД МИД ИАРЛ. Нью-Йорк 1923 г. 364 стр.

Книга принадлежит перу профессора истории Колумбийского университета. Цель книги—выяснить основные противоречия англо-американского империализма в Месопотамии и Турции. Новая Турция рассматривается автором, как рынок для американских железнодорожных материалов и вмещения американского капитала.

В июне 1923 г., когда еще происходила Лозаннская конференция, американский адмирал Честер получил концессию у турецкого правительства на проведение железной дороги в Турции на расстоянии 5.000 верст и на эксплоатацию нефтяных источников в районе 20-верстной полосы по обеим сторонам железнодорожного полотна.

Эта концессия ударила, как говорится, не в бровь, а в глаз английским империалистам: Америка собралась захватить богатейший Моссульский нефтяной район, который так бдительно охраняется англичанами. Впоследствии концессия Честера расстроилась. Но в случае удачи эта американская концессия послужила бы зародышем военного конфликта между Соединенными Штатами и Англией.

Как Германия в 1888 г. при заключении концессии на постройку знаменитой Багдадской жел. дороги заложила этим самым фугас войны 1914 г., так концессия Честера послужила бы после империалистической войны подобным же фугасом, с той только разницей, что место

Германии заняли бы Северо-Американские Соединенные Штаты в том самом месте, где скрещиваются интересы европейских держав, главным образом, Англии и Франции.

Путем захвата господствующих высот в Анатолии, Америка больно ущемила бы Англию. Для последней дорога в Индию является своего рода Ахиллесовой пятой. Англия ревниво оберегает эту дорогу от влияния чужого империализма.

Автор подробно анализирует историю Багдадской жел. дороги со всем переплетом дипломатических, политических и финансовых взаимоотношений, скрещивающихся в Малой Азии. Каждая глава снабжена богатейшим библиографическим указателем литературы по трактуемому вопросу и цитатами из различных источников.

Книга распадается на две части. В первой части автор говорит о довоенной борьбе между европейскими империалистскими державами из-за Багдадской жел дороги.

Попутно автор останавливается на финансово - экономическом положении Оттоманской империи, выясняет роль финансового капитала Англии, Франции и Германии в этой полуколониальной стране, удельный вес и степень заинтересованности каждого из этих государств.

Во второй части рассматриваемой книги, носящей заглавие «Новая борьба за Багдадскую жел. дорогу», автор уделяет больше всего внимания американскому капиталу, систематически проникающему в Турцию. Так, мы узнаем, что в период от 1913 г. по 1920 г. американский экспорт в Турцию колоссально вырос по сравнению с довоенным временем. В то время как *за весь XIX век* экспорт С. Штатов в Турцию равнялся 50.000 долларов, этот же самый ввоз достиг за период от 1913 г. по 1920 г. 42.200.000 долларов! Место Германии в Турции заняла всемогущая Америка.

Когда автор закончил эту книгу (в июне 1923 г.), еще не была известна судьба концессии Честера. Впоследствии, однако, выяснилось, что американские банкиры, стоявшие за спиною концессионера Честера, сробели, не рискуя ввязаться в эту комбинацию, грозившую обострением дипломатических отношений между Англией и Америкой. Правительство Ангоры отказалось предоставить Честеру возможность приступить к реализации концессии, когда убедилось, что банкиры Нью-Йорка неохотно покупают честерские акции. Таким образом собравшаяся было туча на англо-американском небосклоне на сей раз пронеслась. На долго ли?

П. Китайгородский.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. ДЖ. ХОРРАБИН. Очерк историко-экономической географии мира. *Д. Кашинцева.* — **2. В. СВЯТЛОВСКИЙ. Происхождение денег и денежных знаков.** *С. Членова.* — **3. С. СОЛНЦЕВ. Рабочие бюджеты в связи с теорией обеднения.** *А. Кона.* — **4. НАРОДНОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР В СЕРЕДИНЕ 1922 г. и 1923 г.** *А. Хавина.* — **5. А. ШЕСТАКОВ. Наемный труд в сельском хозяйстве России.** *Ю. Спасского.* — **6. ОЧЕРКИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ.** *Ю. Вильдо.* — **7. А. ФАБРИКАНТ. Основы агрономической помощи населению.** *А. Бессера.* — **8. БЮЛЛЕТЕНЬ КООПЕРАТИВНОЙ СЕКЦИИ КОМИНТЕРНА.** *Н. Мещерякова.*

ДЖ. ХОРРАБИН. Очерк историко-экономической географии мира. Перев. с англ. А. И. Ромма, под ред. Н. Н. Попова. «Красная Новь». М. 1924. 152 стр.

Меньше чем на 150 страницах английский автор сумел дать весьма содержательный и в то же время замечательно популярный марксистский очерк всемирной географии, половину книжки посвятив современному политико - географическому обзору главнейших государственных групп.

Вот его содержание: Географические факторы в истории. Мировая история — рост экономической взаимозависимости:

речные долины, внутренние моря, океан; сухопутный транспорт. Современный мир; пять великих групп: Америка, Британская империя, Дальний Восток, Советская Россия, Французская группа.

Главный предмет книжки, как говорит предисловие, «не «чистая» география, а география, изучаемая в связи с экономикой и историей — областями, имеющими для пролетариата огромное жизненное значение... География рассматривается в ней, как подсобная дисциплина при изучении истории давнишнего и современного человечества».

Текст чрезвычайно удачно сопровождается обильным количеством схематических карт (44!), иллюстрирующих сообщаемые факты и четко ориентирующих современного, географически малоподготовленного читателя в конкретной мировой обстановке.

Глава, посвященная СССР, не заключает наивностей и неверностей, часто встречаемых и в менее популярных книгах иностранных авторов, кроме немногих полу-описок (турки разрушили связь с Византией—вместо татар; от сибирской ж.-д. магистрали «на север веток нет»—есть на Томск; по добыче нефти СССР уступает только Соединенным Штатам—с 1918 года и Мексике). Но страдает односторонностью подчеркнутое суждение автора, что «ключ ко всем естественным богатствам СССР—транспорт». Слишком сложна современная конъюнктура Союза, слишком остро стоят вопросы финансового и производственного порядка, чтобы находить «ключ» только в расширении жел.-дор. сети. Это — для Союза в целом, а отдельные его районы, как почти вся Сибирь и европейский Север, осложнены еще проблемами колонизации и окультуривания населения.

В главах об Америке, Британской империи, Дальнем Востоке и французской группе государств ясно показана зависимость хозяйственной структуры от физико-географических предпосылок; но автор постоянно и доказательно настаивает на *относительности* влияния природных факторов, которые всегда корректируются развитием техники и потому в разные периоды истории имеют для человеческого общества разное значение. Уделяя главное внимание современности и анализируя взаимоотношения империалистических групп (Америки, Брит. имп. и Франции с вассалами), Хоррабин приходит к выводу о неизбежности новых войн и противоставляет этой опасности международную организацию революционного пролетариата.

Книжка в оригинале издана английской лигой «Плебс», намечающей и ряд новых популярных брошюр, полезных и нужных для нас. Перевод, печать и внешность русского издания вполне гармонируют с содержанием.

Д. Кашинцев.

В. В. СВЯТЛОВСКИЙ. Происхождение денег и денежных знаков. Государственное Издательство. Москва—Петроград 1923 г. Стр. 132.

Проф. Святловский под гордым названием «Происхождение денег» преподносит читателям выписки из каталогов по нумизматике. Чтобы придать всему этому вид научности, поминается всуе имя Карла Маркса, а также дается краткий обзор литературы вопроса, из коего читатели могут почерпнуть следующие, напр., поучительные сведения:

«Почти одновременно этому вопросу посвятил специальный сводный труд франц. Илвоф, который пытался связать этнографические данные с экономическим обоснованием. Это направление (?) завершают Оскар Ленц и Генрих Шурц, дающие схемы общих обзоров эволюции».

Или, может быть, читателям покажется более вразумительным следующее историческое обобщение:

«Первыми деньгами были всевозможные предметы движимой собственности (res mancipi), т.-е. все отчуждаемые элементы первобытного хозяйства: рабы, скот, орудия и оружие; иногда, впрочем, не все, а та их часть, которая (как, напр., римский peculium) допускалась в личную собственность.

Вторая группа предметов, ставшая вскоре предметами обмена,—предметы внешней торговли, — соль, металлы, ткани, украшения».

Весь этот набор слов завершается победоносным замечанием: «так выясняется история происхождения денег».

Итак, res mancipi—это «отчуждаемые элементы *первобытного* хозяйства», которые все были одновременно деньгами.

Рекомендуем уважаемому профессору взять любой учебник по истории римского права. Из него он узнает, что эпоха, знавшая институты манципации, а тем более пекулиума, никак не может быть названа эпохой первобытного хозяйства, не говоря уже о том, что самый обряд манципации всегда сопровождался отвешиванием металла в качестве эквивалента, т.-е. относится к эпохе металлических денег.

Но еще лучше следующее замечание: оказывается, что иногда не все «предметы движимой собственности» были деньгами, а та их часть, которая «допускалась в личную собственность» (в скобках автор добавляет—«напр., римский peculium»). Если эта тирада должна иметь какой-нибудь смысл, то только такой, что внутри широкого круга предметов, являющихся «предметами движимой собственности», имеется более узкий круг вещей, которые были объектами не собственности, вообще, а *личной* собственности, и «иногда» только эти последние вещи и были деньгами. А чтобы пояснить, когда и как это было, проф. Святловский говорит о «римском peculium'е». Но пекулиум,—это вовсе не какие-нибудь определенные вещи, а имущественный комплекс, состоящий из таких же вещей, как имущество familia, из которого он юридически выделяется.

Поэтому сказать, что могло быть такое положение вещей, при котором быки, остававшиеся в непосредственном распоряжении главы семьи (pater familias), не были деньгами, а быки, выделенные в состав хозяйства, порученного рабу на правах peculium'а, были деньгами,—значит сказать вещь, имеющую весьма мало смысла.

Если автор хотел сказать, что вещи, выделяющиеся из рядовой собственности в личную, в первую голову становятся товарами и играют роль денег, то это бесспорно. Но то, что написал проф. Святловский, — непозволительная путаница. А что значит: «предметы внешней торговли», «ставшие *вскоре* предметами обмена», — это секрет изобретателя.

Точно так же весьма непонятно, почему эти «предметы внешней торговли» противопоставляются в качестве «второй группы» «всевозможным предметам движимой собственности».

Мы остановились так долго на одной цитате из труда проф. Святловского, ибо там, где он пытается дать, кроме каталога, какое-нибудь научное объяснение явлений, оно, примерно, всегда в таком роде.

Неугодно ли понять такое даже не объяснение, а просто определение: «монеты бывают полноценные (вес чистого металла равен ценности, указанной на монете) и разменные, или билонные (вес чистого металла ниже показания дензнака)».

Автор, видимо, не понимает, что ценность может быть больше или меньше другой ценности, и вес больше или меньше другого веса, но вес не может быть ни больше, ни меньше ценности.

Возьмем, напр., серебряный рубль, на котором написано, что в нем 4 зол. 21 доля чистого серебра.

Будет ли он разменной монетой по определению проф. Святловского?—Видимо, нет,—ибо вес чистого металла не ниже показанного на дензнаке. Кстати сказать, с тех пор, как прекратилась порча монет, действительный вес металла, содержащегося в монете, и не может быть ниже показанного на ней. Ибо такое несоответствие (за пределами ремедиума), оставляя в стороне стирание монеты, может быть только результатом мошенничества.

Итак, серебряный рубль не-билонная монета. Значит, полноценная? «Вес чистого металла равен ценности, указанной на монете», так определяет проф. Святловский полноценную монету.

Вес серебра в рубле равен весу, показанному на монете (4 зол. 21 доля). Но «ценности, указанной на монете», вес металла не может быть равен, как гвоздь не может быть равен панихиде.

А что в серебряном рубле нет металла на 1 рубль золотом,—это тоже факт, но определения надо давать грамотные и их даже не надо придумывать, а можно

взять у Маркса, у которого путаница, в которую впадает проф. Святловский, давно распутана.

С. Членов.

С. СОЛНЦЕВ. Рабочие бюджеты в связи с теорией обеднения. Гос. Изд. Москва. Стр. 96.

Основное достоинство книги проф. Солнцева четко формулировано М. Н. Смит в ее предисловии ко второму изданию «Рабочих бюджетов»: «Для него статистика не только «цифровое описание», не только орудие самодовлеющего наблюдения, но и орудие анализа классовой борьбы».

Действительно—проф. Солнцев, принимаясь за статистическую работу, не перестает однако быть экономистом-теоретиком.

Непосредственной темой работы является теория обеднения, изучение же рабочих бюджетов представляет для автора лишь орудие теоретического анализа, лишь путь исследования основной проблемы, стоящей перед ним.

Автор поставил перед собою цель, путем анализа бюджетов берлинских рабочих, доказать, что, несмотря на абсолютный рост номинальной и даже реальной заработной платы, положение рабочего класса не только не улучшается по мере роста капитализма, но имеет тенденцию к ухудшению.

Если это положение было уже совершенно ясно для Маркса, то его последователями, по мнению Солнцева, в теорию обеднения было внесено не мало путаницы.

Известно, что реформисты, во главе с Бернштейном, понимая Марксову теорию обеднения, как учение об абсолютном обеднении рабочего класса, оспаривали ее, основываясь в своих утверждениях на росте реальной заработной платы.

Каутский в споре с ревизионистами отстаивал правильность Марксова учения, указывая на сокращение доли рабочего класса в национальном доходе. Однако, несмотря на правильность выводов Каутского, они, по мнению Солнцева, оставляли некоторую неясность: «казалось бы, что́ рабочему до того, в какой степени богатеет капиталист; казалось бы, пусть себе он богатеет на здоровье, лишь бы хорошо жилось рабочему». Эта неясность давала возможность считать *зависть* основной причиной экономического недовольства пролетариата. Для устранения этой «неясности» проф. Солнцев считает необходимым обратить внимание на то, что средний уровень общественных потребностей («социальный уровень») возрастает гораздо быстрее, чем заработная плата. Таким образом, по мнению Солнцева, из году в год все бо́льшая часть потребностей рабочего класса остается неудовлетворенной. Такова схема автора.

Нужно ли указывать на ошибку, допущенную им? Профессор Солнцев почему-то полагает, что потребности рабочего класса возрастают одновременно с ростом потребностей всего общества. Он забывает, что рост общественных потребностей является не первичным фактором общественной жизни, а производной от роста производительных сил и системы распределения. Потребности рабочего класса могли бы возрастать с такою же скоростью, как потребности класса капиталистов, лишь в том случае, если бы и рабочий, и капиталист получали одинаковый доход. На деле же этого, конечно, нет. Постоянное сокращение доли рабочего класса в национальном доходе вызывает не только сокращение *степени удовлетворения* потребностей рабочего класса, но и *замедление роста самих его потребностей*. Возрастающее несоответствие заработной платы среднему социальному уровню потребностей свидетельствует, таким образом, не о том, насколько не удовлетворены потребности рабочего, но о том, насколько отстает рост потребностей рабочего класса от роста потребностей среднего члена общества. Для того же, чтобы определить, удовлетворены или не удовлетворены потребности пролетариата, нужно сравнивать заработную плату не со средним социальным уровнем потребностей, а со стоимостью рабочей силы, со стоимостью удовлетворения потребностей, необходимых для производства рабочей силы нормальной для данного общества

квалификации и сложности. Необходимый уровень потребностей, конечно, отличается от физиологического минимума, однако не меньше он отличается и от «социального уровня», определяемого неизвестно какими факторами.

Таким образом, несмотря на кажущуюся ортодоксальность выводов автора, в основе их лежит крупная методологическая ошибка.

Переходя к исследованию рабочих бюджетов, автор стремится доказать, что размеры заработной платы недостаточны для удовлетворения потребностей рабочего.

Метод доказательства чрезвычайно любопытен. Автор постулирует два закона, которые, повидимому, по его мнению, не могут оспариваться:

1. «Если та или иная статья расходов в общей бюджетной скале, с ростом бюджетного фонда, сокращается относительно, абсолютно же растет, то это значит, что данная потребность - расход находится под давлением других нарастающих и развивающихся потребностей, что она еще не удовлетворена и сама находится в процессе развития, и что интенсивность этой потребности - расхода значительно ниже интенсивности давящих на нее других потребностей, которым она должна уступать свое место в бюджетной скале».

2. «Относительный и абсолютный рост той или иной статьи расходов с ростом бюджетного фонда означает, что потребность, соответствующая данной статье расхода, находится все время в процессе развития и далека еще от какого-нибудь достаточного удовлетворения, что нужда в предметах удовлетворения данной потребности еще очень велика и растет из года в год».

Прилагая эти два положения к цифрам, характеризующим изменение структуры рабочих бюджетов по мере роста бюджетного фонда, проф. Солнцев констатирует, что расходы на потребности физического характера, сокращаясь относительно, растут, однако, абсолютно, и приходит (на основании первого закона) к выводу, что нужда рабочего класса в предметах физического потребления не удовлетворена, что удовлетворение этих потребностей ограничивается нарастанием потребностей высшего порядка.

Далее автор устанавливает, что расходы на удовлетворение потребностей не физического порядка растут и абсолютно и относительно, что свидетельствует (согласно второму закону) о том, что они далеки от удовлетворения.

Вывод—заработная плата современного рабочего оказывается недостаточной для удовлетворения потребностей рабочего.

Для того, чтобы проверить метод автора, мы попробовали приложить установленные им законы к бюджетам «богатых классов». И что же оказалось? Расходы капиталистов на удовлетворение физических потребностей (пища, отопление, освещение, одежда) тоже возрастают абсолютно, при относительном сокращении. Расходы же не физического характера тоже обнаруживают тенденцию и к абсолютному, и к относительному росту. Следуя методу проф. Солнцева, мы пришли к заключению, что прибыли капиталистов не хватает для удовлетворения их потребностей.

Это забавное qui pro quo показало нам всю ценность его работы.

Поэтому мы, при всем желании, не можем согласиться с утверждением М. Н. Смит, что проф. Солнцев «проникает чрезвычайно глубоко в сущность классовых отношений в капиталистическом обществе».

Александр Кон.

НАРОДНОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВА СССР В СЕРЕДИНЕ 1922—23 г.г. Издание НКФ СССР. Москва 1923 г. 783 стр.

В предисловии редакция сборника указывает, что последний «представляет собой материалы к государственному бюджету на 1922 — 23 г. и является первой после 1916 г. попыткой представить состояние народного и государственного хозяйства СССР под углом зрения задач государственного строительства».

Книга составлена при участии наших виднейших экономистов. Общее редактирование сборника выполнено

И. И Деревенко, проф. Шмелевым и А. Б. Штерном.

Из числа редакторов отделов и лиц, участвовавших в составлении книги, упомянем проф. Л. Н. Литошенко, В. Г. Громана, проф. Н. Н. Любимова, проф. С. А. Фалькнера, проф. Гензеля, проф. Первушина, проф. Н. П. Огановского, проф. А. А. Соколова и проф. Л. Юровского.

Таким образом редакции удалось объединить лучшие силы нашей экономической науки. Сборник охватывает все стороны нашего народного хозяйства: отдельные главы посвящены территории, населению и народному доходу, сельскому хозяйству, промышленности, транспорту, страхованию, денежному обращению, кредиту и, наконец, финансовому хозяйству.

Все главы разработаны детально и содержат все необходимые цифровые данные.

Каждый из отделов содержит данные, характеризующие положение данной отрасли народного хозяйства, при чем, что особенно ценно, по большинству отделов даются сравнительные данные с довоенными годами (1912 — 1913 г.г.). Таким образом читатель имеет возможность сделать выводы о темпе оздоровления русского народного хозяйства.

Особенного внимания заслуживает, хотя и сжато написанная, но содержащая ценнейшие материалы глава о движении цен, тем более, что эти материалы охватывают и бо́льшую часть 1923 г. (по сентябрь включительно).

С большим интересом читаются главы книги, посвященные денежному обращению и кредитным учреждениям, принадлежащие перу проф. Фалькнера и проф. Юровского.

Основной дефект всей работы в том, что она еще до выхода в свет устарела: подавляющее большинство статистических данных охватывает период времени до 1922 г., лишь по некоторым главам приводятся данные за февраль—март 1923 г. (за исключением главы о движении цен, в которой приводятся данные по сентябрь 1923 г.), сборник же вышел из печати в мае 1924 г.

И, конечно, в настоящее время ни одна из цифр, приводимая сборником, не имеет актуального интереса, а лишь исключительно исторический. Ведь за год с четвертью, которые отделяют момент выхода книги в свет, от периода, за который даются данные, русское народное хозяйство прошло через целый ряд крупнейших превращений и несколько кризисов сбыта,—тут и наиболее болезненная стадия ножниц, тут и процесс создания твердой денежной системы со всеми ее последствиями. Изменена и система налогового обложения в деревне (единый сельско-хозяйственный налог). При таких условиях ни для каких практических целей реферируемая книга служить не может. Странно, напр., было бы пользоваться данными реферируемой книги по промышленности (отдел промышленности занимает 310 страниц), когда эти данные кончаются 1922 годом, в то время, как выпущенная значительно ранее ВСНХ книга содержит уже данные о работе промышленности в 1923 г.

Что может, напр., дать читателю обширная глава о налогах (120 стр.), когда некоторых налогов уже нет (трудгужналог), некоторые видоизменены в корне (ставки акцизов).

Приходится поэтому пожалеть, что НКФ предпринял издание книги в объеме почти 50 листов. Значительно проще было бы издать эти же материалы в конце 1922 г., даже если бы от этого сборник и потерял в стройности и цельности.

Конечно, для освещения *вчерашнего* дня русского народного хозяйства книга явится незаменимым руководством,—но только для этого.

Д. Хавин.

А. В. ШЕСТАКОВ («НИКОДИМ»). Наемный труд в сельском хозяйстве России. Т. I. Часть 1 и 2. «Красная Новь» Москва. 1924. Стр. 232.

В истории аграрного капитализма одно из важнейших мест принадлежит вопросам наемного труда. И однако положением сельско-хозяйственных рабочих в России весьма мало занималась наша до-революционная литература. Начиная с 80-х годов, мы имеем не мало

произведений, пытавшихся осмыслить процессы, протекавшие внутри крестьянского хозяйства. На-ряду с этим, кроме классического «Развития капитализма в России», специально рабочему вопросу посвящены единичные малоизвестные специальные работы.

На капиталистическое развитие русской деревни народническая литература как бы закрывала глаза. Затушевывалась пролетаризация крестьянства; маскировалось превращение крестьянина в оседлого пролетария или же в отходника, уходящего в поисках работы из дому за тысячи верст. В этой теоретической пустоте книга т. Шестакова приобретает особое значение. Конечно, не все основные элементы вопроса проанализированы автором достаточно полно. Возьмем, хотя бы генезис аграрного капитализма, уходящий далеко вглубь—в недра крепостного права. Автор лишь бегло указывает, что в первой половине XIX столетия крепостной капитализм двигался по двум направлениям: в сторону плантаторского хозяйства обезземеленных рабов, получающих от хозяина прокорм—«месячину», и в сторону замены барщинного труда вольнонаемным. Таким образом, в крепостной экономике мы находим три типа хозяйства: барщинное, плантаторское и капиталистический наем—часто на арендованной земле. Для историка аграрной эволюции благодарная тема выяснить относительное значение и существенные признаки этих трех основных форм, в которых русская деревня хозяйничала до отмены крепостного права. После реформы 1861 г. положение значительно упрощается; помещичье хозяйство приобретает характер капиталистического предприятия, ведущегося по преимуществу вольнонаемными руками. Барщинная обработка помещичьих земель крестьянами своим инвентарем постепенно суживает поле действия, уступая место кабальной денежной аренде с одной стороны и чистому капиталистическому хозяйству — с другой. Для историка снова интересная тема: вскрыть взаимодействие движение барщинных пережитков, вольнонаемного труда и продовольственной аренды. Автор только мимоходом касается всех этих вопросов, столь существенных для избранной им темы. Следовало бы более отчетливо, хотя бы в общих контурах, обрисовать тот фон, на котором развертывался вольнонаемный труд в России.

Интерес новизны представляют главы книги, повествующие о борьбе сельскохозяйственных рабочих до 1905 г. и особенно в 1905—1907 г.г. Автор собрал конкретный материал движения деревенского пролетариата в 1905 г., пользуясь для этого многочисленной газетной хроникой столичной и провинциальной печати. Тем самым автор извлек из-под спуда забвения множество интереснейших фактов. В трехлетие 1905—1907 г.г. классовая борьба как пришлых, так и местных сельско-хоз. рабочих вылилась в организованный массовый подъем почти повсюду, где хозяйничал аграрный капитал. В этой борьбе пролетаризованных крестьян с помещиками мелкий буржуа кулак решительно ориентируется за помещиков против всего остального крестьянства. Борьба в некоторых случаях протекала под прямым или косвенным воздействием социал-демократии и эсеров и замечательна как требованиями, так и формами движения — планомерного, цементированного классовым единодушием, сближающегося с классовой борьбой промышленных рабочих.

Борьба вращается вокруг сокращения рабочего времени и увеличения зарплаты, а также общего улучшения условий жизни. Балашовская, напр., стачка, возглавляемая комитетом, закрывшая в уезде кабаки, организовавшая столовые для прокормления голодных и энергично каравшая посягательства на имущество владельцев, свидетельствует о высоком классовом уровне балашовских деревенских пролетариев. Очень часты были требования, направленные *против применения* сельско-хозяйственных машин.

Не вдаваясь в детали, можно в общем притти к выводу, что политическое руководство движением значительно отставало от стачечной стихии. Батрацкое крестьянство получало свое политическое крещение только в процессе борьбы.

Отметим еще литературную живость изложения, делающую книгу т. Шестакова достаточно привлекательной для чтения.

Ю. Спасский.

ОЧЕРКИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ под редакцией Е. Варга. Том I. Выпуск I. «Московский Рабочий». 1924 г. 64 стр.

Книга, в сущности, состоит из двух основных разделов: 1) вопросов аграрной теории и 2) вопросов стратегии и тактики коммунистической партии по отношению к крестьянству. В своем предисловии автор указывает на отсутствие новых, достаточно полных и, соответственно цели исследования, правильно подобранных статистических материалов по вопросам «классового расслоения с.-х. населения», подчеркивая, что «благодаря всем этим обстоятельствам настоящая книга отнюдь не удовлетворяет идеальным требованиям, которые могли бы быть поставлены такой работе».

Но как раз эта часть выпуска (гл. VI, VII и VIII) является наиболее удачной и интересной. Здесь действительно сделана попытка, правда схематическая, очертить интересы отдельных групп с.-х. населения и фиксировать, как водораздел между стремлениями и классовыми интересами пролетариата и различных слоев с.-х. населения, так и те пункты, по которым сама жизнь и борьба создают необходимость и возможность революционного контакта между рабочими и определенными группами крестьянства. И с этой стороны надо отдать все должное работе тов. Варги. Но возьмем теоретическую сторону вопроса. Тут с самого начала резко выпячивает неверно сформулированная теоретическая ось проблемы ренты. Долгие десятилетия марксистская мысль работала в том направлении, что основой ренты являются: 1) частная собственность на землю (абсолютная рента); 2) монополия капиталистического хозяйства, — ограниченность самой земли (рента дифференциальная). Но вот тов. Варга констатирует: «Основу возможности земельной ренты составляют частная собственность на землю *и убывающее плодородие земли*». Правда, он пытается в начале довольно осторожно (*почти* по-ленински) изложить свою мысль: «при каждой данной технике существует факт убывающего плодородия земли». Но вслед за этим, дабы не оставлять никаких больше сомнений в том, какое значение придает он этому «факту», тов. Варга целым рядом примеров старается доказать, что этот «факт» есть один из кардинальнейших законов капиталистического (а в примеч. на стр. 14 намек на то, что, может, и не только капиталистического) с.-х. производства.

«Этот факт заставляет человечество переходить к обработке все новых земель. Он заставляет города привозить средства существования из далеко расположенных местностей. Он заставляет Западную Европу привозить хлеб и прочие средства существования из Австралии, Канады и Южной Америки».

Считаем вполне достаточным для аналогии привести соответствующие взгляды В. И. Ленина, бесспорно авторитетного, нашего коммунистического теоретика по аграрному вопросу:

«*Буржуазная* (*курсив наш.—Ю. В.*) экономия объясняет «конкуренцию новых земель» «законом убывающего плодородия», ибо буржуа вольно и невольно игнорирует общественно-историческую сторону дела. Социалистическая экономия (т.-е. марксизм) объясняет заокеанскую конкуренцию тем, что земли, не платящие ренты, подрывают безмерно высокие цены на хлеб, закрепленные капитализмом старых европейских стран, вздувшим до невероятных размеров земельную ренту. Буржуазный экономист не понимает (или скрывает от себя и от других), что высота ренты, закрепленной посредством частной собственности на землю, служит препятствием прогрессу земледелия и сваливает вину на «естественное» препятствие «факта» убывающего плодородия».

Но тов. Варга хочет свою мысль еще более уточнить и продолжает: «Если бы не было факта убывающего плодородия земли..., то ничтожная площадь земли оказалась бы достаточной для того, чтобы снабдить средствами существования все человечество; в таком слу-

чае остались бы без обработки огромные площади земли, и в результате этого частная собственность на землю, потеряла бы способность быть источником ренты». Еще и до тов. Варги делались подобные ревизионистские и экономически бессмысленные попытки объяснить процесс расширения площади с.-х. производства. Но почему же тов. Варга, охотно цитирующий Маркса в своей работе, не приведет хотя бы следующей цитаты Маркса: «Вместо того, чтобы рассмотреть действительные естественно-исторические причины истощения земли..., вместо этого прибегали к тому пошлому соображению, что нельзя затратить любое количество капитала на ограниченном пространственно участке земли; напр., «Westminster Review» возражала Ричарду Джонсу, что нельзя прокормить всю Англию обработкой Сохосквера». Мы полагали, что после столь резкой отповеди Маркса (и Ленина — Булгакову, Маслову и проч.) больше не явится ни у кого (а особенно у марксистов, коммунистов) охоты аргументировать подобными шутками такой «важный» и «серьезный» «закон убывающего плодородия земли». Но, очевидно, это действительно «единственный довод, которым аргументирует и Маслов (и Варга,—надо прибавить. *Ю. В.*), и все прочие сторонники «закона убывающего плодородия» (Ленин).

Нам хочется в этой связи привести некоторые «соображения» Булгакова, цитируемого Лениным, чтобы резче оттенить те выводы, к которым неизбежно ведет признание «закона». «Несомненно, что, при наличности перенаселения, известная часть бедности должна быть отнесена на счет *абсолютной бедности*, бедности производства, а не распределения... Прошлое оставляет в наследие будущему *хлебный вопрос, более страшный* и более трудный, *чем вопрос социальный*, — вопрос производства, а не распределения (*курсив наш.—Ю. В.*).

Каждому понятно, зачем нужен Булгакову и прочим апологетам капиталистического строя (и особенно экономистам англо - американской школы,— этим певцам, полным капиталистического нафоса, энтузиазма и рвения), этот «закон», но как на этой же платформе очутился тов. Варга, один из *наших* лучших экономистов (который, конечно, булгаковских выводов не делает, а, наоборот, оттачивает тактику рабоче-крестьянской революции), так и остается пока загадкой. Прибавим лишь, что все теоретические построения тов. Варги в вопросах ренты не только считаются с этим «законом», а прямо-таки насквозь им пронизаны.

Необходимо также выделить и отметить гл. IX, где тов. Варга, высказывая ряд положений об экономических преимуществах мелкого хозяйства перед крупным (весьма сомнительных «преимуществ», сводящихся к тому, что Каутский называет «чрезмерным трудом и недостатком потребления в мелком хозяйстве», а Ленин—«расхищением труда и жизненных сил земледельца»), приходит к следующему выводу: «*Крупное предприятие имеет решительное преимущество в производительности труда, однако эта разница не имеет особенно большого экономического значения*». И это опять-таки позиция какая-угодно, но только не марксистская. Мы еще далеко не исчерпали всех теоретически сомнительных положений в работе тов. Варги.

В заключение остается повторить, что на-ряду с некоторыми главами (еще глава IV), полными революционной силы мысли и коммунистической ясности, вносится изрядная доза теоретической путаницы, представляющей собой в итоге все ту же масловщину и булгаковщину русского и иностранного толков. И это является крупнейшим недостатком 1-го выпуска. Будем надеяться, что последующие выпуски этой болезнью страдать не будут.

Ю. Вильдо.

А. О. ФАБРИКАНТ. Основы агрономической помощи населению. Изд. Центрального Товарищества «Кооперативное Издательство». Москва 1924 г. Стр. 244.

Агрономическая литература за текущий год обогатилась несколькими капитальными трудами профессоров Тимирязевской сел.-хоз. Академии.

Вслед за «Введением в селекцию сельско-хозяйственных растений» проф. Же-

галова, посвященным ознакомлению с основными методами селекции и с научным обоснованием их (см. «*Печать и Революция*» 1924 г., кн. IV), вышел труд проф. А. О. Фабриканта, затрагивающий жгучие современные вопросы организации агрономической помощи населению.

Потребность в руководстве в этой области деятельности, при изменившейся крайне сложной обстановке революционного времени, уже давно назрела. Если организационные навыки и технику проведения агрономических мероприятий современная агрономическая мысль может черпать из прошлого, то дух и содержание агрономической работы совершенно изменились.

Вначале А. О. Фабрикант говорит об общественной агрономии и в общей форме задачу агрономической помощи определяет, как проведение в массы сельского населения добытых и добываемых агрономией научных с.-хозяйственных знаний, самый термин «общественная агрономия» заменяет другим, а именно «агрономическая помощь массовому сельскому населению», теорию же общественной агрономии обозначает, как учение об организации агрономической помощи населению.

Вопросы об изменении общего направления и характера общественно-агрономической деятельности встали перед агрономией незадолго до революции; новое направление агрономической мысли—не одно только поднятие земледельческой техники, а новые задачи, требовавшие углубления в экономическую структуру крестьянского сельского хозяйства, были выдвинуты на екатеринославском (1910 г.), московском (1911 г.) областных агрономических съездах и на I Всероссийском Съезде в Киеве (1913 г.), и в содержании работы агронома намечалась экономика, без которой дальнейшая агрономическая деятельность уподоблялась «игре в темную».

Но перелом в агрономическом сознании в смысле изменения подхода к воздействию на крестьянское хозяйство твердо обозначился только ко времени III Всероссийского Съезда агрономов, бывшего в Москве в 1922 г., где впервые перед широкой агрономической средой были поставлены во весь рост самые существенные задачи экономической политики Союза и где экономическая струя в характере деятельности агронома проложила себе прочное русло.

Резолюция агрономического диспута, состоявшегося в Харькове в конце минувшего 1923 года идет дальше и дает современную формулировку связи между общественной агрономией и сел.-хозяйственной политикой, указывая, что агроном должен ясно усвоить основы сел.-хоз. политики рабоче-крестьянской власти, стать поводырем этой политики в селе, должен быть проводником коллективистических форм в индивидуальное хозяйство, принимая активное участие в создании коллективов и кооперативов, усиливая в последних сельскохозяйственные производственные моменты, тесно связывая себя со всей советской общественностью в деревне.

В связи с этими положениями А. О. Фабрикант дает широкую теоретическую разработку и освещение всех многообразных форм агрономической помощи населению и обзор важнейших вопросов нашей агрономической организации, как в период их дореволюционного развития, так и при современных социально-политических условиях: агрономия и кооперация, агрономия и землеустройство, сельско-хозяйственные общества, организация опытного дела, показательное дело, агрикультурная роль с.-хоз. складов, распространение сел.-хоз. знаний внешкольным путем, мероприятия по животноводству и кормодобыванию, борьба с вредителями, финансирование агропомощи, программа деятельности и отчетности. В конце книги автор знакомит читателя с агрономической помощью в Италии и в Соединенн. Штатах и дает перечень литературы по вопросам агрономической помощи.

Это, пока единственное у нас, руководство по теории общественной агрономии можно смело рекомендовать учащимся в сел.-хозяйственных заведениях и изучающим дисциплину на курсах для агрономов.

Д. Д. Бессер.

БЮЛЛЕТЕНЬ КООПЕРАТИВНОЙ СЕКЦИИ КОМИНТЕРНА. Издание Коминтерна. Москва 1924 г. 32 стр.

Уже приблизительно год тому назад кооперативная секция Коминтерна приступила к изданию своего «Бюллетеня». Но «Бюллетень» этот выходил до сих пор в очень ограниченном количестве и печатался литографским способом, ибо предназначался он исключительно для информации работников Секции в России и за границей. Теперь Бюллетень этот (с № 11) начинает выходить в печатном виде. Тираж 1.500 экз. Этот номер имеет 32 стр.

Содержание «Бюллетеня»— последние новости в области международного кооперативного движения. Новости эти даются в виде небольших статей, обзоров и отдельных заметок.

В рассматриваемом нами номере привлекает внимание статья «Этапы развития кооперации». Автор ее энергично выступает против принципа политического нейтралитета, которым старые кооператоры прикрывают свою политику соглашательства с буржуазией. Автор справедливо указывает, что принцип политического нейтралитета, провозглашенный рочдельцами в то время, когда у пролетариата не было еще своей *классовой* политической партии, когда рабочий класс Англии был под влиянием либеральной или консервативной партий, звучал совершенно иначе, чем теперь, когда у пролетариата есть уже свои партии. Во времена рочдельцев (сороковые годы XIX ст.) политический нейтралитет кооперации означал нежелание раскалывать *классовое* кооперативное движение пролетариата во имя борьбы между буржуазными партиями консерваторов и либералов. Этот лозунг был тогда выражением классовой позиции рабочих кооператоров. В настоящее же время отказ рабочей кооперации от поддержки политической партии *пролетариата* есть отказ от классовой политики, есть измена делу пролетариата. Вообще вся эта статья очень интересна.

«Бюллетень» дает далее отчеты о последних съездах кооперативных организаций в Германии, Франции и Англии, а также статью «Итоги второй конференции коммунистов - кооператоров», состоявшейся в Москве в июле 1924 года. Имеются, наконец, небольшие отделы хроники и библиографии кооперативных изданий.

В общем «Бюллетень» составлен интересно, и его нужно рекомендовать вниманию всех интересующихся ходом развития кооперативного движения за границей, а также и тем, кто интересуется работой коммунистов в области кооперации.

Следует указать только на желательность более внимательной корректуры.

Н. Мещерянов.

РАБОЧЕЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

1. Т. МАНН. Воспоминания. *С. Кривцова.* — 2. ДЖОН РИД и И. АМТЕР. Капитализм и рабочее движение в Америке. *В. Яроцкого.*—3. Г. ЗИНОВЬЕВ, А. ЛОЗОВСКИЙ, Г. МОНМУССО, М. ТОМСКИЙ. Единый фронт в профдвижении. *В. Яроцкого.*

МАНН ТОМ. Воспоминания. Перев. с англ. С. Антропова. Госиздат. М.—Л. (без года) 212 стр.

Том Манн—одна из наиболее интересных фигур английского рабочего движения. Его воспоминания дадут товарищам громадный материал для познания того факта, который останавливает всегда внимание изучающего английское рабочее движение: отсутствие в прошлом сильного социалистического движения, а теперь слабости коммунистического движения. В самом деле, проследите путь, который привел Т. Манна на склоне лет к коммунизму, и вы

поразитесь его кривизне и зигзагообразности.

Чистокровный рабочий, он сперва интересуется отнюдь не вопросами жизни и положения рабочих: начав работать с 9 лет, он только 25 лет от роду слышит впервые о социализме. А личность он недюжинная и по торному руслу, тщательно поддерживаемому и либералами и консерваторами, он сперва занимается библейскими вопросами (предусмотрительно устраиваются поповские курсы для одурманивания рабочих), затем приходит к мысли, что все зло от алкоголизма, а этот последний от неправильного питания, почему и делается вегетарианцем и занимается деятельной его пропагандой, «находя в этом большое для себя удовлетворение» (14—15). И только после жизненной выучки, после работы у Вестингауза, который введением сдельщины срывает даже завоевания трэдов, после пребывания в Америке, его интерес все больше и больше направляется в сторону социальных вопросов, и это отвлекло его от проповеди вегетарианства. Он входит в ряд социалистических организаций, уже тогда резко отрицательно относится к Гайндмену (Я убежден, что буржуазный умственный склад Гайндмена не позволял ему правильно понять значение рабочей организации—26) и, вопреки мнению руководителей, принимается за пропаганду 8-часового раб. дня. Наконец, вместе с Бернсом он возглавляет знаменитую стачку докеров, является одним из идеологов нового юнионизма и все более и более переходит к политической деятельности. И с гордостью он заявляет, что за это он не получал никакого вознаграждения. Буржуазия (Манн считает, что, как бы ни были реакционны тори, никто из них не был и не мог быть большим эксплоататором, чем либералы—87 стр.) сперва боролась с Манном, лишая его заработка (33 стр.); когда это его не усмирило, он получил от неизвестного лица предложение постоянного содержания, ежели он выставит свою кандидатуру на выборах (69), от чего Манн отказался, считая более важной работу у докеров. Поездка его в Австралию и в Новую Зеландию еще более утвердила его в мысли, что в рамках буржуазного строя никаких улучшений не добьешься, а обязательный арбитраж оказался направленным против интересов рабочих. Борьба с милитаризмом в самой Англии показала ему, что и буржуазной свободы там нет. И вот на основании жизненного опыта на склоне лет он пришел к коммунизму. Книга даст большой материал для понимания особенностей английского рабочего движения.

Ст. Кривцов.

ДЖОН РИД и И. АМТЕР. Капитализм и рабочее движение в Америке. «Красная Новь». Москва 1924 г. Стр. 57. Без указ. цены.

Статьи, печатавшиеся Джоном Ридом в 1919—1920 годах в журнале «Коммунистический Интернационал» и дополненные чрезвычайно кратким очерком И. Амтера о капитализме и рабочем классе в Америке после войны,— составляют содержание небольшой книжки, на 57 страницах дающей представление о положении рабочего класса и рабочего движения в Соединенных Штатах.

Первая часть—статьи Рида—страдает некоторой расплывчатостью и беглостью. Блестящий язык автора, мало страдающий даже в переводе, позволяет ему нарисовать исключительные по силе картины белого террора. Перед читателем на протяжении 40 с небольшим страниц проходят картины застоя в профессиональном движении, поддерживавшем войну и политику правительства, картины белого террора, роста бунтарских настроений в массах, развертывания новых, небывалых всеобщих забастовок в Ситтле, в Виннипеге, в Омаге, Бостоне и т. д., возникновения Единого Великого Союза, предательства союзов, входящих в Американскую Федерацию Труда. Но вместе с тем—все очерчено недостаточно полно, картины прекрасны по изложению, но выводы страдают недостаточной продуманностью (напр., наивное ожидание революции в Соединенных Штатах еще в 1919—1920 годах—стр. 28, 42). Не совсем точен Рид тогда, когда характеризует революционные организации Америки, напр., Мичиганскую группу, исключенную из

Коммунистической Партии и объявившую себя настоящими коммунистами. Рид называет их «меньшевиками чистой воды», приписывает им отрицательное отношение к производственным объединениям и т. д. Все это не соответствует истинной природе данной группы—и все это исправлено Амтером в его дополнении к Риду...

Вторая часть, вообще, является в значительной мере «поправками к Риду», хотя она написана Амтером также и для того, чтобы довести историю классовых отношений в Америке до конца 1923 года. Эта вторая часть уже не столь блестяще написана, как первая. И читается, поэтому, с несколько меньшим интересом. А между тем—она содержит зачастую несравненно более точный материал, чем первая... Огромный талант Рида сказывается даже в беглых публицистических очерках, какими являются три главы или статьи в «Коммунистическом Интернационале»...

Ценность перепечатки статей Рида с дополнением Амтера заключается, однако, не в том, что мы получаем еще один образец творчества того человека, который похоронен у кремлевской стены на Красной площади и который оставил нам «Десять дней, которые потрясли мир». Наша литература об американском рабочем движении крайне бедна. А при всех своих недостатках—работа Рида и Амтера дает нам материал для понимания американского рабочего движения.

В. Яроцкий.

Г. ЗИНОВЬЕВ, А. ЛОЗОВСКИЙ, Г. МОНМУССО, М. ТОМСКИЙ. Единый фронт в профдвижении. Изд. МГСПС. «Труд и Книга». Москва 1924 г. Стр. 136. Цена 45 коп.

Рецензируемая работа представляет собою перепечатку речей, произнесенных перечисленными товарищами на конгрессах Коминтерна и Профинтерна в 1924 году.

Оба конгресса представляли собою чрезвычайно важные вехи именно в истории мирового профессионального движения. Опыт четырехлетнего существования двух Интернационалов профессиональных союзов—амстердамской Международной Федерации и Красного Интернационала—привел к выявлению двух тенденций в мировом движении. С одной стороны, все более отчетливо к моменту обоих конгрессов ставился в движении вопрос об *едином фронте*. Наступление капитала, ослабление профессионального движения, факт расколов в Чехо-Словакии и Франции—побуждали Профинтерн ставить перед рабочими, организованными в профессиональные союзы, вопрос об едином фронте. Практические шаги в этом направлении — берлинская конференция транспортников, борьба русских союзов за включение в состав производственных интернационалов, переписка ВЦСПС с Амстердамом — все это делало актуальным данный вопрос. На-ряду же с этим, внутри реформистских союзов крепла тенденция к сближению с революционными союзами. Нажим английских союзов побудил Амстердам отказаться на Венском своем конгрессе от тактики бойкота союзов СССР в вопросе об едином фронте. Принятая в июне Венским конгрессом резолюция предлагала исполнительному органу Амстердама «продолжать переговоры с русскими союзами» на условии совместимости этих переговоров с «достоинством» Амстердама... Как ни плоха была эта резолюция,—она означала заметный сдвиг в настроении союзов, входящих в Амстердам, и притом сдвиг в сторону приятия единого фронта.

С другой стороны — в некоторых прослойках профессионального движения установилась тенденция, названная т. Зиновьевым в его докладе конгрессу Коминтерна «шумахерством», по имени наиболее последовательного представителя течения, стоявшего на позиции отрицания единого фронта, на позиции *расколов* в мировом движении.

Конгрессы Коминтерна и Профинтерна должны были выявить отношение к поставленным столь отчетливо вопросам со стороны двух центров мировой революции. Речи т.т. Зиновьева, Лозовского, Монмуссо и Томского это и сделали. Каждый по-разному, с разных аспектов, подверг в своих речах

анализу этот основной теперь вопрос мирового профессионального движения и попытался формулировать свой ответ на него. В общем и целом, как показывает рецензируемая книга, линия, намеченная в этих речах, совпадает... Это—*твердая политика единого фронта*, вплоть до объединения всех союзов *в едином интернационале*.

Переиздание основных речей, произнесенных по данному вопросу на конгрессах Коминтерна и Профинтерна, следует поэтому признать весьма своевременным и полезным. В форме книжки эти речи становятся доступными широким читательским кругам, которые таким образом скорей и легче вводятся в курс событий мирового профессионального движения и в состоянии лучше разобраться в порой чрезвычайно сложных вопросах тактики и стратегии мировой классовой борьбы.

Так как книжка речей предназначена для сравнительно широких читательских кругов, то было бы целесообразно снабдить ее вступительной статьей, дающей представление о взаимоотношениях Амстердама и Профинтерна, о наметившихся к конгрессам тенденциях в мировом профессиональном движении и о других фактах, позволяющих разобраться в отдельных, иначе остающихся несколько туманными, местах речей т.т. Зиновьева, Лозовского, Монмуссо и Томского. Этого издательство «Труд и Книга» не сделало в первом издании. Если потребуется второе издание — следовало бы такой пробел заполнить.

В. Яроцкий.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

1. А. ПОЛИВАНОВ. Мемуары. *М. Клевенского.* — 2. Проф. В. ПАРХОМЕНКО. У истоков русской государственности. *И. Манарова.*

А. А. ПОЛИВАНОВ. Мемуары. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 г.г. Под редакцией А. М. Зайончковского, с предисловием Мих. Павловича. Том I. Высший Военный Редакционный Совет. М. 1924. Стр. 239.

Генерал А. А. Поливанов—одна из заметных фигур в высших военно-ад министративных сферах за последнее десятилетие монархии. С 1906 по 1912 год он был помощником военного министра, с июня 1915 по март 1916—военным министром. После Февральской революции, в министерстве Гучкова, Поливанов был председателем особой комиссии по построению армии на новых началах. При Советской власти он занял в 1920 г. место члена особого совещания при главкоме. В этому же году, попав в состав делегации для мирных переговоров с Польшей, он поехал в Ригу, где умер от тифа. После его смерти осталась обширная рукопись - дневник за время пребывания автора в должности военного министра. Эти 60—70 печатных листов совершенно загромождены таким материалом, как выдержки из газет, текст разных законоположений, протоколов, официальных записок и пр. Изо всей этой груды бумаги редакция настоящего издания выбрала только самое существенное—то, что принадлежит перу самого Поливанова, и лишь кое-что из печатных материалов. В I томе извлечения из дневника доведены до 22 августа 1915 года. Кроме этого дневника, от Поливанова сохранилось 7 записных книжек за время с 1907 по 1913 год. В них, на-ряду с совершенно неинтересными записями личного характера, есть и заметки, имеющие общественное значение,—такие заметки также включены редактором в издание.

В свое время генерал Поливанов в правящих и думских кругах пользовался репутацией «левого», чем и объясняется его назначение военным министром летом 1915 года, когда на верхах

было решено убрать наиболее одиозных министров. В дневнике и записных книжках мы видим человека, который с благоговением записывает, как он был допущен облобызать ручку царицы, как царь на параде подал ему руку и пр. Усмирение «смуты» было для Поливанова важно и желательно отнюдь не меньше, чем для кого-нибудь другого из министерского круга. Наибольший интерес записи Поливанова представляют, естественно, для военной истории. Записи лишний раз показывают, до какой степени не подготовлена была русская армия к войне. В 1905 и последующих годах армия главным образом занималась борьбой с «внутренним врагом». «Армия не учится, а служит вам»,— бросил в глаза Столыпину военный министр Сухомлинов в 1908 г., на заседании совета министров. На этом же заседании он определенно констатировал, что армия воевать не может,—дело шло о военных приготовлениях на Кавказе, в связи с некоторыми воинственными намерениями относительно Турции. Все понимали, что война с Турцией вызовет войну с Германией, и однако правительство было не прочь помахать мечом: «Николай Николаевич решительно требовал брать Константинополь». В 1908 г. категорическое заявление Сухомлинова о полной неподготовленности армии к войне подействовало,—через 6 лет эта неподготовленная армия была все-таки направлена в мировую бойню: для интересов французского капитала было чрезвычайно важно отвлечение Россией на себя значительной части германских сил. Кроме чисто-военных дел, есть еще кое-какие штрихи в записях Поливанова. Хорошо обрисовывается, напр., как «скорбный главою» последний Романов в военном деле систематически интересовался только вопросами формы,—киверами, касками, цветом мундиров и пр. Великолепно такое его признание Поливанову: «Я всегда читаю «Русский Инвалид»—единственная газета, которая не действует на нервы». Очень любопытно сообщение, которое сделал в 1909 г. Столыпин в совете министров, когда Столыпин был еще министром внутренних дел при председателе совета министров Горемыкине. Извольский по телефону передал ему, что Николай II повелел узнать, что такое Милюков и чего желает кадетская партия. «Столыпин пригласил Милюкова, и тот выразил, что для успокоения страны необходимо образование кадетского министерства, *которое сумеет задушить революцию*».

В «Дневнике» Поливанова все-таки осталось некоторое количество совершенно излишнего материала — перепечаток уже известных документов, разных мелочей и пр.

М. Клевенский.

Проф. ВЛ. А. ПАРХОМЕНКО. У истоков русской государственности. «Библиотека Обществоведения». Госиздат. Лгр. 1924. Тир. 3.000 экз. Стр. 113.

Рассматриваемая работа представляет собой попытку изучения миграций восточно-славянских племен, приведших к образованию киевского княжества Владимира и Ярослава. Имеющие уже солидную ученую давность споры о «начале Руси» находят себе благоприятную почву в чрезвычайной скудости письменной традиции, в необычайной трудности вполне критичного использования лингвистических и археологических данных, дающих простор разноголосице и столкновению мнений. Работа проф. Пархоменко, вообще *написанная с большим знанием предмета*, отражает на себе несомненное влияние методов ак. Шахматова, да это и понятно, поскольку после работ покойного историка стало невозможно заниматься изучением киевского периода, не отдав самого серьезного внимания его классическим трудам. Опираясь на результаты новейших исследований, автор дает такую картину движения славянских племен: VIII век застает восточное славянство раздробленным на три ветви, друг от друга более или менее обособленные. Юго-восточная, находящаяся под сильным влиянием хозар, занимает побережье Азовского моря, Тмутаракань и низовья Дона. Северная группа (включавшая словен и кривичей) к началу IX века передвигается на север до Ладоги. И, наконец, юго-западная ветвь (древляне и

дулебы) тяготеет к среднему течению Днепра и черноморским степям. Упадок хозарского царства и новый напор кочевников с востока отодвигают юго-восточную ветвь славянства (будущие поляне, северяне и т. д.) к Днепру, на берегах которого происходит борьба между полянами и древлянами—борьба, к которой хронологически впервые мы можем прикрепить действительные исторические личности Игоря Старого на стороне полян, Аскольда и Дира—на стороне древлян. Наименование «Руси», по мнению Пархоменки, прежде всего было усвоено полянами в Византии в связи с их частыми нападениями на нее со стороны Керченского пролива: вспоминая библейский текст о «Гоге и Магоге, князе Рос», ученые византийские книжники придали этот выразительный образ терроризовавшим берег Греции славянам. Поляне, двигаясь к Днепру, сохранили это наименование за собой. Противники полян, древляне, не отстояли Днепра и были оттеснены на запад, в леса Припяти и Прикарпатья. На месте древлянского княжества возникло новое полянское, объединившее к концу X века значительную часть расположившихся по Днепру племен.

Читатель видит, что схема В. А. Пархоменки представляет собой окончательный разрыв с той гипотезой, которая долго господствовала в историографии, будучи связана с именем В. О. Ключевского (Карпаты, как прародина восточных славян, их переселение отсюда на восток и расселение по Днепру). Новой схеме, несомненно создавшейся под шахматовским воздействием, нельзя отказать в большой стройности, спаянности ее деталей, уменьи, с которым все данные, имевшиеся под рукой автора, употреблены для поддержки выставляемой гипотезы. И тем не менее последняя далеко не решает вопроса, не убеждает до конца. Многие частичные догадки автора (как, напр., вышеприведенное объяснение термина «Русь»), его попытки (в ряде случаев) разгадать в кажущемся ему легендарным персонаже черты реальной исторической личности чаще всего остаются сомнительными гипотезами.

Не имея возможности вдаваться в частности, отметим недостаточную обоснованность выводов автора в самом для него существенном пункте. Он цитирует то место летописи, где сообщается о дани, которую собирали хозары с полян, северян и вятичей, а с другой стороны—варяги с кривичей, словен и ряда финских племен. И отсюда заключает (стр. 11) к «наличности у русско-славянских племен в изначальную эпоху их исторического бытия двух отдельных политико-экономически-культурных союзов» (!). Это по меньшей мере смелый вывод. Летопись говорит лишь о даннических отношениях, при чем неизвестно даже, сколь длительны они были. Из того, что эти две группы племен давали дань в разные руки, отнюдь не следует их «культурно-экономическая обособленность». Это—ничем не оправданная посылка автора, которую он вместо того, чтобы доказать, подкрепляет далее рядом соображений, способных лишь оттенить и иллюстрировать доказанное, а решающей роли ни в коем случае не играющих. Или другой пример. Юго-восточная ветвь полян долгое время «пребывала в лоне хозарского царства» (стр. 40), как «стильно» замечает автор. Здесь она испытала значительное культурное хозарское влияние. В. А. Пархоменко обращает внимание на усвоение киевским книжником титула кагана Владимиру и Ярославу и немедленно заключает, что «стало быть, поляне, уйдя из Хозарии, принесли оттуда с собой в Киев черты хозарского государственного устройства и уклада жизни» (стр. 58). И дальше автор считает себя в праве говорить об эпохе «каганата» у полян, хотя нигде он не указывает конкретно, в чем же заключались заимствованные славянами «черты устройства», да и в летописи самой никаких следов каганата больше не встречаем. Это не мешает «юго-восточному влиянию» оказывать на последних страницах книги сильное влияние на сложение государственного организма киевской Руси.

Таким образом внешнему мастерству компановки схемы противостоит неубедительность внутренняя связующих ее существенных моментов. К тому же со многими пунктами господствующих воззрений автор не посчитался. Так, читатель без труда замечает, какую ничтож-

ную роль играет, по мнению проф. Пархоменко, варяжский элемент в образовании киевского государства. Пираты-норманны появляются, как он полагает, сравнительно поздно на юге, хотя сам автор признает, что северный славянский союз складывался под их сильным влиянием. Если вспомнить о действиях норманнов на западе Европы, то точка зрения автора не покажется убедительной.

Наконец, если попытка дать картину передвижения славянских племен, несмотря на вышеуказанные слабые стороны, имеет несомненный интерес, то две последних главы, в которых автор пытается дать обобщающую оценку тому, что называют киевским государством, далеко не принадлежат к числу лучших в книге. Изложение, всюду вызывающее большое напряжение читателя, здесь особенно оставляет желать ясности и отчетливости. Рассуждения о типе государства, сложившегося на Днепре, даны в странном догматическом тоне путем простого перечисления факторов, его создавших. И как это (стр. 111—112) «*новый этап* в истории государственности на Руси» мог «*произвести попытку* создать большой государственный союз, объединенный общностью военной организации и торгово-экономических интересов...»?

Ив. Макаров.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

1. ПАРТИЯ МЕНЬШЕВИКОВ И ДЕНИКИНЩИНА. *М. Зелинмана.* — **2. КОЛЧАКОВЩИНА.** *Г. Лелевича.* — **3. П. МОИСЕЕНКО. Воспоминания.** *Г. Лелевича.* — **4. БЫЛОЕ УРАЛА № 3.** *С. Пионтковского.* — **5. ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ДОНУ.** *С. Пионтковского.* — **6. ЧЕРВОННОЕ КАЗАЧЕСТВО.** *Д. Фурманова.*

ПАРТИЯ МЕНЬШЕВИКОВ И ДЕНИКИНЩИНА. Процесс киевских меньшевиков (21—22 марта 1920 г.). С предисловием Х. Г. Раковского. Изд. «Красная Новь». Москва 1923 г. Стр. 119.

Книга содержит подробный отчет процесса киевских меньшевиков. Перед читателем встает полная картина того политического падения, до которого меньшевики доходили, очутившись в стане временно победившей на Украине реакции. Из отчета процесса с особенной выпуклостью выступает двурушничество меньшевистской партии: в то время, как ЦК меньшевиков заявлял здесь, в Москве, что он против деникинщины, против вооруженного свержения Советской власти, там, в Киеве, члены меньшевистского ЦК имеют непосредственную связь с органами деникинской власти, по существу поддерживают эту власть и использовывают все возможности, чтобы клеветать и порочить Советскую власть.

Прямо кошмарно читать документы, из которых видно, что киевские меньшевики обращались к «господину главноуполномоченному управления по делам торговли и промышленности» за ссудой для нужд Центр. Бюро Киевского Совета профсоюзов. Эти документы, приведенные в отчете, показывают, что меньшевики считали себя частью деникинского правительства, как бы частично обязанного им, меньшевикам, своей временной победой на Украине. Из других документов, имеющихся в отчете, видно, как меньшевики не брезгали даже тем, чтобы представить в деникинскую контр-разведку список лиц, непричастных к коммунизму.

На процессе выяснилось, что между меньшевиками и «обществом заводчиков и фабрикантов» (Озиф) существовали самые дружественные отношения. Эта дружба была столь велика, что «Озиф» ходатайствовал перед белогвардейской властью деникинских генералов о разрешении Центр. Бюро профсоюзов издавать рабочую газету

Книга представляет безусловно значительный интерес для всякого, кто хочет поближе познакомиться с деятельностью меньшевиков во время деникинщины. Отчет процесса киевских меньшевиков является вместе с тем очень выразительной страницей в истории русского меньшевизма и его соглашательской сущности.

М. Зеликман.

КОЛЧАКОВЩИНА. Сборник под редакцией Н. Райвида и В. Быкова. С иллюстрациями в тексте. Истпарт при Уралобкоме РКП. Изд. «Уралкнига». Екатеринбург 1924 г. Стр. 248. Тираж 10.000 экз.

Сборник ставит себе задачей не опубликование новых материалов и работ, а лишь подбор отрывков, дающих общее представление об эпохе колчаковщины. Как признают сами составители, более или менее удачно подобраны отрывки, характеризующие контр-революцию, и, наоборот, очень случайны сведения о революционной работе на колчаковской территории. Ссылка на то, что о контр-революции имеется богатая мемуарная литература, а о большевистском подполье и партизанщине ничего нет, не является оправданием, так как в ряде сибирских истпартовских сборников, а также в журналах, можно было найти не мало характерных и ярких отрывков.

Эсеровская и Колчаковская контр-революции освещены в сборнике путем перепечатки отрывков из книг Святицкого, Уорда, Кроля и документов, напечатанных когда-то в «Пролетарской Революции». Сюда же относятся обвинительное заключение по делу колчаковских министров и выдержки из предсмертных показаний Колчака. Все это вместе взятое дает довольно отчетливое представление о сибирской реакции.

Для характеристики партизанского движения помещены отрывки из известной книги Колосова и — опубликованные ранее в «Пролетарской Революции» — материалы о тюменском восстании.

Не перепечатки мы находим лишь в отделе «Партия при Колчаке». Здесь помещены любопытные воспоминания т.т. Е. Шепелева и А. Попова об екатеринбургском подполье и интереснейшие записи покойной С. И. Дерябиной о второй подпольной всесибирской конференции РКП (б.) в марте 1919 г. Эти записи восстанавливают картину подпольной работы того времени в большинстве крупных центров Сибири и дают значительный материал по истории партизанской борьбы, восстаний и т. д. К записям приложены очень ценные резолюции конференции.

Из оригинальных статей следует также отметить дельную статью тов. А. Соколова «Колчаковщина» — сжатый очерк истории Сибирской контр-революции. Очерк, впрочем, не лишен недочетов. Так, говоря о движущих силах Октября, автор совершенно не говорит о борьбе крестьян за землю. Фактически неверно сообщение автора, будто чехословацкие части в России стали формироваться только при Керенском.

Интересны помещенные в сборнике фотографии, но выполнение их оставляет желать лучшего.

Г. Лелевич.

ВОСПОМИНАНИЯ П. А. МОИСЕЕНКО. 1873—1923. Истпарт. Изд. «Красная Новь». Москва 1924 г. Стр. 214. Тираж 7.000 экз.

Имя Петра Моисеенко облетело всю Россию в 1885 году, после руководимой им знаменитой «Морозовской» стачки. Но после этого мгновенно прославившийся вождь морозовских стачечников столь же мгновенно исчез с горизонта. В течение почти 40 лет его обычно считали погибшим. Как вдруг в начале 1922 г. стало известно, что Моисеенко работает в Харьковском Истпарте, а весною следующего года этот славный ветеран пролетарской борьбы появился и в Москве, и мы получили возможность познакомиться с изумительной жизнью старого борца.

Родившись в деревне еще при крепостном праве, Моисеенко затем побывал и ткачом, и коробейником, и приказчиком, и даже содержателем мелочной лавки. В 1873 г. он стал в Питере членом народнического кружка, участвовал в демонстрации 1876 г. на Казанской

площади, помогал Халтурину создать «Северный союз русских рабочих», организовал знаменитую стачку 1878 г. на «Новой бумагопрядильне». Высланный на родину, он сейчас же нелегально вернулся в Питер и организовал не менее знаменитую стачку на трех фабриках: «Новой бумагопрядильне», «Екатерингофской» и «Шау». В результате—трехлетняя ссылка в Сибирь. Далее—Морозовская стачка и новая четырехлетняя ссылка в Архангельскую губ. Затем кратковременная работа в первых марксистских кружках Ростова, и новая пятилетняя ссылка в Вологодскую губ. С начала 900-х годов Моисеенко беспрерывно странствует по различным рудникам Донбасса и ведет неутомимую революционную работу. Даже в годы империалистической войны он не оставляет революционной борьбы. Наконец, революция, заслуженные чествования и смерть. Не жизнь, а эпопея!

Ясно, какой исключительный интерес представляют подробные воспоминания, написанные Моисеенко перед смертью и изданные теперь Истпартом. Воспоминания эти охватывают ровно полстолетия,—весь период революционной работы Моисеенко. Фактическая их ценность бесспорна. С фактической стороны особенно важны: глава о морозовской стачке, увлекательные и на редкость яркие картины Донбасса в годы первой революции и первое в исторической литературе описание грандиозной забастовки всех рудников Горловского района в 1916 г. Особенно важно следующее сообщение Моисеенко об этой стачке: «Присланные солдаты не только не стали разгонять, но даже мы, кроме сочувствия, ничего от них не видели и не слышали. Солдаты отказались исполнять приказания своего начальства, одна лишь полиция бесновалась». Любопытен рассказ о первых литературных шагах Серафимовича.

Но, помимо фактической ценности, воспоминания Моисеенко очень важны, как превосходный «человеческий документ», обрисовывающий их автора. Совершенно права тов. А. Казовская,—автор предисловия к воспоминаниям,—когда она характеризует Моисеенко следующим образом: «Моисеенко не был теоретиком: в этом отношении он далеко уступал таким рабочим, как Обнорский, Ювеналий Мельников, Иван Бабушкин и др. Связанный всю жизнь с подлинной рабочей массой уже по одному тому, что сам был рабочим, Моисеенко как-то особенно сумел изучить эту жизнь, подмечать самые маленькие, незначительные моменты в быте пролетария. Просто, без всяких мудрствований, он подходил к рабочим, угадывал их настроение и зажигал их своим революционным оптимизмом, который его, Моисеенко, не покидал даже в самые черные дни реакции». Индифферентность Моисеенко в вопросах теории неоднократно сказывается в его воспоминаниях. Наиболее показателен следующий отрывок о после-февральском периоде: «В Баку, на выборах в городскую думу, РСДРП окончательно раскололась на большевиков и меньшевиков. Пришлось сидеть между двух стульев и поддерживать меньшевиков, сообразуясь с тем, как эсеры вели себя на собраниях, обманывая рабочих разными обещаниями насчет земельных наделов. Некоторые большевики не отставали от с.-р. и тоже вели себя не корректно, и потому я все надеялся, что все партии сольются воедино, во благо народа, а не будут углублять партийную грызню, которая может привести нас к гибели». Но глубокий классовый инстинкт, редкий организаторский талант и необычайная активность в конечном итоге всегда толкали Моисеенко на правильный путь. Эти черты вождя «Морозовской» стачки чувствуются и в каждой странице его воспоминаний.

Интересен самый стиль Моисеенко. Ни малейшей литературщины. Полное отсутствие периодов. Простой и выразительный *разговорный* язык. В этом отношении воспоминания Моисеенко можно признать замечательным *литературным* документом, ознакомление с которым чрезвычайно полезно для пролетарских писателей.

Теперь несколько замечаний о том, в каком виде воспоминания преподнесены читателю. Редактировавшей рукопись тов. Казовской пришлось проделать не малую работу. Одна расстановка знаков препинания (отсутствовав-

ших в подлиннике) была кропотливым и порою сложным делом. В результате рукописи придан в общем удобочитаемый вид. Однако совершенно недопустимо неогозоренное введение в текст фактических поправок, каковое, судя по предисловию, имело место. Была нужна осторожная *стилистическая* правка, но *фактическую* путаницу можно «распутывать» только в редакционных примечаниях. Досадно, что нигде не указано, кому принадлежат подстрочные примечания. Не оговорены и некоторые неточности в воспоминаниях. Например, Моисеенко пишет, что он встретился с Дейчем в 1873 г. Между тем, сам Дейч утверждает, что впервые встретился с Моисеенко в 1923 году (см. его некролог Моисеенко в первом томе сборников «Группа „Освобождение Труда“). Известный доктор Орест Веймар систематически называется Веймер, долгушинцы—долгушенцами.

Наконец, читатель не найдет в книге никаких сведений о жизни Моисеенко до 1873 г. Между тем, этот пробел легко можно было бы заполнить, перепечатав, хотя бы в виде приложения, краткую автобиографию Моисеенко, помещенную в истпартовской же хрестоматии «Революция и РКП в материалах и документах».

Г. Лелевич.

БЫЛОЕ УРАЛА № 3. Изд. Истпарта Башобкома РКП. Уфа 1924 г. 248 стр.

Третий сборник, изданный Баш. Истпартом, имеет несомненную историческую ценность. Немного нестройно проредактированный, давший зачем-то без всяких примечаний письмо Сазонова, напечатанное раньше в изданной журналом «Голос Минувшего» книге „Егор Сазонов“, материалы для биографии», все же третья книга «Былое Урала» читается с интересом. Ценность ее, как раз в том, что в ней приведен материал — частью документы, частью воспоминания, обрисовывающие историю революционной борьбы рабочих Урала. За исключением небольших воспоминаний т. Верхотурского о Ленине, весь остальной материал посвящен местной истории — рабочему движению и партийным организациям Уфы, Златоуста, Миньярского завода. Приведенные материалы не ограничиваются одним определенным хронологическим периодом — в сборнике дан материал как о первых шагах рабочего движения на Урале, так и о днях гражданской войны, прокатившейся в 1918—1919 г.г. по Уралу. Это создает пестроту сборнику, лишает книгу цельности, разбивает внимание, но историческая ценность материалов от этого не уменьшается. Центральное место сборника занимает большое сообщение т. Галанова «Расстрел златоустовских рабочих 26 марта 1903 года» и другое сообщение этого же товарища, посвященное тоже Златоусту—«Что говорит жандармский архив о подпольной златоустовской организации». Эти две статьи, написанные на основании сырого, архивного материала, дают очень много интересного; детального описания и материалов о златоустовских событиях 1903 г. напечатано не было, а между тем в волне рабочего движения 1903 г., охватившего по преимуществу юг России, события в Златоусте имеют свое особое место. Другую компактную группу материалов дают воспоминания, связанные с деятельностью Миньярской организации. Здесь большую ценность представляют воспоминания т. М. Коковихина «Партийная работа подполья Миньярской организации». Миньярский завод—чисто рабочий центр, с 1902 г. там существовала и действовала партийная с.-д. организация. Подробная история ее работы, это—история борьбы одного из рабочих отрядов Урала.

Среди материалов и воспоминаний, охватывающих нынешнюю революцию, интересен рассказ т. Чертова «Переход по Уралу через линию белогвардейского фронта». Эти воспоминания интересны тем, что в них описывается настроение рабочих Миньярского завода во время господства Колчака. Зимой 1919 г., в бураи и стужу, уходят с завода 150 человек рабочих навстречу Красной армии; такие коллективные уходы совершаются не раз. В общем, как видно из беглого обзора, сборник интересен, собирать и издавать материалы о рабочем движении, партийных организациях нужно; необ-

ходимо только при этом тщательно редактировать, не печатать уже напечатанного, избегать пестроты и разбросанности. Былое Урала будет изучено гораздо лучше, будет гораздо более доступно и близко творившим его массам, если сборники его будут компактны и цельны.

С. Пионтковский.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ДОНУ. Сборн. четвертый. Калединщина и борьба с нею (2 декабря 1917 г. — 10 февраля 1918 г.). Изд. Дон. Истпарта. Стр. 272.

Среди других провинциальных сборников Истпарта четвертая книга «Пролетарской революции на Дону» определенно выделяется. Книга прекрасно средактирована, богата содержанием; цельна — всесторонне охватывает один определенный период. В сборнике даны статьи, воспоминания, богато и разносторонне подобран отдел документов и дана хроника событий. Все это делает сборник в высшей степени ценным. Благодаря ему можно теперь всесторонне рассмотреть и изучить один из интереснейших эпизодов гражданской войны.

Калединщина выросла, как сосредоточение контр-революционных сил уже осенью 1917 г. В момент корниловского выступления Каледин уже выступает, как его союзник и опора. В октябрьские дни разбитые в Москве юнкера собирались отступать походным порядком на Дон; на Дон бежали из тюрьмы Корнилов и его генералы — здесь, в Ростове, организовывалась армия Алексеева и Корнилова, отсюда обращались они с письмами к представителям Антанты, вымаливая дивизии для борьбы с Советской властью; одно из таких писем приведено в отделе документов сборника.

Социальная структура Донской области своеобразна, подробный анализ ее мог бы многое объяснить в ходе гражданской войны на Дону, вскрыть корни калединщины и последующих событий; небольшой очерк на эту тему помог бы читателю разобраться в том материале, который приведен в рассматриваемом сборнике. Материал здесь дан колоссальный. Целый ряд, целая сеть вопросов освещается в мемуарах, затрагивается, подтверждается и обосновывается в документах. В сборнике рассматривается калединское движение как в Ростове, так и в области борьбы с ним рабочих железнодорожников и шахтеров, работа партии в подполье, поведение и роль различных слоев казачества. Вводные статьи П. Ратнера «Калединские дни» и Кирпичева «Третий войсковой круг и вопрос о власти» и «Историческое совещание в Новочеркасске» — слишком сжаты и конспективны и свою роль, как вводные статьи ко всему материалу, напечатанному в книге, не совсем выполняют.

Но это, конечно, не уменьшает исторической ценности книги. В коротком пересказе и беглых цитатах из документов невозможно передать всего богатого и разностороннего содержания сборника — историк принужден будет пользоваться им при описании и анализе событий на Дону в конце 1917, начале 1918 г.г. Для неподготовленного читателя сборник мало доступен. Его историческая ценность поглощает общедоступность. Для того, чтобы понять и представить себе калединщину, над сборником надо работать — недостаток вводных обобщающих статей рядовым читателям будет чувствоваться очень остро.

Надо пожелать, чтобы Донской Истпарт, дав прекрасный, отлично построенный и средактированный сборник, не забывал, что история гражданской войны на Дону не написана, что ее просто не знают, и, издавая материалы, снабжал их подробными и всесторонними вводными очерками — это сделает доступным и понятным историческую ценность материалов широким слоям читателей, приблизит историю к ее творцам.

С. Пионтковский.

ЧЕРВОННОЕ КАЗАЧЕСТВО. Изд. «Путь Просвещения» и «Молодой Рабочий». Стр. 310.

У нас свежи еще в памяти знаменитые рейды червонного казачества. Кто их не знает, эти изумительные походы красных отрядов, увенчавшие неувя-

даемой славой знамена червонного казачества? Кто не слыхал про Богунский, Таращанский полки — эти железные кадры будущих дивизий и корпусов? И кто не знает, что за время битв только убитыми червонное казачество потеряло... 3.550 человек!

Когда немецкая оккупация душила Украину, когда помещики водворялись в своих владениях, и по селам и деревням свирепствовала кровавая расправа, а в городах украинских гнали толпами на расстрел к вырытым могилам рабочих — тогда создавались первые боевые отряды, развертывались, пополнялись быстро и обильно новыми бойцами, под огнем учились искусству воевать и удерживать геройски натиск во много раз превосходившего силами противника. Трудовая масса здесь, как и везде по окраинам, особенно быстро стала прозревать и усвоивать подлинную суть положения именно во время и после владычества белогвардейских или оккупационных войск. На живых уроках, на примерах, показательным путем.

История червонного казачества,—это в кратком очерке история всей Красной армии. Здесь, как в фокусе, собрано все наиболее типичное и характерное в истории красноармейских частей — от первых выступлений крошечных вооруженных групп вплоть до создания крупнейших объединений красных частей. И надо отдать справедливость составителям,—они умело справились с обильным материалом. На фоне общей борьбы, развернув перед нами картину совокупных действий на огромной территории, они в то же время дали почувствовать и ту особенную исключительную роль, которую играло червонное казачество. Нет искусственного выпирания на первый план действий именно лишь своих частей, но эти действия и не стушевываются в общей борьбе; нет обычного в таких работах сосредоточения внимания на героизме отдельных личностей — здесь бьется вся огромная масса, и вы это чувствуете, видите непрестанно. И в то же время нисколько не умалена роль таких полководцев, как Примаков, — они выступают колоритно, убедительно, правдоподобно — без фальшивого пафоса, без мученического ореола. Соблюдена какая-то гармония частей, пропорция, действующая неотразимо, каждому факту отводящая свои размеры, свое время и место.

Червонные казаки бились на Украине, на Дону, против польской шляхты, на перекопских твердынях. Рейды, налеты, атаки — ими переполнена вся книга. Но ежели дали бы нам только историю победоносных походов,—это не была бы история червонного казачества. Заслуги составителей еще и в том, что они еще дали и историю неудачи, поражений, дали целый ряд примеров бандитизма, шкурничества в своей же собственной среде,— тех примеров, которые являются неизбежными спутниками и болезнями роста армии. Без этих фактов история была бы не полна и не верна. Теперь для нас весь этот хронологический перечень чисел, бездна цифр, разных местечек и т. д. и т. д.,—это лишь исторические справки. А когда-то все это было облечено плотью и кровью, жило напряженной и бурной жизнью,—тогда эти цифры и числа где-нибудь на Курско-Орловском плацдарме решали судьбу нашего советского отечества. И невозможно без глубокого волнения читать эти страницы, залитые кровью, изборожденные страданиями, полные несравненного героизма! Здесь так много этих героических примеров, что нет возможности их перечислять, да и не в этом наша задача. И героизм не только в боях—героизм в том, что червонные казаки в боевой страде, под огнем, то-и-дело пытались... ликвидировать неграмотность. Это опять-таки характерно для Красной армии в целом.

Книжка издана превосходно, снабжена массой фотографий, географическими картами. Ее надо читать, надо изучать и надо из всей этой массы материала суметь выловить то главное, благодаря чему победа осталась за нами.

Дм. Фурманов.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЗАПАДЕ.

1. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПРОВИНЦИИ И НА ФРОНТЕ. *М. Зелинмана.* — 2. ПРЕСТОН ВИЛЬЯМ СЛОССЕН. Чартистское движение и причины его упадка. *Б. Горева* — 3. Ж. РЕНАР. Республика 1848 г. *Н. Лукина.* — 4. А. БЕНЕДИКТОВ. Первый Интернационал. *И. Браславского.*

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПРОВИНЦИИ И НА ФРОНТЕ. Госиздат. 1924 г. Стр. 324. Тираж 5.150 экз.

Книга представляет собой собрание донесений Комитету общественного спасения и Конвенту, рассылавшему своих комиссаров во все провинции французской республики. В этих донесениях комиссаров отражается как положение на тогдашних фронтах республики, так и те меры, которые революционное правительство принимало во время Великой Французской революции для подавления контр-революции. Материал полезный, но слишком специальный, чтобы он мог интересовать круг читателей более широкий, нежели специалистов - историков, в частности изучающих историю Французской революции.

Всего в книге собрано 117 донесений за 1793 г. Следовательно, книга охватывает небольшую сравнительно часть всех донесений, поступивших в Комитет общественного спасения и в Конвент и собранных в восьми объемистых томах, изданных во Франции Олароом. Но в рецензируемой книге собраны наиболее интересные донесения, отражающие более важные моменты положения в провинции и на фронтах. В этом отношении можно считать подбор материала удачным.

Книга может сослужить полезную службу особенно тем из занимающихся изучением Французской революции, которые не владеют французским языком и не могут поэтому пользоваться оригиналами этих донесений, переведенных вполне удовлетворительно. Но вопрос об издании подобных специальных книг должен нами ставиться не только с точки зрения относительной полезности их для узкого круга специалистов, но с точки зрения наших издательских, технических и материальных средств. Наши издательские рессурсы пока столь ограничены, что они далеко не достаточны еще для удовлетворения книжного рынка самыми необходимыми учебными пособиями и литературой, имеющей *актуальный*, животрепещущий интерес для современной действительности. Этим положениям разбираемая нами книга, являющаяся *архивным* материалом, совершенно не соответствует. Мы пока еще слишком бедны, чтобы позволить себе роскошь заполнять полки наших архивов такой литературой, которая будет использоваться в редких случаях ограниченным кругом читателей.

М. Зеликман.

ПРЕСТОН ВИЛЬЯМ СЛОССЕН. Чартистское движение и причины его упадка. Перев. с англ. М. Е. Ландау. Издание т-во «Мир». М. 1923. Стр. 168.

Как ни богата сравнительно литература о чартизме, но интерес к этому грандиозному пролетарскому движению, равного которому по широте размаха и по глубине и остроте выдвинутых вопросов не было ни до, ни после — вплоть до русских революций 1905 и 1917 г.г., этот интерес не ослабевает ни у читателей, ни у исследователей. При этом, как справедливо говорит автор разбираемой нами книги в своем предисловии, — самый трудный и сложный вопрос, «которому до сих пор уделялось недостаточное внимание», следующий: «Почему народное движение, именуемое чартизмом, движение, столь широко поддерживавшееся непредставленными в парламенте классами Великобритании, остановилось на полпути, не добившись реформ, начертанных на его знамени?

Разрешает ли новая книга (она написана в 1916 г.) этот вопрос, которому посвящены также работы известного знатока английского рабочего движения тов. Ротштейна? Автор ее — откровенный и последовательный реформист и «соглашатель». По его мнению, «так как расположение высших и средних классов было очень важно для успеха чартистов, то их энергичное настаивание на классовом принципе сильно вредило им». Кроме того, «присутствие немногих богатых людей в движении могло бы помочь ему пережить многие периоды, когда чартистская пресса дышала на ладан... и нечем было платить жалование должностным лицам партии» (стр. 100). Такая откровенная и упрощенная философия истории, конечно, настраивает читателя весьма скептически и к пониманию Слоссоном самого характера чартизма и к тем историческим объяснениям и изысканиям, какие мы находим в его книге. Но такое суждение было бы поспешным и потому неверным. Непонимание автором самой сущности пролетарской классовой борьбы, его враждебное отношение к революционному крылу чартизма и особенно к О'Коннору, наконец, его обывательская попытка свалить значительную часть вины за неудачу движения на *личную* борьбу вождей и их честолюбий,— все это не мешает ему дать весьма тщательный и добросовестный анализ экономического положения Англии, причин и следствий чартизма и этапов его развития. Книга Слоссона изобилует интереснейшими статистическими данными, любопытными цитатами, указывающими, как ярко выражали некоторые чартисты идею диктатуры пролетариата [1]), ценными политическими указаниями (напр., о роли Ирландии, напоминавшей роль Польши в упадке нашего революционного движения начала 60-х г.г.) и т. д.

А если к богатому фактическому материалу книги прибавить помещенные в конце ее редкие документы эпохи, то надо будет признать ее, несмотря на ложность основной точки зрения, безусловно интересной и полезной.

Издана она хорошо.

Б. Горев.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА № 3. ЖОРЖ РЕНАР. Республика 1848 года (1848—1852). Перевод с французского. Гос. Изд-во. Москва — Петроград 1923. Стр. 437.

Книга Ренара является составной частью известной «Социалистической истории», написанной в свое время французскими социалистами под общей редакцией Ж. Жореса. Если не считать блестящих произведений Маркса, занимающих совершенно исключительное место в исторической литературе, книга Ж. Ренара является едва ли не единственной обстоятельной научной [1]) работой по истории революции 1848 года во Франции. Другие имеющиеся на русском языке книги по этой эпохе носят либо популярный (Л. Эритье, Стеклов, (Пименова), либо мемуарный характер(Л. Блан, Д. Стерн), либо написаны с либеральной, кадетской точки зрения (Гримм). В параллель работе Ренара можно поставить разве только «Историю второй французской республики» Лозинского.

Сам Ренар принадлежал к оппортунистической фракции так называемых «независимых» социалистов, что, разумеется, не могло не отразиться на его работе. Классовая точка зрения не везде проводится автором; в его оценках отдельных событий (как, напр., известной попытки парижского пролетариата разогнать контр-революционное Национальное Собрание—демонстрация 15 мая 1848 года) чувствуется определенный оппортунистический уклон. В одном месте, говоря о «Коммунистическом манифесте», автор не очень умно иронизирует по поводу неоправдавшихся предсказаний Маркса о близости пролетар-

---

[1]) Вот, напр., что писал в 1850 г. известный чартист Гарни: «Что касается подавления голоса других классов рабочими, то ответ не труден: *другие классы не имеют даже права на существование*».

[1]) Так называемый «ученый аппарат» в виде обстоятельных ссылок на источники и литературу предмета, изданный особым приложением к французскому оригиналу, в русском переводе опущен.

ской революции (стр. 296). Тем не менее, «Классовая борьба во Франции» и «18-е брюмера Луи Бонапарта» оказали на него сильнейшее влияние, которое чувствуется не только в той схеме революции 1848 года, которой придерживается автор, но и в оценке отдельных событий, даже лиц. Лучшее доказательство того, что эти шедевры исторической литературы, вышедшие из-под пера Маркса почти 75 лет тому назад, нисколько не устарели и до сих пор.

Книга Ренара распадается на две части. В первой — «История политическая» — излагается общий ход революции, начиная с образования временного правительства в феврале 1848 года и кончая государственным переворотом 2 дек. 1851 г.

Во второй части («Политическая и социальная эволюция») автор излагает господствовавшие в эту эпоху социально-политические теории и дает социально-экономическую историю Февральской революции не в хронологическом, а систематическом разрезе. Здесь он исследует, какие перемены были внесены революционным законодательством или революционной самодеятельностью масс в области производства, обращения и распределения («Режим собственности и налоги»). Это — наиболее интересная и оригинальная часть работы Ренара, если не считать характеристики идеологических течений эпохи (в частности — тогдашнего социализма), рассматриваемых автором довольно поверхностно и, что хуже всего, вне связи с настроениями и требованиями тех или иных общественных классов и групп (см. ч. II, гл. I—III). Самая классификация этих течений в области общественной мысли («социалисты», «сторонники государственного вмешательства» и «приверженцы status quo»), построенная на сомнительных логических основаниях, едва ли может быть признана удачной.

Что касается первой части работы (политической истории), то наиболее слабым ее местом является глава о клубах, которую следовало бы развить подробнее. Известно, что в эту эпоху клубы до известной степени заменяли собою политические организации для широких народных и, в частности, пролетарских масс.

Известно, какую важную роль играли клубы Барбеса и Бланки в народных движениях 17 марта, 16 апреля и 15 мая 1848 года.

Несмотря на отмеченные дефекты, книгу Ренара можно рекомендовать, как хорошее пособие для наших вузов и партшкол, а также для самообразования.

Н. Лукин.

А. ВЕНЕДИКТОВ. История Первого Интернационала. Гиз. 1924. Стр. 74. Тираж 25.000.

Автор рецензируемой брошюры, повидимому, задался целью написать популярную историю I Интернационала. Госиздат же, печатая ее в таком огромном количестве, вероятно, намеревался дать ей самое широкое распространение. Что популярная литература по истории международного рабочего движения нам нужна,—это не подлежит спору. Но что так писать историю Интернационала, как ее написал А. Венедиктов, и в таком виде выпускать ее на книжный рынок, как это сделал Госиздат, нельзя, недопустимо, с этим согласится всякий, кто прочтет даже не всю брошюру, а несколько нижеприводимых выдержек из нее.

Говоря о революционном движении в Германии накануне 1848 года, автор пишет (подчеркиваем, что цитируем автора дословно): «Там (в Германии. *И. Б.*) в половине 40-х годов вспыхнуло известное восстание силезских ткачей, которое, благодаря жестокости его подавления, подлило масло в огонь, и движение, наконец, разразилось революцией 1848 г.» (стр. 6). Это неверно. Исходным пунктом Германской революции 1848 г. был, главным образом, промышленный кризис 1847 г. Восстание же силезских ткачей (1844 г.) следует рассматривать только как первое классовое выступление германского пролетариата.

Касаясь же изменения тактики и программы «Союза Справедливых», вызванного неудачей Парижского восстания 1839 г., поднятого «Об-вом Времен Года», чартизмом и переходом рабочего класса Англии к методам открытой политиче-

ской борьбы, А. Венедиктов указывает, что «под влиянием этого «Союз Справедливых» плотнее подошел к реалистическому социализму» (стр. 8). Очевидно, автор разумеет процесс очищения программы Союза от пережитков утопического и мелко-буржуазного социализма и усвоение им метода реальных революционных действий, основанных на понимании путей исторического развития общества. Но стремление придать этому процессу форму «плотного» подхода к «реалистическому» социализму значит превращать ясное положение в совершеннейшую неразбериху. Приведенные выдержки относятся к 1-й главе брошюры—«Предшественники Первого Интернационала», которая, между прочим, является лучшей из всех трех глав брошюры.

Во второй главе—«Основание Интернационала», изобилующей достаточным количеством «варваризмов», автор, описывая бедственное положение французского пролетариата, вызванное промышленным кризисом конца 50-х г.г. говорит: «Это окончательно вырвало почву из-под ног «полицейского социализма» мирным путем улучшить положение рабочих» [1]) (20). Помимо того, что цитируемая фраза не поддается никакой литературной оценке, что она формально нелепа, нужно признать, что автор «окончательно вырывает почву из-под ног» массового читателя при самом минимальном стремлении его узнать кое-что о провокационной политике Наполеона III в рабочем вопросе, прозванной «императорским социализмом».

Не задаваясь целью заниматься регистрацией литературных и прочих промахов, имеющих место во 2-й главе, переходим к последней, излагающей всю историю Интернационала, борьбу течений и распад его. В сущности, эта глава является самой неудачной. В ней нет четкого и ясного (хотя бы в сжатой форме) отображения борьбы марксистов с анархистами, слабо выявлен прудонизм, как важный этап в истории Интернационала и французского рабочего движения (о прудонизме упоминается несколько раз на стр. 37, 44 и др., но слишком обрывочно), недостаточно очерчен процесс развития рабочего движения в отдельных странах и т. д.

Говоря о Германии, А. Венедиктов останавливается довольно подробно на нерешительном поведении «эйзенахцев», во главе с В. Либкнехтом, в отношении резолюций Базельского конгресса 1869 г. о земельной собственности и о праве наследования. Справедливо критикуя эту нерешительность к таким кардинальным решениям Интернационала, автор делает неправильный вывод из этого положения, считая, что оно «сводило на-нет весь социалистический характер „эйзенахцев", почему «Швейцер, руководитель лассальянского «Всеобщего Германского Союза», был прав (сохраняем стиль автора *И. Б*) после этого, что «эйзенахцы» не имеют смелости объявить себя сторонниками... обобществления средств производства» (46). Это был безусловно неправильный тактический шаг, вызванный оппортунистическим опасением разрыва с мелко-буржуазными демократами Южной Германии, но он был вскоре исправлен самим же Либкнехтом. На лекции, прочтенной им в марте 1870 г. в Мееране, Либкнехт блестяще защитил базельские резолюции от нападок Народной партии и тем самым упрочил социалистические позиции «эйзенахцев». Совершеннейшую примитивность представляет объяснение А. Венедиктова, что франко-прусская война «была необходима Наполеону III, чтобы *подправить* (курсив наш. *И. Б.*) свою пошатнувшуюся репутацию внутри страны» (50). Франко-прусская война была вызвана не только этим, а главным образом теми центробежными силами нарождавшегося капитализма, которые властно диктовали Германии необходимость полного экономического и политического объединения ее, а Франции — усиление ее гегемонии на континенте Европы.

Эта же глава, между прочим, нуждается в исправлении многих фактических неточностей. Укажем на некоторые из них. Так, Женевский конгресс 1866 г. рассматривал не вопрос о взаимопомощи членам Интернационала (37), а о «международной солидарности (взаимопомощи) в борьбе труда с капиталом».

[1]) Цитируем автора дословно.

Юрская федерация была секцией швейцарских интернационалистов, говорящих на французском языке, но не итальянских интернационалистов, как об этом указано на стр. 47. Что касается указания (61), будто Женевский конгресс 1873 г. (марксистский) не состоялся, то это неверно. Он состоялся 8 сентября 1873 года при непосредственном участии И.-Ф. Беккера.

Несколько слов о заключительной части брошюры — о Втором Интернационале. «Второй Интернационал, — пишет автор,—ставил себе более скромные задачи (в сравнении с I-м): борьба с милитаризмом путем отмены постоянных армий и установление 8-час. рабочего дня» (65). Не это определяет задачи II Интернационала, и не потому он погиб, что «был менее сплоченной организацией, чем даже I-й» (66). Новая фаза капитализма, рост империализма, измена вождей, ревизионизм, реформизм, а отсюда оборончество и социал-патриотизм, — вот, собственно говоря, причины развала II Интернационала.

В заключение, мы не можем не обратить внимания на неряшливое, совершенно нелитературное изложение. В дополнение к уже цитированным отрывкам приводим еще несколько: на стр. 23 читаем: «После митинга было назначено другое специальное собрание об установлении международной связи»; «мы уже упоминали, что статуты и учредительный адрес были приняты те, которые представил К. Маркс» (31); «каждая секция смотрела на Интернационал с этой точки зрения, какая соответствовала интересам ее организации» (44). Мы ограничимся этими несколькими выдержками. Об опечатках («редакция» вместо «реакция» (32), «эйзенаховцев» вместо «эйзенахцев» (46), «делегатства» вместо «делегаты» (38) и т. д.) мы уже не говорим.

И. Браславский.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

1. ЛЕВ МЕЧНИКОВ. Цивилизация и великие исторические реки. *А. Неусыхина.* — 2. А. ЛЕВИН-ДОРШ и Г. КУНОВ. Первобытная техника. *Проф. П. Преображенского.* — 3. Я. А. БЕРЛИН. Дикари, их быт и нравы. *Проф. П. Преображенского.*

Л. И. МЕЧНИКОВ. Цивилизация и великие исторические реки. Перев. с франц. Н. А. Критской, под ред. и со вступительной статьей Н. К. Лебедева и с предисловием Элизе Реклю. Москва. «Голос Труда». 1924 г. Стр. 255.

Книга Л. Мечникова принадлежит к числу тех немногих ученых работ, которые разделяют участь художественных произведений: стареются, но не умирают. В самом деле: в книге Мечникова страшно много устарелого; почти все его этнографические, этнологические и исторические сведения и взгляды требуют серьезных поправок. И тем не менее его работа не только не утратила своего интереса, но, напротив, до сих пор принадлежит к числу наиболее живых произведений ученой литературы. И это, конечно, потому, что фактический материал, собранный и несколько бессистемно использованный автором, является в его руках лишь средством достижения вполне определенной цели, давая ему ряд конкретных иллюстраций для развития основной его темы: о взаимоотношении общественного человека и внешней среды. А это как раз одна из центральных тем социологии, и притом до сих пор еще очень мало разработанная. Однако эта огромная задача — изучение взаимодействия общественного человека и внешней среды, в свою очередь, распадается на ряд более узких задач. К ней можно поэтому подойти с различных сторон. Можно ограничить свою задачу изучением генезиса и эволюции тех средств, при помощи которых происходило активное воздействие чело-

века на внешнюю среду, т.-е. изучением генезиса орудий и средств производства и их эволюции; такое изучение осветит нам *одну* сторону процесса взаимодействия человека и среды,—процесс роста власти человека над природой. Продолжая изучение этого процесса вглубь и исследуя перемены, производимые им в структуре самого человеческого общества и его социально-экономических отношений, можно уяснить себе, как человек, «воздействуя на внешнюю природу, изменял и свою собственную природу».

Но мыслимо и необходимо изучение и другой стороны указанного процесса,—изучение самой среды, ее влияния на человеческое общество, изменений, намечающихся в ней в результате воздействий и импульсов, исходящих из общества, и обратного влияния на человека этой, уже измененной и приспособленной к потребностям данного общества, среды. Эту последнюю задачу и берет на себя Л. Мечников: на примере четырех речных цивилизаций,—египетской, ассиро-вавилонской, индусской и китайской,—хочет он конкретизировать свои соображения о роли географической среды и, в частности, реки, как синтеза всех географических условий, в истории человеческого общества. При постановке подобных вопросов очень легко впасть в двойную вульгаризацию: биологическую и географическую.

Чрезвычайно соблазнительно изобразить процесс взаимодействия человека и среды в качестве процесса чистого биологического приспособления к среде человека, как вида, или свести его к воздействию географических условий на характер и темперамент расы или индивидуумов. Л. И. Мечников благополучно избежал и той, и другой опасности. Подвергнув резкой критике расовую теорию в социологии и тем самым отмежевавшись от вульгарного биологизма, он не менее ясно отмежевывается и от географического фатализма, оперируя все время не с понятием «расовых характеров», пассивно подверженных непосредственному влиянию среды, а с понятием общества, активно реагирующего на всю совокупность географических условий его бытия. Вот как сам автор формулирует свою постановку вопроса: «Мы далеки от географического фатализма, в котором нередко упрекают теорию о влиянии среды. По моему мнению, причину возникновения и характер первобытных учреждений и их последующей эволюции следует искать *не в самой среде, а в соотношениях между средой и способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности*» (стр. 69; курсив наш. *А. Н.*).

«Дело идет только о том, чтобы установить историческую ценность физико-географических условий и изменчивость этой ценности в течение веков и на разных ступенях цивилизации» (стр. 129). «Два определяющие начала, т.-е. *среда и способность населения к приспособлению*,—являются элементами *изменчивыми*, откуда неопровержимо вытекает, что и исторические судьбы народов, живущих в каких бы то ни было странах, должны постоянно меняться» (стр. 184).

«Широта и быстрота прогрессивных изменений растут по мере того, как увеличивается власть человека над временем и пространством» (стр. 185). И далее: «Человек, обладая вместе со всеми организмами способностью приспособляться к среде, господствует над всеми животными видами в силу ему одному свойственной способности *приспособлять среду* к своим потребностям» (стр. 89; курсив автора. *А. Н.*).

Если к приведенным формулировкам прибавить, что Мечников, как это явствует из всей его книги, под «способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности» разумеет не что иное, как известный уровень развития *человеческого общества*, то смысл его формулировок станет совершенно ясным: «причину возникновения первобытных учреждений» следует, по Мечникову, искать *«не в самой среде, а в соотношениях между средой и обществом на данной ступени его развития»*.

В качестве иллюстративного материала для конкретизации своей мысли Мечников не случайно избрал историю четырех великих речных цивилизаций. Ибо ведь само собою разумеется, что не всякая «среда» в одинаковой мере может служить предпосылкой процесса взаимодействия общества и природы, не всякая «среда» одинаково благоприят-

ствует возникновению этого взаимодействия и его дальнейшей эволюции. Следовательно, при изучении указанного процесса под углом зрения «среды» приходится в каждом конкретном случае прежде всего определить самый характер среды: а река, по мнению Мечникова, «является как бы выражением живого синтеза всей совокупности физико-географических условий,—и климата, и почвы, и рельефа земной поверхности, и геологического строения данной области» (стр. 159). Следовательно, если мы знаем особенности той реки, на берегах которой разыгралась история данной цивилизации, то мы знаем и характер всей географической среды, в которой эта цивилизация складывалась и развивалась. Но «всякая большая река — впадает в море. Всякая речная цивилизация,—говорит Мечников,—должна рано или поздно погибнуть, или быть поглощенной в широком потоке, или развиться в более обширную *морскую* цивилизацию» (стр. 138).

Так приходит Мечников к установлению трех фазисов развития цивилизации речного периода, характеризующегося изолированностью цивилизаций, морского и океанического. В планы автора входило намерение осветить под углом зрения географической среды все три фазиса, но он успел осуществить только первую часть задуманной им работы и дал лишь очерк истории речного периода.

Если река есть «выражение живого синтеза всех географических условий» данной страны, то каковы же должны быть эти условия, какова должна быть река, чтобы благоприятствовать зарождению и развитию цивилизации? Каковы особенности великих исторических рек? «Все эти реки, — отвечает Мечников на наши вопросы,— обладают одной замечательной характерной чертой, способной объяснить секрет их выдающейся исторической роли: все они обращают орошаемые ими области то в плодотворные житницы, питающие миллионы людей за труд нескольких дней, то в заразные болота, усеянные трупами бесчисленных жертв. Специфическая географическая среда этих рек могла быть обращена на пользу человека лишь коллективным, сурово дисциплинированным трудом больших народных масс» (стр. 162). Эта особенность — периодические разливы, требующие своей регулировки, но зато щедро вознаграждающие за нее человека,—в той или иной степени обща всем рекам четырех речных цивилизаций древнего мира: Нилу, Тигру и Евфрату, Инду и Гангу, Хоан-Хо и Ян-Ци-Киангу.

Обозревая историю этих цивилизаций в связи с характером разливов названных рек, Мечников делает ряд чрезвычайно интересных намеков по вопросу о взаимодействии общества и среды. Да, только намеков, ибо его книга не дает ни систематического изображения этого взаимодействия, ни решения вопроса о его внутренних пружинах: и то и другое очень трудно, при современном уровне знаний почти невозможно! Книга Мечникова ценна тем, что дает ясную и точную постановку вопроса и конкретизирует ее на историко-этнографическом материале. И уже это одно следует признать очень большой заслугой автора, ибо дальше «постановки вопросов» и «намеков» изучение взаимодействия общества и среды до сих пор еще не пошло. Вот почему мы и имели право сказать в начале рецензии, что книга Л. И. Мечникова несколько устарела, но значение ее не умерло.

К сожалению, этой книге не повезло,— особенно у нас в России! Она увидела свет в 1889 г., после смерти автора, и еще Плеханов в 1890 г. удивлялся полному молчанию о ней русских журналов.

Первый русский перевод ее появился только в 1899 г., да и то в крайне неудовлетворительном виде, как об этом красноречиво свидетельствуют примеры, приводимые Н. К. Лебедевым в его интересной и содержательной вступительной статье. Но и лежащий перед нами перевод вряд ли много лучше предыдущего: если в нем нет грубых ошибок, то есть немало мелких неточностей, еще более запутывающих и без того бессистемное изложение Мечникова. Если прибавить к этому бесчисленное количество опечаток, порою прямо и явным образом искажающих смысл и затрудняющих самый процесс чтения

(напр., «нечто» вместо «некое» на стр. 182, «сложнее» вместо «схожее» на стр. 240 и т. д.), да еще скверную, серую бумагу, то рецензируемое издание придется признать крайне неудачным.

«Habent sua fata libelli!» [1]). Книге Л. И. Мечникова суждено было, повидимому, пережить трагическую судьбу ее автора.

Д. Нгусыхин.

А. ЛЕВИН-ДОРШ и Г. КУНОВ. Первобытная техника. Пер. И. Н. Юровского, под ред. проф. Д. Н. Анучина. Госиздат. Стр. 464. (Год издания не указан.)

Сводная работа А. Левин-Дорш и Г. Кунова в значительной степени восполняет существовавший до сих пор в литературе научно-популярного характера по истории первобытности пробел. У русского читателя еще не было в руках книги, которая бы в сравнительно сжатой и удобопонятной форме давала очерк развития технических способов и приемов производства, находившихся в распоряжении первобытного человека. Между тем, необходимость такого очерка ясна для каждого, пытающегося осмыслить ход и развитие человеческой культуры с материалистической точки зрения.

Русский перевод этой работы дополнен подчас весьма ценными, но, к сожалению, чересчур немногими примечаниями покойного проф. Д. Н. Анучина, который поэтому далеко не всегда указывает на слабые или спорные пункты в работе немецких авторов. На некоторых из этих пунктов особенно останавливается внимание рецензента. Сомнительно утверждение Г. Кунова, особенно выраженное в крайне категоричной форме, «что древнейшие следы существования человека на земле заходят даже далеко в глубь третичного времени» (стр. 186). Невольно вспоминается скептическое замечание Гернеса, что третичный человек стоит еще только на пороге современной науки. Вряд ли может быть доказано и другое утверждение названного автора о решительном преобладании мясной пищи над растительной в диэте первобытного человека (стр. 204). Это мнение Г. Кунова находится, повидимому, в тесной связи с преувеличенной оценкой силы первобытной орды. Охота на такого исполина животного царства, как мамонт, кажется Г. Кунову чуть ли не повседневным занятием первобытного человека (стр. 225). И здесь вполне понятен скепсис проф. Д. Н. Анучина, сомневающегося в возможности разрешить вопрос о том, как четвертичный охотник мог охотиться за этим толстокожим. Вопрос о приручении домашних животных тоже далеко не так прост, как его разрешает Г. Кунов. Во всяком случае положение о том, что в приручённом животном ценилось то же самое, что и в диком—мясо, кожа, рога (стр. 274), может быть подвергнуто серьезнейшей критике. По всей вероятности, ход культурного развития здесь был гораздо более сложен, чем это представляется Г. Кунову. При характеристике происхождения украшений и одежды уже обоими авторами не указана преимущественная роль мужчины в стремлении к украшению своего тела и назначение первобытных украшения и одежды, как орудий сексуального привлечения. Наконец,—и это замечание также относится к обоим авторам,—самое заглавие их труда—«Первобытная техника» до некоторой степени нарушается частым привлечением материала из истории высоких культур—Египта, Вавилонии, Эгеиды, и нельзя сказать, чтобы линия развития, ведущая от первобытности к этим высоким культурам, всегда отличалась большой четкостью и ясностью, тем более, что характеристика этих культур тоже несвободна от возражений. В частности, трудно предполагать постоянную зависимость египетского культурного центра от вавилонского, как это склонен утверждать Г. Кунов.

Но рядом с этими неясностями и неточностями книга Г. Кунова и А. Левин-Дорш отличается и целым рядом выгодных качеств. Из этих последних следует в особенности отметить следующее. Авторы весьма детальны в описании приемов первобытной техники и производства и достигают в этих описаниях

[1] Книги имеют свою судьбу (у книг есть своя судьба).

иногда чрезвычайно большой наглядности. Таким образом книжка вводит читателя в обиход первобытной мастерской, первобытной кухни, первобытной постройки жилища, и благодаря этому вместо сухого книжного описания у читателя создается живое представление о началах культурного развития. Если добавить, что многие из этих описаний сопровождаются схематическими рисунками, то мы вряд ли обманемся в ожидании, что первобытная технология станет в достаточной мере понятной и осязаемой для среднего читателя. Книга может быть вполне рекомендована для пополнения библиотек старших групп в трудовых школах, рабочих факультетов и для культурно-просветительной работы.

Проф. П. Преображенский.

Я. А. БЕРЛИН. Дикари, их быт и нравы. Госиздат. М. 1924 г. Стр. 379.

Книжка Я. А. Берлина, несомненно, займет свое место среди научно-популярной литературы для детей среднего возраста. К числу ее выгодных свойств относится и то, что она написана с достаточным знанием предмета, поскольку этого можно требовать от популяризатора, недурным и вполне литературным языком, а главное, проникнута чрезвычайно теплым, иногда, как мы увидим, даже чересчур сентиментальным отношением к своим героям. Эта любовь автора к герою своего рассказа, к так называемому «дикому человеку», наверное, передастся и юному читателю и, таким образом, часть своего назначения—пробуждение интереса к меньшой братии в семье народов и сочувствия к судьбе этих вымирающих физически и культурно колониальных рабов — она выполнит. Последнее будет вызвано и тем, что в специальном очерке «Неравная борьба» автор прямо касается истории европейского культуртрегерства и с негодованием перечисляет целый ряд закулисных сторон той политики искоренения, которую европейцы вели по отношению к малокультурным и полукультурным племенам и народностям Старого и Нового Света. Но именно этот очерк выдает размеры тех возможностей, которые находились в распоряжении Я. А. Берлина. Те факты, касающиеся освоения европейцами Австралии, Северной Америки, нашей колонизации в Сибири, которые приводятся Я. А. Берлиным, достаточно ярки сами по себе, но в своем подавляющем большинстве относятся к до-империалистической эпохе, а впечатление от этой главы выиграло бы гораздо больше, если была бы затронута хотя бы довоенная современность.

Эта ограниченность рессурсов сказывается и в других очерках Я. А. Берлина. Очень часто автора привлекает не будничная правда дикарской жизни, а какой-нибудь анекдот или занимательный случай, поразивший внимание путешественника. Конечно, в книге, подобной книге Я. А. Берлина, такой занимательный факт иногда просто необходим для оживления повествования, но не было бы лучше сообщить в некоторых случаях вместо анекдота кусок сказки, песни, легенды или просто автентичного повествования, слышанного из уст дикаря? Тот материал, который приводится Я. А. Берлиным, и вообще не очень-то богат, а, кроме того, все же мало дает понятия о подлинной духовной жизни малокультурного человека, рисуя ее скорее через призму европейца-путешественника, либо европейца-ученого. Рядом с этим стоит и отмеченная уже нами некоторая сентиментальность автора, которая иногда переходит в чрезмерную идеализацию жизни и быта малокультурного человека. Особенно это свойство автора сказывается, напр., в главе «Братская жизнь», где пропадают все следы общественной дифференциации и эгоистических стремлений в малокультурных народностях. Поэтому одна из последующих глав—«Тяжелая доля» производит на читателя несколько неожиданное впечатление. Судьба женщины среди малокультурных народов перестает вязаться с описанным автором царством братской любви и взаимопомощи. В связи с этим свойством нашего автора стоит и его тенденция к гуманному и назидательному морализированию о высшей правде, о том, что никакое насилие не пройдет безнаказанным. Нам трудно выяснить размеры редакторской

работы, которая была произведена после смерти автора, но мы сильно подозреваем, что она свелась к конкретизации этих общих декламаций Я. А. Берлина, сделанной в форме трех редакторских примечаний на стр. 99, 374, 379. Смысл всех этих примечаний одинаков — все благие пожелания автора исполнятся при наступлении коммунистического строя. Думается, что здесь к наивности автора прибавляется еще наивность редактора, думающего, что это вложение перстов в раны будет убедительно для читателя в форме повторенного трижды подстрочного примечания. Тут в тексте нужна была либо ампутация, либо его более солидная переработка. Для удобства пользования книгой следовало, может быть, изменить и оглавление, поставив за картинными, но мало понятными названиями отдельных глав—как «Делу час, потехе—время», «Школа приготовительная», «Опять сказочные люди» более конкретные подзаголовки.

Несмотря на все указанные недостатки, книга Я. А. Берлина займет принадлежащее ею место в научно-популярной литературе для детей и подростков и сможет пробудить интерес к затронутому ею предмету. Цена (2 р.) представляется нам чересчур высокой.

Проф. П. Преображенский.

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ.

1. С. РУДНЯНСКИЙ. Беседы по философии. *Г. Баммеля.* **—2. Ф. МАУТНЕР. Атеизм в эпоху Великой Французской революции.** *И. Луппола.* **— 3. А. БИНЕ и Т. СИМОН. Методы измерения умственной одаренности.** *Д-ра Залкинда.*

С. РУДНЯНСКИЙ. Беседы по философии материализма. Пособие для самообразования. Пер. с польского с примечан ями Л. И. Аксельрод (Ортодокс). С предисловием С. Ю. Семковского. Издание первое. Государств. Изд - во. М. 1924. Стр. 114.

Брошюра состоит из шести глав-«бесед». Беседа первая посвящена изложению вопроса о том, что такое философия; вторая трактует вопрос «о познании и его элементах», третья —«о познающем субъекте», четвертая —«об объекте познания», пятая — о диалектическом понимании вещей, шестая —«о свободе и необходимости». Каждая из «бесед»-глав написана очень популярно; изложение, в духе ортодоксального марксизма, обращено к средне-развитому читателю; ход мысли развивается очень живо, нередко иллюстрируется конкретными, понятными для массового читателя примерами, а местами маленькие культурно-исторические экскурсы придают брошюрке в целом большую убедительность.

Итак, брошюрка, несомненно, найдет путь к читателю; во всяком случае как пособие для культурно-образовательной работы в кружках широких кругов рабочей среды она может быть рекомендована. Несмотря на это, или, вернее, именно, благодаря этому, брошюра требует самого строгого отношения, ибо в наше время недостатки в популярной книжке гораздо вреднее, чем в теоретическом «исследовании».

Поэтому в последующих изданиях брошюра должна быть снабжена постраничными популярными примечаниями с оговорками относительно следующих пунктов.

«Беседы по философии материализма»— не во всех своих частях выдержаны в строго марксистском духе. В брошюре есть теоретические шероховатости, которые не только не искупаются, как думает С. Ю. Семковский в своей вступительной заметке,—но усугубляются популярным характером общего изложения,— шероховатости, которые доказывают, что автор недостаточно знаком с философией марксизма, с диалектическим материализмом.

Стр. 8. Действительность, природа сперва берется как объект человеческой деятельности, затем устанавливается зависимость ее от последней, от обобществленного труда, и отсюда делается вывод, что действительность, которую создает человеческий труд, является обобществленной и собирательной. Но в таком случае,—и это подтверждает и сам Руднянский,—природа принимает иной вид в зависимости от того, как она представляется. В этом взгляде на действительность, как на обобществленный труд, для всех очевиден тот *идеалистический* выверт, за который нападали на Дицгена и Маркс, и Плеханов, и Ленин.

Стр. 10—13. «Я предполагаю сразу взять быка за рога и определить предмет философии в свете современных научных воззрений»... Не правильнее ли было сказать «свете марксизма»? Но это—мелочь, а вот что определение философии у нашего автора к марксизму притянуто только за волосы, это несомненно. Философия для него—«познавательная техника», «наука наук», которая учит, «каким образом проясняется наша голова, познавая различные вещи, и как, в свою очередь, устремлять лучи своего света на эти вещи». Подобное «рассуждение» может только запутать читателя, привыкшего отделять философию марксизма, материализм в целом, от материалистической теории познания.—Если бы автор направил «лучи своего света» на Энгельса и Плеханова, он бы, конечно, знал, что такое философия в понимании марксизма, а не неокантианства, в котором, повидимому, искушен наш автор.

Стр. 15. Цитируя известные слова Маркса, что философы до сих пор только созерцали мир, тогда как его надо изменить, автор делает совершенно ошибочное заключение, что этот мир, «этот объект, эта действительность, является результатом обобществленного и собирательного человеческого труда». В результате—субъективизм и психологизм вместо философского материализма.

Стр. 16—17. Раз, по мысли автора, философия ставит задачу «об указании способа, как следует пользоваться разумом, для того, чтобы он правильно отражал образы (?) природы и ее явлений (?)», то философия отождествляется с логикой и теорией познания.

Стр. 35. Закон причинности истолкован идеалистически в духе Юма. На это указывает тут же «примечание переводчика»: «в этом месте автор, таким образом, несколько небрежно и неточно выразил свою мысль»...

Стр. 49. Автор в философии И. Дицгена подчеркивает как раз ту сторону, которая всегда была ее слабым, наиболее уязвимым местом. Если действительность и есть объект общественной практики, то отсюда не следует, что точно так же, как внешние предметы, *одинаково* реальны и сознание, знание, способность и т. д.

Стр. 56. «Такие качества предметов, как звук и цвет, суть лишь мои способы восприятия внешнего мира»... и дальнейшее развитие этой мысли. Неотчетливая формулировка понятий—при материалистической, по существу, постановке вопроса, что более всего ценно,—также может запутать читателя.

Вот несколько примеров, характеризующих немарксистские взгляды, шероховатости в книжке. Если ее снабдить в указанных и сходных с ними местах новыми примечаниями, вроде тех, какие написаны Л. И. Аксельрод (Ортодокс), книга выиграет, несомненно, в огромной степени, и она будет не только доступна для широкого круга читателей, но и полезна.

Гр. Баммель.

Ф. МАУТНЕР. Атеизм в эпоху Великой Французской революции. Перевод с немецкого И. Я. Колубовского. Изд. «Петроград». Ленинград 1924. Стр. 78.

Читатель ошибется, если подумает, что рецензируемая книжечка и в немецком подлиннике является самостоятельной, отдельной работой. «Атеизм в эпоху Французской революции» есть перевод лишь одной главы (да и то не целиком) большого четырехтомного труда Ф. Маутнера «Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande». Неизвестно, почему переводчик не оговорил этого обстоятельства хотя бы в кратком предисловии, ведь, казалось бы, читатель в праве

знать о направлении и задачах автора большой работы, лишь частичка которой этому читателю подносится.

Автор — крупный и оригинальный исследователь языка, который он понимает, как широкое культурное явление и достояние народа. Из философии он исключает метафизику. Однако это исключение напоминает отрицание метафизики, напр., О. Контом и Г. Спенсером. Последний, как известно, допускал «непознаваемое» и дальше *агностицизма* не пошел. Нечто подобное есть и у Маутнера. В предисловии к своему «Атеизму и его истории на Западе» он на первых же строчках объявляет свое credo (убеждение): его точка зрения — мистика без бога (eine gottlose Mystik). К этому душеспасительному выводу он ведет свою четырехтомную историю атеизма. Тем не менее «История» Маутнера заслуживает всяческого внимания, а в наших условиях и потребностях должна, по справедливости, возбудить большой интерес. Это—не история религиозного освобождения, а история освобождения от религии. Автор ограничил свои желания. Как говорит он сам, он дал лишь историю «освобождения от понятия бога», оставив в стороне доисторию бога и развитие понятия его. Хронологические рамки труда — от средних веков до XIX века включительно, географические — Западная Европа. И все же с такими ограничениями он дал четыре больших тома. Это объясняется тщательной добросовестностью автора, как немецкого ученого. Нужно отдать ему справедливость,— он привлек громадное количество материала, и материала, с нашей точки зрения, весьма ценного. По томам он распределяется так: I том—Средневековье, II т.—эпоха Возрождения и начало нового времени, III т.—эпоха Просвещения во Франции и Германии и Вел. Франц. революция (перевод Колубовского охватывает почти весь II отдел этого тома), наконец, IV т. — XIX век. О значении «раскопок» Маутнера можно судить по такому, напр., факту: философия германских стран XVIII в., по традиционным представлениям, не была «запятнана» атеизмом. Вольфианство, так называемая, «популярная» эклектическая философия, наконец, философия «чувства и веры»— таково, как будто, было ее содержание. Правда, представлялось как-то странным, что германские страны ничего не извлекли от соседства с атеистической Францией и Англией, когда даже Россия имела «вспышки» атеизма. Маутнер же раскопал и извлек ряд немецких атеистов, приближавшихся к спинозовской концепции, забытых и,— здесь надо искать объяснения,—«задавленных» быстро и победно взошедшим классическим немецким идеализмом.

Этот материал, привлеченный в таком изобилии Маутнером, сослужит, несомненно, большую службу. Но оценить работу Маутнера выше, чем собрание в порядок приведенных материалов, нельзя. В области истолкования истории Маутнер остается пусть умеренным, но все же идеалистом. Он говорит о зависимости мыслителей от «языка», включая в понятие последнего нравы и науку, но ему далеко до марксистской концепции исторического процесса. Поэтому,— если говорить о главе, переведенной Колубовским,—он впадает при обобщениях, напр., в такую ошибку: атеизм оказывается аристократическим по преимуществу. Отречения от атеизма и материализма после начала Французской революции таких лиц, как аб. Рейналь, Лагарп (следовало бы добавить и Кабаниса, а дальше и Робинэ) выступают лишь как «личные измены». В данном случае Маутнер не поднимается выше простого описания любопытных фактов. У него нет классовой точки зрения, он не в силах дать анализа классовой ситуации, и в результате ценность работы значительно понижается. Наконец, хотелось бы видеть параллельно истории атеизма и историю материализма, ибо один с другим связан неразрывно, и первый ведь есть лишь часть или сторона второго. Но этого также не в силах дать Маутнер: для него, ведь, материализм—«метафизика».

Но, повторяем, тот материал, который привлечен Маутнером, а частично и извлечен из мглы забвения, сам по себе чрезвычайно ценен; он требует научной марксистской разработки. Следовало бы перевести труд Маутнера на русский язык целиком, а не отдельными главами, но поручить этот перевод компетентному

историку-марксисту в целях редакции, составления примечаний и оговорок или вообще перевода по такому принципу, который удачно применял И. И. Скворцов-Степанов по отношению к Кунову.

Переведенная же изолированно Колубовским глава, несмотря на свою очевидную связность и зависимость от предшествующих глав, сделает свое маленькое дело: расскажет о любопытной страничке из истории атеизма.

И. Луппол.

А. БИНЭ и Т. СИМОН. Методы измерения умственной одаренности. ГИЗ Укр. 1923 г. 180 стр.

Западная педагогика (а за ней и русская) последние десятилетия пытается найти для себя объективно-научное, экспериментальное обоснование. Педагогическое чутье, практический опыт, эмпирические наблюдения — слишком часто обманывают, слишком часто противоречат вновь открывающимся последующим фактам, чтобы можно было им полностью довериться. Требовался неоспоримый критерий, которого можно бы было спокойно, ответственно придерживаться как при разделении детей по их психическим качествам, так и при выработке педагогических методов. Десятки психологов и педагогов взялись за выработку этих критериев. К «первым из первых» среди них принадлежат французы Бинэ и Симон. Реферируемая книга является сводкой их основных работ.

Книга состоит из трех частей (статей): 1) Новые методы диагностики умственного уровня ненормальных; 2) Развитие умственных способностей у детей; 3) Новые исследования об измерении умственных способностей у детей школьного возраста. Статьи относятся к 1905—1911 годам, при чем последняя вносит ряд поправок в отдельные положения первых двух, тем самым представляющие для нас лишь исторический интерес.

Методика авторов возникла в результате их работы среди т. наз. ненормальных детей, требовавших для точного их отличения особо тщательных способов исследования. Такими методами авторы считают три: 1) метод медицинский, цель которого в определении анатомических, физиологических и патологических признаков различных форм недоразвития; 2) метод психологический — непосредственное наблюдение и измерение умственных способностей; 3) метод педагогический — определение умственных способностей по сумме приобретенных знаний. Различные ценности этих методов, по Бинэ и Симону, таковы: медицинский—не прямой метод, так как он предполагает об умственном состоянии испытуемого по физическим признакам; метод педагогический более прямой, самым же прямым, непосредственным методом является психологический, так как он становится лицом к лицу с актуальным умственным состоянием: эксперимент заставляет испытуемого сделать *усилие*, тем обнаруживая степень его понятливости, способность суждения, умозаключения и сообразительности. Авторов, как видим, интересует, главным образом, психологический метод.

Основная идея метода Б. и С.—в метрической *скале* умственных способностей. Эта скала представляет серию задач возрастающей трудности, начиная от самого низкого уровня, какой только можно наблюдать,—и кончая средним и нормальным уровнем умственного развития. Каждая задача соответствует особому умственному уровню. Зная нормальный ход умственного развития нормальных детей, мы, по мнению Б. и С., может их методом найти, на сколько лет испытуемый отстает от своего возраста или опережает его. Скала Б. и С.—это короткие психологические испытания, назыв. *тестами*. Авторы убеждены, что ими выработана серия *возрастных* тестов, вполне соответствующих основным возрастным свойствам детей, при чем уклонения от возрастной нормы, как вверх, так и вниз, немедленно тестами точно обнаруживаются. То или иное количество правильных ответов детей является для Б. и С. обязывающим основанием к включению их в *нормальную*, *отсталую* или *преуспевающую* группу опре-

деленной возрастной квалификации. Так, 8-ми летний ребенок со значком минус 3, т.-е. не удовлетворивший тестам 6, 7, 8 лет—равен по развитию 5-ми летним, к которым его и следует, по мнению авторов, немедленно присоединить в школе. Практическому использованию своих тестов Б. и С. предпосылают несколько принципиальных соображений. Они утверждают, что в умственном развитии наиболее существенной функцией является *суждение*—«правильно судить и понимать, правильно рассуждать—это наиболее существенная функция ума». «На-ряду с суждениями все другие проявления ума незначительны по своей роли». «Какое значение имеет, например, нормальное функционирование органов чувств?» (!!!) [1]. По пути, Бинэ и Симон, полемизируя с психиатрами, указывают, что, вопреки полному отсутствию объективизма и точности в диагностических формулах и градациях психиатрии, они (т.-е. Б. и С.) обладают градациями безусловной, блестящей точности. Так, для 6-ти летнего возраста решающим у Б. и С. ментом является умение различать утро и вечер, срисовать ромб, сосчитать тринадцать простых су, — для 7 лет показать правую руку и левое ухо, описать картинку, исполнить три поручения, назвать четыре части света,—для 15 лет—повторить семь цифр, найти три рифмы, повторить фразу из двадцати шести слогов и т. д. Авторы глубоко убеждены («на большом материале утверждаем»), что подобный метод своей неоспоримостью убивает в корне все притязания эмпирических наблюдений, и заявляют, что с ними (т.-е. Б. и С.) не может произойти такой описанной ими в книге неприятности, какая случилась с одним из подобных эмпириков: «Одна корреспондентка рассказывает нам, что одна ее маленькая ученица считалась в классе чрезвычайно ограниченной по своим умственным способностям. Несколько лет спустя выяснилось, однако, что школа ошиблась: милый, располагающий вид этой девушки,—ее живая, остроумная беседа, высокая деловая ее оценка окружающими доказали мне, как опасно решать в школе вопросы о способностях».—Тесты, по мнению Б. и С., вне всякого сомнения, уберегли бы от такой трагической ошибки,—они обязательно уловили бы дарования девочки.

Исходя из этих, по мнению Б. и С., безусловных градаций, авторы приходят к небезынтересным социолого-педологическим выводам: «Наши исследования показали, что ребенок бедного класса [1])... *чаще отстаёт в своих умственных занятиях*, менее часто добивается... *аттестата зрелости*» (авторы заявляют, что причины тому—врожденное биологическое строение пролетарских детей,—в то время, как мы, по нелепой, конечно, нашей наивности, были до сих пор убеждены, что непосредственный корень этого—социально-экономические условия). Ступень нормального развития «рабочего населения Парижа» пограничена у авторов (т.-е. стоит лишь одной ступенью выше) с состоянием дебильности [2]), будучи, следовательно, чуть-чуть выше ее: «мы, не рискуя ошибиться, можем утверждать, что указанные выше шесть испытаний не по силам взрослым дебиликам, тогда как нормальным, наоборот, надо считать всякого субъекта, принадлежащего к рабочим Парижского округа (!! *А. З.*), если он удовлетворяет этому условию». Бедная братская французская компартия! Вот с каким интеллектуальным отребьем собирается она проделать социальную революцию! А мы-то думали, что героическое революционное прошлое французского пролетариата отразилось и на его интеллекте. Вот что значит пускать в ход объективно-точные и неоспоримые психологические тесты! Своеобразно «для нас» звучат и дидактические указания Б. и С.: «обучение детей должно начинаться не с сообщения им познаний, как бы интересны эти познания ни были, а прежде всего надо развить внимание, волю, *как таковые;* надо начинать с упражнения ума».—Опять удар по нашей советской педаго-

[1]) Знаки восклицания наши.

[1]) Многоточия наши; курсив также.

[2]) Умственная отсталость, обусловленная анатомическим недоразвитием мозга.

гической наивности,—мы-то предполагали, что все воспитание необходимо строить не на самодовлеющей дисциплине ума, а именно на *интересе*, который и должен бы явиться, по нашему скромному мнению, неисчерпаемым источником самоорганизации и самоконтроля...

Что́ можем мы, в общем и целом, сказать по поводу книги Б. и С.,—между прочим, чрезвычайно распространенной среди российского учительства? Для советской педагогики она ни в малейшей степени не приемлема. Принципиальные предпосылки автора (суждение, как основная и особая функция)—нам глубоко чужды,—тесты упрощают и статизируют наши представления о творческом богатстве детей и об его текучести,—и, несмотря на все усилия экспериментаторов, ставят ребят в искусственное положение, при котором распознать истинное их содержание никак нельзя; возрастные нормы взяты авторами большей частью произвольно,—притом в разных *социальных условиях и слоях они резко изменяются* (взять хотя бы средний возрастной психический уровень наших пролетарских ребят *до Октября и сейчас)*. Сугубо опасным делается применение этих тестов в повседневной *дефектологической* практике, где мы особенно часто встречаемся с так наз. комплексной *самозакупоркой* ребят и где отсутствие правильных детских ответов на тесты больше свидетельствует о бессмысленности подобного метода исследования, чем о детской дефективности.

В советской педагогике требуется более точный, диалектически чуткий, социально-*педологический* метод исследования, не статически и не наспех, а всерьез изучающий *динамику* ребенка — притом ребенка, не изолированного в мертвом кабинете, а в живой социальной среде,—живого, действующего, действительно заинтересованного. Такой метод уже формируется в недрах растущей советской педагогики.

Д. Залкинд.

НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.

1. Д. МАГЕРОВСКИЙ. Государственная власть и государственный аппарат. *И. Луппола.* — 2. В. ДУРДЕНЕВСКИЙ. Послевоенные конституции Запада. *И. Ильинского.* — 3. В. И. КУФАЕВ. Юные правонарушители. *А. Пионтковского.* — 4. Е. С. ЛИВШИЦ. Детская беспризорность и новые формы борьбы с ней. *С. Марголиной.* — 5. А. ГОЙХБАРГ. Основы частного имущественного права. *И. Ильинского.*

Д. А. МАГЕРОВСКИЙ. Государственная власть и государственный аппарат. Серия «Современное право». «Новая Москва» 1924. Стр. 180.

Книга Д. А. Магеровского имеет задачей разрешить проблему государственной власти путем определения ее социальной природы и составных элементов, а также исчерпывающе перечислить функции государственного аппарата, как одного из элементов государственной власти. Эта вторая часть общей задачи книги в области науки о государстве имеет актуальное значение, и потому одна уже попытка автора провести классификацию функций государственного аппарата, отбросив устаревшую теорию разделения властей, должна быть признана весьма интересной. Использование же автором в этом отношении опыта советских республик (без чего самая попытка была бы заранее обречена на полную неудачу) делает книгу любопытной и не для одних только специалистов государствоведов.

Понятие государственной власти автор определяет в процессе полемики с представителями индивидуально и коллективно-психологических школ в государствоведении. Собственное определение автора таково: «Государственная власть

есть своеобразное отношение между классами, заключающееся в возможности руководства и в руководстве одного класса действиями других классов и социальных групп» (стр. 29). Самое представление власти как межклассового *отношения* может быть признано удачным, но в приведенном определении, к сожалению, отсутствует подчеркивание *насилия* класса господствующего над классом подавляемым, притом насилия *организованного*. Одно руководство данного класса действиями другого класса еще не конституирует государственной власти со всеми ее характерными признаками. До захвата власти пролетариат руководил действиями крестьянства и даже мелкой буржуазии, не сосредоточивая еще в себе государственной власти. Если специфические признаки последней скрыты в слове «своеобразное» (отношение), то определение теряет в своей познавательной ценности. Между тем автор в заключении книги вновь повторяет приведенное определение, не обогащая его (стр. 168). Кроме того, в определении желательно было бы видеть указание и на то, чем же вызывается отношение руководства класса классом.

В следующих главах автор перечисляет составные элементы государственной власти; основным элементом он называет *экономический*, составляющийся из содействия развитию производительных сил, экономического накопления и организаторской роли в производстве. Как видит читатель, этот «экономический» элемент не является тем экономическим моментом, который вызывает к жизни государственную власть данной формации, но представляет собою скорее лишь экономическую сторону деятельности государственной власти, тем более, что эти стороны могут ведь быть и с положительным, и с отрицательным знаком. Дальнейшие «элементы» государственной власти автор перечисляет в таком порядке: вооруженная сила (как элемент), элементы классовые, идеологические, национальные, международные и, наконец, государственный аппарат. Невольно возникает вопрос о прочности такой классификации с точки зрения марксистской методологии. В самом деле, автор одному и тому же субъекту: «элемент госуд. власти» приписывает предикаты, лежащие в различных плоскостях общественного бытия. Экономический элемент, который, как мы видели, является по существу лишь стороной деятельности госуд. власти, ставится в одну плоскость с классовым элементом, в значении социального состава власти, этому последнему *предшествует* «вооруженная сила», как элемент; идеологическая сторона деятельности госуд. власти стоит на одной доске с международной политикой, которая тоже является элементом госуд. власти. Конечно, государство, как социальный феномен, связано тысячами нитей со всеми иными социальными феноменами как материальными, так и духовными, но за категорией единства следует видеть еще и категорию различия, и потому объединять все социальные феномены под ярлыком элементов государственной власти, без должного разграничения, методологически и педагогически нецелесообразно.

Гораздо более удовлетворительно разработана вторая часть книги, в которой автор, справедливо подчеркивая роль и значение государственного аппарата, дает классификацию его функций. Особенно удачно дано автором социологическое обоснование теории разделения властей, как теории буржуазии, уже ставшей у кормила государственной власти, но еще не оттеснившей окончательно прежде господствовавших феодалов. Если теория и практика «разделения властей» устарели уже в век финансового капитала и служат лишь интересам буржуазии при столкновении с пролетариатом (интересные примеры автора из практики судов в С.-А. С. Ш.), то в государстве пролетарском, в силу объективных причин, разделению властей места нет. Иная действительность требует от государствоведов и иной классификации, при чем не по признаку материальному, а по признаку функциональному.

Намечаемая автором классификация функций такова: функции плановая, нормотворческая, административная, информационно-учетная, контрольная и юрисдикционная. К такому выводу автора, несомненно, в значительной степени приводит советская действительность. Насколько нам известно, у нас это—

первая попытка в данном направлении. Если эта классификация и не сделается общепринятой, то во всяком случае в качестве отправного пункта даст пищу теоретической мысли.

Сложная, но вовсе еще не разработанная проблема взаимоотношения госаппарата и партаппарата также ставится автором. Но только ставится, ибо автор уделяет ей слишком мало места. Здесь, несомненно, есть спорные положения, в частности,—трактовка автором партии, как составного элемента государственного аппарата. Так можно смотреть на партию лишь с узко-юридической точки зрения представителя публичного права. В условиях диктатуры пролетариата (о чем, собственно, и идет речь) не правильнее ли был бы более широкий взгляд: государственный аппарат есть часть партии?

Сугубый схематизм изложения автора — лишь пространное перечисление «элементов» и «функций»,—быть может, облегчает пользование книгой в целях изучения, но досадно отражается на цельности и стройности логической нити рассуждения.

В краткой заметке нет возможности исчерпать содержание книги Д. А. Магеровского, ни подчеркнуть всех ее положительных сторон, ни отметить и обосновать еще некоторых ее недостатков. Во всяком случае она заслуживает внимания как специалистов, так и более широких слоев читателей.

И. Луппол.

Проф. В. Н. ДУРДЕНЕВСКИЙ. Послевоенные конституции Запада. В. 1 и 2. Институт Советского права. Гиз. Ленинград 1924. Стр. 135 + 167. Тираж 3.000.

Послевоенная экономика Запада освещается у нас в многочисленной литературе, переводных и оригинальных книгах, журнальных и газетных статьях. Право не может похвастать той же степенью интереса к себе. Работа В. Н. Дурденевского является, строго говоря, первой попыткой в этой области. До выхода ее в свет русскому юристу, интересующемуся конституционным развитием Запада, приходилось в виде счастливой случайности почерпать сведения либо из редких экземпляров специальных иностранных журналов, либо довольствоваться случайным экскурсиями «Материалов НКЮ» и др. С появлением книги В. Н. Дурденевского изучение новейших форм буржуазного государственного права стало у нас на твердую почву. Относительно небольшой тираж заставляет думать, что книга рассчитана на специалистов, но, вероятно, она получит распространение более широкое.

Со стороны юридической новое конституционное право отличается от старого прежде всего нормами так называемого социального законодательства. Важнейшим явлением здесь нужно считать прежде всего 5-ый раздел Германской Веймарской конституции со знаменитой 156 ст., разрешающей принудительное отчуждение частных хозяйственных предприятий в интересах всего общества. Бледной копией этих постановлений являются ст. 99 и 102 Польской конституции, ст. 25 Эстонской и др. Далее следует отметить широкое распространение народного голосования (референдума), почти повсеместное предоставление избирательных прав женщинам (оказавшимся, кстати, весьма консервативным элементом), обеспечение прав национальных меньшинств и рост преклонения перед законностью,—последнее, главным образом, в мелких государствах, прошедших через гражданскую войну (Финляндия, Эстония).

Для читателя не-специалиста интереснее, вероятно, будет социологическая база этих юридических надстроек. Здесь собранный В. Н. Дурденевским материал рисует поразительный рост влияния мелкой буржуазии вообще, крестьянства в частности. В борьбе с нарастающим движением городских рабочих буржуазия ищет союза с мелким деревенским собственником. Это в промышленных странах. Но в земледельческих и полуземледельческих государствах мелкая буржуазия и сама по себе проявляет значительную активность. Не довольствуясь крупными экономическими уступками, она оказывает решающее влияние на политическое устройство своей страны. Особенно заметно сказалось это на конституциях порубежных с нами госу-

дарств. Мелко-собственнический фанатизм польского крестьянина, его узкий национализм и приверженность к католическому исповеданию сообщили особую мещанскую расцветку конституции Речи Посполитой. Литва, по словам ее исследователя г. Дюшен, имеет все шансы стать республикой землеробов. В Латвии и Эстонии зажиточное крестьянство, овладевшее землями бывших немецких баронов, сыграло видную роль в упрочении буржуазного строя. Румынская буржуазия купила себе поддержку крестьян, отдав им все коронные и 50% помещичьих земель. Юго-славская конституция прошла голосами мелкобуржуазных партий. С другой стороны, кое-где намечаются опасные противоречия между крестьянством и рабочим классом. Так, движение ирландских шинфейнеров, выдвинувших яркие социальные лозунги, разбилось о косность мелкобуржуазных масс. В Чехии растет недовольство подавляемого крестьянским большинством пролетариата, интересы которого не получили достаточного выражения в Чехо-Словацкой конституции.

Перевод конституционных текстов, данный В. Н. Дурденевским, добросовестен, но местами тяжеловат. Словоупотребление переводчика возбуждает иногда серьезные сомнения. Перевод немецкого Reich словом «держава» слишком пышен и отзывается славянизмом. Лучше было бы, пожалуй, «государство». Сомнительно также именование сейма Эстонии эстонским словом «Ригиког» и ирландской палаты депутатов—«Долл Эрин». Эти мелочи не умаляют отличных достоинств труда В. Н. Дурденевского. Данные составителем вводные статьи к каждой конституции при небольших размерах интересны и содержательны. Вся работа в целом не уступает лучшим из однотипных европейских изданий и обеспечивает В. Н. Дурденевскому право на благодарность всех работающих в данной области научного знания.

И. Ильинский.

В. И. КУФАЕВ. Ассистент Педагогического Института детской дефективности. Юные правонарушители. С предисловием проф. М. Н. ГЕРНЕТ. Библиотека «Вестника Просвещения». «Новая Москва». 1924 г. Стр. 238.

Целесообразная организация борьбы с преступностью несовершеннолетних имеет большое общественное значение. Для того, чтобы успешно вести эту борьбу, нужно знать хорошо и ребенка-правонарушителя, и те причины, которые толкнули его на преступный путь. Помочь этому предназначена рецензируемая работа В. И. Куфаева. Автор, после краткого введения о социально-правовом положении ребенка по законодательству РСФСР, делит свою работу на три части. В первой части он дает очерк построения системы уголовной ответственности несовершеннолетних в западно-европейском праве, в нашем дореволюционном законодательстве и историю этого вопроса в советском праве; автор отрицательно относится к принятой Уголовным Кодексом системе, согласно которой несовершеннолетние в возрасте до 14 лет не подлежат ведению суда, несовершеннолетние от 14 до 16 лет передаются в суд лишь в исключительных случаях, когда комиссия по делам о несовершеннолетних не найдет возможным ограничиться применением к ним мер медико-педагогического характера; автору непонятны причины, заставившие законодателя отказаться от системы ответственности несовершеннолетних, введенной декретом 14 января 1918 г., когда все несовершеннолетние до 17 лет подвергались лишь исключительным мерам медико-педагогического воздействия; очевидно, что недостаток материальных средств не дал возможности устроить необходимой при этой системе сети исправительно-воспитательных учреждений специально для несовершеннолетних. Далее автор посвящает целых две главы первой части доказательству, что конфликт несовершеннолетних с уголовным законом должен называться *не «преступлением», а «правонарушением»*, хотя очевидно, что дело не в названиях, а в способах воздействия на несовер-

шеннолетнего и взрослого по поводу совершения ими социально опасного действия. Различие между «общественно-опасным действием» несовершеннолетнего и взрослого заключается не столько в степени социальной запущенности субъекта и возможности его исправления, как это считает автор (различие это существует *и* среди взрослых, *и* среди несовершеннолетних преступников), а в том, что борьбу с детской преступностью признается возможным строить исключительно лишь на стремлении осуществить ее специально превентивные цели — исправление и приспособление правонарушителя к условиям общежития, не заботясь о достижении общепревентивного социально-психологического эффекта. Поэтому законодательные шаблоны, применимые в известной мере в борьбе с взрослыми преступниками, не нужны в борьбе с несовершеннолетними; характер применяемых мер определяется исключительно индивидуальными особенностями несовершеннолетнего. Во второй части автор дает общую характеристику детских правонарушений, различая три типа несовершеннолетних правонарушителей: случайных, социально запущенных и правонарушителей с дурной наследственностью; далее приводит статистику движения числа детских правонарушений несовершеннолетних в России в довоенные годы и в годы войны и революции, обрисовывает виды правонарушений несовершеннолетних и возрастный состав несовершеннолетних правонарушителей.

В третьей части автор рассматривает причины детской преступности, семейные условия несовершеннолетних, их социально-экономическое положение, жилищные условия, детский труд и беспризорность несовершеннолетних. Автор пытается, но безуспешно, дать марксистскую концепцию причин преступности несовершеннолетних, тотчас обнаруживая свою полную путаницу по части азбучных вопросов марксизма. Так на странице 138, приведя выдержку из Маркса: «Люди вступают в определенные, от их воли независящие отношения—отношения производства», он пишет: «И это тем более справедливо в отношении правонарушений несовершеннолетних, положение которых в обществе *определяется уровнем (!) производственных отношений их семей (?) и только отчасти их самих (?)*». От лиц, берущихся дать марксистское освещение детской преступности, мы в праве требовать хотя бы более осторожного отношения к марксистской терминологии.

Рецензируемая работа представляет интерес лишь исключительно в тех частях, где автор внимательно и детально разрабатывает большой статистический материал, собранный отделом социально-правовой охраны детства Наркомпроса, лишний раз подтверждающий, что детская преступность развивается на счет нищеты и беспризорности подрастающего поколения.

В остальном работа Куфаева носит мало-интересный компилятивный характер. Предисловие к рецензируемой работе, написанное проф. *Гернетом*, содержит интересный статистический материал о движении детской преступности за военные и послевоенные годы в главнейших западно-европейских странах, показывающий, что улучшение в положении французского и английского ребенка за годы после войны покупается дорогой ценой ухудшения положения немецкого ребенка, который и подает счет с возрастающими цифрами его преступности.

К книге приложен указатель русской и иностранной литературы о беспризорности и правонарушениях несовершеннолетних и мерах борьбы с ними, вышедшей в период с 1913 г. по 1924 г. Указатель русской литературы составлен довольно полно, что же касается иностранной, то едва ли можно назвать «указателем» иностранной литературы за 11-летний период ссылку лишь на три немецких статьи.

Д. Пионтковский.

Е. С. ЛИВШИЦ. Детская беспризорность и новые формы борьбы с нею. Методическое письмо работникам социально-правовой охраны. Письмо первое. Научно педагогическая секция. Гос. уч. сов. Библиотека» На путях к новой школе». Изд. «Работн. Просв.». Москва 1924 г. Стр. 25.

Книжка эта является первой попыткой подвести марксистский фундамент под всю практическую работу по борьбе с детской беспризорностью. «До сих пор блокада, гражданская война и голод не давали нам возможности уделить достаточно сил и средств борьбе с детской беспризорностью. Этим объясняется наша невнимательность к идеологии, принципиальному обоснованию, организации и содержанию работы, которые с незначительными поправками были копией с образцов западно-европейской и американской теории и практики, построенных на принципах классового угнетения, вполне отвечающих интересам господствующего класса и враждебных интересам рабочего класса».

Для буржуазной идеологии малолетний правонарушитель является прежде всего морально-дефективным ребенком, и ответственность за его правонарушения лежит не в окружающих его условиях, а в личных порочных наклонностях. Из этой идеологии и выросла система принудительного воспитания со всеми ее аксессуарами: решеткой, строгой дисциплиной, изолятором, постельным режимом и т. д. Но, если такая система вполне соответствует целям буржуазного государства, которое «расправляется с юным преступником, как с бессознательным бунтарем против существующего строя, и стремится создать из него покорного раба, трепещущего перед начальством, то для нас беспризорный ребенок—это тот же пролетарский ребенок, только оторвавшийся от пролетарской среды и подпавший под влияние деклассированных элементов; наша цель—воспитать из него строителя новой жизни, борца за идеалы пролетариата... Беспризорный ребенок, как о величайшем счастье, мечтает о возвращении в ряды рабочего класса, но не в силах сделать это собственными средствами. Надо это возвращение в ряды рабочего класса сделать задачей всякого учреждения».

При такой постановке вопроса борьба с беспризорностью перестает быть делом узкого круга специалистов и становится общегосударственным делом, делом широкой рабочей общественности. Только рабочим организациям может быть передано дело социальной инспекции и патроната над детьми; только они могут помочь ликвидировать безработицу среди беспризорных, которая является главнейшим препятствием к переходу беспризорных в ряды рабочего класса, помочь организации артелей беспризорных подростков, ввести их в общую систему нашего хозяйственного строительства.

Что касается постановки учреждений для беспризорных, то здесь прежде всего надо покончить с «ханжеским морализированием», как мы покончили с «ханжеством религиозным»; надо перестать смотреть на беспризорного свысока, «как на нравственно-испорченного, с точки зрения необходимости искоренения всего, что принес беспризорный из своей среды». Правда, «нужда, безработица, голод, лишения, бродяжническая жизнь в значительной степени дезорганизуют беспризорного, прививают ему грубость, озлобление, недоверчивость, подозрительность, отучают от организованного труда, приучают к паразитизму, к беспорядочности, к грязи, к употреблению наркозов и авантюризму..., но, с другой стороны, у беспризорного развиваются смелость, находчивость, сообразительность, изобретательность, необыкновенная приспособляемость, привычка жить и действовать организованными группами... Нужно все это учесть, чтобы найти правильный подход к беспризорному».

Детальную практическую разработку всех затронутых вопросов автор предполагает дать в одном из своих последующих писем; но и в этой чисто принципиальной постановке книжка внесет, несомненно, большую ясность и цельность в подход работников социально-правовой охраны к вопросу борьбы с беспризорностью.

С. Марголина.

А. Г. ГОЙХБАРГ. Основы частного имущественного права. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 135. Тираж 15.000.

Вопреки заглавию книги, автор стремится не столько утвердить, сколько расшатать основы всякого права. С точки зрения А. Г. Гойхбарга, право есть «опиум для народа», еще более отравляющий и дурманящий, чем религия (7). Он отказывается «видеть в праве некоторую идею, которая явилась бы полезной для рабочего класса (22). Тем не менее, А. Г. Гойхбарг целиком признает необходимость подчиняться «правилам, установленным Советской властью и вообще тому, что называют советским правом» (8). Ему не нравится только самый термин «право», от которого следовало бы отказаться из-за лежащей на нем мистической вуали. Взгляд, несомненно, радикальный, но далеко не бесспорный. В «Критике Готской программы» Маркс указывал на необходимость сохранения значительных отрезов буржуазного права в переходный к коммунистическому строю период времени. С этой мыслью соглашался и Ленин. Из марксистов П. И. Стучка посвятил целую книгу доказательству революционной роли права в разные периоды истории, не исключая и нашего. Дело, в конце концов, не в личных симпатиях и антипатиях к факту, а в сознании его исторической необходимости. А. Г. Гойхбарг, обращаясь к конкретным правовым институтам (застройка, купля, продажа, исключительные права и пр.), идет тем же путем, что и каждый юрист, то-есть излагает и толкует действующий закон. Следует, однако, указать, что описанию каждого правового института предшествует социологический анализ и краткий очерк относящихся к предмету мнений Маркса и Энгельса. Здесь А. Г. Гойхбаргом проделана нужная и ценная работа. Юридическая природа займа чрезвычайно выпукло обрисовывается на фоне даваемого Марксом описания его экономической основы. То же можно сказать о правах добросовестного приобретателя на деньги, ценные бумаги и т. п. Вообще использование источников марксистской экономии в вопросах права дает отличные результаты, как это видно, кроме книжки А. Г. Гойхбарга, и из превосходной работы Е. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» (1924). Социологические замечания А.. Г. Гойхбарга чрезвычайно интересны, хотя временами спорны. К числу таких надо отнести утверждение, что после пролетарской революции в Германии и Америке можно будет сократить область необходимых уступок старому строю по сравнению с тем, что имеет место у нас. Автор выводит это из высокой степени развития производительных сил в сказанных странах (44). Вывод как буто несколько поспешный. Вопрос об «уступках» будет связан непосредственно с соотношением классовых сил. Здесь придется посчитаться и с наличием многочисленного и влиятельного слоя средней буржуазии и с ярко выраженными традиционными стремлениями собственников-крестьян. Можно думать поэтому, что процесс социализации в странах, подобных Америке, будет протекать при гораздо более сильном участии кооперации, чем у нас, и что, наоборот, прямые законодательные мероприятия будут играть значительно меньшую роль. Особенно это относится к сельскому хозяйству. Далее следует отметить некоторое упрощение действительности, допускаемое автором при рассмотрении жилищного законодательства Германии. Видеть в нем лишь «экспроприацию домовладельцев в пользу крупного капитала» (110) значит упускать из виду немалую роль, сыгранную в истории вопроса рабочими организациями. Впрочем, немного ниже А. Г. Гойхбарг допускает, что здесь имели значение и «интересы квартирантов» (112).

В общем новая работа А. Г. Гойхбарга должна в известной мере утолить читательский голод, вызванный задержкой в выходе 2-го и следующих томов его «хозяйственного права». Этому не помешает и хорошо сознаваемая автором отрывочность некоторых глав (особенно VII и XI) и еще кое-какие мелкие недостатки книги.

И. Ильинский.

ЛИТЕРАТУРА О ВОСТОКЕ.

1. РОМЭН РОЛЛАН. Махатма Ганди. *В. Кряжина.* — 2. В. ВИЛЕНСКИЙ (СИБИРЯКОВ). Сун-Ят-Сен, отец китайской революции. *М. Константинова.* — 3. DER FREIHEITSCAMPF DER INDISCHEN NATIONALISTEN. 4. CRACE THOMPSON SETON. A woman tendesfoot in Egypt. *Б. Пурецного.*

Р. РОЛЛАН. Махатма Ганди. Изд. «Эпоха». Берлин 1924 г. Стр. 114.

Новое произведение Р. Роллана, героем которого явился М. Ганди, представляет из себя опыт художественно-психологической портретистики, великолепными образцами которой являются «Жизнь Бетховена» и «Микель-Анджело», принадлежащие тому же автору.

Где ключ к пониманию своеобразной личности Ганди? «Ганди—богослов по натуре и политик по необходимости», проницательно указывает Р. Роллан. И действительно, несмотря на то, что Ганди получил университетское образование в Англии, является крупным адвокатом, писателем и т. п.,—все его мышление проникнуто традициями, выработанными Индией тысячелетия тому назад. Так, например, он принципиально допускает поклонение идолам, проповедует культ коровы и, наконец, высказывается за кастовую систему, правда, с рядом оговорок. Необходимо помнить, что для Ганди все это является не отвлеченными идеями, а принципами, строго проводимыми им в жизнь. Так, например, подчеркивая свою дружбу с мусульманином Мухамед-Али, Ганди все же свидетельствует, что они оба остаются верны своей религии. Ганди не отдал бы своюдочь замуж за сыновей Али; точно так же он не разделил бы с ним и трапезы.

Немудрено, что и политические лозунги, брошенные Ганди, носят такой же религиозный характер. Его политическая доктрина исчерпывается понятием Satyagraha, изобретенным самим Ганди; означает он: «победу правды силой души и любви». Десятки и сотни раз он комментирует эту доктрину, как закон Страдания, древний закон Самопожертвования, Непротивления и т. п.

Истинная подкладка общественной деятельности и проповеди Ганди очень легко обнаруживается, как только мы сойдем с высот этих отвлеченных мыслей в гущу действительной жизни. В самом деле, каково отношение Ганди к современной экономической и социально-политической организации человечества? Наподобие Толстого или Руссо он разражается проклятиями по адресу современной цивилизации. Сердце ее — это машина; она—чудовищный кумир, который необходимо победить; «единственная ближайшая цель нации—это изгнание цивилизации с Востока». Отсюда же вытекает отрицание Ганди трех разрядо влюдей: судей, докторов и профессоров...

Но что же предлагает Ганди взамен этой «бесовской» цивилизации? «Древняя соха, прялка, старинное воспитание—вот что упрочивали ее (Индии) мудрость и счастие. Нам необходимо вернуться к древней простоте».

Туземная прялка «чарка» в особенности играет большую роль в практической программе Ганди. Для него она является панацеей буквально от всех социальных бед. С необычайным красноречием он воспевает прелести тканья у домашнего очага, выгоды этого ремесла для разрешения проблемы безработицы и т. п. Р. Тагор необычайно едко высмеял это увлечение Ганди: «Гуру (мудрец) Ганди бросил всего один клич каждому и всем вместе: «Прядите и тките!». Неужели в этом весь наш призыв к творчеству? Если большие машины представляют опасность для Запада, то разве маленькие машины не представляют для нас еще худшей опасности?».

Любопытно, что Ганди ответил на критику Тагора следующим истерическим манифестом: «Необходимо прясть!

Пусть каждый прядет! Пусть Тагор прядет, как и все! Пусть сожжет свое заграничное платье! В этом—задача нашего времени». Необходимо указать, что, переходя и тут от слов к делу, Ганди действительно организовал несколько ауто-да-фе, на которых экзальтированная толпа сжигала европейские ткани.

Р. Роллан не делает попытки разобраться в социальных корнях политического мышления и деятельности Ганди—и в этом крупный недостаток его книги, представляющей главным образом художественно-психологическую ценность. Но для нас этот узколобый национализм, глубокая социальная реакционность, романтика отсталых форм экономического быта, конечно, совершенно понятны.

Ганди является типичным представителем мелкой буржуазии и интеллигенции, испытывающей панический страх перед надвигающимся капиталистическим прогрессом. Отсюда его утопические взгляды, его реакционность, доходящая, как мы видели, даже до чисто сумасбродных выступлений (сжигания тканей). Последнее, впрочем, имеет поразительное сходство со стихийным уничтожением машин разоряемыми ремесленниками в период бури и натиска капитализма в Англии.

Тем же мелко-буржуазным характером отмечена и политическая деятельность Ганди. Р. Роллан дает прекрасный очерк революционного движения в Индии после мировой войны: стихийных волнений, репрессий со стороны англо-индийской администрации (вроде знаменитого билля Роулетта), движения «против сотрудничества», аграрных бунтов и т. п.

Какая же роль принадлежит в этих событиях Ганди? Несомненно, что романтик Р. Роллан, увлеченный своим героем, видящий в нем нового пророка для всего человечества, значительно преувеличивает его роль и придает ей героический характер. На самом деле, даже на основании тех данных, которые дал сам же Р. Роллан, мы видим, что Ганди мог сыграть такую крупную политическую роль в Индии исключительно благодаря стихийному брожению рабоче-крестьянских масс, их религиозным предрассудкам и глубочайшему невежеству, которые он действительно прекрасно использовал.

Действительная политическая программа Ганди отличалась прежде всего необычайно туманным характером и притом определенно реакционным. Этот религиозный реформатор, конечно, ни в какой степени не был революционером. Как правильно отмечает Р. Роллан: «он не боится ярости правительства; больше того—он опасается ярости народа и принимает предосторожности, чтобы порядок, дисциплина и согласие не нарушались в рядах индусов».

Когда движение получило огромный размах и вылилось в аграрные бунты и уличные стычки, отчасти провоцированные самими же англичанами,—Ганди пережил панический испуг, наложил на себя пятидневный пост и помог правительству ликвидировать волнения, объявив временное прекращение «неповиновения». Ганди, впрочем, всегда был настроен чрезвычайно лойяльно по отношению к Англии. Еще в 1920 г. он писал: «ни один англичанин не содействовал более меня процветанию королевства». Начиная движение «против сотрудничества», Ганди уведомил вице-короля Индии, что он «до сих пор верит в превосходство британской конституции».

После того как англичане поняли внутреннюю слабость гандизма, они энергично принялись за ликвидацию его: Махатма был привлечен к суду, на котором он заклеймил революционные движения, как «дьявольские преступления» и «возмутительные оскорбления». Суд приговорил его к шести годам тюрьмы, но несомненно, что к этому моменту фигура Ганди и его пропаганда были уже совершенно дискредитированы.

Книга Р. Роллана, написанная с обычным литературным блеском и большим подъемом, дающая хорошую картину индийского революционного движения, несомненно, заслуживает переиздания, так как берлинское издание, конечно, почти недоступно для широких кругов читателей.

В. Кряжин.

ВЛ. ВИЛЕНСКИЙ-СИБИРЯКОВ Сун-Ят-Сен, отец китайской революции. Изд. «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва 1894 г. Стр. 182.

Появление названной книжки т. Виленского-Сибирякова как нельзя кстати отвечает усилившемуся у нас интересу к тому, что творится в Китае и в какие взаимоотношения он в ближайшее время вступит к Советской России.

Китай всегда привлекал к себе со стороны России неослабное внимание. Только характер этого внимания был глубоко различен в разные исторические периоды «добрососедских отношений» двух величайших по территории и населению держав.

Внимание рабоче-крестьянской России привлекает к себе та глубокая социальная драма, которая вот уже на протяжении тринадцати лет развертывается перед глазами всего мира и несет с собою полное перерождение всех сторон общественного бытия когда-то «недвижного Китая». Что за революция происходит в Китае и как она отражается на внутреннем хозяйственном и политическом укладе последнего? Какие силы и в каком направлении действуют в китайской революции и в какой мере они способствуют приближению полуфеодального, полу-капиталистического Китая к порогу социалистической революции? Как вплелись в китайскую революцию влияние и силы международного капитала?

Этот интерес к событиям в Китае усиливается в данный момент особенно в связи с признанием им СССР и предстоящими на этой почве деловыми взаимоотношениями. При наличности такого интереса к Китаю, мы, к сожалению, до сих пор не имели подходящей книги, которая могла бы широко ознакомить с его современным состоянием, с историей и характером совершающихся в нем революционных событий, с положением в революции различных классов и т. п. Только узкому кругу интересующихся приходилось знакомиться с китайской революцией по иностранной литературе, особенно английской. Но эта литература страдает существенными пороками. Судя по тому, что попадает к нам в руки, пороки эти заключаются в следующем: 1) отсутствует правильный, научный подход к объяснению явлений, 2) поверхностное, хроникерское, хуже — коммивояжерское, их изображение. Обещание т. Виленского дать в недалеком будущем работу о китайской революции позволяет надеяться, что существующий до сих пор пробел по литературе о Китае в той или иной мере будет заполняться.

Рецензируемая же работа представляет собою экстракт этой обещанной большой работы. Повидимому, к выпуску в свет этого экстракта, содержащего в себе данные о Сун-Ят-Сене, побудила автора потребность в ознакомлении широкого читателя с вождем революционной партии Китая, доктором Сун-Ят-Сеном, о смерти которого недавно распространились «преувеличенные» слухи. Книжка объединяет ряд данных, всесторонне характеризующих Сун-Ят-Сена как «отца китайской революции». Сюда включены и воспоминания Сун-Ят-Сена о подготовке китайской революции, и его декларация, и выдержки из статей и речей, и конституция «пяти видов» (конек Сун-Ят-Сена, представляющий большой интерес для исследователя эволюции конституционных воззрений, а в особенности для характеристики идей буржуазных революций, совершающихся в эпоху краха буржуазной демократии вместе с парламентаризмом), и программ Гоминдан. Все это связано авторским изложением в единое целое и дает возможность не только живо представить знаменитого вождя китайской революции, но и узнать и понять некоторые довольно существенные моменты в сложной игре революционных сил Китая. Правильный марксистский подход к оценке событий, идей, лиц и групп, действующих в революции, помог автору путем анализа выделить из весьма сложного сплетения идейных и политических течений и воззрений движущихся в революции Китая масс интересующую нас личность Сун-Ят-Сена с его отстоявшимися в сорокалетней борьбе воззрениями. Доктор Сун-Ят-Сен давно был известен как китайский социалист, — но весь его социализм сводится, в сущности, к пропорциональному разделению земли

и к усилению капитализации страны. Если к этому добавить еще его два другие принципа — национализм и демократизм, — мы получим полного выразителя интересов мелкой буржуазии, страдающей и от развития, и от недоразвития капитала, и мечтающей о поравнении (наши эсеры). Таким по справедливости и изображает его т. Виленский. Сун Ят-Сен в исторической теории — идеалист. «Идея является матерью действительности», говорит он. Он не понимает сути и исторического значения классовой борьбы, он — соглашатель. Победы и поражения Сун-Ят-Сена — победы и поражения китайской революции, в которой он руководит буржуазным югом против феодального севера.

Тов. Виленский, на мой взгляд, правильно усложняет эту схему действующих в революции общественных сил наличностью трех основных групп. Это бросает более яркий свет на внутренние процессы борьбы, на антагонизмы внутри южной торгово-промышленной буржуазии. Несомненно, правильно формулирует автор и самый характер совершающейся на наших глазах китайской революции, указывая на то, что ее буржуазная по социально-экономической природе революция, при наличности еще недостаточно сильной и организованной буржуазии и пролетариата, претерпевает губительные влияния феодального мандарината. Это ведет к сращению мандарината с буржуазией и такому политическому государственному образованию, которое надолго свяжет развертывающиеся силы трудящихся низов. Но недостаточно, как будто, выявлена, в качестве одной из действующих сил, роль международного капитала, фактически поделившего Китай на сферы захвата и диктующего нередко свои веления различным сторонам борющихся. Правда, это выходит за пределы темы о Сун-Ят-Сене,—но это много сказало бы о той сложности условий борьбы, в которой проявляется Сун-Ят-Сен со своими тремя принципами. К тому же это для российского читателя, часто слышавшего, напр., о Чжан-Цзо-Лине, позволило бы судить о том, почему он придерживается ориентации японской, а, напр., Цао-Кунь—американской. Насильнические 21 пункт и отношение к ним юга, так называемый новый консорциум 1920 года, и права по нему Японии на севере, — говорят слишком значительным языком для историка китайской революции, чтоб сказать о них мимоходом или совсем ничего, хотя бы и в работе о Сун-Ят-Сене. Сун-Ят-Сен очень сросся с китайской революцией, и говоря о нем, невольно задеваешь всю сложность и сплетение революционных фактов, — что и делает по преимуществу т. Виленский.

Следует отметить несколько недочетов, частью относящихся на счет автора, частью же издательства. Так, напр., взятое в кавычки выражение из Конституции пяти видов «разделение трех держав» должно и может быть переведено привычным для нас выражением «разделением властей», что в других случаях и делает автор. Очень неудобно средактированы переводы: «показывают всему обществу неискренность в деле сожаления совершенных ими ошибок» (стр. 69) и др. Не установлено единообразной транскрипции слова *дудзюн*, — автор пишет и *дуцзюн*, и даже *дудун*. Весьма затрудняют чтение многочисленные опечатки, режущие глаз: нардм, догадываешься — нардом; прьесс, — означает процесс и пр. На 85 стр. я насчитал в 25 строчках 16 корректурных ошибок, — это немного многовато. Говорят о некоторой небрежности часто встречающиеся необработанные выражения, вроде «Сун-Ят-Сен не понял *значения* классовой борьбы и ее *исторического значения*» (стр. 20). Но эти погрешности, которые к тому же могут быть легко устранены при последующем издании, нисколько не умаляют ценности самой книжки, они лишь свидетельствуют о спешности, с которой, видимо, книга составлялась и выпускалась в свет. Отмеченные недостатки не мешают признать книжку вышедшей кстати, нужной и могущей быть многим читателям, на которых рассчитывает автор, полезной.

М. Константинов.

Der Freiheitskampf der indischen Nationalisten. Die Arbeit eines Jahrzehnts 1906 — 1917. Zentralkomitet der indischen Nationalisten. Berlin.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ ИНДУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ. РАБОТА ЗА 10 ЛЕТ 1906—1917 г. г. Составлено по английским источникам и издано европейским ЦК индусских националистов. Берлин 1918. Изд. Г. Реймер. Стр. 324.

Предлагаемая книга является одной из самых обширных работ серии, издаваемой в Берлине ЦК Индусской национальной партии, и содержит: 1) пространную вводную статью, посвященную возникновению и развитию национализма в Индии; 2) сводку телеграмм и статей, заимствованных из английской прессы, преимущественно из «London Times» за период с 1906 по 1917 г., так или иначе относящихся к деятельности индусских националистов. В вводной статье автор пытается доказать наличие национального самосознания у индусов как во времена Вед, так и на протяжении всей позднейшей истории Индии, независимо от народов ее населявших. Особенно подробно и пространно опровергается существование вражды между индусами и мусульманами — представителями двух главных религий в Индии. «Вся Индия едина»,—этот лозунг настойчиво проводится автором на каждой странице своей работы.

Первым индусским националистом, вполне сознательно действующим, был, несомненно, Акбар, могущественный великий Могол, который. расширяя владения своей огромной империи, старался объединить все население завоеванных им областей без различия национальности и религии. Дело Акбара пытались продолжать некоторые другие индусские государи. Духом национального объединения были проникнуты братья Сейиды Абдулла-Хан и Хуссейн-Али, и. наконец, приход англичан сорвал последнюю грандиозную попытку создать единую, великую Индию, предпринятую Маратхами. Укрепившиеся в Индии англичане насильнически, вероломно, без всякой застенчивости нарушая и аннулируя договоры, заключенные ими с индусскими государями, начали захватывать одну область за другой, пока, наконец, народное негодование не вылилось в «великую войну за освобождение» 1857—1859 г.г., которую англичане, извращая факты, умышленно называют «мятежом сипаев», возникшим на религиозной почве. После подавления восстания 1857 года в революционном стремлении индусского народа наступила реакция. Возникло течение, вдохновителями которого были главным образом индусы, получившие европейское образование. Лозунгом этого течения было: «Если Восток не желает гибели, то пусть он смотрит на Запад». Англичане, напуганные 1857 годом, тоже пошли на уступки, и в результате родился Индусский Национальный Конгресс 1883 г. К конгрессу примкнули умеренные реформисты, допускающие сотрудничество с Западом под английским господством. Но в Индии были и истинные революционеры-националисты, которые говорили, что социальной реформе должна предшествовать политическая, и называли конгресс «телегой, запряженной впереди лошади», а партию конгресса «нищенской партией», которая все свои требования видит удовлетворенными «Великой Хартией» королевы Виктории. Эти истинные националисты ясно понимали, что побежденный народ не может требовать во имя справедливости, но только во имя милости и сострадания. Они старались устремить внимание народа на великое прошлое Индии, укрепить его самосознание, для чего были восстановлены древнеиндусские празднества, проповедывали бойкот на английские товары и всемерную поддержку и поощрение туземной промышленности. В своих действиях они не останавливались перед террористическими актами. Раздел Бенгала в 1905 году явился искрой в пороховом погребе. Повсеместно началось движение Свадеши (национальное), выразившееся в требованиях укреплять все индусское и отвергать все иностранное. Повсюду велась агитация за пассивное сопротивление правительству, за забастовки на хлебопекарнях и железных дорогах и т. д. Но революционеры, на которых собственно и опиралось движение Сва-

деши, скоро убедились в бесполезности пассивного сопротивления, ибо опыт научил их, что бойкот, забастовки и саботаж против сильнейшего врага в бедной и хозяйственно слабой стране не приведут ни к чему, и что единственное средство — это открытое вооруженное восстание... Основа и цель индусского национализма — единство Индии. Основание этого единства зиждется на требовании «свободной Индии для индусов». Идеал его — вырвать Индию из оков иностранного владычества и поставить ее на вполне заслуженное ею место. «Стремления всех группировок к освобождению Индии не имели успеха. Партия индусских националистов-революционеров зовет в бой с оружием в руках. Революция продолжается и окончится только с освобождением Индии, которая так много страдала под английским господством и которая требует теперь освободить ее от оков. Она требует национального правительства, при котором силы народа могли бы достигнуть высшего развития». Таково содержание вводной статьи. Здесь, конечно, нельзя не отметить, что с научно-исторической точки зрения совершенно не выдерживает критики утверждение существования национального сознания у индусов в эпоху Вед. Несомненно, что для такового недостаточно общности религии и культуры, но необходимо и известное экономическое развитие народа. Данные для национального объединения были в первой половине XVIII века, когда в стране имелся уже и торговый класс, и мелко-буржуазная интеллигенция. Образование империи Маратхов положило начало такому объединению, но национализм Маратхов, не успев оформиться, по выражению т. Роя, превратился «в средневековый империализм самого плохого свойства». Ибо феодализм уже не мог служить социально-экономической основой государственной власти. Что касается стремления отдельных индусских государей расширить пределы своих владений, то это объясняется исключительно причинами династического характера. Относительно восстания 1857 года, которое громко названо «великой войной за освобождение», тоже нужно сказать, что оно отнюдь не было национальным движением. Вся революционность этого восстания заключалась в его стремлении сбросить иностранное владычество, намерение же его британское господство заменить феодальной державой Маратхов или Моголов — было явно реакционно. В этом причина его поражения. Вообще так называемое национальное движение в Индии до сих пор было лишь попытками индусского капитала ограничить или устранить власть капитала иностранного, английского, борьбой индусской буржуазии против буржуазии английской. Под лозунгом же «Свободная Индия для индусов» нужно понимать: «монопольная эксплоатация индусских народных масс индусской буржуазией». Но, как бы то ни было, вторая часть книги дает яркую картину весьма неспокойного внутреннего состояния Индии в период 1906—1917 г.г., и как документ с обширным фактическим материалом представляет большую ценность. Повсместные беспорядки, нападения на английских чиновников, обнаружение складов оружия, забастовки, многочисленные судебные процессы, в результате которых десятки политических преступников идут в тюрьмы и на смертную казнь, репрессии и закрытие органов печати и т. д., и т. д.—все это заставляет думать, что английские капиталисты устроились на вулканической почве... Заметим кстати, что, после бурных вспышек 1919—1922 г.г., в Индии снова наступило затишье. В связи со стихийным ростом индусского пролетариата, национальное движение индусской буржуазии зашло в тупик и обнаружило свой настоящий классовый характер.

Б. Пурецкий.

Grace Thompson-Seton. A woman tenderfoot in Egypt. New-York. Sept. 1923 г.

ГРЭЙС ТОМПСОН-СЭТОН. Первые шаги египетской женщины. Нью-Йорк. Сентябрь 1923 г. Стр. 266.

Книга—результат личных впечатлений американской путешественницы, полученных за время ее последней поездки

в Египет в 1922 г., которую она предприняла «с целью засвидетельствовать на месте просыпающееся национальное сознание народа, античного по происхождению и традициям». Г. Томпсон-Сэтон была поражена колоссальным ростом туземного женского движения, едва насчитывающего десять лет своего существования. Начало этого движения можно отнести к 1911 году, когда наиболее передовые египтянки объединились в довольно многочисленную группу, получившую громкое название «Новая Женщина». Приблизительно в это же время образовалось другое, чисто мусульманское женское общество «Мохаммед-Али». В политической жизни страны оба эти общества серьезного участия не принимали. В 1921—1922 г.г. национально-освободительное движение в Египте увлекло на путь политической борьбы также и египетских женщин. Центральной фигурой среди них была супруга Саад Заглул-Паши, популярнейшего борца за независимость Египта. Необыкновенно живо и с большим талантом обрисовывает автор образ этой действительно замечательной женщины, имя которой, несомненно, войдет в историю женского движения на Востоке. Особенного внимания заслуживает деятельность Софии-Ханум (так звали в Египте супругу Заглул-Паши) после ареста и высылки из Египта ее мужа. София-Ханум сочла своим долгом перед родиной остаться в Каире и продолжать дело национального освобождения. Первым ее шагом было предупредить лорда Алленби, верховного комиссара Британии в Египте, о своем твердом намерении остаться в Каире и продолжать начатое ее мужем дело. «Вы можете изгнать тело Саад-Паши, но изгнать его дух вы бессильны: пока Саада здесь нет — я сама буду им, а если он умрет, то другие станут на его место. Я сделаю все возможное, чтобы углубить дух возмущения в народе и добиться независимости Египта». В чрезвычайно вежливой форме верховный комиссар ответил Софии-Ханум, что она может последовать за мужем, если желает, и что со стороны британского правительства приняты все меры к тому, чтобы поместить Заглул-Пашу в наиболее благоприятное в климатическом отношении место. София-Ханум осталась в Египте, а через несколько дней появился ее знаменитый манифест к египетскому народу, в котором она призывала тесней сплотить свои ряды и презирать англичан. «Пусть 14 миллионов египтян будут как один человек, с одним сердцем, одной волей все работать на благо родины для восстановления ее независимости». Манифест имел колоссальный успех. Вокруг Софии-Ханум стали группироваться наиболее передовые египтянки. На ее призыв откликнулись общества «Новая Женщина» и «Мохаммед-Али», и в результате образовалась «Женская делегация независимости Египта», включившая как мусульманок, так и христианок. Началось широкое антибританское движение, выразившееся в устройстве женских демонстраций со знаменами, на которых были начертаны освободительные лозунги и агитации за бойкот всего английского. Дело доходило до того,—автор сам был свидетелем таких сцен,—что женщины входили в магазины и уговаривали покупателей не брать английских товаров. Во всех больших городах были образованы женские комитеты и устраивались митинги. В Каире, например, состоялся грандиозный митинг, на котором присутствовало не менее 2.000 женщин, при чем были вынесены резолюции «остаться непоколебимыми в своих решениях».

К Софии-Ханум являлись многочисленные делегации в 40 — 200 человек, и среди делегаток можно было видеть как женщин из высших классов, под простыми плащами которых скрывались роскошные парижские туалеты, так и скромно одетых сельчанок, увешанных, по местному обычаю, всеми своими драгоценностями. Описывая приемы этих делегаций, автор замечает, что София-Ханум всегда была просто одета и вела себя с большим тактом. На-ряду с активным участием в политическом движении, принимались также меры для поднятия культурного уровня египтянок. Повсюду организовывались клубы для молодых девушек, игравшие роль профессиональных школ, где преподавались различные ремесла и даже коммерческие науки, так как воспитан-

ницы этих школ в будущем имели в виду сами зарабатывать себе средства к существованию. В настоящее время,—замечает автор,—египтянки свободные женщины. Но совсем этого нельзя сказать про «царственную пленницу»—королеву Назли, супругу короля Фуада. Судьба жестоко подшутила над ней. С детских лет она получила европейское воспитание, а затем родители ее прельстились блестящей партией и постарались сделать свою дочь «восточной царицей». В результате кругозор несчастной женщины отныне ограничен оградой дворцового сада.

Американская путешественница была в гостях у «ее величества» и чрезвычайно подробно описала церемонию приема и саму королеву... Книга Г. Сэтон снабжена прекрасными фото-иллюстрациями и заслуживает серьезного внимания, ибо описанные в ней картины, говоря о быстром росте женского движения в Египте, вместе с тем свидетельствуют об общем, колоссальном культурном сдвиге египетского народа.

Б. Пурецкий.

НАРОДЫ И СТРАНЫ.

1. «АФГАНИСТАН», ч. 1. Сборник. *А. Стрелнова.*—2. Л. С. БЕРГ. Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга. *Н. Лебедева.*

«АФГАНИСТАН». Часть I. Сборник статей Д. Анучина, И. Бороздина, М. Вячеслова, В. Городцова, В. Гурко-Кряжина, Б. Дерикэ, Л. Мсериянца и А. Самойловича. Издание Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения при Наркомнаце. Москва 1924. 204 стр.+31 рис.+5 карт.

Афганский сборник В. Н. А. В. явился, как явствует из предисловия проф. И. Н. Бороздина, в результате работы образованной в 1922 году комиссии по подготовке, так и оставшейся до сих пор неосуществленной, экспедиции в Афганистан. Несмотря на то, что целый ряд статей по представленному в них материалу скорее носят осведомительный характер, приходится приветствовать сборник, как книгу, впервые на русском языке посвященную всестороннему изучению Афганистана.

Сборник открывается статьей покойного проф. Анучина, который со всем уменьем и тонкостью крупного ученого вводит читателя в сложные и запутанные вопросы историко-культурных проблем, связанных с территорией Афганистана. В общих чертах намечая направления, по которым должно двигаться научное исследование, статья проф. Анучина служит прекрасным введением ко всему сборнику.

Статья Гурко-Кряжина «Исторические судьбы Афганистана» ставит своей задачей дать по возможности полное,—конечно, далеко не подробное,—изложение истории местностей, входящих в состав современного афганского государства, начиная с древнейших времен. Автором весьма удачно использованы доступные ему материалы и труды по исследуемому вопросу. История государств, существовавших в свое время в пределах современного Афганистана и в особенности эллинистической и индоскифской Бактрии, а также более раннего периода, связанного с походом Александра Великого в Индию, остается до самого последнего времени известной в самых грубых чертах. После попытки Gardner'a в восьмидесятых годах прошлого столетия в его труде «Coins of the Greek and Scythic kings of Bactria» дать хронологию и отчасти историю бактрийских правлений по нумизматическому материалу, лишь в *1912 г.* Rawlinson издал свой труд «Bactria, the History of a forgotten Empire», оставшуюся автору разбираемой статьи недоступной (примечание к стр. 53), а в 1922 году в появившемся в печати первом томе Cambridge History of India под общей редакцией Rapson'a Magdonald и Rapson дали главы, посвященные истории Бактрии грече-

ского владычества и времени самостоятельности при индо-скифах, вопрос о происхождении и миграциях которых остается одним из самых запутаннейших в истории Востока. Автор статьи «Исторические судьбы Афганистана» дал в той ее части, которая посвящена этому периоду, ясное и исчерпывающее изложение научных достижений. Разбираемая статья не ставила своей целью разрешение вопроса о культурном примате Западного или Восточного Ирана, как блестящая работа акад. В. В. Бартольда «Восточно-Иранский вопрос» (Изв. Р. Акад. Истории Материальной культуры, т. II). Она просто старалась научно изложить историю Афганистана, и мы должны ее приветствовать, как вполне удавшуюся попытку. Остальные статьи сборника делятся на две группы: этнолого-лингвистические проф. Л. З. Мсериянца «Афганистан в языковом отношении» и проф. А. Самойловича «Турецкие и монгольские элементы в населении Афганистана» и посвященные археологии и искусству — статьи проф. В. А. Городцова «Археологические проблемы Афганистана», проф. Б. П. Денике «Задачи изучения искусства Афганистана» и М. Г. Вячеслова «Археологические памятники Афганистана». Выделяя три основных группы, иранскую, индо-европейскую и тюркскую, среди языков, которыми говорят на Афганской территории, проф. Мсериянц более подробно останавливается на собственно-афганском языке, — пухту, пушту, афгани, — приводя историю его изучения и те видоизменения, которые этот язык претерпел, благодаря соприкосновению с Индией. В статье проф. Самойловича наиболее интересными являются сведения, сообщающие о происхождении эфталитов и юэджи. Так как названная статья даже имеет подзаголовок «Краткая библиографическая справка», то думается не излишним было привлечение работы Sten Konom'a «On the nationality of the Kusanas» (Zeitschrift d. Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 68 Band 1914), где подробно, на основании палеографического материала автор устанавливает, что язык, на котором говорили Kusana, одно из племен юэджи, был тохарский язык Кучара. Проф. Городцов намечает целый ряд археологических проблем, связанных с Афганистаном, частичный ответ на которые мы находим в очень интересной и ценной статье Вячеслова, бывшего в Афганистане в 1921 году. Проф. Денике дает анализ стиля так наз. гератской школы миньятюры на основании материала Публичной библиотеки, а также указывает на бывшие культурные очаги Афганской территории, которые должны быть обследованы. Статья Вячеслова тем более является ценной, что до сих пор мы имели лишь отрывочные и чисто случайные сведения об афганских древностях. Особенно интересной является она в той своей части, которая посвящена описанию Бамианского ущелья, как известно, некогда знаменитого своими буддийскими монастырями. Буддийское искусство создало тут целый ряд памятников, среди которых Вячеслову удалось видеть известных на весь буддийский мир колоссов Будд, высеченных в отвесных скалах. Обильный материал, касающийся также росписей пещер монастырей, данный Вячесловым, позволяет установить новое звено в развитии буддийского искусства, проникшего из Гандхары в Восточный Туркестан, как то показали открытия экспедиций Штейна, Грюнведеля, Пеллио, Лекока, академика С. Ф. Ольденбурга. Посетившему в 1922 году Бамиан Фуше удалось тоже обследовать статуи-колоссы и монастыри (Journal Asiatique, т. CCII, стр. 358), но нам представляется, поскольку можно судить по его письму, адресованному проф. Сенарту, что приводимые им сведения значительно уступают сведениям Вячеслова.

Афганский сборник В. Н. А. В. должен быть отмечен в литературе по востоковедению, как удачный результат дружной работы ученых и исследователей. Книга издана хорошо. Некоторые воспроизведения страдают нечеткостью и неясностью, но это, видимо, зависело от не вполне удачных фотографий.

А. Стрелнов.

Л. С. БЕРГ. Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга. Госиздат. 1924. 8°. 246 стр. 3 карт.

Книга Л. С. Берга об открытии Камчатки и экспедициях Беринга является ценным вкладом в нашу, сравнительно, небогатую литературу по истории землеведения, в особенности по истории русских путешествий.

Экспедиции Беринга и исследование им северной части Великого океана представляют для нас, русских, двойной интерес: помимо своего большого научного значения, они важны еще и потому, что это были *первые* русские морские путешествия.

В настоящий момент, когда у нас начинает расти интерес к Дальнему Востоку и к Камчатке в частности, книга Л. С. Берга может принести большую пользу всем интересующимся Камчатским полуостровом.

Автор описывает не только чисто внешние стороны путешествий Беринга и его спутников, но останавливается, главным образом, на выяснении научных результатов этих экспедиций. На основании мало известных материалов участников Камчатской экспедиции, он знакомит читателей с природой и жизнью Камчатки, Алеутских островов и островов сев.-зап. побережья Америки.

Книга написана хорошим языком и читается с интересом.

«Открытию» собственно Камчатки автор посвящает лишь одну небольшую главу (стр. 5 — 22). К сожалению, он почему-то не нашел нужным остановиться подробно на описании путешествия по Камчатке участника второй экспедиции Беринга, студента (впоследствии академика) С. П. Крашенинникова, который пробыл на Камчатке почти четыре года и является *первым* ее исследователем. Крашенинников составил классическое двухтомное сочинение «*Описание земли Камчатки*», которое было в свое время переведено на многие иностранные языки. Исследования Крашенинникова послужили отправным пунктом для всех позднейших изучений Камчатки, и в книге, носящей заглавие «*Открытие Камчатки*», путешествию Крашенинникова по Камчатке следовало бы уделить специальную главу. Между тем, автор ограничился тем, что упоминает о Крашенинникове лишь попутно, цитируя его книгу или ссылаясь на его наблюдения.

Нельзя согласиться с автором, что причина, заставившая Петра I снарядить экспедицию Беринга, была та, что знаменитый философ Лейбниц, интересовавшийся вопросом о том, «соединяется ли Азия с Америкой», неоднократно писал Петру о необходимости разрешить этот вопрос.

Конечно, причины посылки экспедиции Беринга были гораздо более существенные. Возможно, что письма Лейбница и теоретический интерес Петра к «географии» сыграли некоторую роль, но главная причина, побудившая Петра, а затем и его преемников предпринимать исследования далеких восточных окраин России, были, конечно, причины *экономические*. Вот об этих-то причинах автор, к сожалению, и не говорит в своей книге ни слова.

При изучении истории географических открытий не следует забывать, что главной причиной путешествий в неведомые страны была у всех народов, особенно в прежнее время, жажда обогащения и торговые интересы. Вспомним, что великие открытия Колумба, Васко-де-Гамы и других знаменитых путешественников были вызваны поисками золота и стремлением установить прямые торговые сношения с Индией.

Наши первые морские экспедиции Беринга не составляют исключения и имели своей конечной целью также «*отыскание морского пути в Индию*». Таинственная «Индея» и ее сказочные богатства служили магнитом, притягивавшим к себе алчное корыстолюбие московских царей и молодого русского торгового капитала, который начал быстро развиваться в России в XVI в. и в начале XVII ст.

Русские цари, начиная с Ивана Грозного, старались монополизировать в своих руках торговлю с другими странами и, по отзыву англичанина Коллинза, жившего в XVII в. в России, царь Алексей Романов считался «первым купцом в своем царстве».

Стремление расширить сферу своего торгового влияния и сделаться посредниками в торговле между странами Зап. Европы и Востоком и заставляло моск. царей и Петра снаряжать экспедиции в Персию, Бухару, Китай и Индию. После многих неудачных попыток найти дорогу в Индию через Персию и Афганистан, у Петра и возник план установить торговые сношения с Китаем и Индией морем. Петр знал от живших в Москве голландцев, что еще в XVI в. англичане и голландцы искали путь в Индию через Ледовитый океан. Он знал, что если из Архангельска плыть морем на восток и обогнуть Азию, то можно попасть к берегам Китая и затем и в Индию.

Трудность вопроса состояла лишь в том, что не было известно — существует ли пролив из Ледовитого океана в Великий. И поэтому прежде всего и нужно было разрешить эту географическую задачу, и с этой целью Петр и пригласил на службу датского мореплавателя Беринга.

Почему именно выбор Петра пал на Беринга, мы находим ясный ответ в донесениях Петру Сиверса и Сенявина; в этих донесениях говорится: «Он (Беринг) *в Ост-Индии был* и обхождение знает».

Под руководством Беринга Петр предпринял в 1720 г. в Архангельске снаряжение экспедиции для отыскания «северо-восточного прохода». Но эта экспедиция не состоялась, кажется, по вине Беринга. Беринг был человек нерешительный и скептически относившийся к планам Петра. На этой почве у Петра с Берингом были, вероятно, столкновения, и в 1723 г. Беринг был уволен Петром со службы.

Но в 1724 г. Петр снова пригласил Беринга на службу и поручил ему начальство над экспедицией для открытия северо-восточного прохода. На этот раз Петр, вероятно, согласился с доводами Беринга, и исследование решено было начать со стороны Великого океана. Для этого экспедиция должна была сухим путем, через Сибирь, добраться до берегов Великого океана и в Охотске или на Камчатке построить два бота и на них отправиться в плавание.

Вот как исторически подготовлялись экспедиции Беринга. Они были вызваны не чисто теоретическим интересом — узнать, существует ли пролив между Азией и Америкой, а были продиктованы экономическими интересами и стремлением молодого русского торгового капитала к овладению новыми рынками и, в частности, рынками Востока и Индии, ибо Индия служила в ту эпоху главной основой экономического могущества Англии и Голландии, мощь которых была идеалом для Петра I.

Без такого объяснения будет совершенно непонятно то упорное стремление, которое мы видим со стороны русского правительства в деле установления морского пути из Европы к берегам Дальнего Востока. Лишь только тогда, когда выяснилось, что этот путь практически неудобен, проекты торговых сношений России с Востоком через северо-восточный проход были оставлены, и внимание русского правительства и капитала было направлено снова на материковые пути, результатом чего и явился в XIX в. целый ряд экспедиций в неизведанные области Средней и Центральной Азии.

Несмотря на указанный недостаток, книга Л. С. Берга заслуживает полного внимания всех интересующихся вопросами географии как по обилию фактического материала, так и по описанию природы Камчатки и островов, лежащих между Камчаткой и Аляской.

Кроме описания путешествий самого Беринга и его помощников Чирикова и Шпанберга, в книге довольно подробно говорится об экспедициях Павлова, Муравьева, Малыгина, Овцына, братьев Лаптевых, Прончищева и Челюскина, исследовавших в XVIII ст. по частям морской путь от Архангельска на Дальний Восток и описавших берега Сибири от устья Оби до устья Колыма. Все эти исследования были мало известны широким кругам, и поэтому описание тех усилий, с какими было положено начало открытия «великого северного морского пути», привлекающего в наши дни снова большое внимание, является своевременным.

Книга написана популярно, но для читателя с известной подготовкой в об-

ласти географических знаний. Книгу можно горячо рекомендовать всем интересующимся географической наукой; она может служить также и пособием для преподавателей.

Книга снабжена алфавитными указателями имен и предметов, что облегчает пользование обильным и разнообразным материалом, изложенным в тексте. В книге приведен также и список литературы об экспедициях Беринга. Текст иллюстрирован 26 рисунк. и картами. Издана книга хорошо.

Н. Лебедев.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

1. В. Л. КОМАРОВ. Линней. *Проф. В. Талиева.* — **2. В. МЕЙЕР. Гибель земли. «Конец света».** *Проф. В. Костицына.* — **E. WERTH. Der fossile Mensch.** *М. Гремяцкого.* — **4. Проф. П. Ю. ШМИДТ. Борьба со старостью.** *И. Когана.* — **5. В. Л. ДУРОВ. Дрессировка животных.** *Н. Кольцова.* — **6. Проф. Р. МИЗЕС. Основные идеи современной физики и новое миросозерцание.** *А. Тимирязева.* — **7. В. ЛЬЮИС. Теория квант в физической химии.** *А. Тимирязева.*

В. Л. КОМАРОВ. Линней. Государственное Издательство. Берлин 1923. Стр. 88.

Имя шведского натуралиста XVIII в. Карла Линнея принадлежит к числу заслуженнейших и популярнейших в естествознании. Гениальный классификатор, широчайше образованный для своего времени, он принадлежит к «отцам» новейшей научной эпохи. Поэтому просто написанное и легко читающееся жизнеописание его, принадлежащее перу известного русского ботаника и составленное на основании первоисточников, прочтется с интересом каждым. Очень ценным является тот факт, что автор излагает заслуги Линнея не только в области систематики растительного и животного царств, где имя его пользуется особенно громкой известностью, но и в других областях знания, в которых работал знаменитый ученый. Можно было бы только пожелать, чтобы автором было уделено больше внимания освещению места, занимаемого Линнеем в истории эволюционной идеи, Линнею обыкновенно приписывают отрицательную роль, но исторически это едва ли правильно.

Книжечка издана очень изящно и снабжена прекрасным портретом Линнея.

Проф. В. Талиев.

В. МЕЙЕР. Гибель земли. «Конец света». Пер. под ред. проф. К. Л. Баева. 136 стр. In 12°. 1924. Книгоизд. «Земля и Фабрика». Москва—Ленинград.

Маленькая книжка директора Берлинской Урании *В. Мейера*, выдержала в подлиннике несколько десятков изданий, и на русском языке появлялась уже несколько раз. Этим успехом она обязана как заманчивой теме, так и своим литературным достоинствам. Опытный и талантливый популяризатор, *В. Мейер* и здесь остается на высоте. Он последовательно разбирает и подвергает тщательному анализу различные причины неустойчивости Земли и возможные причины ее гибели. Он начинает с внутренних сил Земли, с взаимоотношений между твердой корой и внутренним ядром, о физическом состоянии которого мы пока так мало знаем; переходит к влиянию вырывающихся при извержении газов на состав земной атмосферы и к возможности наступления новых ледниковых эпох после усиления вулканической деятельности: холод уничтожит то, что было пощажено огнем. Но откуда придет толчок, который взбудоражит дремлющие подземные силы? Он может прийти изнутри, но может явиться и снаружи: падение слишком большого аэролита, столкновение с ко-

метой. Это уже—угрозы космического происхождения и не единственные в своем роде: возможны падения на Землю и более крупных небесных тел, ибо небесные катастрофы наблюдаются довольно часто, и в пространстве могут блуждать и крупные обломки небесных тел.

Все это факторы, угрожающие жизни Земли более или менее случайно, но на-ряду с ними действует охлаждение Солнца и Земли, и рано или поздно наша солнечная система умрет естественною смертью. Однако и здесь возможно возрождение, частичное или полное, благодаря разным случайным причинам (падение спутников на планеты, падение некоторых из планет на Солнце, столкновение с другими небесными телами), если только какая-нибудь огромная мировая катастрофа не поглотит наше Солнце со всей его свитой. Таково содержание интересной книжки *В. Мейера*. Конечно, не со всем в ней можно согласиться, и целый ряд утверждений автора совершенно голословен, например, гипотеза о земном спутнике, упавшем на Землю в третичную эпоху и т. д. Однако этим не умаляются достоинства книжки, и ей можно пожелать самого широкого распространения.

Проф. В. А. Костицын.

E. Werth. Der fossile mensch. Berlin 1923. S. IV+576.

Е. ВЕРТ. Ископаемый человек. Берлин. 1923 Стр. IV+576.

Послевоенные годы внесли в антропологическую литературу несколько ценных сводок наших знаний об ископаемых предках человека. Американская литература обогатилась прекрасной книгой Осборна «Люди древне-каменного века» (Osburn, «The men of the old stone age»), французская — блестящим, талантливым, хотя несколько шовинистическим трудом Буля «Ископаемые люди» (M. Boule, «Les hommes fossils». Paris. 2 ed. 1923), вышедшей уже вторым изданием и переведенной на английский язык. Наконец, в Германии появился посмертный труд Кляча «Развитие человечества» (Klaatsch, «Werdegang der Menschheit»), подводящий итоги многолетним и оригинальным исследованиям автора и других ученых. Каждая из этих книг отличается крупными достоинствами, но, несмотря на это, предмет остается не вполне исчерпанным, и число возникших вопросов гораздо больше числа решенных. Книга Werth'a далеко не является лишней. Автор ее — крупный геолог, известный особенно своими исследованиями ледникового периода, сумел внести в несколько чуждую для него область антропологии оригинальную точку зрения по многим вопросам. Такое плодотворное вторжение специалистов по смежным наукам в область антропологии не раз случалось и раньше. Пожалуй главнейшие моменты в развитии этой науки связаны с именами не антропологов; Дарвин, Гексли, Геккель, Вирхов оставили в антропологии самый яркий след., но не были антропологами. Геолог Верт направил острие своего аналитического ножа на решение фундаментальнейших вопросов первобытной истории человечества и «праистории» («Urgeschichte»), разумея под последней изучение тех отдаленнейших времен, когда человек еще только формировался из своих животных предков, когда он был еще «обезьяно-человеком», неандертальцем или чем-нибудь подобным, но еще не стал раумным, «Homo sapiens».

Основной вопрос исторической перспективы, к которому Верт подошел во всеоружии — вопрос последовательности во времени тех или иных этапов человеческого развития. Общепринятая крайне приблизительная и противоречивая хронология первобытной истории человечества построена прежде всего на изучении типов орудий, а отчасти остатков животных и растений соответствующих эпох. Но всего этого недостаточно для достоверной ориентировки в том отдаленном времени. Верт приводит немало случаев, когда лучшие специалисты-археологи относили одни те и же находки к самым различных эпохам. Эти случаи вовсе не являются исключительными, а проистекают от недостатков самого метода определения древности той или иной находки. В этих определениях ископаемые человеческие орудия обыкно-

венно играют ту роль, какая в геологии принадлежит «руководящим окаменелостям», по которым узнают возраст пластов. Но дело в том, что окаменелости лишь тогда получают значение хронологических указателей, когда их собственная древность установлена и проверена на основании последовательности геологических отложений, на стратиграфической основе. Вот этой-то основы и лишены ископаемые орудия, а потому и их хронологическое значение в высшей степени сомнительно.

Только геолог может указать верный путь из того лабиринта спорных мнений, в который попадают первобытные археологи в своих суждениях. Геология постоянно принуждает к отысканию зависимости во времени между явлениями, связанными пространственно. Для геолога *последовательность* не только понятие, но научно ощутимый факт.

Подлинное знакомство с ледниковым человеком, его древностью, его образом жизни, его странствиями и эволюцией может быть получено лишь на широкой геологической основе.

Ввиду этого очень значительную часть книги — больше трети — занимают главы, посвященные геологическим вопросам, что уже одно выделяет исследование Верта из ряда других, близких ему по теме и названию. С большой обстоятельностью он исследует проблемы геологической древности ископаемых остатков человека.

Какие же положительные результаты приносит его исследование? Их немало. Наиболее существенным является на наш взгляд внесение ясности в хронологическое соотношение крупнейших находок предков человека — открытого на Яве «обезьяно-человека» («Pithecanthropus erectus») и «гейдельбергского человека», замечательная обезьяноподобная челюсть которого была найдена в песках близ Гейдельберга. За последние годы не только в популярных книжках, но и в научных работах не раз был проявлен сугубый скептицизм по отношению к древности первой из этих находок. В распространенных у нас книгах Лехе «Человек» и Обермайер «Доисторический человек» безоговорочно утверждается, что «Pithecanthropus» («обезьяно-человек») не мог быть предшественником человека, так как древность его не превышает древности палеолита (древне-каменного века). Обстоятельный анализ фактов, сделанный Вертом, говорит другое: питекантроп по крайней мере на целый ледниковый период древнее гейдельбергского существа, т.-е., приблизительно, на 300—400 тысяч лет, и относится к древнейшему межледниковому периоду (считая 4 обледенения). Сам же «гейдельбергский человек» удален от нас не менее, как на полмиллиона лет. Его челюсть найдена в слоях, отложившихся в течение предпоследнего межледникового периода. Между ним и «неандертальцем» прошел, следовательно, еще один ледниковый период, длившийся, в свою очередь, около 300 тысяч лет. Таким образом создается правильная и достаточно вместительная хронологическая рамка, в которую легко вставляются другие важнейшие даты человеческой праистории. Для их точного определения и фиксирования Верт также дает надежные и объективные признаки.

Другая часть книги, трактующая костные остатки ископаемых людей, тоже содержит интересные сопоставления и выводы. Автор и здесь не ограничился изучением лишь литературы предмета, но сам потратил немало труда и времени на производство многочисленных измерений костей различных обезьян, человеческих рас и т. д. Это постоянное стремление опираться на факты, непосредственно воспринятые, ощутимые, особенно повышает ценность работы Верта и поднимает ее над такими почтенными, но компилятивными трудами, как Обермайер. В одном пункте лишь Верт изменил своей тщательности: в отношении к широко разрекламированной английской так наз. пильтдаунской находке [1]).

[1]) Там была найдена в 1913 г. нижняя челюсть—по виду совсем обезьянья и верхняя часть черепа современного типа. Некоторые исследователи сочли возможным приписать эти кости одному существу (с человеческим мозгом и челюстями шимпанзе!), — назвав его «Эоантроп» («человек Зари») и отнеся к началу ледниковото времени, а то и еще к большей древности.

Как бы скептически ни относиться к этой находке, она все же заслуживает того, чтобы отношение к ней было обосновано. То, что Верт об этой находке даже не упоминает, воспринимается читателем, как своего рода argumentum ex silentio (доказательство из умолчания) и навязывает мысль о таком же шовинизме, каким страдает труд Буля, но обращенном лишь в другую сторону. Но, за исключением этой частности, работа Верта в целом является лучшей, обстоятельнейшей сводкой наших знаний об ископаемых людях, их непосредственных предках и путях первоначального развития человечества.

М. Гремяцкий.

Проф. П. Ю. ШМИДТ. Борьба со старостью. Второе переработанное издание. С 40 рисунками в тексте. Госуд. Изд. Ленинград 1924. 80 стр.

Небольшая книжка проф. П. Ю. Шмидта представляет собою популярное изложение проблемы борьбы со старостью и омоложения. В сжатой и вполне доступной форме автор излагает современные взгляды на происхождение и причины старости и смерти и борьбу с ними.

Всякое популярное изложение современных научных проблем обязывает к особенно точной и правильной формулировке трактуемого вопроса и требует весьма осторожного определения) и поэтому нам кажется, что, говоря о «достижениях последних десятилетий» (стр. 5), автор несколько рискованно оперирует выражением «удлинение жизни». Мы, конечно, не отрицаем, что в области борьбы со старостью за последнее время сделано весьма много, но об удлинении жизни людей говорить не приходится, так как у людей это трудно поддается учету.

Нам бы хотелось также указать на следующий пробел в этой книге. Несомненно, что она рассчитана на неподготовленного читателя, для которого многое в ней явится полным откровением. И естественно, что пытливый ум пожелает несколько углубить свои познания в этой области; а потому было бы весьма полезно сопроводить эту книжку литературным указателем всего того, что имеется на русском языке в популярном изложении. Ценность книжки от этого значительно повысилась бы. При составлении своей книжки, автор, повидимому, весьма основательно пользовался работой *Кормельта* «Продолжительность жизни, старость и смерть». Некоторые страницы (39 до 46) представляют собою точный перевод этой работы. Как нам известно, эта книга Кормельта давно уже переведена на русский язык и сдана в Госиздат. Остается пожелать, чтобы она как можно скорее увидела свет. Ее выход явился бы прекрасным дополнением этой небольшой книжки Шмидта и значительно расширил бы познания тех, кто заинтересуется разбираемой проблемой.

Издана книжка хорошо, читается легко, довольно прилично исполнены рисунки, и ее можно рекомендовать во все народные библиотеки.

И. Г. Коган.

В. Л. ДУРОВ. Дрессировка животных. Психологические наблюдения над животными, дрессированными по моему методу (40-летний опыт). Новое в зоопсихологии. Универсальное Издательство. Москва 1924. Стр. 500. С 79 рис.

Это была бы прекрасная увлекательная книга, если бы только автор ее не увлекся ученостью. Не подлежит сомнению, что автор — первоклассный талант в области дрессировки животных. Благодаря сорокалетнему непрерывному и самому тесному общению с животными, ему удается достигнуть в области дрессировки таких успехов, которые недоступны лабораторному ученому-зоопсихологу. Эти успехи обеспечены в значительной степени большой наблюдательностью В. Л. Дурова и, конечно, ему есть чем поделиться с читателем. У него живой, образный язык, и он умеет описывать увлекательно: некоторые части книги можно читать, не отрываясь. А любовное отношение к своим животным этого дрессировщика-артиста, который

никогда не употребляет кнута и вообще наказания, особенно подкупает читателя и делает автора в его глазах особенно симпатичным. Если бы автор задался целью только описать свои наблюдения и свои способы дрессировки, то полный успех его книги был бы обеспечен.

К сожалению, цели автора оказались совершенно иными. Он захотел дать нам ученое исследование, не обладая для этого ни опытом, ни необходимыми задатками. Для всякого, кто прочтет первые главы книги, совершенно ясно, что у него нехватает основного свойства ученого — логической ясности мысли. Самый план книги построен таким образом, что нет возможности его охватить: мысль автора перескакивает беспорядочно от одного направления к другому, бесконечное число раз возвращаясь опять назад. Нахватанные из ученых книг термины, которым в разных местах книги придается порою самое различное значение, чередуются с терминами собственного изобретения, которым автор склонен придавать значение также научных. Чрезвычайная претенциозность автора, серьезно считающего себя ученым и первым знатоком зоопсихологии, производит на читателя неприятное впечатление. Как жаль, что среди ученых «сотрудников» В. Л. Дурова не нашлось таких, которые сумели бы убедить его отказаться от научных построений и ограничиться лишь описанием своих наблюдений.

А наблюдал В. Л. Дуров много и умел наблюдать весьма тщательно. Большинство фотографий, которыми он богато иллюстрирует свою книгу, очень интересно. На этих фотографиях особенно поражает чрезвычайная выразительность его лица, его богатейшая мимика. Лицо и вся фигура нашего артиста говорят яснее всяких слов и говорят таким языком, который должен быть понятен не только нам, людям, но и животным, с которыми он работает. Не даром сам автор подчеркивает и иллюстрирует фотографиями значительное сходство в способах выражения ощущений у человека и животных. Невольно возникает мысль, что, может быть, в этом богатстве мимических движений и кроется большой успех дрессировки В. Л. Дурова: именно таким путем ему удается заставить животное понимать его и подчиняться его требованиям.

Сам автор склонен давать своим опытам совершенно иное «ученое» толкование. Он видит всюду «телепатию», передачу мысли на расстоянии, и, кажется, такое толкование он сумел внушить и некоторым из своих ученых «сотрудников», которые вместо того, чтобы направить его мысль на более простые и тем самым более научные объяснения, сами увлеклись «телепатией». Ведь основное правило естествознания—избирать всегда самое простое объяснение и переходить к более сложному лишь тогда, когда к этому вынуждают факты. А «телепатия» не только сложное объяснение, но и совершенно произвольное, близко граничащее с мистикой, спиритизмом и увлечением другими «таинственными силами». Как бы хотелось видеть книгу Дурова освобожденной от всех этих «телепатий».

Н. Кольцов.

Проф. Р. МИЗЕС. Основные идеи современной физики и новое миросозерцание. Перевод под ред. Я. И. Френкеля. Книгоиздательство «Сеятель» Е. В. Высоцкого. Петроград 1924. 61 стр.

Эта небольшая книжка представляет собой переработку вступительной лекции, прочитанной автором в Дрезденском политехническом институте. Новое миросозерцание, по мнению автора, развертывается в современной физике, благодаря работам в двух областях — в области принципа относительности и строения материи; теорию квант он относит ко второй из упомянутых областей. Изложение новейших успехов физики крайне сжатое, и для читателя, мало знакомого с современными достижениями науки, изображаемая им картина едва ли будет понятна. Результаты теории относительности даны в крайне догматической форме. Сведения об успешном опытном подтверждении «пророчеств» Эйнштейна уже устарели, так как вышедшие в 1924 году обстоятельные кри-

тические обзоры показывают, что совпадения теории с опытом в лучшем случае далеко не блестящи!

По мнению автора, теория относительности — абсолютная истина. Наоборот, к теории строения вещества, достигшей небывалых успехов, основанных на неоспоримых опытных данных, автор относится значительно более сдержанно. Вообще, подход автора мало имеет общего с подходом активного исследования: это всего яснее видно из приводимого им на 61 стр. сравнения теории Эйнштейна с современной атомистикой. «Теория Эйнштейна, — говорит он, — обходится, как уже было сказано, без особых гипотез в узком смысле этого слова и получает свои результаты, главным образом, *путем строгого логического анализа и выяснения основных физических понятий*. Атомистика же, напротив, содержит много гипотез различного рода, *хотя и опираются на весьма обширный экспериментальный материал, но все же не представляются принципиально необходимыми*» (курсив наш. А. Т.). Здесь ясно выступает желание свести всю физику к абсолютно законченной во всех своих частях картине и, с другой стороны, выражается тревога перед бурно развивающейся атомистикой, выдвигающей новые и новые факты, а вместе с тем и новые трудовые задачи. Это как нельзя более гармонирует с уверенностью автора, что ведь должен же когда-нибудь наступить конец развитию техники! «Эпоха техники началась, скажем, в 40—50 годах прошлого столетия, но с другой стороны, она должна когда-нибудь кончиться» (*!А. Т.*). По мнению автора, мы—уже на склоне поры развития техники и понемногу возвращаемся в эпоху расцвета спекулятивного естествознания» (стр. 9). Признание весьма ценное в устах последователя и пропагандиста «революционной» теории относительности.

Очень характерна вставка, сделанная редактором на стр. 19. «Прежде всего Эйнштейн совершенно устранил понятие эфира (а в 1922 году вновь ввел его! *А. Т.*), вернувшись к ньютоновскому представлению о том, что взаимодействие между различными материальными частицами происходит «на расстоянии» через *абсолютное пустое пространство*» (курсив наш. *А. Т.*).

Во-первых, Ньютон определенно указывал, что действие на расстоянии он принял как временную гипотезу, так как не мог придумать механизм явления тяготения, а во-вторых, как вяжется «абсолютно пустое пространство» с утверждением Эйнштейна, что материя определяет пространство и время и что без материи нет пространства? Для полноты картины приведем еще одно место на стр. 42. «Любопытно, что при этом, словно по закону вечного возвращения, в современной атомистике фигурирует своеобразная «мистика чисел», напоминающая до некоторой степени представления Пифагора и каббалистов» (!).

Таковы элементы *«нового миросозерцания»!*

Принимая еще во внимание, что обзор фактических успехов науки очень сжат и для неподготовленного читателя недоступен, а для сколько-нибудь знакомого с современной наукой он ничего не даст нового, невольно задаешь себе вопрос: на какого читателя рассчитана эта маленькая книжка?

Проф. Д. Тимирязев.

ВИЛЛИАМ ЛЬЮИС. Теория квант в физической химии. Перевод под редакцией проф. Л. Ф. Фокина. «Academia». Ленинград 1924. 202 стр.

Небольшая книжка проф. Льюиса очень хорошо задумана. Мы до сих пор имеем очень мало обзоров по теории квант, которые были бы доступны читателю с сравнительно небольшой математической подготовкой. Однако хорошо задуманная задача выполнена, видимо, с большой поспешностью. Первая глава написана так, как будто не с нее начинается книга! «Мы показали, как применение механики к маленьким частицам, которые мы называли атомами или молекулами, дает логическое объяснение большому числу физико-химических явлений», читаем мы на 1-й странице I главы; где это все было сделано — читателю неизвестно; возможно, что вся книга представляет собой часть более обшир-

ного сочинения, но тогда надо было указать в предисловии. Кроме того, в целом ряде глав не учитываются новейшие исследования. Так, в главе о спектрах поглощения водяного пара и соляной кислоты в инфракрасной части спектра не упоминаются работы американских исследователей Имеса и Лумиса. Перевод сделан, видимо, также с большой поспешностью: так, вместо «доказательство теоремы» написано «демонстрация теоремы» (стр. 19) (по-английски употребляется термин demonstration). Далее исследовательница Ева фон Бар превращена переводчиком в мужчину! «E. Bahr более детально исследовал...», «с другой стороны, Bahr установил...»! (стр. 116). Было бы крайне желательно, если бы редактор для следующего издания тщательно пересмотрел перевод и сделал дополнения, учтя исследования последних лет.

Во всяком случае, даже и в таком несовершенном виде, какое представляет собой настоящее издание, книжка принесет пользу в качестве введения, по которому читатель может ориентироваться в современной теории квант. В книге много ссылок на оригинальную литературу.

Проф. Д. Тимирязев.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

1. М. Н. ПОКРОВСКИЙ. Марксизм в школе. *Проф. А. Селихановича.* — **2. С. Т. ШАЦКИЙ. Годы искания.** *А. Иоаннисиани.* — **3. Ф. КАРСЕН. Современные опытные школы Германии.** *Г. Вейсберга.* — **4. Искусство в рабочем клубе.** *Б. еймана.*

М. Н. ПОКРОВСКИЙ. Марксизм в школе. Библиотека педагога. Государственное Издательство. Ленинград 1924. Стр. 31.

Книжка М. Н. Покровского представляет доклад, читанный в мае месяце настоящего года на съезде центральных и местных О. П. У. и представителей методических бюро Губоно. Книжка вся напитана «последней» современностью и представляет большой интерес с различных точек зрения: информационной, методической и агитационной.

Прежде всего это — комментарий к тем программам школы I и II ступени, которые разрабатываются ГУС'ом. Доклад имеет подзаголовок: «Марксизм в программах школы I и II ступени». Хотя и в самих программах марксизм сквозит ясно в каждой теме, в каждой объяснительной записке, но прочитать книжку М. Н. Покровского всякому учителю будет очень полезно, чтобы убедиться окончательно в том, что марксизм есть основа и движущая сила новых программ, что по ним можно преподавать, только будучи марксистом, иначе запутаешься и растеряешь все концы. Можно еще добавить: преподавание по этим программам неизбежно приведет учителя к пониманию и усвоению марксистского метода. В этом огромное агитационное значение этих программ.

Затем в докладе дана общая, но яркая характеристика марксизма, как мировоззрения, противоположного старому мифологическому, в сущности, «сказочному» религиозному мировоззрению—с одной стороны, и скептическому вольтерианству, этому мировоззрению бездельников, по меткому выражению автора— с другой.

Нам хотелось бы внести дополнение в эту характеристику. М. Н. Покровский характеризует марксизм, как *мировоззрение*, но в основе своей он есть «миродействие», а потому марксистская педагогика есть насквозь «трудовая» и «производственная». Марксизм есть прежде всего метод и не только мышления (диалектика), но и метод действия, работы. На этой почве возникает чрезвычайно активное мироощущение, а затем должна выработаться соответствующая психика, «пролетарская душа» с марксистским мировоззрением. При таком понимании марксизм охватывает не толь-

ко образование, но и все области воспитания. Наиболее ценная часть доклада для практического педагога, это—методические указания для проведения марксизма в школе. Совершенно правильно указано в первом тезисе, что марксизм есть наиболее простое объяснение жизни, какова она есть, а потому доступен для детей даже 11—12-летнего возраста. Если марксизм есть метод действия, мышления и чувствования, то, конечно, его можно применять уже в детском саду, во всяком ответе на бесчисленные детские «почему».

Так же убедительно устанавливается связь между комплексным методом и марксизмом. Комплексный метод есть марксистский диалектический метод, только упрощенный и приспособленный к школе и к данному возрасту. Только при таком понимании комплексного метода можно будет договориться о его сущности и способах его применения не только в школе I или II ступени, но и в наших вузах.

Естествознание, по мнению М. Н. Покровского, открывает двери для марксизма. Изучение возникновения всех явлений, их развития и неизбежной гибели само собой приводит к марксистской диалектике.

Изучение сельского хозяйства, смена его форм может послужить основой для объяснения диалектики семьи, затем общественных классов (рабство, крепостничество, батрачество, фермерство и соответствующие им формы крупной собственности).

От эволюции сельского хозяйства естественный переход к промышленности, к возникновению капитала, к машинному производству вплоть до империализма,—все это параллельно с изучением изменений в общественных отношениях.

Переход от базиса к надстройке, от производства и общественных отношений к идеологии представляет наибольшие трудности и, совершенно естественно, в докладе на этот вопрос обращено особое внимание.

В докладе намечена и основная линия политики НКП РСФСР в области просвещения. Новая школа требует нового учителя, начиная с руководительницы детского сада и кончая профессором советского вуза. Но специалисты-ученые в прикладной области—врачи, химики—в сущности, могут игнорировать идеологию, поэтому можно мириться, если они являются сторонниками старого мировоззрения, но уже к преподавателям всех теоретических наук нужно предъявить требование признания основ новой идеологии. А всякий преподаватель общеобразовательной школы должен быть марксистом. «Тут мы никаких уступок,—замечает М. Н. Покровский,—кроме просто уступки человеческой слабости, делать не можем, но, конечно, нельзя требовать, чтобы все преподаватели путем декретного постановления стали бы завтра же марксистами, так как это напоминало бы декреты из «Хулио Хуренито», известного произведения Эренбурга. Но мы должны поставить себе целью, чтобы педвузы и педтехникумы готовили учителей-марксистов, ибо учителя не-марксисты нам не нужны, так как не-марксисты это будут или учителя старого покроя, или, в лучшем из худших случаев, это будут те же самые вольтерьянцы, которые вообще трудовому люду не нужны, ибо они не могут дать ничего, кроме голого скептицизма».

Совершенно верно, но только не надо спешить, а нужно дать возможность учительству подучиться и перестроиться.

В процессе работы учителя неизбежно придут к марксизму. Нельзя выдвигать на первый план требование исповедания марксизма. Мало заявить: «я марксист», нужно освободиться от старых приемов и усвоить марксистский метод, а это требует времени. Спешка поведет лишь к лицемерию. Марксизм за последние два года сделал большие успехи среди учительства, и полная победа придет в свое время.

В заключение, в книжке следует отметить простоту изложения, удачные и яркие примеры и, как всегда у М. Н. Покровского, блестки иронии и юмора, очень оживляющие чтение. Маленькая цена книжки делает ее доступной всякому учителю.

Проф. А. Селиханович.

С. Т. ШАЦКИЙ. Годы исканий. Изд. Т-ва «Мир». М. 1924. Стр. 238.

Книга С. Т. Шацкого интересна во многих отношениях. Она подытоживает всю предшествующую общественно-педагогическую работу автора, выясняет основные вехи педагогической теории и практики и пытается набросать контуры трудовой школы, как центра, организующего детскую жизнь, той школы, которая «не может пройти мимо тех социальных влияний, которыми обладает среда, окружающая ребенка» (стр. 5). Следовательно познание окружающего, как совокупности ряда усложненных факторов, и активное сотрудничество в этом окружении — два момента, определяющие целевую установку и содержание школы. Материал *краеведческий* проходит основной полосой в школьных программах, проработка этого материала дает школе сильнейшие стимулы к обязательному действованию в окружающей среде, как силе, актуально реальной. Выдвинутая и повелительно диктуемая советской эпохой, эта проблема—признание исключительности социального момента в воспитании—должна, конечно, уничтожить изолированность школы, детище индивидуальной педагогики, и поставить ее в ряду тех организаций, которые работают и увязли в общественной атмосфере, влияют на общественную жизнь, «организуя детскую среду в широком масштабе (детское движение)».

Разрешение этой гигантской проблемы требует и соответствующих методов работы. Старая рецептура не годится. Пассивное восприятие, вырабатывавшее в замкнутых формах школьной организации людей послушания, всяческое пренебрежение к действительности, к живой жизни и боязнь влияния окружающей среды выковали эти традиционные методы школы формального обучения. Под ударами сокрушительных изменений в экономике и политике государств в эпоху промышленного и финансового капиталов, требующих новый тип людей-работников, в школьные методы вносят элементы активности, самодеятельности, воспитания воли (американская система). В литературе и на практике появляются так называемые иллюстративные школы, школы действия, школы жизни и пр., которые, в конце концов,— не что иное, как «учебное заведение». Подобная школа «начинает опять возвращаться к старой мысли о том, что школа есть единственное место воспитания и образования детей. Она хочет стать поверх жизни и в конце концов становится отсталой» (стр. 11). Выход в том, чтобы школа, переставая быть «учебным заведением», превратилась в детский центр, сделалась нервом жизни, работницей в области культуры детского быта. «Школа,—пишет Шацкий,— должна изучать и принимать в расчет при конструкции своей программы, метода и организации главнейшие факторы, которые формуют человеческие типы — экономику среды, ее быт и природные условия» (стр. 14).

Полный подкупающего энтузиазма, непоколебимо уверенный в правоте своих «исканий», Шацкий иллюстрирует теоретические положения и выводы глубоко интересными воспоминаниями о своих детских годах и экскурсиях в практическую деятельность педагогической студии, им руководимой.

В нашей литературе имеется целый ряд талантливых очерков, посвященных годам школьного (гимназического) обучения. Достаточно вспомнить очерки Гарина-Михайловского, Яблоновского и др. Однако в этих очерках, на-ряду с вопиющими сценами морального и физического подавления детской личности, даются картины обывательского счастья баловней мещанской семьи, уюта их домашней обстановки, молодечества «любовных» похождений и прочих прелестей «счастливого» детства...

Не то у Шацкого. Ни одного намека на признательность годам гимназического обучения, ни одного положительного штриха. Эти записи и профили, кинематографически развертывающиеся перед читателем, моментами поражают своей анекдотической нелепостью, местами кажутся самой настоящей и ядовитой пародией.

Вот образчики школьных и «методических» подходов:

«Немец» дает фразу для перевода: рыжая корова сидит на дереве и чирикает (zwitschert). Ему говорят: «А как же?

Этого не бывает». Он говорит: «Все равно, тут нужен не смысл, а знание слов» (стр. 32). «Обычные вопросы историка: назовите Гогенштауфенов через одного. Перечислите всех императоров на букву О. Сколько было миров между Францией и Англией до Людовика XI?» (стр. 86).

А вот любопытная сцена окончания гимназии юношами, «отравленными неуменьем работать».

«Гурьбой мы вышли из гимназии: «Братцы, давайте топить учебники!»

Мигом всех как бы потрясло. И жалкие остатки учебников, залежавшихся в партах, были уже в руках, и радостная кучка зрелых людей чуть не бегом бросилась к реке...

Мы кричали ура, бесновались, сыпали текстами, латинскими и греческими цитатами, изображали учителей, крепко шутили и хохотали, раздирая книжки на отдельные листочки...

На следующий день была устроена попойка и инсценирована сцена оргии, с которой сняли фотографию и послали, как последнее «прости» директору» (стр. 114—115).

Эти записи школьных воспоминаний Шацкого значительны не только как материал, имеющий педагогический интерес, но они ценны и как великолепные образчики убожества старой московской гимназии, представляющие при чтении в нашей школе на уроках обществоведения источник сравнительного изучения кануна революции...

Вторая часть «Исканий» посвящается новой школе. Эта часть, по словам автора, представляет собой первый более или менее связный набросок тех идей и тех форм их осуществления, которые являются отрицанием предшествующих и дают положительную картину того, что следовало бы делать в процессе воспитания. В этой части большой интерес представляют практические работы Московской Опытной Станции по народному образованию, в особенности работы ее деревенских школ. Эти школы практикой превратились в культурные центры, в процессе своей работы проводящие не только в детский среде, но через нее и посредством ее среди широкого населения свою «педагогическую политику», влияя на семью своим советом, указаниями и контролем.

Автором приводится богатый материал из повседневной будничной школьной жизни, планы работы, распределения тем по возрастам и группам, дается опыт построения программы (детский труд и охрана здоровья), опыт организации детских работ, планы работ с населением и т. д.

Надо сказать, что основная идея построения школьной работы, предложенная Шацким, несомненно, в значительной своей части легла в основу знаменитых Гусовских комплексных программ, вокруг которых и по поводу которых ныне в широчайших учительских кругах царит необычайное оживление и которые сумели пробудить пытливую творческую мысль деятелей советского народного образования.

Ставя основной проблемой организацию детской жизни, Шацкий полагает, что школа представляет фермент, а среда, в которой он действует,—широкая детская жизнь. В ней выделяется особая часть—именно часть всего целого, школа, которая при правильной организации должна выполнять свою ферментирующую роль.

Ясно, какая громадная ответственная миссия возлагается на педагога,—организатора и исследователя детской жизни! Не даром Шацкий уделяет так много внимания вопросам подготовки педагогического персонала, организации педагогической школы, выяснения методов ее работы, методов объективного изучения среды и педагогического использования результатов этого изучения.

В преодолении чрезвычайных трудностей педагогического служения, насквозь пронизанного энтузиазмом коммунистического миростроительства, исключительное значение приобретают систематическое накопление и учет коллективного опыта педагогических учреждений, школы и ее работников, одним из блестящих образчиков чего и является попытка, сделанная в этом направлении С. Т. Шацким в его книге «Годы исканий».

Дл. Иоаннисиани.

Ф. КАРСЕН. Современные опытные школы Германии. Пер. под ред. М. Вайсфельда. 217 стр. ГИЗ. Москва—Ленинград 1924.

Книга Ф. Карсена представляет интерес для русского читателя. На ней, как нельзя лучше, отразился характер недоделанной германской ноябрьской революции, которая все еще ждет своего октября. Автор, который полагает, что новая жизнь, возникающая из недр рабочего класса, возрождающим образом влияет и «на имущие классы» (стр. 177), очевидно, не совсем ясно представляет себе исторический процесс, который неизбежно ведет к гибели буржуазии и к полному уничтожению классов. Но это, пожалуй, не так существенно, ибо заметка от редакции указывает на то, что Ф. Карсен не марксист. Существенно то, что Ф. Карсен искренен в своих предпосылках, что он действительно является сторонником рабочего класса и что верит в его силы, которые начинают уже перестраивать весь мир на новых началах. Автор полон не совсем ясных для него, но объективно правильных предчувствий социальной революции, несущей миру новую жизнь.

Для русского читателя главный интерес может быть сосредоточен на содержании тех организаторских школьных опытов, которые ставились в Германии с конца XIX века. Стремление господствующего класса, с одной стороны—создать школы для господ, начальников, управителей, а с другой — для послушных и хорошо вымуштрованных слуг и рабов, нашло выражение в целом ряде попыток некоторых германских педагогов создать идеальную школу. «На почве, годной для картофеля, пшеница не растет». «Почвой, годной для картофеля», один школьный деятель (Trendelenburg) считает дом пролетариев-родителей. Метод психологического отбора, примененный впервые в 1917 году для организации в Кельне и Берлине школы для «одаренных», фактически должен был выродиться и, очевидно, выродился в самую отвратительную форму фаворитизма наиболее приспособляющихся ребят из категории «даровитых», могущих быть использованными для своих целей германской буржуазией. Это становится особенно ясным после рассуждений Trendelenburg'а о почве для картофеля и пшеницы.

Некоторый интерес представляют школьные опыты методического характера в школе Зейнига в Шарлоттенбурге. Окружающий школу двор и сама школа, ее стены и имеющийся там инвентарь представляют из себя богатый ассортимент всего того, что нужно для «систематизации того материала, который может иметь отношение к *руке*». Связи с жизнью, с непосредственной жизнью, окружающей школу, нет. Школа свободной умственной работы Гаудига не признает анархического индивидуализма; она требует от оканчивающего школу самостоятельности, наличности трудового настроения, соответствующей силы, технических навыков,—одним словом, того, что необходимо для создания психофизической способности общественного человека. Школа Гаудига считает, что трудовое воспитание создает в человеке и необходимые для него нравственные ценности. Учитель в такой школе не должен подавлять учеников своим авторитетом. «Его принцип, это—оказать помощь через самопомощь...» Но и эта школа оторвана от жизни. В этом отношении прав Карсен, говоря, «что метод Гаудига мало чем отличается от старого Гербартовского метода, потому что хотя тут учитель и не преподносит ученикам материала в определенной, формальной классификации, но сами ученики (впрочем, не без энергичного содействия учителя) обрабатывают материал по *формальным* принципам».

Более современной является школа Бертольда Отто в Гросс Лихтерфельде, который в своем интересном труде «Lehrgang» приходит к правильной мысли о значении общественного труда в образовательном процессе, который неизбежно приводит рабочего к отрицательному отношению к прежней «мудрости» и ко многим прежним «культурным» благам.

«Наступит время, когда обыденная жизнь станет настоящим и самым влиятельным воспитателем», говорит Бертольд Отто.

Интересны его занятия, так называемое «общее преподавание», когда вся

школа, т.-е. около 80 учащихся в возрасте от 6 до 19 лет и все учителя 3—4 раза в неделю собираются вместе для свободной беседы. Несмотря на то, что Бертольд Отто обыденную жизнь выдвигает, как один из самых серьезных факторов воспитания в ближайшем будущем, школа его все-таки оторвана от жизни, и в ней не чувствуется современности, без которой немыслима новая школа. Книга, написанная им в 1914 году на тему «Volksorganisse Einrichtungen der Zukunftsschule», в которой Бертольд Отто усматривает в германской армии образец общественного воспитателя, ярко показывает всю несостоятельность той «новой» школы, основателем которой он является. И в этом отношении прав Карсен, который недостаток школы Отто видит в том, что она охватывает только *умственную* жизнь детей, в то время как необходимо, чтобы школа обняла «всю жизнь детей и тем самым перестала быть школой в узком смысле»; кроме того, Карсен совершенно справедливо считает, что «посреди общественно-трудовой жизни народа и его новых образовательных средств школа должна служить образовательным центром». Карсену следовало бы только сделать еще несколько шагов вперед в сторону тех целей, которые должна ставить себе новая революционная трудовая школа, развить в детях привычку *жить, учиться и работать коллективно* (Н. Крупская) и сделать из школы культурный в широком смысле этого слова центр для трудящихся масс. Совершенно неправ Карсен, когда говорит, что «теперь, в начале XX века, новый класс еще не формулирует своего нового духа... Новый тон раздается опять-таки из среды буржуазии, из того мира, где люди привыкли осознавать жизнь»... Говорить так, значит совершенно закрывать глаза на героическую историю борьбы рабочего класса, на предреволюционную и революционную эпохи человечества, когда весь старый мир был потрясен могучими звуками, исходившими из самых недр пролетариата, когда на $^1/_6$ земного шара нечеловеческими усилиями рабочих и крестьян закладывался фундамент нового мира.

«Новые» школы, которые в своей книге описывает Ф. Карсен для нас, для Советской России, кажутся взятыми из другой эпохи, уже безвозвратно ушедшей от нас. Деревенские воспитательные очаги Литца с их религиозно-христианским духом, которые, правда, ставят своей целью создать «не знающих, а самостоятельно ищущих, деятельных людей», представляют из себя учреждения, которые могли быть удовлетворительны для той «аграрно-патриархальной обстановки», в которой вырос сам Герман Литц. Становится не совсем понятным, как в школе, где центром преподавания является по существу религия, ее история, где исходят из современности от Бодельшвинга и самого Г. Литца, а затем переходят к Иисусу, пророкам и еврейской религии, а затем к религии римлян и греков, индусов и китайцев, где в старшем классе изучают философию религии и вдруг... (horribile dictu!) на уроке истории изучают *Коммунистический манифест*,— как все это совмещается в голове бедных учащихся, и какую сизифову работу приходится проделывать несчастным ребятам, пока, наконец, они не доберутся до изучения величайшего из человеческих документов.

Свободные школьные общины Винекена с его учением об объективном духе, напоминающем до некоторой степени абсолютную идею Гегеля, несомненно, представляют некоторый интерес в системе новых германских педагогических исканий. «Каждая ступень жизни есть воплощение абсолюта, если она всей своей волей стремится к этому. Это и есть великое открытие автономии детства». «Цель» воспитания совпадает для Винекена со «средством воспитания», с социальной жизнью детей.

Отрицательное отношение к буржуазной семье, единство школьной общины, товарищеские кружки,— все это очень привлекательно, если бы не совершенно правильно отмеченная Карсеном обособленность от «живого потока социального развития», выразившаяся в мысли о «создании *острова* новой культуры», культуры духа.

Интересен опыт Оденвальдской школы совместного обучения детей всех возрастов, где введен институт «гастролеров-

учителей» и где, действительно, замечается переход от ограниченности очагов к «общественной школе».

Совершенно чуждой нам по духу является школа известного вождя антропософов—Штейнера. Он совершенно не признает ни единой, ни трудовой школы и отмежевывается от лозунгов современной педагогики. Учитель должен быть авторитетом для ребенка, он «признанный властелин его», как определяет отношение Штейнера к учителю Карсен. Правда, есть и у Штейнера здоровые мысли, касающиеся необходимости дать одинаковую возможность всем детям получать образование не в зависимости от того, к какому социальному слою они ни принадлежали бы, но примирить целый ряд внутренних противоречий, заключающихся в педагогическом учении Штейнера и его утверждении, что его школа связана с современным социальным движением, целью которого, по его мнению, является создание новой культуры пролетариатом, — примирить все это с учением антропософов не представляется никакой возможности.

Школа переживания, школа жизни, производственная школа, которые возникли в Гамбурге, Бремене и других местах Германии, о которых повествует нам Карсен, конечно, не есть еще в полном смысле слова революционные школы. Ясно только одно, что революционный пролетариат Германии начинает уже создавать необходимые предпосылки для новой школы. Центральная комиссия по образованию рабочих, в которой деятельное участие принимали учителя В. Лоттих, А. Гелльман и др., и новые школы, которые возникли после первой вспышки революции в Гамбурге и в других городах Германии, служат достаточной гарантией того, что рабочий класс правильно нащупал пути, по которым пойдет развитие новой революционной школы. В этом отношении Карсен правильно оценивает роль и значение в создании новой школы и рабочего класса и подрастающего поколения—революционной молодежи. Но полного понимания идеи трудовой революционной школы у Карсена все-таки нет. Сославшись на Paul Oestreich «Zur Produktionsschule», Карсен совершенно неправильно передает идею единой трудовой школы советской России. Можно пожалеть, что Карсену не удалось ознакомиться с происшедшей у нас в России школьной революцией по первоисточникам. Пожалуй, это дало бы ему возможность иначе подойти к целому ряду педагогических проблем; есть еще одна возможность изменения взглядов Карсена и других честных педагогов Германии, это — принять непосредственное участие в том Октябре, который еще предстоит проделать германскому революционному пролетариату.

Г. Вейсберг.

ИСКУССТВО В РАБОЧЕМ КЛУБЕ. Всероссийский пролеткульт. Москва 1924 год. Стр. 139.

«Линия художественной работы в рабочих клубах выравнивается крайне медленно. Отсутствие у клубных работников определенной точки зрения на задачи и методы этой работы придает художественным достижениям случайный характер» (стр. 5). Авторы рецензируемой коллективной работы, вышедшей под редакцией т. Плетнева, и пытаются внести такую «определенную точку зрения» в нашу клубную работу.

Основное положение, выдвигаемое книгой, ценно, плодотворно и еще мало вошло в жизнь. Это—идея единой студии искусства, как основной линии клубной художественной работы. Не в зависимости от того, в каком кружке находится член клуба, он обязан пройти ряд общих предметов, из которых каждый является центральным для отдельных кружков. Такими предметами являются—физкультура, ритмика, постановка голоса, устная и письменная речь, хоровое пение, идеологические предметы. Жаль, что в этом перечне обижено ИЗО,—можно бы внести художественную грамотность. Но сама по себе такая постановка работы должна быть приветствована, так как в корне убьет «специализацию» и послужит прекрасным толчком к общехудожественному развитию, а ведь только в этом и заключается роль искусства в рабочем клубе.

Но насколько трудно бывает не только осуществить общие принципы в жизни, но даже оформить их в подробной программе, явствует из статьи о литературных кружках. Автор ее выдвигает тезис: надо изучать литературу, начиная с XX в., с символистов. В самой же программе предлагает, при двухгодичном курсе, пройти в первом полугодии народную словесность, во втором—древнюю литературу и XVIII в., в третьем—кончить Успенским и лишь в четвертом изучать конец XIX, начало XX в... Вот вам и «единство методов клубной работы»!! Как же ему быть, когда сами теоретики, отстаивающие ненужность старины, правой рукой пишут: «свергнуть», а левой подсыпают: вот вам «Слово о полку Игореве», вот вам Кантемир, вот вам Тредьяковский. А ведь их фамилии черным по белому так и стоят в книге, изданной Всероссийским Пролеткультом! Или еще: автор программы предлагает впустить в кружок не только малограмотных, но и безграмотных. Что же с ними в литкружке будет делать руководитель, проходящий символистов или даже излюбленного автором Хераскова? Правда, нас утешают, что раз в неделю секретарь кружка будет заниматься грамотой с неумеющими читать. Но это предложение обнаруживает только, что автор программы не достаточно знаком с вопросами ликвидации безграмотности.

Несколько странное впечатление производит и статья «О занятиях языком в корреспондентском кружке». И здесь немало отдельных ценных мыслей. Автор, напр., стоит на той точке зрения, что надо начинать работу с приобретения техники составления прошений, заявлений и проч. Справедливо и то, что изучение грамматики должно вестись не обычным путем, что целью должна быть в конечном счете стилистика. Но как же повести работу этим необычным, еще почти не найденным путем? Мы ждем от автора ответа, а он нас повергает в немалую печаль своим заявлением «было бы, быть может, заманчиво дать здесь примерную картину какого-нибудь одного урока, или собрания. Но это будет длинно и утомительно» (стр. 62). Разумеется, если авторы будут столь быстро утомляться и так беспричинно пугаться «длиннот», то по-прежнему не будет найдена «общая линия клубной работы».

Немало ценных замечаний и в статье о театральной работе. Нельзя не согласиться с автором, что основная задача драмкружка—не организация спектаклей, а участие в литсудах, живых газетах, инсценировках и прочее. Но в статье досадная неясность по основному вопросу: должен ли драмкружок все же ставить пьесы, или нет? Вначале автор как будто становится на отрицательную точку зрения, но под конец трактует о биомеханической системе, в духе которой и предлагает прорабатывать отдельные роли и все произведение. Таким образом отвергнутые спектакли, видимо, все же признаются.

Не будем касаться других статей сборника. В них, как, в сущности, и в упомянутых, немало здравых и ценных мыслей. Что касается приложенных инсценировок, то они и просто хороши. Жаль только, что совсем нет специальных замечаний о хоркружке.

Но ведь дело-то в том, что коль книга руководящая, коли она ставит задачу что-то выяснить и твердо установить, то не должно быть в ней никаких противоречий и никаких недомолвок. А этого, к сожалению, ее составители не избегли.

Б. Нейман.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Ф. ШИПУЛИНСКИЙ. Ретлэнд-Шекспир. *В. Фриче.* — **2. W. BERENDSOHN. Grundformen volkstümlicher Erzählerkunst in der Kinder-und Hausmärchen der Brüder Grimm.** *Б. Казанского.* — **3. Б. ЭНГЕЛЬГАРДТ. Александр Николаевич Веселовский.** *В. Переверзева.* — **4. Проф. Е. И. ТАРАСОВ. Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху.** *Н. Кашина.* — **5. А. КРУЧЕНЫХ. 500 новых острот и каламбуров Пушкина.** *Р. Шор.* — **6. ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ. Поэтическое хозяйство.** *Г. Винокура.* — **7. Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ. Статьи о Базарове и его времени.** *И. Кубикова.* — **8. В. ВЕШНЕВА. А. Серафимович, как художник слова.** *Проф. Н. Фатова.* — **9. Л. ГРОССМАН. Исповедь одного еврея.** *М. Клевенского.* — **10. РАБИНДРАНАТ ТАГОР. Воспоминания.** *В. Кряжина*

Ф. ШИПУЛИНСКИЙ. Ретлэнд - Шекспир. Гиз. 1924. 181 стр.

Автор ставит своей задачей разрушить вековое заблуждение, будто творцем «шекспировских» произведений был стрэтфордец, сын мясника, В. Шекспир, и доказать, что имя «В. Шекспир» было псевдонимом Роджера Меннерса Ретлэнда. Задача в высокой степени нужная и в высокой степени—ответственная. Как ее решил наш автор? Прежде всего он по существу излагает содержание двух книг Дамблона. История гипотезы о Ретлэнде-Шекспире не освещена. Предшественники Дамблона (Альвор: Das neue Sh.'Evangelium и Блейбтрей: Der wahre Shakespeare) игнорируются. Читатель даже не узнает, как озаглавлены обе книги Дамблона, так что он лишен возможности уяснить себе степень самостоятельности автора или его зависимости от французского подлинника,—а последняя порою чрезмерна. Это было бы, впрочем, не так страшно, если бы Дамблона не приходилось исправлять и дополнять исследованиями других авторов. К сожалению, труды этих авторов часто Ф. Шипулинскому не известны. Один пример. Автор очень трогательно расписывает, как Ретлэнд влюбился в Елизавету Сидней, как она нанесла ему глубокую сердечную рану, как он потом не мог ее забыть и т. д. Нам известно из письма одного современника, что Роджер Ретлэнд, напротив, не очень хотел жениться и что о браке молодых людей хлопотали, главным образом, родные Ретлэнда. Так как этот документ Дамблону неизвестен, то неизвестен он и нашему автору [1]). Излагая гипотезу Альвор-Блейбтрей-Дамблона, желательно, разумеется, воздерживаться от утверждений, не подтверждаемых документами. По окончании университета молодой Ретлэнд будто был охвачен страстью видеть чужие страны и т. д. (92). Мысль о путешествии принадлежала, насколько мы знаем, его опекуну В. Сесилю, лорду Берлею (Полонию), а гр. Эссекс написал юноше по этому поводу пространное письмо, разъясняя ему пользу путешествия. Это любопытное письмо Дамблону неизвестно или во всяком случае им не цитируется, и потому о нем не упоминается и в книге нашего автора [2]). И откуда он знает, что Ретлэнд в Италии заболел малярией (!) (95). Всякий, защищающий «гипотезу» Дамблона, обязан, разумеется, рассмотреть и опровергнуть все свидетельства, приводимые ортодоксами в пользу стрэтфордской легенды. Здесь наш автор также обнаруживает, с одной стороны, недостаточное знакомство с литературой предмета. Ссылаться на свидетельство Четтля (15) в настоящее время уже не приходится, ибо один из ортодоксальных шекспиристов Sarrazin (Sh' Jahrbuch 41) прекрасно выяснил, что это место не имеет никакого отношения к Шекспиру (кто бы он ни был), а имеет в виду (если его процитировать целиком) одного из тех трех драматургов (вероятно, Пиля), которых Грин в изданном Четтлем памфлете предостерегает от беспутной

[1]) Sarrazin: Aus Sh' Meisterwerkstatt.

[2]) Conrad: Sh'Selbstbekenntnisse.

жизни. С другой стороны, автор несколько упростил себе задачу изничтожения стрэтфордца, оставив в стороне ряд свидетельств, приводимых ортодоксами в пользу их мнения,—для примера укажем на эпиграмму Дэвиса из Хирфорда о поэте В. Шекспире («нашем Теренции»), который был в то же время и актер (может быть, актер-любитель, это вопрос другой, но игнорировать подобное заявление нельзя). Следуя по стопам Дамблона, который в свою очередь здесь повторяет бэконианцев, наш автор старается изобразить стрэтфордца В. Шекспира преимущественно как ростовщика, не считает его актером, а только «сотрудником» театра Глоб, да и то только в 1597 г. (54), а куда делись документы, свидетельствующие, что он был в самом деле актером (может быть, второстепенным) еще при вступлении на престол Якова I или—другое свидетельство—памфлет о незаконном присвоении им (и некоторыми другими лицами) дворянского герба? Следуя Дамблону, повторявшему и здесь бэконианцев, наш автор считает (на основании подписей Ш.) стрэтфордца Шекспира неграмотным (34), но как быть с записью в расходных книгах Ретлэндов о том, что в 1613 г. актеры «Глоба» Бербедж и В. Шекспир получили 44 шилл. за impres'у для Фрэнсиса Ретлэнда? «за гербовую печать» переводит наш автор, прибавляя недоуменно: «что это за гербовая печать, неясно» (70). Если бы автор читал классический труд С. Ли о стрэтфордце В. Шекспире, он должен был бы знать, что impres'а, это—девиз на щите рыцаря во время турнира,—девиз, обычно выраженный в форме коротенького стишка. Бербедж (актер и живописец) «нарисовал и сделал» impres'у, а В. Шекспир ее придумал и облек в словесную форму [1]). Он, следовательно, едва ли был безграмотен, а имел даже некоторое отдаленное отношение к литературе. И тогда в несколько ином свете предстанут перед нами взаимоотношения между поэтом Ретлэндом Shake-speare'ом и актером В. Шекспиром. Мы знаем из ряда документов, число которых все растет, что писатели-аристократы XVI в., предпочитавшие писать анонимно, нанимали себе за плату подставное лицо — deputy, которому поручали деловую сторону, напр., постановку пьес, при чем, как видно из одного сочинения Грина, приглашали на эту роль третьестепенного литератора, который затем порою корчил из себя знаменитость. Вся эта сторона литературных нравов Англии XVI—XVII в.в. в настоящее время довольно хорошо освещена, но не—Дамблоном, и потому о ней не говорится и в разбираемой нами книге.

Излагая по существу Дамблона, автор порой выступает и с своими собственными «гипотезами», мы бы не сказали: убедительными. Можно ли считать прообразом Ричарда III и Фальстафа—двух чрезмерно мало друг на друга похожих персонажей—одно лицо: Роберта Сесиля, главного врага партии Эссекса (101,114)? Автор полагает далее, что некоторые сонеты «В. Шекспира» и драма «Троил и Крессида» принадлежат Герберту Пемброку, тому, кому посвящено in folio 1623 г.; итак, издатели посвятили произведение Пемброка—Пемброку (168)?

Необходимо указать еще на одну сторону книги Ф. Шипулинского. Англия Шекспира то-и-дело сближается с Россией XIX—XX в.в. Роль Соусемптона в английской литературе сравнивается с ролью в нашей Станкевича. Осада замка Эссекса—с «якутскою Романовкой 1904 г.». И сам Ретлэнд-Шекспир превращается в конце книги в «товарища» (смысл кавычек неясен). Правда, автор оговаривается, что «Ретлэнд не был революционером в нашем смысле слова», он «ненавидел только тиранию, а не королевскую власть» (178). Страницей дальше оказывается, однако, что Ретлэнд шел «на свержение Елизаветы». Если бы заговорщики даже свергли Елизавету (хотя заговор был направлен не против нее), они возвели бы на престол «короля Эссекса» (Ретлэнд-Шекспир изобразил его в виде короля Генриха V). Нетрудно показать, что произведения Ретлэнда-Шекспира проникнуты самым что ни на есть монархическим духом. И подобно тому, как он не был «нашим» в политическом смысле, так чужды нам по существу его социальные взгляды. Автор оправдывает отрицательное отно-

[1]) S. Lee, life of Sh., стр. 445 и след. и примечания.

шение поэта к восставшим крестьянам (в «Генрихе VI») тем, что восстание было «бандитским»; еще Брандес в своем труде о Шекспире прекрасно показал, что оно только изображено таковым, тогда как подлинными бандитами были феодалы, а не крестьяне Джэка Кэда... Так же мало основательно провозглашать поэта проповедником «филантропически-уравнительного социализма» (178) на основании слов Лира («несчастные раздетые бедняки»), в которых сквозит лишь настроение «кающегося барина». На основании призыва Тимона «грабьте награбленное» можно — при желании—объявить поэта даже—ленинцем. Но как в политической области речь шла у нашего поэта лишь о замене «буржуазной» монархии монархией феодальной, так в социальном отношении речь шла у него о мести буржуазной собственности за то, что она экспроприировала помещичье-феодальную. Всякая «модернизация» Ретлэнда-Шекспира ненужна, — как поэт, он итак велик,—ибо способна заслонить ту истину, что его произведения—ярчайшее художественное выражение психики феодала в момент вытеснения феодального класса капиталистической (пуританской) буржуазией и разложения под влиянием этой социальной катастрофы самой феодальной психики.

В заключение необходимо указать на ряд мелочей, дабы читатель не был введен в заблуждение. «Двенадцатая ночь» не имеет никакого отношения к шервудскому лесу, с которым связаны некоторые другие пьесы поэта (79). Лоренцо в «Укрощении строптивой» (автопортрет Ретлэнда) носит на самом деле имя Люченцио (98). В «Генрихе VI» не только упоминается имя Ретлэнда, но и показано (III часть) убийство последнего Ретлэнда королевской крови и т. д. и т. д. Иногда английские имена превращены во французские (!)—поэт-актер Дэвенэнт дважды назван Д'Авенан (51), а в Лейчестере жил Жан де Ганд (!), очевидно, Джон Гаунт (выступающий в «Короле Джоне»)—новое доказательство близости русского автора к французскому подлиннику!

Несмотря на указанные недочеты, очень и очень рекомендуем книгу Ф. Шипулинского всем, интересующимся литературой—она может освободить их от старого, живучего — увы!— предрассудка, будто автором шекспировских творений был стрэтфордец В. Шекспир.

В. Фриче.

W. A. Berendsohn. Grundformen volkstümlicher Erzählerkunst in den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Hamburg 1923, S. 143.

В. БЕРЕНДСОН. Основные формы искусства народного рассказа по сказкам бр. Гримм. Гамбург 1923. Стр. 143.

Появление за последнее время ряда исследований о сказке, преимущественно учеников Фр. Кауфмана в Киле, свидетельствует о том, что литературная наука начала сознавать возможность какого-то плодотворного подхода к ней. До того она интересовала только, как факт фольклора, т.-е. как памятник исторического или «доисторического» быта «народа». Историк литературы не знал, что, в сущности, делать с все растущим этнографическим материалом. Преимущественно занимались изысканием параллелей и вариантов сюжета. В этом отношении заслуги исторической школы «заимствований» огромны, и все же они далеко еще не достаточны, чтобы внести порядок в хаотическую массу сырого материала. История сказки, хронологическая карта распространения сказочных мотивов, развитие и изменения сюжета —задачи, аналогичные тем, которые ставит филология для восстановления рукописной традиции—остается еще мечтой тем более сомнительной, что ее дискредитируют старые предрассудки о существе и характере сказки. Т. о. огромный сказочный материал, тщательно собиравшийся и издававшийся повсеместно в течение ряда лет, остается все так же неустойчивым, зыбким и легко рассыпающимся, не давая никакой возможности какого-либо систематического построения на этом песке.

И все же, именно здесь, благодаря тому, что данные материала исключают «проблему личного творчества» и, с другой стороны, выдают уж очень резко

нелитературный характер «памятника культуры», литературная наука могла легче всего обратиться к изучению строения и стиля словесности и выработать, наконец, плодотворные методы «формального» анализа.

В этом отношении сказка представляет очень благодарный, многообещающий материал. Это—не продукт мгновенья, не импровизация «на случай». Сказка—высоко развитая и сложная художественная форма, устойчивость и законченность которой резко отличается от неопределенных и изменчивых, рудиментарных излияний, характерных для «народа». В сказке находятся подлинные жемчужины поэзии, прелесть которых очаровывала многомиллионные массы в течение столетий, открывая себе доступ через моря и пустыни, преодолевая различия рас, верований и культурного уклада. С живучестью и распространенностью их до сих пор не может сравниться ни одно из гениальнейших произведений литературы. Такая художественная ценность особенно оправдывает стилистический анализ сказки. Вместе с тем, думается, пора признать, хотя бы гипотетически, равноправие сказки в поэтическом отношении с «литературой» и от противопоставления ее этой последней, в качестве «народного творчества», отказаться, как наука принуждена была отказаться от этого в отношении эпоса (Гомер, Эдда, песнь о Нибелунгах, былины и т. д.) и баллады.

Книга В. Берендсона, в этом отношении, не очень двигает вопрос. Ограниченная материалом только гриммовских сказок, она не может охватить его полностью, и, в сущности, кроме краткого источниковедения, дает лишь проверку его и попытку более тщательной классификации. И тут она остается на традиционном пути, отличая от собственно сказки 1) сказание (объясняющую или иллюстрирующую легенду, Ursachesage, Beispielsage), к которому, повидимому, относится и «животная сказка» (Zweizahlgeschichte) и 2) шутку (Schwank) веселого и натуралистического характера. Исследования стиля, однако, не дано. Различение основано на различиях сюжетной схемы и идеологической (психологической) основы. Самостоятельного значения, устанавливающего новую точку зрения, книга Берендсона не имеет. Она исходит из результатов исследования кильской школы и особенно настойчиво упирает на резчайшее разделение литературного и «народного» повествовательного искусства. Однако, несмотря на эти основные предпосылки, подчеркнутое, сознательное устремление этого течения к стилистическому анализу сказки знаменательно для направления современной науки о литературе. Более определенно эти взгляды на сказку высказаны Ф. фон-дер-Лейеном в сборнике, поднесенном Э. Куну (Aufsätze zur Kultur- u. Sprachgeschichte, München 1916—Очерки истории культуры и языка, Мюнхен 1916), хотя тоже не выражает радикально новой позиции, в которую, несомненно, вступает историческая поэтика.

Б. Казанский.

Б. ЭНГЕЛЬГАРДТ. Ал. Ник. Веселовский. «Колос». Петрогр. 1924 г. Стр. 214.

Идеи А. Н. Веселовского до сих пор мало популярны. Между тем он больше, чем кто-либо, сделал для разработки подлинно научной методологии изучения литературы. Он весь во власти естественнонаучного мышления. Он враг всякой романтики, всякого идеализма и субъективизма. Он требует объективного изучения, а не субъективных оценок, каузальности, а не телеологии. Рассматривание литературы как объективного бытия, независимо от авторской личности, сравнительный метод, эволюционное понимание истории литературы, хоть расплывчатое и непоследовательное понимание социальной генетики литературы—все это очень важные методологические принципы, которые должны стать краеугольными камнями литературоведения. Поскольку Энгельгардт их популяризирует—это очень ценно, тем более, что он это делает хорошо. Но, к сожалению, он пускается в критику. Не то чтобы не нужно было критиковать Веселовского. В критике он очень даже нуждается, ибо многое в построениях этого крупного ученого не сведено в концах с концами.

Но, чтобы критиковать, критик должен был уйти вперед от Веселовского. Между тем он тянет от него назад. Для всех теоретических построений Веселовского решающим моментом является убеждение, что литературное развитие не может быть понято из творческой индивидуальности, что сама творческая индивидуальность определяется, наоборот, литературной эволюцией. Но если это так, то где та творческая энергия, которая приводит в движение литературу. На этот вопрос у Веселовского не находилось ответа. Он твердо знал и блестяще это доказывал, что литературная эволюция имеет какую-то сверхличную обусловленность и закономерность, но бесплодно мучился над разгадкой механизма этой закономерности и, не разгадавши, не достроил своей теоретической постройки. Легко понять, что для всей теоретической постройки Веселовского решение проблемы динамики литературного развития без обращения к творческой личности было вопросом самосохранения, вопросом жизни и смерти. И прямо умилительна та «святая простота», с какой критик удивляется тому, что Веселовский, «обходит загадочную проблему творческой гениальности», упорно бежит от «сознания писателя», прямо трогательна та наивность, с какой он зовет к достройке недостроенного Веселовским здания путем обращения к «творческому сознанию», путем дополнения метода Веселовского Потебнианской психологией творчества. Энгельгардт тащит историка литературы в болото идеализма, из которого Веселовский хоть наполовину вырвался и вырваться из которого было смыслом всех его исканий. Недостроенное теоретическое здание Веселовского может быть достроено лишь на почве социологии, а не психологии творчества. Веселовский знал это, шел в этом направлении, хотя и не дошел до конца. А Энгельгардт даже не догадывается об этом, и поворачивает оглобли назад в то самое болото, из которого Веселовский вывез воз историко-литературной науки, старается убедить, что едет вперед, а не назад от Веселовского. Латать объективно-социологический метод Веселовского субъективно психологическим методом Потебни значит—уподоблять свою критику критике соловьиного пенья в Крыловской басне: «а жаль, что не знаком ты с нашим петухом: еще б ты боле навострился, когда бы у него немного поучился». Нет, у Потебни с методом Веселовского уже не навостришься, и Энгельгардт своей критикой только испортил свой хороший этюд о Веселовском.

В. Переверзев.

ПРОФ. Е. И. ТАРАСОВ. Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Очерк по истории либерального движения в России. Самара. Изд. Самар. Госуд. Универс. 1923. Стр. XV+452 (Известия Самар. Госуд. Университета. Вып. I 1918 г. Вып. IV 1923 г.).

Личность Н. И. Тургенева, единственного из декабристов, случайно оказавшегося вне пределов досягаемости для правительства Николая I, уже в силу одного этого обстоятельства всегда привлекала к себе внимание исследователей. Наш автор также заинтересовался этой центральной фигурой. Путем изучения одной крупной личности исследователь, по его собственным словам, понял всю эпоху. Дав краткий очерк изучения либерального движения в России в эпоху Александра I, он дает также обзор прежней литературы о Н. И. Тургеневе, среди которой выделяются, как известно, работы А. Н. Пыпина, В. И. Семевского и Вишницера. Конечно, обстоятельное изучение личности и деятельности Н. И. Тургенева могло начаться только с тех пор, как в Академию наук поступил архив братьев Тургеневых, пожертвованный туда сыном декабриста П. Н. Тургеневым.

Е. И. Тарасов оказался во всеоружии для написания специальной монографии о декабристе Н. И. Тургеневе.

Первая глава ее посвящена роду и семье Тургенева, при чем главным образом семье отца декабриста, известного масона и директора Московского университета И. П. Тургенева, значение которого, равно как и его семьи, в истории русского общества прекрасно и выяснено в этой главе. Дальше идет

рассказ о детстве и юности Н. И. Тургенева, его учебных годах в Московском благородном пансионе и Московском университете. Здесь должно отметить совершенно новую, резко отрицательную, но вполне убедительно доказанную характеристику Московского благородного пансиона, о котором до сих пор обычно отзывались только в хвалебном тоне.

Обстоятельно обследовано влияние на Тургенева чтения книг, культивировавшегося в их семье, и особенно влияние Вольтера.

Подробно рассказывает автор об учебных годах Н. И. Тургенева в Геттингене, и, благодаря такому детальному их изучению, нашему исследователю удалось правильно оценить «Опыт теории налогов», который необыкновенно высоко ставился такими специалистами по финансовой науке, как И. И. Янжул, проф. Лебедев и проф. Святловский. «Эту книгу Н. И. Тургенева все только хвалили, но не подвергли тщательному исследованию историю ее происхождения, ее источники и способ ее написания». Все это впервые сделано нашим исследователем.

Много интересного и отчасти нового найдет читатель тут об юридических работах Тургенева, а также и об его литературной деятельности. Его юридические работы ценны, с одной стороны, потому, что «по ним можно судить о правовых понятиях как его самого, так и его современников-либералов, будущих декабристов», с другой стороны, потому, что «Тургенев трудился над этими работами также и по поручению тайного общества, которое мечтало о полном преобразовании всего государственного строя, в том числе и суда».

Восьмая глава: «Тургенев и крестьянский вопрос» начинается с очерка положения крестьянского вопроса в начале XIX века, из которого, пожалуй, можно сделать вывод, делаемый нашим автором, что Тургенев несколько отличался от других декабристов, из которых никто, «насколько известно, не хлопотал и громко не высказывался за ослабление крепостного права, хотя бы, например, путем фиксации оброка, уничтожения самоуправства помещиков в наказаниях, налагаемых на крепостных, и т. д.». Однако не должно тут особенно радужно смотреть на вещи. Правда, Тургенев напомнил своим сотоварищам по Союзу Благоденствия о параграфе устава Тугендбунда, выпущенного ими в «Зеленой книге», который обязывал каждого вступающего в общество освобождать своих крестьян; правда, он сам отпустил своих дворовых и вел усиленную пропаганду освобождения крестьян вплоть до Государственного Совета. Но, в сущности, подобно другим декабристам, Н. И. Тургенев оставался крепостником. Хотя он и пережил своего рода эволюцию взглядов по крестьянскому вопросу, хотя его взгляды по этому вопросу, пожалуй, даже и не отлились в окончательную форму, все же нельзя не заметить, что Н. И. Тургенев все время стоял на почве безземельного освобождения крестьян и только по временам склонялся к освобождению с землей. Либеральничая в Симбирской своей деревне, по словам его брата А. И. Тургенева, уничтожив там барщину и посадив на оброк мужиков, он все же уменьшил свои доходы, повидимому, не вполне соответственно крестьянским нуждам: он предложил мужикам перейти на валовой оброк, но спросил с них сумму, очевидно, невыносимую, по мягкому выражению Е. И. Тарасова: «довольно много», а именно 15.000 руб., тогда как «мужики, с радостью соглашаясь на валовой оброк, предлагали в первый год только 10.000 руб., ссылаясь на свою бедность и разорение». Можно было бы привести и другие примеры, но, впрочем, и сам Е. И. Тарасов, говоря о «Записке Тургенева о крепостном состоянии», приходит к выводу, что автор «Записки» «был решительным врагом вельмож и врагом ограничения самодержавия—при сохранении крепостного права».

В отношении Тургенева к крестьянскому вопросу сказалась также и его классовая дворянская психология. Он, напр., «думает, что и нам, русским, пора подумать об улучшении состояния крепостных еще и потому, что многие имения стали переходить от знатных людей к откупщикам, фабрикантам и заводчикам. Он думает, что крестьяне, принадлежащие богатым и вместе с тем знат-

ным людям, находятся в лучшем состоянии».

Девятая глава книги посвящена участию Н. И. Тургенева в тайных обществах, самому важному пункту в его биографии и вместе с тем одному из самых запутанных вопросов в русской истории, виновником чего, по справедливым словам Е. И. Тарасова, приходится считать самого Тургенева, который впоследствии в своей книге «Россия и русские» упорно доказывал свою невинность, а все дело декабристов—старался представить легкомысленным и не опасным либерализмом. Никто из историков не исследовал этого вопроса во всей полноте. Наш исследователь первый тщательно, шаг за шагом, прослеживает деятельность Тургенева, что и дает ему возможность в двенадцатой главе своей монографии более или менее правильно оценить попытки Тургенева оправдаться.

Как оказывается, Н. И. Тургенев писал четыре оправдательные записки, из которых вторая, заключающая в себе более резкий отзыв о декабристах и признание вредности тайных обществ, что сделано несомненно в угоду правительству, находится еще в рукописи и впервые привлечена нашим исследователем.

Вот какой отзыв дает сам Е. И. Тарасов о первой оправдательной записке Н. И. Тургенева. «Эта записка,—пишет он,—не делает много чести Тургеневу: он проявил малодушие, отрицая все и сводя свое участие в обществе к нулю. Из его же записки видно, что он председательствовал на московском съезде, значит играл видную роль,—что не мог он не знать о существовании Северного и Южного обществ, когда сам же говорит, что ему предлагали быть председателем общества, и что он был против соединения с Южным. Впрочем, немного спустя сам Тургенев в дневнике высказывает недовольство своей запискою». Относительно второй записки он также выражал в своих письмах недовольство ею. По поводу третьей записки наш историк замечает: Тургенев «не прав, когда во второй части разбираемой записки старается доказать, что решительно ничего не знал о Северном тайном обществе», так как о нем он кое-что знал, да и не мог не знать, будучи в постоянных сношениях с членами общества. Как все это согласовать с заявлением проф. Тарасова о несправедливости упреков Тургенева в малодушии и об искренности его, когда он писал свои оправдательные записки. Но это, конечно, особенно большого вреда книге не приносит.

Без настоящей монографии о Тургеневе не обойдется ни один историк движения декабристов. **Н. Кашин.**

---

500 НОВЫХ ОСТРОТ И КАЛАМБУРОВ ПУШКИНА. Собрал А. Крученых. Издание автора. Москва 1924 г. 73 стр.

Наивному языковому сознанию основной единицей речи обычно представляется графическое слово. Это графическое слово является некоторым законченным целым как по смыслу, так и по звуковой форме; в связной речи эти законченные целые соединяются вместе, сохраняя, однако, свои границы, свое самостоятельное бытие — так это мыслит наивное сознание.

В действительности, как показывают исследования по фонетике, дело обстоит иначе. С фонетической стороны, фраза (т.-е. промежуток речи, заключенный между двумя паузами) представляет собой единый звуковой ряд, который, благодаря особенностям нашего артикуляционного аппарата, распадается на акустически - артикуляционные единицы—речевые такты, совершенно не совпадающие с началом и концом наших графических слов. И только понимание разделяет эту непрерывную цепь отрезков звучанья на осмысленные слова, только значения слов объединяют в слова звуки связной речи. Там, где нет понимания, исчезает и возможность выделения слов, «так как с фонетической стороны нет никаких данных в устной речи для деления ее на отдельные слова» (Томсон).

Поэтому-то в живой речи мы имеем дело (поскольку речь идет о ее распадении на речевые такты) с частым повто-

рением одного и того же звукового комплекса, который интерпретируется так или иначе в зависимости от целого, который оказывается, таким образом, частью того или иного слова.

Факт существования этих фонетических омонимов лежит в основе целого ряда явлений, давно уже отмеченных лингвистикой и использованных неоднократно и при эстетическом применении слова—в поэзии.

Сюда относится прежде всего явление каламбура («амфиболия» классической стилистики, «шлэша» древне-индийской поэтики), т.-е. помещение того или иного фонетического отрезка в такой словесный комплекс, который дает основания для многообразного его истолкования.

«В деревне волки церковь *изъели*», т.-е. «В деревне Волки церковь из ели».
или «Не обидишь ты *даром* и гадины».
(Некрасов).

Сюда относятся, далее, случаи неправильного истолкования непонятного звукового комплекса; так как нормальное сознание не допускает произнесения бессмысленных звуков (заумной речи), — оно всегда пытается выделить в непонятном комплексе известные элементы (морфемы), знакомые ему, как носители того или иного значения.

Так ребенок интерпретирует непонятные ему стихи:

На нем флюгера не шумят,—

как

На нем *флюгеране* шумят

по аналогии с словообразовательным элементом названий народностей «*цыгане*», «молдав*ане*» и сословий «*крестьяне*», «*дворяне*», или стихи:

Воспрянет род людской

как

Воз пряник(ов) в рот людской,

отыскивая здесь знакомые комплексы звуков.

Ср. еще у А. Белого—

Так звуки слова: «дар Валдая»
Балды, над партами болтая,
Переболтают в «дарвалдая»...

Этому явлению детской речи вполне соответствует широко распространенное явление «народной этимологии». В народном языке всякое непонятное (заимствованное) слово обычно изменяется (и по значению, и по звуковой форме) так, чтобы оно могло ассоциироваться с уже знакомыми словами.

Так «спираль» связывается со «спирать», «спертый», «май» с «маяться» («в мае венчаться—всю жизнь маяться»); «апрель»—с «преть», «прелый» («в апреле—земля преет»). Целую коллекцию «народных этимологий» дает Лесков («мелкоскопический», «камариновый», «плакон» и т. д.).

В эстетическом применении слова явление «народной этимологии» находит себе параллель в шутках и каламбурах, построенных на нарочитом обессмысливании речи, при котором яснее выступают фонетические омонимы:
«Дело было до жида, и я дожидался».
(Л. Толстой).

«Кто пьет чай, тот отчаянный!»
(Островский).

«И гадость сделает Гадес»...
(А. Белый).

На этом основан комический эффект составной омонимической рифмы—«о, девочки—одев очки»; «поколочу—по колачу»; «тоскуя—таз куя» и т. д.

Подобное обессмысливание речи для слушающего возможно также и при отсутствии непонятных слов, в том случае, когда внимание его всецело направлено на другое. Неверное апперципирование фонетических омонимов хорошо схвачено у А. Белого:

...«Пора... право»...
Незнакомец... докончил сам:

— Право-кация?

. . . . . .

«Абл»... И сказавши, пара прошла,

— Аблеухова?
Но пара докончила где-то там:

— «Абл...ейка меня кк...исла...
тою... попробуй...» (Петербург).

Все эти случаи, где так или иначе устраняется понимание, показывают достаточно ясно, что в связной речи существуют не отдельные слова, а ком-

плексы звуков, доступные почти всегда многообразному истолкованию. Осознать множественность этих фонетических омонимов (несравненно более частых, чем омонимы — графические слова) — особенно трудно для наивного сознания. Так же трудно для него осознать и то, что существуют графические слова (даже обладающие особым значением, как предлоги, приставки и проч. энклитики), которые *никогда* не образуют самостоятельного речевого такта, но непременно сливаются с смежными словами в одно целое, и выделение которых на письме объясняется только исторической случайностью.

Носителю подобного сознания обычно представляется, что звуковые комплексы «в день»—«вдень», «коленям»—«к олеям», «сосна»—«со сна» и т. п. могут различаться в зависимости от того или иного написания, тогда как это—омонимы, легко интерпретируемые из связи целого. Когда же этот факт случайно открывается наивному языковому сознанию (в каламбуре, при нарочитой двусмысленности или обессмысливании речи) — оно охотно прибегает к чисто пространственному представлению «сдвига слова» (Круч., стр. 9), как будто подобные «сдвиги» и «слияния» происходят только в наблюдаемом случае и не являются необходимыми в связной речи, как таковой.

Все эти азбучные для лингвиста истины не стоило бы и повторять, если бы время от времени одному из носителей наивного языкового сознания не приходило в голову—заняться звуковым анализом того или иного поэтического произведения с тем, чтобы произнести над ним свой приговор. Если, при этом, носитель подобного сознания считает возможным трактовать докторальным тоном «о неразработанности основных положений науки о звуках» (Круч., стр. 6); если в своей «фонетической» транскрипции он обнаруживает незнание элементарных ее приемов (деление на такты); если материалом для своих малограмотных упражнений он избирает стихи величайшего русского поэта,—то...

Впрочем, рецензировать серьезно самую книжку Крученых, как научную работу, невозможно: ее допустимо рассматривать только, как образчик наивного языкового сознания, которое, несмотря на все свои заявления, не отличает фонетики от графики.

Р. Шор.

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ. Поэтическое хозяйство Пушкина. Книга первая. Изд. «Мысль». Ленинград 1924. Стр. 160. Тираж 2.000.

В своих записках о Пушкине лицейский друг его Пущин рассказал, между прочим, следующий эпизод: «Мы вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличавшуюся от других... Он (Пушкин) тотчас прозрел шаловливую мысль мою, улыбнулся значительно. Мне ничего больше не нужно было». А через год и четыре месяца Пушкин писал Вяземскому с просьбой приютить и переправить в Болдино подательницу письма, — «милую и добрую девушку, которую один из друзей твоих неосторожно обрюхатил». Изложение этого эпизода в книге Ходасевича растягивается на сорок с лишним страниц,—и читатель, естественно, начинает недоумевать: очевидно, ему дали не ту книгу. Но нет, на обложке написано все же: *Поэтическое хозяйство Пушкина*.

Скрепя сердце, мы продолжаем чтение в надежде, что вместо поэтического хозяйства нам покажут, по крайней мере, биографию поэта. Но что сказать о биографии, которая излагается в тоне таких, например, глубокомысленных «исторических» рассуждений: «Итак, к началу мая 1826 года девушка оказалась беременной. На каком месяце? Долго ли оставалось до родов? Из письма этого не видно, но можно предположить, что то было во всяком случае (!) не начало беременности. Скорее всего (!), беременность становилась заметной» (стр. 115). Размышляя, кто же позволил автору делать подобные «предположения», и зачем они ему, собственно, понадобились, читатель в смущении снова перелистывает книгу к началу и находит, наконец, разгадку странного поведения автора в предисловии, где читаем: «всего больше оно (т.-е. изуче-

ние «поэтического хозяйства» Пушкина) даст тому, кто интересуется психологией пушкинского творчества». Теперь все понятно: пресловутая «психология творчества», как известно, и не такое выдерживала, и следовало уже заранее предвидеть, сколько элементарного недомыслия будет прикрыто пышным этим термином. И, действительно, все течет как по маслу: как и Пущину, автору книги «ничего больше не нужно», он «тотчас все заметил», но и мы, со своей стороны, тотчас прозрели шаловливую авторскую мысль: «Дожила ли героиня истории до родов? Благополучно ли родила? Мальчика или девочку? Где после жила и долго ли? Что сталось с ребенком? *Ничего не известно...* И мать, и ребенок как в воду канули. А, может быть, так и было? Да, может быть, так и было» (стр. 117). Нам становится почти жутко от этого мрачного каламбура, но, зная методы наших психологов, мы не можем же сомневаться, что мать и дитя действительно потонули, ибо... у Пушкина есть вещь «Русалка» — вещь, конечно, автобиографическая: «Русалка» это и есть безымяная девушка, которую отослали рожать в Болдино, князь—сам Пушкин» (стр. 119).

И вот таким-то анализом наполнена большая часть книги Ходасевича. Порою кажется, что автор просто издевается над присяжными пушкинскими биографами и что книга его — не более, чем пародия. Отец Пушкина был скуп, а к тому же чуть ли не шпионил за сыном в Михайловском, следуя «внушениям начальства». Естественно, что в назидание свободолюбивому потомству и проникновенным нашим психологам, Пушкин должен был заклеймить отца своего в поэтической форме. С этой целью он — как оказывается — пишет «Скупого Рыцаря», в котором, однако, «ради художественной цельности ограничил арену столкновения, не расширил ее за пределы денежных отношений». И это потому — значительно поясняет Ходасевич,— что «в основе трагедии лежит тема скупости» (стр. 109). *Вот именно.* При чем же здесь бедный Сергей Львович, салонный кавалер с перезаложенными имениями, которого автор заставляет декламировать: «Как молодой повеса ждет свиданья...». Но ядовитому пародисту Ходасевичу всего этого мало: в увлечении он начинает пародировать самого себя. Сопоставляя пушкинские строчки: «Явись, возлюбленная тень!» («Заклинание») и «Почий, мучительная тень!» (VI глава «Онегина»), Ходасевич заключает: «Для всякого, кому знакома психология поэтического творчества, ясно, что с такой точностью повторить этот интонационный и ритмический ход, обращаясь к двум разным женщинам — было бы кощунственно по отношению к обеим. Следовательно, «Заклинание» обращено к той же, о ком говорится в «Онегине», в строфе, которую принято относить к Ризнич» (стр. 7). Каемся, мы в *такой* психологии творчества смыслим не много, но сошлемся на авторитет того же Ходасевича, который через две-три странички сам же прекрасно показывает, что психология эта— палка о двух концах, каждым из которых можно орудовать с одинаковым успехом, смотря по тому, что желательно психологу доказать. Изобразив Александра I за отправлением «естественных надобностей»:

Окружен рабов толпой,
С грозным деспотизма взором,—

Пушкин—пишет Ходасевич—«лет через шесть или семь не мог же не вспомнить этих строк, когда написал в «Путешествии Онегина»:

А ложа, где красой блистая,
Негоциантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена.

Вспомнил, конечно, — заключает Ходасевич,— не слова не побоялся, хотя дело шло на сей раз о той самой Ризнич, которая была так дорога ему» (стр. 10—11). Что прикажете делать с кощунственным поэтом: он еще и не такие психологические загадки задавать мастер...

Но шутки в сторону, при чем здесь все-таки «поэтическое хозяйство»? То-то и обидно, что книжка Ходасевича могла бы занять видное и почетное место в нашей пушкинской литературе, если б автор верно следовал той задаче, которую ставил себе первоначально, если

бы, собирая и изучая *самоповторения* в стихах Пушкина, не мечтал о психологии творчества, у которой есть свои методы и задачи, и не увлекался бы возможностью столь модных в наше время новых открытий в области пушкинского дон-жуанского списка. Самоповторения в пушкинских стихах, которые начал-было собирать Ходасевич в своей книге, но бросил в поисках прототипов «Русалки», — составляют несомненную и чрезвычайно-важную проблему пушкинской стилистики и поэтики. Даже тот материал, который собран все же в книге Ходасевича, позволяет уже догадываться, насколько обогатилась бы наша научная литература, если бы располагала тщательным, строгим трудом в этой области. Я не говорю уже о громадном вспомогательном значении, которое имел бы подобный труд для критики и истории текста, для реального комментария и т. п. Вспомним, напр., что именно ссылкой на подобное самоповторение в стихах «Умолкну скоро я» и «Давно о ней воспоминанье» защищал в свое время М. О. Гершензон свою гипотезу о приурочении обоих этих стихотворений к Голицыной, и что те из современных исследователей, которые оспаривают принадлежность Пушкину известного стихотворения «Любви, надежды, гордой славы» — принуждены прежде всего аргументировать против сближения окончания этого стихотворения («И на обломках самовластья напишут наши имена») с окончанием «Послания к Чаадаеву» 1820 года: «На камне, дружбой освященном, пишу я наши имена». Подобных примеров можно было бы привести не мало.

Ходасевич, однако, уклонился от своей задачи, и в результате мы имеем еще одну плохую книжку о Пушкине. Суровый приговор этот не может быть смягчен даже благодарностью за действительно удачную догадку, которая позволила Ходасевичу с несомненностью установить, что стихи: «Куда же ты?— В Москву», обычно печатаемые под 1830 г. с заглавием: «Из записки к приятелю»—есть не что иное, как продолжение до последнего времени остававшегося непонятным стихотворения «Шалость» (Румяный критик мой, насмешник толстопузый). Лишняя плохая книжка в пушкинской литературе—не такая уж беда. Юбилеи, очевидно, имеют свои права, и с этим ничего не поделаешь. Жалеть же приходится, главным образом, о том, что виновником этого очередного юбилейного блюда оказался не провинциальный доцент, которому *надо же* написать диссертацию, а Ходасевич — не только поэт, но и автор ряда талантливых статей о русской поэзии. Зачем понадобилось Ходасевичу взбираться на пыльную полку юбилейной макулатуры? Чьим лаврам позавидовал он? И такими ли средствами хочет он предотвратить то «второе затмение пушкинского солнца», о котором сам с такой искренней душевной болью писал недавно?

Г. Винокур.

Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ. Статьи о Базарове и его времени. Госуд. Изд. 132 стр.

Этот сборник статей о Базарове представляет извлечение из двух книжек Овсянико-Куликовского. Две первые главы взяты из «Этюдов о Тургеневе», а третья из «Истории русской интеллигенции», ч. I. Эта третья глава, по времени написания, отстоит от первых двух на десяток лет.

Как во всех очерках Овсянико-Куликовского здесь ряд интересных обобщений, из которых многие стали бесспорными—напр., подробно обоснованная мысль, что при создании характера Базарова Тургенев исходил из противоположности самому себе. Но некоторые положения первых двух глав сейчас уже представляются неубедительными.

Желая связать единством основной идеи финальную часть «Отцов и детей» с очерком «Довольно» и фантазией «Призраки», он эти два последние произведения толкует весьма произвольно. Исследователь стремится придать им какой-то обще-познавательный характер. Не отрицая субъективности этих очерков, Овсянико-Куликовский говорит, что они «вытекают не из душевного одряхления, на которое указывается

в «Довольно», а из другого источника».

Этот другой источник Овсянико-Куликовский видит в свойствах тургеневского ума. Дальше перед читателем пространное рассуждение с характеристикой умов «практических» и умов «созерцательных». Тургенев принадлежит к последнему типу умов.

В конечном выводе «Призраки» и «Довольно», по Овсянико-Куликовскому, это не отражение упадочного настроения писателя, как сказали бы мы, а «художественное выражение ужаса смерти, который характеристичен для современного человека».

Когда исследователь оперирует такой отвлеченной категорией, как «современный человек», то это нас нисколько не приближает к пониманию данных произведений Тургенева. А между тем, встав на эту абстрактную точку зрения, он полагает, что «Призраки» и «Довольно» останутся важным документом «для грядущих веков», показывая «отсутствие гармонии между личностью и обществом». Идя дальше по пути этого широкого толкования «Призраков» и «Довольно», Овсянико-Куликовский говорит, что в этих очерках Тургенев является «выразителем духа эпохи».

Быть может, для гибнущих классов мрачное мировосприятие, выраженное в этих произведениях Тургенева, и является родственным, но для строителей новой жизни эти создания писателя останутся чуждыми по духу. Такими чуждыми они были и для передовой молодежи 60-х годов. И если бы Тургенев не стремился преодолеть это упадочное начало радостями творчества и восторженным созерцанием жертвенного порыва революционеров своего времени,—он был бы для нас гораздо менее интересен. Финальная часть «Отцов и детей» тем и характерна, что созерцанием мужества Базарова Тургенев-художник поражает свое личное, часто упадочное мироощущение, проникнутое иногда такой настойчивой думой о том, что «все мы осуждены на смерть» (письмо к гр. Ламберг, в 1859 г.).

Для современников Тургенева источники этого упадка духа были достаточно ясны. Эдельсон, разбирая «Призраки», в 1864 г. писал: «весь этот прискорбный разлад, все это странное недоразумение между обществом и поэтом, жившим с ним постоянно одной жизнью, поэтически высказавшим его лучшие думы, сказался, более или менее, невольно в новом произведении «Призраки»... При всей своей явной симпатии к Тургеневу, отмечая совершенно справедливо высокое художественное достоинство «Призраков», Эдельсон все же говорит, что «новое произведение самого симпатичного из наших писателей проникнуто таким безотрадным тяжелым чувством, что мы объясняем его только временным настроением автора». Таким образом, даже для критика, враждебного политическому радикализму шестидесятников, эти создания творчества Тургенева не были выражением духа эпохи, как полагал Овсянико-Куликовский. Если же понимать это «выражение духа эпохи» в смысле более широком, то и тогда это будет неубедительным. Что касается «Довольно», то сам Тургенев в письме к Стасюлевичу говорит, что здесь «выражены такие личные воспоминания и впечатления, делиться которыми с публикой не было никакой нужды». И это Тургенев пишет 14 дней спустя после выхода «Призраков».

Таким образом широкое толкование «Призраков» и «Довольно», да еще на весьма отвлеченной общечеловеческой основе, данное Овсянико-Куликовским, в настоящее время утратило всякую ценность.

Гораздо интереснее последний очерк: «Базаров, как отрицатель и как обществ.-психологический тип». Здесь особенно сказывается искусство Овсянико-Куликовского, о котором хорошо говорит А. Потресов в краткой, но содержательной вступительной статье, данной в начале книги: «Уменье вставлять индивидуальную психологию в рамки коллективной, в перспективу истории и объяснять ее ими». Но, отмечая большое уменье Овсянико-Куликовского «обращаться с категориями классовой психологии», А. Потресов говорит, что покойный толкователь литературы «не был заправским марксистом» — он усвоил «целый ряд элементов марксизма». Этим

стремлением применять различные методы исследования или комбинировать их, быть может, и объясняются те противоречия, которые иногда чувствуются в работах замечательного писателя.

Но всем этим не умаляется ценность тех многих страниц Овсянико-Куликовского, где он действительно очень удачно пользуется категориями классовой психологии.

И. Кубиков.

В. ВЕШНЕВ. А. Серафимович, как художник слова. С автобиографией, 4-мя портретами, письмами Н. Ленина, М. Горького, Л. Андреева, статьей В. Короленка, библиографией критики и другими приложениями. Изд. «Московский Рабочий». 1924 г. Тираж 5.000 экз. Стр. 96 + 2 ненум.

Работа т. В. Вешнева ценна прежде всего тем, что это *первая* книжка о Серафимовиче—писателе крупном и вполне определившемся, творчеству которого пора уже подвести итоги; писателе, к тому же, вдвойне дорогом для нас, так как он с первых дней Октябрьской революции безоговорочно стал в ряды ее работников.

Тексту самого т. Вешнева в книжке принадлежит всего лишь 37 стр.; все остальное занято приложениями. Некоторые из них очень ценны, как, напр., автобиография Серафимовича и упомянутые в заголовке письма. Письмо Вл. Ил-ча Ленина, написанное по случаю гибели сына писателя на фронте, дано факсимиле; это, конечно, большой плюс книжки, но это подчеркивает некоторую небрежность автора; в транскрипции текста, которую он дает, имеются значительные, искажающие смысл ошибки: вм. «тяжелое настроение»—напеч. «*тягостное* настроение» и даже вовсе *пропущены* целых два слова... Другие приложения могли бы быть с успехом исключены. Полное недоумение вызывает, напр., перепечатка *целого рассказа* Серафимовича «Зарева». Произведения Серафимовича достаточно известны и легко доступны, так что не было положительно никакой необходимости из 75 стр. текста 22 занимать перепечаткой всем известного рассказа. Едва ли нужна была и перепечатка рецензии В. Г. Короленка, вошедшей в собрание его сочинений.

Текст т. Вешнева также составлен с некоторой легковесностью. Об этом говорит уже самое начало его статьи:

«Уверен,—пишет он,—что многим заглавие настоящей работы покажется смелым. Ну, можно ли искренно, по-настоящему, серьезно, по совести говорить о Серафимовиче, как о художнике слова? Для критика-спеца это даже как-то неловко...» (стр. 19).

«По совести» говоря, я не вполне осведомлен, что считается «ловким» и что «неловким» для «критика-спеца», но смею уверить т. Вешнева, что творчество Серафимовича вовсе не есть какая-то terra incognita; все, кто знают русскую литературу последних десятилетий, всегда считали и считают Серафимовича большим писателем, крупным мастером-художником, с установившейся репутацией. Правда, он никогда не имел сенсационного успеха, как Л. Андреев, М. Горький или Арцыбашев, но с самых первых своих выступлений он сразу стал «признанным» писателем.

Впрочем, т. Вешнев вполне прав, только не в том смысле, как он думает. Заглавие его книги, действительно, кажется несколько «смелым», но не потому, что нельзя «искренно, по-настоящему, по совести» говорить о Серафимовиче, как художнике слова, а потому, что в книжке-то Вешнева на эту тему говорится слишком мало. Анализируя ряд произведений со стороны их *содержания*, Вешнев, не оправдывая заглавия своей книги, лишь несколько страничек (34—39) заполняет беглыми замечаниями о художественных достоинствах стиля Серафимовича, совершенно не обращая внимания на такие характерные для его творчества особенности, как поистине редкий дар словотворчества, и высказывая ряд довольно неубедительных положений, вроде сближения Серафимовича с... Лесковым.

В нескольких местах своей книги т. Вешнев с достоинством пишет: «мы же, марксисты», «мы, революционные марксисты» (стр. 20, 24), но, откровенно говоря, если бы этих декларативных заявлений не было сделано, едва ли бы кто догадался, что книжка написана

марксистом... Нигде автор не пытается вскрыть основы классовой психологии, выявленной в творчестве Серафимовича, проанализировать те экономико-производственные отношения, которые «в последнем счете» дали нам его произведения, определить, глазами какого класса Серафимович смотрит на мир, и т. п.

Указанные недостатки тем не менее никоим образом не аннулируют тех несомненных достоинств, которые имеются в книжке у Вешнева: она написана живо, читается с интересом, и отдельные ее места окажутся небесполезными при дальнейших работах по Серафимовичу; я имею в виду, главным образом, хорошо сделанную, хотя и далеко не полную, сводку критики о Серафимовиче, очень недурную характеристику последней повести его «Железный поток» и ряд ценных замечаний, рассеянных о других его произведениях. Интересны и приложенные к книжке портреты. И во всяком случае, за Вешневым навсегда останется заслуга как за лицом, написавшим *первую* книжку об интересном и значительном писателе, который отдал всего себя на служение пролетарской революции и которого, действительно, порою «замалчивала» наша дореволюционная критика.

Проф. Н. Н. Фатов.

ЛЕОНИД ГРОССМАН. Исповедь одного еврея. Издательство Френкель. 1924 г. Стр. 181.

«Один еврей», о котором идет речь в книге Л. Гроссмана, это—Авраам Урия (Альберт) Ковнер, забытый публицист 60 — 70-х г.г., проведший свое детство и юность в грязи и бедности еврейских гетто, за отупляющим изучением «священных книг». Ковнер в начале 60-х г.г. был захвачен освободительными стремлениями эпохи. Отдавшись со страстью самообразованию, он выступил вскоре как автор двух боевых книг на древнееврейском языке, доставивших Ковнеру название «еврейского Писарева» и вызвавших негодование среди националистически настроенной части соплеменников автора. Юноша Ковнер мечтал сделаться реформатором своего народа, разбить своими писаниями традиционные основы еврейского быта и приобщить загнанную еврейскую массу к общечеловеческой культуре. По общественной своей программе Ковнер не пошел дальше довольно неопределенного сочувствия социализму. С начала 70-х г.г. участие Ковнера в русской литературе становится довольно широким и многообразным. Он сотрудничает в нескольких журналах и распространенных газетах, ведет постоянный отдел в «Голосе», пишет критические статьи, библиографические заметки, повести, романы, даже комедию. Не все увидело свет: некоторые произведения Ковнера не могли быть напечатаны по цензурным условиям или по другим причинам и затерялись в рукописях. В 1875 г. в жизни Ковнера происходит катастрофический перелом: состоя в эту пору на службе в учетном банке, он по подложным документам получает большую сумму. Поступок Ковнера не был шаблонным мошенничеством: в его внутренней мотивировке чувствуется, несомненно, некоторое родство с идеями Раскольникова. Арестованный через несколько дней после совершения подлога, Ковнер выступил перед судом в качестве героя «громкого» дела. Он был приговорен к четырем годам арестантских рот. Из Бутырской тюрьмы Ковнер в 1877 г. вступил в переписку с Достоевским. Для него начался новый жизненный этап: он живет в Сибири, потом в городках Западного края, занимая различные мелкие должности, отдается на склоне лет семейной жизни. Для его «опозоренного» имени нет больше места в русской прессе. Но отзывчивость старого публициста на важнейшие жизненные явления не прекратилась: он обращается с письмами и проектами к разным сановникам, ко Льву Толстому и пр. Особенно интересна та переписка, которая завязалась у Ковнера в начале девятисотых годов с известным нововременцем В. Розановым. Главные темы этой переписки—еврейский вопрос и религиозный вопрос. Ковнер посылает Розанову целый небольшой трактат «Почему я не верю», в котором обосновывает философски свой атеизм и устанавливает принципы арелигиозной этики. Розанов

признал многое в соображениях своего корреспондента метким и ввел содержание его письма в одно из своих сочинений. В 1909 г. Ковнер умер.

Свою интересную книгу, написанную с большим мастерством, Л. Гроссман определяет, как «беглый психографический опыт». Он стремится воспроизвести историю духовных исканий и скитальчеств Ковнера, рассказанную им в своих письмах и в произведениях мемуарного типа. «Фрагментарная исповедь, растянувшаяся почти на полстолетия», дается преимущественно в выражениях самого Ковнера, которого автор щедро цитирует. Центральное место в книге занимают заочные сношения Ковнера с Достоевским, — именно от Достоевского и идет Гроссман в своей заинтересованности забытым публицистом-мыслителем и героем уголовной хроники 70-х г.г. Достоевский признал, что он «редко читал что-нибудь умнее» первого письма к нему Ковнера, целиком приведенного в книге, и ответил ему не только непосредственно, — этот ответ тоже приводится,— но и в печати, в одной из глав своего «Дневника писателя», где он приводит обширные выписки из письма Ковнера, не называя его по имени, и отвечает на поставленные ему вопросы и сделанные упреки.

Недостатком книги Гроссмана является то, что она не дает возможности заинтересованному читателю углубить свое знакомство с Ковнером и самостоятельно проверить авторские впечатления: при полном почти отсутствии библиографических указаний остается довольствоваться только теми отрывками, которые дает Гроссман. Повидимому, называемые и цитируемые автором «Записки еврея», «Тюремные воспоминания», «Хождение по мытарствам» были где-то напечатаны, но где — неизвестно. Эта странная скупость на библиографические обозначения доходит до того, что автор говорит, напр.: «Розанов помещает в своей книге исповедание Ковнера» и т. д., не указывая, в какой именно книге.

Приложением к книге является небольшой очерк «Достоевский и юдаизм», где автор устанавливает двойственный характер отношения Достоевского к еврейству. Заявления самого Достоевского о полном отсутствии у него антисемитских тенденций не соответствуют истине.

М. Клевенский.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР. Воспоминания. Всемирная литература. Госиздат. 1924 г. Стр. 235.

Новое произведение Р. Тагора является чрезвычайно поучительным для уяснения его писательской физиономии, которая все еще является достаточно смутной, несмотря на тот выдающийся успех, которым пользуются в России и на Западе его поэзия, романы и т. д. Сам же Тагор в нескольких местах подчеркивает, что его «Воспоминания» являются как бы комментарием к его творчеству; заканчиваются они следующей многозначительной фразой: «Так, проводив тебя, читатель, до дверей внутреннего святилища, я на его пороге покидаю тебя».

Однако, после прочтения этого небольшого томика, испытываешь сильнейшее разочарование, смешанное с недоумением. В воспоминаниях Тагора мы не находим того, к чему нас приучила западная и русская автобиографическая литература (упомяну хотя бы «Детство и отрочество» Л. Толстого, «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, «Книга моего друга» А. Франса),—а именно искренности и непосредственности. «Воспоминания» Тагора не представляют, в сущности, автобиографии, дающей полную картину всей его жизни или каких-нибудь отдельных периодов ее. Это — ряд картинок-миниатюр, беглых характеристик окружающих, наконец, этюдов о собственном творчестве. Но все это является лишь внешней оболочкой воспоминаний. Внутренне содержание их сводится к рефлексиям взрослого человека на тему о своем детстве и юношестве и к моральным сентенциям весьма невысокого качества. В самом деле, когда Тагор описывает, напр., какой-либо пейзаж (пруд или сад), детально описывая цвет неба, игру теней, форму деревьев и т. п., то мы никогда не поверим, что он воспроизводит картину, виденную им в возрасте до 10 лет, а находим здесь позднейшего

шую рефлексию писателя, искусственно приуроченную к эпохе его детства. На десятках страниц Тагор пытается передать нам то ощущение таинственности, которое сопровождало все его детские ощущения. «Что-то небывалое, невиданное даже во сне, таилось повсюду... как будто природа держала что-то в своих зажатых ладонях» и т. п., и т. п. Но вся беда в том, что об этой таинственности детских мироощущений мы узнаем исключительно из этих эффектных, символико-трескучих фраз, а не из самого материала переживаний. Того трепета тайны, который действительно пронизывает многие страницы воспоминаний Л. Толстого или А. Франса,— здесь нет и в помине.

«Воспоминания» или, вернее, рефлексии Тагора буквально придавлены тяжеловесной риторикой, хитрой символикой и чаще всего литературной красивостью. Новый день для него это—«новое письмо с золочеными краями, которое с неслыханными известиями ожидает меня в конверте». «Первая книга его жизни». закончилась «этими главами Единения, Разлуки и Воссоединения» и т. п. Если же мы сбросим весь этот пышный, хотя и порядком-таки безвкусный покров, мы обнаружим необычайную худосочность, скудость того материала, которым оперирует Тагор. С необычайным пафосом он рассказывает, например, как однажды на ж. д. кондуктор не поверил, что ему 11 лет, и заставил доплатить за билет; на пяти страницах он описывает, как, будучи студентом в Англии, он был приглашен к какой-то англо-индийской вдове, которая, не накормив его, заставила петь и танцовать, в результате чего он слег в постель и т. д. Это отсутствие биографической фабулы, впрочем, вовсе не случайно. Из воспоминаний мы получаем ясное представление, что Тагор жил совершенно изолированной жизнью богатого ребенка, без всякого соприкосновения с окружающей жизнью, которую он наблюдал исключительно сквозь толстые стекла своей теплицы. Это обстоятельство объясняет аристократизм Тагора, не желающего смешиваться с «простым» народом и заявляющего, например, то в школе он не мог сблизиться с другими мальчиками, так как они «были испорчены по своим привычкам и манерам».

Как указывалось выше, все воспоминания Тагора густо пересыпаны всевозможными моральными сентенциями и афоризмами. Большинство из них вызывает недоумение или улыбку. Вот некоторые из них: «Присмотр за детьми иногда может быть хлопотлив для надзирающих, но для детей он всегда представляет бесспорный вред». «С тех пор я понял, насколько легче усвоить манеры, нежели содержание». «Английской литературе еще не ведома сдержанность подлинного искусства» (бедные Мильтон, Броунинг, Э. По, Суинберн!!). «Интеллектуальное бесстыдство свойственно пробуждающейся юности» и т. д. до бесконечности.

Окончательно усиливает недоумение, возникающее от чтения книжки Тагора, предисловие переводчика М. Тубянского. Для того, чтобы читатель лучше понял Тагора, он дает весьма малопонятные экскурсы на тему об «имперсонализме, «персонализме» и т. п. Попутно автор предисловия расправляется с существующей на русском языке литературой по Индии, притом мало почтительным образом. Классический труд Г. Ольденбурга по буддизму в несколько сот страниц именуется почему-то «книжкой», в то же время, говоря о литературе по буддийской этике, он указывает труды Щербатского и Розенберга, посвященные теории познания и философии буддизма!

На совести автора остаются также его неумеренные восторги по поводу «Воспоминаний» Тагора: оказывается: ни в «Dichtung und Wahrheit» Гете, ни в «Детстве и отрочестве» Толстого мы ничего подобного не найдем. Энтузиазм — вещь хорошая, но именно поэтому жаль его растрачивать буквально по пустякам.

В. Кряжин.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. ПЕРЕВАЛ. Сборник № 1. *А. Лежнева.* — 2. НЕДРА. Сборник. *Д. Горбова.* — 3. А. НЕВЕРОВ. Гуси-лебеди. *В. Полянского.* — 4. ВСЕВОЛОД ИВАНОВ. Возвращение Будды. *Д. Горбова.* — 5. В. ГОНЧАРОВ. Психо-машина. *А. Лежнева.* — 6. ЛЕОНИД ЛЕОНОВ. Конец мелкого человека. *К. Локса.* — 7. О. ДАВЫДОВ. Черный юг. *А. Лежнева.* — 8. В Л. БАХМЕТЬЕВ. На земле. *Д. Горбова.* — 9. Н. С. ЛЕСКОВ. Амур в лапоточках. *И. Кубикова.* — 10. Б. С. ГЛАГОЛИН. «Моб». *П. Маркова.* — 11. ЗАПАДНЫЙ СБОРНИК. Вып. II. *И. Гливенко.* — 12. ШАРЛЬ ПТИ. Маленький Будда. *К. Локса.* — 13. Р. ТРЕССОЛЬ. Филантропы в рваных штанах. *Л. Розенталь.* — 14. ALFRED PANZINI. Il padrone Sono mé *М. Лейтейзена.* — 15. ЯКОВ ВАССЕРМАН. Перуанское золото. *Г. Браудо.* — 16. ГЕОРГ БЮХНЕР. Смерть Дантона Войчек. *Е. Браудо.* — 17. РЕНЕ АРПОС. Злые годы (1914—1917). *Е. Браудо.* — 18. Ф. ФРЕЙЛИГРАТ. Избранные стихотворения. С прилож. переписки Маркса и Фрейлиграта. *Л. Войтоловского.*

ПЕРЕВАЛ. Сборник при редакции журнала «Красная Новь». № 1. Государственное Издательство. Москва 1924 г. Стр. 261.

Сборник выпущен группой молодых писателей, организовавшейся вокруг журнала «Красная Новь». В составлении первого номера приняло участие до 30 авторов, в огромном большинстве своем начавших печататься лишь очень недавно. Как заявляет редакция «Перевала», «основное ядро (группы) связано с Комм. партией и Комсомолом. Другая часть беспартийна, но стоит на коммунистической точке зрения, либо близка к ней, являясь органически связанной с рабоче-крестьянской средой». Таким образом перед нами один из наиболее передовых отрядов литературного молодняка.

Первый номер сборника составлен, в общем, не плохо, но не без недостатков, иногда довольно заметных. Сюда нужно отнести: некоторое однообразие материала и перегруженность стихами (целых 30 стихотворений!). Лучшей — и в то же время самой крупной по объему — вещью сборника является повесть Владимира Ветрова «Кедровый дух». Содержание ее — жизнь сибирской деревни, переживающей последние вспышки гражданской войны, кулацкие восстания («за большевиков и против коммунистов» и т. д.).

Настроения деревни, социально-динамический элемент повести изображен автором хорошо, но он несколько отступает назад, заслоняется центральным эпизодом любви техника Иванова и Вари, выполненным с большим лиризмом. Вообще, лирический элемент у Ветрова слишком силен, в ущерб эпическому. При всей своей силе и свежести, центральный любовный эпизод повести чересчур насыщен лиризмом, исполнен им до отказу. Слишком часто, слишком много шумит, благословляет, говорит у автора тайга, шепчут кусты, шелестят деревья,—совсем порой покороленковски. Все же, несмотря на избыток многословного и наивного лиризма, повесть Ветрова в целом — яркая, сильная.

Ярка, колоритна и другая крупная вещь сборника,—«Реки огненные» Артема Веселого. Она уже была напечатана в прошлом году в «Молодой Гвардии» и теперь переработана автором. Великолепен у автора крепкий, характерный язык. Фигуры матросов Ваньки Граммофона и Мишки Крокодила, которым «сдыхавший бог по два тавра выжег: отчаянность и не зевай» («Насчет разных там эксов, шамовки, али какой ни на есть спекуляции—первые хваты», «чорт с ними, не связывайся: распотрошат и шкуру на базар») обрисованы ясно, элементарно-четко, резко.

Остальные повести и рассказы: П. Логинов-Лесняк «Город в овраге», Н. Каратыгина «Через борозды», В. Герасимова «Недорогие ковры», Н. Юдин «Крутель», А. Костерин «Асир-Абрек», Е. Сергеева «Яшка-Вязеный нос»—мно-

го слабее. Рассказ Сергеевой незначителен, «Асир-Абрек» Костерина (названный автором «чеченской песнью») составлен по залежалому, давно надоевшему рецепту восточных сказов, легенд: «Лишь один Асир никогда не пахал, не сеял и не торговал во всем ауле. Все жили непосильным трудом и, как рабы, хотели только сытости и покоя. Асир же жил ночной добычей за буйным Тереком у сытых станиц. Его мятежная душа искала свободы, тешилась веселой абрекской игрой среди станиц. Не было власти для него, не было закона, ненавидел он рабов и гордых северных победителей... Однажды на свадьбе увидел Асир красавицу Нанту. Сам не свой стал Асир, и скоро все мысли и чувства были заняты ею одной... А Нанта? Нанта не любила джигита» и т. д. «Недорогие ковры» В. Герасимовой несколько лучше ее «Ненастоящих», но у автора все еще осталась эта дешевка стиля и сантиментальность замысла. Ряд мелких, но досадных lapsus'ов: «играл на фисгармонии 10 симфонию Бетховена — любимую» — у Бетховена всего 9 симфоний, на фисгармонии симфонии не сыграть. «Си детонирует, до-бемоль полутонит» — до-бемоль и есть си. «Крутель» Юдина не более как подготовительный этюд к большому полотну. «Через борозды» Каратыгиной и, в особенности, «Город в овраге» Логинова-Лесняка уже значительнее. Каратыгина затрагивает интересную тему: совместная жизнь социально чуждых друг другу людей— жена — бывшая аристократка, муж — рабочий, из крестьян. Социальные связи оказываются сильнее «уз любви», супруги расстаются. Каждый уходит к своему классу, в ту среду, которая близка по вкусам, навыкам, условиям воспитания. Жена—за границу, к эмигрантам. Муж вступает в РКП. К сожалению, и у Каратыгиной сказывается, как у Герасимовой, — правда, в значительно меньшей степени, — дешевка стиля (от Вербицкой?). Конец ненужно ритмизирован.

Тема «Города в овраге»—столкновение между общественной и личной жизнью. Деревенского коммуниста, исполкомщика Мартына Петровича эта личная жизнь, любовь к жадной и своекорыстной бабе Домне, сталкивает в трясину мещанства, обывательщины, уводит от партии, от общественной работы. Его сын, Дема, наоборот, жертвует своей любовью, любимой девушкой — для дела, для партии. Ни тот, ни другой не умеют сочетать «дела» с личной жизнью. Мартын Петрович гибнет сам, как общественная сила (к концу рассказа намечается его возрождение), Дема бросает забеременевшую от него девушку и толкает ее этим на самоубийство.

Многочисленные стихи «Перевала» носят на себе в большинстве явственный отпечаток влияния Есенина (формального). Есть среди них удачные вещи: умное стихотворение М.Светлова,—поэта, имеющего, не в пример многим иным, на плечах голову, способную обобщать и мыслить («Теплушка»), прекрасная «Заячья любовь» Б. Ковынева (несколько гамсуновские тона), в которой, пожалуй, не мешало бы только выкинуть последние две строфы с моралью, «Безработный» М. Голодного, чеканный «Сенат» И. Славнина, «Творчество» В. Василенко.

В общем, сборник интересный не только со стороны художественных достоинств, но и тем, что показывает отход литературы от голой, декламационной агитационности и художественное ее углубление. В частности, показателен интерес, проявляемый писателями к вопросам этики (взаимоотношения личной и общественной жизни и т. д.).

Д. Лежнев.

«НЕДРА». Лит.-худ. сборники. Кн. 5. Изд-ство «Мосполиграф». 1924 г. Стр. 284

Альманах «Недра» обнаруживает заметный рост от выпуска к выпуску. В № 4 кривая художественного успеха сборников была поднята «Железным потоком» Серафимовича. В № 5 завоеванный уровень с честью поддержан повестью Ляшко «В разлом». Повесть бытовая, вернее, героически-бытовая, так как быт, ею описываемый, — ломающийся быт Поволжья до революции и в эпоху гражданской войны — характеризуется

посевом новых семян и их буйным всходом. Семья сына машиниста—врача Крымова — ячейка России в преддверии Октября и за его порогом. Она болеет всеми ее болями, вплоть до раздела кровно-объединенных людей на своих и чужих, при чем линия раздела (что особенно характерно для нашего времени) проходит не между двумя поколениями: революция, как магнит, вытягивает из семьи все честное, способное к классовому чувству, к заботе и боли об общем деле, и оставляет в ней все мещанское, себялюбивое и тупое. Вслед за отцом-выходцем из рабочего класса — врачом революционером Крымовым тянется на вольный простор великого общего дела его дочь Шурочка, кстати, и воспитанная-то без его непосредственного влияния, так как он был в течение ее отрочества на царской каторге. В семье остаются—двое сыновей и мать-мещанка, бывшая учительница, девушкой зачарованная культурой фикусов, канареек-граммофонов и испорченного французского языка, в зрелом возрасте—хлопотливая хозяйка-скопидомка, поглощенная заботами о том, чтобы вывести своих детей «в люди», упорно и злобно не понимающая всей разницы во внутреннем росте между своими сыновьями (спекулянт и дезертир—с одной стороны, и героической Шуркой — с другой).

Очевидное достоинство повести в том, что, проводя резкое деление между изображаемыми лицами, автор умеет не выходить за пределы того, что дает сама жизнь. Он вполне реалистичен явным стремлением к одинаковой художественной полноте в изображении отживающего и вступающего в жизнь быта. Глубоко взят у него тип матери-мещанки; естественно — разложение обыкновенных карьеристов-сыновей до уровня явно-уголовных субъектов в новой обстановке; хорош образ Шурочки,— последний как бы вырастает из самой поволжской земли. Вся семейная драма, одновременно, и житейски - проста, и социально-осмысленна.

К недостаткам повести приходится отнести: ряд психологических пустот (особенно страдает ими образ самого Крымова), прорывы плакатного письма в психологической конструкции повести (см., напр., сцену чествования д-ра Крымова его соратниками) и некоторые др. Но, в целом, повесть—несомненное достижение писателя.

Недурен и рассказ Никандрова «Профессор Серебряков», страдающий, впрочем, анекдотичностью. На канве анекдота о затерявшемся в провинции крупном ученом, неожиданно получающем из центра документ на право получения академического пайка и не имеющем возможности реализовать это право в условиях «власти на местах»,—автор вышил целый ряд юмористических фигур нашей низовой общественности в годы гражданской войны.

Третья крупная вещь сборника — повесть А. Яковлева «Без берегов»—значительно слабее. Прежде всего она—«с проблемой»: коммунистка, храбро и преданно бьющаяся на фронте, любит краскома, который мало обращает на нее внимания, главным образом, потому, что неспособен по-человечески относиться к женщине, рассматривая ее как неизбежную, хоть и приятную, помеху. Факт сам по себе более чем возможный, но автор крайне неудачно возводит здание своей «проблемы» на этой неблагодарной почве: оказывается, здесь скрыто принципиальное противоречие между женщиной-общественной работницей и женщиной-возлюбленной и семьянинкой. В силу этого коренного разлада (который на самом деле основан на личных качествах «героя», т.-е. факте совершенно случайного характера) автор заставляет свою Веру особенно рьяно кидаться, без особой надобности, в самую гущу боя, раскраивать черепа контр-революционерам прямо тут же на допросе, заниматься расстрелами с надсадом и вообще вести себя, как истеричка, мало пригодная для ответственной работы. Выпятив так заостренно личную сторону, автор извратил смысл тех героических дней, давших именно женщине колоссальный рост, воспитание и закал.

Рассказ И. Вольнова «В поезде» займет свое место в излюбленных многими пореволюционными авторами зарисовках солдатско-теплушечного быта эпохи демобилизации и гражданских войн.

Сделан выразительно, хотя, может быть, и слишком натуралистично.

Стихи и в этой книжке слабее: отметим лишь отрывок из поэмы Герасимова «О проститутке» и стих. Кириллова «Разговор с розами». Обе вещи отмечены печатью некой подавленности, часто звучащей в последних стихах этих поэтов.

Д. Горбов.

АЛЕКСАНДР НЕВЕРОВ. Гуси-Лебеди. Роман. Изд. «Земля и Фабрика». Москва — Ленинград 1924 г. 281 стр.

В своем романе покойный автор показал, как в деревне назревала, развивалась и проходила революция, гражданская война. Роман не вполне обработан: схематичен, местами растянут, местами скомкан, есть повторения. Но в общем картина дана верная, хотя и не везде красочно. Видно, что автор знает и хорошо понимает тех людей, которых он показывает читателю.

Неверов, как и многие другие рабоче-крестьянские писатели, всецело с пролетариатом, с его Октябрьской революцией, он приемлет ее без оговорок, она его вдохновляет и придает глубокий смысл его жизни. Ею, и только ею, питается его творчество.

Это, однако, не мешает ему проникать в смысл поведения и тех действующих лиц, которым автор явно не сочувствует ни в какой степени. Часто бывает, что самые искренние, самоотверженнейшие служители революции видят в своем классовом противнике только контр-революционера, черносотенца, сволочь. И это мешает проникнуть в глубину переживаний и понять импульс тех или иных действий. Неверов же, не закрывая глаз на контр-революционные действия, сумел их объяснить, проникнув в их классово-психологический смысл. Этим автор избавился от плакатной агитации или политической прокламации.

Своих героев, как в древней трагедии, он не делит на добрых и злых, только густо-красных, только ослепительно-белых, а это повторяется и сейчас. Нет. Хотя в контурах схематично, не равномерно выявленных, но он дает живых людей и не героев, высоко стоящих над деревней, а людей самых обыкновенных, у которых красное настроение родится и растет стихийно, а не является плодом долгой и напряженной головной работы, у которых иногда трудно провести грань между красным и белым.

Автор без особенной яркости, но все же интересно дает читателю указание, как деревенское хозяйство владеет мыслями, психологией и волей крестьянина, «самостоятельного», как выражается автор, и бедняка. Владеет и управляет. Он вскрывает также психологию и середняка, который кидается то в одну, то в другую сторону, то к красным, то к белым. В этом отношении показательны фигуры Кондратия и Семы Гвоздя. Иногда середняк стоит в недоумении: отрицает и тех и других, не понимая смысла исторических событий и дрожа над хлебом, который одинаково могут поесть, реквизнуть и большевики и чехи.

Вот *Лизаров*, *Лизунов*, *Перекатов*. Это деревенские богатеи, контр-революционеры. Они всегда против большевиков, но они даны автором в таком освещении, что их зверства и черносотенства вызывают не только гнев и проклятия, но и сознание их темноты. Читатель думает: «не знают, что творят».

После избиения большевиков «самостоятельные» собрались в избе Перекатова и с сожалением говорят:

«Что сделано, того не воротишь. Давайте, обсудим!

Матвей Старосельцев, свесив голову, думал в одиночку. Михайла Семеныч оглядывался на дверь, ждал появления страшного. Сердце у дедушки Лизунова сделалось мягким, руки дрожали. Дергая за рукав Павла-студента, жалобно говорил он:

— Постой! Ты вот бранишь, а мы слушаем. Почему же ты раньше молчал? Ведь ты знал, какие мы люди? Взял бы да удержал, если не в ту сторону пошли. А теперь зарежь — ничего не знаем... Лучше помоги как-нибудь, посоветуй!

— Помоги, Павел Лексеич,— разом сказали мужики.— Ты человек ученый».

И читателю подобных мест хочется уже помочь этой деревенской темноте.

Вот Федякин. Он представитель деревенской бедноты. Большевик. Был во время империалистической войны на фронте. Во время Февральской революции узнал о большевиках и прочно воспринял их основную правду: долой власть имущих, пусть управляет миром беднота. Федякин не может точно разобраться в бурно-грозовом океане революции, он действует больше инстинктивно. Автор уделяет ему больше внимания. Он его любит, им живет и любуется.

Нужно, однако, отметить, что Федякин показан читателю несколько односторонне. Мы не только допускаем, но и вполне понимаем психологический процесс, когда революционный вихрь поднимает человека на гребень, куда-то в сторону отбрасывая «слишком житейское», обывательское, мещанское, но все-таки трудно представить, чтобы это «слишком житейское» нигде и ни в чем не выпятилось в деятельности Федякина на протяжении столь многих страниц романа.

Этот органический недостаток, впрочем, до некоторой степени затушевывается тем обстоятельством, что автор в сильной степени подчеркивает стихийность революции, инстинктивность действующих лиц; а этот инстинкт, по мере того, как развивалась революция, укреплялся, становился прочным, постоянным, вместе с этим росло и укреплялось классовое сознание и резче намечалось расслоение деревни.

Этот психологизм неизбежно ограничил идеализацию Федякина, но не в достаточной степени.

Федякиных у нас сейчас много в рядах РКП. Когда девятый вал спал, гроза утихла, и люди принялись за тяжелый, но мирный труд, обычно у многих спадает и революционный энтузиазм, а обывательщина, мещанство вступают в свои права. Несколькими грозовыми годами революции их не вытравишь, не изживешь. Многие герои-Федякины, несомненно, растворятся в «слишком житейском». И чтобы лучше понять этих людей, чтобы не дать им пышно цвести в рядах партии, их надо особенно глубоко изучать и показывать с наибольшей правдивостью, с разных сторон, чтоб не ускользнула от внимания та или иная черточка и в будущем не превратилась в уродливую кривизну.

Настоящего Федякина, без всякой идеализации, очевидно, даст грядущий художник.

Показал Неверов и сельскую интеллигенцию.

Вот беззаветно преданный революции попов племянник Сергей, ставший жертвой темноты и бессознательности. Это правдиво. Духовенство много дало передовых и революционных людей. Вот попова дочь, она мятется, то за революцию, то против. для нее революция только праздник, чудесная сказка,—борьбы, крови она не выносит и не понимает. Вот учительница. Она как будто за Федякина, но с ним не идет, она как будто против белых, но отдается офицеру-чеху. Чего-то хочет, чего-то ищет, мятется, ничего не знает, ничего не понимает.

Не уделил автор в своем романе нужного внимания женщине-крестьянке, лишь мимоходом, вскользь показав жену Федякина и жену Гаврилы. Первая не понимает своего мужа, вторая идет в ногу, плечо в плечо. Автору «Марьи Большевички» следовало ради полноты и яркости картины показать читателю и крестьянку.

Роман читается с интересом. Желаем ему проникнуть в толщу нашей деревенской массы.

Валерьян Полянский.

ВСЕВ. ИВАНОВ. Возвращение Будды. Рассказы. Т. II. Изд-во «Мосполиграф». Стр. 159.

Сборник обнимает 6 рассказов писателя. Из них 3 (большая повесть «Возвращение Будды» и рассказы «Заповедник» и «Рыбы») принадлежат к лучшим его вещам. Остальные («Створчатые зеркала», «Очередная задача» и «Долг») менее значительны.

В повести «Возвращение Будды» писательская манера Вс. Иванова раскрывается полностью. Неразрывная сюжетная связь с революцией, как коренной перестройкой России, богатство языка, основанное на широком массиве диалектов, на этот раз счастливо претво-

ренных в цельное писательское единство; монгольская экзотика, как обычная составная часть темы; наконец, анекдот, как база сюжета.

Говоря о революции, — и неизменно о ней, — Вс. Иванов никогда не ставит себе задачи охватить ее, поднявшись на вершины ее гребня; он всегда, низко пригнувшись к земле, пристально следит за ходом стального лезвия, взрывающего целину родного ему чернозема. Отсюда насыщенность его страниц почти физически-ощутимыми переливами и запахами, которые разбудил в земле взрывающий ее плуг. Вс. Иванов дышит ими так глубоко и любуется так пристально, что в его восприятии они оказываются бесконечно разнообразными; а его подслушанный у земли язык — великолепный инструмент для передачи этого многообразия.

В этом есть и своя опасность: слишком пристальное разглядывание частностей связано с утратой общей связи; отсюда — анекдот, играющий столь видную роль во всех почти произведениях Вс. Иванова.

В «Возвращении Будды» — анекдот о ленинградском профессоре, мобилизованном для сопровождения статуи Будды, возвращаемой Сов. властью в Тибет. Дело происходит в один из труднейших годов гражданской войны. Конвоирующие статую в теплушке монголы в течение многомесячного путешествия разбегаются; и только профессор, вначале очень неохотно подчинившийся необходимости ехать, сопровождает статую до конца... до своего собственного конца, так как татарин, получивший деньги за перевозку статуи на верблюдах, в конце концов, жалея животных, убивает ее неожиданного фанатического конвоира.

Анекдот развертывается в ряде блестящих бытовых картин. И хотя общая мысль повести (о человеческой иллюзии, как главном жизненном двигателе) далеко не обязательна, хотя героические годы России взяты здесь в исключительном, крайне заостренном раккурсе, — повесть западает в память резкой и мужественной активностью, с которой она претворяет сырье быта в динамический ряд пропитанных жизнью образов искусства.

Столь же удачно преодолена анекдотичность и в рассказе «Рыбы», — чудовищной повести о труде, безумии и убийстве. Однако, рассказ страдает отсутствием единства и внутренней цели.

Д. Горбов.

В. ГОНЧАРОВ. Психо-машина. Фантастический роман. «Молодая Гвардия». Москва-Ленинград 1924. г. Стр. 109.

Фантастико-утопические романы в духе Уэллса хороши тогда, когда обнаруживают у автора большую выдумку, основательное знакомство с достижениями науки и техники и уменье строить ломаную своей выдумки так, чтобы ее направление хоть приблизительно совпадало с направлением кривой будущего. Ни одного из этих условий у Гончарова нет. Выдумка его слаба, подражательна, нелогична и вычурна. Знакомство с наукой — по крайней мере, судя по роману, сомнительное. Нельзя иначе, как сомнительными — мягко выражаясь — квалифицировать такие, например, рассуждения: «Вы зацепили на столе стакан. Он падает, подхватить его вы не успели, вам остается только провожать его взглядом до полу... И через этот взгляд вы как бы изливаете на него в миг вспыхнувшее у вас и охватившее вас целиком страстное желание поддержать падающий предмет или, по крайней мере, ослабить силу его падения... Вы даже сжимаетесь весь и приседаете, и у вас вырывается такой же нетерпеливый звук покряхтывания, как при метании камня... И очень часто вам удается *взглядом поддержать* стакан, и он при ударе не разбивается. Это такое частое явление, что вы даже не замечаете своей роли и удивляетесь, когда стакан остается целым... Но ведь вы сами *своим упорным желанием ослабили скорость его падения и силу удара* при встрече с полом!» На такого рода научных открытиях основана вся вещь: телепатия, передача «психической энергии» на расстояние, чтение мыслей, психо-машины, заряжающиеся мозгом. и т. д., и т. д. Герой романа находит очень убедительным цитированное выше рас-

суждение. Будет очень печально, если такого же мнения окажется и тот молодой, мало подготовленный читатель, для которого издан роман Гончарова. Фантастико-утопические романы издаются не для того, чтобы забивать голову трухой, а для того, чтобы воспитывать вкус к науке, технике, изобретательству.

Прибавьте к указанным достоинствам романа В. Гончарова еще рабскую зависимость—в сюжете и построении—от Уэллса и А. Толстого («Аэлита») и угнетающий, бесцветный и развязный стиль,—и перед вами вырисуется с достаточной ясностью художественная и идеологическая ценность вещи.

Д. Лежнев.

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ. Конец мелкого человека. Москва 1924 г. Изд. М. и С. Сабашниковых. 168 стр. 2.000 экз.

Профессор Лихарев, не успевший к 1918 году закончить свое сочинение о мезозойском периоде, его сестра Елена, точно так же не успевшая во-время выйти замуж, их постепенное разложение и смерть в голодной и холодной квартире—таков основной сюжет новой повести Леонова. Мы не откажем автору в умении изображать психопатию и бредовые состояния полусумасшедших людей, — сожалеем только об одном: о слишком литературном источнике этого умения. На этот раз Леонов оказался в плену у Достоевского, при этом всего Достоевского в целом, начиная с «Бедных людей» и кончая «Братьями Карамазовыми». Мы встретим здесь и «чорта», искушавшего Ивана Карамазова (только теперь он называется «фертом»), и отголоски разговоров Порфирия с Раскольниковым (доктор Елков), кое-что и от Мармеладова и от Лебедева. «Глядите, как мы дохнем, дохнем,—мы просияли в муках наших! У нас дворняжка последняя больше всех вас выстрадала. И назовем мы книжечку—мильон Голгоф».

«А почему, позвольте, человеку должно быть стыдно для своего кота жить?»

«Вы, может быть, думаете, что я просто так, жулик, а я мучаюсь, я мучаюсь». «Бывший капитан и рубака, а ныне тлен... и раб прохвоста Елкова». «После завтра вечерком, вечерком я вам и запесу... вечерком, после завтра». Это наудачу взятые строки, характеризующие стиль психологии, если так можно выразиться,—беда еще в том, что здесь не столько Достоевский по существу, сколько его ужимки. Что же касается стиля вообще, то он забавным образом двоится—в диалогической части от Достоевского, в описательной от Гоголя—Андрея Белого: «пламенем рыкающих птиц, посланных загородными дальнобойками, осенились и медные румянцы сушкинских самоваров, и зеленая крыша ерусалимовского дома, и железо-бетонное небо пасмурного утра того». Чем не «Серебряный Голубь»? Тема Голгофы не удалась автору еще и потому, что на Голгофе нет места анекдотам, а этими анекдотами, подчас грубо шаржированными, наполнена вся повесть. Для чего они? Доказывать, что интеллигенция попала в октябрьский переворот, как кур во щи, не стоит—дело давно решенное. Вероятно, и сам автор не особенно думал об этом—просто он любит анекдот и забавное происшествие с оттенком комического «ужасика» ради них самих поэтому свое сочинение Лихарев пишет о камне «серого цвета, неприличной формы, без запаха и как будто с носом даже». Елена захотела покончить самоубийством, «а в поезде сломалось что-то как на грех, и паровоз остановился шагах в сорока от лежавшей на рельсах». Бывает, не спорим, но бывает иногда и другое.

Из такой сложной амальгамы—анекдотов, ужимок Достоевского, сентиментальных всхлипываний и состоит повесть о недавней современности. Относительно автора ее, кажется, общепризнано, что писать он «может». Мы готовы подтвердить это обстоятельство, наложив на него тем не менее суровую литературную «епитимью».

К. Локс.

О. ДАВЫДОВ. Черный юг. Государственное Издательство. Ленинград 1924 г. Стр. 191.

Судя по всему, автор десяти рассказов, составляющих рецензируемую книгу, еще очень молод. По крайней мере, как писатель. Этим, вероятно, объясняется полная неопределенность его писательской физиономии. Он подражает всем и каждому, начиная от Гоголя («Необыкновенное происшествие») и кончая Пильняком («Будни»),—и подражает пошло. Становится неловко за автора, когда встречаешь у него такие приемы и обороты, как: «Вы не знаете Акулины Ивановны Кулушкиной? Замечательная женщина! Губы всегда крашены, волосы по последней моде и с прелюбопытнейшим анекдотцем». Или: «30 лет известны по округе огромные «Эльзевирские» крысы. Еще славнее белотелая жирная хозяйка. А у жирной хозяйки водится добрая самогонка». Сама по себе подражательность у молодого автора еще небольшая беда: она — неизбежный этап на пути к мастерству. Но в подражательности О. Давыдова не чувствуется и зачатков будущей писательской индивидуальности. Единственное, что вносится им самим, это—опошление чужих приемов. Но пошлость, к сожалению, слишком распространена, чтобы служить индивидуальным отличием.

Госиздат поторопился выпустить в свет произведения невыработавшегося, незрелого, зеленого писателя. Он этим оказал ему плохую услугу. О. Давыдову надо бы еще несколько лет работать над собой, учиться в самом непосредственном элементарном смысле слова. Конечно, и в этом случае нельзя было бы ручаться, что результаты получатся положительные. Трудно сказать сейчас, есть ли у О. Давыдова талант. Во всяком случае, одна революционность тематики (даже и она не всегда у Давыдова на-лицо) — еще недостаточное основание для издания технически-неумелых и, что еще хуже, мещански-выполненных рассказов. Мещанство исполнения в корне убивает здесь революционность темы.

В заключение несколько замечаний чисто-технического свойства. Во-первых, нельзя так систематически перевирать иностранные слова и имена собственные, как это делает Давыдов: площадь по-итальянски не пляца, а пьяца, Муссолини не Бенуто, а Бенито,—говорят не «Evviva il Lenin», а «Evviva Lenin», нет английского слова «орайт», а есть «ол-райт»—all right, нет французского имени Жакерина, а есть Жаклина и т. д. Во-вторых, следует немного считаться с русской грамматикой, которая говорит нам, что фразы, вроде: «Люди, для которых среда, как оазис для пустынника, *ценен*, пока не высох», или: «И так идут они голым Адамом, завоевывавшим (вместо завоевывающим) себе каждое знакомство», или: «Пяток годков не минуло»—неграмотны. В-третьих, не надо забывать и о здравом смысле, жестоко страдающем от голых Адамов, завоевывающих себе каждое знакомство (стр. 11), от публичных домов, куда приходят: матросы, бродяги, дети и *матери* (стр. 41), и от молодых женщин, у которых лицо «все в волосах» (закрытое волосами?) (стр. 58). И, наконец, о вкусе: нельзя в наше время с серьезным видом рассказывать о мелодраматических убийцах, спасающих ценой жизни невинных малюток («Белая ночь»), нельзя заставлять голодающих женщин картинно замерзать у подножия каменных сфинксов («Петербургский рассказ»), а самоубийц писать перед смертью длиннейшие патетические письма в стиле вульгаризованного Андреева («Рассказ о комиссаре Башлыкове»).

Д. Лежнев.

ВЛ. БАХМЕТЬЕВ. На земле. Рассказы. Изд-ство «Мосполиграф». М. 1924. Стр. 129.

Рассказы Бахметьева привлекут внимание читателя живым реализмом заключенных в них сцен, образов и положений. В авторе, видимо, преобладает бывалый и внимательный наблюдатель окружающей современности над мастером, умелой рукой вытачивающим литературную «вещь». Оттого-то темы его, частью давно написанных рассказов, остры и современны, а выполнение, при всех технических недостатках за-

хватывает внимание непосредственной простотой.

Больше всего автора интересует жизнь деревни,—ее боли, труд и радости. В этом (так же, как и в известном пренебрежении к технике)—несомненная связь его рассказов с очерками народников. Сходно и основное настроение, пропитывающее эти страницы, теплое авторское сочувствие к хлеборобу, не покидающее последнего даже и в тех случаях, когда он в своих поисках выхода из тягостного хозяйственного положения, создаваемого обстановкой царизма, вступает на ошибочный путь. Драма переселенцев (расск. «На земле», «Сухой потоп»), торжество по поводу внедрения в мужицкое хозяйство еще одной машины (расск. «Машина»), трагическое непонимание разоренным деревенским собственником громадных перспектив общественной борьбы, которая ведется городскими пролетариями (расск. «Сухой потоп»), стихийная разрушительность революционизированной солдатской толпы при великой доброте и мягкости тех, кто эту толпу составляет (расск. «Последние дни»), героическая способность к труду и не менее великая способность к большому чувству в неграмотной, полудикой крестьянской девушке из тайги (расск. «Алекся»),—в этих темах, разработанных непритязательно, но убедительно, автор умело охватывает психологию крестьянской массы, которая, с одной стороны, придала пролетарской революции в России столь широкий размах, но в то же время создает для нее необходимость отступлений и усложненной тактики.

Автор отнюдь не зарывается в крестьянофильство; он умело вскрывает противоречия крестьянской мелко-буржуазной психики, стрелка его компаса твердо направлена на городской пролетариат; последний не изображен нигде непосредственно, кроме отдельных зарисовок (техник, приехавший из города налаживать сноповязалку, полит. ссыльные — больше интеллигенты — в Сибири и т. п.); тем не менее он всюду здесь присутствует, как хребет того общественного целого, часть которого составляет предмет внимания автора. Он определяет жизнь этой части общества так же, как определяет и жизнь всего общества в целом. И то, что автору удается обнаруживать это на каждом шагу, нигде почти непосредственно об этом не говоря, является его большой художественной заслугой, делающей его рассказы по сравнению с очерками народников шагом вперед, в ногу с современностью.

Четкий и наблюдательный бытовой реализм рассказов Вл. Бахметьева, в соединении с этим их пониманием действительности, делает их нужными и интересными, несмотря на отмеченные технические недостатки.

Д. Горбов.

Н. С. ЛЕСКОВ. Амур в лапоточках. Крестьянский роман. Новая неизданная редакция. Изд. «Время». 1924 г. 128 стр.

Из послесловия П. Быкова к роману видно, что «Амур в лапоточках» является переработкой старого произведения Лескова,—напечатанной в 1863 г. в «Библиотеке для чтения» повести «Житие одной бабы». Эту переработку Лесков совершил в 80-х годах, но напечатать не решился при наличии цензурных условий того времени.

«Амур в лапоточках»—яркий клочок кошмарного старого быта: он дает представление о степени крестьянского бесправия в далекую от нас эпоху!

Образ несчастной крестьянки Насти, полюбившей женатого и тоже влюбленного в нее Степана, очень удался автору. Ее страдания; совместное со Степаном бегство из деревни; ее, ярко выраженное в романе, материнское чувство к своему умершему ребенку — все это достаточно проникновенно и сильно. Кроме того, в этом романе сказывается способность Лескова к развитию фабулы: сгущенность событий во второй части романа держит в напряжении внимание читателя.

Характеристика властей того времени с достаточной ясностью говорит, что опасения Лескова относительно цензуры эпохи 80-годов имели основание. «Тем временем,—рассказывает писатель,—приехал в нашу губернию новый губернатор. Прогнал старых взяточников с мест и определил новых. Перетасовка шла по

всем ведомствам. Каждый чиновник силился обнаружить как можно более беспорядков в части, принятой от своего предшественника, и таким образом заявить губернатору свою благонамеренность, а в то же время дать и его превосходительству возможность заявить свою деятельность перед высшим начальством».

Свободный от присущих Лескову недостатков, роман «Амур в лапоточках» может быть отнесен к категории лучших произведений писателя. И. Кубиков.

Б. С. ГЛАГОЛИН. «Моб». Комедия в пяти действиях и 33 эпизодах, по Синклеру. Московское Театральное Издательство. 1924. Стр. 126.

В основу пьесы Глаголина положен один из наименее удачных и наименее убедительных романов Синклера «Христос в Уэстерн-Сити», грешащий и внутреннею нечеткостью, и так часто свойственною Синклеру художественною упрощенностью. Роман колеблется между неизжитым «непротивленством злу» и революционным бунтарством, воплощенным в схематические образы. Его тема—возвращение Христа на землю в современную Америку—невольно осуждает автора на некоторую двойственность; самый роман не дает твердого сценария и крепких линий действия. Двойственность основной позиции не изглажена целиком и в пьесе Глаголина, несмотря на ряд значительных изменений, произведенных автором и в сценарии, и в толковании отдельных образов; от путаности и нечеткости Глаголин избавиться окончательно не мог. Самым слабым, художественно неубедительным и маскарадным в пьесе остается образ Христа-Карпентера, для которого автор не нашел нужных красок и оправдать которого не может финал пьесы с обнаружением того, что «Христос» был только «сном» кинематографической актрисы Мэри Маги. В освещении Карпентера нет ни достаточной остроты, ни величия, ни добродушия и усмешки. Еще неопределеннее растекающееся изображение «моба»—человеческого сброда,—под который можно подвести — по сценарию пьесы—и всех и никого. Вероятно, и сам автор чувствовал необходимость более твердой установки: отсюда возникли основной иронический стиль, которым окрашена пьеса и введение фигуры Релфуса.

Автор смело поставил в качестве эпиграфа слова Поля Луи Курье: «Человеческий разум, стоит ему пробиться, легко доходит до крайних выводов. Насмешка напоминает коней гомеровских богов, которые в три прыжка перескакивают на край света». «До крайних выводов» Глаголин, конечно, не доходит и такой уничтожающей силы его насмешка не имеет. Свое ироническое отношение к изображаемым им американским миллиардерам, актрисам и боксерам и ко всему быту американского общества автор подчеркивает фигурой Релфуса (*Релфус—суфлер*, подсказывающий не актерам, а зрителям), дающего в перерывах между отдельными эпизодами комментарии к происходящему на сцене и разоблачающего условность театральной игры; Релфус — выразитель и театральной, и общественной идеологии автора. Между тем, он убедителен только в роли «иронического» конферансье и теряет малейшую убедительность с переходом на «высокие темы», на обличения «моба», на претенциозное обоснование философии театра и разоблачение его условной лжи. Место Релфуса понятно и оправдано в общем ходе спектакля, но отнюдь не оформлено словесно. Его творческое осуществление целиком отдано импровизационному мастерству играющего Релфуса актера.

Дело, конечно, не в напрасной и путаной философии автора, а в сценическом характере пьесы. Глаголин создает интересный, но становящийся для современной сцены шаблоном, урбанистический сценарий, который может быть осуществлен и оправдан только на сцене: пьеса Глаголина—драма отнюдь не для чтения. Автором использованы и деление пьесы на ряд быстро сменяющихся эпизодов и все необходимые по традиции атрибуты американской пьесы в виде фокс-тротов, лифтов, автомобилей, бокса и т. д. С этой стороны пьеса дает благодарный материал для режиссера, не

требуя неожиданного сценического разрешения и оставляя театр в рамках типичного для театра толкования городских пьес. Однако самый «иронический» стиль пьесы может толкнуть режиссера и на ироническое изображение канонического «американизма» и тем придать сценарию Глаголина больший интерес и остроту.

Написана пьеса своеобразным, но несколько утомительным, подчеркнуто остроумным языком; предисловие В. А. Филиппова дает любопытные указания о возможности ее «упрощенной» постановки.

П. Марков.

ЗАПАДНЫЕ СБОРНИКИ. Вып. 2. 220 стр. in 4°. «Новая Москва». 1924 г.

Мы своевременно отметили появление «Западных сборников», издаваемых «Новой Москвой». Теперь появился второй выпуск, изданный внешне менее нарядно, на значительно худшей бумаге. Однако это обстоятельство следует счесть плюсом, а не минусом издания, так как благодаря ему книжка удешевилась и потому стала доступной более широкому кругу читателей.

Что касается содержания, то оно так же разнообразно, как и в I выпуске. Много переводов стихов с немецкого, французского, английского, итальянского яз.; художественная проза представлена переводами Джека Лондона, Слонского (с польского); Л. Кобрина (с еврейского), Кокийо (с французского), Маринетти (с итальянского). Далее следуют статьи по литературе и искусству: А. Куна (о художнице Кетэ Кольвиц), Карла Либкнехта («Искусство»), Г. Флейшман (О музыке), Р. Шульце («Ритм в психологии творчества»). Наконец, в «Хронике»— обозрения французской, немецкой и американской литературы за 1923 г.

Как видно, содержание довольно обильно и разнообразно. Но качество произведений, данных в этом сборнике, заслуживает некоторого упрека. Прежде, всего не много ли стихов? 32 страницы стихотворений в одном выпуске,—это—слишком утомительно. Попутно заметим, что переводить *итальянские* стихи (Маринетти) с *французского* языка—это значит очень далеко уйти от оригинала, и такой прием никоим образом не заслуживает одобрения.

Отдел «Художественной прозы» производит бледное впечатление: помещение двух незначительных рассказов Джека Лондона оправдывается разве только именем автора, рассказ Леона Кобрина, среднего еврейского писателя, мог бы быть заменен чем-либо более ярким. Более крупная вещь в этом отделе—«Африканская драма» Маринетти «с аккомпаниментом шумопроизводителей» интересна, как показатель того, как бедна итальянская литература произведениями, могущими захватить русского читателя и зрителя, которому деланный пафос и искусственная «театральная» экзотика кажется пресной, а символика музыкальных интермеццо и «шумопроизводителей» (интересно, как это слово по-итальянски) деланной и потому нетрогающей.

В отделе статей интересны конспекты Карла Либкнехта об искусстве, хотя многое в них представляется спорным. Обзоры иностранных литератур в «Хронике» надо приветствовать и отдел этот следует развивать и обогащать.

Повторяя опять, что продолжение «Западных сборников» целесообразно и полезно, все же желаем редакции сделать их более яркими, чем этот выпуск.

И. Гливенко.

ШАРЛЬ ПТИ. Маленький Будда. Госуд. Из-во. Перевод не указан. 1924 г. 167 стр. 3.000 экз.

Книгу можно определить, как угодно— романом, рассказом, повестью, — она, в сущности, не принадлежит ни к одному из этих жанров, соединяя черты всех трех.

Живость изложения и остроумие делают ее менее эпичной, чем этого заслуживал бы высокий сюжет, а любовь к гротеску переводит ее в план сатиры, наполненной юмористическими подробностями. У нее есть что-то общее с «плутовской новеллой» старой испанской литературы, и в то же время она

напоминает философские романы Вольтера.

Сюжет очень прост. Китайский нищий У-Пе-Киа ежедневно и очень удачно склеивает хорошим зеленым клеем веки глаз—так, превращаясь в слепого, он просит на мосту милостыню. Внешность его заслуживает всяческого внимания: «Одежда его была неизменна: она состояла, главным образом, из веревки вокруг его туловища, к ней была подвешена тряпка в лохмотьях, целомудренно закрывавшая живот. Старое полотно с дырой для головы, похожее на шаль с бахромой, прикрывало худые плечи. Последние лохмотья скрывали наполовину ужасный его обезьяний зад. Но голова была непокрыта, как и подобает просящему; и никогда гребень не отваживался проникнуть в гущу спутанных и крепко слепленных грязью волос, где передвигались батальоны вшей» (9 стр.). Мирная жизнь У-Пе-Киа, не лишенная своеобразных радостей, превратилась в пытку в тот день, когда на него обратил свое благосклонное внимание «король нищих», грозный Тси-Дже-Та-Ванг. По его приказанию У-Пе-Киа должен прозреть в храме, прославить его и привлечь богомольцев вместе со щедрыми подаяниями. Все удается, как нельзя лучше. Прозревший и посаженный в цветок громадного лотоса, У-Пе-Киа в качестве «маленького Будды» прославляется ламами, толпы богомольцев стекаются к нему: «тысячи верующих не только приносили униженно к ногам исцеленного свои благочестивые пожертвования, но они являлись также и усердными покупателями маленьких памяток, которые продавали им добрые ламы, и среди этих реликвий фигурировали бережно нарезанные на маленькие кусочки длинные грязные волосы У-Пе-Киа» (152). Вся эта наставительная история, полная траги-комических происшествий и приключений, заканчивается бесспорной моралью: «вечное и всеобщее чудо—это жизнь во всех ее формах... и оно одно должно было бы наполнить чудесным изумлением бедные человеческие умы, всегда жадные до всего необыкновенного... Но бонзы предочитают маленькие чудеса, особенно, которые помогают им наполнять свою мошну» (154 стр.).

Книга написана с «французской легкостью». Умелая группировка бытовых подробностей создает полную иллюзию правдоподобия. Пожалуй, автор несколько пристрастен к описаниям испражнений, нечистот и вшей, но таков вообще стиль изображенного им занимательного происшествия. Издание, начиная с безобразной и безвкусной обложки и кончая бумагой, производит самое неприятное впечатление. Год указан почему-то только на корешке, неизвестно, с какого языка книга переведена, а имя переводчика по каким-то соображениям утаено от читателей. Это тем более странно, что перевод в общем удовлетворителен.

К. Локс.

РОБЕРТ ТРЕССОЛ. Филантропы в рваных штанах. Перевод с английского Э. Выгодской под редакцией А. Н. Горлина. Государственное Издательство. Ленинград 1924 г. Стр. 326. Тираж 5.000.

Филантропы в штанах, это—маляры, которые «с утра до вечера надрываются и истекают потом над своим благородным и бескорыстным заданием—обогащением подрядчика». Один из этих «филантропов», вопреки приказу надсмотрщика торопиться с работой, не может отказаться от тщательности ее выполнения. Прежде чем что-либо покрасить, он старательно замазывает все выемки и царапины и натирает стены наждачной бумагой, покупаемой им на собственный счет.

Трессол, в сущности, так же добросовестен в своей работе писателя. Над ним не властны все соблазны сочинительства. Он прежде всего вдумчивый и сосредоточенный наблюдатель. С какой-то фанатической точностью натуралиста протоколирует все, что, по его мнению, достойно внимания. Метафоры, сравнения, поэтические эпитеты избегаются. Все определения употребляются преимущественно в прямом своем смысле. Описания природы (весьма редкие) так же обстоятельны и четки, как пейзажи примитивов. Напр.: «участники праздника поехали по залитой солнцем извилистой дороге с изгородями из боярышника,

остролиста и терновника по обеим сторонам, мимо роскошных полей нескошенной ржи, аллеями высоких дубов и вязов, по старым каменным замшенным мостам, мимо придорожных хижин» и т. д. (стр. 279). Книга изобилует цифровыми и документальными данными. Подробнейшим образом мы узнаем, сколько зарабатывают маляры и какими красками и лаками они красят. Автор не боится утомить читателя на девять страниц растянувшимся изображением сведений бюджета рабочей семьи. Он беспощаден в своей точности и обстоятельности. Описывая, как красят дом снаружи, отмечает, что «дуло справа... Правая поднятая рука оставляла у рабочего эту сторону тела без прикрытия... В мужском пиджаке пуговицы всегда с правой стороны, и потому ветер пробирается внутрь. Фильпот особенно чувствовал это, так как у него недоставало нескольких пуговиц в пиджаке и жилетке» (стр. 212). Накапливанием подобных конкретных деталей достигается особая выразительность.

Трессол пишет о жизни артели маляров небольшого английского городка, об их безрадостных трудовых буднях и редких жалких праздниках. С этой средой он связан плотью и кровью. В своем восприятии мира он прежде всего рабочий, человек определенного ремесла. Фигуры подрядчика и его клиента, владельца ремонтируемой виллы, намечены им лишь в общих чертах. Автор просто не знает их, этих господ, властных и скупых на слова. Зато надсмотрщик «Немврод» (он же Понтий Пилат, Лихо тож) так выпукло обрисован, что невольно проникаешься чувством лютой ненависти и отвращения к нему. Читателю с исключительной отчетливостью передается постоянный страх маляров перед «бойней», перед расчетом, так как каждый из них может быть лишен работы, будучи о том предупрежден лишь за час. Но особой силы внушения наш писатель достигает в изображении простейших трудовых процессов. Незабываемы его образы мальчика-ученика, тащащего в гору тележку, или рабочих, подымающих лестницу — шестидесятипятифутовку. Тут к Трессолу с известным правом можно применить слова Виктора Гюго о Бодлэре, что он создал «новый трепет».

Невольно хочется сопоставить Трессола с Пьером Ампом, с недавних пор ставшим известным в России. Оба — изобразители труда. Оба несут в себе новое восприятие мира. Но Амп ищет для этого восприятия новых средств выражения. Английский же писатель стоит вне каких-либо, сознательных или бессознательных, литературных исканий. Он прежде всего — бесхитростный рассказчик. Точные описания-отчеты сменяются своего рода стенограммами диалогов. Вся книга — ряд картин быта. Сюжетная связь между отдельными главами малоощутима и примитивна. Выделено лишь параллельное изображение рабочего - холостяка Слайма, члена церкви «под открытым небом», ханжи, проникнутого мелко-собственническими инстинктами, и социалиста Оуэна, с таким трудом пытающегося распропагандировать рабочих и гибнущего под бременем непосильного труда. Повествование обрывается на том, как Оуэн, предвидя свою неизбежную смерть от чахотки, решает, что «большей добротой и состраданием» по отношению к жене и сыну будет не оставлять их одних в этом мире, а взять с собой. И вся книга, несмотря на внешнюю объективность, проникнута чувством глухого отчаяния. Автор беспощадно бичует равнодушие рабочих к своей судьбе, их неорганизованность, непонимание классовых интересов. «Филантропы в штанах» интересны не только как проявление подлинно-пролетарского творчества, но и как ценнейший документ, рисующий нам быт и психологию английского провинциального неорганизованного рабочего.

В предисловии, заимствованном из первого английского издания, некто Джесси Поп сообщает, что «Филантропы» являются произведением маляра-рабочего, социалиста, умершего по написании книги. Его рукопись предлагается читателю без изменений и лишь с некоторыми сокращениями.

Л. Розенталь.

ALFREDO PANZINI. IL PADRONE SONO ME! ROMANCO. ROMA-MILANO. EDIZIONI MONDADORI. 1922. 253 p.

АЛЬФРЕДО ПАНЦИНИ. Хозяин—я! Роман. Рим—Милан. Издание Мондадори. 1922 г. 253 стр.

Действие происходит в Италии, в небольшой деревушке у берега моря. Здесь же и дачное место. Автор изображает, как в этом маленьком уголку отражаются события последних лет: годы до войны, война и послевоенное время.

Хотя автор—горячий патриот и настроен вполне благонадежно, ему не удалось, однако, избежать порядочной доли объективности, которая и делает для нас роман особенно интересным. Характерно в этом смысле предисловие автора: он рассказывает, как в одном издательстве роман его был отклонен, как пораженческий, во втором отклонен точно так же, но—как слишком реакционный, и только третье издательство согласилось принять роман.

Самое интересное в романе Панцини, это — отношение народа и, в частности, крестьян к войне. В самый разгар войны, по случаю крупной итальянской победы, барыньке, героине романа, приходит в голову поднять на своей даче национальный флаг. После этого она одевает своих детей в праздничные одежды и отправляется с ними на пляж организовывать манифестацию. Здесь собираются и другие «сочувствующие»—ровным счетом трое представителей местного общества. В их числе депутат, который укоряет барыньку за ее неосторожность с флагом.

«Уверяю вас, что это опасно, синьора. У этого населения, благородного, но настроенного против войны, трехцветное знамя вызовет только возмущение».

Представитель власти, префект, отговаривает ее от манифестации:

«Манифестация, организованная нами, которых называют господами, произвела бы обратное действие, чем то, которое мы хотели бы: доказать, что это—победа народа над феодальными империями».

Патриотической барыньке удается все-таки добиться своего:

«Дамы и дети, все в белом, красном и зеленом, с флажками, устроили шествие вдоль по берегу моря...

А народ стоял в стороне и говорил:

— Смотрите! Вот идут господа! Они поют и празднуют, а сыны народа умирают».

Когда барынька заходит к крестьянке предложить вязать носки для солдат, та ей отвечает:

«Так пусть оно себе и делает носки, правительство! Разве не оно хотело войну?»

Ярко изображена в романе и эпоха после войны. Хотя здесь—при описании «бунтующей черни»—объективность автора начинает ему сильно изменять. Настроения этого времени хорошо передаются заглавиями соответственных глав романа: «Когда ожидалась революция», «Господа боятся», «Идет Ленин».

Вся деревня живет ожиданием и надеждой на Ленина. Все разговоры начинаются словами: «Когда придет Ленин». Но, и не дожидаясь его прихода, деревня решительно ополчается на господ.

Буржуазия переживает неприятные дни. «Чорт возьми,—говорил господин М. — хоть бы Ленин пришел! Мы имели бы по крайней мере удовлетворение знать, кто командует».

Любопытна сцена, где собираются господа и рассказывают друг другу о том, какими путями они спасают себя и свое имущество от революции. Хорошо знакомые картины!

Красной нитью через весь роман проходит противопоставление двух миров—господ и трудящихся. Непроходимая пропасть, которая в «демократической» Европе непрерывно растет и углубляется.

Роман стоило бы перевести. Жаль, что для полноты картины не хватает в нем еще эпохи фашизма.

М. Лейтейзен.

ЯКОВ ВАССЕРМАН. Перуанское золото. Перевод И. Б. Мандельштама. «Атеней». Ленинград 1924 г. Стр. 64.

Небольшая новелла Вассермана—рассказ ведется от лица участника завоевательного похода Пизарро в Перу—

написана, в сущности говоря, с весьма прозрачной поучительной целью—показать всю низость испанских грабителей по сравнению с владельцами несметных богатств—перуанскими инками. Самыми мрачными красками обрисованы Вассерманом стяжатели чужого золота, войска Пизарро, и почти в дифирамбическом стиле—благородный, чистый, самоотверженный «Король-солнце» Атахуальта, вероломно захваченный в плен испанцами и ими гнусно умерщвленный. Вассерман—несомненный мастер по части экзотических описаний. Но чем он совершенно невыносим, так это своим приподнятым и жеманно-изысканным способом выражения. Маленькая новелла настолько преисполнена словесной утонченности, что невольно вспоминается классический совет: «Не говори столь красиво, друг мой». От основательной чистки в этом отношении новелла очень бы выиграла, а если она совсем не появлялась бы в переводе, русский читатель от этого бы не потерял.

Евг. Браудо.

ГЕОРГ БЮХНЕР. Смерть Дантона. Войчек. Перевод М. Рыжкиной. «Всемирная Литература». Госиздат. 1924 г. Стр. 160.

«Родился в 1813. Умер в 1837. Неполных жил двадцать четыре года. Написал 3 пьесы, три философских труда, гениальную прокламацию к гессенским крестьянам»—таков итог жизненных трудов гениального юноши, бунтаря, поэта и ученого. Этот Бюхнер восстал из забвения восемьдесять два года после своей кончины—в ноябрьские революционные дни Германии. Его новейшая литературная Германия, Германия экспрессионизма—крика вместо слова, эмоции вместо холодной связующей логики—избрала своим вождем.

Бюхнер—первый признанный экспрессионист-драматург в немецкой литературе. Его слава основывается на двух, включенных в настоящий том «Всемирной Литературы», трагедиях. Обе они незакончены, необработаны,—в этом, может, их привлекательная сила. Форма не получила еще в них самодовлеющего значения, металл не застыл, а льется раскаленной струей. «Смерть Дантона»—первая из двух бюхнеровских трагедий, неоднократно приспособлялась для сценического воплощения (в Германии—Рейнгардтом, у нас, кажется,—несколькими режиссерами). Нам не приходилось видеть «Смерти Дантона» на подмостках, но, думается, захлебывающаяся реторика этой трагедии в странном контрасте с энергично—удар за ударом—протекающим действием едва ли преодолима в театре. *Революционная романтика* Бюхнера, увлекательная и искренняя, все же романтика 30-х годов и при всем стремлении его подчеркнуть социальный смысл событий Великой Французской революции Бюхнер показать ее истинное лицо в своей трагедии не смог.

Евг. Браудо.

РЕНЕ АРКОС. Злые годы. Перевод Б. Лившица. (1914—1917.) Новости иностранной литературы. Госиздат. Ленинград 1924 г. Стр. 225.

Книга Ренэ Аркоса—альбом зарисовок острых четких картин из истории злых годов, памятных Европе. «Развертывание сюжета» книги начинается жуткими предгрозовыми картинами в июле 1914 г. и заканчивается уже несколько расплывчатыми эскизами из жизни нейтральной Швейцарии в момент, непосредственно предшествующий капитуляции Германии. Литературно-общественное значение книги Аркоса (и ради этого ее стоило переводить, художественные ее достоинства не столь велики) заключается в точном клиническом описании постепенного развития мании шовинизма и завоевательного психоза, охватившего в эти «злые годы» даже радикальную часть французской науки. Но вместе с тем Аркос очень убедительно и тонко показал и противоположный процесс постепенного отрезвления от опьянения войной и нарастания в сознании народов лозунга «война войне». Перевод не всегда передает отточенное письмо оригинала. Сомнительным мне кажется, чтобы в памяти французов сохранилось бы, например, воспоминание о таком средстве

нападения, как «турусы на колесах», чтобы французские запасные пользовались речениями костромских крестьян и т. д.

Евг. Браудо.

Ф. ФРЕЙЛИГРАТ. Избранные стихотворения с прилож. переписки Маркса и Фрейлигрaта, изданные Ф. Мерингом. Перев. С. Заяицкого под редакц. и с предислов. В. Фриче. Изд. «Пролетарий». 1924 г. Стр. 134.

Член коммунистического союза, друг Маркса, сотрудник знаменитой «Новой Рейнской Газеты» (выходившей в Кельне под редакцией К. Маркса 1848—1849 г.г.), Ф. Фрейлиграт был одним из наиболее ранних провозвестников пролетарской революции в немецкой поэзии. Среди всей тогдашней плеяды немецких социалистических поэтов (Гейне, Гервег, Фаллерслебен, Дингельштет, Бех, Дронке, Верт) Фрейлиграт представляет одну из блестящих и интересных фигур. В письмах к друзьям К. Маркс так характеризует Фрейлигрaта: «Под добродушной внешностью Фрейлигрaта скрывается ум проницательный и насмешливый. Пафос его проникнут искренностью, но это отнюдь не делает его безоговорочно-доверчивым и нимало не ослабляет его критики. Он истинный революционер и подлинно-честная натура, а такую похвалу я присуждаю не очень многим». Социалистические мотивы не сразу овладели поэзией Фрейлигрaта. Первый томик его стихотворений, выпущенных в 40-х годах и доставивших ему шумный успех, носит на себе все следы романтической экзотики и фантастики. Сам Фрейлиграт называл впоследствии этот период своего творчества «эпохой львов и пустынь». Только сближение с Марксом и его друзьями опьянило его благоуханием новых идей, и с этого времени Фрейлиграт выступает поэтом революции. Изобретатель вычурных и немного бравурных образов, над которыми так любил потешаться Генрих Гейне, Фрейлиграт и в своих боевых песнях остается таким же искусным жонглером слова и охотно щеголяет виртуозной изысканностью сравнений и образов. Цветы его жаркого вдохновения богато-красочными пятнами рассыпаны по всей поэзии Фрейлигрaта. Но революция—тот глубокий источник, который питает эту поэзию. Многие из его боевых стихотворений, как, напр., «Революция», «Мертвые живым», «Снизу вверх», «Requiescat» и др. и в наши дни сохраняют всю свежесть и обаятельность революционно-патетической лирики. Правда, некоторые из приведенных в настоящем сборнике песен уже производят впечатление деревянных и старомодных, от них веет революционным провинциализмом. Но не следует забывать, что именно в этих образах, которые ныне стали скучноватой традицией, революционное творчество впервые начало дерзновенно выражать себя во всей полноте. К тому же автор их безошибочно отдается своему революционному инстинкту, и у читателя сохраняется впечатление эстетической свежести: всеми стихами Фрейлигрaта руководит неподдельный энтузиазм.

«Избранным стихотворениям» Фрейлигрaта предпосланы — вступительный критико-биографический очерк В. Фриче и статья Ф. Меринга, комментирующая переписку Маркса и Фрейлигрaта. Обе статьи читаются с большим интересом. Перевод хорош.

Л. Войтоловский.

ИСКУССТВА.

1. Г. ПЕТРИ и Н. АНЦИФЕРОВ. Исторические экскурсии по Эрмитажу. *Федорова-Давыдова.* — **2. А. И. НЕКРАСОВ. Очерки декоративного искусства древней Руси.** *Н. Щербанова.* — **3. А. БЕНУА и С. ЭРНЕСТ. Остроумова-Лебедева.** *Проф. А. А. Сидорова.* — **4. И. ЕВДОКИМОВ. Борисов-Мусатов.** *Л. Розенталя.* — **5. ОДЕССКИЙ ГОСУД. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ. Галлерея старинной живописи.** *Г. Жиднова.*—**6. A. SUARÈS. DEBUSSY.** *Евг. Браудо.* — **7. Проф. Г. КАТУАР. Теоретический курс гармонии.** *С. Бугославского.* — **8. ИСИДОР КЛЕЙНЕР. У истоков драматургии.** *П. Маркова.* — **9. Н. ГИЛЯРОВСКАЯ. Театрально-декорационное искусство за пять лет.** *М. Эйхенгольца.* — **10. Н. РЫНИН. Кинематография.** *Проф. Н. Тихонова.* — **11. ИСКУССТВО и ПРОМЫШЛЕННОСТЬ (журнал).** *Ольгина.*

КОММУН. УНИВЕРС. им. Зиновьева. Библиотека экскурсанта. Г. ПЕТРИ и Н. АНЦИФЕРОВ. Исторические экскурсии по Эрмитажу. Рабочее издат. «Прибой». Л. 1924 г. Стр. 46. in 8°. Тираж 5.000.

В современных методах преподавания вообще, и обществоведения — в частности, экскурсии играют весьма значительную роль, при чем среди объектов этих экскурсий художественные собрания занимают далеко не последнее место. Не приходится, конечно, даже и доказывать, насколько важным документом прошлого является произведение искусства, потому что совершенно справедливо замечание И. Анциферова, что «монистический взгляд на историю предполагает присущее данной культуре единство, основанное на взаимообусловленности всех явлений, свойственных данной культуре» (стр. 27). Медаль имеет, однако, и обратную сторону, что отмечает Г. Петри, указывая на «праздничность» и неминуемую относительную «индивидуалистичность» художественного произведения (стр. 3), почему-то, однако, приписывая эти черты *прикладному* искусству, хотя они в нем-то как раз сказываются меньше, нежели в так называемом grand art. Как бы то ни было, значение художественно-исторических экскурсий бесспорно, и так же бесспорно, что в деле их проведения далеко еще не установлено твердых методов и навыков. Причин здесь две: во-первых, новизна этого дела, а во-вторых, неразработанность социологического истолкования искусства. Обе эти причины отразились, конечно, и на книжке, несколько легковесной, что не мешает все же признать за ней достоинства первой, кажется, в этом роде и не плохой попытки дать образец исторических экскурсий по живописным собраниям Эрмитажа. Книжка состоит из двух экскурсий: «Аристократическая Испания и городская Голландия» (Г. Петри) и «Французское общество в эпоху абсолютизма» (И. Анциферов). Более выигрышная тема и более правильно понятый метод делают вторую из них лучше первой. По существу, конечно, при современном состоянии социологической истории искусства единственным путем использования художественного памятника для исторического обучения является раскрыть перед экскурсантами идеологическое его содержание, на основе его нарисовать общую картину идеологии эпохи и, лишь исходя из нее, выявлять социально-экономические условия появления подобной идеологии. Метод—в достаточной мере примитивный, но в данное время единственно верный. И Анциферов так и делает (хотя, быть может, порою и слишком увлекаясь характеристиками А. Бенуа и В. Конради), в то время как Г. Петри пытается порою вывести непосредственно из картины экономику эпохи. Это не всегда получается удачно и порою смахивает на Тэна, с его теорией «национальных» типов искусства. (Например, о Голландии—«жизнерадостность и трезвая практичность нации». А Рембрандт, поздние вещи Ф. Хальса!) А в результате, конечно, получается все то же «господствующее настроение эпохи». К достоинствам второй статьи принадлежит и то,

что в ней мелким шрифтом даны исторические справки, что значительно облегчает пользование ею частным лицам, на которых, очевидно, вместе с руководителями экскурсий, и рассчитана книжка.

Следует отметить недостаточность использования обоими авторами художественного материала, а порою и не совсем удачный его выбор. Так, в первой экскурсии ни словом не упоминается о Рембрандте. Правда, он и не входит в пределы темы экскурсии, но следовало бы хотя мельком упомянуть о нем; иначе будет вынесено более нежели превратное представление о «голландцах». Позабыты прекрасный «Св. Лаврентий» Зурбарана, характерные «Узницы» Мурильо, «Булочник» А. Ван-Остаде и мн. др. Среди пейзажистов забыт ни более, ни менее как... Рюисдаль. Упоминая об изображениях животных у Я. Поттера, автор позабыл о А. Кейпе, «Коровницу» которого все же следовало бы упомянуть. Среди портретов буржуазии удачнее было бы остановиться не на Миревельте, а на Ван-дер-Гельсте. Если бы автор не увлекся так задачей показать лишь «трудолюбивую нацию», он наверное вспомнил бы о многочисленных военных изображениях Дирка Хальса и Дюка, что было бы вполне естественно при упоминании о борьбе Голландии с Испанией. Во второй статье нет ни слова о Лебрене, правда, плохо в Эрмитаже представленном, но слишком характерном для искусства Людовика XIV, чтобы о нем не упомянуть, нет пейзажей Пуссена, Гюбер-Робера, а, говоря о фривольном искусстве конца века, автор забыл Фрагонара, «Поцелуй» которого является одной из жемчужин Эрмитажа. Мы отмечаем наиболее значительное из пропущенного, пропуск чего не может быть оправдан даже и указанием на то, что экскурсия была более исторической, нежели художественной. Они, помимо их художественной ценности, слишком характерны, как документы эпохи. Оставляя в стороне некоторые другие более мелкие замечания, в заключение отметим, что, несмотря на свои недостатки, неизбежные, конечно, в таких первых опытах, какими является данная книжка, она все же позволяет отнести ее к числу весьма полезных в «Библиотеке экскурсанта» книг.

Федоров-Давыдов.

А. И. НЕКРАСОВ. Очерки декоративного искусства древней Руси. Издательство Т-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых», Москва 1924 г. Стр. 119. С 113 рис. в тексте. Тираж 2.000 экз.

Сложная, многообещающая проблема о сущности и объеме древне-русского декоративного искусства, неоднократно притягивавшая к себе за последнее время внимание специалистов (вспомним, напр., брошюру Н. М. Щекотова и интересный очерк В. А. Никольского), нашла в новом труде А. И. Некрасова если не окончательно верное решение, то, во всяком случае, удачную методологическую постановку и обильное значительными выводами освещение. Единое в начале декоративное искусство с течением времени разделяется на две ветви — «народное», которое часто в характере жилища, утвари и одежды существует почти без изменения десятки и сотни лет и мало подвержено влиянию личности (стр. 3), и искусство образованных общественных слоев, «в которых перерабатываются на основе национального вкуса заимствования со стороны» (стр. 3) и где личное творчество входит неотъемлемою составною частью стиля. Эта вторая ветвь, выражающая высшие успехи всего народа в области декоративного стиля, имеет неоспоримое право на вдумчивое к себе отношение и изучение.

С глубоким знанием вопроса развертывает автор картину богатой, более чем шестивековой жизни древне-русского (до-петровского) убранства во всех его проявлениях. В своих очерках автор мастерски пользуется обоими источниками безупречно-научного труда — свидетельствами и самих памятников искусства и данными письменности, чем в результате достигаются обаятельная стройность, полнота и цельность получаемых сведений, навыков и впечатлений, не говоря о том, что зарождение, расцвет, смена художественных направлений, ино-

земные влияния, степень их воздействия, их усвоения, переработка и т. д. представлены автором не оторванными от жизни, а все время цепко связаными со всем культурно-историческим и социально-экономическим укладом страны. Перед нами не простое изложение истории декоративного искусства древней Руси, а нечто существенно большее: «Очерки» научают правильному подходу к произведениям искусства, изощряют глаз, память и приучают ценить то, что действительно получается из тщательного, осторожного, всестороннего исследования памятников вещественных и письменных. Мы, однако, решаемся высказать некоторые соображения и возражения по поводу «Очерков». Нельзя, напр., согласиться с положениями автора, что оригиналами для деревянной статуи Параскевы-Пятницы (стр. 53) и ангелов артосного панагиара Новгородского Софийского собора (стр. 55 и сл.) послужили западные (немецкие) ангелы-кариатиды: мотив первой (более распростертость рук, чем их поднятие) восходит, думается, к типу Оранты, и к кругу Византии же надо отнести и ангелов, изображенных не только поддерживающими дискос, а летящими с ним в схеме так называемого коленопреклоненного бега. (Не надо ли такие монументальные изваяния, как Никола Можайский, Христос в темнице, Старцы выделять из декоративного искусства, как произведения монументального ваяния?) При анализе памятников Великого Новгорода автор склонен больший вес придавать заимствованиям западных художественных направлений, несколько умаляя нео-византийское влияние. Кое-где вкрались легкие неточности: на стр. 21 гербом Суздальско-Владимирских князей назван «лев», а на стр. 46 «барс»; на стр. 29 говорится про «епископа» Александра, а на стр. 31 про «архиепископа» Александра, хотя речь идет явно о том же лице (то же самое см. на стр. 49, где Василий и «епископ» и «архиепископ»); на стр. 82 и 83 некое несогласие в описании гравюры Э. Шёна: на стр. 82 автор пишет, что «стены у Шёна круглых окон не имеют», а на стр. 83 читаем, что «даже круглые окна в углах под аркой (на гравюре Шёна) имеют соответствие себе в русской миниатюре XVI века»; далеко не всегда указано местонахождение приводимых памятников, что отнимает у книги возможность служить путеводителем-справочником. Не можем, далее, не упрекнуть автора за умолчание о целом ряде выдающихся, датированных памятников декоративного искусства, ставших доступно-известными за последние годы [1]); таковы, напр., памятники житья в Русском музее (из Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей) и в особенности вклады в б. Троице-Сергиевой Лавре (напр., знаменитый золотой потир 1449 г. с надписью «а делал Иван Фомин», подвесные, датированные пелены-вклады Софии Палеолог, Соломонии Сабуровой, Анастасии Овиновой, Старицкого, семейства Грозного, Годуновых, золотые дробницы Годунова и целый ряд недатированных, напр., великолепный «Чин» конца XIV или начала XV в., близкий к волотовским фрескам, и т. д.). При обозрении архитектурных декораций не упомянуты замечательный орнамент цоколя Духосошественского собора и великолепие барочных убранств трапезной той же лавры. На стр. 111 датировка венчика иконы Николы Чудотворца (рис. 104) вряд ли правильна: по всем данным, мы имеем дело не с серединою XVII в., а чуть ли не с 1-й половиною XIX в. Из мелочей отметим опечатку на стр. 105, строка 5-я сверху (напечатано «(рис. 100)» вместо «(рис. 99)») и неясность датировки на стр. 111 («около половины XVII века» в смысле «около середины XVII века»).

Все приведенные замечания немало, конечно, не ослабляют того хорошего впечатления, какое оставляет работа А. И. Некрасова, этот ценный дар всем, кто приобык дорожить чистыми, истинно-научными вкладами. Изданы «Очерки» не достаточно хорошо. И эта отличная работа, еще раз убеждая в том, как мало сделано даже в области собирания и систематизации материала, снова приводит к выводу о насущной необходимости издания своего рода «сводов»

[1]) Включение их в свой очерк—из бесспорных достоинств работы В. А. Никольского «Древне-русское декоративное искусство», 1923 г.

всех памятников древне-русского (да и после-петровского) декоративного искусства в виде точных воспроизведений (по возможности, красочных): только тогда специальные штудии дадут возможность создать «Историю русского декоративного искусства».

Н. Щербаков.

БЕНУА Александр и ЭРНСТ Сергей. «Остроумова-Лебедева». Гос. Изд. Ленинград — Москва 1924. in 4°. Стр. 96. 3.000 экз.

Чудесно изданная монография является во многих отношениях шире своей непосредственной темы—характеристики искусства одной из любимейших и наиболее уважаемых деятельниц русского нового искусства. В статье А. Бенуа, написанной с мастерством живым и блестящим, можно встретить очень ценные автопризнания одного из родоначальников направления «Мира Искусства» о том, как всеми ими руководил «культ непосредственности» и «подсказка интуиции» в создании того, что впоследствии представилось «лукавой стилизацией». Что же: переоценка ставшего уже шаблонным мнения «критики» о «Мире Искусства» стоит на очереди. Думается, во многих горьких словах А. Бенуа о современной «ярмарке суеты» и «безумной неразберихе» искусства звучит не только мнение прошлого художественного поколения.

Рецензент монографии поставлен в положение затруднительное. С чувством очень бережливого такта нашли оба автора книги прочувствованные слова, дабы приветствовать четвертьвековой юбилей А. П. Остроумовой характеристикою ее искусства, «как красивого, умного и вдохновенного», ее места в современности, как «первого русского гравера на дереве», «главы школы русских граверов». Думается, что с бережностью, столь же готовой признать в художнице все достоинства первоклассного дарования, можно было бы указать, что *познанию* ее искусства не многим помогает панегирик. Монография носит несколько характер некролога: или это роковой стиль всех книг о современных любимых мастерах наших? или обсуждение достоинств препятствует в суждении о современности искусства учету его теневых сторон или слабостей? И неужели искусство А. П. Остроумовой не имеет их вовсе? Мы вспоминаем предисловие-рецензию одного из авторов данной монографии, А. Н. Бенуа, к литографированному альбому Остроумовой «Петербург», и верим, что на этот раз только юбилейный характер книги воспрепятствовал ее составителям более критически детально осветить проблемы, связанные с остроумовским мастерством. «Не бойся едких осуждений — но упоительных похвал»; слова обращены не только к художнику; эстетствующее любование праздных получит в книге, боимся, обильную пищу; ибо в ней нет того, что было бы очень уместно и радостно найти в монографии: непосредственного анализа художественного языка; сравнений и оправданий хотя бы того столь ответственного эпитета, который возносит над лирически скромным и нами именно за то и ценимым искусством Остроумовой знамя «классичности».

Произвести же эту весьма привлекательную, но трудную работу мы здесь отнюдь не решимся. Укажем только, что книга в своем репродукционном материале позволила бы очень разгадать тайну убедительности тех форм, которые найдены Остроумовой для ее гравюр, в сравнении хотя бы ее гравированного «Вида на Неву сквозь колонны Биржи» с аналогичным рисунком на стр. 17, что в ином бесконечно настойчиво напрашивается сравнение самого подхода Остроумовой к цветной печати как с ее учителями—японцами и старыми итальянцами,—так и с современниками, хотя бы с В. Д. Фалилеевым. Было бы чрезвычайно интересно проверить мнение Эрнста о роли А. П. Остроумовой, как главы русской школы граверов. Оказалось бы тогда, что это утверждение нуждается в оговорках. Московская школа гравюры (линии Фаворский—Вхутемас, с одной стороны, Павлов—Фабзавуч — с другой) вполне от Остроумовой не зависимы. К ее школе нельзя причислить ни Фалилеева, ни Кравченку; наличие же в числе московских ксилографов такой интересной индиви-

дуальности, как ученик Остроумовой Н. Н. Куприянов, указывает сразу на конкретные особенности направления: использование красочных плоскостей, акцент скорее на искусстве печати, нежели на искусстве резца. Чудесные черно-белые гравюры Остроумовой начала 1900 годов ни в коей мере не позволяют заключить, каким штихелем они сделаны: Уистлерова школа с ее отрицанием техницизма для Остроумовой, конечно, даром не прошла. Хотя кто, как она, умел найти такие чудесные слова о самой технике деревянной резьбы. Этой цитате о «желтых стружках», летящих во время гравирования, приведенной в статье В. Я. Адарюкова об Остроумовой, следовало бы найти место и в данной монографии.

К самому тексту монографии хочется сделать только совсем немного примечаний. Есть терминологическая путаница в обозначениях основного искусства Остроумовой. А. Бенуа (стр. 14) говорит об умирании *тоновой* гравюры и о нарождении новой *штриховой;* С. Эрнст (стр. 23 и др.) — о «ремесленной работе над *штриховой* гравюрой» у Матэ в начале художественной карьеры Остроумовой. Нет сомнений, что в первом случае прав А. Н. Бенуа, а что обозначение нового гравюрного стиля «штриховым» не всегда годится. Стиль А. П. Остроумовой в гравюре — живописен по преимуществу; он контрастен и порою только каллиграфично-линеарен («Венеция»). Весьма неясно одно место в статье С. Эрнста, где говорится о работе А. П. Остроумовой «над ex libris'ом для брошюры о деле Дрейфуса». Так как ex libris — знак библиотеки, то здесь могла итти речь или об украшении брошюры, или о книжном знаке некоему определенному лицу [1]) (стр. 40). Кстати, очень жаль, что монография ничего не говорит об изумительных настоящих книжных знаках художницы, которые пользуются славою наиболее красивых из всех, исполненных русскими мастерами. Нет их, как и новых литографий художницы, и среди репродукций. Последние открывают перед нами искусство Остроумовой с новой стороны, выдвигая на первый план ее акварели и рисунки. Правда, для нас художница останется наиболее сильной все же в цветной ксилографии; но художественная редакция книги безупречна, и, распределяя иллюстрационный материал по технике выполнения оригиналов, делает данную монографию одним из наиболее удачных опытов Госиздата в деле изучения и пропаганды нового русского искусства.

Современного ли? Революционного ли? Текст молчит об изумительной акварели Остроумовой к 1-му мая (1917 г.), где такой новой музыкой звучат на лирическом фоне палевого «Петербурга» красные пятна знамен революционной демонстрации. А, однако, стоило бы подчеркнуть, что из всего прошлого настоящему и будущему, конечно, надо бы было избирать именно такое, беспретенциозное и настоящее мастерство, коим всегда отличается художественная продукция А. П. Остроумовой.

Проф. А. А. Сидоров.

ИВАН ЕВДОКИМОВ. Борисов-Мусатов. Государственное Издательство. Серия «Искусство». Под редакцией П. П. Муратова. Москва 1924 г. Стр. 70 + 14 рис. на отдельных листах. Тираж 2.000 экз. in 16°.

О Борисове-Мусатове, как и о многих наших живописцах, написано обидно мало. Не изучали, а больше только восторгались им в те годы, когда его картины были созвучны настроениям определенных кругов общества. Отдельный номер журнала «Золотое Руно» за 1906 г., посвященный Мусатову, с двумя небольшими статьями был лишь надгробным словом тогда только что умершему художнику. Книжка В. Станюковича сообщала преимущественно биографические сведения. Изящно написанная, небольшая монография Н. Врангеля давала поэтичный, но весьма упрощенный образ

[1]) Верно, конечно, первое. Тут же еще малый lapsus: «Остроумова по неопытности забыла, что шрифт надо было вырезать *слева направо*. Слева направо мы читаем: на клише шрифт надо было бы вырезать как раз наоборот *справа налево*.

Мусатова и, кажется, создала последнему среди мечтательно настроенных барышень славу своего рода «Надсона от живописи».

Вот и все. Еще было обещано обстоятельное исследование Я. Тугендхольда, собравшего большой материал и тщательно изучавшего эволюцию живописного творчества художника. (Судим по отрывкам, помещенным в журнале «Аполлон» за 1915 г.) Но, увы, эта монография до сих пор остается ненапечатанной.

В рецензируемой книжке Евдокимова собственно творчеству Мусатова посвящены всего 17 последних страниц. Автор, следуя за Врангелем, останавливается, преимущественно, на настроениях, выраженных в картинах, на их сюжетах. Снова восторженные отзывы: «картины поют, плачут» (стр. 60) и неоднократные напоминания о физическом недостатке художника («маленький, некрасивый горбун» и т. п.). Охарактеризовать же самое живопись критик, очевидно, бессилен. Приподнято восторженный тон, несмотря на всю его заражающую искренность, иногда кажется чрезмерным. Как бы мы ни ценили высоко Мусатова, все же не решимся утверждать, что будь у него «рисунок в соответствии с его палитрой, быть может имя великого художника было бы не отделимо от него» (стр. 32). Также вряд ли можно согласиться, что «за восемнадцать лет, протекших со дня смерти художника, картины его стали понятными, озаренными, близкими» (стр. 68). Вернее было бы сказать обратное. Не совсем правильно утверждение, что «Мусатов не оставил после себя школы» (стр. 68). Об его связи с группой «Голубая Роза» следовало бы здесь упомянуть. И уж никак нельзя сказать, что около 1900 г. «царили» передвижники (стр. 57). «Реквием» не надо называть ни «фреской», ни тем более «картиной-фреской» (стр. 51—52), это — акварельный эскиз и то не к фреске, а скорее к декоративному панно. Под «рисунком отца» (стр. 5) мы обычно понимали рисунок, *сделанный* отцом, а никак не *портрет* отца.

Бóльшая часть книжки (почти три четверти) занята изложением биографии Мусатова. Здесь дано много новых сведений на основании рассказов лиц, знавших художника; подробно обрисована окружавшая его среда. Эта часть работы Евдокимова представляет большой интерес. Однако все же хотелось бы, чтобы выпуски популярной серии «Искусство» составлялись по иному плану и с большим вниманием не к жизни, а к творчеству мастера.

Подбор иллюстраций интересен. Неудачны лишь клише.

Л. Розенталь.

ОДЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ. Галлерея старинной живописи. Изд. «Коммунист». Одесса 1924 г. Стр. 24 + 8 воспроизведений на отдельных листах. Разм. 8°. Тираж 3 .00 экз.

Небольшая, культурно изданная книжечка эта включает в себе как «список картин и гравюр», находящихся в галлерее, так и некоторое введение—краткий обзор выставленного материала и не менее краткое (к сожалению) повествование о музейной работе в Одессе за годы революции, — работе особенно тяжелой в многострадальной Украине. Правда, способ каталогизации можно упрекнуть в значительной примитивности (во втором издании хочется указаний на размеры вещей, материал, наличие подписей, даты), обозрение экспонатов могло бы быть несколько более расширенным. Но, как бы то ни было, приходится радоваться и за выход этой книжки, открывающей собой приведение в известность богатств Одесского художественного музея. Уже она показывает размер его и наличие в нем многих вещей [1]), позволяющих говорить об этом собрании западной живописи, как об одном из самых крупных (после ленинградских и московских) в СССР. Здесь есть ряд произведений, аттрибуция которых предположительна, на что указывали автору этих строк и сами работники музея, много вещей и вовсе более точно не

---

[1]) Есть картины, приписываемые Рубенсу, К. Массейсу, П. Веронезу, А. Маньяско; работа Лауренская, ряд прекрасных голландских мастеров XVII в. и т. д.

определенных. Вот прекрасная возможность для молодых наших специалистов по истории западного искусства — применить и обогатить свой научный опыт в работе над интересным свежим материалом, а вместе с тем и оказать помощь большому культурному начинанию,— помощь, на которую в праве рассчитывать одесские деятели со стороны специальных исследовательских учреждений Москвы и Ленинграда.

Г. Жидков.

ANDRÉ SUARÈS. Debussy. Emile-Paul frères-éditeurs. Paris 1922. P. 140.

АНДРЭ СЮАРЕС. Дебюсси. Издание бр. Эмиль-Поль. Париж 1922 г. Стр. 140.

Небольшая изящно изданная монография Андрэ Сюареса о Дебюсси немного дает музыканту. Как большинство французских книг о музыке она написана с большой затратой красноречия, которое музыкально (точнее музыкально-технически) ничего не объясняет, да объяснить и не пытается.

Но сквозь покров тонкой словесной лести у Сюареса местами проскальзывают отдельные меткие характеристики и известная теплота по отношению к творцу единственной французской музыкальной драмы «Пелеаса», творческие особенности Дебюсси Сюарес кое-где удачно освещает сопоставлением с образцами французской поэзии. Но постановку вопросов чисто музыкальных, где одними сравнениями не отделаешься никак, Сюарес старательно избегает. Много и довольно туманно говорится о гармоническом Дебюсси, почти ничего о характерном складе его мелодики. А на этом нужно было, в первую очередь, сосредоточить свое внимание.

Евг. Браудо.

Г. КАТУАР, проф. Моск. Гос. консерватории. Теоретический курс гармонии. Ч. I. ГИЗ. Музсектор. М. 1924 г. Стр. 101. in 16. Тираж 2.000 экз.

Труд проф. Катуара отвечает давно назревшей потребности в таком курсе гармонии, который обнимал бы современные средства гармонического мышления, соединяя школьную работу с творческой практикой молодого композитора. Курс проф. Катуара оставляет с этой точки зрения далеко позади себя все русские руководства по гармонии не только по новизне материала, широте охвата явлений в области гармонии, но и по научным достижениям, поскольку, конечно, может быть в наше время научным догматическое нормативное руководство. Подлинно научной является в курсе классификация аккордов, выдержанная по полноте и по единству принципа деления (это—принадлежность аккорда к одной из тональных систем и его функциональное в смысле теории Г. Римана значение — две координаты, определяющие роль и происхождение аккорда). Различение тональных систем у Катуара сделано по признаку расширения старого диатонического звукоряда новым путем добавления звуков по пифагорейскому квинтовому кругу. Таким образом получаются: диатоническая система мажора, минора, десятитонная мажоро-минорная, хроматическая двенадцатитонная (в шести комбинациях из общего состава 17 тонов). В каждой из систем появляются и новые аккорды, но с прежними функциями основных гармонических единиц (тоники, доминанты, субдоминанты).

Их описанию и роли в музыкальном мышлении и посвящен курс Катуара. Дело, конечно, не в открытии новых аккордов — все они известны композитору современности, да и старой романтической школе,—пожалуй, во всей своей полноте,—а в том, что Катуар, путем систематической классификации аккордов, определяет их функции и связь с определенным звукорядом, а не подгоняя их, как это прежде делали, к диатонической системе, хроматически измененной, и это даст молодому композитору путеводную нить и избавит его

от блужданий по морю современных хроматических построений, сделанных наощупь слуха, притом часто беспорядочно, без конструктивной логики. Это практическое приложение курса к расширению кругозора и упорядочению гармонического мышления композитора — неоценимое достоинство работы. Единственно, против чего хочется возразить — это против игнорирования образования аккордов не путем построения по формулам, а как результата движения нескольких голосов в пределах данного звукоряда (таков, думается, пример из Баха № 179 на стр. 93, см. также стр. 15, 18, 33). У Катуара почти не расчленены эти два способа образования аккордов, и он не примирил трудное противоречие между «случайным» аккордом (из сплетения голосов и это, самое ценное, ибо раскрывает новые построения) и аккордом с заранее добытым практикой значением, аккордом, неделимым на составные части—голоса. Если бы проф. Катуар разграничил эти два метода построения аккордов, т.-е. отошел бы от слишком упрощающей гармоническую мысль догматической теории функций Римана, если бы он, вместо описания *отдельных способов* разрешения, дал классификацию *типов* голосоведения и получающихся отсюда гармонических сочетаний, он помог бы композитору выйти из столь чаемого всеми тупика — мышления только гармоническими комплексами. «Смещения тонов», «проходящие ноты» при разрешениях аккордов, а также разрешение трехголосных аккордов в четырехголосные (см. 6, 7а, 8, пример 172 и др.) оставляют значительную дозу недоумения.

К критике функциональной теории добавим, что аккорд меняет свое значение не только в отношении к тонике, но и к предшествующему аккорду, и имеет свой специфический характер. Есть недоговоренность и неопределенность и в теоретических предпосылках курса. За основание для определения взаимоотношения тонов проф. Катуар берет натуральный звукоряд, и мы в праве ожидать, что он построит на нем систему гармонии, образуя новые аккорды путем расширения ряда обертонов (сравн. Achtelik, Der Naturklang, als Wurzel aller Harmonien), но он уже на второй странице 1 главы совершенно оставляет натуральный звукоряд и строит в темперированном строе новый звукоряд из пифагорейских чистых квинт. Чтобы не вводить изучающего курс проф. Катуара в заблуждение относительно взаимоотношения сменявших друг друга тональных систем, следовало бы дать их краткую историческую схему и подчеркнуть, что построение звукорядов в курсе не вытекает ни из натуральной, ни из пифагорейской системы тонов, а является условной методологической схемой в области равномерно темперированной системы.

Проф. Катуар тщательно избегает историзма. Не говоря о туманных терминах «древность», «у древних», о спутанности названий ладов у греков (ранних и поздних) и эпохи XV—XVI веков, в курсе нет и намека на эволюцию гармонического мышления, на изменение традиций в области гармонии в связи с изменениями музыкальной эстетики. Автор подводит под свои схемы все многообразие сменявших друг друга явлений. Отсюда и «исключения» из выведенных им «правил». Вспоминается по этому поводу обобщение Игоря Глебова. «Каждому поколению специалистов-теоретиков присуще роковое заблуждение считать усвоенные ими принципы и приемы композиторской практики за альфу и омегу всего звукотворчества на всем его историческом протяжении» (Теория музыкально-исторического процесса, стр. 68 сборника «Задачи и методы изучения искусств», 1924 г., Ленинград). Современному исследователю гармонии следует начать не с разыскания «незыблемых принципов, несомненно лежащих в основе нашего искусства» (Введение к курсу, стр. 2), существование таковых более, чем проблематично, а с собирания материала (гармонического словаря и приемов) отдельных авторов и школ для создания единственно научной и указующей путь в будущее *истории* форм и методов гармонического мышления в связи с методами полифонического письма. Близкий к этим задачам труд имеется уже в Германии. Это—«Romantische Harmonik» E. Kurth'a.

Сергей Бугославский.

ИСИДОР КЛЕЙНЕР. У истоков драматургии. Опыт обоснования метода исследования драматургических произведений. С 28 таблицами и 9 чертежами. Изд. «Academia». Ленинград 1924. Стр. 126.

Работа Исидора Клейнера делится на три неравноценных по значению отдела: 1) «Введение», посвященное преимущественно методологическим предпосылкам, 2) «Анатомию драматургии Софокла» и 3) «Анализ построения драм» Софокла, включающий исследование «композиции», «действующих лиц», «архитектоники пьес» и «форм театрального действа». Последние два отдела и должны обнаружить и обосновать «метод исследования драматургических произведений», не совпадающий с анализом литературным. В «Введении» автор популярно и обще излагает необходимость его применения, оставаясь в рамках общих положений, в большинстве не вызывающих возражений, но и не приводя новых серьезных подкреплений этим общим положениям. В формулировке различий между драматургическим и литературным произведением, сводящихся, по мнению автора, к «способам производства» («драма не столько пишется, сколько *ваяется и строится*») и к «способам потребления» («задача литературного произведения — посредством чтения вызвать ряд образов. Задача драматургического произведения — организовать через режиссера актерский коллектив, дабы доставить потребителю зрительную и слуховую занимательность») — автор схематичен и ограничен: из этих общих, не раскрытых до конца положений, автором выводится «подсказанный С. Э. Радловым» и рекомендуемый автором описательный метод для изучения драматургии, который нами разработан и наименован «статистическо - формальным». Интерес этой книги заключается не в ее общих положениях, а в попытке их приложения к конкретному драматургическому материалу—произведениям Эсхила, а главным образом Софокла.

Заранее необходимо отметить безусловную ценность такого редкого в русской научной литературе опыта специфического анализа драмы. К сожалению, автор в теоретической части своей работы основывается преимущественно на произведениях русских авторов или имеющихся в русских переводах, минуя последние труды западных ученых. В такого рода работах, носящих в значительной степени характер первоначальных шагов на неисследованных путях, неизбежны нечеткость и смутность. Несвободна от них и работа Исидора Клейнера, усугубляющая их, однако, неравномерным распределением материала. В том же «Введении» автор бегло просматривает «истоки античной драматургии», «исполнителей» и более подробно творчество Эсхила, колеблясь между популярным изложением ранее известного в литературе и попыткой строгого методологического анализа. Автор дает ряд отличных наблюдений, особенно ценных в области рассмотрения влияния современной Эсхилу сцены и ее архитектуры на построении пьес Эсхила.

Более подробно автор обнаруживает свой метод во второй части своей работы, посвященной рассмотрению Софокловой «Электры», но оставляющей в тени остальные пьесы Софокла: они приведены в пересказах, мало дающих для понимания самого метода. Не было ли бы вернее поэтому, оставив в стороне Эсхила, опереться на детальный анализ большинства Софокловых трагедий, так как именно на них автор основывает третью и значительнейшую часть своей работы? По существу третья часть является сводкой и систематизацией данного во второй части.

На исчерпывающий анализ книга претендовать не может; автор, видимо, сознательно ограничивает свою задачу формальным анализом, минуя социологический анализ, но тесно связывает формальный анализ драмы с исследованием сцены и театра; и во второй и в третьей части много отличных наблюдений, несомненно обнаруживающих сценическую природу трагедий Софокла и идущих от рассмотрения *конкретного* материала: значение намеченного исследователем метода в плодотворном использовании конкретных данных драмы и театра. В области *композиции* наиболее подробно разработан вопрос об экспозиции, но общая кон-

струкция трагедий Софокла, замкнутая в круг экспозиции, завязки, катастрофы и развязки, вычерчена схематично. При анализе *архитектоники* пьес автору приходится исследовать, главным образом, драматургические приемы и условия развития действия, среди которых автор различает три основных группы: «Первая заключает в себе подготовку к появлению действующих лиц, вторая — осложнение действия и третья — театральные эффекты». К ним автор относит приемы встреч, разложения, предсказания, подозрительности, торопливости и т. д., не всегда находя этим приемам точную формулировку и надлежащий «fundamentum divisionis», но верно замечая их сценическую роль. Наиболее слабо разработан вопрос о *формах театрального действа*, где автору приходится оперировать с анализом роли актера на сцене. Как всегда, психологическое содержание образа, будучи перенесено в плоскость отвлеченной «эмоции», ущемляется и упрощается. Очень путано формулируется закон движения актера, сводящийся, по мнению автора, к следующему: «актер, находясь на сценической площадке, может оставаться на ней продолжительное время, при условии, что место действия динамизируется драматургическим событием, вследствие чего приходит в состояние движения (условное) сценическая площадка и т. д. Автор, вообще, грешит: с одной стороны—нечеткостью формулировок (формулировка задачи, собственно, завязки), с другой стороны, необоснованным схематизмом (вопрос о диспозиции персонажей и схема действия по градусам, лишенная твердых оснований). Не всегда помогают многочисленные таблицы и чертежи, не очень уясняющие мысль автора. Так, например, схема, иллюстрирующая закон о движении актера на сцене, и схема, иллюстрирующая закон о формах словесного выражения, скорее запутывают и без того сложную формулировку автора; отсюда возникает опасность «статистически-формального метода» — схематизм и перегруженность деталями.

Ценность книги Клейнера заключена в отдельных наблюдениях; если «статистически-формальный метод» остается в целом нераскрытым, то он все же дает выход и сценическому анализу драмы, путаность же формулировок следует отнести за счет неразработанности и самого метода и рассматриваемых автором вопросов.

П. Марков.

Н. ГИЛЯРОВСКАЯ. Театрально-декорационное искусство за пять лет. Издание Комбината Издательства и печати. Казань 1924 г. Стр. 64.

Значение книги Н. Гиляровской в том, что это попытка представить историю театрально-декорационного искусства за годы революции, что книга снабжена почти тридцатью снимками различных театральных постановок, за немногими исключениями — удачными, хотя и следовало дать некоторые в красках.

Но нельзя сказать, что задание выполнено удачно. Книга страдает несистематичностью не только плана, но и изложения. Перед нами не то очерки по истории театрально-декорационного искусства, не то — по истории творчества театральных художников, не то — хроника самих театров. В сущности, это наброски впечатлительного зрителя.

В книге имеется вступительный очерк о художниках-декораторах станковистах 80-х годов, об оперных спектаклях С. Мамонтова (бр. Васнецовы, Врубель, Поленов, Коровин) и драматических в Художественном театре (Добужинский, Рерих, Бенуа...), отмечено течение художественного историзма (Сомов), иллюстрационного натурализма (Добужинский, Бенуа), живописно-красочного разрешения (Лентулов, Кончаловский). Но сложная эволюция от двухмерной, плоскостной декорации к трехмерно-объемной и конструктивной, от Сапунова, Судейкина к Якулову, Рабиновичу, Поповой, Шестакову — дана разбросанно.

Попытки членения на театрально-декорационные направления—живописное, живописно-объемное и конструктивно-декорационное — не выдержаны. В самом анализе декорационно-конструктивной стороны спектакля не видно твердого метода, опирающегося на техническое знакомство с описываемым материалом.

Автору недостает строгости формального анализа. Иногда приводятся теории театральных художников: Поповой, Якулова, например. Следовало устанавливать связь театральной декорации с общими устремлениями изобразительных искусств современности. Так что читатель, знакомый с описываемыми постановками, видевший их на театре, не получает материала большего, чем тот, который был дан текущей прессой.

Определенный недостаток книги — лирический тон письма. Примеры—«Но один из замечательнейших спектаклей» «(Мистерия-Буфф» в постановке Альтмана-Грановского) и, вместе с тем, об «Евгении Онегине» (Студ. Станиславского) сказано: «Это был один из самых увлекательных спектаклей последнего времени, одно из крупнейших достижений искусства» или «Эта постановка («Принцесса Турандот») поразила весь театральный мир» и т. п.

Импрессионистическая восторженность автора книги трогательна, но сама по себе не вполне убедительна: «Якулов — нефтяной фонтан»... Отсюда отступления (два раза анализируется постановка «Лизистраты» в МХТ), случайное нанизывание материала («Но вернемся несколько назад к живописи и объему на сцене»). Отсюда и эклектизм выводов-оценок: «Быть может, прав Малый театр, охраняющий свои традиции...», «быть может, прав театр б. Корш, который хочет откликнуться на все новое», «прав и Художественный театр, прав и Камерный театр... Все пути одинаково интересны». К тому же эклектизму приводит злоупотребление словом «театральность», в силу чего «все идут к одной цели, но разными путями» (театр Таирова и театр Мейерхольда). Нужно было вскрыть острую, бурную борьбу театральных течений за истекшее пятилетие. У всеприемлющего автора книги картина театральной жизни за пять истекших лет слишком идиллична.

Социальный смысл театрально-декорационных стилей автором не вскрыт. Замечание о связи социальной революции с революцией на театре слишком обще; и пафос следующих строк хоть и искренний, но не конкретен. «Русская трагедия, площадкой которой была шестая часть света, с актерами—полтораста миллионов (Т. Гофман!) людей, была слишком грандиозна. Она породила новое миросозерцание, новый быт, новый канон красоты, она создает новое искусство, новый театр». А вместе с тем, каков же социальный смысл «Принцессы Турандот», которую Н. Гиляровская описывает так: — это «игра в театр, игра в шарады, (где) ряд молодых людей во фраках и девиц в бальных платьях приходили раскланяться перед публикой... потом на глазах публики подходили к веревочкам и пестрым тряпочкам... Что это—театр сошел в жизнь или *жизнь вошла в театр?*»; и с другой стороны — «Земля дыбом» (постановка Вс. Мейерхольда, агит-обработки революционной пьесы Мартинэ—«Ночь»)— «невероятное *смешение театра и жизни*». О какой же «жизни» идет речь?

При всей несколько хаотической группировке материала читатель получает те или иные сведения о всех новых постановках в Москве за истекшие пять лет. Ленинградских постановок Н. Гиляровская, как зритель, не касается, хотя действительно, как отмечено в книге, за малым исключением, в Ленинграде, сравнительно с Москвой, не было особых стилистических новшеств. Исключение, пожалуй,—массовые действа.

Хотя четкой группировки театральных стилей и их эволюции в книге нет, тем не менее все крупные театры и театральные художники Москвы в книге представлены: Камерный и театры Мейерхольда, Художественный с его студиями и Малый, Еврейский камерный и другие. Говорится о работах театральных художников — Лентулова и Федоровского, Нивинского и Веснина, Шагала и Рабиновича, Экстер и Якулова, Фердинандова и Шестакова, Поповой и Степановой. Так что неискушенный любитель театра в той или иной мере может по книге Н. Гиляровской ознакомиться с театральной жизнью Москвы. Оправдание автора за многие упущения — значительный материал и малый объем книги.

Книга написана, можно думать, под впечатлением бывшей в Москве выставки «Театрально - декорационное искусство Москвы 1918—1923 г.г.», в организации

которой Н. Гиляровская приняла деятельнейшее участие. Полезной памятью об этой весьма интересной выставке является каталог ее, приложенный к книге.

М. Эйхенгольц.

РЫНИН, Н. А. Кинематография. 1924. Ленгиз. Стр. 300. Ц. 3 р. 50 к. 3.000 экз.

Выход русской книги о кино уже само по себе—событие, которое следует отметить красным числом в нашем кинокалендаре. По кинематографии на русском языке почти нет ничего существенного, и несколько небольших компиляций не смогут утолить запросов все увеличивающегося кадра кино-работников, как это возможно сделать за границей, которая имеет ряд солидно и дельно написанных книг.

Книга Рынина при беглом ее просмотре производит солидное впечатление. Библиография, масса рисунков, таблицы, математические формулы, — все это говорит за то, что как будто бы книга написана не поверхностно, а с целью дать серьезный материал для ознакомления с современными вопросами кино.

Но уже предисловие разочаровывает: «специальные виды съемок требуют особых знаний». «Настоящий труд имеет целью дать общее понятие о главнейших вопросах техники съемок и проектирования движений, имея в виду как вообще лиц, интересующихся кинематографией, так и людей науки, которые пожелали бы воспользоваться этим ценным методом для своих исследований». Что касается «людей науки», то, по моему мнению, они всегда найдут для себя возможным обратиться к первоисточнику, как это рекомендует и автор, хотя бы в § 5. «Простейшие приемы фотографирования движений», которые, между прочим, теперь носят название хронофотографии и метода циклограмм в изучении трудовых движений и распространены довольно широко (см. работы Ц. И-та Труда), о чем нет в книге ни слова.

Когда пишут книгу, она должна иметь целевое задание, и особенно теперь, когда появляется новый читатель, не привыкший к выискиванию смысла между строк, когда молодой рабочий и комсомолец хотят получить точные ответы на волнующие их вопросы. Эта книга по своему содержанию такие ответы им дать не сможет. Она вся посвящена, и довольно поверхностно, в своеобразном, но мало систематизированном виде, изложению различного рода способов кино-съемки: быстрых движений, снарядов, рентгена, микроцветной и говорящей кинематографии и т. п. Конечно, и это необходимо, эти вопросы также стоят на очереди. Но книжка Лемана, недавно вышедшая на русском языке, более дешевая и компактная, делает это не хуже, а в некоторых случаях и лучше, чем толстая и дорогая книга тов. Рынина.

То, что сейчас необходимо, что интересует и изучается студентом кино-техникума, механиком, начинающим оператором и режиссером, слишком мало освещено и поверхностно изложено.

Указания автора, что вопросы применения кино в технике намеренно не затронуты в этой книге и они будут сообщены в выпускаемой им же переводной книге Лассали «Betriebskinematographie», также даст мало, так как эта книга трактует о кино в технике, а не о *технике* кино, что сейчас нам так необходимо. Общее впечатление от книги я сказал бы «дилетантское». Надерганы различные сведения и способы, но общего стержня нет. Конечно, совершенно не нужны в ней такие страницы, как 133—138, являющиеся точным переводом книги Форха («Der Kinemat. und das sich bewegende Bild», 1913, стр. 16—20) о расчетах мальтийского креста, там они необходимы, так как книга сообщает о специальных расчетах кино-аппаратов, здесь же только подавляет читателя своей ученостью и формулами.

Но и в изложении автор допускает некоторые неточности и неправильности. Язык также местами шероховат и мало вразумителен. Напр., на стр. 26 мы находим: «объектив отбрасывает на экран пучок света с большим *раствором*(?) (углом); для театров нормальной ширины пригодны более всего *шертинговые* экраны, т.-е. матерчатые, и только указание на таблицу выясняет, что это— экраны алюминиевые. Ниэпс дважды

назван Ниэнсом (36). Неясно изложен процесс дагеротипии, ничего не сказано о бромистом серебре, а только в конце главы поясняется, что пластинки покрыты бромо-желатиновой эмульсией. Пластинки не промывают в жидкости, а погружают в жидкость (39). Фиксация совершенно иное, что фиксирование. Целлит не «ацетито-производное целлулозы», а ацетил целлулоза (54). Внутри объектива не две диафрагмы, а только одна, вторая никакого отношения к объективу не имеет и употребляется для иной цели, о чем и рассказывается дальше; но по подписи на рис. 70 она не уменьшает размеры изображения, а только поле изображения, так же как и внутренняя диафрагма не уменьшает ясности изображения, а изменяет светлость изображения (она его затемняет). Почему автор берет ширину щели обтюратора в миллиметрах, совершенно не ясно (стр. 79). Во всех руководствах ее указывают в градусах, и это имеет серьезное основание, так как работают с диском, а не со шторкой. Данные таблицы не позволяют ориентироваться и правильно употреблять затвор. Таблица на стр. 80 по этой причине мало полезна, и ее следовало бы заменить другой, хотя бы позаимствовав у Лобеля.

Совершенно иное впечатление производит последняя глава — кино-перспектива. Она написана знатоком дела и дает весьма интересные проблемы в области съемки. Этот вопрос затронут впервые в специальной литературе, и автор, как специалист по вопросам перспективы, совершенно правильно подходит к теории кино-перспективы, намечая ряд теорем. Эта глава с большим интересом прочитается как режиссером, так и оператором, желающим дать себе отчет в построении кадра и его разрешения. Эта глава, изданная отдельно, явилась бы ценным вкладом в кино-науку и может считаться первой попыткой научного метода, который необходим кино в построении кино-картины.

Издана книга хорошо. Масса рисунков (свыше 300) значительно облегчает чтение и поясняет текст.

Но... все же такое издание в настоящее время для нас—роскошь. Оно дает общие, поверхностные сведения, плодит дилетантизм, а сейчас нам нужны четкие, точно и ясно написанные книги практического характера, хотя бы и переводные, как это делают такие издания, как Лобель «Техника кинематографии» или Лескарбура «Cinema Handbook, 1921».

Конечно, широкая публика, интересующаяся кино, с удовольствием, поверхностно перелистает эту книгу, но тогда она едва ли достигнет той цели, для которой она была предназначена и к чему стремится Ленгиз, выпуская книгу о кино.

Проф. Н. П. Тихонов.

ИСКУССТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. Журнал. Изд. «Рабочей Газеты». М. 1924. № 1. Стр. 128. № 2. Стр. 128. In 4°.

В Америке существуют еженедельные или двухнедельные журналы бульварного типа, обильно иллюстрированные плохими репродукциями, но ловко смонтированные, с аршинными заголовками. Обычно такие журналы бывают посвящены какой-либо одной области, но это только так,—для виду. Соль же во второй половине, наполненной репортажем из жизни «Пятой Авеню» с портретами миллионеров и подробнейшими описаниями их увеселений, туалетов и стоимости оных. «Искусство и промышленность»—отечественный тип такого журнала, с той только разницей, что за буквой «и» во второй части журнала следует репортаж не «Пятой Авеню», а трестов, впрочем, в том же рекламном духе, с портретами директоров и членов правления, созерцание чьих физиономий долженствует, очевидно, потрясти воображение читателя и наглядно показать процветание возрождающейся промышленности. Органичность связи искусства с «Винсиндикатом» и «Кредит-Бюро» постигаешь, натолкнувшись в статейке «Советские рояли» (№ 1) на цитату из письма Эгона Петри Музпреду, живо напоминающего «письмо французского генерала»: «Милостивый государь! Восемьдесят лет я был лысым... прошу выслать сто флаконов вашего Перуина для раздачи жаждущим знакомым»...

В первой части журнала, наполненной, с позволения сказать, статьями по искусству,— полный сумбур: печатается, очевидно, все, что удалось добыть досужим сотрудникам, начиная от Дагестанской выставки и рисунков детей и кончая никому не нужной статьей о давно всеми забытом Лемане и неизданными рисунками Врубеля. Статьи столь умело «обработаны», что по языку и стилю похожи друг на друга, как родные сестры, не оставляя ни малейшего сомнения, что фамилия редактора Смирнова с успехом могла бы быть заменена фамилией старого знакомца Шебуева. Не позабыты, конечно, и обзоры театров, кино и балета, написанные типичным репортерским языком театральных журнальчиков.

«Цель нашего журнала,—пишется во втором номере жирным шрифтом,— показать заграница истинное, здоровое советское искусство». Для сей благочестивой цели предпринято печатание извлечений из статей и убийственных своей бульварной бесшабашностью надписей на трех языках, кроме русского. Переводы, надо полагать, присылаются специальным сотрудником из Нижнего. В тех же целях предпринято и гонение на левое искусство, понимаемое столь своеобразно, что читатель с удивлением зрит Кончаловского, Лентулова и Восьмеркина причисленными к лицу Лефа, кстати сказать, производимого нашими остроумцами из неправильного (акцентированного) произношения слова «левый».

Серьезно критиковать содержание статей этого журнала невозможно, так как что̀ можно сказать о писаниях людей, публично рекламирующих свою гомерическую безграмотность в вопросах художественной формы в статье с многоумным заглавием «Принцип относительности в искусстве» и преподносящих в качестве вновь открываемой Америки копирование произведений скульптуры («Музеефикация»), когда, уж если и не знать о Западе, у нас в Москве уже 11 лет существует «Музей изящных искусств», термолитовые дома и известную еще нашим прабабушкам, ездившим в возках, мебель, соединяющую несколько назначений в одном предмете.

Но на что следует обратить серьезное внимание, это—на общее направление журнала, на его тон, выявляющий какое-то новое «советское черносотенство». Охотнорядский квасной патриотизм («Запад нам не указка. Скоро запад пойдет по нашей указке». № 2. Стр. 27), с пространными рассуждениями о «русском народе», с бульварной патетикой («великая революция», «большие и прекрасные комнаты», «чудесное произведение», «великий писатель Андреев», «великий поэт наших дней Тагор» и т. д., и т. п.) совмещен здесь с безудержной травлей левого искусства. Можно отрицать левое искусство, хотя бы и причисляя сюда сезаннистов, но нельзя же кричать: «бей левых!». Это слишком уже похоже на весьма когда-то распространенный патриотический клич сидельцев Охотного ряда. И, главное, что̀ вместо сего предлагается восхищенному пролетариату, от лица которого собирается говорить и законодательствовать журнал, очевидно, точно по анкетам выяснивший художественные вкусы пролетариата и заручившийся от него соответствующим мандатом? Чайники, расписанные Чехониным, нелепую декадентскую «советскую мебель» самого дурного вкуса (проекты ее были выставлены недавно на выставке Вхутемаса с подписью: «как не надо делать») и тому подобную допотопную рухлядь.

Можно только надеяться, что в силу своей очевидной никому ненужности, журнал не сможет развратить наши, к сожалению, еще очень художественно некультурные массы, прививая им ложный, мещанский вкус. Тем не менее надо всячески протестовать против существования этого бульварного, мещанским лавочным нэпом рожденного журнала, от которого веет смрадным духом помойной ямы. В современной России стыдно иметь такой журнал а тем более должно быть стыдно издающей его «Рабочей Газете».

Ольгин.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Многоуважаемый
Гражданин Редактор!

Позвольте через посредство вашего журнала предать гласности следующий факт.

На-днях я ознакомился с изданной Ленинградским журналом «Жизнь Искусства» книгой «Фарфор и фаянс. Указатель марок». К книге приложена «Библиография керамики на русском языке», составленная, как скромно указано в заголовке, «Э. Голлербахом».

При ближайшем рассмотрении, однако, не трудно убедиться, что из 278 названий, приведенных в этой «библиографии», 190 буквально перепечатаны из составленного мной и изданного в 1922 г. в Харькове книгоиздательством «Горняк» «Указателя русской литературы о фарфоре».

Перепечатка сделана настолько тщательно, что мой «Указатель» воспроизведен *весь целиком* (в нем и было только 190 названий) со всеми опечатками и неточностями. Если у меня напечатано «фортуны» вместо «фортуни», то и гр. Голлербах пишет «фортуны» и т. д., и т. д.

Если даже допустить такое редкое совпадение, при котором позднейшему составителю библиографии оказываются известными *все 100%* приведенных в моем указателе названий книг и журнальных статей, включая самые мелкие, то уже несомненным плагиатом является *дословная перепечатка* характеристик трудов по керамике, которые у меня приведены почти при каждом названии.

Обнаружив такое трогательное единодушие со мной в оценке работ Селиванова, Лазаревского, Вольфа, Тройницкого и других, гр. Голлербах даже не потрудился пересказать мои характеристики своими словами, а предпочел прибегнуть к помощи ножниц и клея.

Принося гр. Голлербаху благодарность за издание моего «Указателя» в дополненном виде (кстати, я сам собирался это сделать), я все же не могу не охарактеризовать его поступок, как далеко выходящий за пределы литературной этики.

П. Гурвиц.

Харьков,
сентябрь 1924 г.

СССР.

Коммунистическая Академия.

▫ В начале 1925 года Коммунистической Академией сдается в печать Энциклопедия Государства и Права под общей редакцией члена Академии П. И. Стучка. В издании, рассчитанном не менее чем на 50 печ. листов, все статьи носят строго марксистский и коммунистический характер. В Энциклопедии все основные вопросы права и государства впервые подвергнуты революционно-марксистской разработке. Редакторами отделов Энциклопедии являются: В. Адоратский, И. Войтинский, А. Вышинский, Г. Гурвич, Д. Кузовков, Г. Михайлов, С. Прушицкий, Е. Пашуканис, И. Разумовский, П. Стучка, Б. Штейн, А. Эстрин.

▫ Отмечаем состоявшийся недавно доклад К. Радека «Существо и перспективы так называемой эры пацифизма», в котором докладчик обрисовал соотношение империалистических поползновений европейских стран, Америки и Японии. Особенно подробно докладчик остановился на репарационном «плане Дауэса», на его подлинном значении и содержании, на скрытой, за кулисами якобы «пацифизма» и «демократизма», борьбе за координацию и блокированье интересов англо-американского капитала.

▫ В секции Научной методологии состоялся доклад, посвященный «Критике теории относительности». Из докладов, прошедших за отчетное полугодие (апрель—октябрь текущего года) отмечаем доклад Юринца — «Эйнштейн и марксизм».

▫ В кабинете Международной политики подготовлены к печати сборники материалов под общим заголовком «Библиотека Международной Летописи». Первый сборник — «Германские репарации и доклад экспертов» — с предисл. Ф. А. Ротштейна и вступительным очерком Е. Варги, сдан в печать. Приготовлен к печати также второй сборник «Лондонская конференция союзников» с вводной статьей К. Радека.

▫ Секцией Советского Строительства, кроме упомянутой «Энциклопедии права», подготовлен к печати ряд работ, в том числе работа В. Максимовского «Ленин о советском строительстве». Секцией редактируется журнал «Власть Сотов».

▫ В кабинете Истории революционного движения в России приготовлен систематический указатель легальной социал-демократической литературы и ведется подготовка указателя по нелегальной печати.

▫ В работе издательства находится также сборник по истории новой философии под редакцией А. Деборина.

▫ В конце ноября в Академии состоялось годичное общее собрание членов Академии, заслушавшее отчет о работах Коммунистической Академии и план на предстоящий год. Докладчиками выступали Е. А. Преображенский и В. П. Милютин. Собрание заслушало также отчет о состоянии и работе библиотеки Академии. Докладчиком по этому вопросу выступал Н. Н. Лукин.

▫ Из намеченных работ отмечаем — по плану, выработанному Секцией Советского Строительства—государственное устройство СССР—«Советское Государство».

Институт К. Маркса и Фр. Энгельса.

▫ Институтом закончен перевод «Диалектики в природе» Фр. Энгельса; в ближайшее время рукопись будет опубликована. Перевод, сделанный П. Юшкевичем, Институтом редактируется и готовится к печати.

▫ Заканчивается перевод комментариев Маркса к Гегелевой философии права, осуществляемый А. Н. Гуттерманом.

▫ Готовится новое издание работы Энгельса «Происхождение семьи и частной собственности» с приложением новонайденной рукописи Энгельса «Древняя история германцев» (Urgeschichte der Deutschen). Для примечаний будут использованы заметки Маркса и Энгельса о первобытном обществе.

▫ Готовится новое издание работы «Классовая борьба во Франции» с предисловием Фр. Энгельса, с приложением неопубликованных до сих пор писем Энгельса, относящихся к вопросам, затронутым в этом предисловии.

▫ Готовится новое издание известной работы К. Маркса «Заработная плата и капитал», дополненное новонайденной рукописью Маркса о заработной плате.

▫ Подготавливается новое критическое издание работы Фр. Энгельса о Людвиге Фейербахе, дополненное недавно опубликованными в 1-м т. Архива главами «Немецкой идеологии» и снабженное дополнительными примечаниями Г. В. Плеханова.

▫ В ближайшем будущем выходит III том Сочинений Маркса и Энгельса, куда, кроме «Святого Семейства» и «Положения рабочего класса в Англии, войдет еще ряд газетных и журнальных статей К. Маркса и Ф. Энгельса от 1845 года.

Готовятся IV и V томы, которые содержат «Немецкую идеологию» с неопубликованной перепиской, освещающей историю переговоров с издателями об издании этой работы.

▫ На-днях выходит из печати подготовленный Философским кабинетом Института том Сочинений Ламетри.

▫ В печать сдается II том Фейербаха.

▫ Готовится II том Архива Института, в котором среди ряда других материалов будет опубликована неизвестная, чрезвычайно интересная работа К. Маркса «Борьба между Горой и Жирондой». Эта работа относится приблизительно к 1843 году, когда Маркс, предполагая писать «Историю Конвента», делал заметки и выписки, из которых дошла до нас названная, небольшая по размерам, но очень интересная работа.

▫ Готовится полное собрание писем К. Маркса и Энгельса в 5—6 томах, включающее переписку, изданную Бебелем и Э. Бернштейном в 4 томах, и дополненное рядом неопубликованных писем, множеством необходимых исправлений, уточнений и восстановлений текста писем, искаженных в прежних изданиях.

▫ В текущем академическом году выйдет I том Сочинений К. Маркса и Фр. Энгельса на немецком языке. Во время летней поездки за границу Д. Б. Рязанову удалось подготовить, согласно резолюции Конгресса Коминтерна и XIII съезда партии, возможность названного издания.

Ассоциация Научно-Исследовательских Институтов Общественных Наук.

▫ Ассоциация Научно-Исследовательских Институтов при Факультете Общественных Наук 1 Моск. Унив. преобразована в новом академическом году (1924—25) во Всероссийскую Ассоциацию. Кроме входивших ранее в Ас-ию Институтов Исторического, Экономического, Советского Права, Языковедения и Истории литературы, Археологии и Искусствознания, Научной Философии и Экспериментальной Психологии, в нее вошли: Институт Сравнительной Истории литературы языков Запада и Востока (Ленинград), Экономо-Географический (Ленинград), Кабинет по изучению марксизма при Восточном Педагогическом Институте (Казань), Сельско-Хозяйственной экономии (Москва).

Организационный период объединения еще не закончен и сводка работ Институтов относится к прежнему их объединению.

▫ В состав президиума Ассоциации входят: председатель М. Н. Покровский, члены: Волгин, В. П., Кузовков, Д. В.,

Ротштейн, Ф. А., Сережников, В. Н., Степанов-Скворцов, И. И., Удальцов, И. Д., секретарь президиума Бронштейн, М. И.

▫ Основной задачей Ассоциации является подготовка новых кадров научных сил из числа молодых ученых и урегулированье условий научно-исследовательской деятельности. В числе подготовляемых мероприятий значится также организация опубликования в печати научных трудов институтов, организация материальной поддержки научной работы, учреждение новых и повышение уровня работы существующих вспомогательных учреждений Ассоциации.

▫ В состав научных работников Ассоциации входит около 250 действительных членов и старших научных сотрудников и около 100 младших научных сотрудников.

Исследовательский Институт Языка и Литературы.

Методологическая Секция Исследовательского Института Языкознания и Истории Литературы в текущем академическом году поставила своею целью разработку проблемы стиля с точки зрения марксистского метода, в частности, стиля реализма. После нескольких заседаний, посвященных выработке плана работ, состоялось два заседания с докладами вводного характера. Проф. П. Н. Сакулин прочел начало своей большой работы о теории литературных стилей под заглавием «Сущность стиля». Оппоненты указывали, что доклад является чисто информационным и дает слишком общее определение стиля, как совокупности приемов писателя или эпохи, объединенных общей целеустремленностью. Второй доклад был сделан председателем Секции проф. В. М. Фриче на тему «Проблема стиля с марксистской точки зрения». Изложив существующие в марксистской литературе взгляды на сущность стиля, В. М. Фриче дал определение стиля, понимая под ним совокупность художественных приемов, воспроизводящих и выявляющих в области художественного творчества психологию того или иного класса или социальной группы в связи с общими экономическими условиями эпохи. На ближайшем заседании проф. Сакулин продолжает свой доклад и читает главу «Классификация стилей».

Лингвистическая секция.

▫ За последнее время в секции состоялись два заседания, посвященные организационным вопросам — проведению в жизнь принципов коллективной работы. Для этой работы намечены темы: изучение языка В. И. Ленина и социально-диалектологическое изучение Московской губернии. Из научных докладов отмечаем доклад Р. И. Шор «О многозначности слов». На докладе присутствовали находившиеся в то время в Москве акад. Ольденбург и акад. Н. Я. Марр.

Из предстоящих докладов отмечаем— проф. М. Н. Петерсона «Новейшие работы по синтаксису» (главным образом, о работе Карла Бюлера).

Русская секция.

▫ В Русской секции Института состоялся ряд докладов, из которых мы отмечаем: *В. Ф. Переверзева* о стиле Достоевского; *Н. Н. Фатова* — Социальные корни творчества Неверова; *А. Я. Цинговатова* — Социологический анализ стиля поэмы Блока «Двенадцать» и *В. Ф. Ржиги*—Повесть о Михаиле Скопине-Шуйском (Анализ стиля).

Институт Научной Философии.

▫ После летнего перерыва Коллегия Института Научной Философии, во главе с А. Дебориным, была, главным образом, занята организацией работы с научными сотрудниками 2 разряда. В настоящее время эта работа закончена, и младшие научные сотрудники приступают к выполнению учебного плана.

Ближайшей задачей Института является организация докладов действительных членов и научных сотрудников 1 разряда на следующие темы: 1) О материализме Спинозы. 2) Наука Демокрита. 3) Логический идеализм современного ревизионизма. 4) Влияния современников

на французских материалистов XVIII в. 5) Социальная философия Макса Шелера на фоне современной эпохи. 6) Основы диалектики природы. 7) О Гуссерле. 8) О неореализме и других родственных течениях.

Пушкинская комиссия Общества Любителей Российской Словесности.

▫ Пушкинская Комиссия Общества Любителей Российской Словесности, собирающаяся ежемесячно, заслушала с осени 1924 г. два доклада. Ак. М. Н. Розанов прочел сообщение о стихотворении Пушкина «Из Пиндемонте». С неопровержимой несомненностью ак. Розанов доказал, что заглавие этого замечательного стихотворения не мистификация, как думали обычно пушкинисты, а что действительно идеи этого стихотворения, особенно его второй части (положительной), близки к идеям Пиндемонте. Что же касается первой части стихотворения (отрицательной), то столь же несомненно устанавливается связь этих идей с идеями Альфреда Мюссе, чем и объясняется первоначальный вариант заглавия «Из А. Мюссе». Эта связь с творчеством иностранных писателей, конечно, не делает этой пьесы не самостоятельной. Что же касается обычно читающегося заглавия «Из VI Пиндемонте», то цифра VI попала сюда по недоразумению— представляя собою цифру из нумерации серии стихотворений по порядку.

▫ Второй доклад был прочитан И. Р. Эйгесом на тему «Пушкин и музыка». Докладчик с большой обстоятельностью установил, что обычное представление о Пушкине, как о необычайно музыкальном поэте,—неверно. Все писавшие о музыкальности Пушкина путали две совершенно разные вещи — музыкальность стиха и музыку, как совершенно самостоятельное искусство. Пушкин, правда, обнаружил гениальное проникновение в область музыки в «Моцарте и Сальери», но во всем остальном он никакой особой музыкальности не проявлял, и когда говорил о песне, то более думал о ее словах, чем о музыке. Часто у него было даже шутливое отношение к музыке, и о ней он выражался в немузыкальных терминах. В прениях, в которых участвовали проф. консерватории А. Б. Гольденвейзер и проф. П. Н. Сакулин, докладчик встретил очень горячие возражения по существу; указывалось также и на то, что он подошел к пушкинской поре с современными требованиями глубокого понимания музыки.

▫ В дальнейшем намечаются доклад В. В. Вересаева «Таврическая Звезда», П. Н. Сакулина «Пушкин в Японии», В. В. Руслова «Новости пушкинского текста и иконографии» и доклад М. А. Цявловского о поездке в с. Михайловское на празднование столетнего юбилея ссылки Пушкина в Псковск. губ., а также ряд докладов социологического характера.

▫ На-днях вышел первый том органа Пушкинской Комиссии «Пушкин» в изд. Госиздата. В сборнике статьи проф. Сакулина, Н.К. Пиксанова, М.О. Гершензона, Л. П. Гроссмана, В. Я. Брюсова, Н. Ф. Бельчикова и др., хроника работ по Пушкину ОЛРС и Пушкинской Комиссии с 1917 по 1923 г. и начало полного описания пушкинских рукописей Румянцевского Музея с транскрипцией всего текста и с фототипическим воспроизведением.

Академия Художественных Наук.

▫ Из состоявшихся за последние два месяца (октябрь — ноябрь) в секциях и отделениях Академии докладов отмечаем: *В Литературной Секции.* В. В. Шкловского «Современная русская проза», Г. А. Винокура «Биография, как научная проблема», Б. И. Ярхо «О границах литературоведения». Последнему докладу было посвящено два заседания. Кроме того,— той же теме на объединенном заседании литературной секции и философского отделения Академии был посвящен доклад Г. Г. Шпета. Прения по докладу затянулись и были отложены на следующее заседание. Среди выступавших отметим проф. П. Н. Сакулина и Б. И. Ярхо, критиковавших и общие и частные положения Г. Г. Шпета, попытавшегося очертить методологию литературоведения без всякой эстетики, на основании формальной логики. Доклад отграничивал также литературоведение от социологических и истори-

ческих исследований. Возражавшие отмечали спорность ряда положений своеобразного формализма Г. Г. Шпета, возражая, главным образом, против сужения рамок науки о литературе... Возраженья коснулись также принципиального различения, устанавливаемого докладчиком, между литературой письменной, «закрепленной в знаке» и всякими видами устной словесности.

▫ Отметим также доклад *П. Н. Сакулина* «Литературная критика и ее отношение к истории литературы», *М. Д. Эйхенгольца* «Литературные группировки и манифесты XX века во Франции», *В. И. Нейштадта* «О принципах стихотворного перевода», *Р. И. Шор* «О принципах Ведийской интерпретации», *Н. К. Гудзия* «Дружинин, как литературный критик».

▫ В ноябре на совместном заседании Литературной секции с подсекцией народной словесности был заслушан ряд докладов на тему «Поэтическое творчество современной деревни»; Ю. М. Соколова — «Об изучении современного творчества», Б. Г. Вебер—«Подход к населению», Р. И. Аванесова — «Местная речь», М. А. Рыбниковой—«Сказочники», Е. А. Дроздовской—«Обрядовые песни», Е. В. Тагер—«Лирика», В. И. Князева—«Поэты-самоучки» и А. Г. Цейтлина — «Частушки».

▫ Из состоявшихся в Ассоциации по изучению *А. Блока* докладов отмечаем: *Е. Ф. Книпович*: «Блок и Гейне», *С. М. Городецкого* «Блок и пролетарская поэзия», *Г. И. Чулкова* «Блок и его время».

▫ Из состоявшихся в *полиграфической секции* за последнее время докладов отмечаем сообщение Ф. А. Катловкера о современных достижениях полиграфического производства в Западной Европе и его ближайших задачах.

▫ В живописной подсекции (пространственных искусств) стилистике экспрессионизма был посвящен доклад М. И. Фабриканта. На тему «Русский экспрессионизм» был заслушан доклад Н. М. Тарабукина, вызвавший оживленные прения.

▫ В середине сентября состоялось пленарное заседание Академии, посвященное памяти Д. А. Ровинского по случаю 100-летия со дня его рождения, заседание происходило совместно с О-вом друзей книги, Музеем 40-х годов и Ученой Комиссией при Музее Старой Москвы. Выступали с речами на заседании проф. А. А. Сидоров, проф. В. Я. Адарюков и С. П. Кара-Мурза.

▫ Литературной Секцией Академии были выпущены в 1923—24 академическом году: «Летопись жизни Белинского», составленная Н. Ф. Бельчиковым, Ю. Г. Оксманом, П. Е. Будковым, под ред. Н. К. Пиксанова, затем сборник статей и материалов «Венок Белинскому» под ред. Н. К. Пиксанова.

▫ Сдан в печать Ежегодник Комиссии по изучению Достоевского, в который вошли статьи Б. А. Грифцова «Поэтика Достоевского», М. А. Петровского «Композиция „Вечного мужа“»; Л. П. Гроссмана «Прообразы Ставрогина», В. С. Нечаевой «Хозяйка» и ранние фельетоны Достоевского. Архивные материалы: «Из рукописей „Братьев Карамазовых“» с комментариями Л. П. Гроссмана; неизданные письма Достоевского с комментариями и примечаниями; «Из рукописных заметок Достоевского» — комментарии Н. Л. Бродского.

▫ Приготовлены к печати: 1) сборник статей по поэтике и литературной методологии под ред. М. А. Петровского; 2) Сборник материалов и исследований по фольклору под ред. Ю. М. Соколова; 3) Жизнь и труды Достоевского (биографическая канва) под ред. Л. П. Гроссмана.

▫ Из работ *Библиографического кабинета* Академии в скором времени выходит из печати библиографический указатель Н. М. Ченцова «Юбилейная литература о Достоевском». Подготовленная к печати работа Р. С. Мандельштам «Библиография А. Н. Радищева» под ред. Н. К. Пиксанова принята к печати Ленгизом.

▫ Готов к печати и ряд других библиографических работ П. Е. Будкова, Н. М. Ченцова, Р. С. Мандельштам и др.

▫ *Театральной секцией* сданы в печать: 1) перевод «Шести комедий» Карла Штернгейма, 2) рукописные материалы музея имени А. Бахрушина. Вып. I. *Музыкальной секцией* сданы в печать: работа проф. К. А. Кузнецова «Глинка и его время» и подготовленный истори-

ческим отделом секции Танеевский сборник. На разработке и обследовании архива С. И. Танеева было сконцентрировано главное внимание исторического отдела секции в истекшем академическом году.

▫ Комиссией по изучению примитивного искусства при Физико-Психологическом Отделении Академии в 1923 — 24 академическом году приготовлен к печати ряд работ, посвященных изучению пространственных построений детского творчества — Ю. А. Александровой, Н. П. Сакулиной, Л. Н. Крюковой, Л. П. Зеделер; Е. А. Флериной (Детская скульптура), Г. И. Журиной «Декоративно-орнаментальное творчество у детей». Проблеме изучения пространства в египетском рельефе и живописи посвящена работа Л. В. Славянской; «Пространство в ассиро-вавилонской архитектуре» — рассматривает работа А. М. Лесюка. Кроме того, готовы к печати работы А. В. Бакушинского «Эволюция восприятия творческого выражения и художественной формы в примитивном искусстве» и «Игрушка, как разновидность примитивной скульптуры».

▫ В Отделе изучения Революционного Искусства при Социологическом Отделении разработан ряд архивов, относящихся к регулированию жизни искусства в эпоху революции. Отделом подготавливается к печати часть разработанных материалов архивного и библиографического характера.

▫ *Философским Отделением* Академии подготовлены к печати: Гегель «Введение в эстетику», перевод и редакция Г. Г. Шпета; Зиммель «Гете», перевод А. Г. Габрического и Б. В. Шапошникова, Леонардо-да-Винчи «Трактат о живописи» перевод М. Сергеева. Подготовлен, кроме того, I том трудов Комиссии по изучению проблемы художественной формы, в который, кроме ряда докладов, заслушанных в заседаниях Комиссии, входит статья М. М. Кенигсберг «Опыт анализа стиха».

▫ Из работ Научно-Показательного отдела Академии отметим организованную по инициативе Ю. М. Соколова, совместно с Фоном 1 МГУ и Высшим Литер.-Худож. Институтом им. В. Я. Брюсова, экспедицию по научному собиранию фольклора (Переяславль-Залесский уезд, Владимирской губ.). В экспедиции, руководимой Ю. Соколовым, принимали участие студенты МГУ, Литер.-Худ. Ин-та, И-та Слова, преподавательница М. А. Рыбникова, ист. литературы А. Г. Цейтлин. Экспедицией, при содействии местного ученого краеведа М. М. Смирнова (директора Переяславского Краевого Музея), обследован быт и поэтическое творчество ряда деревень, собран очень интересный материал, записаны обряды, песни, заговоры, частушки, несколько исторических песен, редкий вариант древних аграрных заклинательных обрядов.

Некоторыми участниками экспедиции исследовался местный говор. В поле зрения экспедиции находилось свыше 10 деревень и селений уезда. Собран интересный материал, характеризующий явления нового революционного быта и новых поэтических влияний на крестьянство. Часть участников экспедиции, кроме того, использовала конец лета для собирания материала в других местностях (Рязанской, Московской губ., в Крыму, в Бухарской Республике).

▫ В настоящее время Российской Академией Художеств. Наук организуется Выставка революционной литературе, которая откроется в январе 1925 г. В центре выставки ставится рабоче-крестьянское творчество в его развитии, но наряду с этим будет уделено место работе и других писателей, отразивших в своих произведениях октябрьскую эпоху. Комитет Выставки вошел в контакт с рядом московских литературных организаций и журналов, как Пролеткульт, Октябрь, Перевал, Кузница, ВАПП, МАПП, Молодая Гвардия, Коллектив им. Неверова, Всер. Союз Крестьянск. Писателей и др., а также с литературными организациями провинции и с отдельными пролетарскими писателями. Материал для Выставки поступает непрерывно.

НА ЗАПАДЕ.

ФРАНЦИЯ.

По журналам.

▫ В ноябре в «Revue des Deux Mondes» начал печататься новый роман Henry Bordeaux «Vie et Mort d'un Chamois».

▫ В «Revue des deux Mondes» от 15 октября помещен научный обзор Charles Nordmann'a, посвященный новому достижению кино: кино-движущимся китайским теням, демонстрируемым в последнее время.

▫ В октябрьском номере «Revue de Paris» помещена статья Маклакова, посвященная политическому положению России в годы 1900—1917.

▫ В «Mercure de France» от октября напечатана большая статья H. D. Davray о Джозефе Конраде.

▫ В «Le Correspondant» от 25 октября закончились печатанием — в нескольких номерах журнала — воспоминания Джозефа Конрада в переводе G. Jean-Aubry.

▫ «Revue de Paris»—журнал, в котором *Анатоль Франс* печатал все свои последние произведения («Маленький Пьер», «Жизнь в цвету» и пр.)—в своей ноябрьской книжке печатает две мало известные статьи Франса, посвященные Виктору Гюго и Ренану. История их такова: Франс в конце восьмидесятых годов редактировал отдел «Courrier de Paris» в журнале «L'Univers Illustré», где еженедельно помещал литературные статьи и хронику под псевдонимом Jérôme. Статьи эти, почти совсем неизвестные и забытые, войдут в готовящееся сейчас полное собрание сочинений Франса.

▫ В той же книжке журнала Франсу посвящена большая статья Анри Биду (Henry Bidou).

История литературы.

▫ В ноябре появилось новое иллюстрированное Perrishon'ом издание книги А. Франса «В садах Эпикура» («Jardin d'Epicure»).

▫ E. Bourgeois и L. André издали библиографию брошюр, газет и памфлетов XVII века. Книга, снабженная подробным предисловием и большим количеством примечаний, представляет собой очень ценный справочник. «Les Source de L'Histoire de France XVII siècle. Journaux et Pamphlets», изд. A. Pucard.

▫ Несколько неизвестных до сих пор критических заметок о театре и драме Альфонса Додэ, относящихся к 1877—1880 годам (период работы Додэ в «Journal Officiel»), изданы теперь в отдельной книге «Page inédites de critique dramatique», изд. Flammarion.

▫ В начале ноября вышла книга Henri Malo, посвященная характеристике двух интересных фигур литературной жизни Франции начала XIX в. Sophie Gay и ее дочери Delphine Gay (в замужестве Girardin). В работе Мало приводится множество новых интересных материалов о ряде выдающихся писателей и поэтов той эпохи — Вольтере. Альфреде де-Виньи, де-Сталь, Ламартине. Шатобриане, Стендале, Викт. Гюго и др. Книга представляет значительный, по отзыву Emile Henriot («Temps» от 21/X), историко-литературный и историко-культурный интерес.

Интерес к Гете.

▫ Недавно вышел ряд новых французских переводов Гете, в том числе 4-томное собрание переписки Гете и Шиллера («Correspondance 1784—1805», изд-во Plon), снабженное предисловием L. Herr'a. Это издание вышло в серии иностранных авторов, публикуемой под общей редакцией Шарль дю-Бо (Charles du Bos).

▫ В изд-ве Grasset в серии «Зеленых тетрадей» (Cahiers Verts), выходящей под редакцией D. Halévy, опубликован в переводе с немецкого издания первый вариант «Вильгельма Мейстера» Гете под названием «La vocation théâtral de Wilhelm Meister». Издание снабжено предисловием M. Arnault.

▫ В изд-стве «Monde Nouveau» вышел перевод произведения Гете — «Le serpent vert», с предисловием и комментарием Освальда Вирта, под ред. Альбера Лянтуан (Albert Lantoin).

Новые романы.

▫ В конце ноября в изд. Les Editions de France вышел новый роман *Марселя Пруста* под названием «Sa Maitresse et Moi».

▫ Критика отмечает роман Alexandre Arnoux «Le règne du bonheur», вышедший в изд. A. Fayard. Роман этот, одновременно философский и фантастический, написан очень ярко и живо. Пьеса-феерия «Petite Lunière et L'Ourse» того же автора шла в прошлом сезоне в молодом театре «L'Atelier», режиссером и директором которого является Ch. Dullin.

▫ Из числа романов отметим три романа, написанные молодыми писательницами. Особенно отмечается критикой психологический роман Ch. Aimery «Le masque du devoir» (изд. Librairie Pergrint). Психологии детской и девичьей души посвящен роман J. Cehullz «Precoce avril» (изд. B. Grasset). Интересен также роман M. Gautier «Satan, qui le connait» (изд. Librairie Baudinière).

▫ В изд-стве Calmann Lévy вышел роман Ивон Ляпакелери (Ivon Lapaquellerie), озаглавленный «Семь грешниц, брак и Синяя борода». Иронический сюжет этого романа и остроумная его разработка сочувственно встречены французской критикой.

▫ Из вышедших за последнее время книг статей отметим: «L'ésprit de France» M. L. Corpechot (изд. «Aux Editions du Monde Nouveau»); две книги Gaston Le Révérend «Divertissements litteraires» (изд. «Aux éditions de Belles-Lettres») и «Pages choisies inédites» (изд. Chiberre); M. Ed. Spalicowsky «Etudes de Litterature normande contemporaine» (изд. «Defontaire à Rouen»; в этой книге опубликовано до сих пор неизвестное письмо Флобера, написанное в возрасте 21 года, когда определялись его писательские способности.

▫ В изд. Calmann-Lévy (Париж) вышел перевод романа *Джона Голсуорти* «Fraternité». Перевод выполнен Michel Côte.

История культуры.

▫ Из книг по искусству отметим монографию Camille Mauclair о Клоде Монэ. Книга, снабженная 40 репродукциями, вышла в изд. F. Rieder.

▫ Известный лингвист Mazon во время своего пребывания в Македонии собрал целый ряд народных сказок и преданий и издал их, сопроводив статьей, где проводит параллель между собранными им сказками и сказками других славянских народов. Книга, под заглавием «Contes slaves de la Macédoin sud-occidentale» вышла в изд. Champion.

▫ В выходящей в изд. F. Rieder серии «Christianisme» появилась на французском языке книга Ф. Зелинского «La Sibylle».

▫ В изд. Leroux вышла книга L. Brunot, в которой автор дает характеристику отношений индусов к морю, исследуя влияние моря на быт, характер, верования, фольклор и пр. Работа носит название «La Mer dans les traditions et industries indigènes à Rabat et à Salè».

Книга о России.

▫ Edition «Homme Nouveau» выпустило книгу I. Gaudeaux о России: «Six mois en Russie bolcheviste», являющуюся результатом поездки автора в Россию в 1921 году в качестве делегата на конгресс красных союзов.

АНГЛИЯ.

По журналам.

▫ В «The New Leader» от 26 сентября (в специальном номере, посвященном шестидесятилетию Первого Интернационала) напечатана небольшая статья Эрнста Толлера «A call to the International», в которой он пламенно призывает рабочих всего мира к объединению и восстанию. В том же номере помещен перевод пролога пьесы Толлера «Wandlung», идущей в настоящее время в Вене.

▫ В «The New Statesman» от 6 сентября (Vol. XXIII, № 594) помещена большая сочувственная рецензия на «Отрывки из дневника» М. Горького, появление

которых в переводе на английский язык нами уже отмечалось.

▫ В сентябрьском номере «English Review» помещена большая статья Коковцева, посвященная аграрному вопросу в России до и после революции. Статья называется «The Agrarian Question in Russia Before and After Revolution».

▫ В сентябрьском «London Merkury» W. B. Ieats напечатал свои впечатления поездки в Стокгольм, куда он ездил для получения присужденной ему Нобелевской премии.

▫ Из печатавшихся во всех сентябрьских номерах журналов статей и воспоминаний о Джозефе Конраде особенно выделяется статья D. Mac Carthy, помещенная в «Empire Review».

▫ В «The New Statesman» от 20 сентября помещена очень интересная статья W. J. Lawrence'a, которая дает характеристику нового направления в постановках Шекспира. Главой этого направления, пытающегося отделаться от установившихся традиций и вернуться к манере постановок времен Шекспира, является Poel. Lawrence в своей статье касается также поднятого сейчас вопроса о том, были ли пьесы Шекспира подразделены на акты или игрались непрерывно. Poel придерживается последнего мнения и воплощает его в своих постановках.

Художественная литература, критика, история литературы.

Осенний сезон принес обычный урожай романов и рассказов, из которых приводим ниже наиболее интересные:

▫ В изд. Heinemann вышел роман известного поэта Джона Мэсфильда «Sard Harker». Роман этот является первым после 14-летнего перерыва прозаическим произведением Мэсфильда.

▫ В том же издательстве вышел новый роман Голсуорти «The White Monkey»— продолжение «Forsyte-Saga» («Саги Форситов»).

▫ Недавно вышел том неизданных рассказов Катерины Мэнсфильд под заглавием «Something Childisch and Other Stories» (изд. Constable). В этот том вошли также отрывки и неоконченные рассказы.

▫ Интересные очерки войны, сюжетно связанные одной центральной фигурой, написаны P. Miller'ом и вышли в изд. Grant Richards под заглавием «The Natural Man». Книга эта получила премию названного изд. за лучший «первый роман».

▫ D. H. Lawrence выпустил новый роман в сотрудничестве с M. L. Skinner'ом «The Boy in the Bush» (изд. Secker). Действие романа происходит в западной Австралии в конце прошлого столетия и героем является английский колонист. Роман преимущественно психологического характера и отчасти бытоописательный.

▫ Вышел последний роман Джозефа Конрада в сотрудничестве с Madox Hueffer «The Nature of Crime» (изд. Duckworth). Критика тщетно пытается выяснить степень участия Конрада в создании этого романа.

▫ В изд. Саре вышло собрание сочинений скончавшегося в прошлом году английского поэта Герберта Тренча «The Collected Works of Herbert Trench». Собрание вышло под редакцией H. Williams'a.

▫ Известный поэт Walter de la Mare написал новую пьеску-сказку для детей «Crossings», которая вышла в изд. Collins.

▫ Критика отмечает удачный том стихов поэта H. E. Palmer'a «The Unknown Warrior; and other Poems», вышедшую в изд. Heinemann.

▫ John Buchan издал антологию шотландских и северо-английских поэтов. Критика отмечает необычайно удачный подбор стихов. «The Northern Muse» изд. Nelson.

▫ E. Blunden издал небольшой сборник до сих пор неопубликованных стихов английского поэта середины прошлого столетия John Clare, интерес к которому опять начинает проявляться. Книжка эта, являющаяся дополнением к собранию сочинений Clare'a, вышедшему в 1920 г., составлена по рукописям, хранящимся в Музее в Питербороу «Madrigals and Chronicles» (изд. Beaumont Press).

▫ T. Beer написал биографию почти забытого американского писателя девяностых годов Stephen Crane. Работа эта — «Stephen Crane; A Studie in American Letters» (изд. Heinemann)—

снабжена предисловием Джозефа Конрада.

▫ В изд. Benn (Лондон) вышли две пьесы молодой американской писательницы драматурга S. Glaspell. Критика отмечает большую талантливость автора. Пьесы называются «The Verge» и «Inheritors».

▫ Критика отмечает пьесу молодого драматурга van Druten «The Return Half», поставленную клубом бывших студентов в лондонской Академии драматических искусств.

▫ Популярная писательница D. Canfield выпустила занятную книгу, в которой пытается дать новую форму прозы. Называется эта книга «Сырой материал; этюды» («Raw Material; Studies», изд. Cape) и содержит отдельные эпизоды, которым, однако, не придан характер рассказа, случаи, могущие служить фабулой, очерки характеров и т. д.

▫ Изд. Fischer Unwin приступило к изданию 27-томного собрания сочинений Уэллса.

▫ В изд. Heinemann вышла книга детских воспоминаний J. Hergesheimer'a, по словам рецензии, автобиографического характера «The Presbyterian Child».

▫ В изд. Hodder and Stoughton вышла книга Г. К. Честертона «The Everlasting Man». Две отдельные части книги носят названия: «The Creature Called Man» и «The Man Called Christ». То же издательство приступило к изданию серии биографических работ Честертона. Первые четыре книги будут посвящены Савонароле, Коббету (Cobbett), Р. Л. Стивенсону и Наполеону.

▫ В изд. Longmans вышла книга Fr. O. Fr. Dudley «Will Man be Like Gods?», трактующая вопросы «гуманизма и счастья человечества». Предисловие к книге написано Г. К. Честертоном.

▫ В числе переводных романов, появившихся за последнее время, отметим роман Томаса Манна «Buddenbrooks» (изд. Secker) в 2-х томах.

▫ «У жизни в лапах» Гамсуна вышло в переводе на английский. Переводчики G. и T. Rawson «In the Grip of Life» изд. Gyldendal.

▫ «Das Schwalbenbuch» Эрнста Толлера переведена на английский язык и вышла под названием «The Swallow Book» в изд-стве Оксфордского Ун-та. Переводчик A. Dukes.

▫ Вышел целый ряд книг статей, бо́льшая часть которых, однако, представляет собой собрания статей, опубликованных ранее в периодической печати. Отмечаем наиболее интересные из этих сборников:

▫ M. Baring выпустил книгу статей под заглавием «Punch and Judy and Other Essays» (изд. Heinemann), в которой одна из глав посвящена Чехову. Тот же автор переиздал вышедшую раньше во Франции свою книгу пародий на Ренана, Лоти, Франса и Бурже. Пародии написаны на французском языке.

▫ Современным английским писателям и поэтам посвящена книга J. B. Priestley «Figures in Modern Literature», изд. Lane.

▫ Книга статей о музыке опубликована известным музыкальным критиком W. J. Turner'ом «Variations on the Theme of Music» (изд. Heinemann).

▫ Вышел IX сборник литературных статей Английской Ассоциации за 1923 г. (выходивший с 1910 года ежегодно, за исключением годов войны) «Essays and Studies by Members of the English Association» под редакцией недавно скончавшегося W. P. Ker (изд. Claredon Press). Статьи посвящены самым разнообразным темам, начиная с греческой литературы и кончая современной английской.

▫ Критика отмечает два тома литературных статей: «Latitudes» E. Muir'a (изд. Melrose) и «Contemporary Criticizm» O. Williams'a (изд. Cayme Press).

▫ Современной английской прозе посвящена книга G. Gould'a «The English Novel of To-day» (изд. Castle). Автор дает критическую оценку около 100 писателей последнего двадцатипятилетия.

▫ В изд. Nisbet вышла книга о Бернарде Шо E. Shanks'a, рассматривающего не только Шо - писателя, но и политика и философа.

▫ В изд. K. Paul вышла работа проф. F. Chudoba о чешской литературе, интерес к которой сильно возрос в Англии в связи с успехом пьесы Чапека «Вур». Книга называется «A Short Survey of Czech Literature».

▫ Проф. W. Rose выпустил книгу о немецкой литературе в эпоху, предшествовавшую немецкому романтизму. Автор дает психологические и психоаналитические очерки целого ряда более мелких писателей того времени. «The Development of «Weltschmerz» in German Literature from «Werther» to the Beginning of the Romantic Movement», изд. Routletge.

▫ Издательство Macmillan приступило к новому иллюстрированному изданию Шекспира в трех томах: «Комедии», «История» и «Трагедии». Произведения в пределах каждого тома расположены хронологически и снабжены предисловиями Ch. Whibley. Общее заглавие собрания: «The Works of Shakespeare Chronologically Arranged».

▫ Очень подробный справочник по произведениям Шекспира составлен F. G. Stokes'ом и вышел в изд. Harrap под заглавием «A Dictionary of the Characters and Proper Names in the Works of Shakespeare».

▫ Окружению и друзьям Шекспира посвящена книга E. J. Fripp'a «Master Richard Quyny, Bailiff of Stratford-upon-Avon and Friend of William Shakespeare» (изд. Оксфордск. ун-та). Работа эта основана на целом ряде документов, собранных автором.

История.

▫ Появился второй том выходящей в изд. Кэмбриджского ун-та под общей редакцией J. B. Bury, S. A. Cook и F. E. Adcock серии древней истории (The Cambridge Ancient History), «The Egyptian and Hittite Empires to circa 1000 B. C.».

▫ В изд. Allen and Unwin вышла работа G. Elliot Smith'a и W. R. Dawson'a о египетских мумиях—«Egyptian Mummies», снабженная большим количеством иллюстраций. Бо́льшая часть работы посвящена технике бальзамирования и др. специальным вопросам, некоторую часть занимают также общие вопросы истории культуры.

▫ R. Campbell Thomson выпустил две книги о состоянии медицины в древней Ассирии. Основанием для этой работы послужили еще не исследованные подлинники, хранящиеся в Британском музее. «Assyrian Medical Texts from the Originals in the British Museum» изд. Оксфордского ун-та и «The Assyrian Herbal», изд. Luzac.

▫ Интересная книга E. Power «Medieval People» вышла в изд. Methuen. В этой книге автор пытается дать картину быта средних веков, пользуясь для этого целым рядом документов.

▫ Профессор Лейденского ун-та I. Huizing'a перевел на английский язык свою работу о периоде упадка средневековья—«The waning of Middle Ages» (изд. Arnold).

▫ В изд. Constable вышла книга неизданных писем Наполеона III и некоторых его современников (de Morny, de Flahault и др.), найденных в частном архиве и относящихся к годам 1848—1852. Письма эти проливают новый свет на историческую обстановку переворота 1851 года и дипломатию Франции. Книга носит название «The Secret of the Coup d'Etat» и снабжена интересной статьей Филиппа Гуедэлла (Philip'a Guedella).

▫ R. H. Tawney и E. Power приступили к изданию целого ряда документов по истории Англии времен Тюдоров. Работа эта займет три тома. Пока вышел лишь первый том, носящий название «Agriculture and Industry». Все собрание называется «Tudor Economic Documents: being Select Documents illustrating the Economic and Social History of Tudor England» (изд. Longmans).

▫ Интересной книгой является работа J. B. Williamson'a, написавшего историю одного из старейших зданий Лондона («The History of the Temple of London»), где еще в 1602 году ставилась «Двенадцатая ночь» Шекспира. Книга вышла в изд. Murray.

▫ Изд-ство Lane выпускает любопытную серию «The Bodley Head Quartos» перепечаток книг, большей частью мало известных, шестнадцатого и семнадцатого столетий. Перепечатки эти являются точным воспроизведением оригиналов. Последние два выпуска содержат: 1) «Daemonologie in Form of a Dialogue» короля Джемса I и «News from Scotland»; 2) «The Black Bookes

Messenger» Robert'a Greene; Cuthbert Conny-Catchers» и «The Defence of Conny-Catching».

Книги по общественным вопросам.

▫ Большая двухтомная работа, посвященная войне, ее причинам и следствиям, вышла в изд. Encyclopaedia Company под редакцией F. H. Hooper'a. В составлении этой работы принимали участие 84 автора. В первом томе, посвященном вопросам политики, имеются статьи Людендорфа, Ноудена, Максимилиана Гардена и целого ряда других лиц, занимавших во время войны наивысшие военные посты, а также видных политиков и журналистов. Второй том посвящен вопросам культуры и содержит, между прочим, статьи Уэллса, мадам Кюри, Фрейда, О. Лоджа и др.

▫ Г. Уэллс выпустил новую книгу по истории «A Short History of the World» (изд. Labour Publishing C⁰), являющуюся сокращением и упрощением его «Очерков всемирной истории» и служащую для последней работы своего рода введением.

▫ В переводе на английский язык вышла книга K. F. Nowak'a «The Collapse of Central Europe» (изд. K. Paul Trench, Trubner and C⁰). Английское издание снабжено предисловием Haldane'a.

▫ Видный синфейнер Dan Breen выпустил свою автобиографию «My Fight for Irish Freedom» (изд. Talbot Press).

▫ В изд. Black вышла книга, дающая живую картину жизни английских тюрем. Автор книги («Among the Broad Arrow Men»), скрывшийся под псевдонимом B. 2. 15, провел два последних года войны в разных тюрьмах Англии.

▫ В изд. Secker вышла книга воспоминаний о войне некоего, недавно скончавшегося M. M., служившего в французском иностранном легионе и впоследствии дезертировавшего. Книга эта особенно рекомендуется предисловием Д. Лауренса, дающего блестящую и необычайно интересную характеристику M. M. («Memoirs of the Foreign Legion»).

▫ Вышла автобиография недавно скончавшегося Thomas'a Burt, лидера нортумберлендских углекопов. Книга носит название «From Pitman to Privy Councillor» (изд. Fischer Unwin).

▫ Mining Association of great Britain издала книгу статей, посвященных истории развития угольной промышленности в Англии—«Historical Review of Coal Mining». Книга снабжена иллюстрациями.

▫ Изд. английской независимой рабочей партии (I. L. P. Publisching Department) в октябре выпустило следующие книги: 1) «Socialism» J. K. Hardie; 2) «Socialism and Christianity» его же; 3) «The International» R. C. Wallhead; 4) «Lloyd Georges Loans to Russia-Facts and Figures».

▫ Sh. Eddy опубликовал книгу о положении рабочих во всем мире. Особенно подробно автор останавливается на Востоке, где он прожил много лет. О сов. России автор говорит, что она стоит на первом месте в смысле законодательства и социальных условий труда, оставляя далеко позади и европейские страны, и Америку в этом отношении («The New World of Labour», изд. Allen and Unwin).

▫ Экономическим вопросам посвящена книга H. Abbaty «The Unclaimed Wealth», вышедшая в изд. Allen and Uhwin.

Философия.

▫ В изд. K. Paul вышла книга A. C. Ewing, посвященная изложению философской системы Канта: «Kant's Treatment of Causality».

▫ В том же изд. вышел перевод книжек Файхингера «The Philosophy of „As if"». Перевод выполнен C. R. Ogden'ом.

▫ Английский философ N. K. Smith, автор известных в Англии книг «Studies in the Cartesian Philosophy» и «Commentary to Kant's Critique of Pure Reason», выпустил сейчас новую работу: «Prolegomena to an Idealist Theory of Knowledge». Книга эта является выражением миросозерцания Смита.

Путешествия, научные книги.

Осенние публикации богаты книгами этнологического характера и описаниями путешествий, из которых отметим:

1) «The Laws and Customs of Joruba People» A. K. Ajisafe (изд. Routledge). Книга интересна тем, что автор сам принадлежит к племени Joruba. 2) «The Home of an Eastern Clan» L. Milne (изд. Оксфордского ун-та). В этой книге собран ряд интересных фактов из жизни и фольклора племени Palaungs в Burma. 3) «Savage Life in Central Australia» G. Horne и G. Ailton (изд. Macmillan) дает картину того, что осталось от племени Wonkonguru после его «цивилизации»

▫ Очень интересна книга G. M. Heardt'a и K. Audouin-Dubreuil, описывающая путешествие через Сахару в автомобиле. Автомобиль этот представляет собой нечто вроде танка, подминающего под себя песок и таким образом прокладывающего себе дорогу. Два вспомогательных автомобиля были отправлены с юга и севера. Экспедиция обошлась совершенно без верблюдов, единственного до сих пор способа передвижения по Сахаре. «Across the Sahara by Motor-Car from Touggourt to Timbuctoo» изд. Fischer Unwin.

▫ В изд. Chatto and Windus вышла книга проф. A. Vasiliev, посвященная вопросам пространства, времени и движения и развивающая теорию Эйнштейна («Space, Time and Motion»). Работа снабжена предисловием B. Russell'a.

▫ Вышла новая книга известного физика Оливера Лоджа «Atoms and Rays», в которой Лодж пытается популярно изложить последние достижения физики. Книга вышла в изд. E. Benn.

▫ Encyclopaedia Britannica вышла в новом изд., являющемся перепечаткой последнего кембриджского издания. Это издание почти вполовину дешевле прежних, что особенно важно при настоящей дороговизне книг в Англии. Дороговизна эта—до того наболевший вопрос, что вызвала ряд обсуждений на страницах литературных журналов.

▫ Изд. Whitaker выпустило новое издание справочника современной литературы «The Reference Catalogue of Current Literature», содержащий около 300 тысяч названий авторов и книг и 200 издательств.

Разное.

▫ В изд. Mac Lehose вышла книга, дающая очень интересные данные об истории книжной промышленности Англии. Книга эта написана главою крупнейшего изд-ства Macmillan—Frederick Macmillan в сотрудничестве (во второй части) с E. Bell и вызывает интерес критики ввиду того, что теперь в печати очень оживленно обсуждается критическое положение книжного рынка—результат «перепроизводства» и высоких цен. Книга носит название «The Net Book Agreement 1899 and The Book War 1906—1908».

▫ 5 ноября в Лондоне чествовалось двухстолетие существования одного из крупнейших английских изд. Longmans, Green and C°. На банкете присутствовали представители литературы, науки и целый ряд общественных деятелей и издателей.

▫ В октябре в помещении Agnew на Bond Street открылась первая выставка недавно образованного общества «Magnasco Society», имеющего своей целью организацию выставок итальянских мастеров семнадцатого и восемнадцатого столетий. Большинство экспонатов, взятых, главным образом, из частных собраний, совершенно неизвестны публике. На выставке имеются произведения Carlo Dolci, Alessandro Longhi, Caravaggio, Magnasco, Tiepolo, Jan Lys и др.

▫ Интерес к экономическому положению России выразился в выходе целого ряда книг. Из них отметим следующие: 1) S. N. Prokopovitch «The Economic Condition of Russia» (изд. King and Son). 2) L. Pasvolsky и H. G. Moulton «Russian Debts and Russian Reconstruction» изд. Mc Grow Hile Book C°. 3) A. A. Parcell и E. D. Morel «The Workers and the Anglo-Russian Treaty» (изд. Anglo-Russian Parliamentary Committee). 4) «The Foreign Policies of Soviet Russia» (изд. Dent) A. L. P. Dennis.

— В изд. H. Jenkins вышли мемуары княгини Paley о России в 1916—1919 годах. «Memories of Russia 1916—1919».

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И ОБЗОРОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ» ЗА 1924 год [1]).

I. Статьи.

1. **Александров, Н.** К вопросу о взаимодействии общественного человека с внешней природой. (В связи с книгой К. Бюхера «Работа и ритм».) **IV—35.**

2. **Баммель, Г.** У истоков марксизма. (По поводу книги: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. I, под ред. Д. Рязанова.) **III—48.**

3. **Баммель, Г.** Литература о лепинизме. Обзор первый. **IV—45.**

4. **Баммель, Г.** Литература о ленинизме. (Обзор второй.) **VI—26.**

5. **Бобров, С.** Метод и апологет. (К спорам о формальном методе.) **V—16.**

6. **Брюсов, В.** Левизна Пушкина в рифмах. **II—81.**

7. **Виноградская, П.** Современная деревня. (По поводу книги: «Старый и новый быт», под ред. проф. Тана-Богораза.) **VI—73.**

8. **Гордон, Г.** Дневник Суворина. **I—68.**

9. **Горев, Б.** Н. К. Михайловский и революция. (К 20-летию со дня смерти.) **I—21.**

10. **Греч, А.** Японская ксилография. **II—93.**

11. **Гроссман, Л.** Бакунин в «Бесах». (Ответ Вячеславу Полонскому.) **IV—56.**

12. **Гроссман, Л.** Бакунин в «Бесах». (Окончание.) **V—39.**

13. **Дивильковский, А.** Старое студенчество на службе революции. (Из воспоминаний.) **III—66.**

14. **Ильинский, И.** Новая фаза в развитии Британской империи. **I—150.**

15. **Ильинский, И.** Общие проблемы права в трактовке советской цивилистики. **IV—100.**

16. **Коган, П. С.** О формальном методе. (К спору о формальном методе.) **V—32.**

17. **Куфаев, М.** проф. Задача большой важности. **I—164.**

18. **Лелевич, Г.** Был ли ранний русский социализм социализмом? **II—15.**

19. **Луначарский, А. В.** Ленин. Речь, произнесенная в день похорон на общем собрании работников искусств Москвы. **I—1.**

20. **Луначарский, А. В.** Чем может быть А. П. Чехов для нас. **IV—19.**

21. **Луначарский, А. В.** Формализм в науке об искусстве. (К спору о формальном методе.) **V—19.**

22. **Луначарский, А. В.** Брюсов и революция. **VI—1.**

23. «Манифест Коминтерна к мировому пролетариату». (К десятилетию империалистической войны.) **IV—1.**

24. **Мещеряков, Н.** О положении германской интеллигенции. **I—28.**

25. **Мещеряков, Н.** Из воспоминаний о Ленине. (Отрывки.) **II—1.**

26. **Невский, В. И.** Из переписки 900-х годов. (Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Материалы по истории революционного движения.) Т. I. **VI—38.**

27. **Павлович, М.** Экономическое могущество С. Штатов. (Герман Леви. Основы экономического могущества С. Штатов Америки.) **I—143.**

28. **Пиксанов, Н.** Из переписки Ф. М. Достоевского. **VI—55.**

29. «Письма В. И. Ленина к А. М. Горькому 1908—1913 г. г.». С предисловием и примечаниями Л. Каменева.) **III—1.**

30. **Полонский, В.** Бакунин и Достоевский. **II—24.**

31. **Полонский, Вяч.** Бакунин и Достоевский. По поводу «ответа» Леонида Гроссмана. **V—66.**

32. **Полянский, В.** По поводу Б. Эйхенбаума. (К спорам о формальном методе.) **V—35.**

33. **Преображенский, П.** проф. Русский папа. (О переписке Победоносцева.) **I—61.**

34. **Рейснер, М.** Фрейд и его школа о религии. **I—40.**

35. **Рейснер, М.** Фрейд и его школа о религии. (Окончание.) **III—81.**

36. **Розенталь, Л.** Добужинский - иллюстратор. **I—79.**

37. **Сакулин, П. Н.** Из первоисточника. (К спорам о формальном методе.) **V—12.**

38. **Стучка, П.** Марксизм и социология. (По поводу книги: Проф. Е. А. Энгель. Очерки материалистической социологии.) **II—75.**

39. **Троцкий, Л.** О художественной литературе и политике РКП. **III—1.**

40. **Тугендхольд, Я.** Онорэ Домье. **V—101.**

[1]) Римской цифрой обозначены номера книг, арабской—страниц.

41. **Фриче, В. М.** Анатоль Франс. **VI— 14.**
42. **Членов, С.** Лозаннская трагикомедия. **I—136.**
43. **Шляпников, А.** О книгах Суханова. («Записки о революции». Книги третья и четвертая.) **I—75.**
44. **Шмит, Ф.** акад. Живопись, ваяние, зодчество. **III—107.**
45. **Эйхенбаум, Б.** Вокруг вопроса о формалистах. (Обзор и ответ.) **V—1.**
46. **Эттингер, П.** Иллюстрированный «Ревизор» на немецком языке. **VI—99.**

II. Обзоры.

1. **Бенки, Як.** И. Бабель. **III—135.**
2. **Браудо, Е.** Из музыкальной жизни Запада. **IV—140.**
3. **Брюсов, В.** О рифме. (В. Жирмунский. Рифма, ее история и теория. Вопросы поэтики, в. II.) **I—114.**
4. **Войтоловский, Л.** Журнал «Звезда» № № 1—4. **VI—131.**
5. **Волькенштейн, В.** Пути современной драмы. **I—105.**
6. **Денике, Б.** Искусство Востока. **V—139.**
7. **Капелюш, Ф.** Марксизм и египетский сонник. (По поводу книги: А. Л. Чижевский. Физические факторы исторического процесса. 1924.) **V—164.**
8. **Коларов, В.** Врангелиада в Болгарии. **II—151.**
9. **Лежнев, А.** «Октябрь» и «Рабочий Журнал». **IV—113.**
10. **Лежнев, А.** На правом фланге. («Русский Современник» и «Россия».) **VI—123.**
11. **Лепешинский, П.** Журнал «Красная Молодежь». №№ 1 и 2. 1924 г. **VI—133.**
12. **Лиров, М.** Из литературных итогов. **II—118.**
13. **Марков, П.** Театральные постановки Москвы 1923—1924 года. **III—139.**
14. **Марков, П.** Московская театральная жизнь в 1923—1924 году. **IV—130.**
15. **Марков, П.** Накануне сезона. **V—150.**
16. **Обручев, С.** Островский и Чижевский. **III—131.**
17. **Переверзев, В.** Новинки беллетристики. **V—134.**
18. **Полонский, Вяч.** Интеллигенция и революция в романе В. В. Вересаева «В тупике». **I—123.**
19. **Сабанеев, Л.** Музыкальная жизнь Москвы. **III—157.**
20. **Тарабукин, Н.** По поводу выставки немецкого искусства. **VI—111.**
21. **Тугендхольд, Я.** Выставка германского искусства в Москве. **VI—105.**
22. **Увира, Р.** Государство - штрейкбрехер. **II—140.**
23. **Увира, Р.** О некоторых газетах и журналистах. **II—146.**
24. **Фабрикант, М.** Новейшая литература по теории архитектуры. **II—155.**
25. **Федоров, А.** Гаузенштейн. **II—133.**
26. **Федоров-Давыдов.** Художественная жизнь Москвы. **III—148.**
27. **Федоров-Давыдов.** Художественная жизнь Москвы. **IV—120.**
28. **Федоров-Давыдов.** О некоторых характерных чертах немецкой выставки. **VI—116.**
29. **Шор, Р.** Из новой литературы по Гофману. **II—129.**
30. **Эйхенгольц, М.** Современная немецкая лирика. **II—124.**
31. **Эйхенгольц, М.** Современная французская поэзия. **IV—144.**
32. **Эйхенгольц, М.** История новой французской литературы. **V—158.**

III. Материалы и документы по истории революции, литературы и общественности.

1. **Апостолов, Н.** Материалы по истории литературной деятельности Л. Н. Толстого. **IV—88.**
2. «Из [переписки Я. М. Свердлова». **II—60.**
3. «Из писем Ф. Энгельса». (Перевод и примечания В. В. Адоратского.) **II—51.**
4. «Письма М. А. Бакунина М. Н. Каткову из Сибири». С предисловием Вяч. Полонского **IV—78.**

УКАЗАТЕЛЬ ОТЗЫВОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ» ЗА 1924 год.

I. Социализм и коммунизм.

1. **Адлер, Виктор.** Статьи, речи и письма. В. I. Виктор Адлер и Фридрих Энгельс. Изд. «Книга». М.—Л. 1924. Стр. 205. **IV—153.** *Ст. Кривцов.*

2. **Адлер, Макс.** Марксизм, как пролетарское учение о жизни. Изд. «Книга». П.—М. 1923. Стр. 53. **I—171.** *В. Адоратский.*

3. **Адоратский, В.** Научный коммунизм Карла Маркса. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 144. **III—166.** *А. Неусыхин.*

4. **Бер, М.** История социализма в Англии. Госиздат. 1923. Стр. XXXIV + 295. **I—169.** *Б. Горев.*

5. **Бер, М.** История социализма в Англии. Т. II. Госиздат. Л. 1924. Стр. 445. **III—165.** *Б. Горев.*

6. **Бер, М.** (М. Beer). Карл Маркс, его жизнь и учение. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 200. **IV—152.** *Ц. Фридлянд.*

7. **Бухарин, Н.** Кризис капитализма и коммунистическое движение. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 83. **II—163.** *М. Зеликман.*

8. **Бухарин, Н.** Атака. Сборник теоретических статей. Госиздат. М. 1924. Стр. 303. **VI — 136.** *И. Луппол.*

9. **Волгин, В.** Очерки по истории социализма. Госиздат. 1923. Стр. 150. **II — 160.** *Б. Горев.*

10. **Вольфсон, С. Я.** Великий социалист. Краткий очерк жизни Г. В. Плеханова. Гос. Изд. Белоруссии. Минск. 1922. Стр. 81. **I—172.** *В. И. Невский.*

11. **Вольфсон, С. Я.** Вокруг Плеханова. Плехановская литература за 1922 г. Изд. Белтрестпечать. Минск. 1923. Стр. 99. **I—172.** *В. И. Невский.*

12. **Воровский, В. В.** (П. Орловский). К истории марксизма в России. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 43. **V—170.** *В. Адоратский.*

13. **Вышинский, А.** Очерки по истории коммунизма. Курс лекций. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 288. **VI — 139.** *Б. Горев.*

14. «Два года борьбы и работы». Обзор деятельности Исполкома и секций Коммунистического Интернационала за период с IV по V Конгресс. Изд. «Красная Новь». 1924. Стр. 135. **V—168.** *М. Зеликман.*

15. **Дран, Э.** и **Леонард, С.** Подпольная литература революционной Германии за время войны. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 176. **IV—159.** *М. Брагинский.*

16. «Изложение учения Сен-Симона». (1828 — 1829.) Госиздат. Стр. 335. **II — 160.** *Ц. Фридлянд.*

17. **Кабэ, Этьен.** Путешествие в Икарию. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 176. **VI—140.** *Ст. Кривцов.*

18. «К вопросу о программе Коммунистического Интернационала». (Материалы.) Изд. «Красная Новь». 1924. Стр. 201. **V—167.** *М. Зеликман.*

19. «К пятилетию Коминтерна». Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 111. **IV—155.** *М. Зеликман.*

20. **Лафарг, Поль.** Экономический детерминизм Карла Маркса. Изд. «Московский Рабочий». 1923. Стр. 330. **III—167.** *М. Зеликман.*

21. **Ленин, В. И. и Зиновьев, Г. Е.** За третий Интернационал. Госиздат. Л. 1924. Стр. 519. **IV—155.** *М. Зеликман.*

22. **Ленин, Н.** Карл Маркс. Краткий биографический очерк с изложением марксизма. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 33. **II—164.** *Б. Горев.*

23. **Маркс, Карл.** Замечания на программу Германской Рабочей Партии. («Критика Готской программы».) Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 97. **I—170.** *В. Адоратский.*

23/а. **Маркс, К. и Энгельс, Ф.** Сочинения. Т. I. Госиздат. М. 1923 г. Стр. 564. **II — 48.** *Г. Баммель.*

24. «Опыт библиографии произведений Маркса и Энгельса в русских переводах». Сост. Б. Шнеерсон. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 187. **IV—158.** *В. Адоратский.*

25. **Пажитнов, К. А.** Развитие социалистических идей в России. Т. I. От Пестеля до группы «Освобождение Труда». Изд. «Былое». Л. Стр. 320. **VI— 138.** *Б. Горев.*

26. **Плеханов, Г. В.** Сочинения. Томы VIII, IX, X и XI. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 411 + 366 + 422 + 397. **III—163.** *В. Невский.*

27. «5 лет Коммунистического Интернационала». Изд. «Основа». Иваново-Вознесенск. 1924. Стр. 35. **IV—155.** *М. Зеликман.*

28. **Радек, К.** Пять лет Коминтерна. Ч. I. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 371. **IV—157.** *М. Зеликман.*

29. **Радек, К.** Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Лео Иогихес. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 69. **IV—159.** *М. Брагинский.*

30. **Сен-Симон.** Избранные сочинения. Госиздат. М. 1923. Стр. 211. **II—160.** *Ц. Фридлянд.*

31. **Сен-Симон-де, Анри.** Сочинения под ред. проф. В. В. Святловского. Госиздат. П. 1923. II—160. *Ц. Фридлянд.*

32. **Фингерт, Б. А.** Краткое руководство по истории социализма. Госиздат. Л. 1924. Стр. 219. V—168. *И. Браславский.*

II. Литература о Ленине.

33. **Бухарин, Н.** Ленин, как марксист. «Вестник Коммунистич. Академии». IV—45. *Г. Баммель.*

33а. **Guilbeaux, Henri.** Wladimir Iljitsch Lenin. Verlag «Die Schmiede». Berlin. 1923. Стр. 174. II—166. *Валерьян Полянский.*

34. **Деборин, А.** Ленин, как мыслитель. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 87. VI—26. *Г. Баммель.*

34а. «Ленинский сборник». Под ред. Л. Б. Каменева. Институт В. И. Ленина. Госиздат. М.—П. 1924. Стр. 252. III—168. *Вяч. Полонский.*

35. **Lukácz, G.** Lenin. Studie über den Zusammenhand seiner Gedanken. Wien. 1924. Стр. 77. VI—26. *Г. Баммель.*

35а. «Памяти Ленина». Сборник. Изд. Высш. Военн. Ред. Сов. М. 1924. Стр. 150. II—165. *В. Невский.*

36. **Сафаров.** Основы ленинизма. Л. 1924. IV—45. *Г. Баммель.*

36а. **Сталин, И.** О Ленине и ленинизме. Госиздат. М. 1924. IV—45. *Г. Баммель.*

36б. **Троцкий, Л.** О Ленине. Материалы для биографа. Госиздат. М. 1924. Стр. 168. IV—161. *В. Невский.*

III. Империализм и международная политика.

37. **Головин, Н.** ген. и **Бубнов, А.** адм. Тихоокеанская проблема в XX столетии. Изд. «Пламя». Прага. 1924. Стр. 292. VI—142. *Вл. Виленский (Сибиряков).*

38. **Доливо-Добровольский, Б. И.** Тихоокеанская проблема. Изд. Высш. Военн. Ред. Сов. М. 1924. Стр. 234. IV—165. *Вл. Виленский (Сибиряков).*

39. **Edward Mead Earle.** Turkey the great Powers and the Bagdad Railwag. Изд. The Macmillan Company. New-York. 1923. Стр. 364. VI—145. *П. Китайгородский.*

40. L'Espagnol P. de la Tramerve. La lutte mondiale pour le pètrole. Paris. Edition de la Vie Universitaire. 1923. Стр. 229. IV—163. *П. Китайгородский.*

41. **Кайо, Ж.** (б. франц. премьер). Куда идет Франция? Куда идет Европа? Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 208. I—174. *Ц. Фридлянд.*

42. **Konow, Sten.** Ueber die Bedeutung Indiens für England. Hamburgische Forschungen. Hamburg. 1918—1919. Стр. 79. IV—166. *Б. Пурецкий.*

43. **Красный, Юз.** Польский фашизм. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 52. VI—144. *Ф. Кон.*

44. **Ллойд-Джордж.** Европейский хаос. Изд. «Петроград». Л. 1924. Стр. 152. VI—143. *Б. Кряжин.*

45. **Мартынов, А.** Распад капиталистической Европы и Коммунистический Интернационал. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 42. I—173. *М. Зеликман.*

46. **Ньюбольд, В.** Как Европа вооружалась к войне (1871—1914). Изд. Высш. Военн. Ред. Сов. М. 1923. Стр. 141. III—170. *М. Павлович.*

47. **Павлович, Мих.** Борьба за Азию и Африку. Изд. Всеросс. Научн. Ассоц. Востоковедения. М. 1923. Стр. 229. I—176. *М. Брагинский.*

48. **Раскольников, Ф. Ф.** Афганистан и английский ультиматум. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 35. IV—167. *В. Кряжин.*

49. **Sorraut, Albert.** La mise en valeur des Colonies Françaises. Paris. 1923. Стр. 633. III—173. *П. Китайгородский.*

50. **Сато, Кайиро.** Япония и Америка в их взаимных отношениях. Госиздат. М. Стр. 140. III—175. *Доливо-Добровольский.*

51. **Тарле, Е. В.** Три катастрофы. Изд. «Петроград». 1923. Стр. 64. I—176. *С. Членов.*

52. **Яковлева, В.** Империалистическая война и большевики. Очерки и материалы. Изд. «Основа». Иваново-Вознесенск. 1924. Стр. 104. VI—141. *М. Брагинский.*

53. **Эрцбергер, М.** Германия и Антанта. Мемуары. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 357. I—174. *Вл. Виленский (Сибиряков).*

IV. Иностранцы о России.

54. L'Europa Orientale. Rivista mensile publicata a cura dell Instituto per l'Europa Orientale. Anno I. 1921. №№ I—VII, стр. 487. Anno III. 1923. № III—VI. Стр. 113—374. Roma. IV—169. *И. Гливенко.*

55. **Kirkeby, Anker.** Russisches Tagebuch. 1924. Elene Gottschalt Verlag. Berlin. Стр. 171. IV—170. *С. Марголина.*

V. Литература о Германии.

56. **Барт, Змиль.** В мастерской германской революции. Госиздат. М. 1924. Стр. 201. III—177. *М. Брагинский.*

57. Германская революция. Сб. под ред. Мирошевского. Изд. «Молодая Гвардия». М. 1923. Стр. 282. II—168. *М. Брагинский.*

58. **Дволайцкий, Ш.** Германия в 1923 г. Финансово-экономические очерки. Изд. «Московский Рабочий». М. 1924. Стр. 110. V—178. *М. Брагинский.*

59. **Зиновьев, Г.** Германский кризис и задачи партии. Госиздат. М. 1923. Стр. 55. II—168. *М. Брагинский.*

60. **Зиновьев, Г.** Проблемы германской революции. Изд. «Московский Рабочий». М. 1923. Стр. 51. II—168. *М. Брагинский.*

61. **Зиновьев, Г.** Проблемы германской революции. Госиздат Украины. Харьков. 1923. Стр. 77. II—168. *М. Брагинский.*

62. **Майский, И.** Современная Германия. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 167. V—18 *М. Брагинский.*

63. **Павловский, Е.** Накануне последнего боя в Германии. Госиздат. 1924. Стр. 134. **II—168.** *М. Брагинский.*

64. **Полонская, Л.** Пути Германии 1913—1923 г.г. в фактах и цифрах. Госиздат. М. Стр. 199. **II—168.** *М. Брагинский.*

65. **Поль, Кэтэ.** Германия накануне Октября. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 211. **I—178.** *М. Брагинский.*

66. «Проблемы германской революции». Сборник статей и материалов. Изд. Тифлисского к-та компартии Грузии. Тифлис. 1923. Стр. 175. **II—168.** *М. Брагинский.*

67. **Тарле, Е. В.** Кризис Германии (от Версальского мира до наших дней). Изд. «Петроград». 1924. Стр. 48. **V—178.** *М. Брагинский.*

68. **Чекин, А.** (В. Яроцкий). Германия на перевале. Изд. «Молодая Гвардия». М. 1924. Стр. 53. **II—168.** *М. Брагинский.*

VI. Экономические науки и народное хозяйство.

69. **Борисов, И. Г.** Экономическая географія советской Россіи. Изд. «Основа». Иваново-Вознесенск. 1923. Стр. 214. **II—181.** *М. Эльская.*

70. **Бруцкус, Б. Д.,** проф. Экономия сельского хозяйства. Народно-хозяйственные основы. Изд. «Кооперація». П. 1924. Стр. 248. **III—187.** *Ю. Спасский.*

71. **Бухарин, Н.** Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. Госиздат. М.—П. Стр. 185. **II—175.** *Ф. Капелюш.*

72. «Бюллетень Кооперативной Секции Коминтерна». Изд. «Коминтерна». М. 1924. Стр. 32. **VI—156.** *Н. Мещеряков.*

73. **Глинка, К. Н.** Почвы Россіи и прилегающих стран. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 348. **I—186.** *А. Бессер.*

74. **Григоровичи, Татьяна.** Теория стоимости у Маркса и Лассаля. Изд. «Московский Рабочий». 1923. Стр. 113. **V—171.** *М. Зеликман.*

75. **Гуревич, М. Б.** Прямое обложение сельского хозяйства Украины. Изд. ЦСУ Украины. Харьков. 1923. Стр. 64. **II—185.** *Ю. Вильдо.*

76. **Довз, К.,** проф. Экономическая географія мира. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 129. **V—174.** *Д. Кашинцев.*

77. **Дубровский, С. М.** Очерки русской революции. В. I. Сельское хозяйство. Изд. «Новая Деревня». М. 1923. Стр. 404. **I—185.** *Ю. Вильдо.*

78. **Евзлин, З.** Деньги. П. Стр. 294. **II—177.** *Е. Преображенский.*

79. L'Evolutions des Conditions du Travail dans la Russie des Soviets. Bureau Internationale du Travail. Etudes et documents. Jénève. 1924. Стр. 278. **V—172.** *Ф. Капелюш.*

80. **Жегалов, С. И.** Введение в селекцию сельско-хозяйственных растений. Госиздат. Л. 1924. Стр. 484. **IV—186.** *А. А. Бессер.*

81. «Инструкция по счетоводству и отчетности для правительственных и административных учреждений СССР». Изд. НК РКИ. М. 1923. Стр. 103. **I—187.** *К. Злинченко.*

82. **Кажанов, Н.,** проф. Основные положения сельско-хозяйственной экономии. Изд. «Новая Деревня». М. Стр. 84+2 неп. **II—187.** *П. Месяцев.*

83. **Качинский, В.** Очерки аграрной революции на Украине. В.в. I и II. Госиздат Украины. Харьков. Стр. 106 и 110. **II—179.** *Ю. Спасский.*

84. **Кон, Александр.** Теория промышленного капитализма. Изд. Коммунист. Ун-та им. Свердлова. М. 1923. Стр. 120. **II—173.** *Ф. Капелюш.*

85. **Кондратьев, Н. Д.,** проф. Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта. Изд. Центросоюза. М. 1923. Стр. 52. **I—184.** *Ю. Спасский.*

86. **Крицман, Л.** Три года новой экономической политики СССР. Изд. Коммунист. Ун-та им. Свердлова. М. 1924. Стр. 39. **IV—182.** *Ф. Капелюш.*

87. **Кулишер, И. М.,** проф. Обзор мирового хозяйства с начала войны до начала 1924 г. Изд. «Время». Л. 1924. Стр. 206. **V—173.** *Ф. Капелюш.*

88. **Леви, Герман.** Английское народное хозяйство. Изд. «Книга». П.—М. 1924. Стр. 248. **III—182.** *А. Чекин.*

88а. **Леви, А.** Основы экономического могущества Соединенных Штатов Америки. Изд. «Книга». М.—П. 1923. Стр. 142. **I—143.** *М. Павлович.*

89. **Лозовой, А.** Сельско-хозяйственная кооперация и ее значение в современных условиях. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 264. **IV—185.** *Н. Мещеряков.*

90. **Любимов, Лев,** проф. Азбука политической экономии. Начальный курс. Госиздат. М.—П. Стр. 236. **III—179.** *С. Членов.*

91. **Люксембург, Роза.** Накопление капитала. Т. I и II. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 667. **III—178.** *М. Зеликман.*

92. **Милютин, В. П.** Новый период мировой экономики. Курс лекций по экономике переходного периода. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 165. **I—180.** *М. Зеликман.*

93. **Михалевский, Ф. И.** Начальный курс политической экономии. Изд. «Московский Рабочий». М. 1924. Стр. 308. **IV—176.** *Александр Кон.*

94. **Момберт, П.,** проф. Введение в изучение конъюнктуры и кризисов. Госиздат. М. 1924. Стр. 215. **IV—175.** *Вл. Сарабьянов.*

95. «Народное и государственное хозяйство СССР в середине 1922—23 г.». Изд. НКФ СССР. М. 1923. Стр. 783. **VI—150.** *А. Хавин.*

96. **Наумов, Г.** Введение в изучение экономической науки. Очерки развития народного хозяйства. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 322. **II—178.** *М. Зеликман.*

97. **Огановский, Н. П.,** проф. Очерки по экономической географии России. Ч. I. Сельское х-во. Изд. «Новая Деревня». М. 1923. Стр. 238. **II—181.** *М. Эльская.*

98. **Осинский, Н.** Мировой кризис сельского хозяйства. Изд. «Новая Деревня». М. 1924. Стр. 137. **I—184.** *Ю. Спасский.*

99. «Очерки по аграрному вопросу», под ред. Е. Варга. Т. I. Вып. I. Изд. «Московский Рабочий». М. 1924. Стр. 64. **VI—153.** *Ю. Вильдо.*

100. «Русская промышленность в 1923 г.». Ежегодник ВСНХ. Ред.-изд. отд. ВСНХ. М. 1923. Стр. 725. **II—183.** *А. Хавин.*

101. «Русский хлопок». Русское хлопководство в прошлом и пути к его возрождению в СССР. Изд. Главн. Хлопкового К-та. М. 1923. Стр. 102. **III—186.** *Н. Рогожин.*

102. **Святловский, В. В.** Происхождение денег и денежных знаков. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 132. **VI—147.** *С. Членов.*

103. **Сиринов, С.,** проф. Очерки по аграрной статистике. Госиздат. М.—Л. 1924. Стр. 569. **V—175.** *Ю. Спасский.*

104. «Синдикаты и государственная торговля» (По материалам промышленной инспекции), под ред. А. Трояновского. Изд. НК РКИ. М. 1923. Стр. 151. **III—184.** *А. Хавин.*

105. **Солнцев, С.** Рабочие бюджеты в связи с теорией обеднения. Госиздат. М. Стр. 96. **VI—149.** *А. Кон.*

106. Studies in Labour in Capital. Volume I. Labour and Capital in the Engineering Trade. Volume II. The Bress. Volume III. Labour and Capital in Parliament. London. 1922—1923. Стр. 48, 48, 64. **I—181.** *И. Звавич.*

107. Studies in Labour and Capital. Volume IV. Labour and Capital on the Railwags. Volume V. Federation of britisch industries. Volume VI. Shipping. London. 1923. Стр. 64, 64, 64. **V—176.** *И. Звавич.*

108. **Суханов, Н. Н.** Очерки по экономии сельского хозяйства. Изд. «Книга». Л. 1924. Стр. 267. **II—192.** *Ю. Спасский.*

109. **Суханов, Н.** Мировое хозяйство накануне и после войны 1913—1923 г.г. Изд. «Книга» Л. 1924. Стр. 107. **IV—173.** *Ф. Капелюш.*

110. **Тимофеев, П. Г.** Экономическая география России в сравнении с важнейшими странами. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 347. **II—181.** *М. Эльская.*

111. **Фабрикант, А. О.** Основы агропомической помощи населению. Изд. «Кооперативное Издательство». М. 1924. Стр. 244. **VI—154.** *А. Бессер.*

112. **Фалькнер, С. А.,** проф. Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства. Изд. «Экономическая Жизнь». М. 1924. Стр. 249. **IV—177.** *Д. В. Кузовков.*

113. «Финансы и денежное обращение в современной России». Сборник статей. Изд. «Петроград». 1924. Стр. 143. **IV—180.** *Д. Кузовков.*

114. **Хоррабин, Дж.** Очерк историко-экономической географии мира. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 152. **VI—146.** *Д. Кашинцев.*

115. **Чаянов, А.,** проф. Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft. Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landa bau. Berlin. 1923. Стр. 140. **IV—183.** *Ю. Спасский.*

116. **Шестаков, А. В.** Наемный труд в сельском хозяйстве России. Т. I. Ч. ч. I и II. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 232. **VI—151.** *Ю. Спасский.*

117. **Шульце, Э.** Развал мирового хозяйства. Госиздат. Стр. 359. **II—171.** *Е. Преображенский.*

VII. Женское движение.

118. **Коллонтай, А. М.** Труд женщины в эволюции хозяйства. Госиздат. М. 1923. Стр. 208+2 табл. **III—191.** *Е. Арборе-Ралли.*

119. **Рязанова, А.** Женский труд. Изд. «Московский Рабочий». М. 1923. Стр. 315. **III—188.** *Е. Арборе-Ралли.*

VIII. Вопросы текущей жизни.

120. **Большаков, А. М.** Советская деревня за 1917—1924 г. г. Экономика и быт. Изд. «Прибой». 1924. Стр. 172. **V—198.** *Я. Шафир.*

121. **Дембо, В.** Никогда не забыть! Кровавая летопись Бессарабии. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 95. **IV—191.** *Вл. Виленский (Сибиряков).*

122. **Керженцев, П. М.** Газета. Изд. «Красная Новь». 1924. Стр. 173. **V—194.** *Я. Шафир.*

123. **Клейнборт, А. М.** Очерки рабочей журналистики. (1873—1923 г. г.) Изд. «Петроград». 1924. Стр. 163. **V—194.** *Я. Шафир.*

124. **Ленин, Н.** (В. Ульянов). Задачи рабочей печати. Изд. «Красная Новь». 1924. Стр. 99. **V—197.** *Я. Шафир.*

125. **Петряк, Вл.** Печать комсомольских ячеек. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 76+8 т. **V—194.** *Я. Шафир.*

126. Рабкор и степная газета. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 74. **V—194.** *Я. Шафир.*

127. **Сосновский, Л.** Дела и люди. Книга первая—Рассея. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 216. **IV—188.** *Вл. Виленский (Сибиряков).*

128. **Срединский, С.** Газетно-издательское дело. Изд. Гиж'а. М. 1924. Стр. 92. **V—194.** *Я. Шафир.*

129. **Яковлев, Я.** Деревня, как она есть. (Очерки Никольской волости.) Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 147. **IV—189.** *Я. Шафир.*

130. **Яковлев, Я.** Наша деревня. Новое в старом и старое в новом. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 176. **IV—189.** *Я. Шафир.*

131. **Эльский, Б.** Степные газеты и их организация. Изд. МГСПС. «Труд и Книга». М. 1924. Стр. 62. **V—192.** *А. Сигорский.*

IX. Профессиональное и рабочее движение.

132. **Антошкин, Д.** Профессиональное движение в России. Пособие для курсов по профдвижению. Изд. ВЦСПС. М. 1923. Стр. 100. **V—186.** *Л. Мильштейн.*

133. **Балабанов, М.** Очерки по истории рабочего класса. Ч. I. Крепостная Россия. Ч. II. Капиталистическая Россия. Изд. Соработкоопа. Киев. 1923 и 1924 г.г. Стр. 188+342. **III—194.** *А. Чекин.*

134. **Венедиктов, А.** История международного рабочего движения. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 276. **V—183.** *М. Константинов.*

135. «II Конгресс красного Интернационала». Госиздат. М. 1923. Стр. 322. **III—196.** *М. Земикман.*

136. **Гриневич, В.** Профессиональное движение рабочих в России. В. I. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 216. **I—189.** *А. Чекин.*

137. **Зиновьев, Г., Лозовский, А., Монмуссо, Г., Томский, М.** Единый фронт в профдвижении. Изд. МГСПС. «Труд и Книга». М. 1924. Стр. 136. **VI—158.** *В. Яроцкий.*

138. **Лозовский, А.** Вопросы мирового профдвижения. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 54. **I—188.** *А. Чекин*

139. **Манн, Том.** Воспоминания. Госиздат. Л.—М. 1924. Стр. 212. **VI—156.** *Ст. Кривцов.*

140. «Материалы по истории професс. движения в России». Сборник 1-й. Изд. ВЦСПС. 1924. Стр. 211. **V—185.** *А. Мильштейн.*

141. **Меницкий, И. А.** Русское рабочее движение и РСДРП. Накануне войны. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 70. **I—191.** *Вера Владимирова.*

142. **Панкратова, А.** Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 426. **I—192.** *А. Чекин.*

143. **Рид, Джон и Амтер, И.** Капитализм и рабочее движение в Америке. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 57. **VI—157.** *В. Яроцкий.*

144. **Розенфельд, О.** История профдвижения на Западе. Изд. Редиздата ОГСПС. Одесса. 1923. Стр. 118. **V—184.** *В. Дитяткин.*

145. **Фриче, В.** Очерки истории мирового рабочего движения. Рабочее движение в России. Изд. «Молодой Пролетарий». Харьков. 1923. Стр. 64. **III—193.** *В. Яроцкий.*

X. Организация труда.

146. **Амар, Жюль.** Человеческая машина. Научные основы профессионального труда. Госиздат. М. 1922. Стр. 472. **I—195.** *И. Гельман.*

147. **Герц, П. и Зайдль, Р.** Рабочее время, заработная плата и производительность труда. Госиздат. 1923. Стр. 228. **I—197.** *С. Каплун.*

148. **Винтер, Густав.** Пути к повышению производительности предприятий. Практическое руководство по применению системы Тэйлора. Изд. «Книга». Л.—М. 1924. Стр. 138. **V—187.** *Р. Гальперин.*

149. «Время». Орган «Лиги Время». Ежемесячный журнал. Изд. «Красная Новь». М. 1923—24 г. №№ 1, 2, 3, 4. Стр. 96+96+96+96. **II—194.** *О. Кауфман.*

150. **Кент, Виллиам.** Новейшая система управления промышленными предприятиями. Изд. «Книга». М.—Л. 1924. Стр. 188. **V—191.** *А. Нейфах.*

151. **Керженцев, П. М.** НОТ. Научная организация труда и задачи партии. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 37+15. **II—195.** *Д. И. Рейтинбарг.*

152. **Кнеппель, К.** Методы рациональной организации предприятий. Госиздат. М. Стр. 224. **V—187.** *Л. Рабинович.*

153. **Кунце, Фридрих,** проф. Техника умственного труда. Изд. Кул.-просв. орг. «Труд». Харьков. 1923. Стр. 104. **I—196.** *Ю. Милонов.*

154. **Лофер, Ренэ,** д-р. Организация труда с точки зрения физиологии. Госиздат. М.—Л. 1924. Стр. 76. **V—188.** *И. Гельман.*

155. **Ридель, Иоганн.** Рационализация труда. Изд. «Книга». М.—Л. 1924. Стр. 75. **V—189.** *Р. В. Минц.*

156. **Чахотин, С. С.,** проф. Организация, принципы и методы. Госиздат. М.—Л. 1924. Стр. 196. **V—190.** *И. Шпильрейн.*

XI. Литература о Востоке.

157. **Виленский, Вл.** (Сибиряков). Сун-Ят-Сен, отец китайской революции. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 182. **VI—191.** *М. Константинов.*

158. Der Freicheitskampf der indischen Nationalisten. Die Arbeit eines Jahrzehnts 1906—1917. Zentralkomitet der indischen Nationalisten. Berlin. 1918. Стр. 324. **VI—193.** *Б. Пурецкий.*

159. **Роллан, Ромэн.** Махатма Ганди. Изд. «Эпоха». Берлин. 1924. Стр. 114. **VI— 189.** *В. Кряжин.*

160. **Seton, Grace Thompson.** A Woman tenderfoot in Egypt. New-York. 1923. Стр. 266. **VI—** *Б. Пурецкий.*

XII. История.

1. Всеобщая история.

161. **Васильев, А. А.** История Византии. Латинское владычество на Востоке. Изд. «Academia». II. 1923. Стр. 76. **III—197.** *И. Стеллецкий.*

162. **Жебелев, С. А.** Введение в археологию. Ч. II. Теория и практика археологического знания. Изд. «Наука и Школа». II. 1923. Стр. 172. **II—196.** *Н. Щербаков.*

163. **Захаров, А. А.** Эгейский мир в свете новейших исследований. Изд. М. и С. Сабашниковых. II. 1924. Стр. 154. **III—199.** *Н. Щербаков.*

164. **Кампфмейер, П.** История современных общественных классов в Германии. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 373. **II—199.** *А. Дивильковский.*

165. **Меринг, Фр.** История Германии с конца средних веков. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 266. **II—198.** *А. Слуцкий.*

166. **Нейрат, О.** История античного хозяйства. Госиздат Украины. Николаев. 1924. Стр. IV+105. **II—197.** *Е. Кагаров.*

2. История революционных движений на Западе.

167. **Беркова, К. Н.** Процесс Людовика XVI. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 308. **I—201.** *Н. Лукин-Антонов.*

168. **Бернштейн, Эд.** Английская революция XVII века. Изд. «Основа». Иваново-Вознесенск. 1924. Стр. 181. **IV—192.** Проф. *Е. Косминский.*

169. **Бернштейн, Эд.** Социализм и демократия в Великой английской революции. Госиздат. М.—Л. 1924. Стр. 314. **IV—192.** Проф. *Е. Косминский.*

170. **Венедиктов, А.** Первый Интернационал. Госиздат. М. 1924. Стр. 74. **VI— 170.** *И. Я. Браславский.*

171. **Верморель, А.** Деятели сорок восьмого года. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 299. **I—202.** *Н. Лукин-Антонов.*

172. **Вернер, П.** Баварская Советская республика. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 171. **V—220.** *И. Ильинский.*

173. **Волков, Е. З.** Христо Ботев. (На заре балканского революционного коммунизма.) Госиздат. 1923. Стр. 227. **II—206.** *Б. Горев.*

174. **Дюбуа-Поль, Л.** Ирландская драма. (Борьба Ирландии за независимость.) Изд. «Петроград». 1924. Стр. 51. **IV—197.** *П. Керженцев.*

175. **Жорес, Жан.** История Великой французской революции. Т. III. Конвент (I), в. II. Социально-политические идеи Европы и революции. Госиздат. Стр. 300. **IV—194.** *Ц. Фридлянд.*

176. «Интернационал», ежемесячный журнал, основанный Розою Люксембург и Фр. Мерингом. Единственный номер, вышедший в 1915 г. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 116. **I—207.** *Ст. Кривцов.*

177. **Кареев, Н.** Две английских революции XVII в. Изд. «Сеятель». Л. 1924. Стр. 971. **II—202.** *А. Слуцкий.*

178. **Кареев, Н.** Французская революция в историческом романе. Изд. «Сеятель». П. 1923. Стр. 154. **V—220.** *Гордон.*

179. **Конради, А.** История революций от Нидерландского восстания до кануна Французской революции. Т. I. Госиздат. М.—П. Стр. 416. **II—204.** *Н. Лукин-Антонов.*

180. **Люксембург, Роза.** Письма к Карлу и Луизе Каутским (1896—1918 г. г.). Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 194. **I—204.** *М. Клевенский.*

181. **Молок, А. И.** Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 года. Госиздат. Л. 1924. Стр. 125. **IV—195.** *Н. Лукин-Антонов.*

182. **Ренар, Жорж.** Республика 1848 года (1848—1852). Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 437. **VI—169.** *Н. Лукин.*

183. **Saint-André de Pouget.** Les auteurs cachés de la Révolution française. (D'après des documents inédits). Libr. académique. Perrin et C-ie. Paris. 1923. Стр. 296. **V—219.** *А. Ольшевский.*

184. **Слоссон, Престон Вилльям.** Чартистское движение и причины его упадка. Изд. «Мир». М. 1923. Стр. 168. **VI—168.** *Б. Горев.*

185. Французская революция в провинции и на фронте. (Донесения комиссаров Конвента.) Госиздат. М. — Л. 1924. Стр. 324. **VI — 168.** *М. Зеликман.*

186. **Цеткин, Клара.** Роза Люксембург и русская революция. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 240. **I—206.** *М. Брагинский.*

3. Русская история.

187. Аграрный вопрос в Совете Министров (1906 г.). Госиздат. М.—Л. 1924. Стр. 177. **V—200.** *Ю. Спасский.*

188. **Богданович, А. В.** Три последних самодержца. Дневник. Изд. Л. Д. Френкеля. 1924. Стр. 503. **V—202.** *М. Клевенский.*

189. **Buchanan, George, Sir.** My mission to Russia and other diplomatic memories. London and New-York. Изд. Cassel and C-ie. Ltd. 2 тома. Том I. Стр. XV+253. Том II, стр. 280. **IV—219.** *А. Конторович.*

190. **Вермель, С. С.** Московское изгнание (1891—1892). Впечатления, воспоминания. Изд. автора. М. 1924. Стр. 45. **V—201.** *Б. Павлов.*

190а. «Дневник А. С. Суворина». Изд. Френкель. М.—П. 1923. Стр. 407. **I—68.** *Г. Гордон.*

191. Дневники имп. Николая II. Кн-ство «Слово». 1923. Берлин. Стр. 275. **I — 212.** *А. А. Сергеев.*

192. **Жевахов, Н. Д.,** князь. Воспоминания. Первый том. Сентябрь 1915—март 1917. Мюнхен. 1923. Стр. 447. **IV—222.** *М. Клевенский.*

193. **Колосов, Е. Е.** Государева тюрьма—Шлиссельбург. (По официальным данным.) Изд. «Атеней». П. 1924. Стр. 255. **V—199.** *М. Клевенский.*

194. **Любош, С.** Последние Романовы. Изд. «Петроград». Л.—М. 1924. Стр. 288. **IV—224.** *А. Сергеев.*

195. «Материалы для биографии М. Бакунина». Редакция и примечания Вячеслава Полонского. Т. I. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. XII+638. **I—214.** *Л. Гроссман.*

196. **Павлов-Сильванский, Н.** Феодализм в древней Руси. Изд. «Прибой». П. 1924. Стр. 160. **I—209.** *А. Неусыхин.*

197. **Пархоменко, Вл. А.,** проф. У истоков русской государственности. Госиздат. Л. 1924. Стр. 113. **VI— 160.** *И. Макаров.*

198. «Переписка Вильгельма II с Николаем II». 1894—1914. Центрархив. Госиздат. 1923. Стр. 198. **I—211.** *М. Клевенский.*

198а. «Победоносцев, К. П. и его корреспонденты». Т. I. Полутомы 1 и 2. Госиздат. М. 1923. Стр. 1147. **I—61.** Проф. *П. Преображенский.*

199. **Покровский, М.** Русская история в самом сжатом очерке. Ч. III. XX век. Вып. I. 1896 — 1906. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 295. **IV—217.** *В. Дитякин.*

200. **Поливанов, А. А.** Мемуары. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 г.г. Т. I. Изд. Высш. Военн. Ред. Сов. М. 1924. Стр. 239. **VI—159.** *М. Клевенский.*

201. **Тхоржевский, С. И.** Народные волнения при первых Романовых. П. 1924. Стр. 222. **IV—218.** *В. Пичета.*

4. История революционного движения в России.

202. **Авдеев, Н.** Революция 1917 года. Т. II. Апрель — май. Истпарт. Госиздат. 1923. Стр. 307. **I—222.** *С. Пионтковский.*

203. **Аптекман, О.** Общество «Земля и Воля» 70-х г. г. по личным воспоминаниям. Изд. «Колос». П. 1924. Стр. 452. **III—200.** *М. Клевенский.*

204. **Аросев, Ал.** Как это произошло. (Октябрьские дни в Москве.) Воспоминания-материалы. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 62. **II—211.** *Г. Лелевич.*

205. **Арский, Р.** Крестьянский вопрос в Польше. М. 1923. Стр. 66. **IV—211.** *В. Пичета.*

206. **Астров, В.** «Экономисты», предтечи меньшевиков. («Экономизм» и рабочее движение в России на пороге XX века.) Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 114. **II—207.** *Вл. Виленский (Сибиряков).*

207. **Ашенбреннер, М. Ю.** Военная организация Народной Воли и другие воспоминания (1860—1904). Изд. Об-ва б. политкаторжан и ссыльно-поселенц. М. 1924. Стр. 200. **III—201.** *М. Клевенский.*

208. **Баевский, Д.** История рабочей печати в России. Вып. I. Изд. Коммунист. Ун-та им. Свердлова. М. 1923. Стр. 304. **IV—207.** *В. Невский.*

209. «Былое Урала», № 3. Изд. Истпарта Башобкома РКП. Уфа. 1924. Стр. 248. **VI—165.** *С. Пионтковский.*

210. **Вильямс, А. Р.** Очерки русской революции. Госиздат. 1924. Стр. 202. **IV—214.** *С. Пионтковский.*

211. **Владимирова, Вера.** Революция 1917 года. Том. III. Июнь—июль. Истпарт. Госиздат. 1923. Стр. 400. **I—222.** *С. Пионтковский.*

212. **Владимирова, Вера.** Контр-революция в 1917 г. (Корниловщина.) Истпарт. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 224. **V—213.** *Г. Лелевич.*

213. **Владимирова, В.** Революция 1917 года. Т. IV, август—сентябрь. Истпарт. Л. 1924. Стр. 422. **V—214.** *С. Пионтковский.*

214. **Волков, Е. З.** Среди моряков и речников торгового и военного флота (1906—1914 г. г.). По данным процесса 1914 г. и личным воспоминаниям. Госиздат. Стр. 263. **III—209.** *К. Злинченко.*

215. **Горев, Б. И.** Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895—1905. Госиздат. Л. 1924. Стр. 89. **V—210.** *В. Невский.*

216. «Группа „Освобождение Труда“». (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, Л. Г. Дейча.) Под ред. Л. Г. Дейча. Сборник № 1. Госиздат. М. 1924. Стр. 309. **V—206.** *Г. Лелевич.*

217. «Декабрь 1905 года на Красной Пресне». Сборник статей и воспоминаний. Под ред. В. Невского. Госиздат. М.—П. Стр. 187. **V—217.** *К. Злинченко.*

218. **Дыбенко, П. Е.** Мятежники. Изд. «Красная Новь». 1923. Стр. 111. **II—217.** *К. Злинченко.*

219. «Из эпохи «Звезды» и «Правды». 1911—1914. Вып. III. Госиздат. М.—Л. 1924. Стр. 291. **IV—207.** *А. Шляпников.*

220. «История Екатеринославской соц.-демократической организации» (1889—1903 г. г.). Воспоминания, документы, литер. и худож. материалы. Изд. Екатер. Ком. по истории Октябрьск. рев. и РКП. 1923. Стр. 430. **I—220.** *В. Невский.*

221. **Каменев, Л. Б.** Между двумя революциями. Сборник статей. Изд. «Новая Москва». 1923. Стр. 632. **IV—202.** *П. Лепешинский.*

222. **Каптерев, Л.** Дубинщина. Очерк по истории восстания далматовских монастырских крестьян в XVIII веке. Изд. «Уралкнига». Екатеринбург. 1924. Стр. 38. **III—208.** *Г. Лелевич.*

223. **Коваленский, М.** Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Кн. 1-я. Изд. «Мир». М. 1923. Стр. 227. **I—217.** *Б. Козьмин.*

224. «Колчаковщина». Сборник под ред. Н. Райвида и В. Быкова. Изд. «Уралкнига». Екатеринбург. 1924. Стр. 248. **VI—163.** *Г. Лелевич.*

225. **Крыленко, Н. В.** За пять лет. 1918—1922. Обвинительные речи. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 525. **IV—209.** *И. Ильинский.*

226. **Лемке, М.** Политические процессы в России 1860 г. г. (По архивным документам.) Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 684. **I—218.** *Б. Козьмин.*

227. «Ленин и Брестский мир». Статьи и речи Н. Ленина в 1918 г. о Брестском мире. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 118. **II—212.** *Г. Гордон.*

228. **Мартов, Ю. О.** Мировой большевизм. «Искра». Берлин. 1923. Стр. 110. **IV—199.** *В. Невский.*

229. **Маслов, П.** Крестьянские движения в России. Ч. I. Изд. «Мир». М. 1923. Стр. 137. **I—219.** *Ю. Спасский.*

230. «Материалы по истории гражданской войны». Т. III. Изд. Высш. Военн. Ред. Сов. 1924. Стр. 160. **III—206.** *Дм. Фурманов.*

231. **Медем, В.** По царским тюрьмам. (Тюремные воспоминания.) Изд. «Книга». 1924. Стр. 88. **V—208.** *М. Клевенский.*

232. **Моисеенко, П. А.** Воспоминания. 1873—1923. Истпарт. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 214. **VI—163.** *Г. Лелевич.*

233. **Немирович-Данченко, Г. В.** В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин. 1922. Стр. 120. **II—213.** *С. Ингулов.*

234. **Никифоров, П.** Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке. Изд. «Московский Рабочий». М. 1923. Стр. 64. **II—208.** *Вл. Виленский (Сибиряков).*

235. «Октябрь на Кубани и Черноморье». Кубано-Черноморский Истпарт. Краснодар. 1924. Стр. 166. **V—215.** *С. Пионтковский.*

236. **Панкратов, В. С.** Воспоминания. Как приходилось работать среди рабочих в 1880—1884 годах. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 112. **IV—201.** *Б. Козьмин.*

237. «Партия меньшевиков и деникинщина». Процесс киевских меньшевиков. (21—22 марта 1920 г.) Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 119. **VI—162.** *М. Зеликман.*

238. «Первый Съезд РСДРП.». Сборник статей и материалов. Госиздат Украины. 1923. Стр. 192. **II—208.** *В. Невский.*

239. **Пионтковский, С. А.** Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. Госиздат. М. 1923. Стр. 124. **II—209.** *Г. Лелевич.*

240. **Пионтковский, С.** 9-е января 1905 г. Популярный очерк. Изд. «Прибой». Л. 1924. Стр. 80. **III—204.** *М. Клевенский.*

240/а **П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова.** Письма. Материалы по истории революционного движения. Т. I. Берлин. 1923 **VI—38.** *В. Невский.*

241. **Познер, С.** Дела и дни Петрограда. 1917—1921. Воспоминания-размышления. Берлин. 1923. Стр. 63. **IV—212.** *М. Клевенский.*

242. **Покровский, М. Н.** Борьба классов и русская историческая литература. Изд. «Прибой». П. 1923. Стр. 137. **IV—198.** *В. Дитякин.*

243. **Полярный, Л.** Последний перевал. Изд. «Пролетарий». 1923. Стр. 102. **V—216.** *Дм. Фурманов.*

244. **Попов, И.** Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Ч. I. Детство и годы борьбы. Изд. «Колос». 1924. Стр. 180. **III—203.** *М. Клевенский.*

245. **Прибылев, А. В.** В динамитной мастерской и Карийская политическая тюрьма. Из воспоминаний народовольца. Госиздат. Л. 1924. Стр. 79. **V—208.** *Б. Козьмин.*

246. «Пролетарская революция на Дону». Сборник IV. Калединщина и борьба с нею. Изд. «Дон. Истпарта». Стр. 272. **VI—166.** *С. Пионтковский.*

247. «Революция на Дальнем Востоке». В. I. Госиздат. М. 1923. Стр. 433. **II—208.** *Вл. Виленский (Сибиряков).*

248. **Рейснер, Лариса.** Фронт 1918—1919 г. Изд. «Красная Новь». М. Стр. 130. **IV—215.** *Валерьян Полянский.*

249. **Самойлов, Ф. Н.** Воспоминания об Иваново - Вознесенском рабочем движении 1906—1911 годов. Госиздат. 1924. Стр. 124. **V—212.** *Дм. Фурманов.*

250. **Сидоров, К. Ф.** Забастовочное движение в России (в диаграммах). Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 13+XIII. **III—210.** *А. Чекин.*

250/а **Суханов, Н.** Записки о революции. Книги третья и четвертая. Изд. Гржебина. Берлин—П.—М. **I.—75.** *А. Шляпников.*

251. **Танеева, А.** (Вырубова). Страницы из моей жизни. 1923. Стр. 200. **V—203.** *А. А. Сергеев.*

252. **Тепер, И.** Махно. Изд. «Молодой Рабочий». 1924. Стр. 121. **IV—213.** *Дм. Фурманов.*

253. «Техника большевистского подполья». Сборник статей и воспоминаний. Выпуски I и II. Истпарт. Госиздат. Л.—М. Стр. 297 и 176. **V—209.** *К. Зличенко.*

254. **Уорд, Джон.** Союзная интервенция в Сибири. 1918—1919 г. г. Госиздат. 1923. Стр. 171. **II—212.** *Вл. Виленский (Сибиряков).*

255. **Файнштейн, А.** Марк Малиновский. Рабочий-пропагандист 70-х годов. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 52. **I—223.** *Г. Лелевич.*

256. **Федосеев, Николай Евграфович**—один из пионеров революционного марксизма в России. (Сб. воспоминаний.) Госиздат. 1923. Стр. 184. **III—204.** *А. Аросов.*

257. **Циперович, Г.** За полярным кругом. Десять лет ссылки в Колымске. Госиздат. Л. 1924. Стр. 242. **III—206.** *В. Ногин.*

258. «Червоное казачество». Сборник материалов по истории червоного казачества. Изд. «Путь Просвещения» и «Молодой Рабочий». Харьков. 1924. Стр. 310. **VI—166.** *Дм. Фурманов.*

259. **Шляпников, А.** Семнадцатый год. Книга первая. Госиздат. М. 1923. Стр. 348. **II—215.** *Г. Лелевич.*

260. «Экономическое развитие и классовая борьба в России, XIX и XX в. в.». Том I. Сост. С. Вознесенский. Изд. «Прибой». 1924. Стр. 318. **V—205.** *Дитякин. В.*

XIII. История культуры.

261. **Адлер, Б. Ф.,** проф. От наготы до обильных одежд. Госиздат. Берлин. 1923. Стр. 43. **III—212.** *В. К. Никольский.*

262. **Аксельрод-Ортодокс, Л.** Карл Маркс, как философ. Изд. «Путь Просвещения». Харьков. 1924. Стр. 79. **III—213.** *Г. Баммель.*

263. **Берлин, Я. А.** Дикари, их быт и нравы. Госиздат. М. 1924. Стр. 379. **VI—176.** Проф. *П. Преображенский.*

264. **Богаевский, Б. Л.** Крит и Микены. (Эгейская культура.) Госиздат. Стр. 257. **IV—227.** *Н. Щербаков.*

265. **Бузескул, В. П.,** проф. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. II. Греческий мир. Изд. «Academia». II. 1924. Стр. 182. **V—224.** *Н. Щербаков.*

266. **Бухарин, Н.** Пролетарская революция и культура. Изд. «Прибой». II. 1923. Стр. 56. **I—199.** *П. Керженцев.*

267. **Bücher. K.** Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte. Tübingen. 1922. Стр. 462. **IV—225.** *В. Стоклицкая-Терешкович.*

268. **Вейлэ, Карл.** От бирки до азбуки. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 152. **III—211.** *В. К. Никольский.*

269. **Гастев, А.** Восстание культуры. Изд. «Молодой Рабочий». Харьков. 1923. Стр. 45. **I—199.** *П. Керженцев.*

270. **Левин-Дорш, А. и Кунов, Г.** Первобытная техника. Госиздат. М.—П. Стр. 462. **VI—175.** *Проф. П. Преображенский.*

271. **Мечников, Лев.** Цивилизация и великие исторические реки. Изд. «Голос Труда». М. 1924. Стр. 255. **VI—172.** *А. Неусыхин.*

272. **Нейрат, Отто.** История античного хозяйства. Госиздат Украины. 1924. Стр. 105. **V—222.** Проф. *Г. Пригоровский.*

272/а «Старый и новый быт». Сборник под ред. проф. Тана-Богораза. Госиздат. М. 1924. Стр. 141. **VI—73.** *П. Виноградская.*

273. **Тахтарев, К. М.** Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Ч. I. Госиздат. Л. 1924. Стр. 37. **V—221.** Проф. *Преображенский.*

274. Хетты и хеттская культура. Статья Ж. Контено и А. А. Захарова. Редакция и предисловие И. Н. Бороздина. Госиздат. 1924. Стр. 153. **V—223.** *Н. Щербаков.*

XIV. Науки о религии.

275. **Вильям, епископ—М. Браун.** Коммунизм и христианство. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 80. **II—237.** *Вл. Сарабьянов.*

276. **Красиков, П. А.** На церковном фронте. Изд. НКЮ. М. 1923. Стр. 311. **II—234.** *Вл. Сарабьянов.*

277. **Мальвер, А.** Наука и религия. Госиздат. 1923. Стр. 176. **II—232.** *Г. И. Бройдо.*

278. **Ньювенгуис, Домелла.** Бог, его прошлое и настоящее. Изд. «Голос Труда». М. 1923. Стр. 120. **II—233.** *Г. И. Бройдо.*

279. **Сухов, А.** Религия в свете современного знания. Госиздат Украины. Одесса. 1923. Стр. XVI+270. **II—230.** Проф. *Е. Кагаров.*

280. **Федоров, В.** Христа не было. Изд. «Буревестник». Краснодар. 1923. Стр. 83. **II—235.** *Г. И. Бройдо.*

XV. Философия и психология.

281. **Бине, А. и Симон, Т.** Методы измерения умственной одаренности. Госиздат Украины. 1923. Стр. 180. **VI— 180.** *Д-р Залкинд.*

282. **Войтоловский, Л.** Очерки коллективной психологии. Ч. I. Психология масс. Госиздат. М. 1924. Стр. 87. **II—222.** *И. Ильинский.*

283. **Вундт, Вильгельм.** Мировая катастрофа и немецкая философия. Изд. «Полярная Звезда». П. 1922. Стр. 22. **I—224.** *Л. Н. Лернер.*

284. **Геллер, И. З.** Жизнь и личность Канта. Изд. «Academia». П. 1923. Стр. 88. **IV—233.** *Л. Н. Лернер.*

285. **Геффдинг, Гаральд.** Учебник истории новой философии. Госиздат. М. 1924. Стр. 266. **V—227.** *И. Луппол.*

286. **Геффдинг, Г.** Очерки психологии, основанной на опыте. Госиздат. М. 1923. Стр. 308. **V—230.** *Г. Баммель.*

287. **Гюйо, Ж. М.** Нравственность без обязательства и без санкции. Изд. «Голос Труда». М. 1923. Стр. 144. **I—226.** *А. Дивильковский.*

288. **Деборин, А.** Книга для чтения по истории философии. Т. I. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 446. **V—228.** *Г. Гордон.*

289. «История философии в марксистском освещении». Статьи и отрывки. Ч. I. Сост. Б. Б. Столпнер и П. Юшкевич. Изд. «Мир». М. 1924. Стр. 292. **V—233.** *Григорий Баммель.*

290. **Корш, Карл.** Марксизм и философия. Изд. «Октябрь Мысли». М. 1924. Стр. 89. **V—225.** *И. Лупполь.*

291. **Кречмер, Э.** Строение тела и характер. Госиздат. 1924. Стр. 288. **V—238.** *А. Залкинд.*

292. **Ладыженский, А. М.,** проф. Кризис современной культуры и его отражение в новейшей философии. Ростов н/Д. 1924. Стр. 49. **IV—229.** *Ц. Фридлянд.*

293. **Лазурский, А. Ф.,** проф. Классификация личностей. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 338. **II—225.** *М. Рейснер.*

294. **Маутнер, Ф.** Атеизм в эпоху Великой французской революции. Изд. «Петроград». Л. 1924. Стр. 78. **VI— 178.** *И. Луппол.*

295. «Очередное извращение марксизма». О «теории» Енчмена. Сборник статей под ред. С. Гириниса. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 139. **V—235.** *Г. Баммель.*

296. **Пикель, Р. В.** Великий материалист древности (Демокрит). Изд. «Новая Москва». М. 1923. Стр. 113. **II—220.** *Г. Баммель.*

297. **Руднянский, С.** Беседы по философии материализма. Пособие для самообразования. Госиздат. М. 1924. Стр. 114. **VI—177.** *Г. Баммель.*

298. **Севастьянов, И.** Лекции по философии живой природы. Туркестанское Гос. Изд. Ташкент. 1922. Стр. 185. **V—236.** *С. Васильев.*

299. **Струминский, В. Я.** Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма. В. I. Киргизское Госиздат. Оренбург. 1923. Стр. 412. **V—230.** *Григорий Баммель.*

300. «Труды института красной профессуры». Под ред. М. Н. Покровского. Т. I. Работы семинариев философского, экономического и исторического за 1921—1922 г.г. Госиздат. М. 1923. Стр. 374. **IV—231.** *Гр. Баммель.*

301. «Хрестоматия материализма». Французские материалисты XVIII в. Вып. I. Бог, природа и человек. Изд. «Прибой». П. 1923. Стр. 240. **II—219.** *Ст. Кривцов.*

XVI. Науки об обществе и государстве.

302. **Варшавский, К. М.** Трудовой договор по кодексу законов о труде СССР. Изд. «Academia». П. 1923. Стр. 107. **IV—244.** *С. Минц.*

303. **Гойхбарг, А.** Основы частного имущественного права. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 135. **VI—188.** *И. Ильинский.*

304. **Гурвич, Г. С.,** проф. История Советской конституции. Изд. Социалист. Академии. М. 1923. Стр. VII—216. **I—231.** *И. Ильинский.*

305. **Дурденевский, В.** Послевоенные конституции Запада. Ч.ч. I и II. Госиздат. Л. 1924. Стр. 135 и 167. **VI—184.** *И. Ильинский.*

306. **Коровин, Е. А.,** проф. Международное право переходного периода. Госиздат. М.—Л. 1924. Стр. 136. **IV—242.** *И. Ильинский.*

307. **Куфаев, В. И.** Юные правонарушители. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 238. **VI—185.** *А. Пионтковский.*

308. **Лившиц, Е. С.** Детская беспризорность и новые формы борьбы с нею. Изд. «Работник Просвещения». М. 1924. Стр. 25. **VI—187.** *С. Марголина.*

309. **Магеровский, Д. А.,** проф. Союз Советских Социалистических Республик. (Обзор и материалы.) Юрид. Изд. НКЮ. 1923. Стр. 185. **I—233.** *Г. И. Бройдо.*

310. **Магеровский, Д.** Государственная власть и государственный аппарат. Стр. 180. **VI—182.** *И. Луппол.*

311. **Палиенко, Н. И.,** проф. Конфедерация, федерация и Союз Советских Социалистических Республик. Госиздат Украины. 1923. Стр. 71. **I—229.** *П. Стучка.*

312. «Проблемы марксизма». Сборник второй. Проблема преступности. Ред. и пред. М. С. Рязанова. Госиздат Украины. 1924. Стр. 266. **IV—240.** *А. Пионтковский.*

XVII. Военное дело.

313. **Дюпон.** Высшее германское командование. Изд. Высш. Военн. Ред. Сов. М. 1923. Стр. 91. **I—236.** *Г. Гордон.*

314. «Красный военный флот». Сборник под ред. И. Гордеева. Изд. Центр. Ком. по провед. недели Красного Флота. М. 1923. Стр. 386. **III—221.** *Ф. Раскольников.*

315. **Лефебюр, В.,** майор. Загадка Рейна. Химическая стратегия в мирное время и во время войны. Изд. «Военный Вестник». М. 1923. Стр. 183. **III—215.** *М. Павлович.*

316. **Меринг, Франц.** Очерки по истории войны и военного искусства. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 388. **III—220.** *С. Белицкий.*

317. Танки в великой войне. (1914—1918.) Сост. полк. Фуллером. Изд. Высш. Военн. Ред. Сов. М. 1923. Стр. 264. **I—237.** *Е. Смысловский.*

318. «Французские железные дороги и война». Ле-Энеф и Борнэк. Изд. Высш. Военн. Ред. Сов. М. 1923. Стр. 284. **III—217.** *В. Н. Чеботаревский.*

319. **Шлиффен, фон, А.,** Канны. Изд. Высш. Военн. Ред. Сов. М. 1923. Стр. 214. Схем. 101. **I—234.** *Г. Гордон.*

XVIII. Народное просвещение.

320. **Баскин, М. П. и Чудновцев, М. И.** Хрестоматия по политграмоте. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 315. **IV—247.** *И. Ильинский.*

321. **Бердников, А. и Светлов, Ф.** Курс политграмоты. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 640. **IV—247.** *И. Ильинский.*

322. «Вопросы воспитания нормального и дефективного ребенка». Сб. статей под ред. проф. А. С. Грибоедова, А. К. Борсука и В. В. Белоусова. Госиздат. Л. 1924. Стр. 232. **V—241.** *С. Гуров.*

323. **Граборов, А. И.,** проф. Вспомогательная школа. (Школа для умственноотсталых детей.) Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 328. **V—243.** *В. Кронин.*

324. «Да здравствует труд». Пособие для работ со взрослыми по комплексному методу. Составила Д. Элькина. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 411. **I—243.** *Е. Медынский.*

325. **Державин, Н. С.,** проф. Высшая школа и революция. Госиздат. П. 1923. Стр. 47. **I—245.** *И. Аксенов.*

326. **Зеленко, А.** Общественные центры и народные дома в Сев. Америке. Американское Изд-во. Прага. 1923. Стр. 292. **IV—251.** *В. Чарнолуский.*

327. «Искусство в рабочем клубе». Изд. «Всероссийский Пролеткульт». М. 1924. Стр. 139. **VI—212.** *Б. Нейман.*

328. **Карсен, Ф.** Современные опытные школы Германии. Госиздат. М.—Л. 1924. Стр. 217. **VI—210.** *Г. Вейсберг.*

329. **Кельман, Е. И.** О постановке юридического образования в высшей школе. Киев. 1923. Стр. 20. **V—245.** *С. Минц.*

330. **Медынский, Е. Н.,** проф. Энциклопедия внешкольного образования. Т. II. Отдельные виды содействия внешкольному образованию. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 171. **IV—250.** *В. Менжинская.*

331. «Методы и формы политико-просветительной работы». Указатель литературы. В. I. Под ред. Л. Н. Троповского. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 215. **V—242.** *В. Чарнолуский.*

332. «На путях к новой школе». Сборник статей с пред. Н. К. Крупской. Изд. «Работник Просвещения». М. 1924. Стр. 244. **I—242.** *Б. А. Плюснин.*

333. «Обществоведение в школе». Под ред. А. Ефремина, Вад. Смушкова. Вып. I. Изд. «Работник Просвещения». М. 1923. Стр. 86. **IV—245.** *А. Иоаннисиани.*

334. **Покровский, М. Н.** Марксизм в школе. Госиздат. Л. 1924. Стр. 31. **VI—206.** Проф. *А. Селиханович.*

335. «Современность и обществоведение в школе». Изд. «Новая Москва». М. 1923. Стр. 88. **IV—245.** *А. Иоаннисиани.*

336. **Соколов, К. Н.** Методы комплексного преподавания. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 221. **IV—249.** *М. Пистрак.*

337. **Успенский,** акад. Избранные математические развлечения. Изд. «Сеятель». Л. 1924. Стр. 264. **V—245.** Проф. *В. А. Костицын.*

338. **Хилькер, Ф.** и др. Искусство и школа. Изд. «Разум». Берлин. Стр. 110. **IV—254.** Акад. *Ф. И. Шмит.*

339. **Шацкий, С. Т.** Годы исканий. Изд. «Мир». М. 1924. Стр. 238. **VI—208.** *А. Иоаннисиани.*

340. **Шуберт, Г.** Математические развлечения и игры. Изд. «Матезис». Одесса. 1923. Стр. 188. **V—245.** Проф. *В. А. Костицын.*

341. «Этапы новой школы». Сборник под ред. С. Т. Шацкого. Из работ 1-й Оп. Станции по народн. образ. при Наркомпросе. Изд. «Работник Просвещения». М. 1923. Стр. 144. **I—240.** *Н. В. Чехов.*

XIX. Языкознание.

342. **Brunot, Ferd.** La pensée et la langue. Méthode, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français. Paris. Masson et C-ie Editeurs. 1922. Стр. XXXVI+954. **V—263.** *М. Кенигсберг.*

343. **Vendryes, J.,** prof. Le langage. Introduction linguistique à l'histoire. Paris. 1921. XXVIII+420. **V—261.** *М. Петерсон.*

344. **Дурново, Н. Н.,** проф. Грамматический словарь. (Грамматические и лингвистические термины.) Изд. Л. Д. Френкеля. М.—Л. 1924. Стр. 154 **V—266.** *М. Петерсон.*

345. **Петерсон, М. Н.** Очерк синтаксиса русского языка. Госиздат. М. 1923. Стр. 192+11. **II—242.** *А. Пешковский.*

346. **Поливанов, Е. Д.** Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. Госиздат. Берлин. 1923. Стр. 95. **II—239.** *М. Петерсон.*

347. **Райнов, Т.** Александр Афанасьевич Потебня. Изд. «Колос». П. 1924. Стр. 110. **V—264.** *М. Петерсон.*

348. «Русская речь». Сборник статей, под ред. Л. В. Щербы. I. Труды фонетического Инст. практического изучения яз. П. 1923. Стр. 296. **II—240.** *М. Кенигсберг.*

XX. Науки о природе.

349. Anthropologie unter Leitung von G. Schwalbe und E. Fischer. Verlag. V. Teubner in Leipzig und Berlin. 1923. Стр. 684. **I—246.** *М. Гремяцкий.*

350. **Аррениус, Сванте.** Химия и современная жизнь. Изд. «Земля и Фабрика». М. 1924. Стр. XXX+397. **V—256.** Проф. *Н. Изгарышев.*

351. «Аскания-Нова». Степной заповедник Украины. Сборник статей, под ред. М. Завадовского и Б. К. Фортунатова. Госиздат. М. 1924. Стр. 376. **V—258.** Проф. *Б. Житков.*

352. **Werth, E.** Der fossile Mensch. Berlin. 1923. Стр. 576. **VI—201.** *М. Гремяцкий.*

353. **Волоцкой, М. В.** Поднятие жизненных сил расы. Изд. «Жизнь и Знание». М. 1923. Стр. 96. **I—248.** *Ю. Филипченко.*

354. **Гааз, Артур,** проф. Физическая картина мира по данным новой физики. Изд. Л. Д. Френкеля. М.—Л. 1924. Стр. 108. **IV—238.** *С. Вавилов.*

355. **Гольдгаммер, Д. А.,** проф. Невидимый глазу мир. I. Молекулы и атомы. Госиздат. Берлин. 1923. Стр. 157. **II—248.** *Э. Шпольский.*

356. **Дуров, В. Л.** Дрессировка животных. Психологические наблюдения над животными, дрессированными по моему методу. (40-летний опыт.) Универсальное Издательство. М. 1924. Стр. 500. **VI—203.** *Н. Кольцов.*

357. **Заболотный, Д.** Невидимые враги или микробы. Госиздат. Берлин. 1923. Стр. 36. **IV—235.** *М. Гремяцкий.*

358. **Замятин.** Роберт Мейер. Госиздат. Берлин. 1922. Стр. 72. **II—252.** *М. Завадовский.*

359. **Каменщиков, Н.** Начальная астрономия. Госиздат. Л. 1924. Стр. 168. **IV—236.** *С. Блажко.*

360. **Козо-Полянский, Б. М.,** проф. Последнее слово антидарвинизма. Изложение и критический разбор теории номогенеза — нового учения об эволюции органического мира. Изд. «Буревестник». Краснодар. 1923. Стр. VIII+129. **III—225.** Проф. *А. Иванцов.*

361. **Комаров, В. Л.** Линней. Госиздат. Берлин. 1923. Стр. 88. **VI—200.** Проф. *В. Талиев.*

362. **Конобеевский, С. Т.** Строение вещества. Госиздат. М. 1922. Стр. 206. **I—245.** *Э. Шпольский.*

363. **Костицын, В. А.,** проф. Курская магнитная аномалия. Госиздат. 1923. Стр. 60. **III—227.** Проф. *С. Бастамов.*

364. **Лучицкий, В. И.** Курс петрографии. Госиздат. М. 1922. Стр. 341+III. **III—226.** Проф. *Г. Вульф.*

365. **Льюис, Виллиам.** Теория квант в физической химии. Изд. «Academia». 1924. Стр. 202. **VI—205.** *А. Тимирязев.*

366. «Малая биологическая энциклопедия». Под ред. П. Ю. Шмидта. Изд. Л. Д. Френкеля. М.—Л. 1924. Стр. 291. **IV—239.** *Ник. Кольцов.*

367. **Мейер, В.** Гибель земли. Конец света. Изд. «Земля и Фабрика». М.—Л. 1924. Стр. 136. **VI—200.** Проф. *В. Костицын.*

368. **Мензбир, М. А.** Великий ледниковый период Европы. (Век мамонта и пещерного человека.) Изд. М. и С. Сабашниковых. П. 1923. Стр. 120. **II—246.** *И. Стеллецкий.*

369. **Меншуткин.** «Зинин». Госиздат. Берлин. 1923. Стр. 122. **II—252.** *М. Завадовский.*

370. **Мизес, Р.,** проф. Основные идеи современной физики и новое миросозерцание. Изд. «Сеятель». П. 1924. Стр. 61. **VI—204.** *А. Тимирязев.*

371. **Никольский, А. М.,** проф. Летние поездки натуралиста. Госиздат. Л. 1924. Стр. 241. **V—259.** *С. Покровский.*

372. **Перельман, Я. И.** Межпланетные путешествия. Академич. Изд-во. П. 1923. Стр. 127. **III—223.** *А. Михайлов.*

373. **Покровский, К.** Путеводитель по небу. Госиздат. Берлин. 1923. Стр. 262. **III—223.** *А. Михайлов.*

374. **Соболев, Д.** Начала исторической биогенетики. Госиздат Украины. Харьков. 1924. Стр. 204. **IV—234.** *М. Гремяцкий.*

375. **Стеклов.** Ломоносов. Госиздат. Берлин. 1922. Стр. 203. **II—252.** *М. Завадовский.*

376. **Стеклов.** Галилей. Госиздат. Берлин. 1922. Стр. 103. **II—252.** *М. Завадовский.*

377. **Танфильев, Г. И.,** проф. География России и Украины. Ч. II. Вып. I. Рельеф Европейской России и Кавказа. Госиздат Украины. 1922. Стр. 343+7. **IV—238.** Проф. *А. Крубер.*

378. **Тимирязев, К.** Солнце, жизнь и хлорофилл. Сборник исследований, речей и лекций 1868—1920 г г. Госиздат. 1923. Стр. 324. **III—224.** *Ф. Крашенинников.*

379. **Ферсман, А. Е.,** акад. Три года за полярным кругом. Изд. «Молодая Гвардия». 1924. Стр. 79. **III—222.** *А. Крубер.*

380. **Филипченко, Ю. А.** Пути улучшения человеческого рода. (Евгеника.) Госиздат. 1924. Стр. 189+I нен. **IV—235.** *Ник. Кольцов.*

381. **Фрейндлих, Э.** Основы теории тяготения Эйнштейна. Госиздат. 1923—1924. Стр. 99. **V—257.** *Я. Шпильрейн.*

382. **Хвольсон, О. Д.** Характеристика развития физики за последние 50 лет. Госиздат. 1924. Стр. 218. **V—253.** *А. Тимирязев.*

383. **Hertwig, Oscar,** Das Werden der Organismen. Iena. 1922. Стр. XX+686. **II—250.** *М. Гремяцкий.*

384. **Холодковский, Н. А.,** проф. Биологические очерки. Сборник избранных статей по теории эволюции и различным вопросам биологии. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 355. **II—249.** *М. Завадовский.*

385. **Холодковский.** Мальпиги. Госиздат. Берлин. 1923. Стр. 34. **II—252.** *М. Завадовский.*

386. **Холодковский.** Ян Сваммердам. Госиздат. Берлин. 1923. Стр. 49. **II—252.** *М. Завадовский.*

387. **Чистович.** Мечников. Госиздат. Берлин. 1922. Стр. 81. **II—252.** *М. Завадовский.*

388. **Шимкевич, В.** Как произошел человек. Госиздат. Берлин. 1923. Стр. 39. **II—249.** *М. Гремяцкий.*

389. **Шимкевич, В. М.,** проф. Будущее человечество с точки зрения натуралиста. Госиздат. Берлин. 1923. Стр. 39. **II—250.** *М. Гремяцкий.*

390. **Шмидт, П. Ю.,** проф. Борьба со старостью. Госиздат. Л. 1924. Стр. 80. **VI—203.** *И. Коган.*

391. **Юнг, Г.** Солнце. Госиздат. 1923. Стр. 232. **V—256.** *А. Михайлов.*

XXI. Медицина и народное здравие.

392. **Мольков, А. В.** Социальные проблемы питания. Пособие к лекциям. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 87. **I—251.** Д-р. *А. М. Терешкович.*

393. **Смирнов, Л. И.,** д-р. Эпидемические заболевания нервной системы 1919—1921 годов. Ч. I. Сыпной тиф и нервная система. Изд. Кур-

ского отдела Здравоохранения. 1923. Стр. 224. I—255. Д-р *Л. Прозоров.*

394. **Штефко, В. Г.**, проф. Влияние голодания на подрастающее поколение России в связи с анатомическими изменениями при голодании. Крымиздат. Симферополь. 1923. Стр. 117. I—252. Д-р *В. Невзоров.*

395. **Штефко, В. Г.**, проф. Туберкулез и голодание. Крымиздат. Симферополь. 1923. Стр. 49. I—254. Врач *В. Невзоров.*

XXII. Народы и страны.

396. «Афганистан». Ч. I. Сборник статей. Изд. Всеросс. Научной Ассоциации Востоковедения. М. 1924. Стр. 204. VI—196. *А. Стрелков.*

397. **Бек, Курт.** Обитель снегов (путешествие на Гималайские ледники). Госиздат. Л. 1924. Стр. 143. V—251. Проф. *А. Крубер.*

398. **Берг, Л. С.** Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга. Госиздат. М.—П. 1924. Стр. 246. VI—198. *Н. Лебедев.*

399. **Бобынин, Н. Н.** Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля 1908—1923 г.г. Изд. НКВТ ЗСФСР. Тифлис. 1923. Стр. 557+56. V—248. *С. Минц.*

400. **Дионео.** Англия после войны. Изд. «Пламя». Прага. 1924. Стр. VII+284. V—246. *И. Ильинский.*

401. **Керженцев, П. М.** Лондон. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 134. III—229. *И. Звавич.*

402. **Кон, Феликс.** Современная Польша. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 115. V—251. *С. Будкевич.*

403. **Миклуха-Маклай, Н. Н.** Путешествие. Т. I. Путешествия в Новой Гвинее. В 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 г.г. Изд. «Новая Москва». М. 1923. Стр. 616. III—232. Проф. *П. Преображенский.*

404. **Никулин, Л.** Четырнадцать месяцев в Афганистане. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 57. III—231. *И. Рейснер.*

405. **Сноуден, Ф.** Программа рабочего правительства Англии. Изд. «Красная Новь». М.—Л. 1924. Стр. 52. V—246. *И. Ильинский.*

406. **Шагинян, Мариэтта.** Советская Армения. В. I. Армения сельско-хозяйственная. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. 128. III — 230. *А. Иоаннисиани.*

407. **Эверс, Г. Г.** Индия и я. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 269. III—233. *В. Кряжин.*

XXIII. Теория и история литературы.

408. «Архив братьев Тургеневых». Вып. 5-й. Дневник и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 годы (III том). Вып. 6-й. Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. I. 1814—1893 годы. Изд. Отд-ния русск. яз. и словесности Росс. Акад. Наук. П. 1921. Стр. VIII+528+II+542. V—267. *Н. Гудзий.*

409. **Ашукин, Н. С.** Пушкинские места в Москве и ее окрестностях. Изд. «В. В. Думнов». 1924. Стр. 80. IV—263. *Д. Благой.*

410. **Ашукин, Н. С.** По Грибоедовской Москве. Изд. «В. В. Думнов». М. 1924. Стр. 63. IV—263. *Д. Благой.*

411. **Ашукин, Н. С.** Лев Толстой. Изд. «В. В. Думнов». М. 1924. Стр. 61. IV—263. *Д. Благой.*

412. **Белинский, В. Г.** Пятидесятилетний дядюшка. Неизданный текст. С пред. А. С. Полякова. Изд. «Путь к знанию». П. 1924. Стр. 172. III—240. *Н. Бельчиков.*

413. **Белоусов, Ив.** Тарас Григорьевич Шевченко. Изд. «В. В. Думнов». М. 1924. Стр. 38. IV—263. *Д. Благой.*

414. **Berendsohn, W.** Grundformen volkstümlicher Erzählerkunst in den Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm. Hamburg. 1923. Стр. 143. VI—216. *Б. Казанский.*

415. **Волков, Р. М.** Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки. Том первый. Сказка великорусская, украинская и белорусская. Госиздат Украины. 1924. Стр. IX+238. V—275. *Р. Шор.*

416. **Wechssler, Ed.** Wege zu Dante. Halle a. S. Verlag von M. Niemeyer. 1922. Стр. XII+136. IV—257. *М. Кенигсберг.*

417. **Вешнев, В.** А. Серафимович, как художник слова. Изд. «Московский Рабочий». М. 1924. Стр. 96. VI—226. *Н. Фатов.*

418. **Горбачев, Георгий.** Очерки современной русской литературы. Госиздат. Л. 1924. Стр. 179. V—269. *Л. Войтоловский.*

419. **Гроссман, Леонид.** Театр Тургенева. Изд. «Брокгауз-Ефрон». П. 1924. Стр. 171+5. IV—271. *Н. Кашин.*

420. **Гроссман, Л.** Исповедь одного еврея. Изд. «Л. Д. Френкеля». М. 1924. Стр. 181. VI—227. *М. Клевенский.*

421. **Губер, П. К.** Дон-Жуанский список А. С. Пушкина. Изд. «Петроград». П. 1923. Стр. 280. I—256. *В. Брюсов.*

422. «Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte». 1920. Hefte 1, 2. Стр. VI+339. I—268. *Р. Шор.*

423. **Dibelius, W., von.** Englische Romankunst. Die Technik des englischen Romans im achtzehnten und zu Anfang des neunzehnten Jahrhunderts. Berlin und Leipzig. Mayer und Müller. 1922. Erster Band. Стр. XV+406. Zweiter Band. Стр. XI+471. IV—258. *Р. Шор.*

424. **Dibelius, W., von.** Charles Dickens. Mit einem Titelbilde. B. G. Teubner in Leipzig und Berlin. 1916. Стр. XIV+525. IV—258. *Р. Шор.*

425. «Дневник А. С. Пушкина». Труды Госуд. Румянц. музея. В. I. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. 578+VII. I—256. *В. Брюсов.*

426. **Долгов, Н.** А. Н. Островский 1823—1923. Жизнь и творчество. Критика. Сценические образы. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. 272. III—242. *Н. Кашин.*

427. **Ермаков, И. Д.**, проф. Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. 196. I—256. *В. Брюсов.*

428. **Ермаков, И.**, проф. Очерки по анализу творчества Гоголя. Госиздат. 1923. Стр. 252. III—236. *В. Переверзев.*

429. **Жирмунский, В.** Рифма, ее история и теория. Изд. «Academia». П. 1923. Стр. 340. I—114. *В. Брюсов.*

429а. «Историко - литературный сборник». Посвящается Всеволоду Измайловичу Срезневскому (1861—1916 г.г.). Изд. Отд-ния Русск. яз. и словесности Росс. Акад. Наук. Л. 1924. Стр. IV + 426. **V—270**. *Н. П. Кашин.*

430. **Каллаш, В. В.** Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников и переписке. Изд. В. В. Думнов. М. 1924. Стр. 168. **III—238**, *Д. Благой.*

431. **Коган, П.** Пролог. Мысли о литературе и жизни. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. 78. **III—237**. *В. Переверзев.*

432. **Короленко, Владимир.** Полное посмертное собрание сочинений. Т. L. Письма. Том. I. 1879—1887. Госиздат Украины. 1923. Стр. 236. **I—267**. *М. Клевенский.*

433. **Крученых, А.** 500 новых острот и каламбуров Пушкина. Изд. автора. М. 1924. Стр. 72. **VI—220**. *Р. Шор.*

434. **Кубиков, И. Н.** Рабочий класс в русской литературе. Изд. «Основа». Иваново-Вознесенск. 1924. Стр. 198. **III—241**. *М. Клевенский.*

435. **Львов-Рогачевский, В.** Леонид Андреев. Критический очерк. Изд. «Русский Книжник». М. 1923. Стр. 86. **II—264**. *В. Полянский.*

436. **Львов-Рогачевский, В.** А. П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах. Изд. «В. В. Думнов». М. 1923. Стр. 207. **III—238**. *Д. Благой.*

437. **Маковицкий, Д.** Яснополянские записки. Редакт. Н. Н. Гусев. В. 1—2. Изд. «Задруга». М. 1922—1923. Стр. 102+84. **III—247**. *Д. Благой.*

438. «Неизданный Пушкин». Собрание А. Ф. Онегина. Труды Пушкинского дома при Росс. Акад. Наук. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. XXIV—242. **I—256**. *В. Брюсов.*

439. «Новые Пропилеи». Под ред. М. О. Гершензона. Т. I. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. 101. **I—264**. *Н. Бродский.*

440. **Свсянико - Куликовский, Д. Н.** Статьи о Базарове и его времени. Госиздат. М. 1924. Стр. 132. VI—22[illegible] *И. Кубиков.*

441. **Островский, А. Н.** и **Бурдин, Ф. А.** Неизданные письма из собраний Государ. Театральн. музея им. Бахрушина. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. XVIII+498. **II—259**. *Д. Благой.*

442. **Островский, А.** Сборник статей. Госиздат Украины. 1923. Стр. 194. **II—260**. *Ю. Соболев.*

443. **Островский.** Юбилейный сборник. Изд. Русск. Театр. Об-ва. М. 1923. Стр. 74. **II—260**. *Ю. Соболев.*

444. **Островский, А.** 1823—1923. Сб. статей к столетию со дня рождения. Изд. «Основа». Иваново-Вознесенск. 1923. Стр. 162. **II—260**. *Ю. Соболев.*

445. «Памяти А. Н. Островского». Сб. статей об Островском и неизданные труды его. Изд. «Путь к знанию». П. 1923. Стр. 208. **II—260**. *Ю. Соболев.*

446. **Португалов, М. В.** По Тургеневским местам. Изд. «В. В. Думнов». М. 1924. Стр. 56. **IV—263**. *Д. Благой.*

447. **Португалов, М.** Тургениана. Статьи и библиография. Госиздат. Орловск. отд-ние. Орел. 1922. Стр. 110. **I—264**. *Н. Н. Фатов.*

448. **Розанов, И. Н.** Н. А. Некрасов. Жизнь и судьба. Изд. «Колос». П. 1924. Стр. 112+2 нен. **III—234**. *Н. Кашин.*

449. **Рыбникова, М. А.** По вопросам композиции. Изд. «В. В. Думнов». М. 1924. Стр. 111. **V—274**. *К. Локс.*

450. **Салтыков, К. М.** Интимный Щедрин. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. 79. **III—245**. *Н. Н. Фатов.*

451. «Сборник Российской публичной библиотеки». Т. II. Материалы и исследования. В. I. Изд. «Брокгауз-Ефрон». П. 1924. Стр. 303. **I—262**. *Н. Бродский.*

452. **Серова, М.** Новгородские сказки. Изд. «Петроград». 1924. Стр. 77. **V—276**. *А. М. Смирнов-Кутачевский.*

453. **Соболев, Юлий.** А. П. Чехов. Изд. «В. В. Думнов». М. 1924. Стр. 38. **IV—263**. *Д. Благой.*

454. **Соловьев, Вл.** Письма. Изд. «Время». П. 1923. Стр. 244. **I—266**. Проф. *П. Преображенский.*

455. **Сухотина-Толстая, Т. Л.** Друзья и гости Ясной Поляны. Изд. «Колос». М. 1923. Стр. 196. **III—247**. *Д. Благой.*

456. **Тагор, Рабиндранат.** Воспоминания. Госиздат. М.—Л. 1924. Стр. 235. **VI—228**. *В. Кряжин.*

457. **Тарасов, Е. И.,** проф. Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Очерк по истории либерального движения в России. Изд. Самарского Гос. ун-та. Самара. 1923. Стр. XV+452. **VI — 218**. *Н. Кашин.*

458. «Творческий путь Тургенева». Сб. статей под ред. Бродского. Изд. «Сеятель». П. 1923. Стр. VII+319. **II—257**. *Д. Благой.*

459. «Творчество» А. Н. Островского. Юбилейный сборник Росс. Акад. Худож. Наук. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. 325. **II—260**. *Ю. Соболев.*

460. «Театр Еврипида». Т. III. Изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1921. Стр. 548. **IV—255**. *К. Локс.*

461. **Толстой.** Памятники творчества и жизни. Ред. В. И. Срезневского. Изд. Кооп. т-ва. Изуч. и распр. творений Л. Н. Толстого. М. 1923. Стр. 214. **IV—261**. *Н. Бродский.*

462. **Толстой, Л. Л.** В Ясной Поляне. Изд. «Пламя». Прага. 1923. Стр. 104. **V—272**. *И. Кубиков.*

463. **Толстой, Л. Л.** Правда о моем отце. Изд. «Книжный Уголок». Л. 1924. Стр. 112. **V—272**. *И. Кубиков.*

464. **Томашевский, Б. В.** Русское стихосложение. Метрика. Росс. Инт. истории искусств. Вопросы поэтики. Вып. II. Изд. «Академия». П. 1923. Стр. 160. **IV—264**. *С. Бобров.*

465. «Тургенев и его время». Первый сборник (изд. Тургеневской Комиссией Об-ва Любителей Росс. словесности). Госиздат. М. 1923. Стр. 4—326. **II—255**. *Н. Н. Фатов.*

466. **Тынянов, Ю.** Проблема стихотворного языка. Изд. «Academia». Л. 1924. Стр. 140. **IV—269**. *Г. Винокур.*

467. «Тютчевский сборник». Изд. «Былое». П. 1923. Стр. 135. **III—237**. *В. Переверзев.*

468. **Утевский, А. С.** Смерть Тургенева. Изд. «Атеней». П. 1923. Стр. 88. **II—254**. *Н. Кашин.*

469. **Франс, Анатоль.** Книги и люди. Изд. Л. Д. Френкеля. П. — М. 1923. Стр. 189. **I—268**. *И. Гливенко.*

470. **Ходасевич, Владислав.** Поэтическое хозяйство Пушкина. Кн. I. Изд. «Мысль». Л. Стр. 160. **VI—222**. *Г. Винокур.*

471. **Чешихин-Ветринский, В. Е.** Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах. Ч. I и II. Изд. «В. В. Думнов». М. 1923. Стр. 169+159. **II—264.** *В. Переверзев.*

472. **Чужак, Н.** Литература. К художественной политике РКП. Изд. «Всероссийский Пролеткульт». М. 1924. Стр. 109. **V—277.** *А. Лежнев.*

473. «Шевченківський сбірник». Том перший. Під редакцією П. Филипповича. Видавництво «Сорабкоп». Київ 1924. Стр. 151. **IV—273.** *Б. Нейман.*

474. **Шенгели, Г.** Трактат о русском стихе. Госиздат. П. 1923. Стр. 184. **IV—264.** *С. Бобров.*

475. **Шенгели.** Практическое стиховедение. «Кн-во писателей». М. 1923. Стр. 184. **IV—264.** *С. Бобров.*

476. **Шипулинский, Ф.** Ретлэнд - Шекспир. Госиздат. М. 1924. Стр. 181. **VI—214.** *В. Фриче.*

477. **Шувалов, С. В.** М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников и его письмах. Изд. «В. В. Думнов». М. 1923. Стр. 128+II. **III—238.** *Д. Благой.*

478. **Энгельгардт, Б.** Александр Николаевич Веселовский. Изд. «Колос». П. 1924. Стр. 214. **VI—217.** *В. Переверзев.*

XXIV. Художественная литература.

479. **Адес, А** и **Иозипович, А.** Книга о Гохе-дураке. Роман из египетской жизни. Изд. «Петроград». Л. 1924. Стр. 256. **V—286.** *А. Юрлов.*

480. **Алл, Николай.** Ектенья. Стихи о России. Харбин 1923. Стр. 30. **I—280.** *И. Асеев.*

481. **Алтаев, А.** Микель - Анджело. Изд. «Книга». П. — М. 1924. Стр. 96. **I—290.** Проф. *А. Сидоров.*

482. **Амп, П.** Искатели золота. Госиздат. М.— Л. 1924. Стр. 149. **III—253.** *Л. Розенталь.*

483. **Амп, Пьер.** Люди. Избранные рассказы. Изд. «Мосполиграф». М. 1924. Стр. 177. **IV—284.** *Л. Розенталь.*

484. **Аркос, Ренэ.** Злые годы (1914—1917). Госиздат. Л. 1924. Стр. 225. **VI—244.** *Е. Браудо.*

485. **Аросев, Александр.** Никита Шорнев и др. повести. Изд. «Прибой». Л. 1924. Стр. 140. **IV—277.** *В. Вешнев.*

486. **Баркова, А.** Настасья Костер. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. 84. **II—272.** *В. Волькенштейн.*

487. **Бартэль, М.** За решоткой. Рассказы. Госиздат. М. 1923. Стр. 98. **II—281.** *И. Гливенко.*

488. **Бахметьев, В.** На земле. Рассказы. Изд. «Мосполиграф». М. 1924. Стр. 129. **VI—237.** *Д. Горбов.*

489. **Бергстедт, Г.** Праздник Иоргена. Госиздат. М.—П. 1924. Стр. 168. **II—281.** *Я. Беннн.*

490. **Бергстедт, Гаральд.** Александерсен. Странствования пилигрима. Госиздат. М. 1923. Стр. 385. **I—287.** *А. Юрлов.*

491. **Бонзельс, В.** По Индии. Изд. «С. Ефрон». Берлин. Стр. 368. **II—283.** *Э. Бик.*

492. **Братт.** Мир без голода. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 256. **V—290.** *И. А. Аксенов.*

493. **Бюхнер, Георг.** Смерть Дантона. Войчек. Госиздат. 1924. Стр. 100. **VI—244.** *Е. Браудо.*

494. **Васильченко, С.** Карьера подпольщика. Изд. «Московский Рабочий». М. 1924. Стр. 514. **III—262.** *Валерьян Полянский.*

495. **Вассерман, Яков.** Перуанское золото. Изд. «Атеней». Л. 1924. Стр. 64. **VI—243.** *Е. Браудо.*

496. **Волохов, Марк.** Пыль. Драма. Изд. Л. Д. Френкеля. М.— П. 1923. Стр. 116. **I—279.** *В. Волькенштейн.*

497. **Гамсун, К.** Местечко Сегельфос. Госиздат. П. 1923. Стр. 440. **IV—280.** *А. Юрлов.*

498. **Герман, Г.** Снег. Роман. Изд. «Петроград». 1923. Стр. 192. **III—257.** *К. Локс.*

499. **Глаголин, Б. С.** Моб. Комедия. Московское Театральное изд-во. М. 1924. Стр. 126. **VI—239.** *П. Марков.*

500. **Гладков, Федор.** Пучина. Повести и рассказы. Изд. «Кузница». М. 1923. Стр. 273. **I—275.** *Н. Асеев.*

501. **Глоба, Андрей.** Венчанье Хьюга. Московское Театральное изд-во. М. 1924. Стр. 76. **V—282.** *В. Волькенштейн.*

502. **Goll, Ivan.** Methusalem, oder der ewige Bürger (Kiepenhauer V. Potsdam. 1923). Chaplin (Filmpoeme. Paris. 1922). **V—289.** *И. Маца.*

503. **Гончаров, В.** Психо-машина. Фантастический роман. Изд. «Молодая Гвардия». М.—Л. 1924. Стр. 109. **VI—235.** *А. Лежнев.*

504. **Граф, Оскар М.** На добрую память. 8 рассказов. Госиздат. М. 1923. Стр. 180. **II—281.** *И. Гливенко.*

505. **Григорьев, Сергей.** С мешком за смертью (Железный путь). Повесть. Изд. «Земля и Фабрика». М. — П. 1924. Стр. 237. **V—280.** *А. Лежнев.*

506. **Гюго, В.** Май 1871 года. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 22. **III—249.** *Г. Лелевич.*

507. **Гюисманс, Ж. К.** У пристани. Роман. Изд. «Мысль». П. 1923. Стр. 173. **I — 282.** *М. Эйхенгольц.*

508. **Давыдов, О.** Черный Юг. Госиздат. Л. 1924. Стр. 191. **VI—237.** *А. Лежнев.*

509. **Деллюк, Луи.** В дебрях кинематографа. Стр. 153. **V—284.** *Л. Розенталь.*

510. **Дорохов, Павел.** Житье-бытье. Повесть. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 85. **III—263.** *Н. Асеев.*

511. **Дюамель, Ж.** Цивилизация. 1914—1917. Рассказы. Госиздат. П. Стр. 204. **II—280.** *Э. Бик.*

512. **Дюамель, Ж.** Полуночная исповедь. Госиздат. П. 1923. Стр. 184. **II—280.** *Э. Бик.*

513. **Дюамель, Ж.** Жизнь мучеников. Изд. «Земля и Фабрика». М. 1924. Стр. 128. **IV—281.** *Л. Розенталь.*

514. **Дюпон, П.** Избранные песни. Изд. «Новая Москва». М. 1923. Стр. 134. **III—250.** *М. Эйхенгольц.*

515. **Жеффруа, Густав.** Жизнь научила. Историч. драма. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 180. **II—279.** *Д. Горбов.*

516. «Западные сб. рники». Вып. I. Изд. «Новая Москва». М. 1923. Стр. 264. **II—275.** *И. Гливенко.*

517. «Западные сборники». Вып. II. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 220. **VI—240.** *И. Гливенко.*

518. **Иванов, Всев.** Возвращение Будды. Рассказы. Т. II. Изд. «Мосполиграф». М. 1924. Стр. 159. **VI—234.** *Д. Горбов.*

519. **Клюев, Николай.** Ленин. Госиздат. П. 1924. Стр. 50. **II—274.** *Г. Лелевич.*

520. **Кольридж.** Кристабель. Изд. «Петрополис». П. 1923. Стр. 62. **II—276.** *И. Аксенов.*

521. **Лацис-Судрабс.** Наша дорога. Повесть из жизни революционера. Изд. «Московский Рабочий». 1923. Стр. 134. **II—270.** *Г. Лелевич.*

522. **Левченко, Николай.** Таежное. Сибирские рассказы. Изд. «Жизнь и Знание». М. 1924. Стр. 231. **IV—275.** *А. Лежнев.*

523. **Леонов, Л.** Петушихинский пролом. Изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1923. Стр. 86. **II—269.** *К. Локс.*

524. **Леонов, Леонид.** Конец мелкого человека. Изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1924. Стр. 168. **VI—236.** *К. Локс.*

525. **Лесков, Н. С.** Амур в лапоточках. Крестьянский роман. Изд. «Время». Л. 1924. Стр. 128. **VI—238.** *И. Кубиков.*

526. **Лефевр, Р.** и **Вайян-Кутюрье, П.** Солдатская война. Госиздат. П. 1923. Стр. 246. **I—281.** *Н. Асеев.*

527. **Лефевр, Р.** Жертвоприношение Авраама. Госиздат. М.— П. 1923. Стр. 250. **III—257.** *К. Локс.*

528. **Ляшко, Н.** Искра. Рассказы. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 116. **V — 281.** *Л. Войтоловский.*

529. **Льюис, Синклер.** Мистер Беббит. Роман. Госиздат. М. 1924. Стр. 536. **III—255.** *Г. Айгустов.*

530. **Манн, Г.** Рассказы. Госиздат. М. 1923. Стр. 50. **II—281.** *И. Гливенко.*

531. **Масс, Влад.** Авантюра, Траги-буффонада. Изд. «Красная Звезда». М. 1924. Стр. 36. **V—282.** *В. Волькенштейн.*

532. **Насимович, А.** Бурелом. Сборник рассказов. Изд. «Земля и Фабрика». М. 1923. Стр. 156. **III—263.** *В. Вешнев.*

533. **Наши дни.** Альманах № 4. Госиздат. М. 1924. Стр. 354. **II—267.** *К. Локс.*

534. **Неверов, А.** Гуси-лебеди. Роман. Изд. «Земля и Фабрика». М.—Л. 1924. Стр. 281. **VI— 233.** *В. Полянский.*

535. **Неске, Мартин Андерсен.** Счастье. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. 60. **I—284.** *Ю. Соболев.*

536. **Неске, М. А.** Мыза Даангард. Драма. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. 103. **I—284.** *Ю. Соболев.*

537. **«Недра».** Литер.-худож. сборники. Книга V. Изд. «Мосполиграф». М. 1924. Стр. 284. **VI—231.** *Д. Горбов.*

538. **Низовой, Павел.** Тени. Рассказы. Изд. «Жизнь и Знание». М. 1924. Стр. 239. **IV—275.** *А. Лежнев.*

539. **Окунев, Я.** Грядущий мир. Утопический роман. Изд. «Прибой». П. 1923. Стр. 70. **II—270.** *Н. Асеев.*

540. **Panzini, Alfredo.** Il padrone sono me! Romanzo. Roma-Milano. Edizioni Mondadori. 1922. Стр. 253. **VI—243.** *М. Лейтейзен.*

541. **Панини, Дж.** Конченный человек. Госиздат. П. 1923. Стр. 280. **II—277.** *И. Аксенов.*

542. **Папалаги.** Речи Тихоокеанского вождя Туйавии из Тиавеи. Госиздат. П. 1923. Стр. 88. **III—259.** *А. Юрлов.*

543. **Paris, John.** Kumono. London and Glasgow Collins, chastype press. 1922. Стр. X+345. **V—287.** *Л. С. Некора.*

544. **«Перевал».** Сборник № 1. При редакции журнала «Красная Новь». Госиздат. М. 1924. Стр. 261. **VI—230.** *А. Лежнев.*

545. **Пришвин, Мих.** Охота и лов на севере. Изд. «Круг». 1923. Стр. 148. **II—274.** *И. Кубиков.*

546. **Подъячев, С.** За грибками, за ягодками, Рассказы. Изд. «Новая Москва». М.1923. Стр.130. **II—273.** *И. Кубиков.*

547. **Поленц, фон, В.** Крестьянин. Роман. Изд. «Новая Москва». М. 1922. Стр. 408. **I—280.** *П. С. Коган.*

548. **Пти, Шарль.** Маленький Будда. Госиздат. 1924. Стр. 167. **VI—240.** *К. Локс.*

549. **Роллан, Р.** I. Очарованная душа. II. Лето. Изд. «Атеней». Л. 1924. Стр. 388. **IV—283.** *С. Бобров.*

550. **Романов, Пантелеймон.** Землетрясение. Комедия. «Московское Театральное Изд-во». М. Стр. 95. **V—284.** *В. Волькенштейн.*

551. **Рувейни, А.** Стихия. Рассказы. Госиздат. М. 1923. Стр. 116. **II—281.** *И. Гливенко.*

552. **«Свиток».** № 3. Альманах литературного об-ва «Никитинские субботники». Изд. «Земля и Фабрика». М. 1924. Стр. 252. **V—282.** *Н. Фатов.*

553. **Серафимович, А.** Рассказы. Госиздат. М.—П. 1923. Стр. 360. **IV—278.** *В. Вешнев.*

554. **Синклер, Эптон.** Ад. Госиздат. П. 1923. Стр. 168. **I—286.** *И. А. Аксенов.*

555. **Синклер, У.** Дебри. Изд. «Пролетарий». Харьков 1923. Стр. 306. **III—256.** *И. А. Аксенов.*

556. **Синклер, У.** Замужество Сильвии. Изд. «Петроград». Л.— М. 1924. Стр. 240. **IV—285** *Е. Браудо.*

557. **«Среды».** Литературный сборник. Тверь 1923. Стр. 94. **II—272.** *Н. Асеев.*

558. **Толстой, А.** Под старыми липами. Том четвертый. Госиздат. 1923. Стр. 324. **III—260.** *Валерьян Полянский.*

559. **Томпсон, Сетон.** Рогач. Госиздат. 1923. Стр. 72. **I—289.** *А. Елизарова.*

560. **Томпсон, С.** Тито. Госиздат. 1923. Стр. 73. **I—289.** *А. Елизарова.*

561. **Трессол, Р.** Филантропы в рваных штанах. Госиздат. Л. 1924. Стр. 326. **VI — 241.** *Л. Розенталь.*

562. **Унру, фон, Ф.** Драмы: 1) Род. 2) Площадь. Госиздат. М.— П. 1923. Стр. 244. **III—252.** *В. Волькенштейн.*

563. **Фрейлиграт, Ф.** Избранные стихотворения с прилож. переписки Маркса и Фрейлиграта. Изд. «Пролетарий». Харьков 1924. Стр. 134. **VI—245.** *Л. Войтоловский.*

564. **Фомин, Семен.** Земная зыбь. Рассказы. Изд. «Земля и Фабрика». М.— П. 1924. Стр. 122. **II—271.** *В. Вешнев.*

565. **Фульда, Людвиг.** Тень осла. Комедия. Госиздат. М.— П. 1923. Стр. 202. **I—286.** *В. Волькенштейн.*

566. **Хамп, Пьер.** Золотоискатели в Вене (Из быта «шиберов»). Изд. «Московский Рабочий». М. 1924. Стр. 163. **III—253.** *Л. Розенталь.*

567. **Цвейг, Стефан.** Легенда одной жизни. Пьеса. Госиздат. 1923. Стр. 149. **IV—285.** *В. Волькенштейн.*

568. **Цветаева, М.** Царь-Девица. Поэма-сказка. Госиздат. М. 1922. Стр. 160. **I—276.** *С. Бобров.*

569. **Цветаева, М.** Ремесло. Книга стихов. Изд. «Геликон». М.— Берлин 1923. Стр. 168. **I—276.** *С. Бобров.*

570. **Чапыгин, А.** Одинокие. Рассказы. Изд. «Новая Москва». М. 1923. Стр. 180. **I—273.** *В. Полянский.*

571. **Шагинян, М.** Приключения дамы из общества. Изд. Л. Д. Френкеля. М. 1924. Стр. 186. **II—269.** *К. Локс.*

572. **Шатобриан, де, А.** Власть земли. Изд. «Петроград». Л. — М. 1924. Стр. 278. **IV—282.** *Е. Браудо.*

573. **Широкауер, А.** Лассаль. Историч. ром. Госиздат. Л. 1924. Стр. 204. **V—288.** *Е. Херсонская.*

574. **Шишков, Вяч.** Тайга. Повесть. Изд. «Круг». М. — П. 1923. Стр. 222. **I—272.** *Н. Асеев.*

575. **Шишков, Вяч.** С котомкой. Очерки. Изд. «Круг». М. 1923. Стр. 112. **I—274.** *И. Кубиков.*

576. **Штернгейм, К.** Любимая лошадь Кайзера—Либусса. Рассказ. Госиздат. М. 1923. Стр. 86. **II—281.** *И. Гливенко.*

577. **Яровой, П.** На большой дороге. Повести и рассказы. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 180. **V—281.** *Л. Войтоловский.*

578. **Эден, Рихард.** Эйнштейнова соната. Роман. Изд. «Петроград». П. 1923. Стр. 168. **I—284.** *И. А. Аксенов.*

579. **Эйнштейн, К.** Дурная весть. Госиздат. М. 1923. Стр. 102. **II—281.** *И. Гливенко.*

580. **Эйснер, Курт.** Испытание богов. Политический фарс. Госиздат. М. — Л. 1924. Стр. 136. **V—291.** *В. Волькенштейн.*

581. **Эренбург, И.** История гибели Европы. Госиздат Украины. Харьков 1923. Стр. 208. **III—261.** *И. А. Аксенов.*

XXV. Искусства.

582. **Анисимов, В. И.** Графические искусства и репродукция. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. 174. **IV—295.** Проф. *Н. П. Тихонов.*

583. **Арватов, Б.** Искусство и классы. Госиздат. 1923. Стр. 79. **III—274.** *Федоров-Давыдов.*

584. **Аронсон, Б.** Марк Шагал. Изд. «Петрополис». Берлин 1923. Стр. 32. **II—296.** *Л. Розенталь.*

585. **Баллод, Ф. В.** Очерки по истории древнеегипетского искусства. Изд. В. З. Яксанова. Саратов—М. 1924. Стр. 187. **III—264.** *Н. Щербаков.*

586. **Bekker, Paul.** Klang und Eros. Der 2 Band der gesammelten Schriften. Berlin. Deutsche Verlags-Handlung. 1924. Стр. 353. **IV—299.** *Е. Браудо.*

587. **Бенуа, А.** и **Эрнст, С.** Остроумова-Лебедева. Госиздат. Л. — М. 1924. Стр. 96. **VI—249.** Проф. *А. А. Сидоров.*

588. **Браудо, Е. М., проф.** Рихард Вагнер и Россия. Изд. «Начатки Знаний». П. 1923. Стр. 43. **II—288.** *С. Бугославский.*

589. **Вальдгауер, О. Ф.** Мирон. Госиздат. Берлин 1923. Стр. 45 + XXXII табл. **I—291.** *Н. Щербаков.*

590. **Вальдгауер, О.** Лисипп. Госиздат. Берлин 1923. Стр. 47+XXXII табл. **I—291.** *Н. Щербаков.*

591. **Вальдгауер, О. Ф.** Государственный Эрмитаж. Античная скульптура. Изд. «Брокгауз-Ефрон». 1924. Стр. 172. **III—265.** *Н. Щербаков.*

592. **Вепринский, М.** Театр в деревне. Вып. I. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 48. **IV—303.** *Николай Лебедев.*

593. **Вознесенский, А.** Искусство экрана. Руководство для кино-актеров и режиссеров. Изд. «Соврабкоп». Киев 1924. Стр. 145. **IV—304.** *Николай Лебедев.*

594. **Волькенштейн, В.** Драматургия. Метод исследования драматических произведений. Изд. «Новая Москва». М. 1923. Стр. 181. **V—297.** *П. Марков.*

595. **Вольценбург, О.** Библиография изобразительного искусства. Ч. I. В. I. и II. Изд. «Книжный Угол». П. 1923. Стр. 87+187. **II—297.** Проф. *А. А. Сидоров.*

596. **Гагеман, К.** Игры народов. Индия. Изд. «Academia». П. 1923. Стр. 180. **II—285.** *А. Луначарский.*

597. **Гиляровская, Н.** Театрально-декорационное искусство за 5 лет. Изд. Комбината Издательства и Печати. Казань 1924. Стр. 64. **VI—255.** *М. Эйхенгольц.*

598. **Гирн, И.** Происхождение искусства. Госиздат Украины. Харьков 1923. Стр. XVI+232. **II—286.** *Федоров-Давыдов.*

599. **Глаголь, Сергей.** Михаил Васильевич Нестеров. Жизнь и творчество. Собрание иллюстрированных монографий. Изд. «Кнебель». М. Стр. 122. **I—229.** *А. Стрелков.*

600. **Glück, Heinrich.** Die christische Kunst des Ostens. T. VIII. Bruno Cassirer - Verlag. Berlin 1923. Стр. XII+67. **III—267.** *А. Некрасов.*

601. **Голлербах, Э.** Рисунки М. Добужинского. Госиздат. М.— П. 1923. Стр. 104. **I—295.** *М. Горбунков.*

602. **Голлербах, Э.** История гравюры и литографии в России. Госиздат. М. 1923. Стр. 217. **III—269.** *В. Адарюков.*

603. **Голлербах, Э.** Портретная живопись в России, XVIII век. Госиздат. 1923. Стр. 139. **III—271.** *А. Стрелков.*

604. **Денике, Б.** Искусство Востока. Очерки истории мусульманского искусства. Изд. Комбината Изд-ва и печати АТССР. Казань 1923. Стр. 250. **IV—286.** *В. Кряжин.*

605. **Дульский, П.** Лев Крюков. Материалы к истории миниатюры в России. Изд. автора. Казань 1923. Стр. 68. **I—301.** *Федоров-Давыдов.*

606. **Дульский, П.** Э. П. Турнерелли. Изд. автора. Казань 1924. Стр. 1+32. **V—303.** *Федоров-Давыдов.*

607. **Евдокимов, И.** Памятники художественной культуры на севере. В. I и II. Госиздат. Вологда 1922. Стр. 48+96. **II—294.** *Н. Щербаков.*

608. **Евдокимов, И.** Борисов-Мусатов. Госиздат. М. 1924. Стр. 70. **VI—250.** *Л. Розенталь.*

609. «Задачи и методы изучения искусства». Статьи Б. М. Богаевского, Игоря Глебова, А. А. Гвоздева и В. М. Жирмунского. Изд. «Academia». Л. 1924. Стр. 239. **V—292.** Академик *Федор Шмит.*

610. «Искусство и промышленность». Журнал №№ 1 и 2. Изд. «Рабочей Газеты». М. 1924. Стр. 128 и 128. **VI—258.** *Давидович.*

611. «История русской музыки в исследованиях и материалах». Том I. Под ред. проф. К. А. Кузнецова. Музсектор Госиздата. М. 1924. Стр. 204. **V—301.** *Сергей Бугославский.*

612. **Камерон, Чарльз.** Сборник статей. Госиздат. М.—П. 1924. Стр. 92. **IV—292.** *В. В. Згура.*

613. **Катуар, Г., проф.** Теоретический курс гармонии. Ч. I. Госиздат. Музсектор. М. 1924. Стр. 101. **VI—252.** *С. Бугославский.*

614. «Die Quelle». Mappe XIII, hgb. von Martin Gerlach. Das alte Buch und seine Ausstattung vom XV bis zum XIX Jahrhundert. Wien - Leipzig. Gerlach. - Wiedling. Стр. 80. **III—279.** *М. Фабрикант.*

615. **Клейнер, Исидор.** У истоков драматургии. Опыт обоснования метода исследования драматургических произведений. Изд. «Academia». 1924. Стр. 126. **VI—254.** *П. Марков.*

616. Le Corbusier-Saugnier. Vers une architecture. Les editions G. Cres et C-ie. Paris. Стр. XI+230. **V—296.** *Н. Яворская.*

617. **Кубе, А. Н.** Венецианское стекло. Изд. «Аквилон». П. 1923. Стр. 98+6 ненум. **V—307.** *М. Базыкин.*

618. **Кузнецов, К. А., проф.** Введение в историю музыки. Часть I. Госиздат. М. — П. 1923. Стр. 125. **V—299.** *Вас. Яковлев.*

619. **Лазаревский, Иван.** Несколько неизвестных марок русского фарфора. Изд. «Нижполиграф». Нижний-Новогород 1923. Стр. 32. **I—302.** *А. Грεч.*

620. **Лебедев, Николай.** По германской кинематографии. Изд. «Кино». М. 1924. Стр. 62. **V—299.** *Л. Розенталь.*

621. **Лукомский, Г.** Санкт-Петербург. Исторический очерк архитектуры и развития города. Изд. «Орхис». Мюнхен 1923. Стр. 24. **II—295.** *Л. Розенталь.*

622. **Марков, П.** Новейшие театральные течения (1898—1923). Опыт популярного изложения. Москва 1924. Стр. 68. **III—273.** *В. Волькенштейн.*

623. **Марцинский, Георг.** Метод экспрессионизма. Изд. «Academia». П. 1923. Стр. 62. **I—299.** *Л. Розенталь.*

624. **Моргунов, Н. С.** Третьяковская галлерея. Госиздат. М.— П. 1923. Стр. 56+14. **I—294.** *Г. Жидков.*

625. **«Музыкальная Новь».** Госизд. №№ 1—7. М. **V—301.** *Антон Углов.*

626. **Некрасов, А. И., проф.** Древний Псков и его художественная жизнь. Изд. «В. В. Думнов». М. 1923. Стр. 74. **III—278.** *Г. Жидков.*

627. **Некрасов, А. И., проф.** Великий Новгород и его художественная жизнь. Изд. «В. В. Думнов». М. 1924. Стр. 95. **IV—294.** *Г. Жидков.*

628. **Некрасов, А. И.** Очерки декоративного искусства древней Руси. Изд. «В. В. Думнов». М. 1924. Стр. 119. **VI—247.** *Н. Щербаков.*

629. **Никольский, Виктор.** Музей декоративного искусства (Оружейная палата). Госиздат. М. 1923. Стр. 36+10. **I—294.** *Г. Жидков.*

630. **Никольский, В.** История русского искусства. Госиздат. Берлин 1923. Стр. 252+8. **II—288.** *А. Грεч.*

631. **Никольский, В. А.** Старая Москва. Историко-культурный путеводитель. Изд. «Брокгауз-Ефрон». Л. 1924. Стр. 208. **V—305.** *А. Грεч.*

632. **«Одесский Государственный Художественный музей».** Галлерея старинной живописи. Изд. «Коммунист». Одесса 1924. Стр. 24. **VI—251.** *Г. Жидков.*

633. «Очерки по истории Европейского театра». Античность. Средние века и Возрождение. Изд. «Academia». П. 1923. Стр. 312. **II—291.** *Н. Кашин.*

634. **«Первый музей новой западной живописи».** Текст Я. Тугендхольда. Изд. «Творчество». М. — П. 1923. Стр. 148. **III—277.** *И. Корницкий.*

635. **Петри, Б. Э., проф.** Народное искусство Сибири. Иркутск. отд-ние Сибгосиздата. 1923. Стр. 28. **I—302.** *Б. Жеребцов.*

636. **Петри, Г.** и **Анциферов, Н.** Исторические экскурсии по Эрмитажу. Изд. «Прибой». Л. 1924. Стр. 46. **VI—246.** *Федоров-Давыдов.*

637. **Рынин, Н. А.** Кинематография. Госиздат. Л. 1924. Стр. 300. **VI—257.** Проф. *Н. Тихонов.*

638. **Сабанеев, Л.** Музыка речи. Эстетическое исследование. Изд. «Работник Просвещения». М. 1923. Стр. 190+6 табл. **II—292.** *С. Бугославский.*

639. **Сабанеев, Л.** История русской музыки. Изд. «Работник Просвещения». М. 1924. Стр. 87. **III—276.** *Сергей Бугославский.*

640. **Свионтковская-Воронова, Л. И.** Российский Исторический музей. Резная кость. М. 1923. Стр. 52. **V—303.** Проф. *А. Некрасов.*

641. **Сегаль, С.** Новая живопись в ее источниках и развитии. Изд. Е. А. Гутнова. Берлин 1923. Стр. 71. **V—294.** *Л. Розенталь.*

642. **Сережников, В. К., проф.** Искусство художественного чтения. Вып. I. Музыка слова. Госиздат. М. 1923. Стр. 148. **IV—301.** *Сергей Бугославский.*

643. **Сережников, В., проф.** Искусство художественного чтения. Вып. II. Техника речи. Моск. Акад. Изд-во. М. 1924. Стр. 144. **IV—303.** *Сергей Бугославский.*

644. **Сидоров, А. А., проф.** Русские портретисты XVIII века. Госиздат. 1923. Стр. 42+10 илл. **I—292.** *А. Грεч.*

645. **Сизеранн, де-ла, Робер.** Маски и лица. Знаменитые портреты Итальянского Возрождения. Ч. I. Изд. Сахарова. М. 1923. Стр. 99+8 илл. **I—297.** *Л. Розенталь.*

646. «Спутник по Петрограду и его окрестностям». Под ред. Э. Голлербаха. Изд. «Жизнь искусства». П. 1924. Стр. XVI+312+XVI. **IV—305.** *Н. Щербаков.*

647. **«Старинный театр в России XVII—XVIII веков».** Сб. статей. Изд. «Academia». П. 1923. Стр. 180. **II—291.** *Н. Кашин.*

648. **Стрелков, Александр.** Мир искусства. Госиздат. М.— П. 1923. Стр. 27+5 нен.+9 илл. **I—293.** Проф. *А. А. Сидоров.*

649. **«Строгановский дворец-музей».** Государственный музейный фонд. Итальянские медали, составл. А. Н. Зограф. П. 1923. Стр. 28+1. **IV—293.** *А. Грεч.*

650. **Suarès, André.** Debussy, Emile. Paul frères éditeurs. Paris 1922. Стр. 140. **VI—252.** *Е. Браудо.*

651. **Сычев, Н.** Инструкция для описания миниатюр. П. 1922. Стр. 22. **II—301.** *Г. Жидков.*

652. **Тарабукин, Н.** Опыт теории живописи. Изд. Всероссийского Пролеткульта. М. 1923. Стр. 71. **IV—290.** *М. П. Горбунков.*

653. **Тарабукин, Николай.** От мольберта к машине. Изд. «Работник Просвещения». М. 1923. Стр. 44. **V—296.** *Федоров-Давыдов.*

654. **Франсев, М.** Революционные задачи искусства. Изд. «Красная Книга». Орел 1923. Стр. 41+1. **IV—290.** *Федоров-Давыдов.*

655. **Herzfelde.** Wieland. Gesellschaft, Künstler und Kommunismus. Der Malik-Verlag. Berlin 1921. Стр. 330. **IV—287.** *И. Корницкий.*

656. **Чайковский.** Воспоминания и письма, под ред. Игоря Глебова. Госуд. Акад. Филармония. Л. 1924. Стр. 231. **IV—300.** *Вас. Яковлев.*

657. **Чаплин.** Сборник статей. Изд. журнала. «Кино». Берлин 1923. Стр. 128. **I—302.** *Николай Лебедев.*

658. **Шкловский, Виктор.** Литература и кинематограф. Русское Универсальное Изд-во. Берлин 1923. Стр. 64. **I—304.** *Николай Лебедев.*

659. **Шульц, А. К.** Художественные печатные формы. Монография. Изд. автора. П. 1923. **IV—295.** Проф. *Н. И. Тихонов.*

XXVI. Заметки о журналах.

660. **«Восток».** Журнал литературы, науки и искусства. Книга четвертая. Госиздат. М.—Л. Стр. 212. **III—281.** *Р. Шор.*

661. **«Звезда».** Журнал №№ 1, 2, 3 и 4. Госиздат. Л. 1924. **VI—131.** *Л. Войтоловский.*

662. **«Красная Молодежь».** Журнал №№ 1 и 2. Госиздат. М. 1924. **VI—133.** *И. Лепешинский.*

663. **«Международная жизнь».** Журнал НКИД 1923. № 1. Стр. 178., № 2. Стр. 152. 1924. № 1. Стр. 210. **III—283.** *И. Ильинский.*

664. **«Октябрь».** Журнал № 1 Госиздат М. 1924. **IV—113.** *А. Лежнев.*

665. **«Рабочий Журнал».** №№ 1 и 2. Госиздат. М. 1924. **IV—113.** *А. Лежнев.*

666. **«Россия».** Журнал №№ 1, 2 и 3. М. 1924. **VI—123.** *А. Лежнев.*

667. **«Русский Современник».** Журнал. №№ 1, 2 и 3. М. 1924. **VI—123.** *А. Лежнев.*

XXVII. Разные.

668. **«Die Gesellschaft».** Internationale Revue für Socialismus und Politik. Herausgegeben von D-r Rudolf Hilferding. Berlin. №№ 1 и 2. April—Mai 1924. Стр. 216. **V—308** .*М. Константинов.*

669. **Капабланка, Х. Р.** Моя шахматная карьера. Л. 1924. Стр. 140. **IV—307.** *С. Кипергань.*

670. **Капабланка, Х. Р.** Основы шахматной игры. Изд. «Жизнь Искусства». Л. 1924. Стр. 162. **IV—309.** *С. Кипергань.*

671. **«Крестьянский Интернационал».** Орган Международного Крестьянского Совета. № 1. Апрель. 1924. Изд. «Новая Деревня». М. Стр. 190. **V—312.** *Ю. Спасский.*

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ НА ВКЛАДНЫХ ЛИСТАХ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ ЗА 1924 год.

1. **Брюсов. VI** перед 1 стр.
2. **Добужинский, М. В.** Дьявол. **I**—между 80-й—81-й стр.
3. **Ленин на смертном одре. I** перед титулом.
4. **Ленин. I** перед 1-й стр.
5. **Ленин. Посмертная маска, снятая скульптором С. Д. Меркуровым. III**—перед 1-й стр.
6. **Свердлов, Яков Михайлович** (в поезде Л. Д. Троцкого). **II**—между 64-й и 65-й стр.
7. **Хирошиге, Икириусаи.** Дождь. (Из собрания И. Н. Павлова). **II** — между 96-й и 97-й стр.
8. **Ульянов (Ленин) Владимир Ильич. II**—перед 1-й стр.

В тексте было помещено 135 иллюстраций.

СПИСОК КНИГ, ПОЛУЧЕННЫХ РЕДАКЦИЕЙ ДЛЯ ОТЗЫВА.

Издательство «Красная Новь». Москва.

Манифест Коминтерна к мировому пролетариату.

П. Стучка.—СССР и Союзная Конституция.

А. Деборин. — Ленин, как мыслитель.

Л. Троцкий. — Ленинизм и рабочие клубы.

Кружок ленинизма в комсомоле. И. Крыленко. — Беседы о праве и государстве.

Постановления III Всесоюзного съезда Совпартшкол.

А. Ефремин, С. Кочетов и С. Образович. — Школьная эстрада.

П. Елагин. — Уездные экскурсии (Москва-река от Рузы до Коломны).

В. Поляков.—Зеленый день. Праздник древонасаждения в школе.

И. Амтер. — Революционное движение в Северо-Американских Соед. Штатах.

Герман Гортер. — Исторический материализм.

А. Вожжальский. — Библиотечная работа в деревенских условиях.

Ф. Михалевский. — Закон трудовой стоимости.

Л. Рошаль. — Основные задачи организационно-партийной работы.

Наша сила — наша нива. (Сельскохоз. букварь для взрослых.)

И. Попов-Ленский. — Антуан Барнаф и материалистическое понимание истории.

Э. Синклер. — Выгоды религии.

Проф. В. Лебедев. — Колесница пророка Илии.

Г. Зиновьев. — За единство мирового профдвижения (речь).

М. Шефлер. — Кредит крестьянскому хозяйству.

Е. Херсонская. — Дискуссии и диспуты в клубах.

И. Устинов. — Техника развития устной и письменной речи.

К. Каутский. — Как возникла мировая война.

И. Степанов. — Парижская Коммуна 1871 года.

Е. Смирнов, Ю. Вермель, Б. Кузин. Очерки по теории эволюции.

К. Корш. — Рабочее движение и фабрично-заводские советы в Германии.

И. Степанов. — Очерк развития религиозных верований.

С. Гиринис. — Ленин о специалистах науки и техники.

А. Луначарский. — Ленин и просвещение.

М. Иозльсон. — Крупно-капиталистические объединения в современном мировом хозяйстве.

Г. Зиновьев. — Мировая партия ленинизма.

Юз. Красный. — Польский фашизм.

Ф. Ротштейн. — Аравия и европейские державы (Сборник).

Марк Солнцев. — Град (пьеса).

Д-р В. Губин. — Как устроить колодезь и как охранить его от засорения.

С. Балясный. — Букварь красноармейца. (Изд. IV.)

Карл Гельферих. — Накануне мировой войны.

К. Радек. — Империалистический разбой под флагом демократии и пацифизма.

П. Керженцев. — Ленинизм. Введение в изучение ленинизма.

В. Волгин. — Сэн-Симон и сэн-симонизм.

П. Жаткин. — Коллективная декламация в рабочем клубе. (Сб. револ. стих.)

Октябрь. Сборник пособий для проведения праздника октябрьской годовщины в рабочем клубе. Изд. II.

Шпильгаген. — Один в поле не воин.

А. Древс. — Миф о Христе.

А. Юрковский. — Ленинские юнкера. (Повесть.)

Н. Ленин (В. Ульянов). — Крах II Интернационала. (Сб. статей с предисл. К. Новицкого.)

Ф. Меринг. — История Германии с конца средних веков. (Изд. III).

Н. Ленин (В. Ульянов). — О войне 1914—1918 г.г.

Е. Ярославский. — На антирелигиозном фронте 1919 — 1924 г. г.

Издательство «Новая Москва». Москва.

Г. Зиновьев. — История РКП(б).

С. Далин. — Молодежь в революционном движении Монголии.

Восьмой Московский губсъезд РЛКСМ. Резолюции и постановления.

Н. Попов. — Школа жизни.

В. Виткич. — Комсомол в кузнице победы.

К. Шильдкрет. — Предрассветный туман. (Рассказ.)

Р. Амундсен. — Завоевание южного полюса.

Старая и Молодая гвардии — едины.

Четвертое октября 1920 года. Ленин на съезде Комсомола.

Е. Цетлин.— Международный юношеский день.

Международная детская неделя.

С. Далин. — Молодежь в революционном движении в Корее.

Ильич. — Детские рассказы и стихи о Владимире Ильиче Ленине.

Демьян Бедный, Гаврилов, Грандов, Калинин. — Крестьянский корреспондент, его роль, его работа.

С. Шахновская. — Развал силы и сила развала буржуазной Германии.

Е. Аркин. — Личность и среда в свете современной биологии.

В. Ленин. — Задачи комсомола.

И. Павлов. — Сельско-хозяйственный кредит.

А. Новиков-Прибой. — Шалый. (Морские рассказы.)

П. Шведов. — Шестеренные перезвоны. (Стихи.)

Мадлэн Маркс. — Ты. (Роман.)

В. Гаузенштейн. — Опыт социологии изобразительного искусства.

Г. Сазонов. — Скрытые силы. Проблемы богатств СССР.

Г. Окулова. — Из опыта работы изб-читален.

А. Захаров. — Невидимые жители земли.

А. Возьминский, П. Кузьмин и Г. Рыбинский. — Праздник урожая. (Сборник.)

П. Лопатин. — История ситцевой рубашки.

И. Новиков-Прибой. — Моряки. (Повесть.)

Издательство «Московский Рабочий». Москва.

М. Павлович. — Итоги мировой войны. (Изд. II.)

Путь (Собрание выдержек из сочинений В. И. Ленина в 4-х книгах).

М. Павлович (Мих. Вельтман). — Химическая война и химическая промышленность.

Капиталистическая пресса Англии.

Г. Василевский. — Казнь комсомольца Энгеля.

М. Рубинштейн. — Очерки по организации труда в переходный период.

Вернер Зомбарт. — Народное хозяйство Германии в XIX и начале XX века.

Е. Варга. — Мировая экономика и мировой кризис.

Н. Ленин. — Принципы социализма и война 1914 — 1915 года.

Н. Ленин. — Письма издалека.

В. Вешнев. — А. Серафимович, как художник слова.

К. Беркова. — Н. Чернышевский.

М. Беспалов. — Октябрь. (Хрестоматия.)

Капитал Карла Маркса в обработке Ю. Борхардта. (Изд. IV).

Ф. Платтен. — Ленин из эмиграции в Россию. (Март 1917 года).

Н. Ленин (В. Ульянов). — Избранные статьи и речи. Том I и том IV. (Изд. II).

Издательство «Книга». Москва—Ленинград.

К. Корш. — Марксизм и философия.

Р. Кабо и И. Рубин. — Народное хозяйство в очерках и картинах. Т I. Изд. II.

Макс Адлер. — Энгельс как мыслитель.

Проф. С. Лозинский. — История труда. (Очерки по экономич. истории.)

Ю. Борхардт. — Экономическая история Германии. Часть 2-ая. От конца эпохи Гогенштауфенов до крестьянских войн.

Венедикт Каутский. — Экономические проблемы современности.

Д-р С. Воронов. — Омоложение.

П. Шадурн. — Где рождаются циклоны.

М. Еврейнов. — Театр у животных. О смысле театральности с биолог. точки зрения.

Л. Василевский. — Голгофа ребенка. Бесприютность и дети улицы.
Р. Доржелес. — Пробуждение мертвых.
Джек Лондон. — Человек он был.
Бергер Морнер. — Тири-Тири. Цейлонская повесть.

Издательство «Френкель». Москва — Ленинград.

Письма И. С. Тургенева к Людвигу Пичу (1864—1883 г. г.)
Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов. (Т. I). Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского и др.

Издательство «Земля и Фабрика». Москва.

На баррикадах. Сборн. рассказов из истории французской революции.
Г. Флакер. — У стен Карфагена. Восстание наемных войск).
А. Свирский. — Лагерь смерти. Рассказы.)
И. Новиков. — Адам. (Рассказы.)
А. Неверов. — Пропавшая страна.
А. Чеглок. — Муфлонн. По Африке. (Рассказы из жизни животных.)
А. Чеглок. — 1) Гассан Мудрый, 2) Пантера, 3) Гиена, 4) Маленькая пантера.
Кто такие фашисты и как они борятся с рабочими под редакцией А. Хаина.
А. Неверов. — Повесть о бабах (рассказы), 2) Сб., составлен. лит. обществом «Никитинские субботники».
А. Волжский. — Опиум. (Сборник рассказов.)
Авио. Рассказы. Пионеры воздушного океана. Под ред. В. Попова.
Обезьяны. Необычайные рассказы из жизни обезьян. Под ред. В. Попова.
С. Покровский. — Пестрый и черный. (Рассказы).
Р. Эндом. — Четверо с фургоном.
В. Ряховский. — Зарево. (Рассказы).
Мария Борецкая. — В железном круге.
А. Яковлев. — Октябрь. (Повесть).
А. Серафимович. — По земле. (Рассказы).
А. Феличе. — Изгнанники Новой Каледонии.
Фриц Кан. — Млечный путь.
Джек Лондон. — Голландская доблесть.
А. Аттлев. — Ганц Дударь. (Восстание крестьян Германии конца XV века.
А. Андреев. — Свет в потемках. (Рассказы.)
Эмье. — Окровавленная Бретань. (Рассказ).
В. Лазарев. — Жилая земля.

Издательство «Academia». Москва — Ленинград.

Анатолий Наль. — Элегии и стансы.

Издательство МГСПС «Труд и Книга». Москва.

Х. Диамент. — Рабочий профессиональный клуб.
А. Киржниц. — В годы империалистической войны.
С. Гальперин. — Профессиональные союзы Западной Европы в годы войны.
Г. Зиновьев, А. Лозовский, Г. Монмуссо. — Единый фронт в профдвижении.
В. Яковенко. — Экскурсия в мир животных.
М. Лейзеров. — Вечера профагитации. Методика и материалы. Вып. I.
Е. Ламтатидзе. — Записки инспектора труда.
С. Гиринис. — Что такое профессиональный производственный союз. (Изд. 4-ое.)
В. Данилевич. — Рабочее время и отдых.
И. Ребельский. — Вечера вопросов и ответов.
М. Лейзеров. — Массовая профпропаганда в клубе.
Левшик. — Самообразовательные экскурсии.
А. Путятин. — Фабзавком и производство.

Центр. т-во «Кооперативное Издательство». Москва.

М. Рош. — Кооперация и комитеты взаимопомощи.
В. Хижняков. — Кооперация в школе.
А. Лорх. — Улучшение картофеля.
А. Семенов. — Кожевенный завод. Производство юфти и сыромяти.
Е. Введенский. — Пчелы и пчеловод.
XIII съезд Российской Коммунистической Партии о кооперации.
В. Кураев. — Рабоче-крестьянская смычка.
Г. Нефедов и Т. Юдин. — Складское дело.
Справочная книжка для сельскохозяйственных и кредитных товариществ.
С. Маслов. — К вопросу о работе в первичных кооперативах.
А. Меркулов. — Как пользоваться сообща машинами в крестьянском хозяйстве.
А. Земляк. — Кому продать хлеб.
Н. Асеев и В. Маяковский. — Одна голова всегда бедна, потому бедна, что живет одна.

Издательство «Вопросы Труда» НКТ. Москва.

М. Минц. — Труд и безработица в России. (1921 — 1924 г.г.)
Охрана детского труда. Под ред. С. Каплуна.
Проф. Агитон. — Разрешение конфликтов между трудом и капиталом в различных странах.
И. Баевский. — Дома отдыха, санатории, курорты и здоровье застрахованных.
Профессиональные оклады, тарифы и ставки ответственных работников. Сборн. действующих законоположений с комментариями.

Издательство «Работник Просвещения». Москва.

С. Ингулов. — РКП и учительство.

Издательство «Мосполиграф». Москва.

К. Тренев. — Пугачевщина. Картины народной трагедии.
Пьер Бенуа. — Владетельница Ливанского замка. (Роман.)
Р. Доржелес. — Пробуждение мертвых. (Роман).
Кнут Гамсун. — Последняя глава. (Роман.)

Издательство «Ком. Университета им. Я. М. Свердлова». Москва.

В. Познаков. — Квалифицированный труд и теория ценности Маркса.
В. Куйбышев. — Задачи ЦКК и РКИ.
Обзор научно-популярной литературы по биологии. Под ред. Г. Боссе.
Записки ком. ун-та им. Свердлова. Том 2-ой.

Издательство «Мир». Москва.

Искусство и литература в марксистском освещении. Часть I. Общие пробл.
П. Маслов. — Крестьянские движения в России в эпоху первой революции.
П. Маслов. — Крестьянские движения в России до 1905 года.
История философии в марксистском освещении. Часть 2-ая.

Издательство «ВЦСПС». Москва.

Д. Благой и А. Лаврецкий. — Труд и борьба. Профессиональное движ. в художественной литературе.

Издательство т-во В. В. Думнов, насл. Бр. Салаевых. Москва.

Б. Житков. — Наш крайний Север. (Серия популярн. очерков.)
Б. Житков. — Морские звери и морские промыслы.
К. Сивков. — Систематический обзор литературы по вопросам преподавания обществоведения в школах I и II ступ. 1908—1923 г.г.
Н. Бродский. — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах. Часть I и II.
Проф. *Бузук.* — Основные вопросы языкознания.
Проф. Н. Пашков. — Декламационная хрестоматия с научно-популярн. очерком. Законы и правила художественного чтения.
В. Голубков и Н. Пашков. — Некрасов в школе.
Проф. В. Игнатьев. — Исследование физического развития человека.

Издательство «Всероссийского Союза Поэтов». Москва.

Г. Ширман. — Машина тишины. (Стихотворения).

«Московское Театральное Издательство». Москва.

У. Синклер. — Моб. (Комедия).

Издательство «Пролеткульт». Москва.

Альманах Пролеткульта. (1925 г.

Издательство «Мосздравотдела». Москва.

С. Швайцар. — Основные линии борьбы с туберкулезом.
Оздоровление труда и революция быта. Вып. II и III.
Памяти П. Ф. Лесгафта. К XXX-летию научного института им. П. Ф. Лесгафта.
Кожный туберкулез. Труды ин-та кожного туберкулеза.
С. Швайцар. — Диспансер — центр борьбы с туберкулезом.
Г. Дорбужинский. — Диковинная трубка. Сказ о том, как Матвей ради детей бросил носогрей.

Издательство «Академия Художественных Наук». Москва.

Гравюра и книга № 1. (Январь 1924 г.). № 2—3.

Издательство «Прибой». Ленинград.

Н. Розенталь. — Западно-европейское Средневековье. Часть I. Раннее средневековье.

Н. Ленин (В. Ульянов). — Империалистическая война и раскол социализма.

В. Быстрянский.—Систематический указатель к сочинениям В.И. Ленина.

Л. Булгаков. — Материалы для биографии Ленина.

Н. Ленин. — Подготовление большевизма.

Горенев. — Вечер десятилетия войны в клубах молодежи.

Ю. Мартов. — Записки социал-демократа.

А. Тюменев. — Указатель литературы по истории труда.

Н. Андреев. — Рим. (Учебник и хрестоматия).

Красная хрестоматия. -(Изд. III).

Макс Жизмор. — Фигуры. (Пьеса).

Издательство «Брокгауз-Ефрон». Ленинград.

Далтон-План. — В русской школе. Под ред. И. Симонова.

Издательство «Ленинградского Губсовета Профсоюзов».

В. Святловский. — История профессиоцального движения в России.

Издательство «Известий ВЦИК. Ленинград.

И. Гриффин и М. Могилевский. — Труд малолетних и подростков по действующему законодательству.

Д-р О. Бражникова. — Мать и дитя. (Под ред. проф. Отто).

В. Ефимов. — Карикатуры. С предисл. Л. Троцкого.

РАЗНЫЕ.

NEW-YORK. — Deutsch and Garmolinsky.—Modern Russian poetry—Harcour Brace et C-o Ed. The New-York Herald Gribune. (Books) указатель книг.

Берлин. Систематический обзор научной литературы Германии за 1922—1923 г. г. Т. I. Гуманитарные науки. Т. II. Математические, естествоведные и прикладные науки.

Систематический обзор научной литературы Германии за 1914—1921 г.г. Дополнительный том: Библиография научного социализма 1914—1922 г.г. Сост. Эрнестом Драном. Издан по поручению Берлинского представителя НКП через Russisches Volkskommissariat für Bildungswesen in Komission bei «Kniga».

В. Крымов. Радость бытия.

В. Крымов. Детство Аристархова. (Глава из романа.)

Тифлис. — А. Ляйстер и Г. Чурсин. География Кавказа. Изд. Закавказского Ком. Ун-та им. 26-ти.

Смоленск. Труды Смоленских Гос. музеев. Вып. I. Изд. Смоленск. Гос. музеев и Губоно.

Москва. С. Кара-Мурза. Малый театр. Очерки и впечатления. Изд. автора.

Москва. П. Власов-Окский. Синева. (Стихи). Изд. Неоклассики.

Харьков. Красные звенья. Литерат. сборник. Изд. Культ. Комиссии при Вуковепілке.

ПОПРАВКА.

Редакция просит внести поправку в 5-ю книгу «Печать и Революция» за 1923 г. (стр. 255 — 258).

В рецензии Л. Б. Хавкиной о книге *Бетгера* «Десятичная система классификации» (Ташкент, 1922), фамилия автора книги набрана «Бетчер». Следует читать: Бетгер (Е. М. Бетгер, директор Ташкентской Государственной Библиотеки).

Ред.